

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1981

ДЖОНРИД АБДУЛЛАХАНОВ

БАРСА-
КЕЛЬМЕС

РОМАН

*Авторизованный перевод с узбекского
Бориса Рескова*

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1981

Узбекский писатель Джонрид Абдуллаханов известен русскому читателю по сборникам повестей и рассказов — «Приходите на свадьбу», «Чудесные минуты», «Предраассветный край», романам «Дорога», «Ураган». Роман «Ураган» в 1969 году был удостоен премии ВЦСПС и СП СССР на конкурсе на лучшее произведение о рабочем классе.

В своем новом романе «Барса-Кельмес» автор показывает трудную борьбу ученых, лесоводов, простых тружеников сельского хозяйства с пустыней и враждебными силами природы. Произведение охватывает небольшой отрезок времени, всего три года. Но это — решающий период в жизни главного героя романа, молодого узбекского ученого, становления его характера, возмужания гражданина и человека.

ХУДОЖНИК МАРИАННА ЭЛЬКОНИНА

А $\frac{70303-168}{083(02)-81}$ 235—81 4702570200

© Перевод на русский язык.
Издательство «Советский писатель», 1981 г.

КНИГА ПЕРВАЯ

СОВЕСТЬ И ЧЕСТЬ

Над нами искривлен небесный свод,
Но в правде сердца истина живет.
Свеча сгорает, изливая свет,
И для свечи отрады большей нет¹.

А. Навои

С самой весны мечтал Темирджан о том, как наконец вернется в Ташкент, наберет шесть заветных цифр и трубку поднимет Юлдуз.

— Да, это — я. Слушаю вас, — в голосе у Юлдуз звучала холодная вежливость.

— Юлдуз! — потерянно повторил Темирджан.

На другом конце провода наступила пугающая тишина. Только потрескивали разряды в трубке да из глубин эфира доносилось сдавленное радиопение. Потом послышалось шутливое, с приятельским укором:

— Что ж это вы умолкли? Испугались? Вчера вы, кажется, были смелей!

Вот теперь Темирджана охватило смятение. От лучезарных надежд не осталось вмиг и тени. Он топтался в тесной кабине автомата, не решаясь ни трубку повесить, ни еще хотя бы слово произнести.

— Алло! Да кто же это? — девушка теряла терпение, а Темирджан страдал из-за того, что ведет себя по-мальчишески, но назваться был не в силах.

— Да это же я, Юл! — выдохнул он с усилием.

Она узнала его наконец. Голос ее зазвенел обрадованно:

— Так вот кто, оказывается, морочит меня! Ай-ай! А я без того на тебя обижена. Да, да! Девчонки видели

---

¹ Перевод В. Державина.

тебя сегодня в консерватории, но ты, судя по всему, приходил не ко мне: убежал, не дождавшись.

Как много было в этом упреке для того, чтобы у Темирджана отлегло от сердца, и все же он продолжал оправдываться так горячо, будто и впрямь был в чем-то повинен. Рассказывал о том, как искал Юлдуз во всех аудиториях и классах, как даже уборщицы начали коситься на него, потому что консерватория опустела, а он все не уходил. . .

— Ладно,— сжалилась над ним девушка и добавила шепотом: — Главное — ты приехал.

Он воспрянул духом.

— К сожалению, ненадолго, Юл, и повод, как говорится, не самый радостный. Предстоит мне головомойка на самом, наверное, высоком уровне. В доме у вас, я думаю, только и разговоров что обо мне. Честит меня, конечно, Ильдам Джамалович по первое число, а?

Ей не хотелось, очевидно, говорить об этом.

— Что-то я слышала краем уха,— неопределенно ответила она.

— Но пойми хоть ты, Юл: я прав и я не мог поступить иначе. Надо было сказать правду, хотя я понимаю, как больно задел твоего отца, моего учителя. . .

— Не будем об этом, ладно? — сказала все так же тихо Юлдуз. Кто-то, кажется, стеснял ее, и она не могла говорить свободно. Кто — догадаться было нетрудно: сам Ильдам Джамалович Джамалов или того хуже — Гайиб Сарымбаев, любимец профессора Джамалова и непосредственный шеф лаборанта Темирджана Юлчиева.

Даже вспоминать о Гайибе было неприятно, тем более — в сочетании с мыслью, что он, возможно, сейчас там, в доме Джамаловых, рядом с Юлдуз.

Темирджан молча топтался в тесной кабинке. Девушка сама пришла ему на помощь.

— А знаешь, я благодаря тебе пари выиграла,— произнесла она так, будто продолжала беспечный разговор с приятелем.— Помнишь, ты говорил, что старая липа расцветает прежде других. Так оно и вышло.

Он понял ее нехитрую игру.

— В отцовской роще, Юл? Под старой липой?

— Да.

— Приходи пораньше. Завтра же день у тебя свободный?

— Ладно.

— И купальник захвати. Вода в Анхоре сейчас уже совсем теплая.

— Конечно,— сухо согласилась Юлдуз и быстро попрощалась: — Пока!

Она оборвала разговор как бы на полуслове. Вынуждена была оборвать. И все-таки услышал Темирджан то, что радостно встревожило, не давало уснуть до самого утра.

То и дело поглядывал он среди ночи на часы, а едва окно посинело, вскочил на ноги.

Сразу же за воротами обширного парка, огражденного чугунной решеткой, стоит трехэтажное здание института. Построено оно еще до войны и в ту, уже далекую пору казалось, наверное, монументальным. Сейчас можно лишь с улыбкой думать об этом, глядя на оштукатуренные колонны и балюстраду с фигурными столбиками, похожими на две бутылки, приставленные друг к другу донышками. И все же скромное строение это дорого Темирджану. Каждый коридор, каждая дверь неизменно вызывают рой воспоминаний. Здесь слушал он лекции профессоров, среди которых были и весьма именитые и красноречивые, те, что даже о самых обычных вещах умеют говорить так, будто открывают неизведанные миры. Отец Юлдуз — Ильдам Джамалович — из их числа. Здесь до хрипоты спорил он с однокашниками, как понимается сейчас — не о научных проблемах, а о том, что было давно открыто. Но все равно. . . А веселые розыгрыши, а встречи, и случайные, и условленные, то в гулком опрятном вестибюле, то в парке под старыми деревьями, под той самой липой, где нынче будет он ждать Юлдуз. . .

Воспоминания охватывали Темирджана у самого входа, и он всегда замедлял шаги, однако в то воскресное утро он промчался мимо старичка дворника, который поливал из шланга аллеи, вихрем. Дед узнал в Темирджане недавнего студента и, не успев ответить на торопливое приветствие, все же беспрепятственно пропустил молодого человека в парк.

Высокие деревья встретили Темирджана торжественным шумом.

Он поневоле широко раскинул руки, будто хотел обнять всю эту милую сердцу рощу.

Деревья покачивали в ответ ему кронами.

Каждый лист дорог здесь Темирджану. Много лет назад, главным образом — стараниями его отца, профессора Мардона Юлчиева, свезли со всех краев земли, и ближних и дальних, робкие саженцы, посадили их здесь. Люди помогли выжить самым капризным деревцам, и поднялся удивительный лес, где рядом растут дети северных и тропических широт. Между стволов буйно разрослись кустарники, дальше, в глубине парка, чащоба напоминала дикую, едва ли не таежную глухомань. Мгла была наполнена загадочными звуками, пьянящими пездешними запахами, тревожными вскриками птиц, таинственным шорохом ветвей и листвы.

В беспечную пору юности изобрели студенты забаву, в которой, впрочем, был и немалый смысл: кому-то одному завязывали глаза и предлагали, чтобы он по шуму кроны угадал, какой породы дерево, под которое его привели. Темирджан выходил победителем чаще других. В памяти у него хранились собственные приметы: тополя шумят взлетевшей воробьиной стаей, множеством небольших, но сильных крыльев; чинары напоминают горную реку, орешины — огромные опахала; клены печально рассказывают о чем-то безвозвратно ушедшем; ивы напевают тонкими голосами грустную бесконечную песню, а джида доверительно шепчет о сокровенном...

Никому не рассказывал Темирджан о своих приметах: студенты — народ насмешливый, но однажды, когда Юлдуз особенно восхитилась его умением, открыл ей свой секрет. Она посмотрела на него восторженно и восхищенно.

— А знаешь, о чем шепчет эта старая липа? — спросил он тогда, решившись. — Она говорит: «Откройтесь друг другу...»

Юлдуз отвела глаза.

— Вы — первый, — сказала она.

И они произнесли вслух слова, которые каждый давно уже вынашивал в душе.

В том году липа цвела особенно буйно, и оба они опьянели от густого, кожей ощущавшегося медового потока и от первых признаний в любви.

А нынче цвет был еще обильней: в необъятной благоухающей кроне роились пчелы. С дальних гор веял радующий, словно дыхание возлюбленной, ветер. Он нес с собой свежесть и нежную мелодию, напоминающую задумчивый напев ная.

Каждой клеточкой души откликался Темирджан на голоса и движения природы, неизменно прекрасной и непорочной. Он стоял под старой липой уже довольно долго. Чтобы отвлечься от навязчивой мысли: «Придет ли?..» — следил за скворцами, порхающими в вышине с ветки на ветку. Заметил в синем небе ястреба, который самоуверенно кружил, высматривая добычу.

Время остановилось. Темирджан опустился на траву, размеченную солнечными бликами и пахнущую холодноватой ночной влагой, лег на спину, заложив руки под голову. С писком взметнулись вверх стрижи. У самой щеки Темирджана, на высоком, покачивающемся стебле солодки, сидела муравьиная семейка, убежденная в том, что никто ее не видит. Летали, трепеща нежными крыльями, бабочки; то исчезали в густом разнотравье, то появлялись внезапно вновь.

Мир жил. Он был занят собой, своими заботами и радостями. Донесся издалека девичий смех. Захохотали в ответ парни. Затем, в наступившей тишине, чья-то бережная рука тронула струны, и прямо в душу Темирджана полилась трогательная мелодия дутара, заскребала по сердцу, разжигая сомнения.

Сколько пережито душевных мук, сколько надежд взлелеяно. Бывало, едва отпустят заботы, а то и посреди них, встает перед глазами Юлдуз — милый облик, нежный голос; и текут мечты, робкие, правда, как вот этот побег тополя, пробившийся нынешней весной. То ли устоит против первых гроз, то ли поникнет, надломленный...

И все же, оставляя позади темные долгие дни разлуки, шел он неуклонно к этому свиданию, и шаг его был тверд — шаг мужчины, верящего в себя. А вот теперь он неспокоен. И есть, к сожалению, есть причины тому. Редко откликалась она на его письма. И опять же — Гайиб...

С болью перебирал это в памяти Темирджан, и все-таки он был готов простить ей все, только появилась бы она сейчас здесь.

Нетерпеливо поднялся он и, раздвигая кустарник, двинулся в ту сторону, откуда доносился смех и беспечные выкрики, сменившие песню. Безмятежное счастье. Пусть — чужое. Потянуло взглянуть издали.

Но Темирджан успел сделать всего несколько шагов. Непонятная властная сила заставила его остановиться и повернуться.

Она. До боли знакомая, но стала взрослей и еще красивей.

Он не решался приблизиться к ней. Прежде, в мечтах, обнимал эти плечи, сжимал тонкие ладони, глядел в бездонные зрачки... Теперь же Темирджан только выдохнул глухо:

— Вот и встретились.

— Ага,— откликнулась Юлдуз, прикрыв глаза.

У него закружилась голова. Словно во сне, приблизился он к девушке и вдруг ощутил ее руки на своих плечах. Бережно, будто драгоценность, прижал он Юлдуз к своей груди и начал целовать пылающие щеки, шею, плечи. Он был похож на одержимого, решившего излить в поцелуях все, что заставляло его страдать и радоваться на протяжении долгих, долгих дней и месяцев, когда он был в разлуке с ней.

Горячие губы, казалось, пахли мятой и пьянящими запахами свежих цветов. Давно ли душа Темирджана была подобна изнемогающему от жажды полю! Сейчас же — словно благодатный дождь пролился на иссохшую землю, и она с каждым мгновением оживала, набиралась веры и силы.

Они не решались смотреть друг другу в глаза.

Какая-то отважная птица пролетела над самой головой девушки, едва не задев ее крылом. Юлдуз вздрогнула.

— Юл... .

Она вскинула на него взгляд, не лукавый, как в первую минуту, а сдержанный. Лицо ее заливала волна смущения.

Отобрала у Темирджана свою руку, опустила голову и медленно пошла по тропинке к поляне.

А он побрел следом за ней, покорный, ничего не понимающий.

Они вышли на поляну, покрытую весенней зеленью. Трава была густа, поднялась уже высоко и волновалась под легким ветром. Поляна напоминала изумрудное озеро.

Пулями взлетели из-под ног испуганные перепела и чуть поодаль нырнули в зеленые волны. Не пытайся поймать: будут уводить все дальше и дальше от своего гнезда, а потом — исчезнут вовсе. . .

Посреди поляны протекал широкий сай. Быстрый поток сердито подмывал глинистые берега, шумел на ближнем перекате. Юлдуз что-то сказала, обернувшись на миг; Темирджан не расслышал ее слов, но понял, что она велит ему подождать здесь.

Девушка скрылась в кустарнике; вскоре она вышла в купальном костюме и красной шапочке, под которую были убраны волосы. Была она теперь так привлекательна, что Темирджан обомлел. Потом вскочил. Ноги сами понесли его к ней, но Юлдуз с хохотом побежала к берегу и, не останавливаясь, отважно прыгнула в стремительный поток. Вода быстро понесла ее вниз, только красная шапочка мелькала, дразня Темирджана, а он, как на грех, замешкался, раздеваясь. Да и вода, вопреки его ожиданиям, оказалась холодной; она просто-таки обожгла тело, а тут еще прямо по спине больно хлопбыстнула ветка ивы, листья защекотали кожу, вмиг покрывшуюся пупырышками.

Озорной и насмешливый возглас донесся до него. «Ну, держись!» — пообещал Темирджан, принимая ее вызов. Он уже освоился с холодной водой, и она казалась теперь приятной телу, бодрила. В несколько гребков достиг Темирджан середины сая, догнал Юлдуз и под водой ухватил ее за ногу. Она завизжала совсем по-девчачьи, забарахталась, кружась на месте, брызгая в лицо ему водой. Он отпустил ее на миг, и тут же Юлдуз скрылась под водой, а вынырнула у самого берега. Она стояла, хлопая ладонями по воде, дразня его. И снова настиг он ее; и опять она ускользнула. . .

Вода была уже ласкова. Так не хотелось вылезать на берег; однако они устали, Темирджан видел, что Юлдуз тяжело дышит. Не без труда, то и дело соскальзывая

обратно в воду, выбрался он на высокий берег и подал девушке руку.

Они упали в густую траву, раскинув руки, подставив тела горячим лучам полуденного солнца. Юлдуз закрыла лицо косынкой. Он слышал ее дыхание у своего плеча, но, странное дело, его словно и впрямь остудила прохладная быстрая река. С некоторой неловкостью вспомнил он, как полчаса назад ненасытно покрывал поцелуями щеки Юлдуз.

— Юл,— спросил он спокойно,— ты вчера в самом деле не узнала мой голос по телефону?

— Я просто не ожидала, что ты позвонишь в тот же вечер. Привет твой мне передали, я и решила, что в ближайшие дни ты появишься сам в консерватории.

— О ком же ты подумала, когда тебя позвали к телефону?

Она помолчала. Лицо ее было закрыто. Наверное, ей было легче разговаривать так.

— Правду сказать?

— Конечно.

— Отец трубку мне подал. Это он ошибся. Он так сиял, что я решила: опять звонит Гайиб.

— Вот как... — только и проговорил в смятении Темирджан. Отчаяние вновь охватило его. Были, были, к сожалению, причины тому. И немалые. Но прежде чем смириться с безнадежностью, Темирджан решил на последний шаг.

Впрочем, уже около полуночи (он никак не мог уснуть) мелькнула шальная мысль: не позвонить ли ей сейчас? Может, и она не спит? Ему нужно было услышать от нее немедленно — любит ли? Пусть ответит, иначе он с ума сойдет, мучаясь неопределенностью. Он словно забыл о приличиях, о незыблемых житейских правилах и спохватился, уже набрав ее номер. Бросил трубку и побрел домой от будки, приткнувшейся к боку магазина: он звонил из автомата, чтобы не беспокоить мать; она прислушивалась к каждому движению в большом доме, где находились сейчас только они вдвоем.

Встал Темирджан чуть свет. Пытался убить время, заставляя себя завтракать, просматривать газеты. Но кусок в горло не шел, а читая отчеты о вчерашних фут-

больных матчах, он вдруг поймал себя на том, что не понимает, о каких командах идет речь, и что ему глубоко безразлично, какая из них проиграла, какая победила, хотя еще совсем недавно это представлялось чрезвычайно важным.

К знакомому до боли дому в тихом районе, застроенном чистенькими, утопающими в вишневых палисадниках особнячками, он пришел все же в пору, раннюю для визитов. Но томиться не было больше сил.

Он отыскал на косяке у калитки кнопку и нажал на нее. Звонок он не услышал, но дотронуться до кнопки еще раз не решился. Ожидал он, показалось ему, целую вечность. Наконец во дворе послышались шаги и недовольное бормотание: «Сто раз говорил молочнице, чтоб приходила позже...» Калитка резко отворилась. Сам профессор Джамалов предстал перед Темирджаном — располневший, отчего он казался еще ниже ростом, с поредевшими седыми волосами, ниспадавшими на одутловатые щеки. На покатые плечи Джамалова был накинут светлый халат.

Похоже было, профессор узнал Темирджана не сразу, а когда узнал, то выражение сдержанной вежливости, свойственное интеллигентному человеку как бы изначально, сменилось на его обрюзгшем лице неприкрытой досадой. Однако Темирджан не придавал значения этой быстрой перемене: перед ним стоял сейчас ее отец, а не его бывший наставник.

— Здравствуйте, учитель! — с неожиданным для него самого радушием произнес Темирджан.

Джамалов стал пунцовым. Глаза его гневно сверкнули.

— Для вас учителя не существует! — выкрикнул он, страдальчески скривив рот.

В то же мгновение калитка с треском захлопнулась. Темирджан оступело уставился на красную кнопку звонка, напоминающую яростно выпученный глаз. Будто и кнопка приказывала тоже: «Вон отсюда!»

Тротуар около дома был недавно полит. У ног Темирджана стояла лужица; в ней отражалась ветка алычи, перекинувшаяся через ограду профессорской усадьбы, и перистые облачка, медленно плывущие в синем небе. Темирджан следил за отражением, пока оно не исчезло. Мелькнула мысль: не позвонить ли снова? Мо-

жет, выйдет сама Юлдуз? Как можно уйти, не увидев ее, не получив ответа? Но тут же он вздохнул и побрел от профессорского дома прочь.

Лишь после полудня решился он позвонить из кабины на почтамте. Никто не откликнулся. Он звонил каждые полчаса. Наконец, уже под вечер, трубку подняли. Он замер и в тот же миг ощутил гулкий удар сердца: Юлдуз!

И вот они идут вдвоем по широкому проспекту, по обеим сторонам которого растут старые могучие дубы и чинары. Юлдуз беспечно болтает о свадьбе своей подруги, о застольных речах и подарках, но о том, что волнуется Темирджана сейчас, — ни слова. А он мучительно раздумывает вновь и вновь о себе, о профессоре Джамалове, о Гайнбе, и все это, конечно, только в связи с ней, с Юлдуз.

«Что и говорить, оснований для обид у Джамалова не мало: такие надежды возлагал на меня, преемником своим называл во всеуслышание, а я, хотел не хотел, навредил ему славно. Сколько лет стоял Джамалов как памятник самому себе — крупнейший ученый, прекрасный руководитель, а я единым махом едва не столкнул его с пьедестала. Но разве мог я пойти не только против собственной совести — против науки, которой все мы клялись служить честно и беззаветно, против будущего? А оно, будущее, рано или поздно сказало бы то же самое, что было написано в той статье. И в этом случае Джамалову пришлось бы, наверное, куда хуже. Так неужто он, мудрый человек, не понимает этого?

«А вдруг я ошибался? — каждый раз, приходя в своих, словно вертящихся по спирали, рассуждениях к этой мысли, Темирджан холодел, но тут же трезвый голос отгонял сомнения: — Не может быть: за меня — факты...»

И вторая, мучительная мысль с той же настойчивостью возникала вновь и вновь:

«Когда Джамалов открывал калитку, какой-то мужчина мелькнул за его спиной во дворе. Смуглый, в майке, с сильными молодыми плечами. Неужто Гайнб? В такой ранний час, так свободно одет...»

А Юлдуз, сама смеясь собственным шуткам, вела речь о том, как переживал жених из-за того, что не нашлось белой «Волги» для невесты.

— Скажи,— резко прервал ее Темирджан,— Гайиб часто бывает у вас?

— Да ну его, надоел,— не без жеманства ответила Юлдуз.

— А точнее?

— Точнее? — Что-то в тоне Темирджана рассердило ее.— Целыми днями пропадает в доме. Иногда и ночует. В отцовском кабинете,— добавила она, будто сказанное нуждалось в пояснении.

«Так, так... и здесь Гайиб идет к намеченной цели напролом».

А Юлдуз словно угадывала его мысли.

— Хочешь, сообщу еще одну любопытную новость. Гайиб-ака посватался ко мне,— она сказала это и беспечно рассмеялась. А Темирджан остановился, будто на стену наткнулся.— Ну что это ты, Темир? — Юлдуз встряхнула его.— Мало ли кто делает предложение девушке? Это же не означает, что надо выходить за него замуж.

Разговор сник. Они долго шли молча.

— Тебе, наверное, домой пора,— хмуро заметил Темирджан.

— Конечно,— рассерженно согласилась она, попадая в тон ему.

К остановке как раз подкатил троллейбус.

— Твой? — спросил Темирджан.

— Да.

— Тогда — поехали.

В троллейбусе в этот час народу было не очень много, однако сиденья все были заняты, и молодые люди встали посредине.

— Не забудь сообщить о свадьбе,— терзая себя, произнес он.

— Не торопись. Согласия своего я еще не дала.

— За этим, думаю, дело не станет.

— Надо полагать,— Юлдуз, верная себе, уступить не желала.

Темирджан взял ее за руку и посмотрел прямо в глаза:

— А со мной что же было? Игра?

— Ой, рука! Больно! — Юлдуз пыталась вырваться, но Темирджан держал ее крепко.

— Билеты мы еще не взяли, — нашлась она, чтобы освободиться.

— Сейчас, — Темирджан нашарил в кармане гри-
венник.

Троллейбус затормозил. Дверь открылась. Людей на остановке не было, и водитель тут же легонько тронул машину с места.

Темирджан сам не понял, как у него это получилось: он метнулся к выходу, бросил по пути монетку в кассу и громко выкрикнул, обращаясь и к водителю, и к пассажирам:

— За себя я заплатил, а девушке этой все равно, кто за нее платит!

Он проскочил в створки закрывавшейся двери и оказался на тротуаре.

Медленно проплыла мимо громоздкая машина, освещенная изнутри. Темирджан увидел Юлдуз. Девушка припала к оконному стеклу, закрыв лицо обеими руками. Потом показались физиономии двух длинноволосых парней. Оба скабрёзно улыбались, переглядываясь и указывая глазами на Юлдуз. Полная женщина что-то возмущенно втолковывала своей соседке, а та, соглашаясь с ней, кивала головой, украшенной высокой причёской.

Подчиняясь неосознанному побуждению, Темирджан побежал вслед за троллейбусом. На миг Юлдуз открыла лицо, и Темирджан ужаснулся: такая мука была написана на нем.

«Конец. Всею конец», — шептал он пересохшими губами.

Он мчался по улицам, сам не понимая куда. Мелькали прохожие, освещенные подъезды. Потом стало темно. Он забрел в лесопарк. Сел, прислонившись спиной к дереву, и опустил голову на руки.

Так и не мог он вспомнить, сколько минут или часов провел в забытьи. Он и не поднялся бы, даже почувствовав холод, пришедший вместе с темнотой, если бы со-

знание не пронзила мысль о матери: она с ума сойдет, волнуясь.

И медленно, как больной, ступая, Темирджан побрел домой.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Темирджан был единственным ребенком у Мардона Юлчиевича и Хумайрабану. Уже потому семья эта казалась многодетным соседям, а особенно соседкам необычной.

«Уж как лелеет, как бережет Хумайрабану дитяtko свое,— судачили махаллинские¹ кумушки, встречаясь в лавке.— Однако недаром говорят у нас: как глаз ни берегут, а соринка в него нет-нет да попадет...»

Последнее относилось к тому, что маленький Темирджан часто болел, и мать в прямом смысле места себе не находила, пока он не поправится. Дрожала над ним, как над весенним цветком, оберегаемым ревностно и от холода, и от ветерка. Мальчик рос миловидным и тонким, отцу же хотелось, чтобы он был настоящим джигитом: сильным, умелым, зорким, твердым в решениях и поступках. А Темирджан был по-девичьи застенчив, робок; нередко уходил он в свои мысли, становился угрюм, и никакими силами нельзя было тогда заставить мальчика, чтоб он открылся.

— Эх-эх,— вздыхал бывало Мардон Юлчиевич, глядя на задумавшегося в своем уголке Темирджана,— не скоро еще наследник наш станет нашим кормильцем.

Вздохи эти, впрочем, были наигранны. Мардон Юлчиевич и Хумайрабану были далеко не теми стариками из сказки, которые одряхлели и все надежды свои возлагали на единственного сыночка, посланного им на старости лет. Мардон Юлчиевич занимал немалую должность в научном учреждении, готовил докторскую диссертацию, был, ко всему, полон сил и энергии. Тем не

---

¹ Ма х а л л я — квартал в городе.

менее жена, подхватывая его игру, пригорюнившись, отвечала:

— Ума не приложу, как нам быть с сыном; уж лучше бы озорничал, подобно соседским сорванцам. Так нет. Вчера услышал, котенок за дувалом мяукает, — не успокоился, пока не отыскал кошку и не отнес заблудившегося детеныша к ней. А у самого на глазах слезы, как у девчонки. Осенью вот тоже, к примеру: откармливала я, если помните, гусей к праздникам, а тут как раз над нашим домом поутру дикие гуси пролетали. Ну, эти, домашние, понятно, галдят, глядя на стаю. А Темирджан уши ладонями закрыл, чтоб их не слышать, и конечно же снова едва не плачет. . .

Подобные сообщения Мардон Юлчиевич выслушивал все же скорей заинтересованно, нежели огорченно.

— Все наладится, мать, — заключал он, обретая обычный свой тон. — В меня удался сынок.

И впрямь, подобно отцу, был Темирджан худощав, но мускулист. Одинаково широко открыты и зачастую задумчивы были глаза у отца и сына. В остальном же походил Темирджан на отца мало. Был он белолиц, и впечатление это усиливалось благодаря иссиня-черным длинным и гладким волосам, а Мардон Юлчиевич был смугл, что же касается волос, то он шутя признавался, что уж и не помнит, были ли они у него когда, не говоря уже о том — прямые или кудрявые.

«Не лицами схожи мы с сыном, а душами», — говорил нередко Мардон Юлчиевич, и вот это звучало уже вполне серьезно. Одинаковым было их отношение к миру, ко всему, что живет и дышит, будь то крохотная былинка, пробившаяся из-под камней, или могучая, в шесть обхватов, чинара, помнящая, наверное, еще самого Тамерлана.

Был Мардон Юлчиевич из тех ученых, для которых лаборатория — горы и степи. Здесь он проводил свои исследования, собирал материалы и даже докторскую диссертацию свою писал в палатке, за столом, наспех сколоченным из грубых досок. И в молодые годы, и в зрелую жизненную пору, едва подует первый весенний ветер, Мардон Юлчиевич, словно подхваченный им, уже уносится с экспедицией в ближние предгорья, а то — и за далекие перевалы.

Пришло время, и он сказал:

— Собирайся, сын. Поедешь со мной в Арсланбоб.

Хумайрабану перечить не стала, хотя и всплакнула тайком. То хоть с сыном вдвоем оставались, было о ком заботиться, с кем вечер коротать. Теперь же одно осталось: ждать обоих, а потом — провожать снова.

Стоит ли говорить, каким восторгом был охвачен подросток, но в первые же часы путешествия он изрядно поостыл. Невольно подумалось о том, как же нелегко приходится всю жизнь отцу, признанному ученому, кабинет которого месяцами на замке. Грузовик экспедиции, натужно гудя перегревающимся мотором, с великим трудом, метр за метром одолевая горную дорогу, которая скорей напоминала лошадиную тропу, так была она узка и неровна. То и дело из-под крышечки радиатора начинал выбиваться пар, потом, едва заливали свежую воду, начинало что-то тарахтеть в двигателе, и шофер, проклиная все на свете, нырял головой под крышку капота.

От тряски у Темирджана болела каждая косточка, в ушах звенело; Мардон Юлчиевич, глядя на него с сочувствием и тревогой, задержал экспедицию в Базаркургане еще на один день.

От Базаркургана в глубь гор добирались верхом на мулах и осликах. Вот тогда Темирджан оживился. В чистом горном воздухе гулко разносился грохот стремительной реки. Родники прохладными струями сбегали по каменистым склонам. Вслед за мрачноватой тесниной вдруг открывалось широкое пастбище, покрытое свежей зеленью, а за ним — снова скалы с острыми пиками, устремленными в синее небо, подернутое легкими облачками.

Долины были обильно усыпаны валунами, и чудилось, что едва ли не за каждым из них прячутся сказочные существа или, по крайней мере, лохматые медведи. А вон, вдалеке, сошлись в круг женщины, закутанные с головы до пят, и печалются о чем-то. За ними громадятся дворцы и храмы, но подъедешь ближе — все те же скалы и холмы. Потом — ущелье. В нем сыро и темно. Взлетает из-под копыт мула испуганная пичужка, шмыгает в сторону неведомый зверек, шелестит в густой, влажной траве существо, о ком долго потом

будешь гадать: страшная змея то была или кто-то еще неведомый людям?

Будто и нет ущелью конца. Все теснее сходятся скалистые стены, гуще мрак и ощутимей гнетущее дыхание плесени. Поневоле становится жутко. Какое же счастье приносит луч, ударяющий неожиданно в лицо! Словно вышел ты из подземного царства в радостный, живой мир. Обширная изумрудная долина открывается впереди. У оград, сложенных из неровных серых камней, отдыхают в тени телята и козы. Бесшумно вертятся чигирри, доставая из реки прохладную воду для полей. Невысокие дома с плоскими крышами затканы зеленью садов. Ветви орешин, яблонь, персиковых деревьев перекинулись через невысокие изгороди. Протяни лишь руку, и полакомишься вдоволь спелыми, сочными плодами.

Арыки так полны водой, что она даже по улицам растекается. Невысокие ворота усадеб сплетены из ивовых ветвей. У каждой ограды — каменные приступки, встав на них, легче взобраться на коня, особенно — детям, которые здесь с малых лет ездят верхом. А старики, утомившись, присаживаются здесь отдохнуть.

Крутая, изогнутая улица обрывалась недалеко, а сразу за ней, за зелеными сводами, виднелись опять в пойме реки луга, мельничные колеса, пасущиеся кони и ослы, резвящиеся жеребята. Влажный и чистый воздух докатывался оттуда к садам, полным птичьего щебета. В непроглядной листве прятались, перекликаясь, скворцы, то и дело мелькали быстрокрылые стрижи, где-то неутомимо постукивал дятел.

На площадке, усыпанной мелкой галькой, играли в мяч подростки. Они были так увлечены, что не обратили внимания на приезжих. Мардон Юлчиевич окликнул одного из них, судя по всему — заводилу, более плечистого, чем сверстники, уверенно державшегося мальчика лет пятнадцати. Мардон Юлчиевич назвал его по имени — Гайиб — и спросил, благополучны ли его родители — лесничий Сарымбай с супругой. Паренек ответил Мардону Юлчиевичу, что у родителей все хорошо, вскинул на него удивленный и обрадованный взгляд и помчался вниз, к своему дому, возвещая всем на бегу:

— Эй! Енгах-домла¹ приехали!

Когда они подъехали к усадьбе лесника, паренек стоял уже у ворот, встречая их, как подобает хозяину. Он по-взрослому сам протянул обе руки навстречу спешившемуся Мардону Юлчиевичу, а потом с любопытством оглядел Темирджана, сверстника из большого города.

— Гайиб будет тебе товарищем,— сказал Темирджану отец.

Во дворе их встретила дородная женщина в широком ситцевом платье.

— Милости просим, учитель,— пригласила она.— Здоровы ли вы? Благополучно ли добрались? Как поживает ваша уважаемая супруга? Что же она-то сама не приехала к нам погостить? — сыпала она на одном дыхании.

— Дом не захотела оставить,— ответил Мардон Юлчиевич о жене,— а вам и супругу передала большой привет.

— Вай, что у вас там в городе: волки в дом заберутся, если бросить его на недельку?

Она пригласила всех войти и садиться и сообщила, что муж ее, лесничий Сарымбай, совсем недавно вспоминал о своем ученом друге.

— Гайибджан,— велела она мальчику,— зови скорей отца.

Гайибджан, однако, прежде чем уйти, хитро подмигнул Темирджану, пробегая мимо хлева, рывком открыл дверь. В хлеву стояла, понурившись, мышастая стреноженная ослица. Едва завидев ее, ослик, на котором приехал Темирджан, издал истошный вопль. Темирджан даже съезжился от этого страдальческого крика, раздавшегося из-за его спины. На это и рассчитывал Гайибджан. Он усмехнулся и побежал вниз по крутой улице. А рев длинноухих теперь доносился со всех сторон кишлака, и, позабавленный им, Темирджан рассмеялся.

---

¹ Енгах — орех; домла — наставник, учитель. Мардона Юлчиевича называют Енгах-домла, потому что он глубоко изучил все, что имеет отношение к грецким орехам. (Примечание переводчика.)

Жаркое солнце словно растаяло за вершиной горы; облака, слетевшиеся со всего неба, образовали легкую тучу; тень от нее покрывалом ложилась на склоны.

Кишлак, притихший на время зноя, оживал. К дому лесника Сарымбая один за другим подходили соседи. Действовал великий закон людского общения, пришедший из глубины веков и здесь, в этом далеком горном селении, соблюдаемый свято: если к кому-то прибыл гость, каждый почитает долгом своим позвать приезжему руку, послушать, что он расскажет о жизни в других местах, выразить свое уважение к новому в кишлаке человеку. Слух о том, что у лесничего остановился сам Ентак-домла, с которым многие были знакомы раньше, распространился мгновенно.

Казалось, во дворе готовится свадебное пиршество. На раскинутых скатертях были расставлены угощения; парок поднимался над горячими блюдами; в том, что они появились так быстро, тоже не было ничего удивительного.

— Майсагуль, а Майсагуль! — звала хозяйку соседка. — Да будет дом ваш всегда полной чашей! А я вот только-только сняла с огня лагман¹. Предложите гостям, пусть отведают.

Каждая женщина старается приготовить и послать что-либо вкусное в дом, где сейчас гости. А мужчина, как бы ни был занят, зайдет хоть на минуту — поздороваться, пшалу чаю выпить за общим столом, а уходя, произнести от души: «Милости просим к нам, дорогой, хоть завтра, если можете. Рады будем служить вам». Упаси бог отклонить хоть единое приглашение! Обида это страшная. После такого не то что с гостем — с хозяевами обиженный здороваться перестанет. Но Мардон Юлчиевич обычай знал твердо и умел ответить каждому так, что человек чувствовал себя польщенным даже тогда, когда понимал, что ученый гость к нему заглянуть на этот раз вряд ли успеет.

Люди всё подходили и подходили.

— Долго же не были вы у нас, домла. Соскучились мы.

¹ Лагман — мучное жидкое блюдо.

— Спасибо, спасибо, что снова вспомнили о нашем кишлаке!

— Очень рад я видеть вас, учитель. Так много слышал о вас, а встречаться не приходилось,— слова эти произнес высокий черноглазый парень. Мардон Юлчиевич взгляделся в него внимательней, и парень представился: — Меня зовут Базарбай. Родом я каракалпак, учился в Ташкенте, а в Арсланбобе у меня — родственники. Как ни приеду, мне непременно о вас рассказывают. Есть, говорят, такой ученый — бог ореховых рощ. Так уж хотелось мне самому вас увидеть! Едва услышал, что вы приехали, сразу — сюда. . .

— Благодарю на добром слове, брат,— Мардон Юлчиевич положил руку на плечо Базарбаю.

Почтительно приблизились еще двое мужчин, и Мардон Юлчиевич обратился и к ним с обычным приветствием:

— Благополучны ли вы, здоровы ли ваши дети?

— Спасибо, учитель, все хорошо.

Хозяин пригласил всех к дастархану. За угощением завязалась беседа, захватившая всех: Мардон Юлчиевич отлично понимал, что волнует дехкан, и в первую очередь заговорил о видах на урожай.

— Нынче в горных рощах плодов будет много,— степенно ответил хозяин и налил гостю свежего чаю.

Все прислушивались к Сарымбаю с большим вниманием: он работает в Арсланбобском лесничестве; кому, как не Сарымбаю, лучше знать об урожае в горах.

— Дикой черешни — тавалчи было по весне видимо-невидимо. Жаль, собрать ее не успели.

— Это почему же? — Мардон Юлчиевич не мог скрыть сожаления.

— Людей не хватает, учитель.

— А как орехи нынче?

— Не только орехи — яблоки, груши уродились на славу.

— А меда сколько! Никогда еще не были ульи так полны.

— Эх, Арсланбоб, Арсланбоб. . . — Мардон Юлчиевич даже глаза на миг прищурил и покачал головой. — Райское место. Беречь только надо его. У меня душа горит, как вспомню, сколько орешин спилили здесь когда-то богатеи. Мало им было владеть землей, они еще

и хозяйничали на ней по-дикарски. Целые рощи уничтожали и продавали ореховую древесину за золото.

Базарбай удивленно раскрыл глаза:

— За золото, говорите? Неужто ореховое дерево так ценится?

— Нет у нас породы более дорогой,— ответил молодому человеку Сарымбай-ака. Он посмотрел уважительно на Мардона Юлчиевича.— О том, что такое орех, лучше всех на свете знает наш дорогой гость.

Как каждый человек — о любимом деле, мог и Мардон Юлчиевич рассказывать увлеченно и долго об удивительном дереве, называемом то орехом волошским, то грецким, а по-ученому — югланс региа.

— Отец современного садоводства, Иван Владимирович Мичурин, назвал орех «хлебом будущего»,— с удовольствием начал Мардон Юлчиевич, видя, как внимательно прислушиваются к нему все, кто сидел сейчас за обширным дастарханом: и почтенные старики, не раз оценившие на долгом своем веку достоинства ореховых деревьев, и степенные мужчины, уже слышавшие рассказы своего сегодняшнего гостя, но тем не менее открывающие постоянно нечто новое и для себя, а о молодых людях, подобных Базарбаю, или подростках, державшихся, по обычаю, чуть поодаль, и говорить не приходится.— Ореховое дерево — от корней до листьев — сокровище,— вдохновенно продолжал Мардон Юлчиевич.— Судите сами: в плодах ореха чудесным образом соединились все без исключения питательные вещества, которые необходимы человеку. Это прежде всего — жиры и белки. Их в ядре ореха больше, чем в любых других наших плодах: на каждый килограмм — шестьсот граммов жира и двести граммов белка, а остальное углеводы и минеральные соли, без которых нам тоже не прожить.

— Это значит,— сказал Базарбай, просяив от собственной догадки,— если, к примеру, я зазимовал бы один где-то в ближних горах и все пути к селениям были бы отрезаны, я бы все равно не погиб бы от голода, будь у меня хоть два-три мешка орехов!

Как и полагается по обычаю, молодой человек позволил себе заговорить лишь тогда, когда старший на время умолк. Мардон Юлчиевич и в самом деле сделал паузу, воздавая должное горячеей, пряно пахнувшей чуч-

варе¹, которую только что подала на дастархан хозяйка.

— Думаю, Базарбайджан, ты и одним мешком обошелся бы, если бы расходовал орехи бережливо.

Сарымбай-ака, как хозяин дома, вновь обратил внимание на то, что пиала гостя пуста, и налил ему зеленого чаю, запивать которым острые блюда — блаженство. При этом он вдруг озорно подмигнул давнему другу своему и засмеялся.

— Вспомнил я, учитель, о том мешке орехов, который у нас утащили когда-то, — сказал он.

— Да, нынче история эта кажется забавной, — откликнулся Мардон Юлчиевич. — Расскажите-ка о ней друзьям нашим, Сарымбай-ака.

— Во время войны дело было, — начал не спеша Сарымбай-ака. Темирджан и лежавший рядом с ним на курпаче Гайибджан напрягли слух, боясь пропустить хоть слово. — Отправляли мы вместе с учителем сухие фрукты фронтовикам. Повезли на арбе десять мешков кураги да мешков пятнадцать орехов. Дорога была — шайтан ногу сломит. Все же мы добрались почти до самой станции; шагов триста всего лишь не доехали, как ось — пополам. А поезд вот-вот должен подойти. Ну, мы — мешок на плечи и давай таскать один за другим. Время уже позднее, на платформе ни души, мы и оставляем мешки без присмотра. Из сил выбились, но ничего не поделаешь — носим. И вот, когда мы уже почти все перетаскали, вдруг видим издали, один мешок с орехами двинулся куда-то в сторону, будто ноги у него вдруг выросли. Ворнишка утащил! Мы оба — за ним. А тут еще два мешка в разные стороны побежали. Какой из них прежде догонять? Я растерялся было, а Мардон Юлчиевич сообразил: «Режьте мешки!» — кричит мне и сам первый по тому мешку, который волок ворнишка, — ножом! Орехи, конечно, так и посыпались. Мардон Юлчиевич — за вторым, а я — третьего догнал и тоже распорол мешок. Воры, конечно, бежать. Теперь, налегке, им это проще было, а мы потом в темноте на коленях ползали, орешек за орешком подбирали, едва успевали пот утирать; так до самого рассвета и возились, а как солнце взошло, глянули друг на друга и

---

¹ Чучвара — род пельменей.

хохотать: лица у нас — черными и желтыми полосами размалеваны, как у кизыкчи¹ базарных... — Сарымбай-ака рассмеялся, а за ним все, и мальчики в свою очередь — тоже.

— Да,— заметил, посерьезнев, Мардон Юлчиевич,— сады наши немало помогли победе. Один писатель как-то сказал очень хорошо: «Каждое наше дерево тоже воевало». А особенно — орешины,— тут Мардон Юлчиевич снова сел на любимого конька. Он стал рассказывать о лекарственных веществах, которые добываются из ореховых листьев и плодов, об эфирном и ореховом масле, крайне необходимом медицине, о том, как чудесно очищает орешина воздух, а помимо этого — убивает вредные микробы и отгоняет надоедливую мошкарку. Ореховые рощи способствуют образованию туч; мощные корни орешин имеют свойство собирать талые воды, из которых под почвой образуются обширные озера...

Люди слушали и дивились, будто заново знакомились с деревом, привычным с самого детства. Впервые, наверное, осознал в этот вечер Темирджан почти взрослому, как бесконечно сложны самые простые вещи и явления. Ему хотелось поделиться этим своим наблюдением с Гайибом, который лежал рядом, но Темирджану казалось, что его новый товарищ еще, чего доброго, посмеется над ним.

Мать постелила им на айване. Среди ночи Темирджан вскинулся: грохотала гроза, стекла в окнах дрожали так, что казалось, вот-вот они расколются вдребезги. Свиристый ветер то стонал подбитой птицей, то свистел, подобно огромной тростниковой дудке, то ревел, подобно быку, в глотке у которого застрял ком. Молнии зигзагами раздирали небо, освещая все вокруг вспышкой вселенского пожара.

Темирджан приподнялся на постели.

— Не спишь на новом месте? — спросил, просыпаясь, Гайиб.

— Ветер какой... Того и гляди, дом унесет.

— Не трать, у нас еще не такое бывает. Весной как двинется сель², улицы становятся словно реки. И чего

---

¹ Кизыкчи — потешники (соответствует русскому — скоморохи).

² Сель — поток, в котором смешаны вода, глина и камни.

только не несет с собой поток! В прошлом году, веришь не веришь, я лисенка поймал. Недели две кормил его, потом надоело: он все время убежать норовил. Ну, я его и прикончил, а шкуру содрал.

Темирджан бросил быстрый взгляд на Гайиба, и лицо его при свете молнии показалось Темирджану жестоким и хищным. Он даже вздрогнул от ужаса: животное доверилось человеку как спасителю, а он с него шкуру содрал.

— В горах и медведи водятся,— продолжал как ни в чем не бывало Гайиб,— они дупла пчелиные разоряют. Как-то мы страшный рев услышали. Побежали и увидели издали, как здоровый такой медведище по земле катается, а над ним — туча черная, столько пчел. Он отмахивается, а они еще пуще на него налетают. Потом медведь вскочил и прямо на нас. Мы наутек, а он, оказывается, до речки добежал, бросился в воду, и понесло его вниз. А в другой раз мы видели, как медведица забралась на орешину и трясет ветку, а внизу двое медвежат собирают орехи и грызут их, а скорлупки выбрасывают, совсем как люди. . .

— Спите, ребята,— донесся из дому голос Сарымбая-ака.

Гайиб умолк и повернулся на бок. А Темирджан еще долго не мог уснуть. Где правда, где вымысел в рассказах Гайиба? Может, просто хочет посмеяться над городским? Но в том, что Гайиб содрал с лисенка шкуру, Темирджан не сомневался. В тяжкой дреме все мерещился ему несчастный зверек, которому Гайиб полосует острым ножом горло. Вдруг лисенок позвал на помощь. Темирджан хотел кинуться к Гайибу, остановить его руку, но тело отказывалось повиноваться, словно гвоздями было оно прибито к земле. И Темирджан застонал от бессилия.

А утро выдалось чистое и свежее. Надсадно перекликались петухи, коровы словно старались заглушить их своим мычанием. Озорным вихрем промчался табун. Но вдруг в радостный шум горного утра ворвался надсадный женский крик. Он доносился из ближней усадьбы попеременно с плачем детей.

Мардон Юлчиевич недоумевающе взглянул на Сарымбая-ака, но лесник, судя по всему, сам не мог понять, что там стряслось у соседей. Гайиб, а вслед за ним

и Темирджан ринулись на улицу, у калитки их перехватила возвращавшаяся откуда-то Майсагул-апа.

— Идите в дом. Нечего вам делать там! — прикрикнула она на мальчиков.

— Что случилось? — встревоженно спросил Сарымбай-ака у жены. Она ответила так, чтобы слышали только он и Мардон Юлчиевич:

— Айшабу похитили.

— Мда-а,— протянул Сарымбай-ака и добавил, как бы оправдываясь перед городским гостем: — Когда только придет конец этим дурным обычаям?

Майсагул-апа, что-то бормоча про себя, вывела между тем из хлева корову и погнала ее на улицу, в стадо. Пестрая корова с большим выменем двигалась к воротам лениво, то и дело норовя куснуть цветы у дома.

— Иди, иди, ненасытная!

— Когда увезли Айшабу, не знаешь? — спросил Сарымбай-ака.

— Нынче ночью. Все думают на Базарбая. Он, говорят, давно выслеживал Айшабу.

Слова эти долетели и до мальчиков; они сразу поняли, что произошло. У Гайиба при этом странно блеснули глаза, а Темирджан был потрясен и самим событием, с которым столкнулся впервые, и лицемерием, как казалось ему, Базарбая. А каким вежливым казался, как повторял восхищенно, слушая рассказы отца: «Диво дивное, да и только!..» Тихоней прикинулся, а сам в это время черное дело замышлял.

Между тем на улице собралась изрядная толпа. Все окружили женщину с распущенными длинными волосами. Она сидела прямо на земле, была в отчаянии по ней кулаками и истошно вопила:

— О Айша! О моя родненькая! Что с тобой будет теперь?

Однако не все сочувствовали матери и печалились вместе с ней, не все возмущались и призывали строго судить преступника.

— Такое воровство не судом, а свадьбой кончается,— хитровато сощурившись, произнес молодой мужчина и подмигнул своим приятелям. Те загоготали в ответ.

— Ну и пройдоха этот Базарбай,— несколько растерянно повторял худощавый парень.— Как есть пройдоха! Зачастил к нам в кишлак. Родственники, мол, у него

здесь имеются, будь он неладен, а сам — лучшую девушку нашу выследил.

— Поймать бы его да проучить как следует! — прогудел густой голос из середины толпы.

— Уже погнались за ним. Четверо, на лучших конях.

— Эх, молодчик! Другие девицу уламывают, родителям льстят, а этот — раз, и обделал дело.

Женщины произносили привычные утешительные слова:

— Не мучь себя, Айба, не плачь зря. Будет твоя Айшабу жива и здорова. Вот увидишь: завтра же весточку о себе подаст.

— О, проклятый! — в неистовстве воскликнула вдруг Айба. — Из какой преисподней принесло тебя к нам? Провалился бы ты обратно в ад! — Она вдруг оборвала себя и задумалась. Не иначе — над тем, что же в этом случае будет с ее дочерью? — Айша! — воззвала она, но уже без прежнего вдохновения. — Вернись...

— Соседка, — решительно протиснувшись к ней, произнесла Майсагул-апа, — не ваша ли дочь, что ни вечер, посиживала с Базарбаем на камнях у реки? Что ж вы тогда-то помалкивали?

Айба миг умолкла, поднялась и пошла, отводя глаза, к своей усадьбе.

Толпа, посмеиваясь и переговариваясь, расходилась. Вскоре на улице не осталось ни души. Только пение птиц да крики горных перепелов, доносившиеся из ближнего ущелья, нарушали тишину ясного утра.

III

О Арсланбоб! Имя твое тотчас вызывает в памяти голубые склоны, освещенные благодатным солнцем, синие вершины, окутанные кисеей палевых на рассвете туманов, прозрачные воды живительных источников, шумные водопады, обжигающе холодные потоки, сбегаящие в долину с далеких ледников, мягкий бархат арчовых рощ, бескрайние пастбища, золотые плоды на щедром дастархане по осени и прозрачные нежные краски весенних пейзажей. И все это — как счастье и обещание нового счастья.

Околдовывает Арсланбоб, тянет к себе человека вновь и вновь, настойчиво будит воспоминания о мгно-

вениях, которые истинно — самые отрадные, будит мечты и жажду сказки наяву. Они и впрямь сказочны — уединенные уголки этого горного края; загадочны леса, где между стволов вся земля в странном переплетении ветвей, тут и черемуха, и олеандр, и травы, пришедшие из глубины тысячелетий; таинственны гроты, куда, кажется, до тебя никто еще не входил.

Темирджан был счастлив. Впервые ощутил он полноту жизни и понял, что чувство это рождено предельным слиянием с природой, а только она дает человеку радость постижения самого себя. По-настоящему осознал он теперь, какая неодолимая сила поднимает с первым весенним ветром его отца, человека уже немолодого и в последнее время — не очень здорового, и уводит из удобного жилища и спокойной обстановки к бивачному быту и нелегкому труду.

Мардон Юлчиевич и в Арсланбобе не знал покоя и отдыха. Уже на рассвете взбирался он на четвертую растительную полосу. Так называл он ореховые рощи. Темирджан уже знал и видел, что деревья, травы и цветы на склонах гор расположились полосами: внизу — заросли барбариса, фисташек и миндаля, выше — алыча, яблони и боярышник, потом — урюковые перелески, а над ними — благоухающие ореховые рощи. Усвоил он, наблюдая за тем, как работает отец, что двух одинаковых деревьев нет, как не бывает одинаковых людей. В том и состояла суть занятий Мардона Юлчиевича, что он находил наиболее приспособленные к жизни, дающие самые обильные урожаи особи и тщательнейшим образом изучал их свойства: почему они — лучшие. Толстой клеенчатой тетради не доставало порой, чтоб записать все, что относилось к одному-единственному дереву. Но учесть все было крайне необходимо: лучшие орешины отбирались для ежегодных прививок молодым деревьям. За месяц собралась изрядная пачка тетрадей. Мардон Юлчиевич обложился ими, усадил рядом с собой своих помощников и сотрудников, которые под его руководством вели такие же, как и он, наблюдения, и велел мальчикам, чтобы они в течение недели не отвлекали никого от работы. По чести говоря, Темирджану только того и нужно было. Как только отец засел за стол, поставленный для него в тенистом уголке сада, Темирджан отправился с Гайибом в горы. Впервые — вдвоем,

без присмотра, который столь тягостен в четырнадцать лет.

Он шагал за Гайибом, стараясь не отставать и попадать след в след. Сперва все шло хорошо: Гайиб напевал, шагая, и Темирджан поддерживал его. Идти было весело, и Темирджан уже пожалел о том, что зря весь этот месяц сторонился Гайиба, предпочитая ходить в горы с отцовской группой. Гайиб привел его в такие места, о существовании которых Темирджан и не предполагал. Густые сочные заросли травы и диких, не виданных им прежде цветов достигали здесь груди Темирджана, а Гайиб, который был на голову ниже, порой исчезал вовсе, и тогда Темирджан, оробев на миг, начинал звать его. Гайиб тотчас отзывался, и перекличка эта сама по себе и развлекала их, и сближала: Темирджан словно ощущал нить, которая связывала его со сверстником.

Однако вскоре наметился и разлад. Началось с того, что Гайиб отломил толстую ветку, похожую на саблю, и, со свистом размахивая ею, начал сшибать верхушки цветов, нежные побеги кустарников, подсекать под корень молодые стебли трав, покрытых росой, а Темирджан не в силах был преодолеть то, что Гайиб однажды уже назвал блажью городского мальчика: каждая травинка, не говоря уже о цветке, представлялась ему существом, наделенным душой, и потому — чувствующим и боль и обиду. Гайиб, несомненно, помнил именно об этом, когда, с вызовом поглядывая время от времени на Темирджана, словно казнил растения, с удовольствием уподобляя себя палачу.

Темирджан понимал, что он слабее Гайиба, но все же улучил миг, вырвал у него ветку и швырнул ее далеко в сторону. Деревьев поблизости не было, но Гайиб только усмехнулся и с хрустом переломил ногой первый же куст, ловко наступив на него. Тут же сгреб он в охапку кучу цветов и смял их венчики, вмиг превратив бело-розовые нежные лепестки в противную кашлицу. Ухмыльнувшись, он швырнул ее поверх головы Темирджана в барбарисовый куст.

Конечно же это был прямой вызов, и Темирджан, проглотив вмиг появившиеся слезы, отчаянно кинулся на Гайиба. Тот уже загодя приготовился к драке, а был он в этом деле — первый среди кишлачных мальчишек

мастак. Умело выставил Гайиб колено и кулак, и Темирджан отлетел в сторону. Дыхание у него прервалось на миг, но, едва придя в себя, он бросился на обидчика с еще большей яростью. И вновь он покатился прочь, потому что Гайиб, присев, встретил Темирджана плечом, поддал ему в грудь и легко перекинул через себя.

На этот раз Темирджан отлеживался подольше, а когда, всхлипывая от унижения и боли, поднялся, Гайиба поблизости не было. Это оказалось еще более страшным. Мальчик остался один среди безбрежных зарослей. Все еще всхлипывая, побрел он куда глаза глядят и пришел в лес, где было темно от густых теней и страшно от непонятных голосов и шорохов, доносившихся со всех сторон. Забыв об обиде и самолюбии, Темирджан стал громко звать Гайиба, однако тот не откликнулся. Темирджан поплелся, почти выбившись из сил, по ущелью, правильно все же сообразив, что только внизу может быть тропинка или дорога, однако внезапно перед ним выросли почти отвесные скалы. Он вновь позвал громко Гайиба, но лишь многократно повторенное эхо ответило ему.

Отдохнув немного, Темирджан двинулся вперед, в обход скал, но, едва сделав десяток-другой шагов, замер: рядом с ним кто-то громко чавкал и бормотал, будто бы во сне. Темирджан огляделся и увидел неподалеку свод пещеры. Преодолев страх, мальчик заглянул внутрь и разглядел небольшое мохнатое существо, бочок которого высоко вздымался от частого дыхания. Это же медвежонок! Он напоминал трехмесячного ягненка и безмятежно спал, видя, наверное, свои сладкие медвежьи сны. Забыв на время о своих огорчениях, все же на всякий случай отпрянув, Темирджан не в силах был оторвать от звереныша взгляд. И тут из-за спины его, так неожиданно, что Темирджан в ужасе завопил, вскочил Гайиб, мигом схватил в охапку медвежонок и, не обращая внимания на боль (медвежонок впился в его щеку еще не окрепшими, но острыми когтями, и красные струйки тут же потекли к подбородку Гайиба), помчался вниз, а Темирджан, еще не оправившись от испуга, побежал вслед за ним, и вскоре они оказались на тропе, а за поворотом уже появилось селение, привольно раскинувшееся на склоне горы.

Майсагул-апа, едва завидев оцарапанное лицо сына, запричитала:

— Что это случилось с тобою, сынок мой родимый? — Но тут же она обратила внимание на медвежонка (Гайиб швырнул его в пустой сейчас загон для овец, звереныш начал бросаться на изгородь, заревел охрипшим телком) и крикнула рассерженно: — Ты что это снова выдумал: всякую гадость во двор тащишь. Выбрось сейчас же, не то я сама его в речку кину!

— А я отцу пожалею, — Гайиб не желал уступать.

Благо появился сам лесник. Он расспросил о том, где мальчики нашли медвежонка, и, узнав, что логово находится неподалеку от кишлака, вмиг посуровел и велел Гайибу, правда, не очень настойчиво:

— Ты бы отнес его обратно, а, сынок? Не надо мучить звереныша, да к тому же и медведица может за ним прийти.

— Ну! — Глаза Гайиба вспыхнули. — А можно мне, отец, взять ваше ружье, если она появится?

— Не говори глупостей, — отрезал Сарымбай-ака. — По-твоему, убить медведя — все равно что муху прихлопнуть? Отнеси за скалы и выпусти там. Понятно тебе?

— Скоро стемнеет, отец, я боюсь, — легко солгал Гайиб. — Пусть он побудет у нас до завтра.

Тут к усадьбе подъехали двое конных и позвали лесника. Он поспешно отправился седлать своего коня, а Гайиб, обрадовавшись, занялся медвежонком. Темирджан, конечно, тоже не отходил от него. Мальчики поставили перед зверьком молоко в глиняной чашке, положили яблоко и персик, но медвежонку есть не стал; он отступил в глубь загона и исподлобья следил за ребятами. Шерстка на его загривке поднялась дыбом.

Так и не притронулся он к пище, но среди ночи Темирджан проснулся от громкого чавканья. Он высунул лицо из-под москитной сетки и увидел, что медвежонку забрался на опоры виноградника, на которых висела корчага с топленным молоком, и жадно лакает из нее.

Гайиб крепко спал, и Темирджан не стал его будить, хотя ему очень хотелось, чтобы еще кто-нибудь понаблюдал вместе с ним за этим забавным зрелищем. Темирджан попросту опасался, как бы Гайиб вновь не учинил чего-нибудь злого.

Весь день они возились со зверенышем. Он уже начал брать печенье и яблоки, и мальчики потешались, глядя на то, как он ест, играет с палкой и мячом, но, едва солнце склонилось к закату, отчаянные протяжные крики огласили кишлак. Захлебываясь, лаяли повсюду собаки.

— Опять какой-то Базарбай какую-то Айшабу украл,— посмеиваясь, как взрослый, предположил Гайиб.

Однако в то же мгновение во двор влетела бледная как полотно Майсагул.

— Прячьтесь! — отчаянно завопила она и прежде всего подтолкнула в спину сына, не забыв наградить его мощным подзатыльником.— Доигрался, непутевый! Накликал беду.

Она затолкала мальчиков в дом и заперла дверь на засов. Мардон Юлчиевич в отведенной ему комнате укладывал свои вещи, готовясь к отъезду в город. Он услышал шум и сразу же понял, что медведица явилась за своим детенышем. Отбросив засов, он, прежде оттолкнув не без труда от двери грузную хозяйку, выскочил во двор, схватил медвежонка и понес его на улицу.

Темирджан сам не понял, как это случилось: он выбежал вслед за отцом, догнал его и, вцепившись в рукав Мардона Юлчиевича, заорал что было силы:

— Не дам! Он мой. Я его нашел!

— Оставь, сынок! Ты что, не понимаешь: медведица тут такого натворит...— Мардон Юлчиевич бросил медвежонка подальше от усадьбы и захлопнул калитку.

Звереныш, учуяв издали мать, смешно заковылял навстречу ей, а черная медведица издала радостный рев и огромными прыжками кинулась к детенышу. Она обнюхала его, облизала ему мордочку, а он тыкался носом ей в ухо, будто хотел о чем-то рассказать по секрету. Тут же медведица повернулась и зашагала обратно в горы, а медвежонок торопливо побежал за ней.

— Ну, как говаривали в старину, хвала аллаху,— с облегчением произнес Мардон Юлчиевич.— Кажется, пронесло...— И вдруг он яростно закричал, обернувшись: — Не смей! Брось сейчас же!

На крыше стоял Гайиб со старым отцовским ружьем в руках: он все-таки отыскал его и незаметно от матери вылез через окно из дома. Теперь он целился в медведицу, не обращая внимания на крики Мардона Юлчиеви-

ча. Тот бросился в комнату за своей берданкой, таща за руку Темирджана. Было ясно: если Гайиб ранит медведицу, она кинется обратно в кишлак, убивая в ярости всех, кто встретится на пути, и будет бушевать, пока ее не пристрелят.

Видно было, как в соседних усадьбах появились мужчины с ружьями в руках, однако никто не стрелял, памятуя о священном законе гор: зря зверей не тревожить и не сердить; жить в мире с ними. Только Гайибу было все равно. Он прищурился и нажал на спуск. Потом — на другой крючок. Выстрела не последовало. Лесник Сарымбай хорошо знал своего сына: уезжая из дому, он никогда не оставлял в патронах заряды.

А медведи, большой и маленький, уходили все дальше. Теперь многие мужчины вышли на улицу и провожали их взглядами. Впрочем, время от времени люди переговаривались, не скрывая осуждения, посматривали на дом лесника. Гайиба это будто и не касалось. Он спрыгнул вниз и, насвистывая, пошел во двор, где на него со злыми упреками обрушилась мать, но Гайиб не очень ее страшился. Он был старше Темирджана всего лишь года на два, и потому независимостью его можно было бы по-мальчишески восхититься, но Темирджан почему-то не ощутил ничего похожего на зависть.

Ему хотелось домой.

IV

А в городе он впервые почувствовал властный зов гор. Он упрашивал Мардона Юлчиевича, чтобы тот взял его снова с собой в Арсланбоб, но отец был немало встревожен тем, как глубоко и долго переживал Темирджан события, происшедшие тогда в кишлаке, и каждый раз находил предлог, чтоб отказать сыну. Дошло до того, что Темирджан задумал убежать в одиночку, хоть на недельку, и все выбирал удобный случай, но осень сменялась зимой, весна пролетала, как короткий миг, летом начиналось купание в Анхоре, полеживание с книжечкой в тени, такое блаженное после учебного года! — и Арсланбоб отодвинулся далеко в прошлое, в страну детства. Но остался в душе навсегда.

Пока же Темирджан стал настоящим джигитом, стройным, рослым, с черной полоской над верхней гу-

бой. Он отлично окончил школу, а путь в будущее был predetermined: конечно же — факультет лесного хозяйства.

Еще до начала учебного года для всех, кто успешно выдержал конкурсные экзамены и был зачислен в институт, устроили вечер встречи со старшекурсниками и выпускниками минувших лет. В просторном зале встречались товарищи и подруги — и те, кто расстался на время летних каникул, и те, кто порой не виделись много лет — люди, которых время неумолимо пометило сединами. Первокурсники невольно робели среди этой суеты, гомона, смеха, шуточных восклицаний. Яркий свет лился из больших люстр. Он освещал множество радостно возбужденных, приветливых лиц, нарядные одежды. Старшекурсники вели себя на удивление независимо: на равных общались с преподавателями, вовлекали в шумный круг и заставляли танцевать почтенных профессоров.

Новички, глядя на всю эту веселую кутерьму, робко жались к стенам. Темирджан тоже чувствовал себя неуверенно, хотя дом этот был для него не чужим: отца здесь знали многие. Однако не в его характере было — подойти к кому-либо из солидных людей, которых он не раз видел в гостях у отца, и представиться, напомнив, что он — сын Мардона Юлчиевича. Даже на нескольких надменных старшекурсников, которые скользили по лицу Темирджана равнодушными взглядами, упоминание это произвело бы, наверное, впечатление, но Темирджан как раз пуще всего опасался, как бы кто не узнал в нем сына ученого, известного здесь без исключения всем. И потому он вздрогнул, услышав громкое восклицание, обращенное к нему:

— Клянусь, это — Юлчиев!

К нему обратил смуглое лицо широкоплечий парень, голова которого была украшена волнистой гривой. Парень стоял в окружении студенток, и все они одинаково восхищенно ловили каждое слово его, то и дело откликалась звонким смехом. Сейчас все они, как по команде, взглянули на Темирджана, и он невольно покраснел.

— Да не робей ты! — парень уверенным шагом хозяйина приблизился к нему и подал крепкую ладонь. — Не узнаешь?

— Никак, Гайиб?

— Он самый! — Гайиб сверкнул улыбкой, обернулся на миг к своим девушкам и жестом дал им понять, что просит, дескать, прощения, но вынужден оставить их ненадолго: давнего друга встретил. Все они почему-то и теперь расхохотались.

Темирджан не без зависти оглядывал Гайиба. Ничего не скажешь: видный парень. И одет изысканно: иной городской шеголь позавидует.

— А ты почти не изменился,— Гайиб хлопнул его по плечу, явно желая, чтобы Темирджан ощутил силу его руки.

— Вы тоже учитесь здесь? — спросил Темирджан. Гайиб самодовольно ухмыльнулся:

— Завершаем, брат, скоро. Понял? А ты, кстати, на какой факультет поступил?

Темирджан быстро прикинул в уме, что Гайиб всего на два года старше его, значит, от силы перешел он на третий курс, но как выражается: «Завершаем...» Это, мол, не азы, которые вам предстоит на первом курсе одолевать.

— Я на лесное хозяйство поступил,— ответил он, и Гайиб, чуть помрачнев, откликнулся:

— Как же я не догадался! По стопам отца пошел. Молодчик! — Он посмотрел на Темирджана с некоторым оттенком уважения и даже зависти.— А я, брат, хлопководством увлекся. Самая перспективная область,— сообщил он так, будто Темирджан без него не знал об этом. Он заговорил о хлопке, словно лекцию читал, но вдруг оборвал себя на полуслове и сразу потерял интерес к Темирджану.— Прости,— сказал он, весь уже поглощенный более важной задачей,— мне тут надо учителя поприветствовать.— И он кинулся навстречу профессору Ильдаму Джамаловичу Джамалову, которого и Темирджан узнал сразу же. Поздороваться с одним из виднейших в институте светил спешили многие, но Гайиб как-то очень незаметно, но ловко сумел опередить всех, принял у профессора шляпу и плащ, справился о здоровье, получил в ответ благодарный кивок и, счастливый, умчался к вешалке.

Как только явился Джамалов, всех пригласили в большой зал, а профессор уселся за столом президиума, в самой середине его.

Выступали студенты старших курсов. Они поздрав-

ляли новичков с поступлением в один из лучших вузов Ташкента. С большим интересом слушал Темирджан, однако, тех, кто с юмором делился опытом студенческой жизни, давал шутливые советы первокурсникам: «как, не поднимаясь до четверки, не опуститься до двойки; как уберечься от влюбленности в период весенней сессии; как вытащить «счастливый билет» на экзамене...» Все без исключения, профессор Джамалов — в том числе, откликались на эти выступления одобрительными аплодисментами. Профессор веселился даже тогда, когда какой-то носатый выпускник, сам ни разу не улыбнувшись, рассказывал так смешно, что зал от хохота стонал, как два года назад Джамалов трижды выгонял его с экзамена, приказывая подготовиться лучше, а потом, ничтоже сумняшеся, поставил «хорошо». Нахальный студент сунул как-то на ходу профессору свою зачетку и сказал: «Вы забыли поставить отметку, домла...»¹

Наверное, дело обстояло не совсем так, но все равно всем было весело, и носатого не хотели отпускать с трибуны, требуя новых подробностей, причем сам Джамалов вступил с ним в шутливый спор. Одного лишь Гайиба эта сцена почему-то раздражала. Когда Джамалов под одобрительный шум зала поднялся, подошел к носатому и подал ему ладонь, публично благодаря за урок, Гайиб не выдержал, встал и, потащив за собой Темирджана, вышел из зала.

— Не по душе мне все эти представления, — признался он в коридоре, — пойдем-ка лучше, я покажу тебе, где ты будешь пять лет обретаться. — Он переходил уверенно от двери к двери и давал пояснения: — Вот здесь наш большой хурал собирается (на двери было написано — «преподавательская»), а рядом — келья (здесь висели таблички — «профессор» с указанием фамилии), а сюда тебя, мой юный друг, пригласят, когда у тебя появится первый «хвост», — сказал, подмигнув, Гайиб, когда они подошли к деканату.

Между проемов висели длинные стенгазеты с яркими рисунками и карикатурами. Под ними были стихи, и Темирджан остановился, заинтересованный.

— Авторы у нас указывать почему-то не принято, — как бы между прочим заметил, глядя на восхищенного

---

¹ Домла — обращение к ученому человеку.

и улыбающегося Темирджана, Гайиб, и стало сразу понятно, что именно он сочинил самые остроумные и забавные стихи.

С еще большим удивлением посмотрел Темирджан на Гайиба, но главное, как он вскоре понял, было еще впереди. Гайиб привел его в небольшую, но, видно, дорогую ему аудиторию. В ней было темно, только бродили по полу квадратные тени от уличных фонарей. Без труда отыскал Гайиб выключатель, щелкнул им, и комната ярко осветилась. Столов здесь было немного. Один стоял у самых окон. Гайиб сел за этот стол и жестом предложил Темирджану присесть рядом. Он вытянул руки перед собой и небрежно произнес:

— Отдохнем на родимом местечке.

Взгляд его между тем шарил по поверхности стола и остановился на выцарапанном изображении сросшихся черенками вишенки. На одной из них была буква «Г», на второй — «Ю». Темирджан конечно же сразу понял, что означает этот нехитрый символ, и усмехнулся, взглянув искоса на Гайиба, но тот словно был занят совершенно иными, далекими от игривых мыслями.

— Добьем скоренько курс наук,— произнес он, деланно вздохнув,— сочиним диплом о пользе поливов тонкой струей да по глубоким бороздам и подадимся в аспирантуру.

На этот раз Темирджан посмотрел на Гайиба даже с некоторым недоверием: а не хвастун ли ты, мой давний знакомый из горного селения Арсланбоб?

— Вы, наверное, с первого курса отличник,— высказал он предположение, не утрачивая, однако, почтительности к собеседнику.

Гайиб искренне расхохотался в ответ.

— Отличные оценки нужны тому, кто любит радовать дедушку и бабушку.— Он посерьезнел снова и доверительно наклонился к Темирджану:— Для успеха, мой юный друг, важно совсем, совсем иное.— Что именно, он сказать не решился, но немного погодя все так же небрежно сообщил, что профессор Джамалов называет его любимым учеником и что он, Гайиб, единственный на курсе, кого профессор время от времени приглашает в свой дом или на дачу. Правда, Гайиб не сказал — зачем, а Темирджану было известно, что на даче студенты не только умные беседы с учителем ведут, но,

случается, и картошку окучивают. Отец Темирджана, Мардон Юлчиевич, не раз корил за такие вещи своих коллег.

— Значит, все у вас уже решено,— произнес неопределенным тоном Темирджан,— диплом, аспирантура...

— Докторантура и Академия наук! — подхватил шутливо Гайиб, хотя глаза его были вполне серьезны. Снисходительным театральным жестом положил он ладонь на плечо Темирджана.— Можешь быть уверен, что и о тебе я не забуду тоже. Каждый человек должен иметь рядом с собой надежного сподвижника.

«Вот те и на,— думал Темирджан даже в некоторой растерянности,— кто мог бы подумать, что смуглый заводила кишлачных ребятишек замахнется на подобные высоты? — А в том, что Гайиб и впрямь изложил ему сейчас свою жизненную программу, сомнений не оставалось, невзирая на наигранный шутовской тон, которым все это произносилось.— И модный костюм сидит на нем как влитой...»

— Медвежонка помните, которого я тогда нашел? — спросил, улыбнувшись, Темирджан. Ему хотелось отойти от высоких тем.

— Еще бы! — живо подхватил Гайиб.— Отец, когда возвратился из лесу, задал мне такую трепку: и за ружье, и за то, что я звереныша в кишлак приволок,— вовек не забуду. Шутки шутками, а не отдай тогда Мардон Юлчиевич детеныша медведице, она бы полкишлака разорила.— Он вновь посмотрел на Темирджана снисходительно.— А ты, помню, тогда из-за этого случая в уныние ударился. Из-за всего ты переживал. Как раз тогда же и Базарбай увез ночью Айшабу... Ты-то страдал куда больше, чем мать. Она знала, что у них все договорено. Поголосила для виду и чай пить пошла.

— А сейчас-то как они?

— Превосходно. Он — на партийной работе, а она, я слышал, окончила биофак и сейчас — научный сотрудник в каком-то институте. Вот так-то, брат, поворачиваются некоторые ужасные события.— Гайиб похлопал смутившегося Темирджана по плечу и вдруг спросил, как бы походя: — Родитель-то твой как поживает? Говорят, ему после защиты докторской большую должность предлагали?

Вопрос этот, казалось бы самый обыкновенный, по-

чему-то покоробил Темирджана. Он насупился и произнес в ответ нечто неопределенное о том, что не принято, мол, у них в семье обсуждать такие дела за обеденным столом, а потому он — не в курсе.

— Ну и лады! — беспечно воскликнул Гайиб и тут же наклонился к Темирджану, подмигнув по-заговорщицки: — Как смотришь на то, чтобы девчонок сейчас в буфет пригласить? Короче: финансы у тебя имеются?

Покраснев, Темирджан извлек из кармана трехрублевую бумажку.

— М-да, не густо, — сказал Гайиб, однако деньги взял, подчеркнуто небрежно добавил к ним еще червонец и сунул за платочек, выглядывавший из накладного кармана. — Пошли, — произнес он тоном, не допускающим возражений, и Темирджан, сам не понимая почему, покорно последовал за ним в вестибюль, где, в ожидании начала танцев, гудел молодой оживленный народ.

У колонны стояли две девушки. Темирджан уже видел их нынче вечером, когда они, от восхищения раскрыв подкрашенные рты, ловили каждое слово Гайиба. Сейчас они еще издали разулыбались, потряхивая распушенными по плечам волосами. Рядом с девушками стоял невысокий угрюмый парень. Он помрачнел еще более, когда увидел, что Гайиб не один.

Однако Гайиб не придал ровно никакого значения тому, что этот парень чем-то недоволен. Он, будто и не заметив его, обратился к девушкам, подражая стихам Хайяма:

— Лишь на короткий миг пришли мы в этот мир...

— А коли так, да будет вечный пир! — откликнулись они в один голос со смехом.

То, очевидно, была привычная в этой компании шутка.

— Ну, а ежели — по-серьезному? — спросил Гайиб, поочередно заглядывая девушкам в глаза.

— А по-серьезному — мамочка не велит.

— И в газетах пишут: можно веселиться и без выпивки.

И все же вскоре они уже сидели за столиком; угрюмый парень, получив от Гайиба деньги, все так же молча принес шампанское и пирожные, Гайиб ловко откупорил бутылку, прежде попугав девушек, что вот, мол, сейчас выстрелит пробкой в потолок, умело разлил пе-

нистое вино в стаканы и предложил первый тост за нового студента и железного парня — Темирджана¹. Он сделал глоток, и стакан опустел наполовину. Девушки лишь прикоснулись губами к стаканам, но, Темирджан заметил это, не без удовольствия. Темирджану шампанское нравилось, и все же, не зная, как вести себя сейчас, он тоже отпил совсем немного. Тем не менее у всех сразу же настроение поднялось. Гайиб сыпал шутками и анекдотами, и не просто так, а все кстати, к слову. Темирджан смеялся вслед за девушками, и молчаливый парень улыбнулся тоже. И все-таки чувствовал себя Темирджан скованно и сам себе казался неловким и глупым, хотя прежде, в мечтах своих, представлял себя в общении с девушками приятным и остроумным человеком. Он и мог быть таким, это Гайиб сковывал его напроочь. Только один он господствовал за этим столом. Между тем обе бутылки незаметно опустели.

— Жить наяву или грезить — все равно, — возгласил Гайиб, вновь подражая восточному эпикурейцу.

— А коли так, тогда пойдем в кино! — подхватили девушки.

Хмурый парень оживился.

— Избавься только от своего балласта, — шепнул он Гайибу, когда они выходили на улицу. — Пусть отваливает.

Темирджан, однако, услышал эти слова, произнесенные с такой неприязнью, что он даже похолодел.

— Замри, — бросил на ходу Гайиб, сжав парня за локоть. — Этот телок мне нужен, понял? — Он все-таки выпил куда больше других, и это сказывалось: Гайибу казалось, что он говорит тихо, на самом же деле даже девушки слышали его и на миг утратили беспечность. — Ты знаешь, кто его папаша? — Гайиб назвал по фамилии Мардона Юлчиевича и добавил, мельком взглянув на ошешившего парня: — То-то...

Не говоря ни слова, Темирджан замедлил шаг.

— Ты что отстаешь, мой юный друг? — спросил Гайиб как ни в чем не бывало. — От шампузы в коленях ослаб?

Девушки хихикнули.

---

¹ Гайиб обыгрывает буквальное значение имени Темир — железо. (Прим. переводчика.)

— Я пошел,— коротко бросил Темирджан и удалился, не оглядываясь, хотя Гайиб и девушки тоже звали его вернуться.

В институте он старался Гайиба не замечать, хотя тот и делал несколько раз — то в читальном зале, то у гардероба — попытки заговорить с Темирджаном. Если не удавалось избежать прямого взгляда, Темирджан кивал Гайибу и тут же поспешно отворачивался, а вообще-то предпочитал держаться подальше от него. Одно удивляло: почему, даже беседуя с ними — первокурсниками, профессор Джамалов нет-нет да упомянет о Гайибе. Вот, мол, есть такой талантливый студент, уже сейчас поражающий серьезным подходом к науке. Было известно, что на республиканском конкурсе научная работа Гайиба была отмечена дипломом. Но иные студенты рассказывали не без осуждения и даже насмешки о том, что к дому профессора Джамалова то и дело подъезжает грузовичок, принадлежащий Арсланбобскому лесничеству, а из него вытаскивают бидоны меда, ящики яблоч, мешки орехов... Может, со зла или от зависти болтали такое, но Темирджану слышать это было неприятно, хотя он и начал догадываться, почему его отец, профессор Юлчиев, не дружит со своим коллегой Джамаловым. К слову, никогда не подчеркивал и не напоминал никому Темирджан, что он — сын «того самого» Юлчиева. Отец внушил ему с детства, что опираться следует лишь на себя самого и на собственные силы свои. На прямые вопросы товарищей Темирджан отвечал (он давно изобрел этот прием) шутя: ты, мол, глянь на меня,— разве может быть у видного ученого такой сынок? Я же зачет по лесоводству сдавал дважды, сами видели.

Это было правдой, однако никто не знал, что Мардон Юлчиевич велел своему бывшему ученику, а ныне — доценту кафедры лесоводства спрашивать с Темирджана вдвое строже, чем с остальных студентов. «Темир мой проходит этот курс с колыбели,— сказал Мардон Юлчиевич.— Уж если он чего не будет знать, тогда позор — мне».

И все же вскоре тайна перестала быть тайной даже для самых непосвященных и сомневающихся. Студенты

проходили практику в ботаническом саду при научно-исследовательском институте, директором которого являлся профессор Юлчиев. Сад этот состоял из редких деревьев, многие из которых впервые прижились в наших краях. На шести гектарах рос удивительный лес, где порою соседствовали те самые сосна и пальма, которые так тоскуют друг по другу в известных стихах. Необыкновенную рощу стремились увидеть, как некую достопримечательность, даже иностранцы, среди них — ученые-ботаники, знакомые со многими чудесами мира. У каждого дерева была здесь своя история, и уж кто-кто, а Темирджан мог рассказать ее во всех подробностях: ведь он следил за многими деревьями с их и своего собственного детства.

Никогда даже мысленно не произносил Темирджан высоких слов о том, что станет достойно продолжать дело отца, но все шло именно к этому, а однажды он уловил какой-то особенно напряженный и внимательный взгляд Мардона Юлчиевича. Тот, глядя на сына, — они сидели после работы на помосте за чаем, а позади была отцовская роща, — словно спрашивал: «Могу ли я все это доверить твоим заботам, знаниям, уму?»

Темирджан тогда впервые увидел, как глубоко запали и потускнели отцовские глаза. Со страхом подумал он, не заболел ли отец, но все обстояло еще хуже: злая болезнь подтачивала здоровье Мардона Юлчиевича уже несколько лет. Он знал об этом, но следовал правилу, твердо усвоенному еще в молодые годы: лечиться — работой. Однако вскоре, хотел или не хотел профессор Юлчиев, ему пришлось обратиться к врачам, а там — начались консультации, лечебницы, и пришел печальный день, когда Мардон Юлчиевич под благовидным предлогом отправил сына из палаты, а сам признался жене, что чувствует: скоро — конец.

Хумайрабану сникла вмиг так, будто небосвод обрушился на ее плечи.

— Пусть ветром унесет ваши слова прочь, отец! — произнесла она задрожавшим голосом.

— Что делать, ханум? Луну полой халата не закроешь. . .

— Я закричу сейчас! — Хумайрабану зарыдала. — Не оставляйте нас сиротами, отец. Даст бог, все еще

обойдется. Вид у вас сейчас лучше, да и врачи говорят — все не так уж безнадежно.

— Не надо утешений. Я лучше врачей знаю, что происходит со мной. Жаль, сына еще на собственные ноги не поставил. . .

Темирджан стоял у двери, держа пачку свежих газет, за которыми ходил по просьбе отца в киоск. Он услышал последние слова отца и вбежал в палату. Он не в силах был больше сдерживать себя; плечи его затряслись.

Мардон Юлчиевич провел ослабевшей рукой по его голове.

— Сынок,— произнес Мардон Юлчиевич, и было видно, с каким трудом дается ему каждое слово,— ты — умный парень, тебе не нужно объяснять, что есть болезни, перед которыми все бессильны. . .

И тут с порога палаты послышался спокойный бодрый голос:

— К счастью, друг мой, Мардон Юлчиевич, с вашим заболеванием медицина обещает справиться.— Это был профессор Джамалов. Впервые за долгое время, в течение которого болел Мардон Юлчиевич, явился он проводить товарища своей далекой юности и пришел не один, а привел с собой виднейшего специалиста, еще достаточно молодого, но уже известного всей республике терапевта. «Вот что значит — навестить больного друга! — было как бы написано на несколько одутловатом лице Джамалова.— Не кулек с апельсинами принести, а оказать настоящую помощь!»

Он был явно доволен собой и ждал восхищенных слов, но Мардон Юлчиевич лишь чуть скосил глаза в сторону двери, где стоял человек, с которым они, идя много лет рядом, были все же отнюдь не всегда — вместе. Одними глазами сказал достаточно выразительно Мардон Юлчиевич, что никто и ничто ему уже не поможет, и единственно, чего он желает сейчас,— остаться наедине с самыми дорогими людьми. Однако медицинское светило смотрело на вещи иначе. Довольно бесцеремонно выпроводил знаменитый терапевт всех из палаты, остался там вдвоем с лечащим врачом, и оба они принялись изучать рентгеновские снимки и осматривать больного.

Профессор Джамалов вместе с Темирджаном и Ху-

майрабану терпеливо дожидались выхода врачей, сидя на жестком диване в коридоре. Джамалов расспрашивал Темирджана о делах в институте, сетовал на то, что парень как бы избегает его, а между тем он знает Темирджана с самого рождения. Тут Джамалов повернулся к Хумайрабану и самым непринужденным светским тоном начал вспоминать, как когда-то именно он, и никто иной, привез ее на своей машине из роддома. «Тогда на весь Ташкент было, наверное, две дюжины личных машин, не больше. . .»

Вскоре, однако, Джамалов начал томиться и ожиданием, и беседой, которая никак не клеилась. Он поднялся и совсем уж весело подмигнул Темирджану:

— Я же, кажется, тоже — профессор?

С этими словами он смело открыл дверь и вошел в палату.

Время словно остановилось. Ожидание стало невыносимым. И вдруг появился лечащий врач и, будто не замечая кинувшихся к нему Хумайрабану и Темирджана, быстро отдал распоряжение старшей сестре. Тут же забегали люди в белых халатах, неся кислородные подушки, шприцы в стерилизаторах. Темирджан прижался ухом к двери, однако голоса Мардона Юлчиевича не услышал. Только обрывки непонятных медицинских терминов, которыми обменивались врачи, долетали до него, да еще — фраза, которую несколько раз повторил профессор Джамалов:

— Скажите, что нужно. Я обеспечу все сейчас же.

Потом наступила жуткая тишина. Пренебрегая всеми приличиями, Темирджан вбежал в палату. Вслед за ним кинулась мать.

Впрочем, никто и не мешал им войти.

Мардон Юлчиевич лежал, запрокинув исхудалое пожелтевшее лицо, обросшее реденькой седоватой щетиной. Глаза его были открыты, но он уже не видел ничего.

И вновь Хумайрабану и Темирджан ехали в личной машине профессора Джамалова. Давно уже были сказаны все ничего не значащие слова утешения. Все молчали, но, прощаясь, Джамалов задержал в своей руке ладонь Темирджана и проникновенно сказал:

— Не знаю, может, потому, что я оказался у poste-

ли отца последним из его друзей, но только он завещал тебя, Темирджан, мне. Просил, чтобы я стал и учителем твоим, и отцом,— профессор на мгновение прижал Темирджана к своему обширному животу, хлопнул дверцей и укатил.

В ту пору, когда Темирджан был угнетен и безразличен ко всему, профессор Джамалов через лаборантку пригласил его к себе.

— Будь мужчиной, Темир,— начал он жестко.— Каждому человеку суждено переносить на своем веку потери, но это не означает, что надо предаваться унынию и только и думать о том, кто ушел от нас. Его не вернешь, к сожалению, а нам, и прежде всего — тебе, надо жить, заботиться о будущем.— Профессор встал из-за стола и прошелся по своему небольшому кабинету. Голос его сделался мягче.— Орел без крыльев — слабее мухи. Ты сильный джигит, Темирджан. Держись молодцом, занимайся учебой, за девушками ухаживай, в конце концов, а? — Профессор по-свойски подмигнул Темирджану.— И матери будет легче, вот увидишь.

Конечно же он был прав. К тому же поддержка профессора Джамалова — великая вещь. Вот хотя бы тот же Гайиб; говорят о нем с осуждением, что он, мол, держится за фалды профессорского фрака, но жизнь складывается у него на зависть удачно: окончил институт и сразу — в аспирантуру, а помимо этого, включил его Джамалов еще и в какую-то научную группу, которая занимается важным исследованием. Глядишь, отхватят высокую премию, и Гайиб — среди ученых, как равный. Кому бы не хотелось — так?

И все же судьба Гайиба не вызвала у Темирджана ни зависти, ни желания подражать ему, хотя возможность двинуться тем же путем была: профессор Джамалов не на словах — на деле заботился о нем. Меньше всего было похоже это на благодеяния или мелочную опеку. Темирджан не посмел бы, случись такое, даже намекнуть профессору на то, что не справляется, к примеру, с лабораторными работами, а потому — не примут ли у него экзамен без предварительного зачета? Тем паче что экзамен — по кафедре Джамалова. Он не решился обратиться к Джамалову даже тогда, когда всех

студентов отправляли в совхоз, на помощь хлопкоробам, а Хумайрабану как раз в это время расхворалась, и Темирджан боялся оставить ее одну. Он попросил соседей, чтобы они приглядывали за матерью, а сам поехал вместе со всеми. Кстати, Джамалов увидел его в совхозе и прежде всего спросил о здоровье Хумайрабану. Темирджан ушел от прямого ответа, поблагодарив профессора за внимание к матери. Джамалов продолжать разговор не стал. Гораздо настойчивей был он в тех случаях, когда речь шла о деле, о науке. Шаг за шагом втягивал он Темирджана в работу кафедры, и вскоре всем казалось само собой разумеющимся, что старшекурсник Юлчиев участвует в конференциях, выступает на ученом совете с краткими, но весьма толковыми сообщениями, печатает в «Ученых записках» «небольшие, но любопытные информации о собственных исследованиях. Естественным представлялось самому Темирджану и то, что он, прежде чем выступить, советовался с профессором, тем более что Джамалов был предельно строг с ним и порою заставлял несколько раз перерабатывать текст или найти новые материалы.

Случалось, они прогуливались вместе по аккуратным аллеям институтского парка. Профессор широко шагал, наклонившись вперед всем корпусом, и Темирджан, сам того не замечая, начинал подражать ему и в манере ходить, разговаривать, спокойно роняя веские слова. Впрочем, во время таких прогулок говорили они о вещах, к науке прямого отношения не имеющих. Джамалов нередко ударялся в воспоминания, рассказывал с юмором и легкой грустью о студенческих годах, когда они с Мардоном Юлчиевичем черствую лепешку пополам делили, но сберегали по полтиннику, чтобы хоть с галерки посмотреть выступление несравненной Тамары-ханум.

В такие минуты профессор представлялся Темирджану истинно великодушным и участливым человеком. Не без некоторого стыда вспоминал теперь Темирджан, что и он участвовал совсем недавно в пересудах о Гайибе и профессоре Джамалове. Теперь ему казалось, что небылицы и сплетни разводили неудачники, которые сами желали бы снискать благосклонность Джамалова, да вот — не вышло, а потому они с досады и злятся...

Однако в дом к себе Джамалов пока Темирджана не приглашал. Гайиб — Темирджан знал об этом — был туда давно вхож. Напрашиваться Темирджан, однако, не желал, но все произошло само собой и весьма неожиданно. Началось с доклада профессора Джамалова о том, как с помощью гамма-лучей обеспечить повышение урожайности хлопчатника. Темирджан прослушал этот доклад как откровение: до сих пор он был убежден, что воздействие радиоактивных излучений на живую материю, тем паче — на семена, всегда губительно, и вдруг...

Никогда еще с такой силой не пробуждалось в Темирджане жившее в нем с детства стремление приобщиться к тайне, к миру непознанного. На удивление смело подошел он после заседания к профессору и без обычных оговорок о том, что вот, мол, просит прощения за то, что отнимает у учителя дорогое время, начал расспрашивать Джамалова о подробностях его опытов с гамма-лучами, хотя видел, что профессор устал и к тому же торопится на какой-то юбилей, о чем он даже сказал Темирджану прямо. Однако и тогда Темирджан не отступил. Вдруг Джамалов сам прервал себя и, оглядев молодого человека, будто видел его впервые, произнес так, как говорят близким:

— Я вижу, тема эта тебя по-настоящему интересует. У меня собран по ней немалый материал; есть и переводные статьи, и рефераты. Заходи ко мне домой, я все это покажу тебе, а заодно — с моими домашними познакомишься.

Не без волнения подошел Темирджан к профессорскому особняку и нажал на кнопку звонка (она была — он почему-то обратил на это внимание — красного цвета). Он все гадал, кто именно, сам профессор или кто другой из семьи, откроет ему, и приготовил на всякий случай несколько приветственных фраз, разных по звучанию, но на пороге неожиданно появилась знакомая Темирджану с детства пожилая полная женщина с пухлым желтоватым лицом и седыми волосами, выбивавшимися из-под косынки. То была тетушка Вотти. Прозвище это давно пристало к ней, как имя, и иначе ни за глаза, ни даже в глаза никто ее не называл.

— Вы тоже здесь? — в растерянности проговорил Темирджан, начисто забыв все тщательно подготовленные слова приветствия.

— А по-твоему, я не вправе находиться в том доме, куда приглашен ты? — не очень любезно откликнулась тетушка Вотти. — Профессор (она произнесла: «пропуск») сейчас подойдет, если ты к нему, конечно?

«А к кому же еще?» — едва успел подумать Темирджан, потому что из-за спины его послышался приветливый голос Джамалова:

— Я уже здесь. Раздевайся, Темирджан, и проходи в кабинет, а вы, дражайшая, принесите-ка нам с моим юным другом чайку, да покрепче, — и, бросив на руки тетушке Вотти плащ, профессор подхватил под локоть Темирджана и повел его в глубь дома.

В комнатах еще стоял запах свежей краски и некоторые вещи были сдвинуты с места, — очевидно, только недавно закончился ремонт, — однако каждый уголок сиял чистотой, в высоких застекленных горках стояла дорогая посуда, с потолков свисали хрустальные люстры; в открытую дверь виднелась спальня с кроватями орехового дерева, накрытыми атласными покрывалами; в гостиной стоял телевизор самой последней марки, пианино поблескивало полированными боками.

В кабинете Темирджану прежде всего бросились в глаза большие фотографии, на которых хозяин дома был снят вместе с видными учеными и другими известными всей стране людьми. Темирджан узнал академиков: Давида Михайловича Михлина, Владимира Анатольевича Энгельгардта, Ольгу Александровну Семихатову, Яркина Халматовича Туракулова.

Глянцем отливали стеллажи, занимавшие все пространство стен, от пола до потолка, и тесно уставленные книгами. Темирджан, словно ребенок, оказавшийся в мире игрушек, смотрел на это богатство зачарованными глазами. Он не удержался от соблазна и прикоснулся, проходя мимо, кончиками пальцев к сафьяновому коврику толстого фолланта.

— Н. Н. Лузин, — с уважением прочитал Темирджан имя автора. Он помнил, конечно, из общего курса математики, что Лузин — автор выдающихся теоретических работ, основатель московской математической школы.

Круг научных интересов Джамалова был, судя по

библиотеке, весьма обширен: только книги по математике занимали целый шкаф. Однако Джамалов подвел Темирджана к другому стеллажу. Здесь на корешках книг значились имена виднейших ученых, занимавшихся ядерной физикой.

— Жوليو-Кюри, Курчатов, Резерфорд, Леонтович, Планк, Иоффе...— с благоговением произносил Темирджан.

— Пора, пора уже тебе, мой друг, вплотную заняться и этими трудами,— приговаривал профессор, перебирая один за другим толстые тома,— но все же, коль ты этим так заинтересовался, я дам тебе почитать не книгу, а пока еще — рукопись.— Он вытащил откуда-то объемистый манускрипт в синем коленкоровом переплете и с некоторой торжественностью обеими руками подал его Темирджану.— Вот, сиди здесь, читай,— с шуточной угрозой профессор поднял палец.— Из библиотеки выносить строго воспрещается! — напомнил он слова традиционного объявления, которое висело на стене институтского читального зала.

Темирджан увлекся чтением и не сразу заметил, как профессор возвратился в кабинет. Джамалов был не один. Вместе с ним вошла миловидная девушка. Очевидно, Джамалов уже успел ей кое-что рассказать о госте. Она посмотрела на Темирджана веселыми глазами; детское любопытство светилось в них.

Темирджан вздрогнул от тревожного предчувствия.

— Вот, познакомься, Юлдуз,— сдержанно произнес профессор.— Это и есть тот самый Темирджан, сынок моего покойного друга Мардона Юлчиевича. Между прочим, Темирджан — один из моих любимых учеников,— с этими словами Джамалов отступил к двери, но Юлдуз догнала его несколько насмешливым замечанием.

— Ох и любвеобильное сердце у вас, отец,— произнесла она, чуть прищурившись.— Сколько их у вас? Любимых...

Джамалов развел в стороны руки:

— Если речь о дочерях, то только две,— откликнулся он с улыбкой.— И между прочим, обе горячо любимые. Одна перед тобой, Темирджан, вторая появится вскоре. Пойду, кстати, посмотрю, где она.

Одета Юлдуз была по-домашнему. На ней было

длинное атласное платье-халат с крупными голубыми цветами. Когда она села в кресло, мягкая ткань красиво обрисовала линии ее гибкой фигуры. На ногах у нее были бархатные домашние туфли с загнутыми кверху носками. Густые, собранные копной волосы Юлдуз были слегка влажны. Очевидно, она недавно вышла из ванной; кожа на открытой шее девушки, казалось, еще тоже не просохла. Юлдуз была одна-единственная на свете. Это Темирджан решил для себя сразу.

Конечно же он стеснялся разглядывать девушку пристально, но все-таки она ощутила неловкость и, чтобы избавиться от нее себя и Темирджана, начала расспрашивать об удивительной роце, которую — Юлдуз и об этом узнала от своего отца — вырастили вместе Мардон Юлчиевич и Темирджан. Он отвечал все еще стесненно, что его заслуги в этом нет ни капли, но, когда начал рассказывать о самых интересных деревьях, голос его окреп, он сам увлекся и девушка, судя по внимательному взгляду ее глубоких глаз, слушала его заинтересованно. Все же и она оглядела его мельком и нашла, что одет он скромно, но с несомненным вкусом, что голубой галстук хорошо сочетается с темно-синим костюмом и светлой рубашкой, а носки его туфель в меру заострены, как требовала тогда мода.

— А вы и в самом деле — талантливый человек, — задумчиво произнесла Юлдуз, когда Темирджан умолк. Вмиг позабыла она о его облике.

— Что вы... Просто учитель слишком добр ко мне.

— И к тому же — скромны, — заключила Юлдуз. — Не знаю, поможет ли вам это в жизни, но в моих глазах скромность — несомненное достоинство. — Однако ей показалось, что разговор принимает слишком серьезный оборот. Она поднялась и, чуть склонив голову набок, сообщила: — А знаете, отец напомнил мне, что мы с вами уже встречались. В далеком-далеком детстве.

Темирджан посмотрел на нее с откровенным изумлением.

— Вы посещали музыкальную школу?

— Было дело, — ответил, пожимая плечами, Темирджан. — Года полтора заставляли меня барабанить гаммы.

— И снова вы скромничаете. Вы в школьном концерте играли Чайковского.

— Боже, как громко сказано! — Темирджан искренне усмехнулся. — Какую-то вещичку из «Детского альбома». Сам уже не помню что. Я же вскоре бросил школу. То, наверное, было мое и первое и последнее выступление...

Юлдуз быстро вышла из кабинета в гостиную и откинула крышку пианино.

— Ну-ка, маэстро, попробуйте! Может, и вспомните тот знаменитый концерт, а заодно — первоклассницу, которая сидела рядом с мамой в первом ряду и глядела на вас, как на живое чудо.

— Почему на меня? Я это — вовсе не из скромности. Там выступали, как мне помнится, по-настоящему талантливые ребята. Некоторые из них стали сейчас знаменитостями в музыкальном мире, а для меня же, вы знаете, то была лебединая песня.

— Так и быть, признаюсь, — Юлдуз не без кокетства отвела взгляд. — Отец утверждает, что после того концерта я весь вечер только и говорила что о черноволосом мальчике с бледным лицом; сама до сих пор помню, что на мальчике том была синяя бархатная курточка с медными пуговками.

— Была, была такая, — согласился Темирджан и добавил, уже смелее поглядывая на Юлдуз: — А запомнили вы меня не потому, что я играл блестяще, а потому, что был очень худым. Вам меня жаль стало, доброй душе: вот, мол, какое изможденное дитя мучают музыкой.

Она пыталась что-то со смехом возразить, но Темирджан опередил ее:

— Просто-напросто, бедная девочка, вы испугались тогда за собственную судьбу: ведь и вас тоже в ту пору уже приковали к этому инструменту... — Он посмотрел ей в глаза. — Но на вас музыка оказала совсем иное влияние.

Юлдуз прервала его:

— Я жду, когда вы сыграете.

С тяжким вздохом Темирджан присел к инструменту, тронул отвыкшими пальцами клавиши и тут же бессильно вскинул руки вверх:

— Смилуйтесь, Юлдузхон. Честное слово, ничего у меня не получается. Да я и забыл, что именно играл тогда, сто лет назад.

— Ах, так! Выходит, я — древняя старуха. Запомним. А пока — слушайте, дерзкий молодой человек.

Она присела к пианино, прошла легкими тонкими пальцами по клавиатуре, взяла несколько вступительных аккордов, и вдруг, после паузы, полилась музыка Чайковского. Она вызывала светлую грусть и обещала радость. Играя, девушка покачивалась, как бы следуя движению музыкальной темы, то откидывала голову, то наклоняла ее к клавишам. Она словно забыла о Темирджане, но все же властно вела его за собой в волшебный, неизведанный мир. Он знал, что Юлдуз учится в консерватории, но не представлял, что играет она так хорошо. Теперь и в его памяти всплыла эта пьеса, с трудом разученная им к экзамену много лет назад. Но как непохоже было то, что пытался извлечь когда-то из инструмента он, на музыку, которая звучала сейчас.

Мощно прозвучал последний аккорд. «Словно гордая птица, завершая жизнь, сложила крылья и ударилась грудью оземь...» — подумал Темирджан.

Юлдуз сидела, бессильно опустив руки. Мгновение спустя она подняла глаза на Темирджана. Печаль и легкая усталость сквозила в них, и губы девушки не казались теперь влажными. Но тут же Юлдуз оживилась и стала прежней.

— За нами прибыл гонец, — весело произнесла она.

Темирджан оглянулся и увидел в дверях совсем еще юную девушку, наверное школьницу-старшеклассницу. Она была похожа на Юлдуз — такие же огромные глаза и яркие губы, но волосы у нее были жестче, мелко курчавились, а лицо было смуглее, чем у старшей сестры.

— Это наша Кундузхон, — представила ее Юлдуз. — С чем пожаловала к нам, юная фея?

— С приятной вестью, — ответила Кундуз, включаясь в игру. — Волшебница Вотти-ханум накрыла для вас дастархан. — Она на секунду прижала руки к груди, поклонилась и отступила мелкими шажками, пропуская старших вперед. Не без любопытства оглядела она Темирджана, когда он проходил мимо.

В большой комнате был накрыт длинный стол. На нем стояла красивая посуда: тарелки и пиалы — фарфоровые, ножи, вилки и ложки — из серебра. Лежали горячие — видно, только что из тандыра — лепешки. Свет играл в гранях хрусталя.

В профессорском доме, в котором вырос Темирджан, обед в будние дни выглядел скромнее. Однако Темирджан не мог и представить, что стол, как говорится, сервирован в его честь.

У каждого здесь было свое постоянное место. Кундуз села с краю, тетушка Вотти — посредине, около супниц, накрытых тяжелыми крышками, украшенными фигурками и цветами. Темирджану она указала место напротив Кундузхон, а Юлдуз оказалась рядом с ним. Это почему-то вызвало у Кундуз смешок, который она, впрочем, сразу же подавила, повинувшись строгому взгляду тетушки Вотти.

Все молчали, и Темирджан чувствовал себя неловко. Тетушка Вотти священнодействовала, заваривая чай: переливала его из пиалы обратно в чайник. Резко отворилась дверь кабинета, вышел профессор Джамалов в светлом халате, собранный, аккуратный, с гладко причесанными редкими волосами. Он сдержанно пожелал всем приятного аппетита, уселся во главе стола, взял вилку, нож, и тут же остальные последовали его примеру. И вновь не мог не отметить Темирджан, что в отцовском доме порядки были куда свободней. Обед в доме у профессора Юлчиева, да еще если присутствовал гость, был самым веселым времяпрепровождением. Отец умел вовлечь в непринужденный застольный разговор, да еще с шутками и анекдотами, всех, и Темирджан слушал разинув рот, забывая о еде, за что, к слову, ему не раз доставалось от матери. Здесь же все, очевидно тоже подчиняясь раз навсегда заведенному ритуалу, сли молча, нарушая тишину только короткими просьбами, обращенными главным образом к тетушке Вотти: положить еще салату, не сыпать зеленый лук в шурпу, налить чаю.

Все это было довольно тягостно, и Темирджан искренне обрадовался, хотя виду, разумеется, не подал, когда тетушка Вотти вышла на звонок и тут же пригласила профессора к телефону. Первой оживилась Кундуз. Она лукаво взглянула на свою сестру и заметила вслух, что обычно Юлдуз бывает разговорчивей.

— О чем бы ты предложила мне поговорить сейчас? — спросила несколько нервно Юлдуз.

— Ну, о всяких там розах, о соловьях. . . О чем говорят в романах молодые люди?

— А ты-то откуда знаешь об этом?

Кундуз изобразила удивление, глаза ее стали вовсе уж огромными.

— Мы это, между прочим, в школе проходим, начиная с седьмого класса, с «Лейли и Меджнуна» и «Капитанской дочки». Понятно? А потом — я телевизор смотрю.

— И напрасно, — строго заметила Юлдуз. — Надо тебя отправлять в постель раньше.

— А ты, между прочим, когда была в девятом классе, все передачи смотрела, а мне нельзя, да? Уменьшая очень.

— Кундуз, веди себя за столом прилично, не то... — произнесла тоном старшей Юлдуз.

— Не то — что? В детскую меня отправишь, да?

Спор этот сперва забавлял Темирджана, но сейчас он решил вмешаться, потому что видел, как огорчается Юлдуз из-за кажущейся невоспитанности младшей сестры.

— Было время, — сказал он, глядя на Кундуз и приветливо улыбаясь ей, — я жалел о том, что у меня нет младшей сестренки или брата, а потом, — тут он посерьезнел, — мне очень захотелось, да и сейчас хочется, чтоб был у меня кто-то старший.

— Была бы такая сестрица, как Юлдуз, вы бы по-другому заговорили, — Кундуз все еще дулась.

— А что, — весело подхватил Темирджан, — по-моему, очень удачный вариант. Только Юлдузхон на роль старшей никак не подходит. Скорее — наоборот.

Теперь покраснела и насупилась Юлдуз, а младшая засмеялась и даже в ладоши похлопала.

Темирджан уже корил себя за неловкость в разговоре и не знал, как выпутаться, но, на счастье, возвратился профессор. Он был одет для выхода и сразу же сообщил, что его вызывают в академию, а потому он приносит свои извинения Темирджану. Если его заинтересовал реферат о гамма-лучах, рукопись в его распоряжении, как и вся профессорская библиотека. Можно приходить в любое время и оставаться допоздна. В остальном же он оставляет гостя на попечение дочек: одна может развлечь его музыкой, другая — познакомить со своим зоопарком. Тут Юлдуз поднялась и сообщила, что ей надо готовиться к экзамену, а слушать, как разу-

чивается новая вещь, даже любителю музыки, наверное, не очень интересно. С этими словами она ушла в гостиную, к пианино. Темирджан не посмел последовать за ней, хотя ноги непроизвольно сделали шаг к двери гостиной, а тут и Кундуз, обрадовавшись искренне, побежала в сад и поманила его рукой.

— Вот и прекрасно,— заключил профессор и попрощался, пожав Темирджану руку.

— Она у нас как этот доктор, про которого мультик показывают,— сказала тетушка Вотти, убирая со стола посуду.— Как его зовут, все забываю?

— Айболит! — донеслось из гостиной, где Юлдуз уже уселась за пианино.

— Ну и пускай! — задорно ответила с террасы Кундуз.— Лучше любить зверей, чем людей мучить.

— На что ж это ты намекаешь, голубка моя? — Музыка умолкла, Юлдуз появилась в окне.

— Сама знаешь.

— Кундуз, я очень хочу поскорее увидеть ваших питомцев! — воскликнул, очевидно чрезмерно заинтересованно, Темирджан.— Сам в детстве подбирал всех брошенных котят и птенцов со сломанным крылышком.

— Правда? — глаза Кундуз зажглись радостью.— Тогда пойдемте быстрее.— И она повела Темирджана в самый дальний угол сада, который, впрочем, был не особенно велик: с десятков фруктовых деревьев, две чинары да высокие пирамидальные тополя у дальнего края ограды. Полноводный арык протекал посредине сада, и это создавало особый уют и рождало хорошее настроение.

Громкий птичий крик донесся из глубины сада, заглушая журчание воды.

— Это — моя дрофа,— так, будто она делится великой тайной, сообщила Кундуз.— Она на каждую тень откликается.

В углу, вплотную к забору, стояла обширная клетка. В ней лежал рыжий лисенок. В глубоком террариуме дремали черепахи. На ветвях висели клетки с птицами. Были тут и попугаи, и перепелки, и канарейки. В отгороженном помещении, похожем на курятник, гуляла та самая дрофа.

— Ах вы маленькие мои! Соскучились,— Кундуз гладила своих питомцев по головам.

У каждого здесь было прозвище, соответствующее характеру или повадкам. Черепаха звалась Засоня, канарейка — Чистюля, лисенок — Стиляга, уж — Зама-рашка.

— Подойдите-ка сюда, Темир-ака,— позвала Кундуз.

В загоне стоял маленький олененок. Он смотрел на людей влажными глазами, дрожа всем своим тельцем.

— Откуда он у вас?

— Вырвала из кровожадных лап одного плохого человека. Он хотел доставить отцу удовольствие, привез издалека этого олененка и хотел зарезать. Представляете? — Огромные глаза Кундуз на миг помутнели от набежавших слез.— Вот такого крохотного — на шашлыки. . .

— Давно он у вас?

— Третий месяц. Уже привык ко мне, но все-таки еще плохо ест.

— Наверное, можно не спрашивать, на какой факультет собираетесь вы после школы?

— Конечно, на зоологию. По-моему, ничего важнее на свете нет. Если долго и внимательно наблюдать за животными, можно открыть тайну жизни, честное слово! — Она взглянула на Темирджана, он откровенно восхищался ее увлеченностью и улыбался хотя и снисходительно, но по-доброму.— Я понимаю: то же самое можете сказать и вы о ботанике. Вы же — растениевод по наследству. У нас в доме часто говорят о вашем отце, о его книгах, исследованиях. У него осталась какая-то важная работа, не то о поливах, не то о целине? — Кундуз неожиданно смутилась, будто спохватившись — не наговорила ли лишнего?

Темирджан был тоже немало удивлен: неужто в доме у Джамалова ведутся разговоры о незавершенном отцовском труде? Он помрачнел от нахлынувших вдруг дурных мыслей и предчувствий.

— Отцовский архив для меня — святая святых,— произнес он хмуро.— Пока я не вправе прикоснуться к записям: не хватает знаний. И вообще, каждое слово, написанное отцом, напоминает снова, что его уже нет на свете, и опять становится больно. Так что вы не сердитесь, Кундуз, но я не могу об этом говорить.

— Что вы! — искренне и горячо воскликнула девушка

ка.— Это вы извините, ради бога, меня, глупую. Но я не хотела, честное слово! — И все-таки Кундуз, которая вначале показалась Темирджану всего-навсего взбалмошной и дерзкой девчонкой, была, оказывается, достаточно зрелым и глубоким человеком. Она, судя по всему, решила высказаться до конца.— Вы только не сердитесь, Темир-ака,— продолжала она, тщательно подбирая слова,— но мне непонятно, почему вы изменили лесоводству и занялись хлопком?

«И об этом знает! — мелькнуло в голове у Темирджана.— Неужто моя скромная особа занимает такое место в разговорах, которые ведутся в профессорской семье?»

— Видите ли, девочка,— он вдруг почувствовал себя намного старше,— жизнь не всегда укладывается в заготовленные заранее программы. Есть тут и заслуга вашего отца, профессора Джамалова: он сумел увлечь меня той проблематикой, которой занимается его кафедра. Мне кажется, здесь я могу со временем сказать и свое скромное слово. Наверное, это лучше, чем плохо подражать моему покойному отцу. Стать вровень с ним я никогда не смогу, а быть худшим он мне и сам не позволил бы. Вот так.

Кундуз упрямо стукнула кулаком по стволу.

— И все-таки вы не правы, Темирджан. Нельзя жить по правилу — куда ветер дует. Может, я грубо выразилась, простите, но мне очень, очень хочется, чтоб вам было хорошо. Сама не знаю почему,— и с этими словами она убежала.

Темирджан стоял в раздумье... Что понимает это дитя? Но если быть до конца честным перед самим собой, она же почувствовала и его собственные сомнения...

Медленно поднялся он на террасу, заглянул в гостиную, где Юлдуз упорно повторяла одну и ту же часть сложной мелодии. Он постучал пальцами о стекло открытого окна. Не отрывая пальцев от клавиш, Юлдуз улыбнулась ему и кивнула приветливо головой.

— Приходи почаще,— сказала она.

Именно так, на «ты».

Он унес с собой ее улыбку, звучание ее голоса, понимая, что привязан отныне к этому дому незримыми нитями навеки.

Казалось бы, если сам профессор Джамалов покровительствовал ему, путь Темирджана, после того как он окончил институт, был предопределен: конечно же — аспирантура, через три года — защита кандидатской диссертации, а там — научная и преподавательская работа на кафедре у Джамалова. Пожалуй, никто из окружающих не сомневался, что именно так все и сложится: логика жизни подсказывала это. Однако Темирджан привык слушаться не только разума, но и сердца. В скольжении по накатанной многими дорожке было, при всей легкости движения, все же что-то крайне унылое для Темирджана. Он не долго томился сомнениями. Подошел к профессору и спросил впрямую: не рано ли ему остепениться, обзаводиться доцентским портфелем, кафедральными обязанностями и читать ежегодно один и тот же курс лекций, благосклонно принимаемый коллегами, которые до сих пор чтут имя его отца — профессора Мардона Юлчиева?

Джамалов, как было свойственно ему в решающие жизненные моменты, оглядел Темирджана так, будто видел его впервые, и неожиданно легко согласился со всеми доводами.

— Ты прав, родной,— произнес он проникновенно,— отец твой завещал, чтоб я помог тебе раскрыть твои способности. Он даже сказал, умирая,— талант. Не стоит теперь скрывать, что именно так высоко он тебя ставил. И конечно же не стану я уверять тебя, что степень кандидата — самоцель, тем более — для такого парня, как ты. Нет, сынок, ты должен стать прежде всего настоящим ученым, исследователем, а степени и звания придут к тебе сами собой, как некое производное.

Темирджан стоял потупившись, смущенный похвалами профессора и не понимающий, что же предложит ему Джамалов взамен аспирантуры, куда Темирджан был назначен комиссией.

— Вот что, родной,— сказал Джамалов после паузы, показавшейся Темирджану вечностью (впрочем, про себя Темирджан уже решил, что оставит хлопководство и вернется к лесам; местечко в том же Асланбобском лесничестве для него, наверное, сыщется? Одно томило: не хотелось уезжать далеко от Юлдуз).— Имеется ва-

кансия в институте физиологии растений,— продолжал профессор, по-отечески глядя на Темирджана,— должность невелика — лаборант, и оклад соответственно скромн, но главное, как мы уже выяснили с тобой, не это,— Джамалов многозначительно поднял палец.— Главное — ты будешь работать в лаборатории, где исследуется воздействие радиоактивных излучений на рост и развитие растений. Понял? — Он положил руку на плечо Темирджана и наклонился к нему.— Я подумал об этой должности еще тогда, когда ты заинтересовался гамма-лучами. Помнишь?

«Еще бы! — пронеслось в голове у Темирджана.— Тогда я впервые увидел Юлдуз».

— Спасибо, учитель,— сказал он вслух,— спасибо, что помните всегда обо мне, но только... — он замялся, и Джамалов взглядом поощрил его: «Продолжай, мол, что ты смутился?» — Но только я не думал, что вопросы эти... ну, что все, относящееся к радиоактивным излучениям в связи с растениями, станет, как говорится, делом моей жизни. Вы же знаете, меня тянет к лесам.

— Лесов у нас в городе, к сожалению, нет,— откинув голову, сухо произнес Джамалов.

«А я и не прошу, чтобы меня оставили непременно в городе», — уже намеревался произнести Темирджан, но профессор опередил его.

— Моя собственная лаборатория, наконец, устраивает тебя? — спросил он тем тоном, которым разговаривают с привередничающим ребенком.

И Темирджан отступил. Недостало мужества ответить отказом, а значит — обидеть. Старшего, уважаемого, заботливого. Однако он и не благодарил. Джамалов отнес это на счет его взволнованности.

— Ты только с виду несколько робок,— заключил он, как бы утешая,— а на самом деле, я же знаю хорошо, ты настойчив, даже упрям. Между прочим, не так уж это худо — наметить цель и двигаться к ней, не отступая перед трудностями. А жизнь предстоит тебе хотя и нелегкая, но интересная,— и профессор со свойственным ему красноречием нарисовал перед Темирджаном захватывающую картину работы в его лаборатории, под ЕГО непосредственным руководством.

Биохимия, генетика... Процессы ускоренного окисления... Условия обогащения фосфором... Методы облущения...

чения, конечно... Мы завтра дадим народу хлопчатник, не боящийся самой страшной болезни — вилта, а вскоре — многолетние растения, приносящие ежегодно по сотне коробочек хлопка... И потом — законы жизни едины и для травинки, и для могучего дуба...

Темирджан ушел от него как во сне.

«Ну что ж, — сказал он сам себе утром, — решено: надо работать не щадя себя, до седьмого пота, до изнеможения. Не для того, чтобы заставить умолкнуть злые языки. Плевать на них, в конце концов. Для науки надо трудиться. Как завещал отец».

А профессор Джамалов на первом же заседании ученого совета объявил, что кафедра снимает рекомендацию, выданную сию Юлчиеву Темирджану. На его место в аспирантуру направляется другой выпускник. И он назвал фамилию студента, не блиставшего успехами, но зато потомственного хлопкороба, отец которого — скромный поливальщик в далеком колхозе. Сообщение это было встречено одобрительно, как и заявление профессора о том, что он считает Юлчиева, пожалуй, наиболее способным из своих учеников, но, к сожалению, еще не совсем определившим круг своих научных интересов. Чтоб помочь ему в этом, чтоб сохранить для науки потенциально необходимого человека, профессор и приглашает Юлчиева на самую рядовую должность к себе в лабораторию, где способный молодой человек будет под его постоянным наблюдением и руководством.

Потом, уже с места, вновь взглянув на Темирджана по-отечески, Джамалов, словно спохватившись, напомнил коллегам, что вот, дескать, все они, и он в том числе, допустили серьезный промах: до сих пор никак не могут создать комиссию по научному наследию покойного профессора Мардона Юлчиевича. Все зашумели, закивали головами, признавая и вину собственную и отдавая дань чуткости профессора Джамалова. Вскочил, поймав взгляд Джамалова, какой-то молоденький кандидат наук, скосив все же разок глаза на зажатую в ладони бумажку, бойко протараторил предложение о составе комиссии, председателем которой был намечен профессор Джамалов, а одним из членов — лаборант Темирджан Юлчиев.

Состав был утвержден без возражений, и Темирджан — он по приглашению Джамалова тоже присутст-

вовал на заседании — промолчал тоже, хотя сама мысль о том, что, теперь уже на вполне законном основании, кто-то будет рыться в отцовском архиве, претила ему. Он вспомнил, что Ильдам Джамалович уже не раз, но все как бы походя спрашивал его об отцовских бумагах: целы ли? Всплыл вдруг в памяти и самый первый разговор с доброй душой — Кундуз в ее «зоопарке»; почему эта девочка вдруг спросила о той работе Мардона Юлчиевича, которая, очевидно, особо волновала Джамалова?

Ему бы сказать, что нет, мол, надобности ни в каких комиссиях; что придет время — и он, сын Мардона Юлчиевича, сам разберется в его наследии и, кто знает, может, сам и завершит то, что начал отец, если речь идет о его главном труде — о лесах в Приаралье.

Но столько здесь было старших, столько авторитетных. И таким участливым родительским взором глядел на него профессор Ильдам Джамалович Джамалов...

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

Дверь приоткрылась да так и осталась распахнутой. В открытое окно лаборатории тут же ворвался сквозняк. Вмиг разворошил он бумаги, лежавшие на дальнем от двери столе; несколько листов вспорхнуло, подобно спугнутым голубям, и прижалось к стеклам. Девушка, сидевшая за столом, вскочила и кинулась ловить взлетевшие бумаги. Ее соседка, одетая, как и все здесь, в белый халат, повернула недовольное лицо:

— Неужто нельзя сразу же закрыть за собой дверь, молодой человек? Здесь работают, а не развлекаются. Темирджан вспыхнул.

— Извините, — проговорил он торопливо.

Хрупкая девушка, которая уже успела подобрать листки и даже прижала их металлической линейкой, взглянула на молодого человека более приветливо.

— Входить надо смелей, — посоветовала она, — даже — в храм науки.

— Но только — не в лабораторию профессора Джамалова, — заметил, отрываясь на миг от микроскопа, широкоплечий сотрудник. Казалось странным, что такой могучий человек занимается столь тонким делом.

Обе девушки переглянулись и засмеялись.

Темирджан не решался теперь сообщить, что профессор Джамалов вот-вот должен явиться собственной персоной. Они шли в лабораторию вместе, но в вестибюле профессора буквально ухватил за полу пиджака какой-то настырный соискатель. Он едва не падал на колени, умоляя Джамалова присутствовать на защите, которая должна наконец состояться на будущей неделе. Профессор, судя по всему, едва ли не забыл, с кем имеет дело, начал расспрашивать нервничающего кандидата в кандидаты о других оппонентах, разговор затянулся, и, повернувшись на миг к Темирджану, Джамалов велел ему идти и дожидаться его «там». Темирджан не понял, что означает это «там», постоял несколько минут в коридоре у двери, но потом все-таки решился и вошел в лабораторию.

У него был один выход: самому представиться, сказать, что он — новый коллега. Он только начал говорить, как широкоплечий парень с любопытством повернулся к нему, и Темирджан узнал Гайиба. «Так вот кто, оказывается, позволяет себе подтрунивать над шефом в его отсутствие?»

И вновь проронил Гайиб едва ли не ту же самую фразу, которую произнес лет пять назад:

— Никак, Темирджан Юлчиев?

— Он самый! — Темирджан искренне обрадовался знакомому лицу. Давние обиды показались глупыми и детскими. Перед ним был явно по-доброму настроенный, благожелательный и к тому же давно знакомый человек.

— Девочки, ребята! Это — наш новый сотрудник, мой друг Темирджан. Не сомневаюсь, в ближайшем будущем — украшение науки.

— Вы всегда были добры ко мне, Гайиб-ака, — отвечал Темирджан, — но я почему-то уверен, что ваше имя прозвучит в науке гораздо раньше.

Худенькая похлопала в ладоши, одобряюще глядя на Темирджана.

— Хусния, — представилась она, — Камбарова.

— А я — Джурахон Дададжанова. И простите, пожалуйста, мою невежливость. Видите ли, к нам без конца заглядывает один тип, которому нет никакого дела до наших исследований. . .

— Зато ему есть дело до очаровательных родинок на щечке одной младшей научной сотрудницы, — заметил Гайиб и подмигнул Темирджану.

Все засмеялись вновь, даже мрачноватый человек, который возился у автоклава. Он тоже кивнул Темирджану, и другие сотрудники поприветствовали новенького и познакомились с ним.

Темирджан почувствовал себя свободней, присел на предложенный ему стул и огляделся. Лаборатория была довольно просторна, но и сотрудников здесь было немало. Пожилая полная женщина кипятила в большой колбе бурюю жидкость. Юная девушка растирала в порошок высушенные листья. Еще одна — ворожила над стеклянным сосудом, вдувая в него что-то через трубку. Двое мужчин обменялись короткими фразами, взглянув прежде на показания электроприборов, а потом, подперев кулаками подбородки, уставились друг другу в глаза, решая, очевидно, одну и ту же задачу.

— Вот ты и вышел в самостоятельный полет, — сказал уже тише, чтоб не мешать товарищам, Гайиб. — Поздравляю с началом. Думаю, года через четыре выпьем у тебя на банкете, когда будешь обмывать кандидатскую степень.

— Не станем загадывать так далеко вперед, Гайиб-ака. Бывает, говорят, помчишься на запах шашлыка, а окажешься там, где клеймят баранов.

— Тебе это не грозит, — возразил Гайиб. — Ты парень с головой. Я потому и обрадовался, когда профессор сообщил, что ты придешь к нам и будешь работать в одной группе со мной.

— Он и мне начал было по пути рассказывать о сотрудниках, да его внизу задержал какой-то настырный человек.

— Значит, он сейчас может войти? А у меня отчет еще не готов. Ой, что будет! — Хусния засуетилась, как школьница перед контрольной работой. Она кинулась к подоконнику, на котором стояла пишущая машинка.

— Позвольте, я вам помогу, — Темирджан увидел,

как она пытается поднять тяжелую «Олимпию» своими тонкими руками.

— Вот ты уже и трудишься, мой юный друг. Похвально. Весьма,— послышался от двери голос профессора Джамалова.— Здравствуйте, девушки, здравствуйте, парни! А я — с добрыми вестями.— Как-то очень непринужденно положил он руку на плечи Хуснии и чуть привлек ее к себе.— Так вот,— продолжал он,— все вы знаете, что я давно ставлю в президиуме вопрос о преобразовании нашей лаборатории в институт. И вот нынче утром я был у президента, и хотя впрямую он мне так ничего и не сказал, но обронил все же несколько фраз, судя по которым с его стороны возражений нет. Значит, если только нас поддержат еще и там,— тут Джамалов указал пальцем на потолок,— считайте, что все будет в порядке.

Все оживились, обрадованно зашумели, но профессор предостерегающе помахал тем же пальцем.

— Об одном прошу: за пределами лаборатории никому ни слова! Вы все знаете, завистников у нас немало, а палки в колеса у нас вставлять умеют. Да и что скрывать: руководству нашего института тоже не хочется, чтоб мы обрели самостоятельность.

— Наверное, учитель, надо сразу идти на самый верх и добиваться одобрения там,— решительно произнес Гайиб.

— Выдержка и терпение — золотое правило мудрых,— возразил профессор, жестом охлаждая его пыл.

Гайиб все же не отступал. Он пожал широкими плечами, всем видом своим выражая крайнее недоумение:

— В конце концов, учитель, мы же стремимся как можно скорее добиться положительных результатов, сделать большое и доброе дело для хлопководства. Так неужто неясно, что нас надо всячески поддерживать?

Уже направившись к двери, Джамалов остановился.

— Легких путей, мои друзья, к сожалению, нет ни в науке, ни в жизни. Но это не дает повода для уныния. Наоборот! Преодолев трудности, добиваются успеха. Именно так звучит одна из заповедей нашей лаборатории. Отныне она становится правилом еще для одного нашего сотрудника.— Он взял под локоть Темирджана и спросил: — Ты уже познакомился с товарищами?

Темирджан не успел ответить.

— Да мы знакомы с ним лет десять, не меньше,— весело сообщил Гайиб.— С детства вместе на медведей в горах ходили. Так, что ли, Темирджан?

— Было дельце,— в тон ему ответил Темирджан.

— Вот и прекрасно,— профессору, очевидно, недосуг было выслушивать рассказы, весьма, как он решил, смахивающие на охотничьи истории.— Я нарочно зашел, чтоб всем представить нового сотрудника Юлчиева, но, коль скоро его, как выясняется, кое-кто здесь знает давно, ему, надеюсь, нетрудно будет найти контакты и с остальными. Желаю успеха! — с этими словами профессор направился к двери.

Конечно же после его ухода все забыли о работе, благо до обеда оставалось всего лишь с полчаса; Темирджан в простоте душевной и не подозревал прежде, что вопрос о какой-то, как представлялось это ему тогда, реорганизации может пускаться на время, но все же оттеснить научные интересы. Но это было так. Даже мрачноватый пожилой сотрудник оставил свой автоклав, а полная женщина забыла о выкипающей жидкости в колбе, не говоря уже о более молодых, которые сгрудились около Гайиба, признанного, очевидно, и здесь заводилы.

— Когда профессор так говорит, я всегда верю в удачу,— восторженно сияя глазами, говорила Джурахон.

Хусния, глядя на нее, вздохнула, всем своим видом выражая сомнение. Это не укрылось от Гайиба.

— Джамалов не из тех, кто спотыкается перед самым финишем,— жестко произнес он, отвечая на молчаливое возражение Хуснии.

Будто сам профессор собственной персоной присутствовал сейчас здесь и произносил эти слова.

II

Между тем из этого общего разговора, посвященного, казалось бы, одной-единственной новости, понял Темирджан, что Гайиб уже досрочно обучение в аспирантуре окончил, но диссертацию защищать не торопится. Суть была, очевидно, в том, что тема, которой занимался Гайиб, представляла первостепенный интерес для народного хозяйства, и профессор хотел, чтобы она бы-

да не только завершена теоретически на основе лабораторных исследований, но и широко подтверждена практикой. Тогда предстоящая защита стала бы для Гайиба не просто благополучной, а триумфальной, что, разумеется, было нелишне и для научного руководителя, профессора Джамалова. Именно потому в распоряжение Гайиба, занимавшего по положению невысокую должность младшего научного сотрудника, была предоставлена немалая группа работников лаборатории; сейчас к ним присоединился и Темирджан.

Он шагал рядом с Гайибом по коридору, где полы были натерты до зеркального блеска. На нем уже был белый халат, такой же, как на всех сотрудниках института. Он мог бы чувствовать себя на равных со многими из них, исключая, конечно, Гайиба. Этому даже иные старшие научные сотрудники не были ровней. Вон ведь, едва войдя в лабораторию, профессор прежде всего подошел к нему, и он, единственный, позволил себе дать Джамалову во всеуслышание совет, как надлежит действовать в сложившейся обстановке, чтобы вопрос о реорганизации был решен быстро и положительно.

— Изысканной пищи в нашей столовке не жди,— говорил громко Гайиб,— ни манты, ни лагман здесь не готовят. Но что-либо более-менее подходящее для нашего брата, думаю, найдется.

После тихой, прохладной лаборатории столовая напомнила Темирджану базар. Грохотала посуда, обедающие громко переговаривались, кто-то с кем-то спорил, кто-то кого-то звал по имени через весь зал.

Темирджан в шутку даже уши ладонями прикрыл.

— Привыкай! — бросил ему Гайиб. Сам он и здесь чувствовал себя в родной стихии. Растолкав довольно бесцеремонно локтями столпившихся у окошка выдачи людей, он по-свойски обратился к смазливенькой официантке, которая только что принесла горку грязных тарелок: — Лизахон, дорогая, у меня нынче гость. Как бы покормить нас повкуснее да по-быстрому?

С лица официантки вмиг слетела озабоченность. Она приветливо улыбнулась Гайибу в ответ и сообщила, что есть у них сегодня борщ, мастава, а на второе, как обычно, — тухум-дульма, жаркое, ну, еще — рисовая молочная каша.

— Нет уж, дорогуша, мы вышли из возраста, когда

питаются кашкой. Может, парочка порций плова съестся?

Лиза с притворным осуждением вздохнула.

— Найду,— коротко пообещала она.

— Я и не сомневался,— Гайиб прижал в знак признательности пальцы к груди.— И еще одно, Лизочка. Передай от меня личный привет-буфетчику и скажи, что это я, а не кто-нибудь другой просит его в порядке исключения. . .— И Гайиб умело изобразил стопочку, раздвинув большой и указательный пальцы.

Официантка, вновь улыбаясь, покачала головой и скрылась внутри кухни.

— Что-то мне не хочется пить сейчас,— искренне признался Темирджан.

— Не спорь, дорогой. Положено обмыть такое событие, как твой приход к нам на работу.

Со всех сторон к Гайибу наклонялись люди. Обменивались с ним приветствиями, шутили. Гайиб подмигивал девушкам, бросал очень кстати реплики из свежих анекдотов. Было заметно, что он и тут со многими на короткой ноге.

— Слышал я краем уха,— небрежно произнес он,— ты уже успел свести знакомство с дочерью Джамалова? В таком случае, готов об заклад биться, ты без ума от Юлдуз,— Гайиб захохотал, но смех этот явно был деланным.

— Нравится она, наверное, вам? — с вызовом спросил Темирджан, задетый этим неуместным выпадом.

Гайиб вдруг посерьезнел.

— Нравится — не то слово, друг. Вот здесь,— он показал на грудь,— сплошная рана,— он вновь вернулся к беспечному тону: — Слава богу, раны эти имеют у меня свойство затягиваться под влиянием хотя бы вот такого взгляда, какой шлет нам сейчас Лизочка.

Темирджан оглянулся и тоже увидел официантку. Она, улыбаясь, давала жестами понять, что подойдет через минуту-другую.

— А между прочим,— повеселев, продолжал Гайиб,— и младшая у него — жемчужинка редкая. Вот я смотрю сейчас и думаю: как раз для тебя — и по годам, и по характеру, а? — и он опять засмеялся.

— Я как-то не думал об этом,— откликнулся Темирджан, собирая хлебные крошки со скатерти.

— И напрасно! — с живостью возразил Гайиб. — Придешь к ним в гости, не сиди молчаливым праведником, не зевай, понял? Все равно ведь съестся ловкач, заморочит ей головку, а тебе останутся одни сожаления. И то сказать: кто не хотел бы стать мужем такой девушки, а к тому же — зятем самого Джамалова! Честно скажу, не всем такое счастье улыбается, — во взгляде Гайиба на мгновение мелькнула враждебность. — Ты же — профессорский сынок тоже. Он за такого не раздумывая дочку отдаст.

Темирджану неприятна была и сама эта тема, и то, как ее преподносил сейчас Гайиб. Он попытался уйти от разговора о дочерях Джамалова и спросил Гайиба, что это за работа, которой все они так долго занимаются в лаборатории?

— Не спеши, — ответил Гайиб, взглянув на него исподлобья. Он нетерпеливо поискал глазами Лизочку, но она, очевидно, ушла в буфет. Тогда Гайиб, как бы нехотя, начал рассказывать: — Ты знаешь, конечно, что лишь в прошлом году мы недобрали из-за вилта полмиллиона тонн хлопка. Во всех институтах, имеющих отношение к растениеводству, ищут средства борьбы с вилтом. Золотого памятника при жизни, как тому, кто победит раковые заболевания, правда, не обещают, но сам понимаешь, какие блага ждут того, кто найдет способ победить вилт. Так вот, о госсиполе ты что-нибудь слышал?

— Конечно, — Темирджан кивнул. — Это — вещество, которое накапливается в корнях хлопчатника.

— Молодец, — голосом экзаменатора одобрил Гайиб, — не зря у тебя в дипломе круглые пятерки. Слушай дальше. Один из сотрудников нашего института, Назирджан Набиджанов, доказал опытным путем, что в корнях дикого хлопчатника накапливается госсипола гораздо больше, чем в тканях культурных растений. Как известно, дикий хлопчатник вилту не подвержен. Чем же это объяснить?

Темирджан с сомнением пожал плечами.

— Это — всего лишь предположение, — сказал он. — Не исключено, что госсипол тут ни при чем.

— Вот-вот! — Гайиб с осуждением поднял палец и помахал им. — У тебя есть немало единомышленников, но только — в других лабораториях. А наши сотрудни-

ки, если выражаться коротко, начали насыщать хлопчатник госсиполом.

— И что же? — теперь уже в нетерпении спросил Темирджан.

— А то, что мы утерли нос всем, кто сомневался и насмеялся. Хлопчатник нашего сорта совершенно не болеет да к тому же и урожай дает неплохой.

У Темирджана разгорелись глаза.

— Так надо продолжить, расширить опыты, подвести теоретическую базу...

— Именно этим, мой юный друг, и занимается твой покорный слуга. А в самом недалеком будущем, как только освоишься у нас, начнешь заниматься и ты. Задача будет такая: ты отправишься в Андижанскую область, Джурахон — в Самаркандскую, Хусния — в Хорезм. В совхозах вам отведут участки — по три-четыре гектара давно используемых земель. Вы посеете на них обработанные госсиполом семена и станете наблюдать за хлопчатником, пока не будет снята последняя коробочка. А главное — будешь следить за тем, чтобы условия обработки, поливов, подкормки на твоём участке абсолютно ничем не отличались от соседних. Отчеты будешь каждую неделю посылать мне, в лабораторию. Ду ю андерстенд? — спросил он почему-то по-английски. Может, намекал на то, что сдал когда-то кандидатские экзамены. — Тогда — о'кэй. Тем паче что Лизочка уже здесь. Спасибо, кормилица. — Лизочка поставила на стол закуски и графинчик, накрытый салфеткой. Гайиб потер руки в предвкушении блаженства. Он быстро налил коньяк в пиалы и провозгласил: — Да будут все наши начинания успешны! Пьем, ввиду обстановки, не чокаясь, но до самого дна. Поехали!

Темирджан, однако, медлил.

— Пей, не бойся, — Гайиб, закусывая, указал глазами на пиалу.

— Я не боюсь, — ответил Темирджан. — Просто люблюсь вами: как все у вас ловко получается.

— Ты что имеешь в виду? — спросил Гайиб, насупившись.

— Да вот это, — и Темирджан медленно, потому что иначе не мог, выпил обжигающую жидкость и, не сдержавшись, сморщился.

Гайиб развеселился.

— И туг,— сказал он,— главное — практика. А еще — настойчивость. Она в любом деле нужна. Я — не про коньяк, а про более важные вещи. Старики мудры говорят: роешь арык — плачешь от усталости, воду пьешь — улыбаешься от счастья.

В большом обеденном зале становилось между тем все тише, и вскоре только они вдвоем остались за столиком. Выпили еще по одной и принялись за плов. Аппетит у обоих был отменный. Лизочка издала любовалась тем, как расправляются парни с едой.

— По правде говоря,— начал снова Гайиб,— я не думал, что ты согласишься пойти к нам в лабораторию. Ты же — потомственный лесовод, а у нас все-таки однолетнее в культуре растение, как пишут в учебниках...

— Профессор уже после распределения лишний раз убедил меня, что законы существования в основе едины и для степной колючки, и для орешины,— ответил Темирджан. Коньяк уже возымел действие; он покраснелся и почувствовал себя непринужденней, чем вначале.— Все это, между нами говоря, я знал и без него,— продолжал он,— и потому просился в лесничество, на рядовую должность, но тут Джамалов привел довод, против которого я не устоял.

— Довод дневного или вечернего характера?¹ — спросил Гайиб и неприятно осклабился, но Темирджан пропустил намек мимо ушей.

— Он говорил о попытках вывести многолетнюю культуру хлопчатника, об использовании радиоактивных излучений для изменения генетического кода в семенах. Все это увлекает меня давно.

Гайиб захмелел, пожалуй, больше, чем Темирджан. Он начал вещать, уподобившись доброжелателю, который старше намного и по годам, и по занимаемому в обществе положению.

— Слушай, Темир! Сама судьба послала тебе Джамалова. Следуй за ним, слушайся только его, и, я не сомневаюсь, придет день,— тут он поперхнулся, вспомнив, очевидно свою недавнюю шутку, касающуюся Кундуз,— придет день,— повторил он, откашлявшись и вернув голосу торжественность,— когда мы будем пить за

---

¹ Гайиб намекает на имена дочерей Джамалова: Кундуз — день, Юлдуз — звезда. (Прим. переводчика.)

академика Юлчиева, как сейчас пьем за лаборанта Юлчиева.— Он отбросил салфетку и убедился, что графинчик пуст.

— Достаточно, наверное,— сказал Темирджан.— Неловко все же: я нынче первый день в лаборатории и вот — явлюсь хмельной. Что обо мне подумают?

— Согласен! — Гайиб пристукнул по столу ладонью.— Но со мной тебе вообще никогда ничего бояться не следует. Вот, например, сейчас мы отправимся вместе с тобой на свежий воздух, а иными словами — на опытные участки. Там, ручаюсь тебе, ближе чем на сто метров никто к нам не приблизится. Значит, ты мог пить сейчас со мной даже не коньяк, а керосин, и то никто не заметил бы. Понял? — Он захохотал, хлопнул Темирджана по плечу, сунул под графинчик червонец, и они вышли.

День уже пахивал осенью, но было еще достаточно тепло. Молодые люди шли по аллее, обсаженной с обеих сторон разлапистыми чинарами. Она вела к теплицам и опытному полю. Продолжая начатый еще в столовой разговор, Темирджан спросил, уже не опасаясь, что это прозвучит наивно, о том, почему всех так взволновала предстоящая реорганизация лаборатории в самостоятельный институт? Разве для ученого не важней всего иметь возможность для занятия избранной темой, а там не все ли равно, как называется твое учреждение? Более того, Темирджан не раз слышал от своего отца, что чем выше учреждение, тем трудней человеку посвящать все время сугубо научной работе: появляются административные обязанности, совещания, симпозиумы — всего не перечислишь.

Гайиб посмотрел на Темирджана так, будто хотел сказать: «Как же ты все-таки еще простодушен и неопытен, дружок!» Вслух же он произнес:

— В нашем деле важно сделать открытие, но еще важней,— тут он поднял палец, и Темирджан узнал жест профессора Джамалова,— еще важней,— наставительно продолжал Гайиб,— продвинуть свое открытие, дать ему ход. Вот тут тебе и нужно положение, нужны права, а у института их намного больше, чем у лаборатории. Сейчас мы в подчинении, а тогда будем самостоятельны. У нас будут свои финансы, свои фонды. Не придется бегать с поклоном из-за каждого рубля или про-

бирки. Ну и само собой,— при этих словах Гайиб расправил широкие плечи и даже придавал лицу известную важность,— все мы так или иначе вырастем и по должности, и по части окладов, а это, между нами говоря, немаловажно тоже. Коньячок-то — штука дорогая, а?

— Прости! — спохватился Темирджан. Он достал из кармана пять рублей.

— Да ты что? — искренне изумился Гайиб и покраснел от неловкости.— Я же безо всяких намеков. К слову пришлось. . .

— Не люблю оставаться в долгу,— решительно заявил Темирджан и заставил Гайиба взять деньги, хотя тот сопротивлялся и повторял, что мужчины рассчитываются ответным угощением.— После первой же зарплаты заказываю столик в ресторане. Это — само собой,— пообещал Темирджан.

— Учти, ловлю тебя на слове! — Гайиб повеселел опять.

Они миновали многочисленные теплицы и парники, плантации, разделенные на участки и размеченные табличками с аккуратными надписями, сообщавшими все необходимые данные о грунте и о хлопчатнике, который выращивается здесь, но так нигде и не задержались, потому что Гайиб предложил дойти до канала. Он беспечно насвистывал модный мотивчик, а когда Темирджан заметил с улыбкой, что легкомысленная песенка как-то не очень вяжется с научной обстановкой, хмыкнул и сказал, что уже успокоил однажды Темирджана: на двести метров окрест никого нет и быть сейчас не может, но как раз тут они почти нос к носу столкнулись с вышедшим на дорожку человеком средних лет. Он поднял приветливое широкое лицо. Маленькие глаза его тонули в сети морщинок. Гайиб, возможно от неожиданности, с чрезмерным усердием поклонился этому человеку и назвал его по имени-отчеству — Назирджан Набиджанович. Темирджан в свою очередь обменялся с Назирджаном Набиджановичем рукопожатием. Было произнесено несколько обычных при подобной встрече, ничего не значащих фраз, и оба молодых человека пошли дальше, к каналу, а Назирджан Набиджанович удалился своим путем.

Минуту-другую шагали молча. Потом Гайиб оглянулся, убедился, что отошли они уже на значительное

расстояние, и тогда сообщил Темирджану, что вот этот самый Набиджанов, о котором, если встретишь его на улице, даже не подумаешь, что он ученый, ныне — самая популярная личность во всем узбекском хлопководстве. Говорил Гайиб об этом, впрочем, без воодушевления.

— Он воевал на фронте, наверное? — почему-то предположил Темирджан.

— Само собой, но не за боевые награды ценят его. Набиджанов со своей группой вывел новый сорт — «Уз-701». Урожайность у сорта приличная, но самое главное — вилтом он у них не болеет. Пока, — добавил все же Гайиб.

«А как же вы? А как же госсипол?» — хотелось тут же узнать Темирджану, но он понимал, что вопрос прозвучит бестактно. Гайиб ответил сам, будто прочитал его мысли:

— Когда-то и знаменитый «108-Ф» тоже не болел, а несколько лет спустя от него вынуждены были отказаться. Выродился или вилт приспособился к нему? Нет, нужно радикальное средство против вилта. Наш путь с госсиполом — более надежен, — добавил он так, будто решил, что Темирджан так или иначе узнает обо всем, так уж лучше, чтоб от него — Между прочим, идею с госсиполом нам Назирджан Набиджанович подкинул.

— Как это? — невольно вырвалось у Темирджана.

— Бывает, бывает в научном мире такое, — снисходительно объяснил Гайиб. — Начали эту тему в группе у Набиджанова, но вскоре они отказались от нее, решили, что затея бесперспективна, а Ильдам Джамалович (нюх у него на такие вещи отменный) тут как тут: да-вайте, мол, ее нам. И вот увидишь, докажет, что научная интуиция у него развита куда лучше, чем у Набиджанова. Тот практик, а в науке побеждают провидцы. Радуйся, что попал к одному из них.

III

Однако уходили дни и недели, а ничего не только интересного, но попросту заслуживающего внимания не происходило в жизни вновь обращенного лаборанта Темирджана Юлчиева. В лабораторию он являлся к началу работы, стараясь не опоздать ни на минуту, но на

том и оканчивалась самая напряженная часть дня. Потом он сидел на отведенном ему месте, около Гайиба, у приставного стола, листал рефераты и журналы, которые Гайиб предлагал ему прочесть, но находил в них для себя полезного не так уж много. Почти все было уже известно ему из институтских курсов, может, преподносилось сейчас углубленной, но вникать в это имело смысл, если бы определилась конечная цель, а ее-то Темирджан пока и не видел. В вопросы, имеющие отношение к госсиполу, Гайиб почему-то его не посвящал. Глядя подчас на Гайиба, угрюмого, как все, кто вот-вот приблизится к заветному решению, а пока не может зацепить его даже кончиком ногтя, Темирджан подумывал: не хотят ли отстранить его от чего-то главного, что хранят в тайне, для самих себя? Само по себе было это обидно, но еще досадней становилось оттого, что время уходило напрасно, а обед, который он устроил по традиции из первой своей зарплаты для Гайиба и нескольких коллег,— невеликое утешение в этой ситуации. В конце концов Темирджан не выдержал и объяснился с Гайибом начистоту: может, тот попросту не желает посвящать еще одного человека в свои тайны? Тогда — о чем речь? Темирджан в состоянии заняться другой темой. Впервые Гайиб усмехнулся, не тая горечи. Все выглядело гораздо проще, чем воображал Темирджан. Нечем было пока делиться Гайибу, вот в чем суть! Он, наверное, сам не раз корил себя за то, что отказался от благополучной диссертационной темы (был бы уже кандидатом со всеми вытекающими...) и увяз в этом госсиполе.

Данные исследований и опытов не только противоречили друг другу, но подчас были взаимоисключающими. Нередко день начинался с того, что, окрыленный мнимой удачей, Гайиб уже готов был объявить всем, Темирджану в том числе, едва ли не о победе, но тут же взвешивались новые сведения, прибывали дополнительные материалы с опытных участков, и все катилось куврыком.

Вот оттого и портилось настроение у Гайиба, потому он и молчал: легко рассказывать младшему, который для тебя кто-то вроде подмастерья, о своих успехах, но как сообщить о длинной цепи неудач?

Решение было найдено такое: пусть Темирджан пока

поближе познакомится с деятельностью смежных групп. Это ему пригодится для главного, а главной оставалась по-прежнему проблема госсипола. Ни Гайиб, ни шеф — профессор Джамалов не хотели отказываться от нее. Наоборот: профессор при каждом случае напоминал старую истину — чем трудней вопрос, тем больше чести справиться с ним, тем больше выдержки требуется и мужества.

Улицы уже были заснежены. Вдоль тротуаров вышались рыхлые сугробы, а в институте не кончались весна и лето: не только в теплицах — в каждой комнате и лаборатории зеленели растения, цвели цветы. Уже несколько дней кряду проводил Темирджан в большом зале, где работала группа, занятая радиоактивным облучением семян. Руководителем здесь была молодая смуглолицая женщина Айша Арсланова. Она заставила Темирджана, хотя он присутствовал тут скорее всего в роли наблюдателя, облачиться, как все сотрудники, с ног до головы в защитный белый костюм.

Гудели сложные аппараты, стрелки на многочисленных приборах то металась из стороны в сторону, то застывали неподвижно. Мигали разноцветные лампочки, раздавалось и умолкало предостерегающее гудение зумера.

Все это было знакомо Темирджану из курса лекций, которые им читал сам профессор Джамалов, сейчас же он видел воочию, как осуществляются современнейшие и сложнейшие методы обработки семян с помощью радиоактивных изотопов. Сам того не желая, он, искренне восхищенный происходящим, начал мыслить возвышенно-патетически. На ум невольно приходили давно известные, но теперь как бы впервые понятые во всей своей высокой сути фразы о могучей энергии атома, которую можно превратить в проклятие для человечества, а можно, как это и происходило сейчас, сделать добрым гением, творящим чудеса.

Всех ученых из этой группы, включая и Арсланову, он уже не раз встречал — то на расширенных заседаниях ученого совета, то — в более прозаической обстановке, в той же столовой, к примеру; все они представлялись ему самыми что ни на есть обыкновенными людьми, но сейчас он искренне хотел высказать вслух, как восхищен он ими; предельно точны были все их дви-

жения; они действовали с артистической непринужденностью, лавируя среди сложных переплетений проводов и труб, улавливая показания приборов и тут же короткими, отработанными, как у музыкантов, движениями восстанавливая нужный режим, заглядывая на долю секунды, но так, чтобы единым взглядом охватить самое важное, внутрь аппаратов, в которых происходило облечение очередной партии семян.

Конечно же он завидовал им, хотя понимал, что и в этой группе он не сразу стал бы полноправным и признанным коллегой.

Вновь басовито прогудел зуммер, над дверью вспыхнул желтый, а вслед за ним — зеленый свет. Двое лаборантов, — Темирджан как раз подумал, что одним из них мог быть он, — опустили отливающую тусклым свинцовым блеском стену, вмиг отделив от аппаратуры и приборов переднюю часть зала, которую здесь называли «предбанником». Арсланова, как и ее товарищи, скрылась на несколько минут в кабинке-раздевалке и появилась в легком халате, под которым виднелось яркое платье из маргиланского шелка.

— Я нарочно закончила на полчаса раньше, чтобы все желающие могли увидеть, как Назирджан Набиджанович будет принимать очередную иностранную делегацию, — сказала она, обращаясь к товарищам.

— Пойдем с нами, — доверительно обратился к Темирджану один из юных лаборантов. — Не пожалеешь.

В небольшом конференц-зале перед возвышением непринужденно расселась в креслах группа зарубежных гостей, судя по внешнему их виду и манерам — американцев. На возвышении, также в весьма свободной позе, сидел уже знакомый Темиру Назирджан Набиджанович. Рядом с ним находились переводчик и девушка-лаборантка, которая приносила тот или иной необходимый экспонат. Одет Назирджан Набиджанович был как обычно: темно-синий диагональный пиджак, белоснежная рубашка без галстука, а на стриженной голове — чувская тубетейка с острыми складками. Гости внешне выглядели намного эффектней, особенно один, уже немолодой, сутуловатый мужчина в рыжей замшевой куртке и похожих на змеиную кожу штанах. Он-то как раз и донимал Назирджана Набиджановича вопросами в тот момент, когда Темирджан вошел вслед за Арсла-

новой в зал. Арсланова шепнула Темирджану имя этого ботаника, хорошо известного не только у себя в Штатах, но и в нашей стране,— Уильям Джонс. Судя по тому, как лоражался Джонс самым обычным вещам, которые видел вокруг, спрашивал о том, что всем казалось само собой разумеющимся,— прибыл он в Союз впервые.

— О'кэй! — воскликнул он.— Я понял, что вы экспериментируете с мексиканскими дикими сортами, но, простите, давно ли располагаете вы ими?

— Лет сорок, наверное,— спокойно отвечал Назирджан Набиджанович.— Еще в тридцатые годы знаменитый советский ученый Николай Иванович Вавилов создал обширнейшую коллекцию всех видов дикого хлопчатника. Он привез его не только из Мексики, но и из многих других стран. Кстати,— заметил Назирджан Набиджанович,— именно Вавилов первый в мировой науке, насколько мне это известно, высказал и мысль о том, что устойчивые виды для селекции лучше всего искать на их родине, а для хлопчатника это — ваша соседка Мексика, как все мы знаем.

— Йес! — поддержал Джонс и, обратившись к своим коллегам, начал со значением что-то втолковывать им, часто повторяя фамилию Вавилов, причем в его произношении она напоминала не то «Вавилон», не то «Библия». — Можем мы сами сопоставить сейчас ваш новый сорт, одним из родителей которого, как вы нам любезно сообщили, является дикий мексиканум, с теми сортами, которые культивировались в вашем народном хозяйстве прежде? — спросил он через переводчика.

— Пожалуйста! — Назирджан Набиджанович сказал несколько слов лаборантке, и тут же на всеобщее обозрение был представлен куст «108-Ф», а рядом с ним поставлен увешанный более крупными коробочками «Уз-701».

Джонс начал быстро заносить в свой блокнот записи, подчеркивая отдельные слова.

— Сорт «Уз-701»,— объяснял Назирджан Набиджанович,— созревает на десять дней раньше. В каждой коробочке у него по восемь граммов сырца. Выход волокна достигает сорока процентов, на четыре процента больше, чем у самых лучших сортов, которые культивировались прежде. Кроме того, у нового сорта длина волокна превышает сорок миллиметров. . .

Тут мистер Джонс не выдержал. Он довольно резво для своего возраста вскочил, подошел к кустам и начал пристально разглядывать их, ощупывать стебли, разглядывать вплотную коробочки. Его коллега, веснушчатый полный человек, проделал то же самое, а вдобавок оторвал лист, растер его и даже понюхал. На него посмотрели с осуждением сами американцы, но он и глазом не повел.

Джонс — очевидно, он был в группе гостей старшим — сел в кресло, и все уселись тоже. Он провел ладонью по коротко остриженной, словно припорошенной инеем голове и вновь обратился к узбекскому ученому:

— Простите, мистер. . .

— Назирджан Набиджанович.

— О'кэй! Мистер Нейбиджэновитц! — Джонс повернулся к переводчику. — Я буду полностью сражен, если вы сейчас сообщите, что ваш новый сорт ко всему еще и не подвержен вилту!

— Это именно так, мистер Джонс, — спокойно ответил Назирджан Набиджанович. — Могу добавить к тому же, что хлопчатник этот приносит неплохие урожаи даже на вновь освоенных, недавно промытых от солей землях. Кроме того, он достаточно морозоустойчив. Даже при резких похолоданиях не только не гибнет, но и продолжает накапливать урожай.

Гости все одновременно зашумели. Они обменивались репликами, чаще — недоуменными; кое-кто пожимал плечами, кое-кто скептически кривил рот, а полный веснушчатый американец расхохотался.

— Под каким колпаком был выращен этот чудокуст? — спросил он через переводчика. — И в скольких экземплярах?

Темирджан готов был сам вскочить и дать отповедь ему, но Назирджан Набиджанович, кажется ничуть не задетый выпадом американца, подошел к большой карте республики и указкой обвел несколько обширных районов, окрашенных в зеленый цвет.

— Четыре года назад наш сорт высевался всего на пятистах гектарах, а прошедшей весной — уже на полутора миллионах.

— Таких масштабов еще не знала мировая практика! — искренне восхитился Уильям Джонс. Он потер ла-

донью свою стриженую седеющую голову.— Вы же страшно рисковали, мистер Нейбиджэнович!

— Ничуть! Сорт прошел суровейшие испытания, и потом,— Назирджан Набиджанович смотрел теперь прямо в лицо веснушчатому американцу,— мы — ученые, а это значит, что ни сенсация, ни, тем паче, авантюра не имеют к нашей деятельности никакого отношения.

Все захлопали. Американцы — прежде всех. Аплодировал и веснушчатый. Джонс вновь записывал что-то в свой блокнот.

— Еще один важный вопрос,— сказал он.— Все мы селекционеры и отлично знаем, как долог путь к новому сорту, даже в том случае, когда родители подобраны правильно. Отбор лучших гибридов в каждом новом поколении, пока не будет получен сорт, удовлетворяющий чтырем десяткам признаков, требует десятилетий, вы же, как мы услышали сегодня здесь, уложились в фантастически короткие сроки. Как вам удалось это?

— Да, да! Выдайте нам советский секрет! — поддержал и веснушчатый, однако без прежнего апломба.

— Извольте,— сказал Назирджан Набиджанович,— тем более что мы не делаем из этого тайны. Сам я неоднократно в течение последних лет писал в журналах о том, что использую метод так называемого обратного скрещивания. . .

— А-а, беккросс! — обрадованно и изумленно подхватил американец.

— Вот именно, беккросс; мы придирчиво отбирали наиболее удачные гибриды и скрещивали их еще раз с культурным родительским сортом.

— Так поступаем и мы,— вставил Джонс.

— Одну минуту, мистер. Мне хочется добавить, что скрещивание мы проводим на участке, умышленно зараженном вилтом, причем во всех формах его, наблюдаемых в Узбекистане.

На этот раз полное лицо веснушчатого американца выразило самое неподдельное изумление.

— О-о! . . . — только и произнес он и застыл, слушая, что говорит Назирджан Набиджанович дальше. А учегый уже рассказывал подробно о том, какую важную роль в гибридизации сыграло радиоактивное облучение семян. При этом он неоднократно упоминал имя молодого ученого Арслановой и даже заставил ее подняться.

Гости дружно приветствовали Айшу, а Джонс сфотографировал ее на память, вскочив на сиденье кресла, словно заправский репортер.

Официальный прием был окончен, но американцы все не хотели уезжать. Они окружили Назирджана Набиджановича плотным кольцом и продолжали задавать вопросы, теперь — более личного характера.

— Простите, мистер Нейбиджэнович, если не тайна, сколько получили вы за вашу работу? — спросил веснушчатый толстячок и тут же счел нужным сообщить, что в США, сделав подобное открытие, можно было бы обеспечить на веки вечные и себя, и всех своих потомков до седьмого колена.

— Я получаю ежемесячно обычный оклад заведующего лабораторией, имеющего степень кандидата наук, — спокойно ответил Назирджан Набиджанович. Американцы ждали, что он смутится. — Кроме того, работа была отмечена Государственной премией СССР.

— И все? — американец развел руками. — И вы не считаете себя обделенным?

Впервые позволил себе Назирджан Набиджанович улыбнуться с выражением превосходства и даже некоторой жалости к собеседнику.

— Я удивлю вас, мистер, наверное, еще больше, если сообщу, что прибыль, которую наше народное хозяйство получило от внедрения нового сорта только за один год, окупает содержание всей Академии наук Узбекистана. — Он предостерегающе поднял ладонь и продолжал: — И вот это обстоятельство делает меня по-настоящему счастливым.

Веснушчатый протянул ему руку:

— Простите, мне этого действительно не понять, но я восхищаюсь вами и как ученым, и как человеком. Гудбай, мистер Нейбиджэнович!

Уильям Джонс, прощаясь, торопливо записывал названия журналов, в которых публиковались последние работы Назирджана Набиджановича.

— Вы очень, очень понравились мне, — искренне признался он, — и все же, не скрою, меня удивляет, почему такой большой ученый не знает английского языка?

— Объясните мистеру Джонсу, — попросил Назирджан Набиджанович, — что я читал в подлиннике его статьи, правда — со словарем. Думаю, что мне он не

сможет ответить тем же, хотя русский язык, которым я владею в совершенстве, занимает в мире, и в частности — в науке, положение, отнюдь не уступающее английскому. К тому же, — тут Назирджан Набиджанович улыбнулся опять, но теперь лукаво, — как у мистера дела, скажем, с таджикским или азербайджанским? А я вот свободно разговариваю на этих и на других языках народов Средней Азии, на которых, кстати, написаны древнейшие научные трактаты.

Джонс только поклонился в ответ.

Темирджан был восхищен. Именно во время этого приема он проникся к Назирджану Набиджановичу тем чувством, которое граничит с любовью. «Подлинная наука не имеет ничего общего ни с сенсацией, ни с авантюрой. . .» — повторял Темирджан про себя, и невольно приходило на ум: а как же Гайиб с его несколько пренебрежительным отношением к Назирджану Набиджановичу? («В науке ценится тот, кто совершает открытия кардинального характера. Новые сорта, и очень неплохие, выводили еще наши прадеды, чьи имена забыты на веки вечные. Проходит три-четыре года, и сорт, которым так восхищались, вырождается, и вилт начинает жрать его с еще большей яростью, чем старые сорта. . . Нужны коренные новшества, потому я и занимаюсь госсиполом».) Кто же прав? Ведь и рассуждения Гайиба, а с чьих слов он вещает, догадаться нетрудно, тоже справедливы и логичны. Да, так. . . Если бы не то, что называется точкой зрения. Одному важно, чтоб оценили работу, другому — чтоб оценили его.

Сомнения не давали Темирджану покоя. Он искал ответа и в отчетах о научных дискуссиях, роясь в ворохах журналов, и в спорах с такими же по возрасту и положению, как он, начинающими, которые применительно к себе еще не смели употреблять слово «ученый», — а принесла решение жизнь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I

Всю зиму Темирджана готовили к командировке в Байток — обширный хлопководческий район, расположенный неподалеку от Андижана. Хозяйства там были

богатые, дело в них было поставлено отменно, науку они уважали и в ответ на просьбу института загодя выделили участок для опытов, связанных с госсиполом. От результатов этих полевых опытов, как повторял ежедневно Темирджану Гайиб, сейчас зависело все. Результаты должны были быть не просто положительными, а ошеломляющими,— Гайиб и в этом не сомневался, как, впрочем, большинство сотрудников лаборатории. Главный упор, следуя указанию профессора Джамалова, Гайиб делал на то, как правильно оформлять научные отчеты и документы, а было их великое множество, и в каждом так часто повторялось слово госсипол, что оно и во сне уже мерещилось Темирджану. По Гайибу выходило так, что любой положительный момент в развитии хлопчатника, не говоря уже о числе коробочек и урожае, должен был быть обоснованно связан с влиянием госсипола. Он заставлял Темирджана вновь переписывать учебные отчеты, неизменно упрекая его в том, что он не умеет ставить во главу угла госсипол. Темирджан, вконец устав от этих настойчиво повторявшихся требований, уже и негодовал и смеялся. Однажды он написал озорства ради, что срезанные сухие ветви подопытного хлопчатника, сгорая под котлом, в котором готовят плов, дают более жаркое пламя и более ароматный дым и это конечно же объясняется большей концентрацией госсипола. Гайиб поморщился и вычеркнул эту фразу синим карандашом, но потом все же восстановил ее, убрав слова о плове и об аромате дыма.

«Важно, что ты усвоил принцип»,— сказал он Темирджану, не понимая, почему тот улыбается.

Над влажной землей уже клубились легкие туманы. Темирджан должен был вот-вот выехать. Оставалось только оформить необходимые документы. Юлдуз тоже уезжала: ей предстояло выступить на конкурсе молодых исполнителей в Москве. Занималась она теперь и впрямь день и ночь. Темирджан и прежде не часто заглядывал в особняк Джамалова,— мешала проклятая робость, которая возрастала с каждым шагом, приближавшим его к дому, где жила Юлдуз, хотя девушка неизменно повторяла, прощаясь: «Заходи в любое время, не стесняйся». Однажды она сказала: «В пятницу я вообще никуда не выхожу из дома». Темирджан начал приходить именно в этот день, хотя и старался каж-

дый раз изобрести какой-нибудь повод, оправдывающий визит.

Впрочем, он забывал об этом, с таким трудом найденном объяснении, едва оказывался наедине с Юлдуз. Он мог часами молча наблюдать за ней, слушать ее голос, ее смех, отвечать благодарным взглядом на взгляд. Юлдуз неизменно играла для Темирджана по его просьбе любимые им вещи, а затем — современных композиторов, которых он знал мало. Ей хотелось, чтобы он знал музыку глубже, и эта забота, как бы с мыслью о будущем, радовала Темирджана сама по себе.

Однажды Юлдуз позвала его с собой в консерваторию, на концерт. Темирджан давно не был в белоколонном фойе, ярко освещенном, заполненном оживленными, модно одетыми людьми, по преимуществу молодежью. Пока он стоял в очереди у гардероба, несколько девушек подбежали к Юлдуз. Обрадовавшись ее появлению так, будто они расстались не нынче днем, а бог весть в какие давние времена, девушки заговорили, перебивая друг друга; одна из них бросила быстрый взгляд на Темирджана и о чем-то спросила у Юлдуз. Все рассмеялись, а девушка эта обняла Юлдуз и поцеловала ее в щеку, что вызвало еще больший восторг окружающих.

Юлдуз начала знакомить всех поочередно с Темирджаном, он тут же забыл, которая из девушек Айгуль, которая — Гульнара, а которая — Гузаль, но зато они прекрасно знали, что он — Темирджан и занимается растениями.

Юлдуз держалась очень непринужденно, и Темирджан, глядя на нее, тоже почувствовал себя свободней. Он находил шутливые и, кажется, удачные ответы на вопросы, которыми так и сыпали девушки («Мы прошлой осенью видели в колхозе такой нежный-нежный желтоватый хлопок. Это не вы его вывели?» — «Ради вас, девушки, я готов вывести такие коробочки, в которых все дольки будут разноцветными. Чтобы куст напомнил букет...»).

Они сидели в зале, Юлдуз, конечно, рядом с ним. Раздались рукоплескания, и на середину сцены вышел молодой длинноволосый человек среднего роста. На нем был фрак и манишка, над которой виднелся галстук-бабочка. Молодой человек воздел руки, приветствуя и как бы желая обнять сразу всех, и зал в ответ поднял-

ся. Стоя, горячо аплодировала и Юлдуз. Трикотажное платье облегалo ее тонкую фигуру, поблескивал алый лак на ногтях, и руки от этого казались еще белее.

В наступившей тишине молодой человек на сцене произносил какие-то слова, но Темирджан не понимал ни одного из них. Он вообще ничего не слышал и не замечал: тонкие пальцы Юлдуз, когда она села, словно невзначай коснулись его руки, и все его существо наполнилось до самых краев горячей волной счастья. Но тут вновь все заплодировали, и Юлдуз тоже, а потом она словно забыла о нем.

Мощная мелодия, то торжественная, то проникнутая светлой грустью, то задумчивая, то ласковая, полилась со сцены. Она звала в весеннюю степь, украшенную покрывалом из пламенных тюльпанов, к потокам, ниспадающим с горных вершин,— в радостные дни юности.

Все многообразные оттенки музыки тут же удивительным образом отражались на подвижном лице девушки. Ее глаза с заметно скошенным разрезом порой исчезали под покрашенными вздрагивающими ресницами. Губы раскрывались, шевелясь, будто она хотела что-то сказать, но не решалась. Вдруг она широко открывала глаза, резко вскидывала голову, и черное крыло волос закрывало маленькое ухо, в котором заметен был розовый след от серьги.

Темирджан смотрел только на нее, но Юлдуз была во власти музыки и не откликалась на его мысленный зов. Мелодия вновь взлетела к небу, а обрушилась тревогой и грозой. словно непроглядная тьма окутала все вокруг, и в этот миг Юлдуз нашла пальцы Темирджана и ухватилась за них, но он понял не без горечи, что точно так же искала бы она сейчас поддержки у другого, кто оказался бы рядом, и остался почти безучастен к этому порыву. Она все же почувствовала его разочарование, взглянула на него повлажневшими глазами и сделала движение лицом в сторону сцены: слушай, мол. Она просила, чтобы он сопереживал с нею, волновался, грустил и радовался, чувствовал то же, что она сейчас.

Теперь они уже как-то очень непринужденно касались друг друга не только пальцами, но и плечами, но музыка вновь захватила ее так властно, что Юлдуз вскинулась, наклонилась вперед и замерла. Темирджан,

словно лишившись сокровища, обретенного с огромным трудом, миг поскущел. Тут оркестр умолк, молодой человек во фраке повелительным жестом поднял музыкантов и поклонился публике, отвечая на овации.

«Автора! Автора!» — требовательно раздалось из зала. Под нескончаемый шум на сцену поднялся пожилой человек с покатыми плечами. Он обнялся с дирижером, благодаря его. К ним полетели букеты цветов. Положив руки на плечи друг другу, композитор и дирижер спустились в зал. Их тут же окружила аплодирующая толпа. Слышались громкие восторженные восклицания. Композитор благодарил всех, прижимая ладони к груди.

— Ну как, понравилось? — все еще возбужденно блестя глазами, спросила Юлдуз, когда вслед за всеми они вышли в фойе. — Нас часто знакомят с новыми вещами, написанными нашими композиторами.

— Неплохо, — ответил Темирджан и добавил, почувствовав, что Юлдуз ждала более восторженного отзыва: — Мне понравилось.

— Еще бы! Он — талант! Преподает у нас теорию музыки, — Юлдуз назвала имя, хорошо знакомое Темирджану. — В прошлом году стал лауреатом, а эта вещь у него, пожалуй, еще лучше. Вы обратили внимание, какая богатая партитура?

Он находился в явном затруднении: совесть не позволяла ему рассуждать со знанием дела о том, в чем он не разбирался как следует, а Юлдуз ждала, что он продолжит разговор. Но тут, к счастью, к ней подбежали ее подруги и начали наперебой выражать свое восхищение только что услышанной музыкой. Особенно неистовствовала одна, русоволосая, с полными округлыми руками. Она яростно жестикулировала, покачивала головой, жмуря глаза, и сыпала музыковедческими терминами. Только звонок, призывавший всех снова в зал, вынудил ее прервать излишние восторгов.

— Вам не скучно у нас? — спросила не осуждающе, а участливо Юлдуз. — Сейчас, во втором отделении, будут выступать студенты. Меня сегодня в программу не включили, так что я свободна. . . — Она смотрела на Темирджана, надеясь, что он поймет ее.

— Мне не хотелось бы, Юлдуз, лишать вас удовольствия. Вам, наверное, интересно послушать своих одно-

кашников? Но если можно, тогда я с радостью!..— И он помчался к гардеробу.

На улице было чисто и свежо. С утра в воздухе еще кружились запоздалые снежинки,— зима в том году никак не желала уходить. Час был еще не поздний: концерты, которые в консерватории назывались «внутренними» в отличие от тех, что предназначались для широкой публики, начинались сразу после лекций.

— Так куда же мы пойдем? — спросила с некоторым вызовом Юлдуз.

Бывало, корпя над очередным заданием, которые давал ему Гайиб, Темирджан то и дело отрывался от бумаг и неизменно видел в мечтах похожую сцену. Как находчив и смел был он в своем воображении! Он дерзко брал Юлдуз за руку и отправлялся бродить с ней по пустынным краям, носился наперегонки с ней по лугам и горам, а потом они в изнеможении падали на землю и молча смотрели в бездонное небо, по которому плыли, приветствуя их медленными криками, стаи волшебных птиц. Но сейчас, когда мечта вот так неожиданно становилась явью, он растерялся, но тут же вспомнил об отцовской роше: Юлдуз сама как-то расспрашивала его о ней. Он обрадовался мысли — отправиться вдвоем в безлюдный зимний сад, и Юлдуз охотно согласилась пойти туда.

Вскоре они уже шли по тропинке, покрытой рыхлым снегом. Кроны деревьев никли под тяжестью снежных шапок. Было очень тихо, только басовитый гудок теплового изредка доносился издалека. Юлдуз молчала, и Темирджану тоже не хотелось разрушать очарование заснеженной роши рассказами, напоминающими речи экскурсоводов, но девушка сама остановилась у могучего дерева, которое росло на краю аллеи, у самой воды, казавшейся сейчас черной среди белых берегов, и вскинула голову, любуясь широкой кроной.

— Эту липу отец привез из России, много лет назад,— заговорил Темирджан.— Меня тогда еще на свете не было. Отец рассказывал, что многие сомневались, приживется ли она здесь. Вы же знаете, липы предпочитают умеренную зону. Но отцу так хотелось увидеть, как будет она цвести. В цветках липы много нектара, поэтому весной над ней тучами роятся пчелы... И вот видите: не только прижилась, а утвердилась.

— Как интересно! А цветет она когда?

— Чаще — в конце мая, но иногда, если весна поздняя, даже в июне.

— Слушайте, Темир,— Юлдуз, словно заговорщица, поднесла палец к губам,— давайте придем сюда, когда на липе будут цветы и пчелы будут кружиться над ней. А сейчас мы ей поможем.

Темирджан ахнуть не успел, как девушка подпрыгнула, ухватилась за ветку, трянула ее, и лавина снега обрушилась на них. Юлдуз все же успела отскочить с озорным хохотом, а Темирджана обсыпало с ног до головы. Он, не отряхиваясь, с притворно грозным видом, но внутренне ликуя, кинулся за ней. Конечно же он мог бы догнать ее в одну минуту, но ему хотелось растянуть удовольствие, и он позволил девушке бежать до той поры, пока она не устала. Он даже изображал, что задыхается, пробираясь по глубокому снегу вслед за ней, и с трудом переставляет ноги. Она остановилась на берегу сая, положив ладонь на высоко вздымающуюся грудь.

— Ага! — сказал Темирджан.— Вот вы и попались. Какое наказание вы предпочитаете? Может, окунуть вас разок в холодную воду, чтоб не дерзили старшим?

— Ладно! — охотно согласилась Юлдуз, глядя в его сияющее лицо.— Окунете меня шесть раз подряд. В июне месяце. Когда будет цвести липа.

— Принимается,— Темирджан подошел к ней совсем близко.— Только уговор — не отказываться потом. Не откажетесь?

Девушка не откликнулась. Она запрокинула голову и, почти закрыв глаза, смотрела выше головы Темирджана в синее вечернее небо. Ему почудилось, что в зрачках ее застыли блики закатного солнца. Он потянулся к этому отблеску и ощутил, как поднимается в душе чувство, дотоле не испытанное им, и становится жутко. Но вопреки страху он подошел к ней еще ближе. Юлдуз не отступала. Тогда он закрыл глаза, протянул руки, обнял ее за шею, привлек к себе и поцеловал в озябшие щеки.

Тут же он поспешно отпустил девушку. Юлдуз стояла не шевелясь. Только вздрагивала нижняя губа и вздымалась грудь, будто девушка пыталась сдержать рыдание.

Впрочем, как-то очень быстро она успокоилась.

Опустила голову и начала внимательно разглядывать полосы, которые быстро чертила на снегу носком сапога. Конечно же она ждала, что Темирджан признается ей в любви, а он молчал, и это даже рассердило Юлдуз.

— Ты не обиделась? — спросил он тихо.

«Боже, какой он все-таки ребенок еще!» — подумала Юлдуз. Она только вздохнула в ответ и улыбнулась ему, как старшая.

Камень свалился с души у Темирджана.

С того памятного вечера они начали встречаться почти каждый день. Темирджан встречал ее у консерватории или приходил к ней домой. Засиживался допоздна, слушая музыку, а чаще — беседуя с Юлдуз о чем угодно, потому что все казалось интересным, если рядом была она.

О них начали говорить, и пересуды эти, как и следовало ожидать, коснулись ушей Хумайрабану. Странно, но вместе с радостью за сына мать ощутила и нечто похожее на печаль. Она долго не понимала, откуда это непонятное чувство, но вскоре, конечно, разобралась в себе: сын еще больше отдалялся от нее; теперь его мыслями, чувствами, каждой минутой полноправно владела другая женщина.

Бывали и грустные вечера, когда будущее представлялось беспросветным, но пришел вскоре неизбежный час, когда мать смирилась. Теперь все ее мысли были посвящены обоим — сыну и Юлдуз, которую она уже видела своей невесткой. Ей казалось, что у нее уже двое детей, и вот именно в эту пору сын собрался надолго уехать. Успел ли он объясниться с Юлдуз, поговорить о самом главном с ней, с ее отцом? Мать раздумывала об этом постоянно, но расспрашивать Темирджана не смела.

А он и сам мучился неведением. Топтался у ограды знакомого до боли дома, не решаясь позвонить. Юлдуз готовила конкурсную вещь, то и дело возвращалась к одному и тому же сложному пассажи, и он опасался, что помешает ей, рассердит ее, и тогда — не до важных разговоров. Долго прислушивался он к звукам фортепиано, долетавшим из дома, потом мысленно обратился к ней: «До завтра, Юл! Не стану тебя нынче отрывать...»

Дома он наспех поужинал и ушел к себе. Хумайра-

бану тихонько заглянула в дверь, увидела, что сын лежит, прикрыв глаза,— то ли дремлет, то ли раздумывает — о чем, догадаться нетрудно: в молодости и час разлуки с любимой кажется вечностью. И тут во дворе раздался хорошо знакомый голос тетушки Вотти:

— Хумайрабану, эй!

Мать поспешно прикрыла дверь в комнату Темирджана поплотнее и вышла на террасу.

— Входите, входите,— обратилась она к тетушке Вотти.— И не кричите. Темирджан отдыхает.

Женщины по обычаю обнялись и, завершая приветственную тираду, Хумайрабану спросила:

— Что ж это вы нас совсем забыли, соседка?

— Вай, времени минутки не остается. Пропуссор мой (произнести в этом слове звук «ф» тетушка Вотти была не в состоянии), не успеешь с одним делом справиться, другим нагружает.— Она перехватила взгляд Хумайрабану и перешла на шепот: — А что Темирджан прилег так рано? Не захворал ли, не дай бог!

— Забот у него много, вот и устал, сердечный.

— Да-да,— протянула со значением тетушка Вотти, взглянув искоса на дверь, которая вела в комнату Темирджана,— покой он, бедняжка, видно, потерял совсем.

— К чему вы это говорите, Воттихон? — испуганно спросила мать.

— Не тревожьтесь, родная, ничего страшного. Сейчас вот обо всем не спеша и поговорим. Затем и рвалась к вам, что покоя не знала, затем и явилась нынче в самый неурочный час, вы уж не сердитесь на меня только.

— Да что вы! Я вас всегда видеть рада. Садитесь. И начался разговор.

II

...Подлинное имя тетушки Вотти теперь уже вряд ли кто из жителей махалли помнил. А между тем ее называли когда-то очень красиво — Зебихон. Она была тогда молода и привлекательна, ясноглаза и нежна. Вокруг нее неизменно роились девушки, похожие на ярких птиц в своих пестрых платьях; Зебихон была их признанной предводительницей, душой бесед и веселых свадебных застолий, мастерицей на угощения. Достаточно было ей

слово молвить, и возникал смех, и души тех, кто было приуныл, освобождались от гнетущей тяжести. Ни одно событие в махалле без нее не обходилось, еще и потому, что, как уже было сказано, Зебихон отменно готовила самые вкусные блюда.

Конечно же девушка с подобными достоинствами не могла засидеться в невестах. Стала Зебихон женой молодцеватого джигита, парня с золотыми руками. О таких у нас говорят: на высохшем такыре сад вырастит. Но недолгим было счастье Зебихон. Началась война, муж ушел на фронт, утешал ее письмами, шутил под стать ей, даже в самую трудную пору, накануне жестоких боев, и она верила, что он вернется. Но принесла ей почта в один печальный день «черное письмо», и страшная весть о смерти мужа вмиг сломила красавицу.

Стала Зебихон молчалива и безучастна ко всему. Конечно же была она по-прежнему привлекательна, могла и замуж выйти, и детей нарожать, тешиться, на них глядя, но, видно, не из тех женщин была она: мысль о новом замужестве казалась ей изменой, камнем, брошенным в любимого человека. Гнала она от своего порога и тех, кто добивался ее руки, и утешительниц, призывавших ее к благоразумию. В конце концов уехала к родителям погибшего мужа, они жили в кишлаке неподалеку от Намангана, начала работать вместе с ними в поле, стала уважаемой колхозницей.

Постепенно оттаивала ее душа, и вот уже вновь тянулись к ней люди, и опять там, где Зебихон, были и шутки, и интересные разговоры. В запасе у нее было столько новостей и мыслей, что иные говорили: «Нам и радио слушать не надо — тетушка Вотти все сообщает раньше. . .»

Тетушкой Вотти прозвали ее не только за ташкентский говорок, но и за кипучесть натуры. Она была переполнена энергией, подобно тесту, всходящему на свежих дрожжах, а оно при этом нет-нет да издаст вот такой же звук «вот-ти». Все стали называть ее так, и она не обижалась, а только улыбалась в ответ, а потом сама привыкла к прозвищу больше, чем к собственному имени.

Но шли годы, умерли старики, и потянуло тетушку Вотти снова в родные места, где была первая встреча с суженым, где давным-давно игралась веселая свадьба.

С трудом узнали соседи былую Зебихон: в черных волосах густо пробилась седина, стали бесцветными алые губы, щеки избородили морщины. К тому же раздалась тетушка Вотти вширь, да и аппетит свой не умеряла. И все же в минуты, когда она начинала увлеченно высказываться, неважно о чем, все видели перед собой прежнюю Зебихон. Впрочем, вслед за ней из Намангана прилетело и ее прозвище; теперь вся махалля иначе как тетушкой Вотти ее не называла.

Вот и сейчас она была переполнена невысказанными вестями и идеями настолько, что, глядя на нее, невольно вспоминалось то самое тесто, которое перебродило в кадке. Сперва она разговаривала тихо, но шепот был противопоказан тетушке Вотти. Она увлеклась, и вскоре Темирджан уже слышал отчетливо почти каждое произносимое ею слово.

— Узнают орла по полету,— говорила тетушка Вотти,— так и Темирджана вашего я с первых шагов поняла: он из тех, кто каменную гору свернет, если она на пути окажется, дворец голыми руками построит, а к тому же — добр, воспитан как надо. Одно мешает ему (верьте мне, дорогая, я же жизнь готова за вас отдать), так вот — не научился еще дорогой наш Темирджан в людях как следует разбираться. А еще — стеснителен. С пропуссором моим разговаривает, а сам в пол глядит. «Да ты что? — крикнуть мне самой хочется, на Темирджана глядя.— Хуже их, что ли? Твой родной отец таким пропуссором был, никакой академик с ним не сравнится. Держись достойно, а не гляди в щель, как таракан какой-то». . . Простите меня, пожалуйста! Потому-то и девчонка эта пропуссорская голову ему так легко заморочила. Бродит за ней, словно на привязи, как теленок, опять же прошу вас, извините меня за такие слова, но я же только потому, что в жертву принести себя ради вашего счастья готова.

Хумайрабану помрачнела. Она уж было готовила планы, как ей пойти к профессору Джамалову со сватовством. Он-то, наверное, не отказал бы. Все говорят, Темирджан — его любимый ученик, знает он Темирджана с детства, а ведь не зря сказано, что испытанный шайтан надежнее незнакомого ангела. Это правда, конечно, что Темирджан порою робок не в меру, но зато — умница и трудолюбив, никто против этого не воз-

разит. И не может он так уж ошибиться в своем выборе, не права Вотти. Сердцем он людей распознает. Нет, неприятно Хумайрабану слышать нехорошие слова о девушке, которую она своей невесткой уже считает. Однако вслух она сказала вежливо:

— Странно слышать от вас такое, Воттихон. Девушка та представляется мне весьма достойной. Она выросла в хорошей семье и воспитана как надо. С чего бы это такая девушка стала зря приманивать Темирджана?

— Да, да! Она воспитанна, образованна, раскрашена, — охотно подхватила тетушка Вотти. — А к тому же полагает, что именно она — пуп земли. От такой лучше всего — сразу же отмахнуться, а мне о ней еще и не то известно. Иные девушки с детства узнали, бедняги, почему фунт лиха, а эта — баловница у отца; она теперь уже им тоже верховодит. А уж изнеженна! Пиалушку из горки не достанет. Все ей подать надо, замечание сделаешь, накинется, как тигрица лютая. Едва от своего пирпирпьяна¹ отойдет, тут же начинает у столика туалетного вертеться. Там у нее что в твоём парфюмерном² магазине. Каких уж только нет кремов, лосьонов, лаков, красок! И для бровей, и для ресниц, и для волос. Что ни день, по-новому причесывается: то горшком, то хвостом лошадиным, то распустит волосы так, что и лица не видать. А потом три часа платья перед зеркалом примеряет: и одно не нравится, и другое не подходит, и третье уже немодно, а еще одно — похожее у кого-то на улице видела, а платьев этих у нее милён, и все ей мало!

— Да ведь говорят не зря: не попадет в жемчужницу песчинка, и жемчужины не будет, — возразила не совсем уверенно Хумайрабану, — а еще — розы без шипов тоже не бывает. Ну, пускай она неженка, но, надеюсь, девушка вполне порядочная. . .

— Язык ваш сладок, дорогая. Дай бог, чтоб таким он и оставался вовеки! Мое дело — предупредить хоро-

---

¹ Тетушка Вотти свободно объединяет узбекское слово «пирпирмок» (вертеться) и русское «пьян», обыгрывая «фортепьяно». По ее мнению, Юлдуз, сидя за клавишами, раскачивается, словно пьяная. (Прим. переводчика.)

² Конечно же тетушка Вотти употребила узбекское «атир магазин» — «душистый магазин», но звучит это по-русски косноязычно. Оставим уж — «парфюмерный», хотя подобные слова тетушке Вотти и несвойственны. (Прим. переводчика.)

ших людей, чтоб не обожглись ненароком. Уж очень завидный парень ваш сын. Жаль мне его.

Слова тетушки Вотти задевали Хумайрабану за самое живое, но она, однако, оставалась по-прежнему учтива, как и подобает держать себя хозяйке. С предельным старанием заваривала она лучший чай.

— Вот растет же рядом еще одна дочь у пропуссора,— продолжала между тем тетушка Вотти, вдохновляясь.— Разве сравнишь Кундуз с ее сестрицей? Кундуз и проворна, и в любом деле умела, и красотой ее бог тоже не обидел. Вот кого следует брать в невестки! Так кажется мне, а я в жертву себя ради вас принести готова.

— Поймите, Воттихон, разве может кто стать судьей в делах сердечных? — Хумайрабану протянула ей пиалу с чаем.— К тому же слышала я, что и сама Юлдуз к моему сыну равнодушна.

— Еще бы! — воскликнула тетушка Вотти.— Что ж ей не тянуться-то к умному и видному парню? Он и даровит, он и с образованием. . . А вот ему-то что в ней? Ну, стройна, смазлива, так на свете если и есть что в избытке, то это — девчонки. К чему я все говорю, спросите? А к тому, что нельзя в этих случаях голову терять. И путешествие, и кочевка — все едино путь-дороженька, отдать бы мне жизнь за ваше счастье! Пусть уж ее красота при ней самой остается. Вот так.

— Что тут скажешь, Воттихон. . . Спасибо, конечно, что так печетесь о нас. Иначе у близких соседей и не водится. Понятно, худого вы нам не пожелаете. Что ж, наверное, не сошлась клином земля на дочери профессора Джамалова. . .

— Устами бы вашими мед пить! Наконец-то вы прозрели.

— Он-то у меня, вы же знаете,— единственный,— продолжала, пригорюнившись, Хумайрабану.— Нынче он на хорошем месте, с уважаемыми людьми рядом. Будет жив-здоров, и семьей, даст бог, обзаведется.

Странная радость звучала в голосе матери. Будь на ее месте другая, она бы всыпала этой сороке как надо, чтоб та зря не трещала. . .

Темирджан помрачнел, услышав этот разговор, но даже самый свирепый ураган не заставил бы его отдалиться от Юлдуз на полшага.

Три гектара земли; отведенные для опытов, расположились у подножия адыров — пологих предгорий, изрезанных глубокими оврагами. Лет пять назад здесь и травинка не росла, и нога человеческая не ступала. Воздух в летнюю пору накалялся до того, что обжигал легкие; каждый камень казался пылающим углем. Разве пришло бы кому в голову бросить в эту гиблую землю хорошие семена! Однако не зря говорят, что трудовые руки и снег разожгут. Люди разрубили каменную грудь иссохших адыров, проложили бетонный канал, и понесся по нему животворный могучий поток. От него разбежались во все стороны арыки. Они принесли влагу и плодородный грунт, закрывший россыпи камней. Сперва на новых полях посеяли лук, затем кукурузу и лишь на третий год — хлопчатник.

Теперь местность, на которую прежде и взглянуть-то было жутко, стала красивейшим краем. До самого горизонта расстилались, купаясь в обильных солнечных лучах, поля. То тут, то там виднелись уютные полевые станы, окруженные молодыми стройными тополями. Вдоль обочин поднялись тутовые деревца, они уходили двумя рядами далеко-далеко, и это напоминало аллею в обширном парке.

Да, ландшафт был живописен, однако Темирджану не часто удавалось созерцать его. Лишь однажды, уже под вечер, забрался он на вершину адыра, и ему вдруг захотелось птицей пролететь над всей этой долиной. Отсюда был виден кишлак. Цвели урюковые сады. Они напоминали жемчужные ожерелья. Куда ни глянь, открывался вид, радующий, словно улыбка девушки: зеленый бархат полей, машины на них — будто корабли, неспешно пересекающие океан... Невольно подумал он о том, что вся эта красота создана человеком, его усилиями, его умом.

Темирджан и сам трудился наравне с хлопкоробами. Вместе с ними выходил на рассвете в поле и оставался там допоздна. Казалось бы, в институте его научили многому, не раз бывал он, как все студенты, и на практике, в поле, однако лишь сейчас, работая рядом с тружениками земли, открывал он для себя множество тех тонкостей, о которых ни от самого образованного

профессора, ни от самого добросовестного наставника не услышишь.

И умение, и опыт нужны, чтобы вырастить хлопок, но прежде всего — великое долготерпение, искони присущее дехканину. Лишь в сочетании с этим неизбывным достоинством дехканской природы будет прок и от культиваций, и от поливов, и от окучивания.

Однако все это была «философия и мудрствование», как говаривал Гайиб. Ему же нужны были факты, данные и цифры — причем отменные, свидетельствующие об успешном движении полевых опытов. Пока что Темирджан мог отправлять в Ташкент, не кривя при этом душой, сведения, радующие его шефа.

Одно искренне огорчало Темирджана: проходили дни, недели, хлопчатник его уже отцвел, появились и коробочки, а вот сойтись поближе с сельчанами ему не удавалось. Сперва за глаза, а потом и при нем они начали называть его «ученый малый». Он казался им человеком другого мира, а его склонность становиться угрюмым, уходя в свои мысли, казалась странностью. Они видели в этом еще и как бы нежелание общаться с ними, простыми людьми.

Девушки, случалось, проходя мимо него, углубленно в свои записи, переглядывались и хихикали. Он смущался, но не в силах был заставить себя откликнуться шуткой. Ему казалось, они его не поймут, обидятся. Так уж лучше — отмолчаться снова и продолжить бдение над очередным отчетом для лаборатории.

Однажды с ним наконец разговорился почтенный бригадир Хилал-ака.

— Не уставать вам, ученый малый, — обратился он к Темирджану и спросил с некоторой иронией: — Уж не подсчитываете ли вы, сколько листьев на ваших кустах?

— Считаю, сколько в среднем завязей на каждом, — серьезно ответил Темирджан.

— Ну и как?

— На одном кусте — пять, на другом — шесть.

Хилал-ака присел рядом, раздвинул листья на хлопчатнике.

— Да-а, — протянул он, — маловато. Вот рядом с вами — участок Анархон. У нее меньше восьми завязей не найдете. А мы же вас не обижаем: и удобрения, и поливы — вовремя и вдоволь. Так же?

Темирджан кивнул.

— Ладно,— заключил Хилал-ака,— хватит на сегодня трудиться. Время ужинать. Пойдемте-ка отдохнем малость.

Он пошел вперед. Левый рукав его рубашки был аккуратно заправлен за ремень. Руку Хилал-ака потерял в бою под Харьковом. Но ни военные невзгоды, ни тяжелые раны, ни возраст не согнули потомственного дехкана. Несмотря на свои пятьдесят с лишним лет, он всегда держался прямо, был подвижен едва ли не юношески, лицо его было исполнено достоинства.

Быстрым шагом подошел он к хаузу, возле которого раскинулся полевой стан, резкими движениями отряхнул пыль с брезентовых сапог, расстегнул китель на широкой груди и подставил ее вечернему ветру. Темирджан в свою очередь снял с головы киргизский белый колпак, разулся, присел у арыка и умылся. Рубашку свою, украшенную замысловатыми рисунками, он повесил на сук тувовника. На нем осталась лишь майка да трикотажные бриджи.

Старик чайханщик приметил гостей издали. Он приблизился к ним с жестяным чайником в руках и налил каждому по пиале остывшего зеленого чая.

— Пейте на здоровье,— сказал чайханщик, разъясняя, по стариковской привычке, то, что было общезвестно,— нет лучше напитка в жаркую пору, чем холодный кок-чай.

Бригадир и пиалу осушил так же быстро, как делал все.

— Рахмат, Усмани-ата,— поблагодарил он,— щедрость души — дороже влаги.

— Спасибо, бригадир,— старик чуть прикоснулся вялыми пальцами к груди.— Что-то вы снова так внимательно присматривались к хлопчатнику? Как он у нас нынче?

— Неплох,— Хилал-ака опустил на расстеленное поверх кошмы одеяло и обратил лицо к бескрайнему полю.— Не напрасно трудилась наша Анархон и зимой, и весной, и вот сейчас — летом.

Старик подал пиалу Темирджану.

— Да, нынче у нее дела вроде бы на лад пошли,— заметил он, вглядываясь, как и бригадир, в поле.— Себя

не жалеет, да и всему звену своему покоя не дает. Потому у нее, думаю, коробочек будет обильно.

Хилал-ака снял свою чувстскую тубетейку, аккуратно сложил ее и прижал, поглаживая, ладонью к колену.

— Жаркое выдалось лето снова,— сказал он, чтобы уйти от разговора об Анархон и урожае на ее полях.

Темирджан понял это, но старик не унимался.

— Жара для хлопка, что жир для плова,— продолжал он,— от нее только множатся коробочки. Увидите, такой урожай выдаться у девчонки, лишь поспевай собирать.

Бригадира, однако, это доброе предсказание не развеселило.

— Я о другом беспокоюсь,— откликнулся он хмуро,— как бы нам снова без воды не остаться.

— Неужто и впрямь может случиться такое? — старик встревожился.

— Вода в Карадарье на локоть снизилась, а лето ведь только в начале.

— Господи, хоть бы Дарья нас не подвела нынче — не то будем маяться, как в позапрошлом году,— произнес старик, словно молитву, и все погрустнели.

— Ладно! — Хилал-ака хлопнул тубетейкой по колену и поднялся.— Для вас, ученых, оно, наверное, еще и кстати,— сказал он, глядя на Темирджана.— Увидите, как перенесет маловодье ваш этот самый госсипол,— он не без труда выговорил новое для него слово.

— Без воды даже колючка не растет,— мрачно возразил Темирджан. Он уже опасался, не поставит ли бригадир его в неравные условия с прославленной звеньевой Анархон; и Хилал-ака понял это.

— Получит ваш участок столько же поливов, как и все остальные,— сказал он.— Мы от своих обещаний не откажемся, как бы трудно ни пришлось.

— Спасибо,— сказал Темирджан,— я знаю, как нелегко хлопкоробам, если воды мало.

— Справимся,— спокойно откликнулся Хилал-ака.— У нас легкого года не бывает. Не одно, так другое. Привыкли.

— Плохая привычка,— сказал Темирджан. Ему захотелось и утешить бригадира, и высказаться.— Затем и стараются ученые,— добавил он горячо.— Вы бы видели: тоже ночей не спят иногда. Ищут, спорят!..

— Искать-то ищут,— произнес, не скрывая сомнений, Хилал-ака.

— И находят! — возразил Темирджан.— Вот, к примеру, на участке у Анархон какой сорт посеян?

— «Уз-701»,— ответил Хилал-ака,— а что?

— А то, что сорт этот, вы хорошо знаете, не боится вилта. Мне пришлось наблюдать, как поражались американские специалисты, когда их знакомили с этим сортом. Они назвали его чудом. А создал это чудо очень скромный человек из нашего института — Назирджан Набиджанович.

— Новые сорта на моей памяти раз пять, не меньше, появлялись. На то и существуют опытные станции, чтоб их выводить.

— Верно, только знаете, что сказали американцы? По их подсчетам, требуется пятнадцать лет, чтобы вывести такой сорт, как «Уз-701», а Назирджан Набиджанович сделал это всего за четыре года. Не мог наблюдать равнодушно за тем, как вилт жрет тонны хлопка, и искал,— Темирджан выделил это слово,— искал более коротких путей. И нашел, как видите.— Он тоже поднялся и указал рукой на поля, где ровными рядами стояли крепкие, один к одному, кусты.

Хилал-ака вдруг обнял своей единственной рукой Темирджана за плечи и произнес доверительно, наклонившись к нему:

— Вот бы и ты, братец, посеял на своих трех гектарах этот же «Уз-701» и был бы с урожаем. Можешь мне верить: чутье меня еще никогда не обманывало — не будет толка от этого твоего госсипола.

Темирджан густо покраснел. Хилал-ака словно изобличил его. Но ответил он, как требовалось:

— Нельзя этого было делать никак, Хилал-ака. В этом случае урожай — не самоцель. Понимаете, суть не в том, чтобы собрать с моего участка рекордный урожай.

— Это ясно,— согласился Хилал-ака,— только чувствую я, не зря ты, парень, так переживаешь из-за каждой коробочки. Видно, ждут тебя большие неприятности от твоего начальства, ежели не покажет себя этот твой госсипол как надо.

— Без неудач в науке не бывает,— Темирджан все же вздохнул,— но все-таки главное — честность. Вот

представьте, что Назирджан Набиджанович дал вам свой сорт хотя бы годом раньше, когда вилтоустойчивость «701-го» еще не определилась окончательно? Что это означало бы?

— А то, — жестко заключил Хилал-ака, — что за такие вещи на фронте к стенке ставили без суда. — Он посмотрел прямо в глаза Темирджану. — Ты не сердись, парень. Я попросту испытать тебя хотел. Проверку ты выдержал. Того же и твоему госсиполу желаю, а с моей стороны всяческая поддержка тебе обеспечена, — и он пожал руку Темирджана своей сильной ладонью.

— Пошел, чтобы по радио с правлением поговорить, — сказал старик, глядя вслед бригадиру. — Вот уж где беспокойная душа! — Он поманил Темирджана поближе и начал потихоньку, так, будто это было великой тайной, рассказывать о том, что Хилал-ака с той самой поры, как вернулся с фронта, работает бригадиром и бригада у него всегда самая передовая. В прошлом году тоже — получили по сорок пять центнеров с гектара, но Хилал-ака на собрании сказал, что, мол, хуже поработали, чем могли, не то по пятьдесят центнеров собрали бы.

Старик рассказывал еще и о том, что бригада за три года увеличила свои поля вдвое — подняла целину, но Темирджан слушал его уже невнимательно. Мысли его были заняты все тем же — водой. И без того хлопчатник на его участке развивается хуже, чем у той же Анархон хотя бы, а без дополнительных поливов он и вовсе сдаст.

— Скажите, ата, как же вы в позапрошлом году из положения вышли? — спросил он. — Ну когда маловодье случилось?

— По-всякому, сынок. Хилал и вправду ночей не спал. Сам следил, чтобы поливальщики лишней капли не израсходовали. Сорняк где увидит — голову готов снять со звеньевого. «Паразитов поишь!» — кричит. Еще — колодцы копали. Добывали грунтовые воды. А вообще-то — правильно он тебе сказал: легкого года у хлопкороба не бывает. Я вот, сколько живу на свете, ни одного не упомянул. То заморозки весной ударят, то маловодье случится, то гармсилль раскаленной пылью засыплет кусты, а то, не дай бог, сель случится. Как понесется грязь вперемешку с камнями, так половины

полей и садов словно и не бывало. А что поделаешь? Потому оно и ценно, что достается нелегко. У вас-то, в вашей науке,— так же, наверное?

— Конечно — так,— Темирджан вспомнил свои жизнерадостные сводки и помрачнел.

Ночевал он, как обычно, на супе¹, вокруг которой росли в изобилии розы и мята, выращиваемые все тем же Усмани-ата. Хорошо поздним вечером видеть прямо над собой светящуюся россыпь звезд, а под утро услышать соловьиные трели! Старик заботливо поливал землю вокруг супы, и с наступлением сумерек поднималась прохлада, а от цветов — дивные густые запахи.

— Вы пошевелите мяту,— посоветовал Темирджану старик, появляясь из темноты.

Темирджан так и сделал, и ароматная волна мгновенно окутала его.

— Не спите? — спросил старик. Он присел на супу и поставил рядом с собой неизменный чайник.— Я на виноградниках был,— сообщил он Темирджану. Ему конечно же хотелось поговорить с новым человеком. Он начал не спеша рассказывать о том, что вот все тот же неугомонный Хилал задумал на новых землях развести виноградники, чтобы двадцать гектаров. Ему на правлении сказали, чтоб не смел своих людей от хлопка отрывать, а он говорит — и не надо! Собрал два звена из стариков пенсионеров, сам им оплату за труд назначил, а они и без того согласны были поработать немного: надоело по усадьбам да в чайхане сидеть. И вот в прошлом году начал виноградник плодоносить, да так обильно, да такой виноград сочный и сладкий! Удивляется, правда, Усмани-ата: подаст колхозникам к чаю блюдо, а на нем половина остается, несъеденного. Да и то сказать: кого у нас нынче удивишь виноградом? Это его когда-то, в давнем рабском детстве, отхлестал камчой байский слуга за кислую незрелую гроздь, да так, что он пять дней подняться не мог: все тело было в кровавых ссадинах. Мать, бедная, последнего достояния лишилась, чтоб с табибом рассчитаться. . . Эх, да что вспоминать! Минули, слава богу, навеки лихие времена.

Старик, однако, не забывал, что судьба послала ему в собеседники человека ученого.

---

¹ Суп а — глиняный помост.

— Просьба у нас есть одна,— произнес он почтительно,— тля проклятая у нас на одном участке никак не выведется. Уж мы ее и травили, и виноград обрезали, и окуривали. Может, взглянете? Вам-то видней, что с ней делать.

— Зайду непременно,— пообещал Темирджан.— Химики у вас где?

— Да на складе, в правлении. Говорят, какие-то новые привезли, немецкие, что ли, только Хилал не знает, какие из них нужны нам.

— Сейчас я напишу,— Темирджан слез с супы, присел под лампочкой и быстро написал на листке из блокнота названия двух новых дезинсекторов.— Только смотрите, без меня этими средствами не пользуйтесь. Я сам покажу, как распылять надо, чтоб на ягоды не повляло.

— Конечно, сынок! — воскликнул старик, бережно складывая бумагу.— Мы же понимаем, без ученого такое дело начинать никак нельзя.— Он искренне благодарил Темирджана и желал ему от души всех благ. Уже уходя, он спросил из темноты: — Вот вы, сынок, про американцев недавно вспоминали, а правда, что это от них, из Америки, к нам эта тля окаянная явилась?

Темирджан невольно улыбнулся.

— Завезли ее, отец, из-за границы,— сказал он.— Неумышленно, конечно.

— Вот-вот,— заключил старик,— мы им, значит,— хлопчатник, который вилта не боится, а они нам — всякую пакость.

— Да не так все это просто, отец,— возразил уже сонным голосом Темирджан.— Просто у каждого растения, у каждого организма, и полезного и вредного, есть своя родина.

— Нет уж, сынок, родина только для доброй души существует,— откликнулся Усмани-ата уже издали и с тем удалился, оставшись при своем непоколебимом мнении.

С того памятного вечера, да еще и после того, как филлоксера чудесным образом исчезла с обработанных дезинсекторами виноградных шпалер, старик проникся к Темирджану чрезвычайным уважением. Как-то после

работы он пригласил Темирджана к себе в дом и был так настойчив, что отказать ему было невозможно. Жил Усмани-ата вдвоем со своей старухой в старой усадьбе, занимая всего одну комнату в большом и некогда шумном доме. Дети его жили теперь каждый своей усадьбой, полагая, очевидно, что так удобнее и для них и для стариков. Только внуков малолетних, а их было, как рассказал с гордостью Усмани-ата, немало, приводили на день к бабушке.

— Как в детский сад все равно,— сказал старик, смеясь щербатым ртом.

За чаем Темирджан рассказал старику о том, что в одном институте нашли новый способ для уничтожения паутинного клещика.

Усмани-ата помнил случаи, когда паразит этот сжирал поля дотла, но то было давно, еще до Советов. В колхозные годы научились справляться с клещиком более-менее быстро, да к тому же клещика этого трехклятого все-таки видать, а вот вилт — напасть, которая подкрадывается незаметно и бьет потом наповал. Особенно свирепствует вилт в маловодные годы. Кто его разберет, почему оно так получается? То ли потому, что, как говорится, беда одна не ходит, то ли по причинам, о которых лишь люди ученые знать могут. Вот, к примеру, в позапрошлом году. Лето тогда, все это помнят, выдалось жаркое даже для наших краев. Небо жгло землю, а земля, словно горячая плита, раскаляла небеса. Поля в иные дни становились потрескавшимися, будто такыры. Листья хлопчатника звенели от сухости. Кусты никли. И вот тут-то вдруг ударил еще и вилт. Коробочки начали пропадать на глазах. Бутоны осыпались, листья съезживались. Тогда-то вновь убедился старик, какая же мы все-таки сила, если все вместе! Пришли из города новые машины, и химикалии, и специалисты. Сами колхозники, конечно, в поле и дневали и ночевали. Дали хлопчатнику вдоволь воды, убрали заболевшие кусты и сорняки, подкормили кусты как надо и все-таки спасли урожай.

Старик вспоминал подробности того тяжелого лета, называл какие-то имена, но Темирджан, пораженный догадкой, думал все о том же: есть ли связь между маловодьем и вилтом, или это — злое совпадение? Он спросил об этом у старика.

— Я же говорил, откуда нам знать, если вы, ученые, сомневаетесь? — ответил Усмани-ата. Он даже голову почесал, усердно соображая, что сказать. — Мне всегда больше по душе были сады, сынок, однако и хлопчатнику отдал я немало лет. Вот мне и кажется, что в сушь, когда земля трескается и обнажаются корни растений, они начинают сохнуть — и тогда ветер заносит в них эту самую заразу — вилт, значит. А если обработать как следует поле, окучить кусты, напоить землю, подкормить растения, тогда вроде бы и вилту дорога закрывается. Короче говоря, все, по-моему, от почвы зависит: если она ухожена, влажна, удобрена, то и хлопчатник болеть не будет. Конечно, я толком, может, и не разбираюсь. Вы вот сейчас привезли к нам этот ваш, выговорить никак, вы уж не сердитесь, не могу. . .

— Госсипол, ата.

— Да, я про него и говорю. Вы образованный человек, конечно. Может, вам видней, что все дело — в зерне, в семенах. Только я полагаю, что все-таки с почвы начинать надо. Если поле здоровее, ну и, конечно, семена хорошие, хлопчатник вырастет не хуже, чем у Анархон нынче, не сглазить бы только! — И старик произнес привычное заклинание от сглаза: — Туффалам!

«И этот тоже не верит в госсипол», — подумал Темирджан. В нем, однако, проснулось не уныние, а протест. Пусть сомневаются. . . Скоро своими глазами увидят, что такое для хлопчатника — госсипол. Сами начнут умолять, дайте, мол, побольше ваших чудесных семян.

Темирджан повеселел, а тут еще старушка поднесла им превосходнейшую машхурду — дивное мясное блюдо, заправленное сметаной.

Сумерки между тем сгустились. Затих шум на полях. Слышно было, как возвращаются с песней домой парни. Потом лишь плеск чигиря нарушал тишину благостного вечера.

Старик снова рассказывал о Хилале-ака, о том, что не раз выдвигали его на пост председателя колхоза, только Хилал не соглашался, просил людей: оставьте меня в поле — люблю землю, люблю видеть плоды своего труда своими глазами. Ему, Хилалу, ни почести, ни премии не нужны. Не за то старается, как иные. *

«Что ж его греет?» — едва не спросил Темирджан. Ответ лежал неподалеку: в памяти всегда жил его собственный отец, Мардон Юлчиев. Темирджан не забыл, как удивлялись коллеги отца, больше других, пожалуй, профессор Джамалов, когда Мардон Юлчиевич отказался занять одну из самых высоких должностей в Академии наук. Сказал с усмешкой: «Мне одному, да еще в большом кабинете, как-то не по себе становится. То ли дело — в горах, в роще. . .»

— Семья у Хилала большая? — спросил Темирджан.

Старик вздохнул, отвечая. Оказалось, живет Хилал один как перст. Была у него жена, ушла на заработки в большой город, пока он воевал, да и не вернулась. Кто говорит, померла, кто — наоборот, живет, мол, припеваючи, ударилась в торговлю, дружка сыскала под стать себе и не захотела в кишлак возвращаться. А Хилал, видать, однолюб. Страдал, наверное, раньше очень сильно, а теперь все в нем перегорело, но на женщин и не глядит. Пытались наши тетушки посватать ему и одну, и другую, а он всех свах прочь гонит. Однако детишек любит. Получит деньги, почитай, всю кишлачную ребятню одарит конфетами да игрушками. Да и в бригаде у него всегда одни лишь «сынки да доченьки», так он их называет. Он же всему научит: и хлопок понимать, и любой машиной управлять, даром что сам, бедняга, на войне покалечен.

Темирджан заночевал у гостеприимных стариков. Уже засыпая, привычно подумал о Юлдуз. Он написал ей из колхоза в первый же день, подождал неделю и написал снова («А вдруг затерялось на почте мое письмо. . .»), потом — еще, а ответа все не было, и Темирджан от надежды и грусти уже перешагнул к стойкой обиде, но вот на днях получил он радостную весть от матери. Хумайрабану писала, что ходила она в гости к профессору Джамалову, замолвила словечко и о детях — о Темирджане и Юлдуз, — и профессор, кажется, не против того, чтобы Темирджан стал его зятем, да и Юлдуз внимательна была к Хумайрабану, словно к матери родной. . .

«Смутил ее мамин визит, потому и не пишет. Что поделаешь: в каждой девушке нашей живет скромница».

Спокойнее было рассуждать вот так, к тому же и надежда вернулась к Темирджану. А без нее на сердце холодно.

IV

Как и предвидел Хилал-ака, воды становилось все меньше. Воздух стал душен. Кусты поникли, борозды были сухи; когда Темирджан шагал по ним сейчас, из-под ног его взлетала пыль, а над культиватором, который ползал невдалеке, стояло серое лохматое облако.

Все были невеселы, однако привычно делали все, что могло бы помочь хлопку. Спасение, однако, могла принести только влага, и надежда была, как всегда, на Большой Ферганский канал. Не раз уже спасал он долину в самые засушливые годы. Должен был выручить и теперь. Но на воду, которую нес канал, точно так же надеялись многие другие хозяйства. Отпускали ее в обрез.

Казалось бы, с молоком матери впитал Темирджан завет предков, превративших опаленный солнцем край в оазис: «Береги каждую каплю воды!» Но лишь теперь понял он, как же непросто осуществить это мудрое правило на деле. Был случай, какой-то ретивый звеньевой ухитрился — глубокой ночью, разумеется, — полить свои поля и перестарался до того, что они превратились в болото. И это в ту пору, когда соседние участки изнемогали от жажды!

Темирджан был на заседании правления, где этого звеньевого били самыми жестокими словами. Его, конечно, отстранили от руководства звеном, но главным было иное: по предложению все того же Хилала-ака создали водные патрули из самых надежных людей. Патрули дежурили, сменяя друг друга, круглые сутки около водораспределительных устройств, проверяли, бережно ли расходуют влагу поливальщики в каждом звене.

— Кого себе в пару для патруля возьмете, Хилал-ака? — спросил на заседании раис, и Темирджан вздрогнул и покраснел от волнения, когда бригадир сказал в ответ:

— Да вот, ученый малый, если не откажется, пойдет со мной на ночь.

Воды все-таки не хватало; начали копать колодцы.

Темирджан напрягал память, чтобы воскресить лекции по гидрогеологии, которые он, увы, слушал когда-то не очень внимательно, но все же что-то, наверное, осталось в голове, потому что в трех местах, которые указал он (в одном случае пришлось преодолеть упрямство самого Хилала-ака, который с большим сомнением «уступил науке»), вода появилась прежде, чем в других колодцах.

На ладонях у Темирджана кровоточили лопнувшие пузыри, но он был счастлив, когда выбросил первую лопату уже потемневшей от подземной влаги земли, а вскоре почувствовал босыми ступнями воду.

Словно навестывая упущенное во время засухи, кусты выбрасывали новые завязи; коробочки уже распирало изнутри.

Конечно же Темирджан ревниво следил за своими тремя гектарами, и вот однажды он заметил среди ровной зелени кустов светлый проблеск, будто кто-то мазнул по хлопчатнику белой краской. Он побежал вперед, и вскоре в руках у него оказалась коробочка, выбросившая белоснежное пенное волокно. Он спрятал коробочку в ладони, словно птенца, и понесся к полевому стану. Бригада как раз собиралась обедать. Повар-ошпаз разносил налитую в касы горячую шурпу. Он как раз поставил чашку перед бригадиром. Хилал-ака едва оцупил ложку в пахучую похлебку, когда к нему подбежал запыхавшийся Темирджан.

— Что стряслось? — спросил Хилал-ака, увидев необычно возбужденного парня.

— С вас суюнчи причитается! — радостно произнес Темирджан. — Что подарите за эту добрую весть? — и он торжественно протянул бригадиру коробочку хлопка, которая, он же был уверен, раскрылась самой первой именно на его участке.

Хилал-ака, однако, не выказал особого удивления.

— Сядь, поешь с нами, — пригласил он. Коробочку бригадир весьма небрежно положил на край помоста.

Темирджан недоумевал. Неужто до того сдержан Хилал-ака, что даже нишона, как называют первую раскрывшуюся коробочку нового урожая, не радуется. Все объяснилось проще: оказалось, что на полях все у той же Анархон хлопчатник раскрылся еще два дня назад. Там уже готовились к первому сбору.

Девушки, Анархон в их числе, — они наблюдали за

торжествующим Темирджаном, который тут же повесил нос,— переглядывались и посмеивались. А Темирджан был попросту убит. Как же так? — искренне недоумевал он. Госсипол не мог не проявить себя на этом поле! Пусть не в той мере, что в теплицах, но не могли же не сказаться преимущества, обусловленные более высоким содержанием в кустах этого чудодейственного вещества?

Сам себе не веря, он после обеда, когда все остались, чтоб с полчаса отдохнуть на полевом стане, отправился на поля того звена, которым руководила Анархон. Все было так, как говорил бригадир: раскрывшиеся коробочки виднелись едва ли не на каждом кусте.

Прошло еще несколько дней. Поле Темирджана заметно побелело, но гораздо обильней урожай был у Анархон. Впервые задержал Темирджан свой недельный отчет. Он понимал, что никакие прогнозы типа — окончательные итоги только осень подведет — не устроят его шефа — Гайиба. Тому нужны были победы на каждом этапе. Не зря же он, как стало известно Темирджану из писем, которые ему регулярно присылала лаборатория, уже успел доложить на представительном собрании, что их сорт хлопчатника прекрасно проявил свою устойчивость против засухи в условиях крайнего маловодья. Темирджану прислали стенограмму выступления Гайиба. Там после этого сообщения в скобках стояло слово «аплодисменты». А что будет теперь, когда всем станет известно, что хлопчатник на опытном поле отстает в развитии?

Темирджан терзался сомнениями, не зная, как поступить, но тут — вот уж воистину нет худа без добра! — он неожиданно свалился с высокой температурой. Разламывалась голова, болело горло. Темирджана отвел к себе Усмани-ата и поручил его заботам своей супруги. Лекарств она не признавала, лечила средствами, унаследованными от бабки, — малиновым отваром, солеными полосканиями, однако на третий день Темирджан почувствовал себя почти здоровым.

Утром в воскресенье со стороны полей донесся бодрый перестук бубнов, веселая мелодия. Потом послышалась и песенка. Ее напевал тонкий девичий голос.

Темирджан прислушался и поднялся с постели. Он был уже бодр, только чрезмерно взволнован. Никак не

мог зашнуровать туфли, застыл, держа ее в руке и прислушиваясь к песенке. Без труда узнал он голос Анархон. Девушка и в поле во время работы часто пела.

Он оделся и пошел на полевой стан. Конечно же он сразу догадался, что происходит там: каждый год таким вот празднеством открывалась хлопковая страда — массовый сбор урожая.

На полевом стане у Хилала-ака помосты, площадки под деревьями и около хауза были застелены яркими паласами и коврами. Было раскинуто несколько скатертей, на них стояли блюда с фруктами, виноградом, медовым нижиром, горячие чайники, свежие лепешки. Все колхозники из бригады Хилала, многие — с детьми, угощались, пили чай, слушали с удовольствием песни.

Первым Темирджана увидел старый Усмана́ли. Он подозвал его жестом, налил ему чаю и потихоньку отчитал: зачем, мол, поднялся! Лежать еще нужно было. Вон — лицо красное и круги под глазами. . .

— Да разве улежишь? — оправдывался Темирджан. — Тут у вас такая музыка — мертвого поднимет.

— Ладно, — согласился старик. Он вдруг озорно, помолодому подмигнул Темирджану: — Сбор-то решили начать именно с вашего участка.

— Почему это? — Темирджан и обрадовался и растерялся.

— У Анархон хлопок пообильней, там машины пустят, ну а у вас будут собирать вручную.

Вновь почувствовал себя Темирджан так, будто тащил-тащил с базара тяжеленный арбуз, а у самого порога уронил — и вдребезги. . .

— Напрасно огорчаешься так, — сказал старик. — Хилал же без того старался, чтоб у тебя хоть какой-никакой урожай был. Кое-что и за спиной у тебя делалось, чтоб лишний раз ученого человека не обижать.

— Вот это уж лишнее! — Темирджан вспылil. — Не хочется портить праздник, не то бы я сейчас вот Хилалу сказал: няньки не нужны.

— Да погоди ты! — старик сам испугался, что начал некстати этот разговор, но Темирджан потребовал, чтоб он высказался до конца, и тогда Усмана́ли-ата все так же простодушно открыл, что в самые маловодные дни на участке у Темирджана бригадир нашел несколько кустов, пораженных вилтом. Темирджан был тогда за-

нят артезианскими колодцами, искал места, где вода может залегать ближе к поверхности, сам рыл с парнями ямы, а в это время на участке у него, оказывается, трудились колхозники: Хилал приказал им немедленно удалить все растения, на которых появились хоть малейшие признаки вилта. К счастью, таких кустов оказалось не так уж много: потому и решил впоследствии, оглядывая свое поле, Темирджан, что по распоряжению Хилала была всего лишь проведена очередная культивация — разрыхлена почва и удалены сорняки.

— Что ж Хилал-ака не сказал мне об этом? — спросил он убитым голосом.

— Да не хотел огорчать — и все...

— Нельзя так, Усмани-ата. Это же — наука. Здесь все важно: и приятное, и плохое. Поймите, я обязан сообщить в Ташкент своим научным руководителям, что наш сорт вилту подвержен. А как теперь докажу им это?

Старик уже явно сожалел, что проговорился, но он видел, как искренне взволнован «ученый малый», и утешил его, впрочем снова невпопад:

— Хилал все понимает. Наверняка у него где-то хранятся эти кусты. Может, даже на «выставке».

«Выставкой» в шутку называли комнату на полевом стане, где Хилал-ака развесил плакаты по агротехнике и агробиологии, листовки и вырезки из журналов, рассказывающие о передовом опыте в хлопководстве. Были там у него выставлены и образцы, лучшие и худшие. Кусты-рекордсмены и кусты, задержавшиеся в развитии, причем под каждым было написано, где, на чем участке и в каком году вырос этот хлопчатник.

Два куста, пораженных вилтом, имели краткую подпись — «гасиполь». Так, очевидно, звучало для бригадира название, которое Гайиб вслед за профессором Джамаловым неизменно произносил с благоговением. Стебли у кустов потрескались, коробочки скукожились и стали черны, как уголь. Дотронешься пальцем, рассыпаются трухой.

— Неужто на моем поле нашел он их? — в полной растерянности произнес Темирджан, обращаясь неведомо к кому. — Где же могущество госсипола? Где хваленые преимущества его?

Хотелось тут же побежать к бригадиру, потребовать

объяснений, но Хилал-ака был так весел, случалось это с ним так редко, что Темирджан не посмел испортить ему маленький праздник.

Разговор состоялся едва ли не неделю спустя. В первые дни уборки у Хилала-ака минуты свободной не было. Он носился верхом на своем старом, но выносливом коне из одного звена в другое, а потом к механизаторам, а от них — в правление колхоза, а еще к авиаторам: надо было договориться об опрыскивании полей веществом, от которого опадают листья. Иначе нельзя будет собирать хлопок машинами. К тому же собирали хлопок и на участке Темирджана; счет шел уже на тонны, и вновь появилась в душе у парня надежда: а вдруг внешнее впечатление обманчиво? Подведем общий итог, тогда и будем сравнивать наш сорт с «701-м». Пока же Темирджан мог, не кривя душой, посылать в Ташкент сводки, вполне удовлетворяющие Гайба. О вилте он молчал, решив прежде начистоту поговорить с бригадиром.

Он встретился с Хилалом-ака в центре колхозного поселка и решил, что сейчас самое подходящее время для неспешного разговора.

Сумерки уже опустились на уставшую от зноя землю. Темирджан, как обычно — один, прохаживался по пустынной аллее, которая вела через парк к высокому зданию клуба, напоминающего своими очертаниями городской Дворец культуры. Он приблизился к широкой лестнице, вернулся назад, вышел на площадь и оказался перед зданием правления колхоза. И оно было сооружено с не меньшим размахом; гордостью раиса был обширный хауз¹, который начинался прямо от восточной стены здания. На водной глади играли отражения огней; вокруг были поставлены фонари, да и в правлении люди засиживались допоздна. Окна светились. Над самой водой нависала терраса, напоминающая корму корабля. Там в плетеном кресле сейчас сидел человек, и Темирджан без труда узнал бригадира. Наверное, и Хилал после утомительного вечернего совещания решил отдохнуть.

Темирджан быстро поднялся к нему, спросил, не помешает ли, и был, разумеется, тут же успокоен на этот

---

¹ Хауз — бассейн.

счет и приглашен присесть рядом. Хилал-ака настроен был говорить на отвлеченные темы.

— Ездят люди за границу,— произнес он с легким осуждением,— наши механизаторы вот тоже были в Италии, вернулись, рассказывают про чудеса всякие, про город, который на воде стоит. Я не спорю, город тот, может, и красивый, но по мне — лучше, чем у нас, нет красоты нигде. Ты только глянь,— и Хилал-ака указал на темную воду, в которой мешались золотой и серебряный свет, на деревья, купающие листья в хаузе, на зеленые газоны и клумбы, полные цветущих роз.

Темирджан внутренне улыбнулся сравнению венецианского пейзажа с сельским, хотя и понимал и разделял чувства, владеющие сейчас почтенным бригадиром. Все же он постарался вернуть его от поэзии к прозе. Заговорили о том, как идет сбор, и, естественно, перешли к тому, какие надежды у Темирджана на хороший урожай.

— Я и сам давно собирался сказать вам начистоту все, что я о вашем госсиполе думаю,— сказал бригадир.— Теперь вот вы сами заговорили об этом, и мне легче будет высказаться. Так вот, выяснили мы с вами когда-то, что ни вы, ни я обманывать не можем — ни других, ни себя. Потому и скажу без обиняков: зря тратите вы время и силы. Будь у госсипола хоть одна какая-то сильная сторона, можете поверить, я бы это заметил сразу. Мне не надо ждать, пока тонны и центнеры подсчитают. Я хлопку четверть века отдал.

— Простите меня, Хилал-ака,— возразил Темирджан,— я уважаю ваш опыт, верю, что у вас особое чутье на хлопок, но все-таки должен сказать вам, что в науке далеко не все очевидно. Нередко случается, к примеру, что истинные достоинства нового сорта проявляют себя не сразу.

— Если хотите, можете повторить свои опыты в будущем году. Я не против,— довольно равнодушно согласился бригадир.

— Что ж, не исключено, что мне придется продлить командировку,— Темирджан упрямо кивнул головой,— однако согласитесь и вы, что вилт мог появиться на моем поле случайно.

Хилал-ака взглянул на него в явном недоумении.

— Да-да,— продолжал уверенно Темирджан; он давно обдумал это,— в грядки могли быть занесены

больные семена. Я вспомнил, что во время сева не проследил, не застряло ли несколько семян в барабане у сеялки, а ведь такое не исключено? Вот они и проросли, и потому появились эти кусты. Вы скажите, на чьем поле сеяли передо мной?

— На поле у Анархон, — жестко ответил бригадир. — У нее, кстати, вилта в помине нет. Приедете в Ташкент, поклонитесь от нас в ноги Назирджану Набиджановичу за его прекрасный хлопчатник. — Хилал-ака решил тоже высказаться до конца. — Я потому и уборку на вашем участке тороплю, — продолжал он все так же сурово, — что опасаюсь вспышки вилта. Он же, проклятый, может появиться в любую пору. А так — хоть что-то спасем, чтоб вам перед своими отчитываться не стыдно было.

— Неужто все так страшно? — спросил, бледнея, Темирджан.

— Эх, сынок, в наше время ничего страшного нет. Страшно, слава богу, минуло. — Хилал-ака смотрел на небольшую возвышенность позади хауза. Там стояло сооружение, напоминающее сейчас, в вечернем свете, старинную усыпальницу. То был памятник, который колхозники поставили односельчанам, не вернувшимся с войны.

Темирджан молча проследил за взглядом бригадира.

— Но как сказать самому профессору Джамалову, что идея его неверна? — спросил он не то у себя, не то у Хилала-ака.

В глазах у бригадира мелькнуло искреннее сочувствие молодому человеку.

— Возможно, еще рано от госсипола отказываться? Вы же намерены повторить опыт, ну и сейте в будущем году снова. Да не умолкнет ваш саз¹, как говорится, коли в каком-то уголке вашего сердца вера в госсипол еще жива. А я создам для вас условия самые лучшие.

В душе у Темирджана, как ни был он огорчен, поднялось чувство признательности к этому человеку. Только отцу мог он когда-то сказать так доверительно, как сейчас Хилалу-ака:

— Ничего не могу поделать с собой. Понимаю, надо сказать профессору, что идея нуждается в дополнитель-

---

¹ Саз — узбекский народный музыкальный инструмент.

ной проверке, что рано проводить опыты в поле, а язык не поворачивается. Слишком уважаю я его, он многое для меня сделал, и потом. . .

Сказать о Юлдуз, о своей любви к ней — дочери профессора Джамалова, сказать о Гайибе, перед которым Темирджан, как ни больно было признаться себе в этом, все еще робел, он не смог. Впрочем, он бы и с отцом, наверное, не поделился подобным.

— Вы не думайте, я рассказал бы вам со временем о вилте на вашем поле, — признался бригадир. — Решил все же подождать. Пожалел вас, уж больно вы переживали, да и вспышка, к счастью, погасла быстро. Через неделю-другую все равно рассказал бы. Правдивое слово, говорят, горько, но ведь и лекарства несладки? Все же мать дает заболевшему ребенку горькую пилюлю, а не сладкую хурму. Вот я и опасаясь, как бы потом, когда всем станет ясно, что затея с госсиполом — пуста, сам профессор не стал бы вас корить: зачем, мол, скрыл от меня и про отставание нашего хлопчатника, и про то, что он, оказывается, вилту подвержен. Так что на вашем месте я бы решился. Лучше — сейчас, пока не поздно. . .

Стоит ли говорить, что ночь Темирджан провел без сна. На рассвете он засел за письмо профессору Джамалову. Постарался спокойно, не вдаваясь в панику, не позволяя себе делать далеко идущие выводы, изложить одни лишь факты. Позволил себе единственное отступление от делового тона, признал, что был виноват, отбирая для сводок прежде всего положительные моменты, а ученый обязан быть не только объективен, но и пристрастен в своем внимании прежде всего к тому, что может опровергнуть результат, ради которого ставится опыт.

Отправив письмо, Темирджан, вопреки ожиданиям, почувствовал облегчение. Все стало, по крайней мере, ясно: его отзовут из командировки; возможно, и с лабораторией придется расстаться, но ведь, по чести, шефство Гайиба порядком надоело. А профессор Джамалов должен Темирджана понять. Джамалов — ученый. Он представляет, к чему может привести в науке замалчивание недостатков.

Итак, Темирджан ждал телеграммы и представлял заранее текст: «Срочно возвращайтесь отчетом Таш-

кент...» И подпись Гайиба. Но в конце недели в колхоз явился Гайиб собственной персоной.

Он, как и следовало ожидать, начал с упреков:

— Совесть, дружище, надо иметь. Ты своими умствованиями едва до инфаркта не довел старика. Подумал хотя бы, есть ли у тебя право учить профессора Джамалова? А ты начал: «ученый обязан...» Он без тебя знает, каким обязан и каким не обязан быть ученый. И вообще — писать следовало только на мое имя. Я — твой руководитель и начальник, запомни это, пожалуйста.

— Я его ничему не учил. Правду написал.

— Опомнись, друг! Что ты называешь правдой? Бездоказательную писанину? Ты бы уж лучше сознался, что соскучился по дому и еще по кое-кому. Вот это было бы по правде. Откройся хоть теперь, что не смог справиться с задачей, и не пытайся свалить свою вину на других. Так у тебя дело в науке не пойдет. Учи.

— Как можете вы упрекать меня в том, чего и в помине нет? Причем тут «соскучился»? А вину я ни на кого сваливать не намерен. Ни сейчас, ни вообще когда-нибудь. Я повторю, если вы не поняли этого из моего письма: не я виноват, а хлопчатник. Он оказался далеко не таким, как вы предполагали, сидя в лаборатории.

Гайиб, как это мог делать, пожалуй, лишь он, круто переменял тон. Ему, очевидно, нужно было добиться от Темирджана чего-то иного, но не разрыва, а продолжение ссоры могло привести только к этому.

— Сядем-ка, дружище, за твои бумаги и попробуем спокойненько разобраться в них, — сказал он и даже обнял Темирджана за плечи.

— Ну вот, гляди: в июле хлопчатник получил полив с опозданием на десять дней. Все мы хорошо представляем себе, что такое для растения декада иссушающей жары. Можем мы допустить, что содержание госсипола в этот раз резко уменьшилось?

— Испарился он, что ли? — насмешливо спросил Темирджан.

Гайиб только челюсти сжал, чтоб не ответить на выпад.

— Не надо умничать, — произнес он сдержанно, — все мы понимаем, что процессы обмена веществ в организме сложны, но не исключено, повторяю я тебе, что

именно ненормальность сезона привела к срыву опыта. Да и ты хорош. Изменились погодные условия, надо было и методы ухода сразу же менять! Головой думать надо было, на то ты и ученый. А ты лопату схватил, будто без тебя колодцы здесь копать некому.

— В засуху метод один — напоить растения.

— Вот-вот! Не удивительно, когда так рассуждают здешние деятели. Они это от прадедов унаследовали. Но ты же — исследователь! Разве тебе неизвестна истина, о которой знает любой первокурсник: новый сорт требует и нового подхода. Возможно, нашему сорту помогла бы обыкновенная чеканка? Может, когда потребление влаги резко сократилось, и проявил бы свои исключительные свойства госсипол?

Темирджан снова начал возражать, как казалось ему — весьма убедительно, но Гайиб упрямо стоял на одном:

— Теоретический просчет исключен! Госсипол обязан проявить себя в полевых условиях наилучшим образом.

Все аргументы были уже исчерпаны, и, как водится, начались обидные замечания сугубо личного характера. Они перестали разговаривать друг с другом.

Гайиб пробыл в колхозе не один день, как предполагал, а три, но так и не сумел доказать свою правоту. От Хилала-ака он попросту отмахнулся. «Типичный практик с присущей подобным деятелям узостью взглядов и представлений. Что толку слушать его?»

Он улучил все же минуту и представил свой главный аргумент: профессор Джамалов не может смириться с мыслью, что госсипол не оправдал их надежд. Профессор полагает, что надо повторить опыт в полевых условиях и сравнить поэтапно все показатели. Только тогда может быть обнаружена ошибка, допущенная в первый год. Иного профессор и не мыслил.

Где-то в глубине души чувствовал Темирджан, что и Гайибу жедательно по каким-то сугубо личным причинам, чтобы Темирджан остался в колхозе еще на год. Иначе зачем бы упирал он так на то, что надо и зимой ежедневно следить за полем, за состоянием грунта, количеством влаги, исследовать постоянно химический состав почвы и прочая и прочая — на целую лабораторию забот хватило бы? И все же, когда Гайиб

уже уложил в портфель мыло и зубную щетку, Темирджан сказал, что согласен остаться в колхозе, если об этом просит Джамалов. Гайиб вмиг повеселел и хлопнул его по плечу.

— Молодец, дружище! Я знал, что ты решишь именно так. Желаю тебе удачи и об одном прошу: не впадай в отчаяние, не делай поспешных выводов. И мы с тобой одержим нашу первую победу. А работать нам вместе еще долго.

Конечно же Темирджану хотелось расспросить о Юлдуз, но к Гайибу он с этим обратиться не мог. Что-то останавливало парня, и он повторял относящееся ко всему свету и ни к кому в частности: «Ну, как там наши поживают? Что новенького?» — «Да все по-старому, — такими же общими словами отвечал Гайиб, — трудимся, ссоримся, миримся. На заседаниях скукой томимся...» И все-таки, уже садясь в председательский газик, который должен был доставить его на автостанцию, Гайиб как бы мельком упомянул о дочерях Джамалова: обе процветают; младшая — первая студентка на зоологическом факультете, а на старшую после всесоюзного конкурса обратил внимание видный московский пианист и педагог. Он пригласил ее в свой класс в Московской консерватории. Так что Юлдуз либо уже в столице, либо собирается туда. Точно Гайиб не знает. Он сейчас слишком занят работой, и ему не до визитов в дом Джамалова.

Темирджан нахмурился, сделал вид, что все это не так уж сильно волнует его, как полагает Гайиб. Напрасно. Вскоре он корил себя: надо было показать Гайибу, что Юлдуз — его, Темирджана, девушка, чтоб не сказать — невеста, а он ни с того ни с сего начал спрашивать о маленькой Хуснии и о хорошенькой Джурахон — сотрудницах лаборатории. Гайиб усмехнулся криво. Соскучился, парень, по городским девчонкам? А ведь Джурахон и вправду голову кому угодно вскружит. Ты вот тоже, видно, глаз на нее положил, сознался бы уж старому другу... Потом, уже по-серьезному, возвращаясь к главному, рассказал он, как бы укорив этим Темирджана лишний раз, что у обеих девушек, посеявших в разных зонах их сорт, содержащий в большом количестве госсипол, результаты полевых опытов превзошли самые смелые ожидания.

— Это лишний раз говорит о том, что ошибку ты обязан искать в своей собственной практике. Прощай, дружище! — Гайиб протянул ему руку и захлопнул дверцу машины.

Никогда еще так, как в этот вечер, когда уехал после своего короткого, похожего на налет визита Гайиб, не рвалось сердце Темирджана к Юлдуз. Хоть бы узнать, что с ней? Неужто могла она после всего, что у них было, спокойно сесть в самолет, отправиться в Москву и даже не вспомнить о нем, о человеке, которого она сама называла любимым?

В конце концов он решился позвонить из колхоза. Сделать это можно было, конечно, и раньше, но неизменно поперек пути становилось самолюбие: не по-мужски это — писать, писать, а не дождавшись отклика, призвать к ответу. Так, чтоб уже отвертеться не могла. И вынудить, чтоб сказала долгожданное: жду, люблю, но сам понимаешь, ни минутки свободной... Или что-то похожее, не очень оригинальное и все-таки — тут он обманывать себя не мог — утешительное.

Ответил ему после долгого томительного ожидания женский голос.

— Юлдуз? — волнуясь, спросил Темирджан.

— Кто вам нужен, говорите, пожалуйста, — раздраженно повторила женщина. Слышно было плохо. Голос был приглушен расстоянием, да к тому же звучало рядом множество других.

— Кундуз? — спросил, теряя уверенность, Темирджан и тут же понял, что это — домработница Джамалова. — Здравствуйте, тетушка Вотти! Это я, Темирджан.

— Догадалась уже. Что скажешь?

— Матушку мою часто видите? — Темирджан обрадовался собственной сообразительности.

— Видимся. Недавно она и сама была у нас здесь. Битый час с пропуссором толковала. Все про тебя, наверное, да и еще про кого-то. Только что там за разговоры были, мне неизвестно. Еще про что хотел узнать?

— Юлдуз позовите, пожалуйста.

Тетушка Вотти хохотнула.

— Для этого, милый, мне далеко бегать придется. В самую Москву. Понял?

— А Кундуз дома? — спросил Темирджан. Он чувствовал себя так, будто ему дали сейчас пощечину.

— Ушла, бедная, еще с утра в ниверситут. — Темирджан на этот раз не в силах был улыбнуться, услышав странный словесный гибрид, созданный тетушкой Вотти из «института» и «университета». — Экзамены же у нее. Ты бы хоть открыточку прислал бедненькой. Удачи бы ей пожелал. Все-таки — знакомый. Она матушку твою просто одолела расспросами: как там поживает Темир, да скоро ли приедет на побывку, да как, по какому адресу писать ему? — Тетушка Вотти намерена была говорить о Кундуз куда охотнее, чем о старшей сестре, но сухое предупреждение телефонистки: «Заканчивайте!» — прервало ее излияния.

«Все стало ясно, по крайней мере. Все ясно», — повторял про себя Темирджан после этого разговора. Но сердце говорило иное: как могла она, как могла? Поцелуи, разговоры до полуночи о будущем. Об их будущем. О жизни вдвоем. И вдруг — все перечеркнуть. Но как понимать тогда письмо матушки? Не может она обманывать его даже во имя того, чтоб был он спокоен. Понимает же, что за это спокойствие страшной болью придется платить.

Хилал-ака не знал, конечно, об иных неурядицах, кроме неудачи с госсиполом, но видел, что с парнем, который уже вызвал его расположение, творится неладное. Житейская мудрость подсказывала, что самые утешительные слова тут бессильны. От боли душевной лечит только работа. По утрам Темирджан надевал, как и все, фартук и выходил на свое поле. Ничего иного он сейчас делать не мог, ни для себя, ни для своего поля, а нужно было что-то гораздо большее. И бригадир попял: сады. Не раз рассказывал Темирджан Хилалу-ака о своем отце, о юношеских мечтах — увидеть землю от края и до края — в яблоневых и персиковых садах, в ореховых и арчовых рощах.

Умный человек, Хилал-ака не стал действовать впрямую. Он обратился к помощи старого виноградаря Усмана.тн.

V

За чаем старик проронил как бы невзначай, что не худо бы «ученому малому» взглянуть на те шпалеры винограда, которые по его совету были обработаны новым немецким средством. Что-то ягоды желтоваты.

И бригадир, сидевший рядом, присоединился к этой просьбе. Сразу же после обеда Темирджан вместе с Усмани-ата отправился на виноградники. Начали осмотр с тех самых шпалер, и Темирджан с удовольствием заметил, что обильные кисти, одна тяжелее другой, налились золотистым соком, а вовсе не вянут, как показалось старику. Усмани-ата быстро согласился, сказал, что и сам так полагал, но, коль скоро возникло сомнение, почему не посоветоваться с ученым человеком? Может, заодно Темирджан и на остальные шпалеры взглянет?

Зеленые туннели виноградника уходили от хлопковых полей далеко к предгорьям. Внутри было темно. Только кое-где удавалось солнечному лучу пробиться сквозь густую листву. Янтарные кисти свисали, готовые, казалось, вот-вот сорваться под собственной тяжестью.

— Чудеса творят ваши старики,— с признательностью произнес Темирджан,— гиблое место в райский уголок превратили. Сто лет бы жить каждому!

— На добром слове спасибо,— откликнулся Усмани-ата,— только все чудеса от одного и того же волшебства: встаем мы, старики, рано и делать все привыкли обстоятельно, а не наспех,— и он показал на пожилого мужчину в холщовых штанах и такой же рубашке на выпуск, который ладил длинные подпорки в виде рога тин. Человек этот установил было подпорку, но пошатал ее своей загорелой, все еще сильной рукой и остался, видимо, недоволен, хотя внешне жердь выглядела весьма прочной. Он отложил жердь и начал на первый взгляд не спеша, но сноровисто тесать новый шест.

— Не уставать вам, отец! — приветствовал его Темирджан, и старик, с достоинством ответив на приветствие, продолжал работу.

Они пошли дальше, и Темирджан внезапно ощутил, как с новой силой проснулось в нем желание быть постоянно с ними — с виноградарями, садовниками. Нет же для него на свете ничего прекраснее и желанней, чем жить, оставляя после себя сады. Он понимал, конечно, что такое настроение рождено теперь неудачами с госсиолом, но истина состояла в том, что он и вправду был рожден, наверное, садовником и лесоводом, как отец.

Шагах в двадцати от проема благостная картина начала меняться. На листьях появился обильный налет пыли, а под ногами — песок и даже мелкая галька.

— Только вчера вымели отсюда все, и вот — опять, — с огорчением и словно оправдываясь произнес Усманали-ата. — Что ни ночь, поднимается со стороны адыров ветер. Чем только ни загораживали от него виноградники — ничто не помогает. Хоть каменную стену ставь. Да он и через нее перевалит. Неужто наука ничего против злых ветров не придумала?

— Деревья надо посадить, — ответил Темирджан, — лесозащитная полоса называется.

Они вышли на простор, и Темирджан увлеченно начал показывать на местности, где надо сажать деревья и каких именно пород. Старик слушал его со вниманием, однако возразил.

— У меня уже давно другая мысль появилась, — сказал он. — Ветер на нас дует потому, что посреди холмов имеется котловина, как раз напротив нашего виноградника. Во-он, глядите. Видите, будто труба. Вот я и думаю, если мы деревья вблизи виноградника посадим, мы только себя защитим, а если «трубу» закроем, — всю низменность.

— Мудро! — Темирджан с искренним уважением взглянул на старика. — Только надо мне своими глазами увидеть эту впадину вблизи. Тогда я и скажу, можно ли что-нибудь предпринять.

— Вот и пошли бы туда завтра, не откладывая, сынок. Думаю, и Хилал не откажется пройтись с вами, выберет для этого дела часок-другой. Я бы и сам — тоже, да боюсь, в тягость вам стану. Ходок из меня уже не тот, что прежде.

Вечером Темирджан взял в правлении планы землеустройства и допоздна засиделся над ними, вглядываясь в кривые линии горизонталей, определяя высоту сечений и стараясь вывести зависимость между рельефом адыров и розой ветров. Он и засыпая все раздумывал, возможно ли закрыть горловину искусственными лесопосадками и какие породы лучше использовать для этого.

Наверное, то был первый вечер и первая ночь, когда он, не совершая над собой никаких усилий, не вспомнил ни о Юлдуз, ни о неудачах с сортом «ГС», как велел

недавно Гайиб называть хлопчатник с высоким содержанием госсипола. Он и проснулся с мыслью отправиться пораньше, пока солнце палит не так жестоко на адыры. Впрочем, Хилал-ака уже ожидал Темирджана. Он сказал, когда они вышли в унылую, выгоревшую дотла степь, которая начиналась сразу же за хлопковыми плантациями, что подняться им придется довольно высоко. Дело в том, что котловина обрывается резко и на большой высоте. Тут Темирджан сообразил, что возникает там нечто похожее на воздухопад, если можно применить такое слово по аналогии с водопадом. Масса воздуха как бы обрушивается через каменный порог вниз, этим объясняется необыкновенная сила ветра, который в самой котловине может быть весьма спокоен.

Бригадир взглянул на него с удивлением: не бродил ли уже Темирджан по этим местам? Темирджан ответил, что путешествовал по карте, но хочет проверить еще и на местности, правильны ли его предположения.

— Слушай, братец, оставайся-ка у нас в колхозе! — впервые обращаясь к нему на «ты», искренне попросил бригадир. — Цены тебе не будет. Я вот сколько раз слышал, в газетах читал — нужна, мол, теперь наука сельскому хозяйству, без нее — никуда, а сейчас понял: ты и есть та самая наука! Ну зачем вас растят, толковых, умеющих на все случаи лучший ответ сыскать? Неужто для того, чтобы вы во всяких там кабинетах штаны, прошу прощения, просиживали да речи с трибун говорили?

Темирджан поблагодарил и сказал, усмехнувшись, не без печали, впрочем, что не так, мол, все просто. Что в тех самых лабораториях штаны просиживают не зря, иначе не было бы хотя бы того же «701-го», а без него — миллионов тонн хлопка. Тут же он вспомнил о своем «ГС» и конечно же вслед за этим — о профессоре Джамалове, а значит, и о Юлдуз, но мелькнуло это все же где-то в глубине сознания; Темирджан был поглощен картиной, которая открылась им, когда, перевалив через адыр, они спустились в котловину и остановились, тяжело дыша.

Путь оказался утомительней, чем можно было предполагать. К тому же и солнце, едва поднявшись над горизонтом, жгло немилосердно. Здесь, в лишенной воды впадине среди голых адыров, солнечный жар казал-

ся не благом, а жестокостью природы. Редкая растительность, покрывшая склоны еще ранней весной, теперь высохла дотла, рассыпалась трухой, едва прикоснешься к ней. Лениво, словно полуживая, проползла ящерица и замерла у стебля желтой колючки. Темирджан невольно огляделся в поисках хоть крохотной тени, но тут же понял, что напрасно.

Они решили осмотреть котловину еще и сверху и час, не меньше, потратили на то, чтобы подняться на вершину адыра. Только там, уже на весьма значительной высоте, ощущалось веяние свежего ветра, и они с удовольствием подставили ему лица. Ветер нес с собой животворное дыхание; Хилал-ака заметил, что ничего лучшего деревьям не надо. Вот только удастся ли воду поднять? Темирджан высказал такое сомнение, но бригадир быстро рассеял его: было бы согласие правления, а денег у колхоза много; вполне могут поставить насосную станцию. Темирджан тут же прикинул, что, пожалуй, выгодней и лучше для общего хозяйства — поставить плотину и превратить часть котловины в водохранилище, в котором будут скапливаться паводковые воды; да и ручей, от которого сейчас остался только желтый след, не будет зря стекать в долину, где он пересыхает, не достигнув полей. Хилалу-ака и эта идея показалась на редкость остроумной и удачной. Он попросил только Темирджана, чтобы тот рассчитал, примерно конечно, каких расходов потребует подготовка проекта и сооружение плотины. Темирджан пообещал сделать это к ближайшему заседанию правления, но еще раз кинул взгляд на самую узкую часть котловины, где склоны почти сходились, да к тому же один из них был увенчан скалой.

— Вот подорвать бы ее взрывчаткой, она сразу все ущелье перегородит,— сказал Темирджан, и Хилал-ака снова покачал восхищенно головой: ну и башковит же ты, парень!

Спускаясь в долину, они оживленно беседовали о том, где какие породы деревьев лучше сажать. Вот когда впервые почувствовал Темирджан, что, кажется, может уже в самом прямом смысле продолжить дело отца.

— Ореховые рощи надо разместить на склонах,— сказал Темирджан.— Именно орешины, потому что они

обеспечат отличный микроклимат для остальных пород. Я могу договориться в Арсланбобе, чтоб нам дали саженцы. Думаю, горные породы подойдут и для адыров.

— Лучше, наверное, посадить наши, местные саженцы,— возразил Хилал-ака.— У нас в районном лесхозе за год можно вырастить миллиона полтора, не меньше.

Вечером они улучили минуту и подошли к раису со своими планами. Как ни был раис занят хлопком, как ни утомился после страдного дня, услышав рассказ Темирджана об огромном саде в горах, он стряхнул с себя усталость и долго не отпускал обоих, расспрашивая о подробностях. Очень понравилась ему идея о небольшом водохранилище, которое будет питать деревья. Мысль о запруде в котловине, сказал он, появлялась и прежде, но все понимали, что неразумно возводить плотину, прокладывать длинный канал ради того, чтобы в лучшем случае один раз напоить хлопчатник. Тут же можно, во-первых, обойтись без канала, строительство которого потребовало бы основных затрат, а во-вторых, как известно, деревья, повзрослев, не нуждаются в столь интенсивных поливах, как хлопчатник.

— Дело это — районного, а может, даже — областного масштаба,— уважительно глядя на Темирджана, произнес со значением раис.— Так что готовьте проект и подробную объяснительную записку, йингит хороший. Вынесем все это на обсуждение властей.

Теперь, что ни вечер, выкраивал Темирджан час-другой для того, чтобы заняться будущим садом. Лишний раз убедился он, что знаменитый «узун-кулак» бессмертен; оказывается, в самых дальних кишлаках люди уже знали о намерении вырастить огромный сад на адырах. К раису, а от него — к Темирджану приходили колхозники из ближних и дальних селений, предлагали помощь, а один бойкий правленец из степного колхоза с ходу начал договариваться о долевом участии в деле, и о паях, и о разделе будущих прибылей.

Впервые едва ли не за год почувствовал Темирджан, что он по-настоящему нужен людям. У него скопилась изрядная пачка писем, которые требовали ответа. Кроме того, он вел оживленную переписку с ташкентскими учреждениями и учеными, многие из которых с благоговением произносили имя его отца и своего учителя Мардона Юлчиевича. «Приезжайте сами к нам, Темирджан,

с вашими безусловно интересными проектами», — написал ему директор одного из крупных институтов. Темирджан вежливо поблагодарил за приглашение. Не мог он признаться в том, что нельзя, да и не хочется ему сейчас появляться в Ташкенте. Он легко мог представить, какую бурю со стороны Гайиба вызовет его увлечение садами в то время, когда взлелеянный в лаборатории Джамалова сорт «ГС», увы, терпел неудачу.

А Юлдуз была сейчас все равно далеко от тенистых ташкентских улиц. . .

Все же он съездил в Ташкент, под Новый год. Гайиб вызвал его с отчетом. «Предварительным», — Гайиб особенно упирал на это слово. Он и во время выступления Темирджана перебивал его, настойчиво подчеркнул, кивая, что полевой опыт был сразу рассчитан на два сезона, а потому говорить сейчас о результатах преждевременно. Профессора Джамалова в Ташкенте не было: он уехал на какую-то представительную конференцию в Дели, а оттуда, уже как турист, собирался в Японию.

То ли это вышло случайно, то ли Гайиб умышленно устроил так, чтоб Темирджан отчитывался перед ним, как перед первым лицом, — было неясно. Да Темирджан и не задумывался над этим.

По поводу сорта «ГС» без обсуждения было принято по предложению Гайиба решение: «Лаборанту Юлчиеву рекомендовать более тщательно проводить полевой опыт на его второй и решающей фазе, проявляя предельную инициативу и заинтересованность». То, что касалось инициативы, было понятно, а вот как можно обязать человека, чтобы он выказал заинтересованность, Темирджан в толк взять не мог. Можно было поспорить о формулировке, но в том ли была суть? Гайиб взметнулся возмущенно, а остальные промолчали, когда Темирджан возразил по более важному поводу; он высказал мнение, что, может, целесообразней продолжить опыты в лаборатории, а не в поле, где «ГС» пока не блеснул достоинствами: урожайность он показал на уровне средних, уже изымаемых из практики сортов. Так что уж было тут спорить о стилистических тонкостях?

После обсуждения Темирджан остался один. Все торопились на юбилей видного академика, женщины укутывали в целлофан тепличные гвоздики и каллы, мужчины спешили к граверу, который делал надпись на ад-

ресной папке, и в ателье, где был заказан коллективный подарок от лаборатории: ваза с портретом юбиляра, разумеется, в молодости. Темирджан почувствовал себя сиротливо; домой идти было рано; только вчера допоздна разговаривали обо всем с матерью, о Юлдуз конечно же тоже, хотя мать все старалась уйти от разговора о ней. Даже молвила неодобрительно, что вот, дескать, какая тут может быть семья: она, говорят, собирается в Москве аспирантуру окончить, диссертацию там защищать, а муж что же: в Ташкенте все эти годы будет один? Темирджана почему-то даже рассердило это замечание. Он сказал резковато, что мужа у нее пока что нет и вообще Юлдуз еще ничья не жена и, может, и не собирается замуж в ближайшие годы вовсе.

— Хоп, хоп, сынок,— покорно согласилась Хумайрабану.— Я же хочу, чтоб для тебя как можно лучше было,— добавила она опять невпопад, и Темирджан заговорил о чем-то другом, чтоб, не дай бог, не нагрубить матери.

Он сам не заметил, как очутился в тихом, застроенном белеными особнячками квартале. Ноги привели его туда, куда влекло сердце. Темирджан смотрел на знакомую калитку, колеблясь: войти или нет? Вдруг калитка отворилась, и он вздрогнул, увидев девушку в модной шляпке с цветами в руках. Вслед за ней появился худощавый молодой мужчина в плаще. «Нет, не Юлдуз это...» Темирджан облегченно вздохнул. Тут же через порог, догоняя ушедшую пару, перескочила Кундуз. Смуглое лицо ее было радостно возбуждено. Курчавые пряди выбивались из-под вязаной шапочки. «Пошли встречать Новый год. В кафе или в компанию...»

Можно было окликнуть Кундуз. Темирджан был уверен, что она обрадуется его неожиданному появлению и позовет на праздник вместе с собой. Именно это и остановило Темирджана. Он не хотел лгать. Ни ей, ни себе.

Он вернулся в колхоз и подумал: верна примета — как Новый год встретишь, так он у тебя и пройдет. Проект о саде на адырах, который был поначалу принят столь горячо, застрял в какой-то не самой важной, но все же влиятельной инстанции, откуда раису на все его запросы отвечали: «Ждите. Ваши предложения изучаются». А главное — худо складывались опять дела с

хлопчатником. Зима была холодная, но сухая, а весной, едва начали сеять, так как сроки все вышли, зарядили непрерывные дожди. Дважды пересевали хлопчатник. У Темирджана едва хватило семян сорта «ГС». А потом, когда ростки выбросили по второму листочку, вдруг ударила жара, снег, скопившийся в горах, растаял мгновенно, и на долину обрушились потоки воды, которая несла с собой глину и камни. Карадарья вмиг вышла из берегов. Дамбы рухнули, арыки были размыты. Улицы кишлаков напоминали мутные реки.

Сель смыл многие посевы. К счастью, поле Темирджана уцелело. Впрочем, он подумывал и о том, что лучше бы уж оно погибло, чем плантации Анархон. Чудес от своего сорта он не ждал, а вот причина для прекращения опыта была бы, притом такая, против которой даже Гайиб со всей его изворотливостью ничего выставить не смог бы.

Может, и не совсем честным было подобное рассуждение, но Темирджан видел подлинную беду, рядом с которой провал сорта «ГС» выглядел пустяком. Вместе со всеми — против селя вышли и стар и млад — до кровавых мозолей ворочал лопатой землю, когда под проливным дождем сооружали плотины, рыли каналы для отвода горных потоков.

К счастью, стихия скоро утихомирилась. Благостно светило весеннее солнце. Природа словно прощения просила за недавнее буйство свое. На поле у Анархон шел повторный сев. На соседних картах, которые тоже пострадали, высаживали рассаду, благо предусмотрительный бригадир ежегодно выращивал ее на защищенном от селя участке. Каждая пара рук была дорога, и Темирджан трудился от зари до зари, как все дехкане. Казалось, именно сейчас в голову ему, воспитанному в городе, должны были прийти слова о самоотверженном труде и кипении преданных делу сердец, но он не вспоминал эти расхожие фразы; он видел, что иначе вести себя попросту не может никто — ни вчерашний школьник, взявший в руки кетмень, ни раис, глаза которого были воспалены от бессонницы.

Хватало, разумеется, забот и у бригадира, но Хилал-ака, как ни беспокоили его остальные поля бригады, твердо держал слово: участок, где подрастал «ГС», получал все, что было предусмотрено планами и графика-

ми, составленными Темирджаном и утвержденными лабораторией. И все же хлопчатник не радовал. То есть можно было, конечно, выискать при желании какие-то положительные моменты и сделать упор именно на них; так Темирджан и поступал в прошедшем году, свято следуя правилам, преподанным ему Гайибом, но обернулось это, он сам с горечью убедился, тем, что его же самого и обвинили в неудаче опыта. Значит, надо говорить только правду, как горька она ни была бы. Старая, известная ему истина; следуя ей, он уже написал откровенное письмо о сорте «ГС» профессору Джамалову, однако профессор его словам не внял. К кому же обратиться теперь? В президиум академии? Но тогда это будет уже не научная записка, а самая настоящая жалоба. «Телега», как говорят в институтских кулуарах. Потребовать, чтобы его вызвали в Ташкент и дали возможность еще раз выступить на ученом совете, где он скажет, ничего не утаивая, о том, что «ГС» и при повторении опыта проявляет себя как самый заурядный сорт? К примеру, бутонов на кустах и в этом году меньше, чем на полях у Анархон, засеянных «701-м», выведенным Назирджаном Набиджановичем. Не помогают ни чеканки, ни добавочные подкормки, ни повторные культивации — ни один из методов, известных агротехнике. Надеяться можно лишь на чудо, на то, что сорт «ГС», скажем, в конце августа, накануне уборки урожая, вдруг начнет буйно обнаруживать достоинства, которые ему должны быть присущи теоретически. Но чудеса в науке случаются не часто. Здесь больше верят строгим закономерностям. . .

Уже несколько недель не отправлял Темирджан отчеты. Как и следовало ожидать, прибыло суровое напоминание от Гайиба. Он упрекал Темирджана в недобросовестности и требовал немедленных письменных объяснений. Вместо этого Темирджан отправил телеграмму: «Прошу вызвать в Ташкент для осведомления ученого совета о состоянии полевых опытов с сортом «ГС». Тут же был получен ответ: «Руководство настаивает, чтобы вы оставались в колхозе безвыездно, продолжали опыты более ответственно».

Темирджан в сердцах едва не изорвал синий телеграфный бланк, но сдержался все же и затолкал его в свою кожаную папку. Вечером он позвонил на кварти-

ру к профессору Джамалову. То был их первый разговор за много месяцев, однако профессор не проявил особой теплоты и ни разу, как это было у него принято в Ташкенте, не назвал Темирджана «родным», хотя подчас от этого словечка, употребляемого кстати и некстати, Темирджана коробило. Сейчас профессор был весьма сдержан.

— Плох тот ученый, который впадает в панику, нисходясь на полпути к цели. У порога истины дежурит отчаяние,— произнес он несколько не очень свежих афоризмов и велел Темирджану находиться в поле безвылазно.— Своими руками взлелеять каждый куст! — вот что было рекомендовано в заключение. Тон разговора был такой, что спросить о Юлдуз попросту было невозможно. Темирджан передал привет всем и повесил трубку.

Утром в поле он увидел страшно смущенную, просто-таки пунцовую Анархон, а рядом с ней — бригадира и какого-то городского парня с курчавыми баками и усиками на дружелюбном лице. На боку у парня висел фотоаппарат, а с плеча свисала сумка с надписью, сделанной латинскими буквами. Не трудно было догадаться, что это журналист. Оказалось, он уже битый час мучает Анархон расспросами о том, как удалось ее звену спасти нынешней весной хлопчатник.

— Вот как раз подошел образованный человек,— Хилал-ака облегченно вздохнул, указывая глазами на Темирджана.— Познакомьтесь с ним, и он обо всем вам расскажет лучше, чем мы. По-ученому.

Журналист протянул удостоверение. Темирджан тоже представился, и журналист очень обрадовался, вмиг забыв об Анархон и Хилале-ака.

— Так вы и есть тот самый Юлчиев, который занимается сортом «ГС»? Сам аллах прислал вас ко мне, как говаривали в старину! — И, не давая опомниться Темирджану, журналист начал сыпать сведениями об ошеломляющих перспективах хлопководства с приходом в широкую практику сорта, содержащего в большом количестве госсипол. Богатая информация эта, догадаться можно было легко, была почерпнута из статей, которые Гайиб, готовясь к защите своей диссертации, печатал в специальных журналах. Основаны были статьи на данных лабораторных опытов, но журналист, показав

*

лось Темирджану, хотя и понимает отлично, что опытный участок и колхозное поле — далеко не одно и то же, закрывает на это глаза, преследуя цель, о которой он сказал сразу же: главный редактор газеты на каком-то важном совещании услышал о сорте «ГС» и упрекнул журналиста, ведавшего сельхозотделом, в том, что у них в газете о госсиполе еще не напечатано ни строчки. Потому-то журналист и выписал себе командировку именно в этот предгорный район, решив попутно взять и материал о том, как ликвидируются последствия стихийного бедствия. Но главным был сорт «ГС» и, разумеется, Темирджан.

Журналист рассказывал об этом, держа наготове блокнот, а Темирджан, слушая его, хмурился все больше и больше.

— По моему мнению, говорить во всеуслышание о результатах опытов с сортом «ГС» еще рано, — сказал, покосившись на блокнот, Темирджан. — К окончательным выводам лаборатория еще не пришла.

— Не может быть! — возразил несколько обескураженно журналист. — Шеф звонил перед моим отъездом профессору, — он быстро перелистал блокнот, — профессору Джамалову Ильдаму Джамаловичу, и тот сказал, что все показатели весьма благоприятны. Профессор Джамалов — это же ваш научный руководитель? Так?

— Простите, — сказал Темирджан, — мне тоже хочется задать вам один вопрос: вы в хлопчатнике разбираетесь сами или полагаетесь на чужое мнение?

Он задел в журналисте чувство собственного достоинства.

— Прежде чем поступать на факультет журналистики, я окончил техникум растениеводства, — ответил он, — иначе я не позволил бы себе разговаривать на серьезные темы со специалистами. А у вас что: сомнения насчет моей компетентности возникли?

— Да нет же! — Темирджану вовсе не хотелось обижать этого симпатичного парня. — Просто я хотел вам посоветовать: вон там, за тутовой рощицей, мое опытное поле. Взгляните на него прежде сами, а потом мы поговорим.

Журналист отыскал Темирджана после обеда на полевом стане. Вид у парня был сейчас мрачноватый, и

Темирджан успокоился: сам убедился — писать пока не о чем.

— Мне хотелось бы знать об итогах прошлого сезона,— произнес журналист, рассеянно отхлебывая чай из пиалы, которую ему подал Усмани-ата.— А кроме того, что вы сами думаете о перспективности сорта «ГС»? Вы — непосредственный организатор полевых опытов — верите в него?

— Я всего-навсего лаборант,— уклончиво ответил Темирджан,— мне по рангу не положено делать окончательные выводы. У меня нет для этого ни опыта, ни знаний, ни права.

— А если не по рангу, а по совести?

— Не надо пока ничего писать, вот вам мое мнение,— Темирджан боролся с собой.

— Да,— произнес в пространство журналист,— думаю, я удивлю шефа. Но молчать об этом нельзя. Сколько лет ушло, сколько средств...— Он поерошил в задумчивости свои курчавые баки.— Вот что, друг,— сказал он как-то по-свойски, видя, что Темирджан мучается сомнениями,— я остановился в доме приезжих, рядом с конторой. Мой вам добрый совет: обдумайте все хорошенько и приходите. Поговорим. Надо принимать меры, а не молчать,— он положил ладонь на руку Темирджана.— Не думаю, чтобы вам было свойственно то, что называется оптимизмом страуса. Можно закрыть глаза и не замечать беды, но это не поможет отвлечь ее. Гром грянет неизбежно. И наверное, в этом случае лучше чувствовать себя честным человеком и мужчиной.

«Умеет уговаривать, плут!» — Темирджан заставлял себя думать о журналисте с неприязнью, но сердце говорило иное: прав этот парень, так же как прав Хилал-ака, который другими словами не раз предупреждал о том же. Да и сам Темирджан наедине с собой давно пришел к тому же выводу. Так в чем же дело? А в том, что не только одному лишь датскому принцу Гамлету непросто было сделать решительный шаг. Каждому человеку свойственны колебания, когда речь заходит о выборе. Теряешь все: место в научном институте, расположение Джамалова, Юлдуз... Он еще верил в нее, надеялся без надежды.

А остаешься ни с чем.

Он вдруг сам возмутился собой. А отцовские заветы?

А честь? А дело, которое у него никто не отнимет? Пусть лесоводом будет работать, здесь, в этом предгорном колхозе, среди людей, которым нужны его знания, нужен он. А роши и сады, которые он оставит после себя на родной земле, как оставил отец. . .

Было уже темно, когда Темирджан подошел к маленькому, в три окна по фасаду, дому приезжих. Он постучался в крайнее окошко. Минуту спустя вспыхнул свет. Журналист в трусах и майке распахнул окно настежь.

— Извините,— сказал Темирджан,— вы уже спали. Я утром подойду.

— Да что вы, друг! Рабочий день у нас ненормирован. За то и отпуск дают большой. Заходите, милости прошу. Сейчас чаек заварим, потолкуем. Моя дверь — вторая по коридору.

— Иду,— сказал Темирджан.

VI

Пожалуй, лишь в собственных глазах оставался профессор Ильдам Джамалович Джамалов выдающимся научным деятелем. В действительности же многочисленные труды, которыми он так гордился, лишь украшали своими коленкоровыми переплетами полки библиотек и книжных шкафов. Давно уже никто не обращался к ним по причине вполне понятной: люди издавна ищут в книгах откровений и новизны; видно, именно этого недоставало трудам профессора Джамалова. Наверное, он и сам втайне чувствовал это, потому что лет этак десять назад целиком занялся преподавательской работой, оставив, впрочем, за собой важную проблемную лабораторию в научно-исследовательском институте, где появлялся не очень часто, главным образом для того, чтобы подписать приказы о командировках, отпусках и служебных перемещениях, а также — это было куда более обременительным и тягостным — если возникали конфликтные ситуации, разобраться в которых без него не могли и — тем паче — не отваживались принять самостоятельно решение, как, к примеру, в случае с лаборантом Темирджаном Юлчиевым, который, как утверждал Гайиб, из-за собственной безответственности и нерасторопности провалил окончательно опыты с сортом

«ГС». Дело осложнялось еще и тем, что Темирджан был подопечным Джамалова,— все об этом, разумеется, знали,— и сыном Мардона Юлчиева, друга далекой юности профессора.

Дружба эта возникла еще в студенческие годы, но особенно окрепла в пору, когда оба они учились в аспирантуре при университете. Добрым отношениям не мешало то, что Джамалов не всегда и во всем соглашался с Юлчиевым. По преимуществу касалось это научной деятельности. В Ильдаме в ту пору замыслы и порывы не умещались, как море в берегах. Он, что ни день, загорался новой идеей, причем зачастую — вселенских масштабов. Как тут было понять ему друга, который ограничил круг своих научных интересов лесами Узбекистана. Более того — едва ли не одним-единственным деревом — орешиней! Желая Мардону всей душой добра, Ильдам пытался пробудить в нем честолюбие, но это только приводило к очередной ссоре. Случалось, они по нескольку дней не разговаривали, но потом происходило быстрое примирение, и вскоре в газете, а то и в научном журнале появлялась статья или сообщение за двумя подписями, причем фамилия Джамалова, как и положено в соответствии с законом алфавитного порядка, значилась первой.

Статьи эти с полным правом были использованы Ильдамом Джамаловым, когда он, будучи не в силах склонить Мардона Юлчиева к тому, чтобы и он взял себе диссертационную тему сугубо теоретического толка, сам в очень короткий срок написал работу о некоторых особенностях обмена веществ у растений в условиях жаркого и сухого климата и благополучно защитил ее в ту пору, когда Мардон Юлчиев с упорством фанатика, как говаривал не раз Джамалов, ждал, что покажут его опыты с орешинами, а они, это всем известно, начинают плодоносить далеко не в первые годы. Пока Мардон Юлчиев собирал материалы, которых было бы достаточно для научного обобщения, Ильдам Джамалов успел значительно продвинуться по служебной лестнице в вузе и был даже назначен исполняющим обязанности заведующего кафедрой.

Что скрывать: к тому времени стал он несколько высокомерно поглядывать на своего бывшего однокашника, который все еще пребывал в младших научных со-

трудниках. «Теорию надо двигать, теорию!» — снисходительно говаривал Джамалов Юлчиеву во время уже редких встреч то в вестибюле Дома ученых, то у гардероба, после какого-то столь широкого совещания, что на нем даже студенты присутствовали.

Настало, однако, время и для Мардона Юлчиева. Когда он защищал кандидатскую диссертацию, все, кто выступал, обсуждая ее, в один голос повторяли, что материала у Юлчиева достаточно для докторской работы. Любой на его месте сразу же засел бы за стол, а Юлчиев затеял новые опыты со своими орешинами, но зато, едва он защитил докторскую, ему тут же, будто только этого момента и ждали, предложили возглавить среднеазиатский филиал одного из крупнейших всесоюзных научно-исследовательских институтов.

Джамалов снова оставался позади! Он чувствовал себя так, будто в самый последний миг вырвал Мардон у него из рук козла на улаке¹ и умчался, счастливый, с трофеем в руках, к финишу.

Ильдам Джамалович и не подозревал, что бес зависти, который засел в нем, так силен. Сам злясь, он чувствовал себя униженным. Надо было выходить снова вперед, и, отбрасывая один за другим различные варианты, Джамалов пошел-таки единственный стоящий. Хлопок! Надо резко менять курс, расстаться с теориями растениеводства и заняться только хлопчатником. Ни у кого это удивления вызвать не должно, а, паче чаяния, кто усомнится в искренности решения, принятого Джамаловым уже в весьма зрелом возрасте, можно всегда убедительно возразить: хлопок — наша национальная гордость. Что ж недостойного в том, что ученый жертвует личными интересами ради самого важного общенародного дела?

Итак, от теоретических проблем Ильдам Джамалов резко повернул руль к практике, к насущным задачам дня, о чем он не преминул громогласно объявить с высоких трибун и с газетных полос; докторская диссертация его была посвящена животрепещущей теме — наиболее целесообразным методам использования воды на целинных хлопковых плантациях. Злые языки поговаривали,

---

¹ У л а к — козлодранье.

будто два года вся лаборатория трудилась на одного Джамалова, но он лишь плечами пожимал: кто из нас застрахован от наветов? Чем больше твои успехи, тем больше завистников вокруг.

Так или иначе, с докторской степенью получил он звание профессора, стал полноправным руководителем кафедры, к тому же усовершенствовался в ораторском искусстве, читал лекции живо, перемежая теоретические выкладки любопытными сведениями и примерами, шутками и даже анекдотами. Ему было лестно, что студенты слушают его не скучая; впрочем, касалось это главным образом младших курсов.

Казалось бы, можно наконец почувствовать себя счастливым, но нашлись люди, которые доказали, основываясь на практике целинного хлопководства, что и рекомендации Джамалова применимы далеко не повсеместно; к тому же в течение нескольких лет они изрядно устарели. Но что это за докторская диссертация, если основные положения ее не носят характера универсальной закономерности?

Да, немало здоровья и сил отняла эта история, и все же «съесть» профессора Джамалова недругам не удалось. Он был убежден и поныне, что никакими иными побуждениями, кроме желания умалить его авторитет, не руководствовался никто из них, вновь возникших оппонентов, в том числе и Мардон Юлчиев, который, когда его как члена ученого совета попросили дать письменный отзыв, в выводах своих указал, что практические рекомендации сделаны Джамаловым несколько поспешно и практиками быть приняты пока не могут. Самого Юлчиева в ту пору не было в Ташкенте: он снова едва ли не на полгода отправился с экспедицией в свои любимые горы. Тем не менее, выступая где только можно было с возражениями, Джамалов однажды намекнул, что, мол, профессору Юлчиеву давно не дают покоя его лавры и потому так и ретивы лесоводы в опровержении выводов, касающихся хлопководства, о котором они имеют представление весьма смутное.

Вызова на словесную дуэль Юлчиев, однако, не принял, он остался верен себе. Какое-то время спустя Джамалову стало известно от верных людей, что профессор Юлчиев попутно со своей основной деятельностью занялся всерьез проблемой наиболее рационального водо-

пользования на вновь осваиваемых землях и, как сообщали все те же люди, немало в этом деле преуспел.

Вскоре, однако, появились доказательства, убеждающие, что Юлчиев выступает с открытым забралом: в журнале, предназначенном для практиков, он опубликовал детальные рекомендации мирабам и агрономам, работающим на целине. При всей своей раздраженности не мог Джамалов не признать, что в основу советов Юлчиева положены новые серьезные теоретические материалы, но именно это свидетельствовало о неэтичном поведении Юлчиева по отношению к ученому коллеге: уважающий себя и принципы научной деятельности человек в подобных случаях, по крайней мере, информирует президиум о том, что намерен заняться той же темой, которую давно разрабатывает другой исследователь.

Джамалов так и сказал с трибуны в присутствии самого президента: «Проблемы хлопководства слишком святое дело для того, чтобы мы перехватывали их друг у друга, словно дефицитную вещь на базаре. . .»

Юлчиев вынужден был теперь объясниться, и, не прибегая к ответным словесным выпадам, он просто и ясно сообщил, что заниматься на досуге (он подчеркнул это) и не в ущерб плану научных работ вопросами наиболее оптимального для хлопководства водного режима побуждает его забота о насущных потребностях целинного хлопководства. Он зачитал письма, с которыми обратились к нему директора двух крупных голодно-степских совхозов. «Могли они, разумеется, написать и другому ученому, но они попросили советов у меня, и отказать им я не считал себя вправе. Я не стремлюсь никого опровергать,— сказал в заключение Мардон Юлчиевич.— Слава богу, трудимся мы в такой области науки, где результаты, отрицательные и положительные, выглядят весьма зримо: либо наши орешины плодоносят, либо хиреют; либо наш хлопчатник зеленеет и цветет, либо чахнет на корню. . .»

На том, казалось, и кончилось, но годы шли, а упрямый Юлчиев, хотя здоровье его было уже далеко не блестящим, продолжал заниматься режимами поливов. Кто-то из коллег видел у него материалы по этой теме, и сказал, ничтоже сумняшеся, в присутствии Джамалова тот человек, что их на три докторские диссертации хватит.

Всеми высокими учеными званиями Юлчиев уже обладал. Что же ему нужно было? «Погубить меня хочет...», — леденя, заключил Джамалов. Уж сам-то с собой наедине не мог он скрывать, что докторская его лепилась наспех. Как раз в ту пору встал во главе ученого совета человек, который многим был обязан Джамалову, и тот человек торопил: «Не тяните, ради бога, Ильдам Джамалович!» Вот и пришлось кое-где шить белыми нитками. До сих пор никто эти швы, слава богу, не замечал, но от Мардона не укроется ничто. Это Джамалову было хорошо известно.

Внешне же отношения у них наладились. Они, бывало, и за общим дастарханом сиживали, если случай сводил, но даже в такие минуты, глядя на усталое лицо бывшего друга, Ильдам Джамалович заключал неизменно: «Копает он под меня. Ох, копает!»

Потом стало известно, что Юлчиев тяжело заболел. Из одной больницы его перевозили в другую, а Джамалов окольными путями разузнавал: не зарегистрирована ли в редакциях журналов или в канцеляриях научных учреждений или издательствах рукопись Мардона Юлчиева о водопользовании на целине.

Стало известно, что рукопись пока дома у Мардона Юлчиевича. Ильдам Джамалович чуть успокоился. Как хотелось ему рассеять последние свои сомнения в тот тяжкий час, когда он, услышав, что Юлчиев вот-вот скончается, примчался к нему в палату! Но конечно же иначе и быть не могло, у постели торчали врачи и сестры. Едва Джамалов заговорил, не о рукописи — о научном наследии Юлчиева, кому, дескать, его доверить, главврач, осведомленный, разумеется, о том, что за личность профессор Джамалов и как себя следует с ним держать, цыкнул тем не менее на него, как на студента-первокурсника, не знающего правил приличия. Сам Юлчиев взглянул на Джамалова предельно усталыми, но не безразличными глазами, и Джамалову показалось, что умирающий хочет успокоить его.

Но необходимо было словесное подтверждение. «Вы уж не сердитесь, Мардон Юлчиевич, глупо вышло тогда у меня со всеми этими нелепыми обвинениями из-за поливов, но чего в нашем мире не бывает...» — сказал, низко наклонившись к больному, Джамалов. Мардон Юлчиевич вздрогнул, будто током его ударило. «Я все-

таки попрошу, профессор, чтобы вы посидели в коридоре», — сказал, побледнев, главврач. Вот тогда, уже хрипя, и взмолился Юлчиев: «Темирджана... Темирджана...» То ли попрощаться с сыном хотел, то ли и впрямь, как быстро истолковал в свою пользу Ильдам Джамалович, завещал Темирджана ему — своему самому давнему товарищу...

Интересная вакансия после смерти Мардона Юлчиевича открылась, но занять пост директора института Джамалову, невзирая на все старания его, не удалось. «Что-то просочилось в верха...» — был убежден Ильдам Джамалович. Не с прежней тревогой, разумеется, — он все же время от времени вспоминал о бумагах, которые остались в столе у Мардона Юлчиева. Многие сделал он на пути к ним: пригласил Темирджана; стал официальным председателем комиссии по научному наследию профессора Юлчиева; не оттолкнул Хумайрабану, когда она явилась сватать Юлдуз, хотя у Джамалова с замужеством дочери были связаны планы иные. Против дружбы с Темирджаном он не возражал. Девочка она неглупая и себе на уме, а поклонники вокруг нее вертятся — это даже к лучшему. Пусть Темирджан слушает ее игру, пусть Гайиб водит ее на премьеры... Профессор Джамалов не обскурант, и дочь его — современная девушка. Опасаясь порой за Юлдуз, он твердил, что она, ко всему, самолюбива и всегда остановит пылкого влюбленного у нужного порога.

Впрочем, все эти заботы пришли потом, а прежде профессора осенила новая, сугубо научная идея — госсипол.

Давно, еще в те самые, незабвенные аспирантские годы, когда он, что ни утро, просыпался окрыленный новым великим замыслом, обратил он внимание на желтый пигмент, содержащийся в отходах после промышленной переработки хлопка. Вещество столь же удивительное, как и сам хлопчатник, хотя бы потому, что ни в одном другом растении на всем земном шаре обнаружить госсипол не удалось. Между тем вещество это год от года проявляло всё новые и новые положительные свойства, хотя прежде всего установлено было, что госсипол ядовит. Именно потому отравлялся скот, которому скармливали жмыхи, остающиеся после того, как из хлопковых семян выдавливали на заводе масло.

Долгое время усилия науки направлены были на то, как эффективней избавляться от госсипола при очистке масла, но с давних пор ученые все больше интересовались иным, более важным и сугубо теоретическим вопросом: не играет ли госсипол в растении роль ингибитора, то есть вещества, которое регулирует правильный ход химических реакций в растении? А если так, то нельзя ли с помощью госсипола активно влиять на обмен веществ в хлопчатнике, обеспечить такое химическое состояние, которое позволит растению прежде всего успешно переносить маловодье и легко справляться с болезнями, конечно же в первую очередь — с вилтом.

В далекую пору были всё это рассуждения скорей умозрительные, но несколько лет назад всплыли они снова, уже в непосредственной связи с опытом. Все тот же кропотливейший Назирджан Набиджанович, скрещивая разные сорта, набрел и на госсипиум — род хлопчатника, в котором госсипола содержалось больше, чем в других сортах. С беспечностью практика, — так для себя определил поведение Набиджанова профессор Джамалов — он взял от госсипиума то, что ему было нужно для скрещивания, и пошел дальше в поисках своего «Уз-701», начисто позабыв о госсиполе. А Джамалов совершенно закономерно закрепил тему об использовании ингибирующих свойств госсипола за своей лабораторией.

Он, как это у него бывало всегда, загорелся новой идеей; вначале сам засиживался в лаборатории допоздна, но запустил дела на кафедре в вузе, к тому же, что было не менее важно, не мог так часто, как требовала обстановка, присутствовать на встречах с необходимыми людьми, на важных и на не очень значительных, но тем не менее нужных ему собраниях. Понадобился человек, которому он мог бы верить так же, как себе.

Джамалов раздумывал недолго. Молодой, но подающий исключительные надежды, к тому же симпатичный и преданный ему аспирант Гайиб Сарымбаев встал во главе группы, занимающейся госсиполом. Не обошлось без жертв: Гайиб вынужден был отказаться от своей диссертационной темы, уже во многом разработанной, и взять новую, связанную, разумеется, с ролью госсипо-

ла в хлопчатнике. Но он и виду не подал, что огорчен, и завоевал этим еще большее расположение профессора.

Гайиб верил в Джамалова искренне и свято. С той же силой поверил он и в госсипол. Профессор великодушно указал ему великую цель и определил пути к ней, и это окрыляло Гайиба. Ученые степени присуждаются многим. Гайиб, конечно, был не хуже их. Но теперь у него появилась возможность не просто подтвердить свое право называться ученым, а сделать открытие, которое будет связано с его именем, хотя, разумеется, в первую голову — с именем Ильдама Джамаловича.

По должности Гайиб был всего лишь младшим научным сотрудником, но тем не менее профессор поставил его во главе довольного большого коллектива, и это тоже вселяло уверенность и придавало новые силы. Гайиб уже посматривал на подчиненных, как бы оценивая свое ближайшее окружение в будущем, когда он создаст собственный ученый мир. Пока же он являл пример трудолюбия и преданности делу. В лаборатории и теплицах Гайиб едва ли не в буквальном смысле дневал и ночевал. Вдохновляло его и то, что опыты обнадеживали. В конце года он уже смог составить докладную записку, краткую, но содержащую сведения о результатах несомненно положительных.

Профессор заинтересованно пробежал ее глазами. По лицу его было трудно догадаться, какое впечатление произвела записка.

— Не считаете ли вы, что следовало бы все же повторить опыт в лабораторных условиях, прежде чем выносить его в поле? — спросил Джамалов, все еще воздерживаясь от восторженных оценок, на которые втайне надеялся Гайиб.

— Я работаю тщательно. Ошибок быть не может, — твердо возразил Гайиб. — Вывод ясен: с помощью госсипола можно почти полностью уберечь хлопчатник от вилта, не говоря уже о других преимуществах, которые дает применение наших рекомендаций.

— Уверенность ученого зиждется на фактах. Будем считать, что имеем дело как раз с таким случаем, — сказал профессор, — а коли так, значит, наука одерживает очередную победу.

Вот теперь Гайиб вскинул голову, но вовремя спохватился.

— Идея и направление — ваши, учитель, — произнес он скромно. — Я об этом никогда не забываю.

Профессор, казалось, пропустил это мимо ушей.

— Еще один совет, дорогой, — сказал он, по привычке подпирая уже полнеющий подбородок кулаком, — прежде чем начинать опыты в поле, подготовьте несколько сообщений для научных журналов. Пусть общественность узнает о наших работах с госсиполом. — Он еще раз пробежал глазами докладную, указал пальцем на заключительный пункт, где речь шла о расширении группы, и разрешил взять еще одного научного сотрудника и трех лаборантов.

Именно тогда и пришел в подчинение к Гайибу Темирджан. Он стал свидетелем великого шума вокруг использования госсипола в агротехнике. Что ни день, лабораторию посещали видные ученые, не говоря уже о младших научных сотрудниках и любопытных аспирантах из других институтов. Со всеми Гайиб находил, однако, время побеседовать. Показывал, чтобы они своими глазами увидели, на что способен госсипол, экспонаты, дневники, результаты анализов и проб.

О применении госсипола было сказано и на курултае хлопкоробов.

После этого в лаборатории появились агрономы из совхозов, руководители передовых колхозов — люди, которые привыкли ценить все, что дает наука, и подхватывали идеи на лету. Деловые и практичные, они тут же предлагали заключить договоры о сотрудничестве. Гайибу и это было весьма лестно, однако он ограничился тем, что условился с несколькими хозяйствами о том, что на их полях будут проведены опыты с применением агротехники, основанной на использовании госсипола. (Сокращенно Гайиб называл это: «выращивание хлопчатника по методу «ГС» или еще короче — «ГС».) В одно из таких хозяйств попал и младший научный сотрудник Темирджан Юлчиев.

...Гайиб все же скрывал от него, что и от Хуснии, которая проводила опыты в Хорезмской области, вести приходят сейчас неутешительные. Одна лишь Джурахон-красавица восхищенно сообщала о новых и новых преимуществах хлопчатника, выращиваемого по методу «ГС».

На сердце у Гайиба было тревожно. В детстве, в

горном кишлаке, в той ватаге, которой верховодил Гайиб, был один особо жестокий мальчишка. Случалось, он, на потеху друзьям, как бы походя, резким ударом палки подшибал лапу курице. Зрелище было скорее страшное, чем забавное, даже для кишлачных сорвиголов: птица, лишенная от рождения возможности летать, бесполезно взмахивала подобием крыльев, тщетно пыталась устоять на единственной ноге и вертелась на одном месте, отчаянно кудахтая. В пору, когда Темирджан умолк и за молчанием этим, нетрудно было догадаться, скрывался провал повторных опытов, когда Академия, взбодораженная всеобщим вниманием к применению госсипола, требовала подробных докладов, а министерство — конкретных рекомендаций для широкого внедрения в практику метода «ГС», — перед внутренним взором Гайиба, он сам не понимал почему, нет-нет — мелькала на какую-то долю секунды та несчастная курица, напрасно хлопающая жалкими крылышками.

Впрочем, подобным пустякам Гайиб значения не придавал. В мистику он не верил, хотя предчувствие беды, которая может грянуть как гром с ясного неба, не оставляло его. И все же роковой день начался необыкновенно спокойно. Все были на местах точно к началу работы. Не пришел только Джамалов, хотя и предупреждал вчера, что будет в свое обычное время, то есть в восемь. Привычка профессора являться за час до начала работы вселяла в сотрудников нервозность сверх той обычной, что сопутствует всеобщей утренней спешке на службу. Темирджан с первых своих дней в лаборатории ощутил на себе, как неприятно, опаздывая, пусть всего на несколько минут, сознавать, что шеф уже там.

Гайиб вновь заглянул в кабинет к профессору. Настойчиво звонил правительственный телефон. Гайиб нерешительно поднял трубку, но услышал короткие гудки отбоя. Он вышел в коридор и увидел, что почти все сотрудники его лаборатории покинули рабочие места и сгрудились вокруг молоденькой секретарши директора, которая, видно, только что поднялась из вестибюля с утренними газетами в руках. Кто-то вырвал из рук девушки газету и начал читать вслух, а остальные нетерпеливо заглядывали через плечо ему.

Гайиб уже хотел обратиться к людям со строгим замечанием: отчет об очередном матче можно прочитать и в обед, но по напряженным и даже побледневшим лицам сотрудников понял, что не футбол, а нечто более важное волнует их сейчас.

Заметив Гайиба, все, словно по команде, неловко отвели глаза, а тот, который читал вслух, умолк, поперхнувшись словом. Гайиб все же расслышал: «госсипол». И какой-то нелестный эпитет перед словом «метод». Он похолодел: вот оно, разразилось... С великим трудом совладал он с собой и спросил у секретарши (она тоже не уходила к себе), нет ли еще экземпляра этой газеты. Девушка почему-то виновато ответила, что есть только директорский.

— Дайте! — Гайиб почти вырвал газету из рук девушки и быстро пошел к себе.

Он сразу нашел эту статью, подписанную молодым, но уже известным Гайибу журналистом, который не раз выступал даже в центральной печати по научным вопросам. Зачем-то Гайиб схватил красный карандаш и, читая, жирно подчеркивал отдельные фразы. Но вскоре он карандаш оставил. Губы его дрожали, брови сошлись у переносицы. Он начал читать сначала, повторяя вслух:

— Клевета! Здесь что ни слово, то — ложь.

Тренькнул телефон, и Гайиб тут же схватил трубку. Джамалов был уже на месте. Он требовал Гайиба к себе со всеми документами, которые относятся к госсиполу. Гайиб вдруг упал на развернутую газету, раскинув руки. Он даже слегка стукнулся лбом о стол, но тут же поднялся и застучал по газете кулаком:

— Негодяй! Я же шкурой чувал: нельзя доверять этому гнусному юлчиевскому отпрыску! Я же предупреждал шефа: он продаст нас, продаст! И вот случилось...

Джамалов сидел в глубоком кресле, подперев кулаком подбородок. Перед ним лежал знакомый номер газеты.

— Да, учитель.— Гайиб хотел назвать статью инсинуацией, но слово это сейчас застревало в гортани. Он заикался, не находя замены ему.

— Возьмите себя, пожалуйста, в руки,— сухо произнес Джамалов,— и учтите, что пока еще только зазвене-

ли бубенцы; нагора¹ вступит потом. Готовьтесь! — в голосе Джамалова прозвучала сдержанная угроза.— Кто мог бы подумать, что в душе у этого человека столько яда?

Гайиб не понял, о Темирджане или о журналисте сказал сейчас профессор, но обрадовался этой реплике, как глотку воздуха.

— Поганый бык неминуемо опрокинет арбу. Это не зря сказано, учитель! Юлчиев оклеветал нас от зависти, можете мне поверить.

— Увы, я полагаю, что причина не только в этом.

— Уверяю вас, учитель. Темир завистлив. Он меня подвел умышленно: ему завидно стало, что я вот-вот должен диссертацию защитить по госсиполу.

— Но невозможно было представить, что Темирджан — тоже из тех, кого обнимаешь, а он уже направил кинжал в твою грудь. Казалось бы, смиренный, добрый парень. И семью, и его я сто лет знаю...

— Вот именно, учитель! Не так о семье, как о драгоценном родителе нашего Темирджанчика вы наверняка вспомните кое-какие милые подробности. Вы меня простите, конечно, за то, что я это ворошу! — Джамалов молчал, однако, в тяжком раздумье, и Гайиб заявил решительно: — Надо, не теряя ни минуты, подготовить опровержение. Подключить к этому партбюро. Надо действовать, пока все не зашло слишком далеко!

Профессор скептически взглянул на Гайиба и покачал головой.

— Данные о результатах полевых опытов у вас с собой? — спросил он, указывая глазами на объемистую папку, которую принес с собой Гайиб.— Взгляните на них еще разок, и повнимательней, прежде чем засядете за опровержение. Папаша нашего Юлчиева однажды заметил весьма толково: мы работаем в такой области науки, где самый веский аргумент — куст, который выращен нами. Корреспондент бьет нас фактами.— Профессор постучал пальцами по газете и процитировал почти наугад: — «...хлопчатник, выращенный по методу «ГС», отстаёт в развитии даже от средних сортов, не говоря уже о прославленном по заслугам «701-м». Два поля рядом: одно опекает молодой лаборант Юлчиев,

---

¹ Нагора — род литавр.

другое — скромная колхозная звеньевая, юная Анархон Умарова. К слову, плантация Анархон тяжело пострадала во время весеннего стихийного бедствия. Поле пришлось очищать от камней, заново планировать и пахать и лишь потом провести повторный сев. Участок же Юлчиева оказался в более выгодном положении. Сель не задел его даже краем, но вот сегодня, сравнивая плантации, думаешь, что все происходило как раз наоборот: у Анархон — сильные, бодрые кусты. Они обещают богатый урожай. А на плантации Юлчиева, где все осуществляется в строгом соответствии с рекомендациями, разработанными в лаборатории. . .»

— Может, достаточно, учитель? — в сердцах спросил Гайиб. — Вы меня простите, конечно, но я прочел этот поклеп дважды. Выучил его наизусть!

— Хоп, — согласился Джамалов, — я лишь хотел напомнить вам, дорогой, что опровержение должно содержать не брань и не эмоции, а столь же неопровержимые факты и доводы. Чувства свои вы, надеюсь, сможете выразить Юлчиеву лично. . . — он хотел сказать еще что-то, но зазвонил телефон. — Началось, — сказал Джамалов, положив трубку, — зовут к самому, — и он показал глазами на потолок.

— Учитель, я — с вами!

— Нет уж, сидите у себя, дорогой мой. У вас есть над чем поразмыслить, — в голосе профессора вновь появились металлические нотки. — Прошу вас запомнить в качестве вывода: теоретически наша методика разработана безукоризненно. Ошибки ищите в ваших опытах. Имейте это в виду во всех случаях, когда вам придется давать объяснения. — И, вскинув голову, профессор Джамалов отправился к руководству.

Весь день Гайибу попадались на глаза люди с газетами в руках. Он был убежден, что читают они эту злощастную статью о госсиполе. Отчасти оно так и было. Институт только и говорил что о профессоре Джамалове, о его лаборатории и, разумеется, о Гайибе, как о руководителе работ, связанных с госсиполом. Как водится, одни жалели коллег («Сколько труда потеряли, и вот — все прахом. . .»), другие сочувствовали Джамалову и Гайибу, отвлекаясь от сути дела («Откуда такая жестокость у этого журналиста?»), третьи приветствовали появление статьи («Давно пора было сказать пра-

вду: никчемная эта затея у Джамалова с его госсиполом»).

Гайиб заперся в препаратной: уйти домой сейчас никак нельзя было — это могли расценить как трусость, — но и видеть ему никого не хотелось тоже. Битый час сидел он над исчерканным листом. Все доводы и возражения против статьи, будучи написанными, теряли стройность и силу, которая, когда Гайиб произносил те же фразы про себя, представлялась убийственной. Он понимал, конечно, в чем здесь причина, хотя и скрывал это от себя: статья была написана очень убедительно, особенно в той ее части, где журналист приводил высказывания Темирджана Юлчиева (он был назван «молодой ученый», и Гайиб трижды со злостью подчеркнул эти слова, имея в виду обвинить Темирджана в самозванстве). Темирджан, судя по статье, ничего не утаивая, предъявил журналисту все далеко не утешительные сведения о результатах выращивания хлопчатника по методу «ГС». Более того, Темирджан дал газетчику копию докладной записки, которую он прошлой осенью послал профессору Джамалову («Искреннее и честное сообщение это, адресованное главному научному руководителю, — писал журналист, — осталось гласом вопиющего в пустыне. . .»).

Опровергать факты надо было фактами. Гайиб мог бы сослаться на отчеты Джурахон Дададжановой; он и хотел так поступить вначале, но трезвый внутренний голос подсказал, что, отстаивая честь газеты и свою собственную, журналист не поленится и съездит в Самарканд, чтобы самому убедиться в достижениях младшего научного сотрудника Дададжановой. Гайибу же было известно, хотя шума по этому поводу он не поднимал, что большую часть года прелестная Джурахон весело проводила то в Самарканде, а то и в Ташкенте, препоручив свое опытное поле старику мирабу. Ссылкой на Джурахон Гайиб только подбросил бы поленьев в костер, который уже пылал ой как ярко. . .

Гайиб смял бумагу и швырнул ее в корзину. Взял чистый лист и черкнул размашисто вкось для приказа: «Юлчиева Т. М., лаборанта, срочно отозвать из длительной командировки».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

I

Темирджан возвратился в пятницу вечером. Конечно же он с тоской думал о неизбежной встрече с Джамаловым, с Гайибом, о том, как будут его отчитывать, требовать объяснений, стыдить. Потому он так обрадовался отсрочке — впереди было два выходных дня.

Уже под утро, когда с матушкой было переговорено, кажется, обо всем, кроме самого важного (о статье Темирджан, щадя сердце Хумайрабану, не сказал ей), мать проронила как бы между прочим, что вот, мол, лишь нынче утром встретила она на рынке тетушку Вотти и та, выкладывая по привычке все новости о Джамаловых, сказала и о том, что Юлдуз приехала на каникулы домой, но скоро собирается обратно в Москву. «Какой-то большой композитор там ей концерты устраивает», — сказала тетушка Вотти, и Хумайрабану также повторила эти слова.

Темирджан, впрочем, в суть вникать не стал. Он понял главное — Юлдуз в Ташкенте! В ту же минуту готов был он броситься к телефону, но сдержал себя: час был — не для светских разговоров. К тому же надо было звонить не куда-нибудь, а в дом профессора Джамалова. . .

Умчался он, к великому огорчению Хумайрабану, не позавтракав как следует, а вернулся хотя и задумчивый, но все же просветленный. Самое тяжелое для матери началось в воскресенье. Допоздна ждала она его, с тревогой и надеждой прислушиваясь к каждому звуку на улице. Она так и не сомкнула глаз до позднего часа, когда наконец Темирджан явился домой. Лицо его показалось матери черным. Опустив голову, не отвечая на ее робкие вопросы, прошел он на отцовскую половину, как по привычке называли ту часть дома, где находился кабинет, библиотека и спальня Мардона Юлчиева, и плотно закрыл за собой дверь.

Всю ночь провела мать у этой двери: вдруг Темирджан позовет? Но он молчал. Лишь слышно было время от времени, как он то встает с дивана, то покашливает. Звякнула краешком пиала о чайник. . . Жив, слава богу. Мать была и тому рада.

После полудня она все же решилась войти. Сын лежал на диване, уткнувшись лицом в подушку.

— Никак ты заболел, сынок? — осторожно произнесла Хумайрабану. — Вой-бой, ты и лег-то не раздеваешься. Может, вызвать врача?

Темирджан наконец откликнулся, все так же не поднимая головы:

— Не беспокойтесь, мама. Я полежу, и все пройдет.

— Тогда поешь, сынок. Я горяченькую маставу принесла. С перцем, с кислым молоком, как ты любил всегда... Ешь. Пища вкусна, когда она горячая. Подогреть — и не еда вовсе.

Сделав над собой огромное усилие, Темирджан поднялся, присел к столу, сунул ложку в дымящуюся маставу, помешал ее и тут же отодвинул. От запаха пищи его мутило.

— Нет ли у тебя жара? — мать поспешно приложила ладонь к его лбу.

— Голова побаливает. Я же говорил: полежать немного надо, и все пройдет. Вот зеленый чай — это дело. Лучше любого лекарства. — Он жадно выпил несколько пиал подряд и почувствовал, как проходит озноб. — Займитесь своими делами, мама. Не беспокойтесь обо мне.

Стояло сыну сделать движение, и мать вздрагивала, как пвовая ветвь под ветром. Она уже было направилась к двери, но остановилась, решившись спросить:

— Не сердись на меня, Темирджан, я же вижу, ты страдаешь. Скажи, не из-за той ли неприятности, которая произошла с твоим учителем?

Темирджан даже вздрогнул.

— Вам-то, матушка, откуда известно об этом?

Мать смутилась.

— Да это Вотти, когда я ее на базаре встретила, говорила: пришел, мол, профессор среди дня домой, и лица на нем нет. Заперся у себя, велел, чтоб к телефону его не звали и в дом не пускали никого. Кроме Гайиба. С ним вдвоем сидят в кабинете. Профессор то кричит на него, а то шушукаются подолгу... — Она помолчала и сказала все же: — Тебя, говорит, Вотти, поминуют. Сердито все...

Темирджан не выдержал:

— Хватит, мама! Прошу вас,

— Я же ничего такого не сказала. Что ты, сынок? — и удрученная мать вышла, тихонько прикрыв за собой дверь.

Темирджан то ложился, то вскакивал, не находя себе места. И вдруг, уже после полуночи, возникло непреодолимое желание войти в отцовский кабинет, будто только там ждало его успокоение. В просторной квадратной комнате все было так, как при Мардоне Юлчиевиче, и даже книги и бумаги лежали в том же порядке, в каком оставил их он. Мать лишь стирала с них пыль. Будто надеялась, что в комнату эту еще вернется хозяин.

Кабинет был освещен луной, и Темирджан почему-то не решался включить свет. В соседнем дворе играло радио. Шла передача для тех, кто не спит. С улицы доносился шум проезжающих автомобилей. Женский голос настойчиво звал кого-то, кто не откликнулся. Темирджан подумал, что какая-то мать, волнуясь, разыскивает сына.

И тут он вздрогнул, отшатнувшись от окна. Отец глядел прямо на него. Родное, уже тронутое печатью болезни лицо, худощавое, с остро проступающими под бледной кожей скулами. Сердце Темирджана забилось чаще. Неужто галлюцинация? Этого не хватало! Инстинктивно дотронулся он до рамы, и видение исчезло. У Темирджана отлегло от сердца. Он усмехнулся над своими недавними страхами: это же отцовский портрет отражается! Вскоре после смерти Мардона Юлчиевича Темирджан увеличил его фотографию и повесил на стену кабинета в рамке и под стеклом...

Он зажег верхний свет. Взгляд его упал на скромный шкаф, приобретенный отцом еще в ту пору, когда он учился в аспирантуре. На полках стояли книги, написанные отцом: «Ореховые рощи Средней Азии», «Дикорастущие орехи Узбекистана», «Лесные массивы отрогов Памиро-Алая», «Сокровища растительного мира», «Как ускорить плодоношение грецких орехов», «Растения — кладовая пищи»... около сотни названий. На некоторых корешках имя отца написано латинскими или арабскими буквами: это — многочисленные зарубежные переводы его трудов.

Темирджан сел за стол в кресло Мардона Юлчиевича. Возможно, сама обстановка заставила его с пронзительной ясностью ощутить себя продолжателем отцовского дела. Позабыв обо всем ином, он поспешно нашел в известном ему месте — под старинным литым письменным прибором — ключ от стола и достал из ящика хорошо известную ему папку. То было исследование о лесах Арала — дерзкий, но все же осуществимый, как признавали даже самые ярые оппоненты, план: окружить степное озеро-море лесными массивами.

Будучи еще школьником, Темирджан читал, не всё, конечно, до конца понимая, некоторые главы этой обширной рукописи. Отец работал над ней всю жизнь, исподволь собирая и изучая материалы, вырываясь, как только позволяли обстоятельства, на Арал. Впоследствии у него установились тесные отношения с каракалпакскими учеными, и одна группа исследователей постоянно работала по заданиям института, руководимого Мардоном Юлчиевичем.

Темирджан листал страницы и видел почти воочию темные с набрякшими жилами руки отца, бережно прикасающиеся к самой дорогой для него рукописи.

И вновь, но уже по совершенно иному поводу вспоминал сейчас Темирджан о профессоре Джамалове. Странно, но на заседаниях комиссии по научному наследию отца Джамалов ни разу не упомянул о самом главном из незавершенных трудов профессора Юлчиева — об этой рукописи, посвященной лесам Приаралья. И в то же время он упорно говорил об исследованиях Мардона Юлчиевича, которые касались хлопководства, в частности поливов на целинных землях, хотя тема эта, Темирджану было известно об этом доподлинно, никогда не занимала отца глубоко. По просьбе Ильдама Джамаловича, — сам он, разумеется, копаться в столе у Мардона Юлчиевича не решался, — Темирджан уже пытался однажды найти эту работу, которая, он знал, конечно, и об этом, смыкалась с научными интересами Джамалова. Тогда Темирджану разыскать эту рукопись не удалось, он сообщил об этом Джамалову, и тот — было заметно — с деланным равнодушием уронил, что, мол, найдется и эта работа, когда они займутся архивом вплотную. Важно только, чтоб к бумагам Мардона Юлчиевича доступа не имели посторонние. Джамалов с та-

кой страстью упирал на это, что Темирджан, удивившись, заверил профессора: подобное исключено. Тут же Джамалов заговорил о чем-то другом, не имеющем отношения к научному наследию Юлчиева.

Сейчас Темирджан, вовсе не думая о ней, наткнулся на желтую папку, на обложке которой было написано: «Советы голодноостепским хлопкоробам и мирабам» — не по-научному и безо всякой многозначительности, но это было в стиле отца и была это именно та работа, которая волновала почему-то Ильдама Джамаловича. Как-то машинально Темирджан начал перелистывать страницы и на первой же увидел фразу: «Цель наша состоит вовсе не в том, чтобы принизить заслуженный или несколько раздутый в этой отрасли науки авторитет отдельных исследователей (в частности, известные работы пр. И.Д.), а в том, чтобы предостеречь практиков от неизбежных ошибок, а следовательно, и народное хозяйство — от значительных материальных потерь, если они будут следовать рекомендациям, основанным на некоторых научных трудах последнего времени, прежде всего — на монографии доктора Д., посвященной исследуемому нами вопросу. Работа эта, содержащая несомненно важные теоретические обобщения, опубликована все же, нам кажется, несколько поспешно, что относится к той ее части, которая содержит сугубо практические выводы...»

Не оставалось сомнений в том, чье имя было скрыто под инициалами И. Д.

Так вот в чем истинная причина того интереса, который Джамалов проявляет к отцовскому архиву! Так вот почему встал он во главе комиссии по научному наследию Юлчиева!

Темирджан, конечно, знал о шуме, который возник в научном мире из-за разницы в подходе его отца и профессора Джамалова к проблеме рационального использования воды для поливов на целине, но не думал, что профессора Джамалова так уж беспокоят исследования отца в этой области. «Все ясно, — одними губами произнес Темирджан. — Джамалов боится отца и сейчас: боится этой рукописи; боится, что, если она будет обнародована, он предстанет перед всем ученым миром, как говорят, если и не голеньким, то — в лучшем случае — в нижнем белье, что тоже не красит видного про-

фессора...» И еще одно пришло сейчас в голову Темирджану: не потому ли так привечал его, так опекал, так называл ласково «родным» Ильдам Джамалович? И еще — давай уж до конца быть с собой откровенным! — не потому ли в дом свой ввел, попросил дочь свою, чтобы она для нужного человека на пианино сыграла? И она, выходит, заодно с папашей. По его указке голову Темирджану морочила. А что целовалась, так не с ним первым и не с ним одним. . .

Теперь он застонал так громко, что, отбросив нерешительность, в кабинет вбежала мать.

— Сынок, милый мой! Да не убивайся ты так из-за них! Не стоят они того, ей-богу! Ты себя пожалел бы. Глянь только на себя: бледен как стена, глаза провалились.

Темирджан взял ее добрые ладони и приложил к своим глазам. И этот жест вдруг вернул его в детство, и захотелось припасть к материнскому плечу, ища защиты, и он впрямь всхлипнул по-мальчишески невнятно:

— Уеду я, матушка. Не могу больше оставаться тут, где они.

— Сынок! Я же одна останусь! Совсем одна.

— Так надо, мама. Уехать, подальше. Вслед за отцом. На Барса-Кельмес. . . Да, да! — Он вскинул голову и посмотрел на мать уже сухими, загоревшимися глазами. — Барса-Кельмес! — повторил Темирджан, как откровение и клятву.

— Как же можно, сынок: поедешь и не вернешься? ¹ А обо мне ты хотя бы подумал? — испуганно спросила мать. Она едва сдерживалась, чтоб не заплакать в голос. Конечно же Хумайрабану понимала, что Темирджан иступленно твердит название то ли острова на Арале, то ли местности на западе от озера-моря, где муж ее находился, бывало, по полгода, но материнскому сердцу больно было в эту тяжелую минуту толковать «Барса-Кельмес» буквально.

Все же она позвала врача, и он нашел у Темирджана нервное расстройство, к счастью не опасное, но все же требующее тщательного лечения, выписал простень-

---

¹ Барса-Кельмес («Пойдешь — не вернешься») — в широком смысле название любой местности, которая пустынна и опасна.

кос успокоительное, велел неделю лежать в постели, а затем сходить на прием к невропатологу. Однако уже на третий день Темирджан исчез из дому, а вернулся с ворохом книг — портфель не застегивался. Тут же ушел он в кабинет и занялся чтением и выписками. Мать вошла к нему с миской, полной горячих пельменей, и с радостью следила, как он быстро и, кажется, с удовольствием ест, не забывая косить взглядом в развернутую книгу. Вот так же, бывало, и муж: ест словно между прочим, а главным и в ту, священную для хранительницы очага, минуту остаются чтение и раздумья, которые не покидали его никогда. И внешне Темирджан стал все больше походить на Мардона Юлчиевича: навис над столом, худощавый, длинный, с острым носом, с задумчивым взглядом глубоко посаженных глаз.

— Может, мне самой сходить к Джамалову, а, сынок? — несмело произнесла Хумайрабану.

Темирджан вскинулся:

— Это еще зачем?

Мать решила высказаться до конца:

— Я же вижу: лечиться ты, как врач советовал, не хочешь. . .

— Я чувствую себя почти здоровым. И потом: какое к этому отношение имеет Джамалов? — теряя выдержку, перебил ее Темирджан. — К счастью, он — не профессор медицины, не то я не позавидовал бы его пациентам.

— Ты злишься на него, сынок, а он тоже переживает из-за всей этой истории.

Темирджан только хмыкнул.

— Да, да, — продолжала мать, — мне же все доподлинно известно.

— От тетушки Вотти! Надежный источник. . .

— Не только от нее, — Хумайрабану уточнять, однако, не стала, — и суть же не в этом.

— А в чем?

— Помирися бы ты с Юлдузхон — и никаких лекарств тебе не надо. Мать в этих делах лучше любого врача разбирается.

Темирджан встал и распахнул шире окно. Из сада ворвался ветерок. Он принес тонкий запах мяты, легонько поерошил волосы Темирджана. Сквозь густое переплетение ветвей проглядывала молодая луна.

Темирджан глубоко вдохнул вечерний воздух и, чуть успокоившись, сказал, не оборачиваясь:

— Очень прошу вас, мама, не вмешивайтесь вы в мои дела. Ей-богу, я уже достаточно взрослый, чтоб самому разобраться и найти выход.

Хумайрабану покачнулась, будто сын толкнул ее в грудь. Брови ее приподнялись, на лице обозначилось страдание.

— Конечно,— произнесла она задрожавшим голосом,— невестка на острое напоролась, а заноза в моей ладони торчит... Думаешь, твои муки кого-то трогают так же, как меня? В тебе все кипит, как в казане, который на огне стоит. Ночами вертишься, днем — хмур, как осенняя туча. Все повторяешь: Барса-Кельмес... Ну, убежишь от них, а от себя-то не уйдешь ведь? А люди что скажут, ты подумал? Отказался от невесты... У кого после этого смогу я дочь посватать? Связал себя с Юлдузхон — женись на ней. Значит, такая твоя судьба. Да ты и сам это чувствуешь. Думаешь, не понимаю я, что не из-за размолвки со своим учителем так маешься ты?

Темирджан обхватил голову руками. Мама, мама... Из самых лучших побуждений исходя, терзает она ему душу. Ну, как сказать ей о том, что и ненавидит он сейчас Юлдуз, и ревнует ее к Гайбу, и жить без нее не может?

Он не находил слов, и тут, к счастью, кто-то позвонил, и Темирджан, обрадовавшись, кинулся открывать входную дверь. У порога стоял человек с широким добродушным дехканским лицом, с сетью морщинок у любопытных глаз.

— Назирджан Набиджанович? — проронил Темирджан и невольно добавил: — Вот уж кого не ждал.

— Понятно,— с охотой согласился Набиджанов,— потому я и приношу вам извинения за то, что решился на столь поздний визит, да еще — без предупреждения. Но дошли до меня слухи, что вы болеете, вот я и подумал, не надо ли чего?

За спиной у Темирджана появилась Хумайрабану. Она нашлась быстрее, чем сын:

— Мы всегда, в любую пору всей душой рады видеть вас, дорогой гость! Проходите же. Где вам удобнее будет: в кабинете или на террасе? Я там живо одеяла

расстелю. Темирджан, что ж ты медлишь? Веди уважаемого гостя в дом.

Вскоре они уже сидели, поджав по обычаю ноги, друг против друга, а посредине, на шелковой скатерти, стояли блюда с фруктами и сладостями и бокастые чайники, украшенные пестрыми цветами.

Назирджан Набиджанович прежде всего, и понятно было — не только вежливости ради, расспросил Темирджана о том, как чувствует он себя, пообещал, если надо, устроить консультацию у виднейшего специалиста по нервным болезням. Темирджану было неловко говорить на эту тему. Он все доискивался мысленно, как узнали в институте о его заболевании? Неужто матушка проговорилась при очередной встрече с Вотти, а та уж, как водится, разнесла по белу свету? Но Назирджан Набиджанович был так искренне участлив, что Темирджан не позволил себе ответить ему резко, что он, мол, почти здоров и ни в чьей консультации не нуждается. Он поблагодарил вежливо и даже записал телефон невропатолога, заметив все же, что вряд ли воспользуется любезной рекомендацией Назирджана Набиджановича, поскольку ему надо просто-напросто с недельку отдохнуть: участковый врач понял это; спасибо ему, конечно, что выписал больничный лист, но вряд ли следовало проставлять столь страшный диагноз. Назирджан Набиджанович согласился и, оглядывая Темирджана все с тем же любопытством, заверил его, что выглядит он неплохо. Устал, наверное, так оно и понятно: испытания выпали ему нелегкие.

Время шло, а Назирджан Набиджанович говорил о пустяках, но так увлеченно и весело, что Темирджан поневоле принял его тон и в свою очередь рассказал услышанный сегодня от кого-то в библиотеке анекдот о неисправимом пессимисте: соседи восхищаются тем, какие огромные арбузы выросли у него на бахче, а он сетует на то, что арбузы выпили очень много соков из почвы.

Тут уж специалистам сам бог велел заговорить о полях и урожаях, и Темирджан высказал Назирджану Набиджановичу свое восхищение сортом «701». Он видел этот сорт на поле, соседнем с его участком, и понял, какое великое дело для хлопководства совершил Назирджан Набиджанович.

Гость, впрочем, восторги умело погасил, сказал, что не считает свой сорт совершенным и сейчас начал со своей группой новую большую работу. Теперь они пытаются повлиять с помощью гамма-лучей на генетический код, записанный природой в семени хлопчатника,— искусственно вызвать новые и, разумеется, полезные наследственные признаки.

— То есть вы активно меняете молекулярные структуры! Я был однажды в лаборатории у Арслановой, но, по-моему, они занимались не хлопчатником.

— Лимонами, как это ни странно для наших краев.— Набиджанов улыбнулся еще шире, полные губы его приоткрылись, и показались ровные, на зависть крепкие зубы.— Но в том-то и суть,— продолжал он,— что Арслановой хотелось использовать изотопы как стимуляторы роста, а с другой стороны, попытаться повлиять на клеточную структуру семени лимона, вывести мутант, который будет обладать новыми признаками, необходимыми для произрастания лимонов у нас, в климатических условиях Средней Азии.

— И удалось ей это? — спросил Темирджан, подавшись вперед.

Набиджанов ответил уклончиво:

— Лимоны вырастила — с телячьей головой,— он взглянул на изумленного Темирджана и, словно вступая с ним в шуточный заговор, добавил: — Ну, может, чуть меньше. . . Но для нас суть не в этом. Главное — Арсланова уже вторглась в наследственный код. Теперь она работает в нашей группе и занимается, как все мы, хлопчатником.— Он принял протянутую ему пиалу и заключил: — Но и лимоны свои тоже не хочет бросать. В Каракалпакии у нас филиал, так она и там свои цитрусовые выращивает.

Глаза у Темирджана разгорелись.

— Вы же знаете, отец всю жизнь посвятил орешникам. . .

Назирджан Набиджанович кивнул согласно при этих словах и заметил, что Мардона Юлчиевича он знал хорошо и ставил очень высоко как ученого и организатора.

— Если бы ему — вашу современную методику, Назирджан Набиджанович! Вашу аппаратуру. Ваши лаборатории. . . Отец так верил, что атомная физика будет

использоваться в растениеводстве. Он открыл свои методы обработки и проращивания семян. Вы же знаете, что это — главное для орешин. Все — от семени. Но если бы он располагал аппаратурой для облучения, как Арсланова. . .

— Ну, а почему бы вам, наследнику Мардона Юлчиевича, не осуществить то, что не успел сделать он?

Темирджан смутился.

— Я стараюсь, — произнес он, опуская глаза, — только жизнь ведет не туда, куда хочется. Излучения радиоактивных веществ меня еще со школьных лет интересовали. Из-за гамма-лучей и началось мое сближение с профессором Джамаловым. Он мне самые редкие книги давал, разрешал читать свои рукописи. . . А потом эти теоретические увлечения у меня как-то прошли. Наверное, я прежде всего — практик. Вот сейчас отыскал самую дорогую отцовскую рукопись — о лесных массивах вокруг Арала, и кажется, что это и есть отцовское завещание мне, его сыну и ученику.

— Что ж, похвально, — согласился Назирджан Набиджанович и вдруг, снова растянув свои полные губы, подмигнул Темирджану: — А я-то, грешным делом, мечтал о том, чтоб вас к себе в группу пригласить. Возьму хоть сейчас. Пойдете?

Темирджан помрачнел.

— Пожалели меня, Назирджан Набиджанович. Приютить хотите. Спасибо вам, конечно, но все-таки не нужно мне, чтоб из сострадания. . .

— Чудак-человек! — прервал его Назирджан Набиджанович. — Да я же — эгоист до мозга костей! Понимаете: себялюб я законченный. Мне нужны молодые, полные сил и талантливые сотрудники. А вы — именно такой. Вы — подвижник, а не соглашатель, и это мне в вас нравится, пожалуй, больше всего.

— Переоцениваете вы меня, учитель. Вы же почти не знаете меня.

— Достаточно одного факта — выступления газеты. Не хотел говорить об этом, но, коли уж пришлось, скажу: не много знаю я людей в нашем научном мире, которые могли бы вот так, как вы, открыто выступить против собственного шефа, если он упорствует в своих ошибках или заблуждениях, не знаю, как уж и сказать. Ладно, не хотелось задевать больное, но теперь — все

равно. Так вот, никогда не верил я в чудодейственную силу госсипола. Когда-то, вы слышали, наверное, и я им занимался. Меня интересовало, какую роль играет он в развитии хлопчатника. Вещество, ничего не скажешь, удивительное, не говоря уже о том, что — единственное в своем роде. Впрочем, все это вам хорошо известно. Хотите знать, почему я отказался от продолжения опытов с использованием госсипола? Счел их бесперспективными. Да, да! Госсипол — одно из чудесных созданий мудрейшей природы, но функции его строго ограничены: он призван обеспечивать нормальный ход химических процессов у хлопчатника. Нормальный! — Назирджан Набиджанович многозначительно поднял палец. — Это означает, что увеличение содержания госсипола может привести лишь к нарушению этих процессов. И все! По самой природе своей ингибитор, каким является в хлопчатнике госсипол, призван либо замедлять течение химических реакций, либо вовсе прекращать их, а одновременно — и биологические процессы.

— Вот-вот, — печально заметил Темирджан, — как раз с этим я и столкнулся на практике: ваш «701-й» уже давно цвел, а у меня только-только бутоны появлялись.

Назирджан Набиджанович отмахнулся однако:

— Да не в моем сорте суть! Я говорил, и не раз, что важно не количество госсипола в растении, а присутствие его. Ну, так же, как с катализатором — ускорителем реакций. Для каждого химика — это аксиома. Но меня слушать не стали. Лишний раз обозвали узким практиком. Добро — не узколобым! А потом я, каюсь, гнал от себя мысли о Джамалове и его затее, хотя она обходилась государству ой как дорого: сотни тысяч рублей улетели только ради того, чтоб выделять госсипол в нужных лаборатории количествах. Я молчал, хотя знал об этом. Конечно, был занят собственными делами, но это меня от ответственности не освобождает. А вот вы, молодой человек, не побоялись и сказали правду. Честь вам и слава! И сам Джамалов тоже вас должен благодарить, если он поймет наконец, что умение отказаться от безнадежной гипотезы для подлинного ученого так же важно, как и способность сделать открытие. Я и с ним, между прочим, говорил о госсиполе. И не раз. Безнадежно.

— И я тоже — писал ему подробно еще в прошлом году, — сказал Темирджан. — Мне не хотелось причинять ему неприятности. Джамалов — мой учитель. Он много сделал для меня. Но я понимал, что чем дольше скрывать истину, тем хуже будет. Это все равно что запускать болезнь.

— Вы поступили правильно. Лично для меня лучшей характеристики молодому ученому не надо — честен и принципиален. — Назирджан Набиджанович внимательно посмотрел прямо в глаза Темирджану. — Вы должны быть готовы к продолжению борьбы. Они так легко не сдадутся. Не захотят признавать, что деньги на ветер выбрасывали. Конечно, Джамалов — знающий и способный ученый. Но его губит, по-моему, чрезмерное стремление к быстрому и легкому успеху. Ну, как бы это сказать? — Назирджан Набиджанович щелкнул пальцами. — Джамалову важнее знать, что наука даст многое ему, чем то, что он — дает многое науке. Он, например, и с докторской своей торопился. Отцу вашему давали ее на рецензию. Юлчиев предлагал, чтобы Джамалов еще поработал хотя бы год, проверил теоретические выкладки на практике — в Голодной степи три совхоза согласились производить частично поливы по новой методике Джамалова. Но не вышло: Джамалову не терпелось получить докторский диплом и звание профессора. А потом все всплыло... Так что опыт у Джамалова на этот счет уже имеется. Правда, с поливами дело обстоит несколько иначе: мысли у него в диссертации высказаны ценные, и весьма...

Темирджан проводил Набиджанова до остановки. Время было позднее, трамваи ходили редко, и Темирджан остановил такси, невзирая на протесты Назирджана Набиджановича.

Он вернулся домой, продолжая, конечно, раздумывать об этом человеке и о том, что он говорил. Что привело его нынче вечером в дом к полузнакомому лаборанту? Сострадание, любопытство, а может — тоже какой-то расчет? Но все эти соображения так не вязались с обликом Назирджана Набиджановича, что Темирджан невольно устыдился своих мыслей. «Приходил к человеку — человек», — произнес он про себя как вывод. И этими словами было сказано все.

Долго беседовали мужчины. Хумайрабану успела все дела на кухне переделать, сидела за шитьем и слушала радио. Передавали знакомую пьесу, актеры были из молодых — не те, которых Хумайрабану видела много лет назад в этом же спектакле на сцене. Где же те-то теперь? Кто состарился, а кто вовсе ушел из жизни... Бежит время, бежит безудержно. Давно ли была она быстроногой непоседой, стройной, красивой? Многим парням нравилась Бану; не успевали одних сватов проводить — другие в двери стучались. А ей нравился один-единственный — Мардон, вечно нуждающийся студент, который снимал у них в доме комнатушку.

Был он сыном каких-то далеких родственников, которые жили в кишлаке, приехал в Ташкент учиться и поселился в доме у отца Хумайрабану. Имел две рубашки на смену да бумажные брюки в полоску, которые сам стирал по выходным дням. Что ни вечер, мать посылала Бану отнести квартиранту еду из горячего котла. Ссылалась на обычай, но студент сердился, говорил, что сыт, что вообще не вправе он злоупотреблять добрым отношением людей, которым он по сути чужой. Бану привыкла к этим речам. Она ставила на стол тарелку с горячей чучварой или касу с дымящимся пловом и угорала. Была она единственной в семье, и, кроме нее, послать к студенту было некого.

Впрочем, не таков был Мардон, чтоб оставаться в долгу. Он делил с хозяином все домашние заботы: то крышу они вдвоем красили, то подпорки для виноградника ставили, то Мардон устраивал генеральную уборку во дворе, а уж деревья, цветы были исключительно его заботой.

Допоздна светилось окошко в комнате у студента, и отец, бывало, замечал, покачивая головой: «Этот парень для науки родился. Голова у него золотая. Высоко поднимется когда-нибудь Мардонбай».

Никто не называл его женихом Хумайрабану, но вскоре все, и она в том числе, иначе не полагали. Да и сваты перестали одолевать их дом.

Мардон благополучно окончил институт, был принят в аспирантуру, а Бану совсем повзрослела, и осенью вся махалля отпраздновала их свадьбу. Вскоре ушли один

за другим из жизни родители Бану, и остался единственным хозяином усадьбы Мардон. Диву давалась Бану: как у него времени на все хватает? С утра — в институте или в библиотеке, вернется домой, пообедает — и за кетмень: худой, длинный, месит посреди двора глину с саманом, формует кирпичи. Лишь в выходные дни приходят, по обычаю, на помощь соседи. Но вот же: за несколько лет построил Мардон на месте ветхого жилища основательный дом из четырех комнат с террасой, кухней и прихожей. В саду вырастил яблони и персиковые деревья, дающие вкусные и обильные плоды, а по обеим сторонам дома посадил конечно же свои любимые орешины.

Глядя на молодого хозяина, и соседи начали малопомалу сносить древние кибитки и ставить плановые дома. К тому же и старая улица преобразилась: ее покрыли асфальтом, обсадили чинарами, и стал среди жителей этой улицы Мардон Юлчиевич одним из самых уважаемых людей.

Хумайрабану помогала ему, как могла: вела дом, растила Темирджана, а забот с сыном хватало, потому что он часто хворал, к тому же успевала и зарабатывать кое-что: она еще у матери научилась быстро и хорошо шить; брала работу с соседней фабрики на дом и очень гордилась, когда, бывало, за перевыполнение плана ей выдавали премию.

Она и сейчас, невзирая на то что получала пенсию за умершего мужа, продолжала шить сорочки, ничуть не смущаясь тем, что она — профессорская вдова. Не заработки нужны были. «Живешь, когда отдаешь», — говорил муж. Она не повторяла этих слов ни вслух, ни про себя, но они стали для нее правилом.

...За открытым окном, на улице, разговаривали две женщины. Встретились они давно и все никак не могли расстаться, хотя каждая то и дело порывалась уйти домой, ссылаясь на поздний час. Разговор шел, как у всех, кому под пятьдесят, о детях. Женщина убеждала соседку, чтобы та не препятствовала сыну, который хочет поехать учиться в Москву. «Ийе, соседка, — отвечала другая, — я же и сама понимаю, что его теперь туда тянет. Шутка сказать: кино снимать научится! Только все же — так не хочется отпускать из-под своего крылышка птенца...» И тут же следовало возражение: «Вон у Хал-

мирзы парень, ему-то уж, пожалуй, за тридцать будет, и все дома сидит, а что толку: разжирел до поры, чем занимается — неизвестно: весь день в чайхане на помосте дремлет да с перепелками возится. У него этих птиц, почитай, две дюжины в клетках, накрытых платками. Так что ж, по-вашему, счастлива матушка этого лоботряса, пусть даже она и видит его ежечасно?» — «Правда ваша, соседка, только боязно как-то...»

Они будто нарочно затеяли этот разговор под окнами у Хумайрабану. «Так-то так, — раздумывала мать, — но надосло одиночество. Ну уж ладно, уехал бы, коли такую же, как отец, судьбу себе избрал, но оставалась бы хоть дома невестка, детишки... Только что-то не верит сердце в скорую женитьбу Темирджана. Да и не та, по чести говоря, девушка эта Юлдуз, о которой мечталось. Вот младшая, видно сразу, — умница и сердечко золотое. А у него к ней душа не лежит. Что тут поделаешь?»

Скрипнула дверь кабинета. Это Темирджан, проводив гостя, вернулся к себе. Мать босиком подошла, взглянула в приоткрытую дверь. Сын опять склонился над отцовскими бумагами.

...Только, наверное, отец с его страстной преданностью науке и почти что фанатичной добросовестностью мог собрать такое множество сведений и столь подробно описать климат, растительность, почву не только обширного региона, прилегающего к Аральскому морю, но и всех аулов, расположенных вблизи побережья. Мойкул, Ойкуюр... Отец писал, что сегодня здесь воздух пропитан солеными испарениями. Поставьте в степи на ночь ведро с водой, и к утру она станет горькой, будто вы зачерпнули ее из моря. Но зато в аулах этих, где нелегкими усилиями людей выращены сады, воздух, как показывают многочисленные пробы, свободен от солей. И Мардон Юлчиевич, не удержавшись, вновь пропел гимн зеленому другу. Он привел (правда, в сноске, внизу страницы) еще раз сведения о великом значении растительности на земле.

Ежегодно все растения — от блеклой пустынной былинки до могучей столетней чинары — поглощают из земной атмосферы триста миллиардов тонн углекислоты и преобразуют ее в органические вещества. Они выделя-

ют в сто раз больше кислорода, чем требуется для дыхания всему населению земли. Так вправе ли мы, писал Мардон Юлчиевич, пренебрегать самым важным из рычагов, с помощью которого мы можем благотворно преобразить огромный, ныне почти пустынный край?

О нет! То были не благие пожелания ученого-мечтателя. Темирджан глотал страницу за страницей, на которых среди машинописного текста пестрели выведенные тушью латинские названия растений и химические формулы. Отец, помимо всего, тщательно исследовал водный кадастр верховьев Амударьи, состояние подпочвенных вод и их запасы. Он убедительно доказывал, что есть полная возможность не в ущерб сложившейся экономике края найти в достаточном количестве воду для выращивания лесов и садов вокруг Арала. Тут же он приводил вереницы цифр, убеждающих, что благодаря тем же лесам водный баланс края в самые ближайшие годы решительно изменится в лучшую сторону и будет улучшаться постоянно.

Со страниц рукописи звучал спокойный, рассудительный голос ученого. Избегая эмоций, которые в этом случае, впрочем, могли бы быть поняты правильно, он исследовал роль хозяйственных мероприятий, которые из года в год осуществляются в Приаралье для того, чтобы сделать возможным развитие сельского хозяйства, и при всем уважении к ним делал вывод, что это все-таки — полумеры. В песок в буквальном смысле уходят, что ни год, миллионы. Надо смело стать на более плодотворный путь — произвести решительные преобразования в природе края. Это — лесопосадки.

И все-таки прорывались личные, до боли знакомые Темирджану отцовские интонации: лирик побеждал исследователя, и тогда появлялись строки:

«Деревья стояли, как бесчисленная шеренга бойцов переднего края. Они вросли в песок, закрепились корнями в плотном грунте, всем своим видом показывая, что не сдвинутся с места, устоят перед самыми жестокими бурями. Изогнутые ветви были откинута на восток: кроны напоминали распущенные волосы девушки, идущей навстречу ветру.

Но чем дальше в глубь леса, тем ровней становились стволы, выше и гуще кроны. Ни ветер, ни палящий зной не проникали в чащу. Под ногами зеленела изум-

рудная трава; на ней виднелись непросохшие капли росы. В густых зарослях щебетали птицы. Любопытная белка пронеслась над нашими головами, перелетая с ветки на ветку.

Мы шли к берегу моря. Сквозь густые заросли проглядывали стены санаториев. Над морем зелени реяли флаги пионерских лагерей.

Стена леса осталась позади. Перед нами открылись необозримые пляжи. Чудесный теплый песок; чистейшая изумрудная вода; и незаходящее допоздна солнце. Таких пляжей, по общему мнению, нет в стране нигде. Потому-то сюда приезжают люди из самых дальних краев...»

И вновь — строгий тон:

«Наши исследования осуществлялись в течение нескольких десятилетий. За это время созданы леса на нескольких опытных участках. В аулах Мойкул и Ойкуюр по нашей методике выращены плодовые деревья на усадьбах многих колхозников. Это не только яблоня и вишня, но и самые прихотливые породы, к примеру инжир и китайская груша.

Сады и леса вокруг Арала — не мечта, а реальность...»

Приложения к рукописи также составили объемистую папку. Однако на схемах и графиках были представлены не все показатели, в таблицах было немало пропусков. Да и в каждой из глав, прочитанных Темирджаном, пестрели пробелы. Работу надо было завершать. Отец сделать это не успел.

«Лесовод ждет результатов эксперимента двадцать лет. Тому, кто занимается луком, исход опыта ясен уже через две недели. Потому-то орешинами и дубами занимаются романтики и фантазеры, а практичные и трезвые люди — ранней редиской и зеленым лучком, к которым я вас и приглашаю», — это — из шуточного тоста Ильдама Джамаловича Джамалова. Он произнес его на каком-то банкете, на котором присутствовал и отец. Джамалов тогда на секунду умолк, наслаждаясь произведенным эффектом, и вдруг громко вступил Мардон Юлчиевич. Он завершил тост неожиданным для Ильдама Джамаловича образом. «А посему — выпьем за романтиков и фантазеров, за чудаков, украшающих землю!» — сказал он, и все поднялись, приветствуя его. Ра-

зумеется, на протяжении этих нескольких невероятно тяжелых дней, наполненных тревогами, бесконечными раздумьями о неизбежных объяснениях, об оргвыводах, как это называется, которые последуют неизбежно, Темирджан, хотел или не хотел, возвращался мыслями к Юлдуз. «Зачем я оскорбил ее, да еще так пошло, похамски?» Все вспоминались физиономии двух балбесов, сидевших у кассы троллейбуса, их скабрзные улыбочки, понимающее переглядывание... А один, кажется, даже монеткой поиграл, словно поддразнивая ею Юлдуз. Как она пережила все это?

Темирджан так и не знал ничего о девушке, которую недавно по праву называл своей.

Он уговорил себя, что надо пойти, убедиться хотя бы, что она жива-здорова. Суть была, конечно, в ином: занозу из сердца нелегко вытащить, хотя Темирджан не хотел признаваться в этом даже себе.

В конце концов, выбрав время, когда Джамалов должен был находиться в институте, Темирджан, едва ли не крадучись, вошел в тихий переулочек. Там и сейчас было пустынно. Никем не замеченный, он приблизился к ограде и даже решился заглянуть во двор. Он не увидел никого, и было тихо.

Вдруг в дальнем конце переулочка появилась парочка. Вмиг Темирджан отпрянул от ворот и перешел на противоположную сторону, делая вид, что внимательнейшим образом изучает нумерацию на домах. Молодые люди укрылись за толстым стволом карагача неподалеку от дома Джамалова. Донесся грудной девичий смех, потом наступила тишина, и Темирджану послышался звук поцелуя. Клубок самых противоречивых чувств заворочался в груди у него, но над всем возобладало оскорбленное самолюбие.

Он заметил, как противно дрожат у него руки. Самое лучшее сейчас было бы медленно и с безразличным видом пройти мимо, так, будто оказался он в этом переулочке, населенном по преимуществу видными ташкентскими учеными, по делам, не имеющим никакого отношения ни к профессору Джамалову, ни к его дочерям. И тут парочка сама двинулась навстречу ему. Темирджан попытался собрать в кулак всю свою волю. К счастью, он заметил на высоких воротах медную табличку с фамилией известного биохимика и уже решился

нажать на кнопку звонка, когда до него донесся голос девушки. Он взглянул на нее и вздохнул облегченно: то были незнакомые люди.

Они прошли мимо, занятые только собой и своей любовью, а Темирджан, решив почему-то, что теперь-то уж все безвозвратно потеряно, медленно побрел домой.

Он шагал опустив голову и, не в силах ни о чем думать, машинально повторял про себя имя и фамилию, которые были шикарно выгравированы на медной дощечке у высоких ворот: «Каримов Абдулла Каримович. . .»

Ну и ну. . . это же — директор их института, глава ученого совета. Может, и впрямь следовало зайти к нему? Но не домой же. . .

Уже на углу кто-то коснулся его плеча. Он вздрогнул и обернулся. Юлдуз, раскрасневшаяся от бега, непричесанная, в домашнем платье.

— Слава богу, догнала, — произнесла она, трудно дыша. — Подожди меня в парке. Я — сейчас.

Они сидели рядом на скамейке и беседовали, будто не было и в помине той страшной размолвки в троллейбусе. Самое неприятное объяснение уже позади. И Темирджан признал, что поступил грубо и глупо, и Юлдуз корила себя: дернуло ее тогда вспомнить о Гайнбе! Он ли единственный, кто просит ее руки? Не запретишь же людям свататься? Но вот говорить об этом — просто неприлично. Тем более — не с кем-нибудь, а с Темиром. При этих словах она коснулась его лба тонкими пальцами и поправила упавшие пряди.

— Разве можно так мучить человека? Даже не позвонил после этого! — упрекнула она.

Он слушал ее, радуясь. На веру принимал каждое слово Юлдуз, когда она говорила о том, как была занята весь этот год в колсерватсрин, а писать наспех не хотелось — слишком дорожит она Темиром и его мнением о себе. . .

Потом они поцеловались раз и другой.

— А знаешь, Темир, жизнь устроила нам испытание не зря, — сказала Юлдуз, заглядывая прямо в глаза ему, — ты страдал, мне жаль тебя, но зато я окончательно убедилась, что ты меня любишь. Иначе и не ревновал бы по-страшному.

Он заметил с некоторым удивлением, что ей это едва ли не нравится!

— Может, оно и так,— согласился Темирджан, прижавшись теснее к плечу девушки,— но только слишком уж односторонним получилось испытание.

— Почему же? Ты думаешь, я сразу нашла в себе силы, чтобы простить такое оскорбление? Я тоже с собой боролась. Ночей не спала, все думала, как поступить. А потом еще — и отец. . .

Темирджан весь напрягся.

— Что — отец? — спросил он глухо.

— Не знаю толком,— Юлдуз пожала плечами,— называл тебя предателем. Я тоже ту статью читала. Ты сказал корреспонденту, что напрасно убил два года жизни.

— Не в этом суть,— хмуро возразил Темирджан,— с моими потерями еще можно примириться. Худо другое: сама затея с госсиполом оказалась бесплодной. Я писал об этом профессору давно, хотел предостеречь его, надеялся, он поверит мне, поймет, что тему надо свертывать, а вместо ответа явился в колхоз Гайиб, набросился на меня с упреками, приказал впредь писать отчеты только самого положительного характера, чтоб не огорчать Ильдама Джамаловича. А я обманывать больше не мог. Пойми, Юл: я вовсе не такой уж хороший,— просто я понимал, что рано или поздно правда обнаружится, и вот тогда-то профессор Джамалов уже с полным основанием скажет, что я предал и его, и науку.

Юлдуз молчала.

— Наверное, более опытный человек поступил бы на моем месте разумней,— Темирджан вздохнул,— но я другого выхода не нашел. Лаборатория была глуха ко всем моим словам, а газету не услышать они не могли. Вот и все.

— Знал бы ты, как моя младшая сестра за тебя вступается,— тихо произнесла Юлдуз.— Она же в любых научных вопросах разбирается. Прямо в лицо отцу сказала: «Человек правду говорит, а вы его клеветником и неблагодарным называете». Досталось ей за дерзость порядком, но хочу тебе напомнить,— тут она посмотрела на Темирджана многозначительно,— в нашей семье у тебя есть заступница.

— Я полагал — не одна, — Темирджан силится улыбнуться.

Девушка положила ладонь на руку ему.

— Я же сказала: судить, кто виноват из вас, кто прав, я не могу — не разбираюсь в этом так, как Кундуз. Но все-таки я тебе верю, Темир, хотя мне и отца очень жаль. Наверное, все это — какое-то ужасное недоразумение? Ох, как прекрасно было бы, если бы все уладилось!

— Спасибо за сочувствие. И тебе и сестричке твоей.

Юлдуз горячо подхватила:

— Она во всем с тобой единокорна. Честное слово! У вас даже неприязнь к Гайбу — общая. Как только он приходит, Кундуз прямо-таки в лице меняется. Она и Сарымбая старого не жалуется. На прошлой неделе приехал он опять с мешками какими-то, с бидоном меда, а она калитку перед самым носом у него захлопнула. Он звонил, звонил, в окна стучал, а она — будто не слышит. Тут, на его счастье, тетушка Вотти с базара вернулась, впустила Сарымбая. Он ей, слава богу, не пожаловался на девчонку, а Кундуз, пока он не уехал, даже к столу не выходила. Это же надо — такой характер! Вся в покойную маму, — Юлдуз вздохнула. — Я-то маму еще помню. Смутно, правда. Я в первом классе была, когда она умерла. Отец называл ее — красавица с мечом в руках. Говорят, она была непреклонна, если считала себя правой. Но все ее любили, а отец обожал. Он во второй раз и не женился, потому что все, кто встречался на пути, были не такие, как мама. Потому он и Кундуз все ее выходки в конце концов прощает. Только она и позволяет себе быть с ним непочтительной, говорить в лицо все, что думает о нем, даже самое для него неприятное.

Вспомнив о матери, которая умерла очень молодой — тридцати лет ей не было, Юлдуз погрузилась. Темирджан понимал, что все слова излишни. Он положил голову девушки к себе на грудь и погладил ее густые легкие волосы.

— Теперь ты, наверное, уйдешь из отцовской лаборатории и уедешь куда-нибудь опять? И мне тоже — уезжать, — Юлдуз глубоко вздохнула. — Думаешь, очень хочется мне жить в Москве? Что говорить, там — концертные залы, наши и зарубежные самые лучшие ис-

полнители, музыканты, композиторы. Одним словом — большая музыка. И все-таки как я тоскую там!

Теперь молчал Темирджан. Он ждал, что она скажет: «По тебе тоскую», но продолжала Юлдуз о своем:

— Я скоро вернусь,— сказала она (он подумал, чтобы утешить его),— вот только выступлю на весеннем фестивале. Для меня один композитор,— она назвала очень популярное имя,— концерт написал. (Так вот что означали слова тетушки Вотти: «Какой-то там композитор ей концерты устраивает»!) Очень хочется сыграть. Ты представляешь: это же будет первое исполнение! Руководитель мой уверяет, что я в историю войду, но не это, конечно, главное. Темир, поверь, музыка — воздух, которым я дышу. А каждому хочется вдохнуть поглубже.

— А как же я? — спросил все-таки Темирджан.

— Ты же будешь ждать меня? Да?

— А ты — меня?

Она чуть прикоснулась к его щеке горячими губами.

— Еще сомневаешься? Злюка...

Губы ее были совсем близко, и Темирджан приник к ним, как к роднику, дающему жизнь.

ГЛАВА ПЯТАЯ

I

И вновь, памятуя о незыблемых порядках, установленных профессором Джамаловым, торопился он точно к девяти в лабораторию. Одевался и одним глазом заглядывал все в ту же отцовскую рукопись (сам себе удивляясь: думать и тревожиться полагалось о деле с сортом «ГС»), которую не успел за эти дни дочитать. Каждая страница требовала большого времени, часть текста была написана от руки, а почерк свой Мардон Юлчиевич подчас и сам-то разбирал не без труда.

Он начал надевать сорочку, продел одну руку, а про другой рукав забыл.

«Весна в Приаралье приходит рано, поэтому высаживать в почву саженцы надо в начале февраля. Воздух в эту пору уже теплеет день ото дня, грунт влажен

после стаявшего снега и дождей, обычных для этого периода. . .»

Темирджан надел сорочку, но, застегивая пуговицы, продолжал читать то, что было написано на следующей странице. Речь здесь шла о породах деревьев, которые целесообразно высаживать на песчаных почвах. Отец настойчиво рекомендовал создавать вокруг населенных пунктов рощи из засухоустойчивого сумаха. Темирджан и сам очень любил это неприхотливое дерево с длинными узкими листьями. Осенью они становятся огненно-красными и напоминают перья сказочных птиц. Между стволами сумаха Мардон Юлчиевич советовал сеять клевер, который, благодаря тени, потребует гораздо меньше влаги, чем на открытых полях.

Конечно же не забыл он и о тополях, без которых немислим азиатский пейзаж. Верный себе, Мардон Юлчиевич на последующих шести страницах подробно говорил о способности тополя произрастать даже на сильно засоленной земле, указывал, какие именно породы тополей следует выращивать вдоль каналов, а какие — в степи, где они образуют первый кордон лесозащитной полосы. Давались и советы насчет того, как правильно обрезать тополя, с тем чтобы, достигнув необходимой высоты, стволы их могли быть использованы как строевой лес.

Большой раздел был посвящен выращиванию карагачей. Мардон Юлчиевич поместил таблицы, показывающие, как возмещаются с течением времени затраты труда на выращивание карагачей, которые поднимаются медленно и трудно, но зато живут столетия, проникая разветвленными корнями глубоко в почву, так что им не страшны впоследствии самые жестокие песчаные бури.

Писал он и о джиде, которая может произрастать не только по берегам озер и арыков, но и на соленой почве. Неизменно радуют людей серебристые листья этого дерева, а плоды его, как известно, лекарство от семидесяти и семи недугов.

И конечно же едва ли не целая глава отводилась выращиванию ореховых рощ. Детально рассказывалось прежде всего о том, как проращивать семена, используя подробно изложенную Мардоном Юлчиевичем методику, благодаря которой сеянец сохраняет лучшие свойства материнского сорта и не нуждается в облагора-

живании прививкой. «За одно это открытие,— говорил Набиджанов,— профессору Юлчиеву следовало бы поставить золотой памятник». Отец давал также указания, где размещать саженцы орешин, как ухаживать за ними, а благотворному влиянию ореховых деревьев на климат Приаралья, их удивительной способности поглощать насыщенный горечью и солями воздух и возвращать его в огромных количествах не просто чистым, а целебным,— не удержавшись, пропел гимн.

Темирджан повязывал галстук, быстро листая оставшиеся страницы, но их было немало, каждая вызывала интерес и требовала внимания. Скрупулезнейшим образом исследовал Мардон Юлчиевич почвы и микроклимат острова Шерарал. Он доказывал, что даже на этих землях, которые традиционно считались бесплодными (поэтому и Шерарал испокон веку называли еще и Барса-Кельмес), вполне возможно вырастить лесополосы, а затем постепенно покрыть зелеными насаждениями всю территорию.

Детально был разработан отцом метод посадок так называемыми диагональными группами. Мардон Юлчиевич приводил данные о результатах экспериментального использования этой методики. Он не скрывал, что на опытных участках выжило лишь каждое второе дерево, что в последующие годы еще какая-то часть из них погибнет, но все же способ, испробованный неоднократно им и его сподвижниками, убеждал, что при самом неблагоприятном исходе останется все-таки на пустынной земле роща и положит начало будущему лесу.

Не без сожаления спрятал Темирджан в стол папку с рукописью. Он торопился к трамваю, продолжая думать о ней. Вновь тронула его отцовская скромность: когда Мардон Юлчиевич писал о сорте грецкого ореха, который начинает плодоносить не на двадцатый, как обычно, а всего лишь на третий год, он даже не упомянул о том, что чудесный сорт этот выведен под его руководством. Что почти тридцать лет своей собственной жизни, отдал он — «енгак-домла» — тому, чтобы вывести подобное чудо.

Не одни лишь сыновние чувства владели Темирджаном, когда он еще раз ощутил, как до боли рано ушел из жизни отец. Теперь Темирджан не сомневался, что главной мечтой Мардона Юлчиевича было вырастить

леса в Аральских песках. Не успел... Но он, Темирджан,— не просто сын Юлчиева. Он — ученый, ботаник, селекционер. Пусть пока — лишь по названию.

Сидя в ташкентской лаборатории, можно, к сожалению, только рассуждать о лесах в пустыне. Надо быть там, как находился полжизни в горах Мардон Юлчиевич, прежде чем вывел свой сорт орешины, поражающий ныне всех.

Он был настолько во власти всех этих мыслей и связанных с ними нелегких решений, которые неизбежно предстояли ему, что лишь в вестибюле института вспомнил о неприятностях, которые ждут его ныне. И странное дело: все они вдруг уменьшились, обрели подлинные свои размеры, и Темирджан, вопреки своим ожиданиям, почти спокойно начал подниматься по лестнице. Все же он обратил внимание на то, что многие сотрудники института, из тех, кто прежде его не замечал, либо те, с кем он даже не был знаком, здоровались с ним сейчас за руку, хотя, он тоже видел это, были и такие, кто поспешно отворачивался и пробегал мимо.

В лаборатории все держались с ним так, будто не было ни этой статьи в газете, ни вообще ничего из ряда вон выходящего. Расспрашивали участливо о здоровье (кто-то, как водится, пустил слух, что у Темирджана от расстройства был сердечный приступ). Темирджан заверил коллег, что намерен в воскресенье участвовать в осеннем кроссе на приз популярной газеты и занять неплохое место.

Как и следовало ожидать, вскоре его позвали к профессору. Уже с порога Темирджан заметил Гайнба. Тот сидел, непринужденно развалясь, в приставленном к столу кресле. На второе кресло милостиво указал Темирджану рукой профессор Джамалов.

— Как доехали, родной, как чувствуете себя? — спросил профессор с подчеркнутым участием. — Если вы поправились не окончательно, могли бы и не выходить пока, — добавил он.

Темирджан поблагодарил и сказал, что чувствует себя превосходно.

— Приятно слышать, — вмешался Гайнб и продолжал без обиняков: — Вот что, друг, всю эту историю с газетой, поведение твое и все прочее мы обсуждать не

станем. Разговор конкретный: ты сейчас сядешь и напишешь опровержение для редакции.

На лице Темирджана, очевидно, отразилось одновременно и негодование и недоумение, потому что Гайиб считал нужным объяснить:

— Беда газетчиков в том, что они во все суются, а сами ни в чем толком не разбираются. Особенно — в науке. Так получилось и с тобой: ты, как искренний человек, рассказал журналисту о неизбежных трудностях, а он все перевернул: сделал виноватыми не обстоятельства, а нас — ученых людей.

Темирджан молчал, храня угрюмое выражение на лице, и Гайиб (снова же он, а не профессор, который сейчас небрежно перелистывал бумаги в сафьяновой папке!) продолжал, уже заметно раздражаясь:

— Речь идет не обо мне и даже не о твоём учителе, которому ты всем в своей жизни обязан. Речь — о чести всего нашего научного учреждения. Что у тебя — язык к гортани присох? Говори, если не согласен с нами!

— В газете написано все точно, как я рассказывал,— ответил Темирджан, чувствуя, как поднимается в нём ярость.— Я не могу отказаться от своего мнения. Понял? — Он и сам перешел на «ты».

— О каком это своём мнении ты говоришь? — Гайиб вскочил и сморщился так, будто ощутил приступ изжоги. Он заметался по кабинету, вопросительно поглядывая на профессора. Джамалов по-прежнему молчал, но сафьяновую папку оставил. Подперев оплывший подбородок кулаком, он смотрел куда-то в пространство.— Мы с тобой находимся в стенах научного учреждения, повторяю я тебе, и мы не позволим, чтоб ты распространял о нём всякую ложь!

Темирджан чуть скривил уголки губ.

— И я того же хочу,— ответил он.

Гайиб осекся. Он развел руками, показывая профессору, что исчерпал все средства. Тогда начал Джамалов:

— Обширные комментарии здесь не нужны,— в голосе профессора ощущались электрические разряды,— я возглавляю эту лабораторию. Значит, её репутация — то же самое, что мое доброе имя. Нужно было подумать хотя бы об этом, прежде чем наносить мне — да, мне! — удар из-за угла. Какое у вас право уничтожать идею,

в которой вы не успели и не смогли из-за недостатка опыта и знаний даже разобраться толком? Но вас не это волновало. Вам не терпелось прославиться. Стыдно!

Темирджан взглянул на профессора и увидел, как он искренне страдает. Ему даже стало жаль старика.

— Поверьте, учитель,— горячо заговорил Темирджан,— клянусь совестью, у меня не было и мыслей о том, чтобы причинить зло вам или кому-то другому,— тут он посмотрел искоса на надутого от негодования Гайиба.— Наоборот: я полагал, что чем раньше будет закрыта эта тема, тем лучше для всех. Практика убедительно показала...

— Что? Что показала ваша куца практика, молодой человек? — сердито перебил его профессор.— Вот вам, вот, вот! Читайте! — и он швырнул едва ли не в лицо Темирджану вырезки из газет, журналов, машинописные страницы.— Это, к вашему сведению, все — о нашей теме, о госсиполе. И ни одного,— он потряс в воздухе пальцем,— слышите: ни единого отрицательного мнения.

— А отчеты Джурахон, профессор? — тут же вставил поспешно Гайиб.— А отзывы передовых хлопкоробов? — И он в свою очередь развязал объемистую папку и демонстративно выложил перед Темирджаном толстую пачку бумаг.— Вот это всё, дружок,— веские доказательства, а то, что сделал ты,— напраслина, понял? Прав наш учитель: тебе исключительности захотелось и ты решил добиться ее за наш счет. Не выйдет, дружок! В науке еще никому не удавалось нажить капитал на ошибочных и ложных утверждениях.

— Вы правы, Гайиб-ака,— Темирджан огромным усилием воли взял себя в руки,— но прежде я попросил бы доказать, что все мои сомнения и выводы, о которых я писал не раз, и не в газету, а вам лично и уважаемому профессору тоже,— ложны. Вы не удосужились ни разу обсудить их, пусть даже — в мое отсутствие. Вы, Ильдям Джамалович, не сочли нужным хоть двумя словами ответить мне, когда я послал вам отчаянное письмо о том, что опыт первого года ни в чем не подтверждает ваши теоретические выкладки. Я не желал огласки, но я использовал все средства, доступные мне, а Гайиб Сарымбаевич по-прежнему требовал только положительных сводок и отчетов. Я видел, что все мы катимся

з пропасть, и лишь тогда решился на крайнюю меру. Я дал интервью корреспонденту, не скрывая ни своего имени, ни своих выводов. Какой же это удар из-за угла, как вы изволили выразиться? Кстати, и Гайиб Сарымбаевич своими глазами видел наши хилые кустики рядом с прекрасным сортом «701». Так почему же он скрывает это от вас, Ильдам Джамалович? И кто из нас двоих в этом случае — негодяй?

— Но-но, дружок, не зарывайся! — начал было Гайиб, но профессор недовольным жестом остановил его и стал объяснять Темирджану, словно первокурснику: — Видите ли, родной, на правильное развитие и урожайность хлопчатника влияют сотни факторов. Кто знает, возможно, вам предоставили участок с недоброкачественным грунтом; не исключено, что вы и сами немало повредили делу, неправильно внося удобрения в почву. Сейчас трудно судить о том, где были допущены ошибки, но в том, что они были совершены, сомнений у меня лично нет.

— Позвольте возразить вам, учитель, — решительно произнес Темирджан, — в лаборатории имеются мои подробные отчеты. Есть там и сведения о пробах грунта. Я сделал их прежде всего и получил по результатам анализов одобрение нашей лаборатории за подписью Гайиба Сарымбаевича. Иначе я не позволил бы себе начать сев. Вы можете при желании проследить, как вносились органические и химические удобрения в почву на каждом этапе. Кстати, все это, как и другие агротехнические мероприятия, осуществлялось мною более тщательно, чем на соседних полях, где колхозники выращивали хлопчатник «Уз-701», тем не менее. . .

— Бросьте вы мне напоминать об этом сорте! — вспылил Ильдам Джамалович. — Надо не надо — твердите о нем. У нас есть убедительные данные об успешных испытаниях нашего собственного метода в других областях республики. Неудача в Андижане — свидетельство лично вашей несостоятельности, и мы еще раз предлагаем вам самый разумный выход: напишите в редакцию (а копии мы направим, куда надо) о том, что вы не вполне согласны с тем толкованием, которое придал корреспондент фактам, изложенным вами. Мы приобщим к вашему письму копии всех необходимых документов. И делу конец. Вы поняли меня?

Темирджан молчал.

— Идите,— велел Джамалов. Он добавил, когда Темирджан был уже у порога:— Темир, я обращаюсь к тебе, как отец. Ты понял меня?

Темирджан пошатнулся, как от удара, но снова ничего не ответил.

II

А тут еще, словно нарочно, исчезла из лабораторий Хусния. Говорили, что ее откомандировали зачем-то на экспериментальное поле сельхозинститута. Темирджан не поленился, съездил туда после работы, но о Хуснии там никто и слыхом не слыхивал. А ведь и у нее опыты прошли, кажется, не совсем удачно... Вдруг среди всех треволнений вспомнилась медная табличка на высоких воротах особняка, и Темирджан решил пойти на прием к директору своего института. С пятидесятилетним красавцем и здоровяком Абдуллой Каримовичем Каримовым Темирджан знаком не был, но слышал о нем немало хорошего. Каримова хвалили и как специалиста в области физиологии, и как выдержанного и справедливого руководителя исследовательского института. Едва войдя в кабинет, Темирджан сразу же почувствовал себя свободно. Под дружелюбным и поощряющим взглядом Абдуллы Каримовича он очень непринужденно принялся рассказывать о своем деле. Каримов слушал крайне заинтересованно, а потом задумался.

— Что я могу вам сказать? — произнес он, положив ладонь на плечо Темирджану.— Факты опровергаются только другими фактами. Это не ново, конечно, но это единственное, что даст нам возможность установить, кто из вас прав. А потому решим пока так: в начале будущей недели созовем ученый совет по поводу статьи в газете. Послушаем Джамалова, послушаем и вас. А выводы пусть сделает совет, сопоставив факты. Согласны?

— Конечно, Абдулла Каримович!

Директор проводил его до самого порога приемной.

Едва оказавшись наедине с самим собой, Темирджан даже ужаснулся собственной смелости. Ничего себе замахнулся: выступить перед лицом всех ученых светил, и не против кого-нибудь, а против самого Ильдама

Джамаловича, который и в науке собаку съел, и в словесных битвах понаторел — не чета желторотому лаборанту...

И еще об одном подумал Темирджан сразу же: что говорят и что будут говорить о нем нынче вечером в доме у Джамаловых? Будет ли Юлдуз молчать, слушая гневные отцовские речи, направленные против строптивого и неблагодарного Темирджана Юлчиева, или скажет в защиту хоть слово? Как Кундуз. Вот же, не побоялась девчонка отцовского гнева! Истина оказалась ей дороже. А вдруг Юлдуз примет сторону Ильдама Джамаловича? Что тогда?

Но отступить нельзя было.

К великому сожалению Темирджана, был по важному делу вызван в Москву Назирджан Набиджанович, пожалуй единственный человек, который мог бы помочь ему сейчас советом и напутственным словом, не говоря уже о том, что можно было надеяться на его правдивое мнение и поддержку на заседании.

Темирджан знал, что ему дадут для выступления всего десять минут, и потому отбирал из множества фактов, цифр, данных анализов самые убедительные. И все-таки он чувствовал слабость не доводов своих, а позиции. Нетрудно было представить, как профессор Джамалов сведет все к тому, что неудача лаборанта Юлчиева — частный случай. Для обобщений и далеко идущих выводов здесь места нет. Правда, Темирджан и корреспонденту говорил только о собственных наблюдениях, не замахиваясь на проблему в целом, но, заявит, как обычно веско, Джамалов, в результате-то дискредитирован в глазах общественности сам метод использования госсипола! И тут его могут поддержать.

Едва ли не накануне того дня, на который было назначено заседание, Темирджан вновь заглянул в лабораторию Арслановой. Зашел просто так, устав от своих раздумий; здесь, в царстве современной аппаратуры, в зале, где проходил, как высокопарно, но справедливо заметил однажды профессор Джамалов, передний край сегодняшней науки, Темирджан неизменно отдыхал душой. Да и хозяйка лаборатории, темноглазая, с

сабельно изогнутыми бровями Айша Арсланова, была всегда приветлива и доброжелательна. К тому же она хранила в душе горячую признательность Мардону Юлчиевичу. Это же он, а не кто иной поддержал в Ташкенте ее и Базарбая, когда они, влюбленная пара, на пути которой встали древние косные обычаи, бежали из горного кишлака. К слову, он и для Гайиба сделал немало, но тот сумел об этом быстро забыть, едва попал под крылышко к Ильдаму Джамаловичу.

Теперь разговор, начавшись с изотопов, вскоре перешел на предстоящий ученый совет. Арсланова пожелала ему мужества, посоветовала держаться уверенно, потому что прав — он, а когда Темирджан уже уходил, вдруг сказала, как о чем-то малозначительном:

— Жаль, конечно, что Хуснии сейчас нет в институте, но знаете, о чем подумала я: не имеет ли вам смысла поднять сведения об общем состоянии полей в том районе, где проводила свой опыт Хусния? Ну там — средняя урожайность, обеспеченность водой и прочее.

Темирджан немедленно отправился в отдел экономики. Как в воду глядела симпатичная Айша! Оказалось, что в районе, где была Хусния, уже три сезона подряд не знают, что такое вилт. Туда приезжают хлопкоробы со всей республики — учиться, как правильно строить севообороты и оздоравливать грунт.

Итак, госсипол и здесь ни при чем. К тому же, — это Гайиб тоже скрыл, конечно, — урожайность у Хуснии на два центнера ниже, чем в среднем по району. Впрочем, это вполне объяснимо: в колхозе, где она ставила опыты, достигнут мировой рекорд урожайности хлопчатника, но опять же — возделанного по испытанной методике и безо всякого участия госсипола.

«Так, товарищ Сарымбаев... теперь понятно, почему вы поторопились отправить сотрудницу Хуснию Камбарову подальше от института».

Темирджан произнес эту фразу про себя, ожидая на остановке трамвай, и вдруг Гайиб — легок на помине! — оказался тут как тут. Он по-приятельски взял Темирджана сзади за локоть, будто хотел проявить вежливость, посадив его на ступеньку. Однако публика ринулась к трамваю скопом и вмиг втолкнула Гайиба на площадку, а Темирджан умышленно замешкался. Трам-

вай уже пошел, и тогда Гайиб, бесцеремонно растолкав пассажиров, пробился к двери и соскочил на ходу, провожаемый возмущенными голосами.

Он уверенно зашагал рядом с Темирджаном, беспечно сообщив ему, что тоже предпочитает пройти два километра пешком, чем толкаться в переполненном вагоне.

Жилой массив, у которого до сих пор сохранялось перекочевавшее из официальных документов имя — Северо-Восток, стал по-настоящему красив. Когда едешь в трамвае, зачастую набитом пассажирами до отказа, не замечаешь ни затейливого орнамента, которым украшены жилые дома, ни своеобразия институтских зданий, не говоря уже о цветах на многочисленных клумбах.

Более короткий путь вел через парк. Аллея пролегла вдоль широкого арыка. Дно у него было неровное, вода катилась пологими волнами, бурлила тихонько на перекатах.

— Хорошее местечко, — небрежно бросил Гайиб, — может, присядем, потолкуем?

— Я тороплюсь, — сказал, не оборачиваясь, Темирджан.

— Можно и на ходу, — согласился Гайиб. — Так как решил ты с опровержением?

— Я собираюсь выступить на ученом совете. Там я выскажу свое мнение окончательно. Но боюсь, это будет не то, чего ждешь ты.

— Друг мой, не играй с огнем, еще раз от души советую тебе. Не такие, как ты, надрывались, когда выступали одни против целого коллектива.

— Сгорю или надорвусь я. Вам-то что до этого? Гайиб стал красен. Он с трудом сдерживал раздражение, готовое вот-вот прорваться.

— Заседание ученого совета можно и отменить, — он старался, чтобы голос его звучал доброжелательно, но это ему плохо удавалось. — Налиши в газету. Корреспондент отделается замечанием, тебя для виду пожурят, и дело закроется.

— Не старайся зря, Гайиб-ака.

— Где только набрался ты своей самоуверенности и упрямства?

— А все там же, Гайиб-ака: в колхозе, на свежем

воздухе. Прощай! — и Темирджан резко свернул в боковую аллею.

Гайиб что-то бормотал у него за спиной. Кажется: «Ну, мы тебя проучим, еще не раз заплачешь...» Но Темирджан уже не слушал его. Он несся по аллее так, будто Гайиб, пренебрегая самолюбием, вознамерился догнать его. Он не замечал времени, повторяя про себя на ходу те кажущиеся удачными слова, которые не пришли в голову, когда он разговаривал с Гайибом.

Во рту пересохло, и Темирджан обрадовался, увидев киоск с водами. Только попросил он стаканчик чистой, как за спиной послышался громкий смех.

— Оратор решил промочить горло! — с дружеской иронией произнес один знакомый голос, а другой подхватил:

— Его аудитория — весь мир!

Темирджан увидел двух своих бывших сокурсников. Он искренне обрадовался, потому что еще со студенческих лет питал симпатию к обоим. Одного из друзей звали Таджитдин Султанов. Он был краснолиц, усат, а волосы его, казалось, были только что окрашены басмой. Другой, в широкополой легкой шляпе, из-под которой выглядывали светящиеся незаурядным умом выпуклые глаза, был Фаттах Абдурахманов. Темирджан так обрадовался встрече, все трое так бурно проявляли свои чувства, что даже влюбленные, сидевшие на скамейках, начали с любопытством поглядывать на них. Конечно же сразу ворохом посыпались вопросы, все перебивали друг друга, пока Фаттах не поднял руку и, потребовав тишины, заявил, что есть предложение отметить встречу, благо неподалеку — он указал рукой — имеется уютное кафе.

Вскоре они уже сидели за столиком в заполненном до отказа зале. На эстраде старался всюю небольшой оркестр. Не сразу и не без помощи личного обаяния, которое умело пустил в ход Фаттах, они заказали ужин.

Оба друга трудились, как они сообщили, по лесной части. Собственно, к этому все они, Темирджан в том числе, и готовились еще у себя на факультете. Таджитдин заведовал лесным хозяйством, которое находилось на севере Каракалпакистана. Фаттах служил в комитете

лесного хозяйства и, судя по всему, был тоже доволен своей судьбой.

— Самая здоровая для дыхания зона у нас — стык науки и практики,— уже несколько раз повторил он.

Фаттах же предложил и первый тост:

— Будем верны обычаям наших стариков и потому прежде всего пожелаем долгих лет и доброго здоровья нашим учителям, но пусть они учтут. . . — здесь Фаттах быстро извлек из кармана книжечку стихов, раскрыл ее на нужной странице и прочитал с выражением:

Вы доверяйте нам, учителя,
Камчю жесткой высечь нас веля,
Коль саз наш будет пестрым, как павлин.
В краю вершин и солнечных долин
Быть славы нищими мы сами не хотим.
Мы молоды еще и горячи,
Влечет нас к сокровенным берегам,
Луна порою кажется с ляган,
Но освещают мир ее лучи¹.

— Понравилось? — спросил Фаттах у Темирджана, когда все поставили бокалы.— Тогда возьми на память о нашей встрече эту книжку. Заглядывай в нее почаще.

Оба друга засмеялись, а Темирджан вспомнил о своем и грустно усмехнулся.

Конечно же они знали о статье и могли предполагать, какие трудности возникли у Темирджана сейчас, но именно поэтому оба предпочитали рассказывать сами, а не расспрашивать Темирджана о его делах.

— Ну скажи,— говорил Таджитдин несколько возбужденно,— могли бы мы, если бы нас уверял в этом самый уважаемый профессор, поверить, что на богом забытых местах растут фруктовые деревья? Я бы тоже не поверил. Но вот же — растут! Можешь приехать и собственными глазами увидеть мои яблоневые сады. В первый год я посадил яблони на сотне гектаров, потом увеличил площади вдвое, а сейчас мы готовим еще пятьсот гектаров для садов. Видел бы, как цвели нынче весной мои яблони. . . Эх, были бы у меня люди, техника. А то побираться приходится постоянно. Спасибо, колхозы помогают, но и у них с людьми плохо, особенно

---

¹ Перевод стихов здесь и далее Р. Фархади.

когда начинается уборка риса. А тут еще и главный специалист мой подвел меня. Сбежал, поганец, в город.

— Приаралье тоже к вашему лесхозу относится? — спросил Темирджан.

— Конечно! — Султанов внимательно посмотрел на Темирджана. — Отец твой, Мардон Юлчиев, много лет разрабатывал научные обоснования как раз для этой зоны.

— Это правда. — Темирджан вздохнул. — Жаль, закончить не успел.

— Так в чем же дело? — радостно спросил Фаттах. — В таком случае — тебе, как говорится, и карты в руки!

Прозвучало это все же чрезмерно беспечно, и, чтоб загладить неловкость, Фаттах быстренько налил еще по одной. Темирджан все эти дни ел мало, чем огорчал, конечно, Хумайрабану. Может, поэтому он чувствовал, как вино обжигает желудок и хмель едва ли не мгновенно начинает кружить голову. Однако и друзья немало разгорячились.

— Знаешь что, — говорил Таджитдин Султанов, низко наклоняясь к Темирджану, — пускай он руководит, — тут Таджитдин указал на улыбающегося, довольного собой Фаттаха, — а ты и я — прежде всего практики. Ты понял? Мы должны всю жизнь шагать по пустыням, оставляя за собой леса и сады. Такая у нас жизненная эта, как ее? Да. . . Миссия. Понял?

— Для того чтобы вы шагали, нужно, чтобы кто-то, сидя в кабинете, добыл для вас деньги и машины, привлек рабочих, нашел толковых специалистов. Нужен человек, у которого в руках ключи и который ими пользоваться умеет, — веско заявил Фаттах.

— Правда твоя, не спорю. Руководить — большое искусство. Знаем. Ты, Фаттах, как раз и есть деятель искусства, то есть я хочу сказать — руководитель. Не обижайся, пожалуйста. Но я тебе все-таки скажу, что иногда легче решить общий вопрос в комитете, чем конкретный — на практике. — И тут он опять вернулся к старому и, наверное, больному: — Вот мне, например, главный специалист вот так нужен, позарез. А где я его возьму? Где? Скажи, если ты — ответственный и руководящий товарищ.

— В кадры обращайся.

— В кадры? Там мне дают девчонку, которая за мамину юбку держится. А нужен мне мужик, деятель, специалист. Понял?

— Давай выпьем за твоего будущего главспеца,— оживленно блестя выпуклыми глазами, предложил Фатах. При этом он снова многозначительно взглянул на Темирджана, но ничего больше не добавил.

И они выпили еще по одной.

Почти физически ощущал сейчас Темирджан, как растворяется, тает тяжелое серое облако, лежавшее грузом на душе. «Мы тебе покажем!» — грозил Гайиб. Ну и ладно! Все не так страшно. Всем вокруг известно давным-давно, кто такой Гайиб Сарымбаев. Он всего-навсего мюрид при своем имаме. Но, между прочим, Гайиб и сам уже не верит. В госсипол не верит, а в Джамалова — извините! Тут он по-прежнему стоит железно. Потому что знает: профессор силен, профессор всегда поможет выйти из воды сухим.

За соседним столиком звонко засмеялась девушка с распущенными золотистыми волосами. Темирджан посмотрел на нее, отвлекшись от своих мыслей.

— Ну-ка, друг, повернись лицом к насущным задачам,— весело посоветовал ему Таджитдин, потому что как раз в это время официантка поставила перед ними горячие, дымящиеся шашлыки.— Давай! — и он показал пример, взяв с тарелки палочку с нанизанными на нее кусочками румяной баранины.

И вновь были налиты рюмки. И мысли Темирджана побежали еще резвей.

Тем более что оркестр заиграл томное танго. Особенно старался солист-скрипач. Под его смычком то звучал голос прекрасной гурии, то ниспадали серебряные струи, то рыдали, тоскуя, волны. Вдруг мелодия рванулась из этого тесного зала на простор, ударилась о далекие снежные вершины, и поток звуков рассыпался дождем,— это вступил весь оркестр.

«Юл, Юл... — вторил Темирджан музыке, которая легко унесла его в мир грез.— Почему ты не здесь, не со мной? А где же ты и с кем ты сейчас? В одном городе живем, едва ли не в одном дворе, а ты — словно на краю вселенной. Наши редкие встречи что дождь в пустыне. Только усиливает жажду. А мы же, наверное,

созданы друг для друга. Как две части ядра в ореховой скорлупе. Как море и река. Как душа и тело. Как вода и воздух».

Скрипка возрыдала вновь, и Темирджану стало грустно. Незачем обманывать себя: их любовь — бу-мажный цветок. Свеча, которой суждено растаять. По-ток, бегущий по иссохшей бескрайней степи; весной он полноводен, но вода в нем иссякнет, и он задохнется в песках.

Откуда вдруг явилась эта безнадежность? Он знал: Юлдуз с каждым днем становится не ближе, а дальше. Иначе быть не может. После пыльной бури поливают весь двор. Не может дочь оставаться равнодушной к огорчениям отца, не может не сочувствовать ему, а от-сюда — рукой подать до неприязни к тому, кто источник всех нынешних бед профессора Джамалова.

Значит, потерять Юлдуз? Нет, только не это! Пусть что угодно, пусть опровержение. Он напишет его завтра же. Да, да! Так будет и в самом деле лучше для всех. С кем ты и впрямь тягаться вздумал? Увы, недолго жить мышке, которая отважилась поиграть с кошкой. Не забывай, птенец, что орел единым ударом клюва переломит тебе крыло. А если говорить проще и откровен-ней, учитель твой еще сжалился над тобой.

Решено. Завтра же он напишет в газету, что за-блуждался по неопытности,— и вновь засияет для всех солнце. Сыграем с Юлдуз свадьбу. Будем жить с Джа-маловым, как отец с любящим сыном. . .

— Никак, тебя от вина разморило, друг? — обратил-ся к нему Фаттах.— Не забывай о закуске. Шашлык остывает, а ты и не вспомнишь о нем. Бери!

Темирджан начал вяло жевать.

— Эх, брат,— решил наконец высказаться без оби-няков Таджитдин,— видим мы, дела у тебя не блестящи. Так вот, если тебе, городскому парню и профессорскому сыну, не покажется мое предложение обидным, приез-жай в наши края. Работы у нас непочатый край. И ра-бота интересная.

— А хочешь, иди к нам в комитет,— сказал Фаттах, хотя чувствовалось, что и он — за предложение Тад-житдина,— найдется для тебя неплохое местечко с при-личным окладом. Сможешь и наукой заниматься. У нас некоторые знаешь как прославились!

— Известности у меня хватает с лихвой.— Темирджан горько усмехнулся.

— А ты лучше о будущем думай,— сердито заявил Таджитдин.— Ты для большого дела рожден,— он отодвинул от себя рюмку.

— Ладно, поеду! — вдруг с чрезмерной горячностью воскликнул Темирджан.— Самую тяжелую, самую черную работу поручи мне. Не выполню — считай, что я подлец. Только и у меня есть условие,— лицо его стало на миг торжественно строгим, будто он намеревался поведать сокровенную тайну,— идея имеется одна у меня. Удастся осуществить ее — все еще не раз вспомнят о Темирджане Юлчиеве.

— Что за идея? — спросил Фаттах.

Темирджан многозначительно поднял палец:

— Пока это — великий секрет. Понял?

— Ничего я не понял,— сказал Таджитдин,— но не это волнует сейчас меня. Главное — ты согласился ехать к нам. Об условиях не беспокойся. Создадим. А сейчас, братцы, выпьем за совместную деятельность и — на свежий воздух.

Вскоре они уже шагали по прохладным улицам черного города.

III

Он снял у порога туфли и прошел неслышно к себе. На столе он увидел укутанный в полотенце ужин и чайник с остывшим чаем. Темирджан, пиала за пиалой, осушил его до дна. Стало легче, и хмель почти прошел. Вновь потянула его к себе отцовская синяя папка. И опять, едва открыл он дверь кабинета, почудилось ему, что там стоит отец. То, конечно, был все тот же портрет Мардона Юлчиевича. Пиджак мешковато висел на худых плечах. Глаза прятались в глубоких провалах, лицо казалось бы застывшим, но в уголках губ таилась улыбка и оживляла его.

Никогда еще эта фотография не казалась Темирджану такой неправдоподобно живой. Он даже вздрогнул, когда за спиной послышались легкие шаги. То была, конечно, беспокойная мать.

— Ждала, ждала тебя, сынок, и уснула,— сказала она.— Ужин, наверное, остыл? Подогреть? Я быстро.

— Не надо, мамочка,— он обнял ее за плечи, вышел вместе с ней на айван, присел рядом на супе и положил голову ей на руки.

— Выпил ты где-то,— без осуждения произнесла мать,— умаялся.— Она коснулась губами его волос.

Он поднял взгляд, увидел ее лицо в сети ранних морщин, седину в волосах, заметно исхудавшую шею, усталые, как всегда добрые глаза. Сердце кольнула тревога. Годы делали свое: еще один самый дорогой человек приближался к старости. И Темирджан выдохнул так, что прозвучало это, словно мольба:

— Вы только не сердитесь на меня, мамочка.

— Что хочешь ты поведать мне, родной? Говори обо всем, что на душе. Мать все поймет без обид.

— Кажется, окончательно наметился мой отъезд.— Он спохватился: не слишком ли жестко прозвучало это — и быстро произнес в утешение: — Но я буду приезжать очень часто. Понимаете, там самый главный — мой хороший товарищ, бывший однокурсник, Султанов. . .

И вновь померк в глазах у Хумайрабану свет, совсем недавно, когда сын приехал, так ярко вспыхнувший. Она, не в силах совладать с нахлынувшим огорчением, говорила какие-то обычные для случая слова, хотя они не выражали и сотой доли того, что хотелось ей сказать сейчас. Что-то о печальной участи одинокой матери, о том, что можно еще заглядить эту неприятность с учителем, а под конец, исчерпав все доводы,— о женитьбе Темирджана. Хоть это, наконец, должно удержать его в Ташкенте!

Но он нашел довод и против скорой свадьбы.

— Она обещала ждать.

Мать невесело усмехнулась:

— Эх, сынок. . . Юная девушка что козочка на лугу. Поманит лакомая травка, она и помчится без оглядки в любую сторону. А Юлдуз к тому же и красива: лик словно роза, стан как кипарис. Ни один парень не пройдет мимо, не взглянув на нее. А какой-то и вскружит голову, уведет с собой.

— Я верю ей, мама.

— То-то и оно. Молодо-зелено. А мне известно: моль зерно надо, пока мельница на ходу.

Конечно же во многом была мать права. И впрямь — вертятся около Юлдуз многие, и первый — Гайиб. Уж он-то постарается своего не упустить! Правда, Юлдуз уверяет, что он ее только раздражает своими ухаживаниями, но все на свете меняется.

О, как же все запуталось! И он сам всей душой желал бы хоть сейчас жениться на Юлдуз. Но каждая женитьба начинается с визита к отцу невесты. . .

И он и мать молчали, погруженные в невеселые думы.

— Поступай как знаешь, сынок,— произнесла наконец Хумайрабану,— не хочу я поперек твоей дороги становиться. Буду по ночам звезды считать, стеречь дорогу, по которой ты приехать на побывку должен. Был бы только ты жив да здоров.

Они еще долго сидели молча. Неторопливая луна уже поднялась высоко над двором. Встрепенулись в густых ветвях урючин обманутые лунным светом птицы, пошебетали и стихли. Только лягушечий хор не умолкал да все у того же полуночника в соседнем дворе наигрывало радио.

Голова Темирджана клонилась все ниже. Он и не заметил, как глаза его сомкнулись. Мать, как в детстве, обняла его за талию и осторожно повела к постели. Она еще долго стояла и смотрела на спящего сына.

IV

Сон его, как и следовало ожидать, был полон странных видений и кошмаров. Чья-то тяжелая лапа то и дело наступала ему на грудь, дыхание спирало, он пытался освободиться и слышал назидательный и лицемерный голос Гайиба:

«Сам ты себя погубил, дружище. Сам — и никто иной. Худо тебе сейчас, а вскоре совсем пропадешь».

«Отпустите меня, дайте вздохнуть свободно и сделайте потом что хотите! А я уеду. Далеко-далеко. Только дышать бы, дышать. . .»

«Ага! Натворил черных делишек и убегаешь теперь. Скорпион ужалит и в щель прячется, подальше от глаз

людских. Волк овечку задерет — и в степь, чтоб не поймали. А мы тебя не отпустим. Вот сейчас и конец тебе. Конец. . .»

Впрос из клубов тумана и Джамалов. Он прижимал с обеих сторон к бокам своим две авторучки, они росли на глазах, превращаясь в копыя, наподобие того, как их рисуют в сатирических журналах или в студенческих стенгазетах, в разделе «Острое перо». Оба этих расщепленных на кончиках копыя намерился Джамалов воткнуть в Темирджана. Он был глух к мольбам, хотя Темирджан и пытался напомнить ему о самых священных заповедях, слышанных от него еще на первом курсе института: о том, что в науке надо всегда быть только честным, о том, что интересы дела выше личных желаний. Темирджану все время казалось, что он не в силах произнести эти фразы внятно и потому Джамалов не понимает его. Но напрасно пытался он повторять их: дыхание обрывалось едва ли не на третьем слове, он возвращался к началу и вновь впадал в отчаяние от бессилия своего.

А Джамалов рос, приближаясь к нему вплотную. Смертельный ужас охватил Темирджана, но вдруг Джамалов ударился оземь и превратился в того чертика, каких набрасывают от нечего делать на листках из блокнота во время нудного совещания. Он корчился у ног Темирджана и повторял умоляюще: «Опровержение. . . опровержение. . .» Он стал так жалок, что Темирджан смилостивился над ним и уступил. Он вбежал в отцовский кабинет, схватил ручку, но едва начал писать, как перо с треском сломалось. Слово «опровержение» взлетело и рассыпалось искрами. Зигзаги молний полосовали небо. Разверзлось безбрежное море, и Темирджан оказался один посреди огромных волн. Он хотел позвать на помощь, но из стесненной груди не в силах был вырваться даже стон. Над бушующей стихией беззвучно палили какие-то невидимые пушки, озаряя волны клубами огня. Стало невыносимо жарко, будто двери ада распахнулись перед ним. Пламя взлетало до самых небес, потом его языки превратились в огненных змей. Их было несметное множество. Они подбирались к Темирджану, обвивались вокруг тела, сжимали грудь, ломали руки, забирались в легкие, прерывая дыхание.

Боли Темирджан не ощущал, но понимал всем существом своим, что сейчас наступит конец. «Все!» — решил он в смертельном ужасе, и тут волны выбросили его на берег, и сразу наступило облегчение.

Он еще долго лежал неподвижный, не в силах окончательно отделить явь от сна. Тело его было покрыто холодной испариной, мокрая майка прилипла к спине. Дышал он все еще трудно, и сердце его билось часто-часто.

Наконец Темирджан поднялся и сел в постели. За окном бушевал ветер. Было слышно, как громко ударяют о землю осыпающиеся яблоки. Шумели, сопротивляясь стихии, ветви.

Час был еще очень ранний. Темирджан зажег лампу, которая висела под потолком. Лампа раскачивалась от ветра, и по комнате металась тень. Походя Темирджан взглянул в зеркало. Ему показалось, что на него смотрит кто-то чужой: глаза потускнели, лицо было бледно и хранило печать обиды, как у всадника, который на состязаниях безнадежно отстал от соперников. «Хватит! — велел он себе. — Нервы у меня сдают. Надо взять себя в руки».

В кабинете он присел к столу. С минуту выводил на бумаге какие-то случайные слова. Потом взгляд его упал на раскрытую книгу стихов, которую подарил ему вчера вечером Фаттах. Он уже знал эти строки наизусть:

По голове не надо гладить нас:
Мы повзрослели, наступил наш час,
Мы больше не витаем в облаках,
Вселенная теперь у нас в руках.
Стоять мы не хотим потупя взор,
Не уверяйте, что делам конец,
Не заглушайте бьющихся сердец —
И к вам у нас есть тоже разговор...

Он повторил про себя последнюю строку, и она послужила началом для того внутреннего диалога, который он все эти дни вел с Ильдамом Джамаловичем почти беспрерывно.

«Что ж, учитель, мне, пожалуй, еще больнее, чем вам, потому что в ваших глазах я был, очевидно, всегда лишь безусым юнцом, каким остаюсь, наверное, и поныне. Я же в вас верил, как в бога. Мне казалось, что

немногие сравнятся с вами по знаниям, опыту, а главное, я был уверен, что после моего отца нет среди известных мне ученых другого, кто был бы так предан высоким идеалам науки...

Я мог бы промолчать, не говорить, что думаю я о вас теперь, каким мне, прозревшему, видится профессор Ильдам Джамалович Джамалов. Но,— вы улыбнетесь, конечно,— делаю я это ради вас. Придет время, и вы поймете, что тот, кого вы называли зеленым выскочкой, оказал вам большую услугу, потому что сказал вам правду. К слову, не так уж я и зелен. Жизнь, особенно последние полтора года в колхозе, открыла мне глаза и научила многому. Я узнал достойнейших людей, чье призвание — честный труд. Я увидел своими глазами, какие чудеса творят они, на какие подвиги способны. Они возродили к жизни земли, над которыми прежде и птица не пролетала. Они украсили их полями и садами, проложили дороги и возвели дома. Они — кудесники, потому что их не знающие устали руки превращают унылую глину в золото.

Разве забыть мне, как день и ночь боролись эти люди со стихией, а на них, что ни год, обрушивается то сель, то засуха. Как, не требуя ни славы, ни наград, днюет и ночует в поле фронтовик Хилал-ака. Что и говорить, внешне он далеко не так представительен, как вы, Ильдам Джамалович. Невзрачный, седой до поры. На войне он был искалечен, мог бы с полным правом сидеть дома, но, когда все поднялись на защиту полей от селя, Хилал-ака пошел первым, как когда-то — в бой, и повел остальных. Не хочу умалять ничье достоинство, но скажу все же, что хлопок Хилал-ака знает, пожалуй, лучше много кичливого грамотея. Именно он сказал мне в первый же год, когда еще только всходы появились: «Пустая затея — ваш госсипол. Зачем вы, ученые люди, время и силы на это тратите? Разве мало дел, которыми надо сегодня заниматься?»

Я возражал ему, ссылаясь на ваш авторитет, учитель. Я говорил, что такой большой ученый, как Ильдам Джамалович, не станет заниматься ненужным делом. Вот погодите, говорил я с уверенностью тогда, госсипол себя проявит. А на другой год я ходил, опустив голову и опасаясь встретиться взглядом с Хилалом-ака. Пото-

му что стыдно было выглядеть упорствующим себялюбцем рядом с этими людьми, которые так беззаветно преданы своей нелегкой работе. Мне казалось, что и вы спохватитесь, когда узнаете правду, и немедленно прикажете Сарымбаеву свернуть тему. Но увы... Вы даже не удостоили меня ответом».

...Буря разошлась не на шутку. И вдруг какой-то приступ отчаянной удали охватил Темирджана. Он видел, как скрипят под яростным натиском дерева, как с разбойничьим посвистом носится по двору ветер, как сдирает он крышу с соседнего дома, и ему неожиданно захотелось именно сейчас выйти — в самом прямом смысле — буре навстречу. Ко всему, оборвалась электропроводка, погас свет, и стало видно в окно, как несутся по небу, будто стадо взбесившихся верблюдов, разорванные облака. Блеснула молния, наподобие огненной плети.

Темирджан больше не раздумывал. Он выскочил во двор, подставил открытую грудь свирепому ветру, но двор казался тесен, и он выбежал на улицу.

Высокие деревья, которые в несколько рядов росли вдоль арыков, раскачивались скрипя. Даже могучие карагачи готовы были вот-вот уступить напору стихии и выскочить из земли вместе с корнями. Над миром стоял протяжный гул, будто вдали кто-то громадный беспрерывно дул в гигантскую трубу.

Темирджан бежал, пренебрегая тем, что песчинки и камешки, поднятые вихрем, вонзались в кожу лица. Он сам не до конца понимал, что ему хочется испытать, какая сила сопротивления ненастью заложена в нем. Он бросал вызов обезумевшей стихии, дикому вихрю. Открытые плечи его были уже исцарапаны ветвями, глаза, забитые пылью, почти ничего не видели, к тому же и на улицах стало темно: все фонари погасли.

Он бежал, спотыкаясь, падая, вставая снова и снова, пока не выбился из сил. Только тогда, присев на скамью у старой ивы, он прижался к ней тяжело вздымающейся грудью, крепко обняв руками шершавый ствол. Кора казалась холодной как лед.

Теперь должно было прийти успокоение, но в голове вновь вертелись вихрем обрывки все тех же фраз: «Как ни велик иной утес, учитель, ему все же не дано засло-

нить солнце...», «Нельзя плыть по течению; надо прислушиваться к тому, что говорят окружающие, что советуют они, будь вы сами семи пядей во лбу, а я — всего лишь вчерашний студент...», «И еще — об уважении. Плохо, если умный человек позволяет льстецам, чтобы они одурманивали его своими сладкими, словно шербет, речами. Нет такого ученого, который превзошел всех умом и знаниями. Появился или появится завтра другой, более талантливый, однако и его тоже никто не вправе называть гением, потому что и на нем движение человеческой мысли не остановится. Как же не поймете вы, что подхалимы заботятся не о вас, а о себе. Вас, учитель, они только ставят в незавидное положение...»

Успокоение, кажется, приходило, потому что он отошел в мыслях своих от Джамалова и начал думать о самоотверженности, самопожертвовании вообще. Такие ли уж это отвлеченные понятия?

...Деревья еще раскачивались под слабеющими порывами ветра, но на востоке небо посветлело и громады туч, быстро убегающих за горизонт, заалели, словно знамена. Грохот уходил вслед за ними, будто покатились за край земли исполинские мельничные жернова.

Темирджан поднялся и направился к дому. Теперь ему вспомнился Гайиб, но сознание откликнулось на это кратким изречением из Али ибн Сины: «Нет странного в том, что животные порой поступают, на наш взгляд, некрасиво, но если человек, наделенный светом ума, ведет себя безнравственно — это вызывает отвращение». Именно так...

— Ты что, парень, слепой? — рядом с Темирджаном противно взвизгнули тормоза. Водитель в чустской тубетейке смотрел на Темирджана негодующими глазами. Он заметил все же, что этот парень, бредущий на расвете по проезжей части улицы в одной лишь майке, пижамных штанах да тапочках на босу ногу, необычно возбужден, и добавил мягче: — Вам нужно отдохнуть, дорогой.

Темирджан согласно кивнул головой и пошел дальше. Перед ним возникли большие здания, и он понял, что оказался далеко от дома, в одном из новых районов. Когда-то здесь были бескрайние сады. Мальчишкой он

приходил сюда с приятелями играть. Здесь было множество балок; они казались полными тайн; весной балки заполнялись водой, и тогда над ними стоял немолчный лягушечий хор. А нынче от всего этого следа не осталось. Жилые дома, детские сады, светится табличка с красным крестом у входа в больницу. . .

И вновь скрипнули тормоза, но потише.

— Давай, дорогой, садись,— сказал тот же шофер,— нехорошо бродить одному в такой час.

Уже сидя в машине, Темирджан спохватился: у него же с собой ни копейки! Водитель понял его.

— Отплатишь когда-нибудь,— сказал он,— не мне — другому. Все мы — люди. Нам друг без друга нельзя.

Наконец-то хлынул долгожданный дождь, и, выйдя из машины, Темирджан с наслаждением подставил плечи прохладным струям.

Хумайрабану нашла сына спящим на раскладушке у самых перил айвана.

V

В субботу Юлдуз вошла в ванную комнату, как только поднялась, а когда вышла, солнце уже заливало ярким светом террасу и гостиную. И сама девушка тоже сияла свежестью. Она не обратила внимания на то, что тетушка Вотти зовет всех к завтраку, прошла к себе и уселась перед зеркалом. Тщательно подвела Юлдуз ресницы, насурьмила брови, умело причесала волосы, собрав их большим узлом. В светлом и легком розовом платье она закружилась перед зеркалом, то и дело улыбаясь себе. Конечно же она была очаровательна. Не родился, наверное, человек, который не был бы покорен ею с первого взгляда.

Кундуз уже сидела с тетушкой Вотти за столом. Она увидела в открытую дверь, как любуется собой Юлдуз, и не преминула поддеть сестру:

— Нынче творец может быть доволен собой: наконец-то появилось совершенство, которое он давно стремился создать.

— Не задевай ее, Кундузхон,— тетушка Вотти, весьма, впрочем, довольная, приложила палец к губам.

— Ей лишь бы позлословить,— с обидой произнесла Юлдуз.— Скажи, что тебе не нравится?

— Всё без исключения. Даже то, что ты превзошла в чем-то ханских дочерей — никак на себя не наглядишься.

— А тебе завидно, да?

— Угадала. Я просто погибаю от досады, что не так прекрасна, как ты.

— Вот теперь ты наконец правду сказала: и завидуешь, и ревнуешь.

— К кому бы это, интересно узнать?

— Не прикидывайся!

Профессор Джамалов, он с утра уже успел куда-то съездить по делам, показался в дверях. Он выглядел усталым. С трудом поднимая опухшие веки, оглядел он поочередно обеих дочерей, и они сразу умолкли.

— Зайдите ко мне ненадолго, доченька,— обратился он, встав из-за стола, к Юлдуз.

— Что-то папочка очень ласков с ней нынче,— заметила, глядя вслед им, Кундуз,— на «вы» называет.

Юлдуз между тем, гордо вскинув голову, украшенную тяжелой прической, вошла в отцовский кабинет и опустилась в мягкое кресло. На лице ее все же появилось удивление, когда она заметила, как необыкновенно торжествен отец. Он будто собирался произнести речь в присутствии самого президента Академии, но никак не мог найти подходящих слов для начала. Наконец Джамалов перестал ходить из угла в угол и остановился напротив дочери. Что-то было в его взгляде такое, от чего сердце девушки упало.

— Я слушаю вас, отец,— произнесла она тихо.

— Вы могли бы, доченька, вернуться сегодня из консерватории пораньше? — спросил Джамалов.— Дело в том, что у нас будет очень приятный гость.

— Сегодня у меня вообще занятий нет, отец. Но вы же знаете: я готовлю московский концерт.

— Очень хорошо. Важно, что вы будете дома.

Юлдуз усмехнулась, не скрывая иронии:

— И вы все обставили так помпезно только ради того, чтобы сообщить мне о госте? Я не помню субботнего дня, когда бы у нас за обедом кто-то не был.

— Конечно же я пригласил вас, чтоб сказать иное,— в глазах у Джамалова появился холодок, хотя он и пытался придать голосу теплоту.— Была бы жива ваша мать, я был бы избавлен от этого разговора, но увы...— тут профессор на миг опечалился, и дочери, как обычно, стало жаль его.— Так вот, Юлдуз,— продолжал Джамалов, взяв себя в руки,— вы росли всегда в довольстве, вам неведомо, что такое заботы и нужда. Все, что я приобрел за свою жизнь, и дом этот, и мои сбережения, я не собираюсь оставлять кому-либо иному, кроме вас и вашей сестры. И комментарии, как говорят, излишни. Говорю вам об этом потому, что, как известно, каждая девушка достигает того счастливого возраста, когда ей предстоит жить своим собственным домом. Короче говоря, и для моей дочери наступило время замужества.

Юлдуз опустила зарумянившееся лицо.

— Но прежде всего, дочь моя, я вынужден потребовать, чтобы вы решительно порвали с проходимцем, который — я знаю об этом, конечно,— уже давно одолевает вас своими ухаживаниями и домогательствами. Я не могу допустить, чтобы вы встречались с человеком, который, едва поднявшись из-за нашего дастархана, бежит нас продавать.

Юлдуз взглянула на отца в смятении и страхе. Но он понял это по-своему и поспешил ее утешить:

— Еще наши прадеды говаривали: у дома, где живет красивая девушка, надо ставить коновязь для сорока коней. Да вы и сами знаете, сколько молодых людей притязало на вашу руку. Но я всегда учитывал ваши желания и никому, как вы знаете, согласия не дал. Я и в этом случае предоставил свободу выбора вам. Но — простите меня — всему есть границы. Долг отца — предостеречь свою дочь от бездумного и — добавлю — рокового шага.

— Как я должна понимать вас, отец? — Юлдуз с трудом сдерживала волнение.

— Что ж, уточним,— по-профессорски произнес Ильдам Джамалович.— Итак, Темирджан вам не пара. Вам нужен человек, который станет опорой для всей нашей семьи. Да-да! Такой, который и меня самого подержит в трудную минуту; сподвижник, друг — для меня, заботливый, любящий супруг — для вас.

Юлдуз поникла.

— Мне отлично известно, отец, кого именно считаете вы вот таким, достойным во всех отношениях человеком. Конечно же это — Гайиб-ака.

— Умница, дочка! — Джамалов искренне обрадовался. — Могу вам сообщить, что и с отцом Гайибджана, почтенным Сарымбаем, мы уже всё неоднократно оговаривали.

«Это когда он являлся сюда со своими мешками и кувшинами?» — хотела ядовито уточнить Юлдуз, но, как всегда, не посмела. Другое, впрочем, мучило ее куда больше: неужто и впрямь Темирджан для нее потерян? Возможно, отец не знает о ее обещаниях, клятвах, скрепленных поцелуями. Но в состоянии же он об этом догадаться? Неужто не понял, что Темирджан владеет ее мыслями, ее сердцем?

Конечно же обо всем догадывался Ильдам Джамалович. Потому, кстати, и устроил ей эту стажировку в Московской консерватории. Знал, что Темирджан из колхоза в Москву не вырвется, в крайнем случае — в Ташкент, а Гайиб, что ни месяц, появлялся у памятника Чайковскому с букетом гвоздик, купленных на Арбате. А едва она прилетала на побывку в Ташкент, уже стоял в аэропорту с огромным букетом роз.

Все у них было продумано до тонкостей. Все. И вот теперь — финал.

— Догадываюсь, что мучит вас, дочка, — Ильдам Джамалович положил мягкую ладонь на голову Юлдуз. — Вы, наверное, все-таки обнадежили малость Темирджана? А ведь я вас, дочка, предупреждал на сей счет. . .

«Конечно! Это же уступив вам, слушая ваши советы, не отвечала я Темирджану на письма. Вы мне внушали, что он воспримет это как залог и что в кишлаке станут плохо думать о девушке, которая часто пишет джигиту, тем паче — о девушке не безвестной. «Мое имя в Узбекистане знает каждый; а вы — моя дочь. . .»

— Но ничего непоправимого нет, — бодро произнес Джамалов, — бывает, и весьма часто, что девушки отказываются от своего слова. Разумеется, это неприятно для обеих сторон, но надо через это перешагнуть во имя будущего.

Комок подступил у Юлдуз к самому горлу. Сердце

ее, казалось, вот-вот разорвется. Джамалов заметил ее состояние. Голос его стал мягче.

— Душа у вас словно дутар,— он пытался заглянуть ей в лицо,— пусть же всегда радостно звучат его струны. Лишь об этом я и пекусь всю свою жизнь, дочь моя. Что скрывать: и я хотел видеть в Темирджане сына. Помимо всего, он — человек нашего круга. Я знаю его с самого рождения: привез когда-то Хумайрабану с младенцем домой. Ну, не скрою, с отцом его, с Мардоном Юлчиевичем, наши отношения не всегда складывались гладко, но в ученом мире такое случается зачастую. Да, Юлдуз, я, кстати, вспомнил: как-то я просил вас узнать у Темирджана о той рукописи Мардона Юлчиевича, которая касается поливов в Голодной степи. . . Если не забыли, я объяснил вам, почему не хочу обращаться с этим к Темирджану сам: он знает, что поливы — одна из моих тем, и может понять меня неправильно. . .

— Зачем вы повторяете все это сейчас, отец? — в отчаянии решила Юлдуз перебить Джамалова. — Я сказала как-то об этом Темирджану, он сразу помрачнел и спросил только, сама я интересуюсь этой работой Юлчиева или кто-то иной? И все! Темирджану отлично известно, что, кроме музыки, меня ничто не волнует. Не надо было втравливать меня в это.

— Да-а,— Джамалов нахмурился,— надо было как-то тоньше все повернуть. Впрочем, вы правы: что сейчас говорить об этом! Вывод ясен: Темирджан на проверку оказался чужим. Он предал меня в самом прямом смысле. Предал ради собственной карьеры. Наивный мальчишка! Ему кажется, что теперь все заговорят о нем, о его научной принципиальности, и это откроет ему путь наверх! Чепуха! Единственно, чего он добился, это воздвиг между нами непроходимую стену. Ну, и, не скрою, по его милости вынужден был я день-другой ходить опустив голову. Но сейчас все уладилось. Вряд ли ученый совет примет сторону этого выскочки. Ему укажут, я думаю, где его подлинное незавидное место.

«Но он мне нравится, отец! Я не знаю, что такое — настоящая любовь. Может, это и есть то чувство, которое влечет меня к Темирджану. . .»

И, словно прочитав ее мысли, Джамалов заключил:

— Я отрекся от него, и вы отрекитесь. И запомните: парень может быть высок и строен, но это не означает, что вы будете счастливы с ним, а я обязан, слышите, обязан перед памятью вашей матери сделать все для того, чтобы вы были по-настоящему счастливы, всю жизнь.

С опухшими веками и красными глазами вышла Юлдуз из отцовской комнаты. Кундуз, волнуясь, ожидала ее. Одного взгляда было достаточно, чтобы все понять, но вместо слов утешения Юлдуз услышала от младшей сестры иное:

— Ты что — бессловесная? Чего ты испугалась? Земля не провалилась бы под тобой, если бы ты сказала отцу то, что думаешь.

— Что я должна была сказать, что? — в отчаянии выкрикнула Юлдуз.

— Что умрешь, но за другого не желаешь.

— Ты что, подслушивала? Откуда тебе известно о другом?

— Не надо мне подслушивать. Догадаться нетрудно. Возвращайся к нему и скажи: не нужен мне этот ваш олух — Гайиб!

— Да он же разгневется и проклянет меня!

Юлдуз двинулась было к отцовскому кабинету, но у двери, обитой черным дерматином, ноги у нее подкосились, и она опустилась на пол у порога.

— Вижу, ничего иного ты и не заслуживаешь. Выходи за этого вахлака, за Гайиба. Будете перелестной парочкой.

— Не мучь меня хотя бы ты! — Юлдуз застонала.

На пороге показался Ильдам Джамалович.

— В чем дело? — спросил он строго, обращаясь к младшей дочери.

Кундуз, как ни храбрилась до этого, увидев перед собой сердитого отца, растерялась, однако хотя и сбивчиво, но довольно толково заговорила о том, что вот, мол, они обе искренне признательны отцу за то, что он их вырастил и воспитал. Что обе они в неоплатном долгу перед ним. И все же...

— Да, и все же... — повторил с вызовом вслед за ней Джамалов. — Продолжай, дочь моя.

Кундуз вдруг вскинула курчавую голову, а Юлдуз

вся сжалась в комок, так, будто ей, а не младшей сестре следовало чего-то опасаться.

— Простите, отец, я хорошо знаю, что не вправе давать вам советы, а тем более — противоречить. Но сказать правду — не преступление. Так вот, я скажу: нельзя принуждать дочь, чтобы она отвергла того, кого любит.

— О чем ты толкуешь, сумасбродная девочка? Кто кого любит?

— Будто вы не знаете, отец? Юлдуз наша любит Темирджана Юлчиева.

— Умолкни! — выкрикнула сквозь рыдания Юлдуз. На несколько секунд наступила тишина.

— Да, дочка, — опечаленно произнес Джамалов, — очень ты меня огорчила сейчас. Ты указываешь отцу, как он должен вести себя. Я мог бы не обращать внимания на суть твоих слов. Достаточно того, что ты ведешь себя дерзко. Но пока я наказывать тебя не стану. Я отвечаю тебе. Так вот, знай, что у меня и у твоей старшей сестры — единое мнение о ее замужестве. Придет время, и мы посвятим тебя в это так же, как всех домашних. А теперь иди к себе и постарайся понять, что означает старая истина: яйца курицу не учат. Тогда, наверное, ты станешь с должным уважением относиться к седому человеку — твоему отцу, — и с этими словами, величественно повернувшись, Джамалов двинулся к двери.

Но Кундуз не сдавалась.

— Я человек и член нашей семьи. Я вправе высказать свое мнение. Юлдуз — не для вашего Гайиба! — выкрикнула она вслед отцу.

Джамалов остановился.

— Ты поплатишься за свое вызывающее поведение, — произнес он с угрозой и даже пальцем помахал. Глаза его сверкнули обидой и болью. — Я желаю твоей сестре счастья. Я хочу увидеть это еще при жизни. Но ты, я вижу, предпочла бы иное. Стыдись! — и Джамалов с силой захлопнул за собой обитую дерматином дверь.

VI

Как же все-таки и впрямь был он еще неискушен в делах научных и житейских! Ему все это время рисовалось в воображении роковое заседание ученого сове-

та, на котором попросту ни о чем ином, кроме него, речь не может идти. Но ученый секретарь, к которому Темирджан пробился не сразу, потому что к нему ожидали очереди люди поважней, чем лаборант, сообщил, нехотя разжимая губы, что вопрос о статье и госсиполе стоит в повестке последним из шестнадцати, а посему лаборант Юлчиев может явиться лишь после обеда.

Однако и тогда ему пришлось еще долго ждать. Сидеть в директорской приемной становилось невыносимо. Темирджан выходил на улицу, но тут же возвращался, опасаясь, как бы именно сейчас его не вызвали. Сотни раз мысленно повторил он свое выступление. Вначале ему казалось, что звучит оно весьма убедительно, но с каждым часом ожидания уверенность эта таяла.

Несколько раз в приемной появлялся Гайиб. Приняв озабоченный, ответственный вид, он обменивался несколькими фразами то с машинистками, то с референтами и удалялся, уверенно развернув крутые плечи. Неизменно посматривал он и на Темирджана, причем взгляд его говорил одно и то же: «Дождался, правдоискатель? Сейчас тебя возьмут за шиворот и ткнут в землю носом».

Ничего иного ждать от Гайиба и не приходилось, но Темирджана и без того мучили сомнения: благожелательно ли выслушают его, а главное — внимательно ли? Хуже нет, чем положение петуха, который вытянул до предела шею, а кукарекнуть не смог.

И надо же, как раз в эту минуту он услышал, будто издалека:

— Товарищ Юлчиев! Я к вам обращаюсь, неужто вы не слышите? Пять раз назвал вашу фамилию. Заходите! — Ученый секретарь недовольно пропустил Темирджана в дверь, а сам пошел к себе в кабинет, листая на ходу какие-то бумаги.

В большом помещении было накурено. Люди, сидевшие по обеим сторонам длинного стола, виднелись словно в тумане. Только два-три человека взглянули на входившего, да и то без особого интереса. Джамалов разговаривал с директором института, который председательствовал на заседании. Вид у профессора был хоть и усталый, но самый что ни на есть благополучный.

Кто-то громко попросил напомнить, какой вопрос будет слушаться. «Мы их столько наобсуждали, что не

мудрено и с толку сбиться, я-то, грешным делом, полагаю, со статьей о госсиполе мы уже покончили!»

Джамалов весело возразил, что, дескать, в статье этой всего восемьдесят строк, как раз по четыре строчки на каждого из членов уважаемого собрания, так что обсуждение много времени не отнимет.

— Все с вопросом знакомы. Статью читали. Поэтому приступим сразу к обсуждению. Слово — лаборанту Юлчиеву, — произнес директор так, что невозможно было определить его отношение к делу. — Говорите, Юлчиев, вас слушают, — напомнил он, потому что Темирджан молчал.

Начал он давно заготовленными фразами: репетируя про себя, он был уверен, что каждая из них будет разрываться гранатой, но, — он заметил это сразу, — большого впечатления слова его не производили, хотя к нему прислушивались, а один пожилой академик даже ладонь к уху приложил. Темирджан заговорил громче, хотя совладать с волнением не смог: он все еще продолжал чертить пальцем по зеленому сукну стола.

— Держитесь спокойней, родной, — мягким голосом произнес профессор Джамалов.

О, он знал, что, как и когда сказать! И безо всякой подготовки Темирджан вдруг перескочил к выводам.

Метод использования госсипола не оправдал себя на практике. Это ясно как день. Вот все сведения, все материалы. Он оставлял себе копии, не зная, зачем они понадобятся, но, как видите, пригодились.

Тут Гайиб подскочил сзади к Джамалову, что-то шепнул ему, и тот, не оборачиваясь, согласно кивнул головой.

Темирджан почувствовал, что допустил оплошность, но в чем она состоит, не сообразил. Он продолжал говорить о напрасно потраченных средствах и силах. О том, что надо создать авторитетную комиссию и разобраться наконец в этом вопросе.

— А кому в нем и что неясно? — вдруг спросил Джамалов, и все загудели. — Иным студентам непонятна роль хлорофилла в процессе фотосинтеза, но из этого не вытекает, что надо создавать комиссию для выяснения вопроса, который разрешен семьдесят лет назад. Надо попросту лучше учиться.

Многие улыбнулись при этом, а Гайиб громко захохотал.

Директор постучал карандашом по графину.

— Ильдам Джамалович,— сказал он, впрочем, не очень строго,— мы слушаем сейчас Юлчиева. У вас будет возможность высказаться по существу.

Джамалов поднял руки, признавая, что виноват. Но видно было, он доволен произведенным эффектом, а Темирджана реплика эта и общее веселье обескуражили еще больше. Однако неожиданно для самого себя он нашелся.

— Я не собираюсь состязаться в остроумии с уважаемым учителем,— сказал он,— но и мне приходилось не так давно наблюдать, как люди посмеиваются, глядя на некоторые научные эксперименты. Да, да. Я имею в виду все тот же наш метод госсипола. Колхозники — и рядовые хлопкоробы, и агрономы — улыбались, глядя на тщедушный хлопчатник, который рос на нашем опытном участке. Правда, Ильдам Джамалович, надо воздать должное этим простым труженикам: они смеялись не зло, как кое-кто позволяет это себе здесь, в уважаемом собрании, а сочувственно. Им было жаль и меня, когда они видели все мои тщетные потуги, но еще больше — народных средств, которые мы ухлопываем во имя того, чтобы поддерживать чей-то пошатнувшийся престиж.

Вот теперь наконец он попал в цель.

— Нельзя ли выразиться точнее? — проскрипел Джамалов.

— Прочитайте еще раз статью,— отпарировал Темирджан,— там все выражено достаточно определенно, с указанием всех имен, в том числе моего. Да, я тоже нахожу себя виноватым в том, что слепо следовал на первых порах указаниям Сарымбаева и в угоду ему подтасовывал в отчетах факты и сведения, касающиеся хода эксперимента. Готов нести за это ответ.

— Не только за это! — Джамалов даже вскочил, но директор жестом попросил его успокоиться.

— Скажите, Юлчиев,— спросил директор все тем же бесстрастным голосом,— у вас есть письменные документы, ну, скажем, акты, заключения авторитетных товарищей о том, в каком состоянии находился хлопчат-

ник на каждой стадии развития? Или единственное свидетельство — ваши собственные отчеты?

— Я не предполагал, что мне придется выступать в роли обвиняемого,— ответил Темирджан,— и потому не заботился об оправдательных документах. Но есть опытное поле. При желании можно поехать и посмотреть на него. Одного взгляда вам, специалистам, будет достаточно, чтоб все понять безо всяких бумажек.

— Благодарю вас за совет, Юлчиев. При первой возможности воспользуюсь им,— произнес директор так, что Темирджан понял: он задет за живое. Конечно же забот у Каримова хватало и без того. Даже непосвященный мог легко догадаться, что директору удастся в лучшем случае выполнить треть из того, что намечено на день. И ко всему — бесконечные совещания, вызовы, делегации и собственные поездки — то в центр, то за границу. . .

«Зря я сказал это, да еще так резко. . .»

— Вам слово, Ильдам Джамалович,— директор сделал приглашающий жест.

Джамалов предупредил, что будет краток, и не только потому, что все уже очень устали, но и потому, что вопрос предельно прост: двух мнений тут быть не может и обширные комментарии не нужны. Мы столкнулись с распространенным случаем, когда юный, неопытный, но достаточно самонадеянный и честолюбивый научный работник встречается с первыми трудностями, неизбежными при осуществлении любого большого эксперимента. Не было еще в истории науки, да и не может быть, наверное, случая, когда ученый-экспериментатор добивается успеха сразу же. Подобное существует лишь в мальчишеских мечтах. Но любой серьезный ученый прекрасно знает, что свои тайны природа бережет от нас весьма тщательно. Неудачи и даже ошибки неизбежны при постановке опыта в широких масштабах. Более того, они, как всем нам, за редким исключением (тут снова взгляд в сторону Темирджана), известно, входят в программу исследований, поскольку на основе их делаются порой весьма важные выводы. Но с методом применения госсипола дело, к счастью, обстоит на практике гораздо благополучней, чем это изображено в пресловутой статье и в только что услышанном нами выступле-

нии лаборанта Юлчиева. Он — мой ученик, и потому, отступая несколько от темы, я должен сказать, что в свое время я поторопился, рекомендуя его на ответственную научную должность. Ученый должен быть неизменно собранным и трезвым, а Юлчиев, как все мы это могли наблюдать хотя бы сегодня, здесь, растерян и подвержен панике.

Директор попросил Ильдама Джамаловича держаться ближе к делу, и, согласившись с ним, профессор заявил, что сказал, собственно, уже все, а дальше пусть говорят упрямые факты. С тем он попросил, чтобы ученый совет выслушал сообщения еще двух сотрудников, которые, так же как Юлчиев, занимались проверкой использования метода «ГС» в полевых условиях.

Тут же появились Джурахон и Хусния. Джурахон, следуя своему обыкновению, держалась весьма игриво, и родинка на ее круглой щеке ходила вверх-вниз, вторя улыбке. Хусния, наоборот, была угрюма и смотрела в пол. Перед этим обширным и важным собранием она казалась школьницей, щупленькой и робкой.

Джурахон, изредка заглядывая в бумажку, бойко оттараторила отчет, из которого следовало, что метод применения госсипола показал себя если и не чудодейственным, то, во всяком случае, эффективным.

Директор поблагодарил Джурахон, на что она откликнулась еще более обворожительной улыбкой, и попросил высказаться Хуснию. Хусния тоже достала несколько листов и начала читать, но, едва сообщив, в каком хозяйстве проводился ею опыт и сколько гектаров земли было ей отведено, она умолкла на полуслове так, будто спазма сжала ей горло. С тревогой посмотрела на Темирджана, он сидел, втиснувшись в угол, и, вскинув голову, глядел в пространство, и это доконало ее. Хусния совсем уж по-детски закрыла лицо ладонями и выбежала из комнаты.

Возникла неловкая пауза.

— Что это с ней? — спросил директор, обращаясь к Джамалову.

Профессор пожал покатыми плечами. Кажется, и он был в минутном замешательстве, однако быстро нашелся.

— Женщины, — произнес он с несколько вымученной улыбкой, — кто их поймет?

Очевидно, даже на Гайба — теперь говорил он — событие это произвело впечатление. Он начал не так самоуверенно, как обычно. Главная мысль его, как и ожидал Темирджан, состояла в том, что лаборант Юлчиев допустил несколько важных методологических ошибок при постановке опыта в полевых условиях. Причины — неопытность и нерадивость. Здесь Гайб выложил первый козырь. Высокое собрание должно узнать о том, что львиную долю рабочего времени лаборант Юлчиев отдавал нелепой и сумасбродной затее: внушил колхозникам, что на бесплодных адырах следует вырастить фруктовые сады. Во имя этой маниловской выдумки Юлчиев жертвовал главным своим делом — выращиванием хлопчатника по методу «ГС».

— Уже один этот факт, товарищи, говорит о многом, — Гайб даже палец поднял и тут же погрозил им, обратившись к углу, где сидел Темирджан: — Зарплату, между прочим, государство выдавало вам, Юлчиев, вовсе не за ваши мифические сады, а за реальный хлопчатник, который вы обязаны были выращивать хотя бы так, как это делала Джурахон Дададжанова, выступление которой все мы только что слышали. Но вас, Юлчиев, не это заботило. Вы ведете себя недобросовестно даже сейчас, перед лицом ученого совета. Вы заявили, что не намеревались оправдываться ни перед кем. К чему же тогда вам понадобились третьи, — тут Гайб вскинул для вящей убедительности три пальца, — третьи экземпляры ваших отчетов? Разве неизвестно, что вся документация у нас в лаборатории хранится весьма тщательно и в любой момент может быть предоставлена каждому, кто имеет на то право?

— Было несколько случаев, когда мои письма терялись на почте. Я хотел подстраховаться, потому что у меня не было времени составлять отчеты заново, — задыхаясь от обиды, произнес Темирджан, вскочив в своем углу.

— Сидите, Юлчиев, и слушайте, — недовольно прервал директор, — здесь — ученый совет, а не студенческая вечеринка.

Гайб обвел присутствующих взглядом победителя. Сейчас он скажет самое важное, а Темирджан вынужден будет проглотить и это молча.

— Мне не хотелось говорить об этом, Юлчиев,— произнес он многозначительно, понизив голос,— но в интересах вашего собственного будущего посоветую, коли вы уж следуете по знакомым вам стопам, делать это с известной опаской.

Темирджан отшатнулся так, будто Гайиб нанес ему удар в лицо. Он весь напрягся, ожидая самого страшного, и оно последовало незамедлительно.

— Путь склок и интриг — не для настоящего ученого. Никто из нас еще не забыл печальной памяти историю, когда кое-кто — из уважения к покойным не станем называть имен — тщетно пытался опорочить важнейшую по своему практическому значению работу, касающуюся поливов на целинных землях.

— Да как ты смеешь, подлец! — уже не помня себя, Темирджан кинулся к Гайибу.

Тут же глыбой поднялся директор.

— Юлчиев! — загремел он.— Я вынужден удалить вас. Выйдите за дверь и успокойтесь. Вас вызовут, когда вы понадобитсяь.

Темирджан остановился в двух шагах от Гайиба. Кто-то уже открыл дверь, а кто-то другой взял Темирджана под локоть и повел к выходу. Последнее, что он услышал, было четкое, как на суде, заявление профессора Джамалова:

— Гайиб Сарымбаевич, я возмущен вашим последним высказыванием. Запомните раз и навсегда: в адвокатах я и мои научные труды не нуждаются.

Гайиб просил прощения, говорил что-то о том, что у него это вырвалось, потому что он не терпит нечестной игры, но за спиной у Темирджана чья-то сильная рука крепко притянула к себе дверь.

Не помня себя, выскочил Темирджан на улицу. Надо было, конечно, дожидаться решения, которое вынесет ученый совет, но сидеть в приемной, когда за открытой дверью негодяй порочит священное для него имя отца, он был не в силах.

«Все, пусть все пропадет. Все готов стерпеть, но только не это. Нет...»

Он чувствовал, как вскипает в нем первобытная жажда мести. Подстеречь проклятого Гайиба вот сей-

час, не откладывая, и разmozжить ему голову камнем, а там — будь что будет.

Сам того не замечая, он делал круги около здания института, возвращаясь к подъезду, который был уже освещен. Он не знал, схватится ли и впрямь с Гайибом вот здесь, на виду у всех, но уйти не мог.

Прошло с полчаса, и на лестнице показались те, кто больше других торопился и выскочил, едва, очевидно, дождавшись, пока директор объявит заседание закрытым. Потом вышли группой пожилые ученые, приехавшие не на машинах. Они спустились к фонтану и остановились, ожидая, пока подкатит институтский микроавтобус, который должен был развезти их по домам. Стоя полукругом, четверо седоватых, обмякших от кабинетной жизни мужчин продолжали, как водится, обсуждать то, что происходило на заседании. Темирджан почти столкнулся с ними лицом к лицу, но, чего-то испугавшись, юркнул в сторону.

Все же он смог пересилить себя и начал прислушиваться к разговору. Как и следовало ожидать, больше всего говорили об инциденте, не обычном для ученой среды. Кто-то сожалел — правда, насмешливо — о том, что Темирджана удержали. Интересно, как повел бы себя шеф, если бы оба парня сцепились? Неужто вызвал бы милицию? Только милицейских свистков на наших заседаниях не доставало!

Все посмеялись, а потом уже серьезно стали говорить о том, что было после того, как Темирджана вывели за дверь. Он понял, что директор «всыпал Гайибу по первое число», как сказал один из ученых. Другой заметил рассудительно, что так-то оно так, но парню они (он понял: Джамалов с Гайибом) рот на время закрыли, так что цели своей добились: Джамалов может спать спокойно еще десять лет, и призрак Мардона Юлчиевича его тревожить не будет.

Так вот оно что! И сам же Темирджан подыграл им! О глупец... Губы следовало закусить до крови и молчать, молчать, а когда-нибудь, дождавшись часа, выложить с самой высокой трибуны факты, факты и еще раз факты, которые хранятся в отцовской желтой папке. А теперь он в глазах у всех — буян, одержимый мстостью. Кто станет слушать его? Но как же можно было молча снести самое страшное оскорбление, видеть, как на гла-

зах у тебя втаптывают в грязь доброе имя отца, и молчать?

До слуха его долетели фразы, из которых он мог понять, что тему с госсиполом хотя и не закрыли, но постановили перенести на уровень лабораторных опытов; полевые эксперименты прекратить; что денег для продолжения исследований Гайбу будут давать совсем немного и что диссертация его, как выразился все тот же насмешливый голос, «приказала долго жить».

Значит, и они все-таки не победили! Но все это в сознании Темирджана мелькало где-то на заднем плане, задушенное смертельной обидой.

Тихо отъехал автобус. Темирджан остался у фонтана один. И тут он увидел обоих. Они быстро и молча спустились по лестнице и сели в профессорскую машину. Еще было время, чтоб вытащить оттуда Гайба или двинуть его по голове тем самым камнем, которого Темирджан так и не подобрал. Но он не шелохнулся.

Фыркнул мотор. Шофер включил фары, и луч скользнул по фигуре Темирджана. Он ослеп на миг, а когда взглянул вслед машине, в ней уже невозможно было разглядеть никого.

Только теперь вспомнил он о времени и посмотрел на часы. Была уже половина девятого. С Юлдуз они должны были встретиться у консерватории в восемь.

В конце концов он все-таки вошел в будку телефона-автомата. Трубка была еще теплой от руки человека, который только что вел, очевидно, долгий разговор. Темирджан стоял с минуту, раздумывая, просить ли прощения за то, что не пришел на свидание, оправдываться ли или попросту поделиться, как с самым близким, тем, что сейчас на душе. Но вряд ли он теперь имел право на откровенность.

Назначая встречу, Юлдуз разговаривала с ним, он это чувствовал, сквозь слезы и все же не удержалась от упреков: «Ты все испортил сам своим поведением. Озлобил отца. Он видеть тебя не желает, как же мне теперь разговаривать с ним о тебе, о нас? . . .»

И все-таки сама пожелала встретиться с ним.

Темирджан набрал номер. Диск возвращался назад с дребезжанием, будто повторял насмешливо: «Испортил, испортил. . .»

Оставалась последняя цифра — «шесть». Темирджан решительно нажал на рычажок раз и другой, дождался нового гудка и набрал номер Фаттаха.

— Хвала аллаху, ты жив! — воскликнул Фаттах. — Я пять раз звонил нынче в институт, но ни от кого не добился толку. Говори скорей, как прошел совет? Что решили с тобой?

— Все прошло как по писаному, друг. Каждый проявил себя в своем качестве. Подлецы, разумеется, как подлецы. Короче, я окончательно решил уйти от них.

— И молодчик! Давно пора было. Так как, может, к нам в комитет пойдешь? Мне в отдел как раз дали новые штаты. Есть отличная должность: спокойно и перспективно.

— Прости, но это, наверное, не для меня.

— Чудак! Чего тебе надо еще: оклад прекрасный, служебная машина, правда, не персональная, а по вызову...

— Точный адрес Таджитдина у тебя есть?

— Э-э, да ты все-таки намерен, оказывается, скрыться в дальние края.

— Адрес у тебя далеко?

— Здесь он, здесь. Подожди минутку, записывай.

— Я запомню, говори.

Фаттах несколько раз повторил длинное название сельсовета, куда следовало адресовать телеграмму для Таджитдина.

— Ты прости, Темирджан, — сказал он, — но я же понимаю: в тебе сейчас все кипит. Может, заглянешь ко мне? Посидим, потолкуем, даст бог, найдем вместе какое-то решение, а?

— Спасибо, друг, но я устал. Надо отдохнуть немного. Мы еще встретимся с тобой не раз.

— Откуда ты звонишь? — не отступал Фаттах. — Жди меня там, я быстро подъеду.

— Не надо, друг. Я пойду. Будь здоров, и спасибо тебе за все.

Воздух еще хранил следы дневного зноя, но благословенный час встреч и отдохновения уже наступил. И люди навстречу попадались все больше радостные, оживленные, а то и просто безмятежные.

Почти у самого своего дома он, не выдержав, позвонил ей опять.

— Слушаю,— ответил несколько раздраженный мужской голос. Темирджан повесил трубку. «Гайиб»,— произнес он про себя и сам удивился, что так равнодушен.

Он ступил на родную улочку и с облегчением услышал, как шумят разлапистыми листьями знакомые с детства чинары. Порывы ветра были еще слабы, но дрогнувшим сердцем уловил Темирджан чистое дыхание горных снегов.

КНИГА ВТОРАЯ

БАРСА-КЕЛЬМЕС

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Обгоняя одна другую, волны мягко накатываются на берег и отступают, рассыпавшись брызгами. Солнечные лучи, отражаясь от морской глади, слепят глаза. Пляшет среди сверкающей ряби, словно игрушечный, одинокий рыбачий каюк. Ласточки проносятся над самой водой, почти касаясь ее острыми крыльями. Отважно возносятся над стихией и камнем падают вниз бесстрашные чайки, а потом усаживаются на гребнях волн и раскачиваются в такт их неукротимому движению.

Гладкие атласные белые пески, вылизанные бесчисленными морскими языками, темнеют от влаги. На мгновение застывают на них пузырьки пены и тут же, словно жемчужины, не подобранные никем, прячутся в песок, а он вновь и вновь светлеет, чтоб мгновение спустя опять пропитаться соленой влагой.

Что ни утро, умудрялся Темирджан выкроить хоть четверть часа, чтоб искупаться в синей аральской воде, побродить немного по пустынному берегу, где не было ни деревца, ни кустика, ни камня. Один лишь песок, светлый, с рыжеватым оттенком. Небо над Аралом казалось тоже рыжим, как и тела молодых людей, которые приходили сюда купаться.

За короткое время и у Темирджана кожа стала золотистой, мускулы красиво округлились.

Он вглядывался в даль, и ему казалось, что весь остальной мир заполнен бескрайним морем. Все его су-

щество тогда охватывал нетерпеливый порыв к неведомому.

Не мог он прежде даже в мечтах увидеть себя вот так, на песчаном берегу, когда волны, словно укрощенные звери, мягко подбираются к твоим ногам и окропляют тебя солеными брызгами. Теперь же Темирджан не в силах был представить жизнь без моря. Купаясь, он чувствовал себя, точно в материнской колыбели, в которой лежал бы да лежал... Но он ощущал радость и когда выходил на берег, широко раскидывал руки, играл мускулами, распрямлял грудь; чистый воздух наполняет легкие до предела, становишься бодр, легок и готов вслед за отчаянными птицами устремиться в беспредельный тревожный простор.

Еще красивей было на берегу по вечерам. Темирджан любил смотреть, как медленно опускается к кромке воды медный диск солнца. На миг оно цеплялось за край легкого облака и тут же, словно решившись, падало в море.

Соленый прохладный ветер обдувал тело. Вода густела, становилась спокойней, и волны в сумерках казались молочно-белыми. Смолкали несметные стаи птиц, а чайки уплывали на волнах вдаль, чтобы вернуться на берег только к рассвету.

...Темирджан вздрогнул, почувствовав, как кто-то с силой потянул его назад. Он и забыл на миг, что держит в руке повод своего коня — молоденького, еще игривого, своенравного жеребчика. Рослый, с округлыми боками конек нетерпеливо перебирал точеными ногами, фыркал, роя передними копытами песок. Конь этот достался Темирджану не без помощи Таджитдина. «От ходьбы пешком у мужчины характер портится», — заметил он, глядя на пыльные сапоги Темирджана, и тут же отвел его в ближний колхоз. Председателем там был жизнерадостный здоровяк, откликавшийся искренним хохотом на самую неприятную шутку. С Таджитдином они были добрыми приятелями, судя по тому, как беззлобно подтрунивали друг над другом. Ранс то и дело ударял Таджитдина по плечу, восхищаясь его силой, и тут же опасливо поднимал кверху руки: не вздумай, мол, стукнуть меня в ответ.

Конечно же он не смог отказать лесоводам в их просьбе.

— У нас говорят, для друга даже жеребой кобылки не жаль. Бери коня, пользуйся, добрым словом поминай и колхоз, и председателя.

Он повел тронутых его добротой джигитов к табуну, который пасся недалеке. Было там немало смирных лошадей, однако Темирджан, вопреки всем ожиданиям, выбрал едва прирученного, дико косящего огненным глазом жеребчика. Гнедой, почуяв, что внимание обратили именно на него, запрядал ушами, готовый ускакать подалее в степь. Таджитдин сразу смекнул, что характер у этого коня крут, и хотел отговорить Темирджана, но тот неожиданно заупрямился. Раиса, кажется, тоже смутил выбор, сделанный Темирджаном, однако в приступе крайнего великодушия он воскликнул:

— Бери, бери, коли нравится! — и сам накинул на гнедого петлю.

Конечно же, едва Темирджан уселся верхом, жеребчик сбросил его на землю. Темирджан отряхнулся, вскочил в седло снова и упал опять... Кончилось тем, что городскому парню пришлось с недельку отлеживаться в постели. Но, едва поднявшись, он опять подошел к гнедому. Минуту-другую стоял около него, ласково поглаживая коню шею, гриву, морду, а потом единым махом вскочил в седло. На этот раз он полетел вперед, через голову гнедого. Прихрамывая, Темирджан вновь взялся за узду, вставил ногу в стремя. Конь, однако, не желал покоряться. Он вскидывал круп, отчаянно мотал головой. Темирджан, в свою очередь, заставлял себя усидеть в седле. Он решил, что объездить этого коня — дело чести, и мало-помалу конь и всадник привыкли друг к другу. Все же на первых порах достаточно было Темирджану вставить ногу в стремя, как гнедой начинал нервно приплясывать на месте. Тогда Темирджан перенял у Таджитдина его манеру садиться верхом, не касаясь стремени: одной рукой — за луку, прыжок — и ты в седле.

...Селение, куда он направлялся сейчас, находилось неподалеку от берега. Четверть часа спустя он подъехал к кишлаку, раскинувшемуся полумесяцем у подножия холма. Сперва он миновал хижины, накрытые камышовыми крышами. Они служили убежищем для рыбаков в знойные и ненастные дни. Неподалеку валялись отслужившие свое, годные теперь разве что на топливо для

зимних костров лодчонки-каюки. Там и сям на неуклюже наклоненных корявых столбах сушились сети.

Здесь было безветренно, но в кустарнике слышался тихий шорох: в зарослях было полно насекомых и мелких животных. Уже стемнело, к тому же пал туман. Конь то и дело спотыкался, и Темирджан несколько раз с трудом удержался в седле. Шуршала под ногами гнедого сгоревшая от зноя трава. На небе щедро проступили звезды, и оно казалось теперь иссиня-лиловым.

Однако едва Темирджан приблизился к домам, окруженным густыми садами, настроение у него опять поднялось. На улочках, стиснутых плетеными дувалами, попадались неторопливые прохожие, еще играли в шумные игры дети, доносились из усадеб голоса хозяек, зовущих семью к ужину.

Гнедой по-прежнему ступал по песку, да и сами улицы напоминали высохшие русла, были кривы и узки настолько, что в иных местах едва ли могли бы разойтись двое встречных. Было во всем этом и какое-то особое очарование. Дувалы были настолько низки, что вся жизнь села — а она в летнюю пору сосредоточивалась во дворах и садах — была как на ладони. Позади домов виднелись кое-где и юрты; бывшие степняки-кочевники не в силах были отказаться от сложившегося столетиями быта. Иной старик только и сможет уснуть в юрте да на кошме. А вечерами почтенные бородачи посиживают на супе, которая установлена почти у каждого ворот.

На закате Темирджан оглядел этот кишлак с прибрежных холмов, и он показался ему тогда обширным. На самом же деле в селении было не более сотни дворов, за четверть часа можно было пройти его из конца в конец.

За селением вновь начиналась песчаная равнина. Темирджан уже испытал не однажды, как недобры эти пески. Едва поднимется ветер, мириады песчинок взмывают ввысь, заполняя собою вселенную, словно стремясь задушить все живое. Но сейчас было тихо. Воздух был неподвижен, горяч и сух. Пьянящие запахи трав и цветов царили в нем. С веселым ржанием проскакал навстречу жеребенок. С мычаньем и топотом возвращалось домой стадо, коровы быстро разошлись по дворам. Угомонились и детишки. Благословенная тишина при-

шла в кишлак. И вдруг разорвала ее озорная диковинная песня:

Наточен клинок,
Им окно отворю,
Скакун быстроног —
Украду, увезу...

Едва ли не ежевечерне слышал эту песню Темирджан. Он уже запомнил ее странные слова и, сам того не желая, начинал порой подпевать неведомому певцу:

Скакун быстроног —
Украду, увезу...

II

Усадьба, где жил сейчас Темирджан, была похожа на все остальные в этом кишлаке. В плетне — легкая калитка, едва ступишь за нее, бросится навстречу с хриплым лаем желтая собака с обрезанными ушами, но тут же, узнав своего, завилает хвостом и начнет тереться об ноги, как бы прося прощения за оплошность. Всю левую сторону двора занимает беленый, с застекленной террасой дом. К нему пристроен еще и навес и что-то наподобие комнатки. Обычно там живет у кого старший сын, у кого — дочь на выданье. В этой же усадьбе в пристройке жить было некому; хозяйка хранила там ненужные в доме вещи, а то и ссыпала на зиму уголь. Но, узнав о том, что у них поселится молодой лесовод — парень, прибывший из самого Ташкента, хозяйка вмиг освободила комнату от хлама, побелила стены, поставила стол, стулья, застелила кровать новой постелью, и неказистое жилище стало и впрямь таким, что даже невесту поселить не стыдно. Тепло, светло, сухо — что еще нужно холостому парню? Над столом Темирджан повесил портрет отца, а на стенах — репродукции любимых картин, главным образом с изображением милых сердцу лесных пейзажей.

Соскочив с коня, Темирджан просунул в щель руку, нащупывая деревянную щеколду, которой калитка запиралась изнутри. Простой, казалось бы, навык, но вот же — не овладел им до сих пор горожанин. Пес во дворе скулил потихоньку, как бы досадуя на то, что не может помочь постояльцу. Темирджан возился так долго, что даже рука у него устала. Тут на террасе вспыхнул свет, показался старик с острой седой бородкой. Он

торопливо зашлепал чувяками по дорожке, подошел к ограде, радушно откликнулся на приветствие и отпер калитку.

У дорожки росла мята — райхон, распространявшая в сумерках нежный, волнующий запах. Кромешная тьма сгустилась в винограднике. Темирджан прошел под ней и подвел коня к сараю, приткнувшемуся к стволу старого карагача. Второе такое же раскидистое дерево росло с другой стороны усадьбы. Старик (он следовал за Темирджаном) помог расседлать коня, бросил охапку свежего сена, пригласил постояльца в дом, к вечернему чаепитию. Темирджан, однако, отказался, сославшись на занятость. Но, заметив, что на лице старика мелькнуло огорчение, поспешно добавил:

— Мне нужно подготовить к утру одну важную бумагу, Даулбай-ата.

— Сперва поужинать не мешало бы,— заметил старик.— Здоровья не будет — не сможешь и бумаги свои писать. Да и старуха обидится, она ждала тебя со своей стряпней.

На веранде были уже расстелены толстые одеяла и скатерть. Широкоплечий, сутулый, крепкий старик в казахской круглой тюбетейке, в расстегнутой на груди рубашке и холщовых штанах прошел вперед и сел у дастархана. Сразу же появилась хозяйка — старуха в платке и длиннополом платье, в легких галошах на босу ногу; не только лицо ее, но и шея были в мелких частых морщинках. Она была чрезмерно худа и казалась больной. Неслышно поставила старуха перед мужчинами две касы с горячей бараньей похлебкой. Хозяин разломил чурек и начал крошить его в шурпу.

Темирджану было неудобно сидеть, поджав под себя ноги, он то и дело высвобождал то одну, то другую.

— В столовке, которая у причала, конечно, стулья мягкие, гладкие столы,— говорил старик за неспешной едой,— только я все равно не верю, чтоб там пища добрая была: то они масло не прокалят, то еще о чем-то забудут. Да и деньги берут немалые. А нам видеть вас у себя за дастарханом — радость, ей-богу. Старуха моя всегда готова услужить вам. Хотите — бешбармак, или рыбу жареную, или даже плов, вы ей только скажите, она с радостью для вас приготовит.

Старуха, стоя все так же поодаль, внимательно при-

слушивалась к речам своего почтенного супруга. Вдруг руки ее пришли в движение, она старглась объяснить что-то жестами, а потом произнесла несколько невнятных звуков. Темирджан знал, конечно, что хозяйка нема, но понимать ее еще не привык. Старик успокоил жену:

— Сейчас скажу ему об этом,— и пояснил: — Она просит, чтоб вы и белье свое не накапливали. Отдавайте ей каждую неделю. Для нее заботиться о вас — удовольствие.

И старуха обрадованно закивала, очевидно еще и потому, что муж так точно изложил ее мысль. Темирджан благодарно улыбнулся ей, и тут старуха прямо-таки расцвела. Даже морщины стали не так заметны.

В первое время Темирджан чувствовал себя крайне неловко, когда хозяйка изредка обращалась к нему. Двигались не только руки и пальцы, но и каждый мускул на лице. Темирджан порой в отчаяние приходил, когда видел, как хмурит она брови, огорченная непониманием. Однажды старик стал свидетелем подобной сцены. Он успокоил Темирджана:

— Вы отвечайте, как поняли ее. Она же все слышит. Не бойтесь, если ошибетесь поначалу разок-другой. Не обидите ее этим. А вообще-то старуха у меня — умница,— с неожиданной теплотой добавил старик Даулбай.— Только говорить, бедная, не может. Придет час, я расскажу вам обо всем, что с ней приключилось в давнюю пору.— Лицо старика погрузнело, но тут же появилось на нем едва ли не суеверное восхищение.— Она же всех вокруг понимает, даже если люди молчат. Вы еще только подумали, а она уже знает — о чем.

О старике Темирджан уже знал, что тридцать пять лет тот отдал капитанской службе на Амударье, был одним из немногих, кто умел ладить со своенравной рекой, много раз водил свое судно и вверх и вниз по опасному руслу. Давно уже на пенсии Даулбай-ата, однако покой не по нему. Тянет по-прежнему на палубу. Часто уходит в плавание с рыбаками, тем паче что и они рады ему всегда: старый Даулбай открывает такие секреты судовождения, которых ни в лоции не вычитаешь, ни на курсах не услышишь.

Старшая дочь давно покинула отцовский дом. Живет своей, уже немалой, семьей. Младшая учится на врача в Ташкенте. Тоже успела замуж выйти, так что и она —

отрезанный ломоть. Был еще первенец-сын, гордость и надежда Даулбая, да сожгла его проклятая война. Погиб еще юношей под Сталинградом.

Вот и остались Даулбай с женой одни на старости лет. Однако хлопает у них калитка часто. Нужен кому-то в Шерарале мудрый и дельный совет — идут к Даулбаю-ата. Он ко всему еще и лекарь, опытный и бескорыстный. От деда-прадеда унаследовал не только тайны врачевания, но и незыблемый зарок — за помощь больному платы не брать. Вся терраса увешана под потолком мешочками с высушенными травами. Едва откроешь дверь, словно дохнет тебе в лицо пьянящим ароматом осенняя степь. Невольно вспомнишь и широкие сенокосы, и густые заросли трав вдоль каналов, и острова цветов.

Случилось так, что едва ли не в первый же день пришлось и Темирджану прибегнуть к врачебному искусству старого Даулбая. Он пообедал в той самой приморской столовке, о которой упомянул нынче старик, и к вечеру почувствовал изжогу; под ложечкой пекло так, будто там застрял расплавленный свинец. Темирджан попросил соды, однако вместо этого Даулбай дал ему выпить настой какого-то горного луковичного растения, и едва ли не сразу неприятное ощущение исчезло. С особым уважением слушал в тот вечер Темирджан рассказы Даулбая-ата об удивительных свойствах трав и цветов. Получалось, по словам старика, будто природа предусмотрела лекарства от всех болезней. Надо только знать, что в каком случае следует применить, чтоб избавиться от недуга, даже самого тяжкого.

Разумеется, многое Темирджану было не в новинку, а некоторые тайны, доверительно поведанные Даулбаем-ата, показались ему наивными, хотя он конечно же и виду не подал, что все это известно даже студентам. Однако узнал Темирджан и немало любопытного; к примеру — о неизвестных ему свойствах кошачьей мяты, которую он привык называть по-латыни — глехома хедерацеа. А то, что чабрец, как утверждал, ссылаясь на многочисленные примеры, старик, помогает при зубной болезни, Темирджан и вовсе взял на заметку. Записал он и то, как при помощи густейшего настоя из полыни лечит старик от змеиных укусов. Похоже было, что искусством врачевания гордится старый Даулбай не мень-

ше, чем своим шкиперским мастерством. Его лицо лучилось и он молодец на глазах, когда рассказывал о травах. И еще Даулбай-ата доверительно сказал Темирджану, что все до единого новые свои настои на себе испытал да на старухе своей. Она-то травница, почитай, получше его будет.

...Старуха принесла картофель, жаренный вместе с мясом. И это блюдо тоже показалось Темирджану до чрезвычайности вкусным. Впрочем, он обедал давно, успел проголодаться и, если бы не радушное приглашение Даулбая, поужинал бы всухомятку у себя в комнате. Теперь же он ел с несомненным удовольствием, радуя своим аппетитом хозяев.

После ужина старик помыл руки, подвинул под бок себе подушку, и Темирджан тоже настроился на неспешную беседу.

Старик, как водится, сперва расспрашивал о том, как чувствует себя ученый джигит в их малолюдном краю, о здоровье его близких, а затем перешел к разговорам о делах. И вдруг спросил напрямик, так, что Темирджан понял — выношено это давно и мучает, наверное, не только одного Даулбая:

— Сажать-то леса свои скоро начнете?

Вопрос прозвучал, словно упрек. Но как мог объяснить старику Темирджан, что не очень-то быстро проворачивается административная машина, а без решений и распоряжений не пришлют на Шерарал ни технику, ни саженцы? И он ответил, будто извиняясь:

— Все, что от меня и товарищей зависит, мы делаем, ата.

Темирджану и в самом деле было неловко. Он понимал, что все подготовительные работы — и землемерные, и планировочные, не говоря уже об исследовательских и проектных, — незаметны для большинства и потому представляются им пустяковыми. Да и сам он, лесовод, в глазах у иных степняков — едва ли не бездельник. Обещал деревья сажать, а сам то по окрестностям бродит, то над бумажками корпит.

Здесь еще не забыли предшественника Темирджана, хапугу и обманщика. Тот, кстати, с первых дней своего правления взял быка за рога: нанял рабочих, раздобыл где-то саженцы, совершенно не вникая, какие именно породы можно сажать здесь, на Шерарале, и развернул

на участке дела так, что вскоре самому ему пришлось бежать без оглядки — и от возмущенных шераральцев, и от прокуратуры, которая проявила отнюдь не праздный интерес к деятельности этого проходимца. Выяснилось, что отчеты он посылал неверные, а деньги за несделанную работу почти все присвоил.

Старого Даулбая не так уж волновало, поймали негодяя или нет, получил ли он по заслугам. Жаль, что деревца, как ни ухаживали за ними шераральцы, как ни берегли, ни поливали, все равно едва ли не все засохли. . .

Старик неспешно произнес:

— Народец-то у нас только с виду прост. Но живем в степи, привыкли вдаль глядеть, за версту отличать плохое от хорошего. О вас вот уже пошла молва: не о себе вы, а о деле заботитесь. Такому человеку грех не пособить. Охотно помогать лесхозу станем.

Темирджана смутила похвала. Он сказал, что конечно же старается, едва ли не каждую пядь земли на своем участке изучил, бумаги все необходимые подготовил тоже, хотя, по чести говоря, конца писанине не предвидится. Но не все, к сожалению, зависит от него и даже от Таджитдина, возглавляющего лесхоз.

Даулбай-ата понял, что задел большое место.

— Эх, родной мой! — вздохнул он. — Лодка и та плывет медленней, чем гребцам хотелось бы. Но главное, чтоб направление было верное, тогда она и причалит, где надо. А у вас дело нужное, и благословили его, как я понимаю, на самом верху — в Ташкенте, а может, и в Москве. Значит, следует набраться терпения и не огорчаться зря. Придут нужные приказы, а люди наши вас поддержат, вот увидите.

И чтоб отвлечь Темирджана, старик заговорил о том, что вырастить сад может лишь настоящий человек. Вот, к примеру, Бабур! Чинары, посаженные им в Фергане, до сих пор живы. . .

Вершина, которая видна, кажется близкой. . . Когда Темирджан ехал сюда, к Аралу, он думал о том, как бы скорее осуществить отцовскую мечту — вырастить леса в этом от века пустынном краю и самому еще услышать, как зашумят кроны высоко над головой. Он помнил, что ответствен перед памятью отца, перед собой. А нынче старый Даулбай напомнил ему, что есть и более высокий судья.

В давние времена был Шерарал островом, таким небольшим, что, отправившись в путь утром, можно было к вечеру обойти его. И племя обитало здесь немногочисленное, но гордое и красивое. Только ему одному принадлежали эти чистые песчаные берега, эти могучие волны, которые накатывались на Шерарал из бесконечного простора. Рассказывали старики, что там, где море сливается с небом, есть иной мир. Слова эти будили жгучее любопытство у молодых. Каков он, тот неведомый мир? Хоть одним глазком хотелось взглянуть на таинственные края. . .

А волны творили свое: и созидали, и разрушали. Они слизали одиннадцать островков, которые жались к Шераралу, словно цыплята к наседке, но зато подняли со дна морского шестнадцать новых островков, которые вытянулись цепочкой до самого Устюрта — бесплодной степи, потом соединились между собой, и стал Шерарал полуостровом.

Множество озер, следов моря, осталось на узкой и длинной косе. Вся она покрылась густыми зарослями трав, кустарников и камышей. В непроходимой чаще расплодилось кабаны, лисы, бобры; водились здесь даже тигры. Фазанов можно было брать едва ли не голыми руками. На свежих от влаги лугах паслись несметные табуны и отары. Рыбу из озер черпали ковшами, далеко окрест разносились голоса диких гусей и уток, гордо выплывали из тростников белые лебеди.

Был Шерарал столь прекрасен, что владыки могучего племени Кунград избрали его местом своего отдыха и увеселений. Они воздвигли каменные строения, вокруг которых раскидывались высокие шатры из белой верблюжьей шерсти, насыпали курганы, на которых возжигались яркие костры, так что ночь превращалась в день, когда здесь устраивались пиры, игры и пляски. Исполненные достоинства джигиты, чернобровые девушки выходили на состязания, в которых парни оказывались победителями далеко не всегда.

Но прослышал о Шерарале хан хивинский, известен он был тем, что избивал даже невинных, а уж того, кто чуть не угодил ему, наказывал лютой смертью. Хан двинулся на Шерарал с огромным войском. Не только мужчины, но и отважные женщины вышли против врагов и бились с невиданной доблестью. Поля покрылись тру-

пами, озера наполнились кровью, дома охватило пламя. Двадцать восемь дней и ночей пылал Шерарал. Не покорившись врагам, шераральцы отошли на север и укрылись в крепости Бузутау. Тут же вслед за ними последовали и враги. Они разбили у стен крепости лагерь, разоряли округу, хищно уничтожая все живое, пировали по вечерам и дожидались, скоро ли в Бузутау иссякнут запасы пищи и воды.

Осажденное племя гибло от болезней и голода. Высыхали без воды деревья. Дети надрывали сердца матерей плачем. И тогда старейшины племени вновь собрались на совет. Один сказал: надо склонить головы перед силой. Другой яростно возразил — лучше умереть, чем жить рабами. Третий уповал лишь на бога и призывал всех к новым иступленным молитвам. Поднялся самый незаметный старик и сказал, что следовало бы хоть по горсти собрать оставшееся зерно, накормить им нескольких быков, а затем выгнать животных за пределы крепости. Враги зарежут их, обнаружат в желудках пшеницу, непременно решат, что запасов зерна у племени хватит еще надолго, и снимут осаду.

Со стариком согласились лишь после долгих споров, однако убедились вскоре, как был он прав. Вражеский пир, на котором были съедены пойманные у ворот крепости быки, прошел в необычном молчании, а утром за клубилась пыль на дороге, и убралось восвояси злое войско хивинского хана.

Не было предела радости осажденных. Но, на беду, полынь прорастает и несеянная. Какой-то надменной байской дочери давно приглянулся вражеский военачальник. Не привыкла красавица эта поступаться прихотями своими и послала вслед уходящим врагам стрелу с письмом, умоляя возлюбленного о последнем свидании. Когда же встретились они, то, истомленная жаркими ласками, поведала предательница об уловке, к которой прибегли ее соплеменники, чтоб обмануть врагов.

В тот же день жестокие недруги вернулись. Они ворвались в крепость по трупам ее защитников, старейшин повесили, мужчин убили, юношей сделали своими рабами, а девушек — наложницами. Не избежала злой кары и изменница. «Тот, кто предал родных, не станет другом для чужих» — так сказал человек, чьи поцелуи еще не остыли на губах байской дочери. Он привязал ее к свое-

му скакуну и поволок за собой по степи, когда войско его, опьяненное победой, с гиканьем и свистом помчалось в свои края.

Позади остались разрушенные дотла Бузутау и Шерарал. Горько рыдал, глядя на пепелище, увенчанный славой певец Ходжинияз: «Уж лучше ослепнуть мне, чем видеть горе народа своего». И продолжал так:

Дева черноглазая, печальна, как Лейли,
И вдова-отшельница медленно прошли.
И, сжимая горсточку горестной земли,
Встали пред конями, Бузутау...

Враги не пощадили и певца:

Тут раздался выстрел — обагрил рассвет,
От цепей жестоких нам спасенья нет.
Девушка и пахарь, воин и поэт,
Стали мы рабами, Бузутау.

Край ты наш любимый, край ты наш родной,
Вряд ли нам разлуку пережить с тобой.
Мы к тебе вернемся тайною тропой —
Ты повсюду с нами, Бузутау.

Шли годы, но даже смельчаки не решались посетить развалины некогда процветавших селений. Край опустел. Здесь обитали теперь скорпионы и змеи да появилась страшная болезнь — проказа. Заболевший ею был обречен на медленную мучительную смерть, и беспощадные ханы ссылали сюда тех, кого злой волей своей обрекли на гибель. Никто никогда уже не возвращался с Шерарала. Потому и получила эта местность печальное имя: Барса-Кельмес — «Пойдешь — не вернешься».

Однако доброе время лечит души, сушит слезы, возрождает к новой жизни людей и землю. Пришла благословенная пора и для Шерарала. Взвилось над полуостровом кумачовое знамя, потекла голубая вода по трем новым каналам, выросли дома и поселки, поднялись деревья, защебетали птицы в их ветвях, налились янтарным соком виноградные гроздья.

Сорок отважных воительниц защищали от врагов эти края в века легендарные. Сорок тысяч человек живут и трудятся на Шерарале, и о них, придет час, тоже

сложат легенды, пусть герои будущих сказаний заняты сейчас делами самыми обыкновенными: работают в рисоводческих совхозах, пасут отары в степях, выходят в море на рыбачьих сейнерах и каюках, учат своих детей в светлых школах, смотрят кино в районном клубе.

С каждым днем Темирджану все больше нравились эти места, и постепенно он забывал о дурном наследстве, которое принял от нечистого на руку предшественника. Вновь и вновь исследовал он участок между двумя кишлаками, где так неудачно начались лесопосадочные работы.

Как-то, изнемогая от жажды, направил он усталого коня к зеленому кукурузному полю и обнаружил, как и ожидал, неподалеку от него голубой родничок, питавший посеvy. Вода показалась Темирджану слаще sherbeta. Воздух был неподвижен, и потому поверхность небольшой естественной чаши напоминала зеркало. В нем отражались зеленые травы, серебристые ветви джиды, а еще глубже — осколок неба с легкими лоскутками облаков. В щедром солнечном освещении кукурузные листья казались блестящими мечами. В зарослях приглушенно выбивали дробь перепела. Жужжание пчел сливалось с однообразным шумом воды на ближайшем перепаде.

Только теперь ощутив по-настоящему усталость, Темирджан прилег рядом с родником. Покой и тишина невольны пробудили грезy. Он вспомнил Юлдуз. Тоска по ней была неизбывна, и не с кем было поделиться грустью. И все же была сейчас его печаль легка. Природа неизменно действовала на Темирджана исцеляюще. Он даже задремал и невольно вздрогнул, услышав рядом с собой тонкий голос, напевавший незатейливую мелодию.

Он приподнялся и посмотрел вокруг. По тропинке, которая вилась, будто змейка, посреди кукурузного поля, совсем юная девушка, лет семнадцати, гнала прутом корову. Девушка была белолица, с чуть приплюснутым носом и шаловливым взглядом. На ней было длинное платье, на ситце ярко пламенели крупные розы. Она увидела Темирджана и оборвала песенку, застыв в растерянности. Корова тоже остановилась, недовольно мо-

тая рогатой головой. Девушка нетерпеливо толкнула ее в округлый бок, иди, мол, вперед.

— Неужели так и пройдешь мимо, даже не взглянув на человека, который влюбился в твою песню? — шутиливо спросил Темирджан.

Лицо девушки снова посветлело. На губах мелькнула улыбка.

— А я вас узнала!

— Тогда говори, кто я?

— Вы этот, как его... Лесник. Деревья здесь сажать будете. Отец рассказывал, скоро у нас настоящий лес поднимется.

— А про фруктовые сады он ничего не говорил?

— Ой! И сад, оказывается, будет? А какие деревья там будут расти?

— Яблони, вишни, абрикосы. И виноградник будет, и орешины.

— Вот это славно! Вы только поскорей сажали бы их.

Корова с шумом пила воду из прохладной родниковой чаши. Небо в ней покачнулось, пришло в движение. Замелькали листья, облачка.

— Ты нам, надеюсь, тоже будешь помогать?

— Да я не сумею, что вы! Как же это?

— Будешь вместе с другими рабочими сажать молоденькие деревца, ухаживать за ними станешь, от потравы беречь.

Девушка взглянула на него лукаво, совсем по-взрослому.

— И скоро начинать?

— Да этой осенью.

— Ладно, — она дернула аркан, которым была обмотана шея коровы, потащила грузное животное за собой, а потом, опять оглянувшись, добавила: — Двух братьев своих приведу: одного — младшего, другого — старшего,

Она уже скрылась среди кукурузных стеблей, а Темирджан еще долго глядел ей вслед.

Изо дня в день он продолжал обход. По мере удаления от Арала становилось все пустынней. Куда ни кинь взгляд — песчаные холмы. Изредка мелькнут между ними кустики джингила или янтака — верблюжьей колюч-

ки. Многотерпеливые саксауловые деревья с твердокаменными стволами стоят по колено в пылающем песке, прислушиваясь к благодатной воде, шумящей в отдалении. Не верится, что рядом — шумное селение, где беспечно поет смешливая девчонка. Красота и унылость, оживленность и тоскливое безмолвие, радость и печаль — все слито, все без переходов. Но именно потому и решил Темирджан начать посадки именно на Шерарале, где нужно исправить просчеты природы.

Таджитдин, услышав об этом, решил, что Темирджан шутит. Но тот стоял на своем:

— На самом хвосте разобьем массив, который займет пятьсот гектаров. Двести из них — под орешины. Это — лишь в первом году. А затем освоим следующие триста.

Тогда Таджитдин засмеялся:

— Да ты бы уж сразу отхватил пять тысяч! Зачем же на мелочи размениваться?

Темирджан конечно же почувствовал насмешку.

— Я говорю вполне серьезно.

Таджитдин положил руку ему на плечо и с силой повернул Темирджана лицом к себе.

— Не чуди! Тебе что, земли между Ойкуюром и Мойкулом мало?

Темирджан сбросил его руку.

— Я давным-давно все обдумал.

Он даже искал способ, чтоб устранить главное препятствие — на возвышенность у оконечности полуострова трудно было подать воду. Сложность состояла в том, что эта местность не была включена в план работ даже в будущем. Наверху полагали, что, если будет освоено пространство между двумя кишлаками, почин будет сделан отменный. К тому же у Таджитдина, который знал регион лучше, чем Темирджан, были и дополнительные доводы; к ним тоже следовало прислушаться. Он напоминал, к примеру, что море время от времени заливают своей соленой водой. Вряд ли молодые деревья после такого купания выживут. А сооружение дамб — дело дорогое. Осуществимое, конечно, но только не надо опережать события: девушка, которая торопится замуж, зачастую старится в одиночестве.

— Ты печешься о плане, я — об этом крае, — упрямо твердил Темирджан. Ему очень хотелось добавить, что

еще Мардон Юлчиевич предупреждал: полумерами ограничиваться нельзя. Но об этом он промолчал.

— Слушай, дружище,— сказал примирительно Таджитдин,— ей-богу, не хочется спорить попусту, да еще в такую, как сейчас, жару. Пойдем-ка присядем в тени, отдохнем малость, а то сгоришь на этом песке. . .

— Да ты что? Решил, что я спятил или на солнце перегрелся? Не беспокойся: я в здравом уме. Потому и полагаю, что недостаточно озеленить клочок земли и сказать людям: вот вам долгожданный лес! Я хочу, если уж потрачу на это годы и силы, чтобы после меня здешний край и впрямь стал иным. Это — не громкие слова. К чему иначе вся затея?

Исчерпав словесные аргументы, Таджитдин наклонился, зачерпнул пригоршню песка и сунул ее едва ли не в лицо Темирджану:

— Это что, по-твоему,— почва, подходящая для деревьев?

Темирджан резко отбросил его руку.

— На этом песке,— сказал он, стараясь оставаться спокойным,— вон видишь — в тех усадьбах растут яблони; ветви на них обламываются под тяжестью плодов! Там виноград такой, какого в самом Маргилане не сыщешь. А в тени карагачей дюжина всадников укроется. Что, по-твоему, почва там — привозная? Неужто ты, прожив здесь столько лет, не удосужился понять, что все эти сады произросли вот на таком же точно песке.— Темирджан в свою очередь поднес к глазам Таджитдина горсть, затем швырнул песок в воду и омыл руки в волнах, подбиравшихся к самым ногам.

Таджитдин, однако, не уступал.

— Как ни крути, а три тысячи гектаров — слишком много. Никто не выделит нам для такого объема работ ни средства, ни технику. Давай-ка уж лучше откажемся, друг, от неосуществимых замыслов. Тем паче что шагаем-то по дорожке, никем не проторенной! Как бы нам ненароком в яму не свалиться со всеми нашими мечтами.

— Решим так: ответственность я беру на себя. Если позор — то только мой. Но я уверен. . .

— Нет уж, друг,— прервал его Таджитдин,— не выйдет. Не имеем мы права рисковать народными деньгами.

— Неужто ты не понимаешь, Таджитдин, что деньги, большие или малые, надо тратить с толком, а для этого необходимо учитывать перспективу?

Таджитдин вздохнул. На лице его, когда он бросил искоса взгляд на Темирджана, было ясно написано: «Предупреждали же меня люди: характер у Юлчиева — невыносимый». Его вдруг прорвало:

— Я понял наконец, что тебя привлекло в наши края. Тебя папашины научные прогнозы волнуют — и все! А нам мылят шею за экономику, за конкретные результаты. Нам не до красивых мечтаний. Мы — чернорабочие науки, понял? Нам план спускают и требуют: кровь из носу, а выполни. И мы выполняем и выполняли, как ни странно, без помощи умников, подобных тебе.

Темирджан опешил от такого напора.

— Послушай, друг, ты напрасно укоряешь меня, — попытался он возразить, но Таджитдин продолжал раздраженно:

— Нет уж, дорогой мой, послушай прежде ты. Я напому тебе, что наш лесхоз занимает в республике первое место. О нас в газетах пишут, премии дают. Думаешь, все это само по себе пришло? Да это я, коли на то пошло, навел здесь порядок, поднял отстающее хозяйство до передового, ни времени, ни сил ради этого не жалел, а тут является такой мудрец, как ты, и хочет единым махом все перечеркнуть. Я тебе хочу просто напомнить, что здесь — не лаборатория и не опытный участок. Здесь про-из-вод-ство! А у него — свои законы и порядки, и даже ты обязан подчиняться им.

Темирджан вспыхнул.

Оба почувствовали, что находятся на грани размолвки, после которой трудно будет работать вместе. Все же благоразумней оказался Таджитдин.

— Кончим! Чем больше мы говорим об этом, тем сильнее распаляемся. Мне, между прочим, тоже, когда я только прибыл сюда после института, казалось, я землю переверну, столько сил в себе ощущал. Вот только точки опоры не хватало, но это, как тебе известно, проблема давняя.

Темирджан хотел снова возразить, но и он взял себя в руки, понимая, что продолжение спора может сейчас привести только к разрыву

Они долго шагали молча. Море вскипало легкой во-

льной. Прохладный ветерок обдувал разгоряченные спорами лица. На мокром песке оставались их следы. Рядом, шаг в шаг.

На краю мыска Чапкул пощипывали скудную травку, пробившуюся около жиденького кустарника, их кони. До самого кишлака ехали они, думая каждый о своем, и все-таки — об одном и том же.

— Запомни,— сказал Таджитдин, прощаясь,— я рад тому, что мы работаем вместе. И не надо, ради бога, обижать друг друга, тем более — попусту.

Значит, он остался при своем мнении: идея Темирджана — не более чем утопия, рассуждения мальчишки. Что ж, убеждать надо фактами и делом. И Темирджан вновь засиживался над проектом почти до рассвета. Основа была прочная — строгий и обстоятельный труд, созданный его отцом, Мардоном Юлчиевичем. С той поры, когда отец занимался проблемой облесения (слово это не нравилось Темирджану, однако употреблялось постоянно в специальных книгах и документах, так как точнее других отражало самую суть предприятия, цель которого состояла не в том, чтобы высадить где лесополосу, где рощицу на песках, а в том, чтобы превратить пустыню в лес), прошло немало лет и очень многое изменилось. И страна, и каждое ведомство, которое призвано было участвовать в преобразении Приаралья, стали теперь куда богаче, а кроме того — появилась новая техника, которую Мардон Юлчиевич считал принадлежностью весьма отдаленного будущего; на смену металлу пришел капрон, а на смену стеклу — полимерная пленка. Да только ли это? И приходилось часами гонять каретку по логарифмической линейке, пересчитывая данные, и составлять новые, отвечающие времени обоснования, расчеты. . .

Добро, хоть старый Даулбай нет-нет да и подбадривал Темирджана, ссылаясь на собственный опыт: как бы сложен ни был фарватер, надо верить, что приведешь свое судно к цели. Жизнь что река: покоряется тому, кто перед ней не робеет.

Однако и Таджитдин, кажется, повел себя не как упрямый, одержимый болезненным самолюбием руководитель, а как благоразумный человек. Он сам пришел к Темирджану, долго сидел над его бумагами, а потом сказал, что заберет проект с собой, чтобы изучить осно-

вательней. Впрочем, звучное слово «проект» он не позволил себе употребить. Назвал скромнее — предложения. Темирджан спросил, как отнесется Таджитдин к тому, если статью об этих предложениях — пусть будет так — он напечатает в журнале? Таджитдин воспринял это без восторга, но и не возражал. Однако дни шли за днями, а он не откликнулся на проект Темирджана, да и редакция помалкивала. Темирджан вспомнил, что у печати есть обычай, вообще-то справедливый: согласовывать выступление рядового работника, если речь идет о вопросах основополагающих или спорных, с руководством. А что если Таджитдин?.. Впрочем, даже думать об этом не хотелось, а тут еще и жизнь в этом первозданном краю подбрасывала приключения, которые ему в городе и не снились.

III

Вечером старуха хозяйка, выходявшая за водой, вернулась с полпути с пустым ведром. Ее невнятное «ву-у-у» звучало особенно тревожно. Даулбай, который непостижимым образом понимал немую, вскочил, словно ужаленный скорпионом.

— Коня вашего нет! — воскликнул он и сам побежал во двор, опережая Темирджана.

Гнедого у коновязи, где оставил его Темирджан, не было. Исчез и куций пес. Ворота были распахнуты настежь. Очевидно, их забыли нынче закрыть. Впрочем, особой необходимости в том не было, по крайней мере — до сих пор.

Темирджан решил, что конь бродит где-то неподалеку, но в ближних улочках его не оказалось, а редкие встречные отвечали, что не видели никакого коня. Вечер был прохладный, а Темирджан выскочил как был, в одной рубашке, но тем не менее покрылся испариной. Он миновал широкую улицу с накатанной машинами колеей, заглядывал почти во все дворы, куда мог забрести гнедой, но напрасно.

Вскоре он почувствовал под ногами жесткую степную почву. Лай кишлячных собак стал едва слышен. Над головой стояло небо, полное крупных звезд. Верблюжья колючка цеплялась за штанины, больно царапала ступни. Он был в безлюдной степи. Стрекот кузнечиков и цикад стал оглушительным. Все чудилось, что где-

то в стороне стоит гнедой, но неизменно оказывалось, что это — куст саксаула. Порой Темирджану слышалось, будто его кто-то догоняет, задыхаясь на быстром бегу, или вдруг доносилось до него стенание — не то женщина плачет, не то дитя. По спине пробегали мурашки, и страх невольно закрадывался в душу.

Он выбежал на край обрыва и остановился, чтобы отдышаться и успокоиться. Перед ним раскинулась балка, такая глубокая и длинная, что даже сейчас, в темноте, можно было ясно различить ее очертания. «Будто рана, оставленная в теле земли гигантским кинжалом...» — невольно подумал Темирджан. Балка эта значилась и в его проекте под названием Лисий овраг. Ее следовало, как предлагал Темирджан, засадить по краям деревьями, а склоны использовать для разведения виноградников, как это делается в Молдавии.

Теперь он сообразил, куда забрел во тьме, и уже прикидывал в уме, как отыскать дорогу домой, но тут до него донесся слабый запах горящего кизяка. В такую пору одинокие путники зажигают его в степи, чтобы отпугивать мошкору, которая немало досаждала сейчас и Темирджану.

Подчиняясь вековому людскому опыту, Темирджан двинулся туда, где был другой человек. Он шел долго, пока не услышал, как в темноте пофыркивает конь. Темирджан едва не наткнулся на него. Конь шархнул в сторону, что-то напоминающее выюк поползло с седла вбок, и тут же раздалась забористая и злая ругань. Человек, который вел коня в поводу, подхватил поклажу, поправил ее на седле, и в нос Темирджану ударил густой запах свежей крови.

Лицо незнакомца нельзя было различить. Темирджан заметил только, что у человека, который теперь и сам вскочил верхом на коня, могучий торс, мощная грудь, большие руки. «Словно див степной», — подумал Темирджан. Всадник резко хлестнул коня, еще раз выругался и сгинул во тьме. Голос его показался Темирджану знакомым. Однако вспомнить, где он слышал его прежде, Темирджан не смог.

Море шумело где-то неподалеку. Береговой ветер разгонял сонмища мошкеры и комаров. Темирджан решил, что неподалеку — Чапкул. Вот и огни появились впереди. Досадно, конечно, что он так и не отыскал

своего гнедого, но оставалась слабая надежда, что коня нашел Даулбай. Темирджану показалось, что это именно так; он словно уже видел своими глазами жеребчика, привязанного к колу.

Сказывалась усталость, но надо было идти: иного выхода не было, если не желаешь оказаться в лапах у ночного хищника. Подумав об этом, Темирджан почему-то вспомнил не волков или тигров, которых, по правде сказать, давненько никто в этих краях не встречал, а — непонятно почему — всадника с его окровавленной ношей. Огни неожиданно исчезли, словно погасли все разом. Дорога, на которую вышел наконец Темирджан, разветвилась. Он решил идти по левой, потому что она была ближе к берегу. На это указывал несмолкающий шум воды. Не прошел он и сотни шагов, как ему показалось, что он уже — на сельской улице. Но он обманулся. То, что он принял за дома, было всего-навсего огромными кучами земли, насыпанными барсуками. Дальше была тьма и тишина. Он вернулся к развилке, поднялся на возвышенность. Крикнуть, что ли? Но кто его услышит.

И вновь побрел он в каком-то оцепенении и не сразу понял, что движется вдоль глиняных дувалов по тесной кишлачной улочке. Тут же его окружила свора собак, все они громко лаяли, а самые наглые даже норовили ухватить за ногу. Напрасно пытался Темирджан разыскать в темноте камень или палку, — ладонь его нащупывала только песок. К счастью, из ближней калитки вышел подросток лет тринадцати, пинками разогнал псов и тут же, видно сочтя свою миссию завершенной, направился обратно, домой.

— Эй, малый, погоди-ка! — Темирджан даже за рукав ухватил подростка. — Скажи, как мне пройти к дому Даулбая? Да не бойся ты: я лесовод, тот самый, который из Ташкента приехал.

Парнишка исподлобья взглянул на Темирджана и ничего не ответил. Темирджану пришлось снова растолковывать ему, что он заблудился и хочет разыскать усадьбу Даулбая.

— Да не слыхал я никогда ни про какого Даулбая, — откликнулся подросток, и в голосе его почудилось Темирджану недоумение.

— Но как же? — несколько растерянно произнес Те-

мирджан.— Капитан Даулбай, а жена у него — немая. Да их все в округе знают.

Подросток молчал, тупо уставившись в землю.

— Это селение Чапкул? — догадался наконец спросить Темирджан.

— Нет.

Темирджана даже пот прошиб мгновенно.

— Как так? Не может быть,— он усомнился в умственных способностях своего собеседника.— А что же это за кишлак?

— Аул Унгулок,— вполне разумно ответил парнишка.

— Слушай-ка, есть в доме кто из старших? Позови кого-нибудь, кто может толково объясниться.

— Отец есть,— ответил парнишка, ничуть не обидевшись.— Сказать ему, чтоб вышел?

— Да-да!

Как назло, вновь начала донимать мошкара. Темирджан уже расчесал на лице кожу до крови. Парнишка исчез — как сгинул. Мог и позабыть о незнакомце, донимавшем его трудными вопросами. Впрочем, во дворе послышались голоса, женские вскрики, потом донесся густой кашель, и из калитки вышел мужчина с торчащей вперед бородкой. Он долго молча рассматривал Темирджана.

— Добрый день! — приветствовал его Темирджан.— Я сбился с дороги. Мне нужно попасть в Чапкул!

Все так же, не произнося ни слова, хозяин усадьбы протянул ладонь для рукопожатия. Он будто не замечал, что парень устал вконец, даже волосы у него прилипли ко лбу.

— Э-э! — воскликнул мужчина.— Чапкул-то ваш не здесь. Далеко ваш Чапкул.

— Как же мне добраться туда?

Мужчина вышел на середину дороги и поманил за собой Темирджана. Он указал рукой как раз в ту сторону, откуда только что пришел Темирджан.

— Пройдешь, дружок, версты две, а там останется — три-четыре. А может, и пять...

Ничего иного не оставалось Темирджану, как поблагодарить за объяснение. Путь был указан ему столь невразумительно, что он уже решал про себя: не заночевать ли где-нибудь в этом кишлаке?

— Эй, дорогой! — неожиданно окликнул его бородач. — Ты сам-то кем будешь? И чего это ты заблудился? Куда тебя понесло по степи в такую пору?

Темирджан стал объяснять, кто он и что с ним произошло, упомянув поневоле имя своего хозяина — Даулбая.

— Ву-уй, дорогой, — мужчина заволновался. — Что же ты сразу не сказал? Постой, у меня машина есть, я на ней живо тебя подброшу до самого места. Давай знакомиться. Зовут меня Унгарбай, а по фамилии — Джуманазаров. А тебя как?

— Юлчиев Темирджан.

— О, как хорошо! Заходи, заходи, я сейчас... — и, вмиг став радушным, хозяин повел его к себе во двор.

Посреди двора росло высокое дерево, на котором висела яркая лампа. Рядом на супе была расстелена постель, а над ней натянута сетка от мошкеры. Время было не раннее, однако никто из домашних еще не ложился. Из-под супы выскочила с заливистым лаем собачонка, но тут же завиляла хвостом и потерялась о ноги Темирджана. Женщина с большими выпуклыми глазами едва взглянула на Темирджана из-под насупленных бровей. Муж сделал движение, будто хотел представить ее Темирджану, но женщина демонстративно отвернулась и принялась развешивать на корявых ветвях урючины кувшины с молоком. Маленькие девочка и мальчик прятались у нее за юбкой. Мальчик, он был постарше, выглянул, показал язык Темирджану и спрятался снова.

Хозяин надолго исчез. Наконец, в глубине двора слышалось чихание мотора, а вскоре к воротам выкатился из темноты старенький, еще самого первого выпуска «Москвич».

Унгарбай, судя по всему, делал все обстоятельно. Он так долго возился с запором у ворот, что Темирджан вновь почувствовал себя неловко рядом с хмурой женщиной. Он знаком позвал к себе мальчика, и тот, не без колебаний отважившись на рискованный шаг, двинулся было к незнакомому дяде, но тут супругу Унгарбая словно прорвало.

— Хе! — воскликнула она возмущенно. — Ты уж и детишкам в душу влезть хочешь, как успел влезть в душу отцу.

Унгарбай обернулся и жестом показал Темирджану: не обращай, мол, внимания на нее.

— Слышь, жена,— обратился он к женщине, впрочем не очень грозно, скорее просительно,— я тут прокатиться решил. С другом. Он же — лесовод. . .

— Слышала! — перебила его жена. — Не глухая. Уже и друг? Хе! При нем говорю: уйдешь в свою пустыню, забирай тогда с собой и свои пожитки, а я тебя знать не желаю, хоть мы и прожили двадцать лет душа в душу.

Только теперь понял Темирджан причину дурного настроения женщины, а заодно — непонятного поведения Унгарбая. Дело, выходит, в том, что Унгарбай, оказывается, один из тех, кто первым решился работать на лесопосадках. Однако Темирджан так устал, что не в состоянии был сейчас переубедить женщину, и все же он сказал первое, что пришло на ум:

— Мы собираемся полезное дело делать — деревья сажать.

— Для вас — полезное! — снова вскипела женщина. — Будто не знают все о том пройдохе, который еще до вас взбаламутил здесь добрых людей, оставил их ни с чем, а сам укатил восвояси на новенькой «Волге» — не то что эта тарахтелка, — она кивнула в сторону старого «Москвича».

— Эй, женщина! — снова подал голос, стараясь придать ему строгость, хозяин. — Зачем машину обижаешь? — Он обратился к Темирджану: — Садись быстрей, друг, поедем. Час-то поздний.

Но жена не унималась:

— Подумали бы прежде, что я буду после нашей усадьбы, после этого райского уголка, делать в вашей пустыне, в беленом доме? Пусть в нем даже кран есть, захочешь — вода потечет. На что мне все это, когда вокруг — все чужие? Ты его с пути сбиваешь, блага сулишь, а он и развесил уши. Легко тебе без детей, а у него-то — мал мала меньше.

— Хватит! — прикрикнул все же Унгарбай. — Что о нас теперь добрый человек подумает?

— Для тебя, может, и добрый, а мне ни до него, ни до его чахлах саженцев никакого дела нет!

Взревел мотор, потому что Унгарбай дал полный газ, чтоб заглушить излияния супруги, но она закричала:

— Уедешь в степь, забирай с собой свои манатки, а я тебя больше знать не хочу! Бог даст, не пропаду и одна с детьми. В родимом доме и стены помогают.

— Ума не приложу, что с бабой стряслось? — произнес, пожав плечами, Унгарбай, когда они выкатили за околицу. — Сроду не случалось с ней такого. Всегда смиренная была, тени моей боялась, а тут...

Темирджан, впрочем, не очень поверил ему насчет тени после произошедшей сцены, но обеспокоило его другое. Оказывается, далеко не все шераральцы горят желанием помогать лесоводам. Конечно, можно понять эту женщину, которой и подумать-то страшно, что придется разрушить сложившийся годами уклад, оставить тенистый двор и отправиться вслед за мужем, как велит долг, в пустынную степь, в дом, который только горожанке кажется удобным; а надо, чтоб и коровка рядом была, и дыплята. Не может она и представить, как это люди молоко в магазине покупают...

Унгарбай между тем рассказывал:

— Я, дорогой мой, и механик, и шофер, почитай лет пятнадцать почту сюда возил из райцентра. Ну, как-то недавно зовут в райисполком. Зашел, думал, поручение какое, а мне и говорят: есть, мол, такое мнение, товарищ Джуманазоров, что должен ты перейти на работу в лесхоз. Леса, говорят, на Арале — это наша сегодняшняя задача. Ну, я отвечаю, конечно, что мне это понятно. В партию вступал, писал в заявлении: хочу трудиться на переднем крае, ну, а если сейчас передний край — пустынная степь, пойду туда.

А хозяйка моя — на дыбы. Верите, дорогой, я кого угодно, хоть целое собрание могу убедить, если сам я прав, конечно. А вот с ней никакого сладу нет. Слышали сейчас сами, как вопрос ставит. Ребром!

Глаза Темирджана слипались, голос Унгарбая доносился словно из дальнего далека. Не было ни сил, ни желания отвечать. Он даже забыл на какой-то миг, с кем и куда едет. Закружилась голова. Огромная птица распростерла над ним крылья, и все погрузилось в крошечную тьму. Из мрака выскочил всадник, набросился на Темирджана с яростной руганью, взмахнул нагайкой... Лицо всадника окровавлено, и конь под ним блестит от крови. И запах ее невыносим до тошноты.

Машину качнуло на ухабе. Темирджан открыл глаза. Дорога, молочно-белая под светом фар, втягивалась под колеса. Справа шумело море, а Унгарбай продолжал изливать душу. И теперь Темирджан понял, почему так холодно встретили его в этом доме: мальчишка сообщил матери, что у калитки — лесовод. И о другом он подумал, пожалуй куда более важном: без помощи райкома им дело не поднять.

IV

Рассвет в здешних краях наступает рано. В летнюю пору не успеет пробить четыре, как восточный край неба уже светлеет. Кричат петухи, мычит уходящий на пастбище скот. Шуршит песок под множеством копыт. Хозяйки уже подоили коров и теперь месят тесто для утренних лепешек. Всевластная жизнь царит и здесь, на полуострове, который, если взглянуть на него с высоты птичьего полета, кажется небольшим взгорьем между степью и аральской гладью.

После ночного приключения Темирджан встал позже, чем обычно, да к тому же никак не мог прийти в себя. Поставив зеркальце на подоконник, он нехотя брился и рассеянно поглядывал на Даулбая, который уже возился во дворе по хозяйству. Мысли о пропавшем коне не оставляли Темирджана. Казалось, во всей округе места не осталось, где не побывал бы либо он, либо Даулбай-ата. Правда, Даулбай-ата утешал Темирджана, ссылаясь на собственное предчувствие: оно, мол, никогда не обманывало его, а он уверен, что гневой найдется. Но все же и сам старик, и хозяйка даже ступали по двору нынче тихонько, будто опасаясь неосторожным шагом усугубить душевную боль Темирджана.

Вдруг Темирджан увидел, как немая поспешно вбежала с улицы. Невнятные звуки, которые издавала она, были громки и даже как будто радостны. И тут же у ворот показался Таджитдин. Он ехал верхом, а в поводу держал гнедого жеребчика.

— Вот и привел я твоего Буцефала, — произнес Таджитдин, не скрывая торжества, но и несколько насмешливо глядя на выбежавшего ему навстречу Темирджана. А тот и впрямь словно с другом пропавшим встре-

тился. Он обнимал гнедого за шею, гладил его по морде, терся щекой о густую гриву.

— Хвала судьбе! — возгласил Даулбай-ата, весьма довольный еще и тем, что предсказание его сбылось. — Я же говорил, найдется он. Давай-ка веди его к кормушке, голодный небось.

— Да нет! — Таджитдин усмехнулся. — Он же всю ночь пасся. Прибился, оказывается, аж к кунградскому табуну. На рассвете табунщик глянул: чужой конь с оборванным поводом. Парень честный оказался, сразу же сообщил в колхозную контору. А я утречком туда заглянул за почтой, мне и говорят, посмотрите, не ваш ли жеребчик заблудился? Ну, а уж этого гнедого я среди ста тысяч узнаю. Когда он от вас сбежал?

— Пршлым вечером, — ответил Даулбай-ата. — Мы искать кинулись, а Темирджан и сам-то заблудился. Спасибо, Унгарбай из Унгулока на своем «Москвиче» привез его.

Старуха жестаи пригласила к чаю с молоком — ширчаю. Темирджану сейчас казалось, что вкусней напитка свет не видывал. Таджитдин тоже пил, ел только что испеченные лепешки, похваливал. За завтраком оба просматривали свежие газеты и журналы. Вдруг Таджитдин нахмурился. Лицо его все более мрачнело по мере того, как он читал.

— На, любуйся! — он швырнул едва ли не в лицо Темирджану популярный иллюстрированный журнал.

Темирджан, однако, обрадовался и не обратил внимания на неуважительный жест Таджитдина.

— Вышла наконец! — воскликнул он, и губы его помимо воли раздвинулись в довольной улыбке.

На видном месте была напечатана его статья о будущем Шерарала. Художник добавил к фантазии Темирджана еще и собственную, весьма неумную: изобразил на рисунках густые леса, невиданные кустарники, дивные цветы, бескрайние поля. . .

— О чем речь? — поинтересовался Даулбай-ата.

— Друг наш опубликовал редкостное произведение, — ответил ему, не скрывая издевки, Таджитдин. — Только зачем и кому оно нужно? Вот вопрос, который он себе не удосужился задать, прежде чем марать бумагу.

Темирджан, поспешио прочитав статью, и сам огор-

чился. Кому-то в редакции захотелось убрать те строки, где речь шла о неизбежных трудностях, даже о риске, с которым сопряжено осуществление такого грандиозного дела, как превращение пустыни в благодатную природную зону. Остались в общем-то вполне справедливые рассуждения о пользе лесов, короткий рассказ о новом («Еще, между прочим, никем не одобренным!» — воскликнул возмущенно Таджитдин) проекте преобразования всего полуострова и еще то, что Таджитдин назвал пустопорожней лирикой: «...и меркнет курортная слава Крыма. Мы предпочтем ему Шерарал. Разве не целебней здешнее солнце, первозданно чистая, словно ключевая, вода? А благодатная тень, которую дарят леса, подступающие к самым пляжам! О Шерарале слагают газели, поют песни...»

Таджитдин между тем кипел:

— Видал я таких умников! Думает, одному ему в его мудрую голову пришли эти фантазии. Мы не глупей тебя, однако знаем меру. Дай нам бог сперва успешно выполнить нынешнюю задачу — защитить лесополосами от эрозии те земли, которые давно обрабатываются.

Вновь начинался застарелый, как болезнь, спор. Темирджан сказал, что вовсе не желал вводить в заблуждение шераральцев или еще кого. Цель у него была одна, и он ее не скрывал от того же Таджитдина: привлечь внимание самых высоких руководителей, ученых и в Ташкенте, и в Москве на то, что сам подход к проблеме должен быть более широким, больше соответствовать духу времени. К тому же Темирджан убежден, что лишь такой подход — не частные меры, не лесополосы и рощицы, а комплексное облесение всего полуострова даст настоящий эффект на многие и многие годы, в том числе — избавит и почву от разрушения на вечные времена. То же, что делается сейчас, напоминает усилия узколобого медика, который лечит не больного, а болезнь — снимает симптомы и успокаивается, а хворь-то лезет в глубь организма!

Об этом и в статье своей он написал примерно такими же словами, но их, к сожалению, кто-то выкинул.

Таджитдин даже губы покусывал, слушая его.

— А хочешь, я сразу тебя доводом, о котором ты и не подозревал? — спросил он. — Не кто иной, как отец твой, покойный Мардон Юлчиев, — а крупней его авто-

ритета в узбекском лесоводстве не было и нет,— напоминаю, если ты об этом успел забыть,— так вот, Мардон Юлчиев дал научное заключение, оно у меня имеется с подписью и печатью, о том, что он одобряет именно тот план, который я вынужден отстаивать теперь перед тобой, сыном Юлчиева! Понял ты, наконец, что противостоишь своим упрямством не только мне, но и собственному отцу?

Для Темирджана это и впрямь явилось неожиданностью. Он даже растерялся было, однако и теперь не мог отступить.

— Мне приятно, Таджитдин,— произнес он в раздумье,— что ты с уважением относишься к памяти своего учителя, к его заветам. Поверь, что и мне они дороги не менее. Однако напрасно пренебрег ты моими записками и разработками.

— Я отправил их для ознакомления по инстанциям, как положено. Не спрятал под сукно, не бойся!

— Вот именно — направил, а я полагал, что, как друг мой и как ученик отца, ты хоть бегло просмотришь их сам. Тогда бы ты убедился, что даже мысли моего собственного отца я слепо на веру не принимаю. Я уже говорил тебе, и не раз: отец не в состоянии был предвидеть все. Хотя бы то, какую технику мы сможем использовать через десять — пятнадцать лет. Когда отец писал свою работу, он еще ориентировался на старенькие «ДТ», даже кетменю и носилкам отводил немалое место. А канавокопатели или грейдеры, без которых нынче крупные лесопосадки не обходятся, он в расчет не принимал. Он знал, конечно, что существуют грузовые вертолеты, но все же не предполагал, что их могут прислать для обслуживания нашего лесхоза. И это еще не все,— Темирджан сделал предостерегающий жест,— подожди. Ты, Таджитдин, как-то обходишь вопрос, тоже далеко не маловажный; тебе ли не знать, что Мардон Юлчиевич рекомендовал научно обоснованную систему лесопосадок. А что вы сажали здесь до меня? — Он выкрикнул, не сдержавшись: — Ивовые породы, то, что можно было раздобыть без особых усилий.

— Между прочим, мы и тополя сажали,— пробормотал не очень уверенно Таджитдин — теперь пришла его очередь смутиться.

— Может, пройдем еще раз по засохшей лесополосе,

проценты подсчитаем? — с вызовом спросил Темирджан. — Неужто ты не понимал, какое количество дополнительной влаги требуется, чтоб ивовые принялись?

— Испокон веку их применяют для закрепления песков, — еще не сдавался Таджитдин.

— Верно! Но прежде сам тальник должен пустить как следует корни, а для этого надо, чтоб рядом был канал, а не жалкие арычки, по которым здесь трижды за сезон пускали воду. И опять же, не это главное, — продолжал Темирджан уже спокойней, видя, как обескуражен Таджитдин. — Отец все время пишет о мерах основополагающих. Потому и нам следовало бы, наверное, сегодняшнюю задачу рассматривать только в связи с общей. Пусть она нам еще не под силу сейчас. Вот в чем суть моего проекта. А ты даже полистать его не удосужился.

В голосе Темирджана прорвалась горечь, и Таджитдин, почувствовав это, поднялся и положил руку ему на плечо.

— К слову, и ты все время уходишь от очень важного момента, — произнес он по-доброму.

Темирджан вскинул на него непонимающий взгляд.

— За гнедого суюнчи с тебя причитается или нет?

— Само собой! — Темирджан, хотел не хотел, подержал его шуточный тон. — Хоть сейчас.

— Правильно! Молодцы, джигиты! — воскликнул и Даулбай.

До сих пор он только напряженно прислушивался к спору, хотя, по чести говоря, понимал в нем не все. Теперь же его обрадовало, что парни, как ему казалось, помирились, заговорили беспечно о магарыче и других радостных заботах, о которых и полагается беседовать на досуге молодым.

Темирджан уже снял с колышка свою плетку.

— Съездим-ка лучше в колхоз «Чапаев», что ли? — обратился он к Таджитдину. — Поглядим, как там семейные дела идут у будущих лесхозовских механизаторов, а то одного, который меня нынче ночью привез домой, жена грозилась лишить очага.

— Благо, нас самих никто не имеет права наказывать так жестоко!

— Пока! — уточнил Темирджан, и оба рассмеялись.

— А вообще-то забота о кадрах — дело начальника

участка. Дирекция здесь ни при чем. Потому-то она и спокойна,— произнес, дружески подтрунивая, Таджитдин.

Он уже подтягивал подруги своего коня, а старик поспешно седлал гнедого, который был, как обычно, нетерпелив и резв.

— Возвращаться будешь, наверное, один, сынок,— говорил старик.— Учти, путь от Караузенья, от колхоза «Чапаев», до нас — неблизкий, дорога то и дело пропадает, и в ясный-то день немудрено сбиться с пути, тем более — в темноте.

— Не беспокойтесь, отец, Таджитдин укажет мне путь — самый верный. Я на него надеюсь,— и Темирджан бросил на друга многозначительный взгляд.

...Гнедой шагал, высоко вскидывая голову, но вдруг, вовсе не понукаемый хозяином, срывался с места в карьер или, нечаянно подхлестнутый веткой, которую задел по пути, шараялся в сторону. Едва Темирджан натягивал легонько повод, конь вздымался на дыбы. Уже через два-три километра он начал выводить Темирджана из себя.

Местность, по которой скакали сейчас два всадника, ничем не отличалась от остального побережья: когда-то и здесь бушевало море, расстилало сахарную пену... Может, и древние лодки качались на волнах там, где теперь выбрасывали из-под копыт песок нетерпеливые кони. Песчаные холмы, гряда за грядой... Где кончается полуостров, где начинается Большая земля? Однако известно, что от перешейка в сторону безжизненного плато Устюрт протянулся многолюдный кишлак Ойкуюр. Он лег полумесяцем на берегу бухты, но волны продолжают вылизывать берег, все ближе подбираются к усадьбам.

На западном крае перешейка — точно такое же, правильным полумесяцем изогнутое селение Мойкул. Оно тянется от носа Шерарала к обширному устью Амударьи, которую не случайно нарекли Джейхуном — Неистойой.

Впрочем, достаточно приблизиться к Мойкулу, чтобы сразу же убедиться: оба кишлака схожи лишь издали, потому что если вокруг Ойкуюра — пески, то возле Мойкула — обломки камней, скалы, из-под которых пробиваются прохладные родники. Дома расположены на

склоне ступенями, и по вечерам Мойкул кажется многоэтажным городом. Крыши здесь — такое же место для жилья, как и комнаты. Здесь вялится рыба, сушится белье, а в пору, когда свирепствует мошкара и в доме спать душно, над каждой крышей натягивают тент, и тогда селение напоминает бивак, разбитый многочисленным войском.

Канал Учсай, берущий начало в Амударье, разделяется у околицы кишлака на арыки и арычки. Они несут воду, а с нею и жизнь в каждую усадьбу. По берегам самих арыков поднялись могучие деревья. Сразу же за кишлаком расстилаются поля, за ними — пастбища. Здешние жители не только рыбаки; они собирают обильные урожаи кукурузы, фасоли, маша, едва ли не каждый второй здесь — чабан. До самого Устюрта стоят темными глыбами стога — корм на зиму для овец и коров. Но вот — последний стог, всего десятка два шагов в сторону Ойкуюра, и сразу же вокруг — мертвая степь, словно проклятая навеки судьбой, гибельная для всего, что живет и дышит. С огромного плато Устюрт долетают и сюда песчаные и снежные бури, а навстречу им несутся вихри с побережья. Если оба потока сшибаются, возникает хаос. Земля и небо сливаются, соединенные черной бурей. Нивы заносятся песком, а то и сметаются вместе с почвой, уносятся в поднебесье и потом где-то вдалеке обрушиваются либо в Арал, либо на мертвый Устюрт. Самый смелый не отважится в пору черной бури высунуть нос из дома. Люди сидят, затаившись, прижимая к себе детей, но, едва стихия угомонится, берутся за лопаты, выводят трактора, начинают с муравьиным упорством очищать поля, завозить удобрения, вновь сеять. . .

Остановить бурю. . . Могуч человек, и все же сил ему для этого еще недостает. Но спасти благодатные нивы он уже может. Шеренги деревьев, переплетаясь ветвями, должны встать между Ойкуюром и Мойкулом. Всего три или четыре года, и зеленый заслон сможет грудью защитить поля. Черные вихри побушуют над кронами и умчатся восвояси. . .

Так могло быть уже сегодня. Директор лесхоза Таджитдин Султанов отлично это создавал. Вместе с новым

начальником участка, лесоводом Темирджаном Юлчевым, он как раз и ехал сейчас вдоль роковой полосы, где рождались черные бури.

Конечно же Темирджан уже успел побывать в этих местах, и не раз... Прикидывал и так и сяк, уже на местности, как бы удачней осуществить не только посадку самой лесополосы, но и увязать ее с основным проектом преобразования Шерарала. Хотя слышать его могли лишь ветер, не жалел он и крепких выражений, поминная недобрым словом проходимца — своего предшественника. И теперь тоже, едва взглянув на канавки между грядами, уже почти до краев засыпанные песком, на чахлые растеньица, уцелевшие все же, несмотря ни на что, кое-где, он с острой неприязнью подумал о сбежавшем лесоводе. Все, все придется начинать заново, даже не с нуля, а какой-то иной, еще более низкой отметки...

На горизонте показался Устюрт; отсюда он представлялся желтеющей нивой, и это был один из обманов, на которые столь щедро пустыня. Кони то топтали припудренные пылью цепкие травы или кустарники, то ступали по солончакам, по вязким болотцам, пробирались среди зарослей камыша. Возникали пустоши, напоминавшие места гигантских сражений, овраги, беспрепятственно растущие год от года вширь и вглубь, отрезки старых дорог, на которых давным-давно никто не оставлял следа, оплывшие курганы, развалины древних строений.

Солнце уже палило немилосердно, земля дышала огнем. Они въехали в заброшенное селение. Сложенные из камней стены, над которыми лишь кое-где виднелись безжалостно разбросанные ветрами камышовые крыши, необитаемые дворы, заросшие бурьяном, хлева с пустыми проемами на месте дверей, зияющие темной бездной высохшие колодцы — все будто свидетельствовало о разгуле злых сил.

— Да, не самую привлекательную арену деятельности избрали мы с тобой, — проронил невольно Темирджан, оглянувшись на спутника.

— И не говори! — Таджитдин искренне вздохнул. — Теперь-то уж и не верится, что здесь жили красивые

девушки, вокруг паслись стада, а в озере Мойкул рыбы водилось столько, что ее попросту черпали ковшами. А сейчас это озеро называют Кумкул — Песчаное. У кишлака же было имя Ел — Грива. Когда-то он находился на побережье, но уровень Арала снизился, и селение оказалось среди песков. Берег высох и двинулся на усадьбы, на поля. . .

— Неужто так быстро отступает море?

Таджитдин вздохнул:

— Быстрее, чем полагает кое-кто. Но ты же читал, наверное? Даже в газетах писали, и отец твой, хвала ему, был первым, кто не только вздыхал по этому поводу, но и обосновал теорию сохранения Арала. Это тебе конечно, известно лучше, чем мне.

Темирджан кивнул.

— Раздавались и вовсе уж панические вопли, — продолжал Таджитдин. — «Аралу грозит гибель!» Представляешь, как восприняли это шераральцы? Для них это равносильно тому, что сказать живому человеку: дни твои сочтены. Тут, конечно, и возразить нетрудно: земель у нас, благодарение судьбе, хватает, для пострадавших место найдется, но ведь людям не все равно, где жить! Для них море — не только источник существования, а нечто гораздо большее. Прислушайся, как называют каракалпаки здесь новорожденных: Буран — ураган, Тулкун — волна, Упкон — глубь, Даул — шторм, Мавж — вал, Сувсулув — русалка, Уммонай — луна, отраженная в море, Дарга — капитан, Зилола — хрустальная вода. . . Первое, самое яркое детское впечатление здесь — водная ширь, и первый порыв — в простор Арала. Море нужно здешним людям так же, как солнце. Потому и родилась мысль о повороте сибирских рек сюда, к Аралу, а вместе с нею блеснула и надежда. Хотя дело это непростое и нелегкое, да и времени для его осуществления требуется немало. . .

— Ну, а разве мы не можем помочь Аралу еще прежде? — горячо заговорил и Темирджан. — Отец, можно сказать, жизнь отдал идее — окружить весь Арал лесами, а нам с тобой — начинать это на практике.

Таджитдин усмехнулся про себя: «О неисправимый мечтатель! Для него вырастить леса в пустыне — все равно что выпить пиалу чая. . .» Он резко повернул коня на такыр, блестящий под солнцем, будто гладенький,

только что накатанный асфальт. Здесь была низина, и потому каждую весну сюда стекали воды с адыров Устюрта; они образовывали неглубокие озера, которые с началом жары мгновенно высыхали, а плоское дно их превращалось в затвердевший и растрескавшийся глинистый ил, на котором и чахлую былинку мудрено было встретить.

В лица дохнуло прохладой, верный признак, что неподалеку — Аму. Травы с каждым шагом становились сочнее, появились кустарники, колышущие густыми ветвями, полевые цветы. А вскоре всадники въехали в прибрежные заросли — чангалы, полные птичьего гама.

Кони уже ступали по размякшей глинистой почве, подчас не без труда вытаскивая вязнущие копыта. Многочисленные следы вели через мелкую топь к дороге, которая почти касалась речного разлива. Он образовался, по-видимому, не так давно: старые деревья стояли как бы по колено в воде. Мокры были стволы джиды, каратала; влажны были и кроны серебристых тополей.

Вскоре всадники совсем углубились в заросли. Здесь, среди зеленых деревьев, торчало множество высохших, искореженных стихией и временем стволов, напоминающих распятия, изображения злых духов. Порой кони останавливались, отыскивая местечко, куда можно было поставить копыто.

Густые заросли эти возникли благодаря взбалмошному характеру реки. Что ни весна, разливается Аму и в ту и в другую сторону, подчас не на один десяток километров. За многие годы возник зеленый коридор, соединяющий Устюрт с Амударьей. По нему спускаются с бескрайнего плато на водопой дикие животные, а прежде всего — стада куланов и сайгаков. Они пасутся на сочных прибрежных лугах, напоенных бесчисленными родниками. Потому и называются эти окрестности Кий-икчашма — Олений ключ.

Всадники вновь отыскали тропу, и она вывела их на залитую солнцем поляну, которая после мрачной чащобы показалась особенно радостной и светлой. На холмах и в лощинах перекатывались волны зеленого моря, к самым адырам клином убегала фисташковая рощица. В обильном разнотравье прятались дикие козы. Едва заслышав всадников, они замирали, прижавшись всем

телом к земле, а если опасность не исчезала, вскакивали и стремительно уносились вдаль.

Темирджан и Таджитдин, не сговариваясь, придержали коней у старого одинокого дерева, ствол которого, словно гигантским топором, был рассечен надвое.

— Видишь, что такое здешние молнии? — произнес Таджитдин с тем чувством превосходства, которое свойственно старожилам. — Грозы тут у нас опасные. Порой кажется, небо над тобой расколосось, глхнешь от ударов грома. Года два назад даже рисовые поля загорелись в грозу. А вон видишь — обугленный камыш? Это тоже — молнии. — Он насмешливо прищурился. — Говорят, орешины способны притягивать к себе электрические разряды. . .

— Все мы не без недостатков, — уловив намек на свое, унаследованное от отца пристрастие к этому дереву, откликнулся не сразу Темирджан. — Орешины — в том числе. — Вдруг в голову ему пришла мысль, которая сейчас почему-то не огорчила, а даже показалась забавной. — Людей таких не встречал ты, которые то и дело попадают под удары?

— Встречал, — многозначительно протянул Таджитдин, искоса посмотрев на Темирджана.

Конечно же — Темирджан был почти убежден в этом — подумывал его новый шеф и о том, не зря ли связался с бывшим однокашником, с которым спокойной жизни не жди? Чего только вся эта прошлогодняя история с госсиполом стоит? Уж если Темирджан Юлчиев не побоялся против такого зубра, как профессор Джамалов, в открытую выступить, то, разумеется, какому-то директору лесхоза Таджитдину Султанову он уступать не будет ни в большом, ни в малом.

— Да-а, дал ты промашку, дружище. . . — произнес, как бы отвечая его мыслям, Темирджан.

Таджитдин даже вздрогнул.

— О чем ты? — спросил он глухо.

— Да это я — сам себе. Есть у меня в Ташкенте отличная штука — фоторужье. Отец когда-то подарил. Было бы оно сейчас здесь! Надеюсь, егеря фотографировать не запрещают?

— Они браконьеров ловить не успевают, — недовольно ответил Таджитдин. — Где их взять — егерей? Работа трудная, опасная. Не зверей страшатся — людей. Здесь

такие субчики шастают — не дай бог встретиться на узенькой дорожке.

Темирджан опять вспомнил ночного незнакомца с окровавленными руками.

И вновь двигались они среди густых зарослей. Здесь было сумеречно, и, если бы изредка не пробивали листву сильные лучи солнца, можно было бы подумать, что уже наступил вечер. То и дело приходилось отодвигать от лица ветви и нагибаться, чтоб не пораниться ненароком.

— Как ты там? Жив? — окликнул Таджитдин.

— Ползу потихоньку.

— Может, поедем окольным путем, по открытой местности?

— Да нет уж. Постараюсь не растерять и на этой дороге мужество.

И все же, когда тьма отступила, Темирджан искренне обрадовался. Снова голубело небо, клонились к ногам коней цветы и травы.

— Настоящий заповедник только-только начинается, — сообщил, не оборачиваясь, Таджитдин. — Так что приготовься к чудесам.

И тут же, как бы в подтверждение его слов, зашвырнул соловей. Самый настоящий. Здесь, в тугаях!

Кони привычно преодолели очередную преграду — брод с вязким илистым дном.

Темирджану очень хотелось спешиться, присесть, отдохнуть: поясница ныла, — а Таджитдин разглагольствовал, словно и не проехал тот же трудный путь.

— Итак, туган — творение нашей матушки-Аму. У нее есть обычай — разливаться, когда этого совсем не ждут. Она взбалмошна и капризна, как подобает красавице, и никто на свете не может предсказать, что выкинет она завтра. Человек построил неподалеку от берега дом, посеял хлеб, разбил сад. Все, казалось бы, превосходно, но в один далеко не прекрасный день он просыпается и видит. . . вернее — не видит, где же кормилица-река? А она, оказывается, за ночь ушла на запад. Всего на один километр. Но зато успела увлажнить почву в такой мере, что кустарники и деревья, которые, как по мановению руки, появляются на месте бывшего русла, уже не погибнут. Тем паче что река может несколько месяцев или лет спустя снова сюда вернуться. Точно так

же, как возвращается легкомысленная красавица к бедному влюбленному.

Шаг за шагом кони поднимались на холм, похожий на раскинувшую крылья, нахохлившуюся птицу с опущенной головой. Холм так и назывался — Бойкуштепа — Сыч. С вершины холма местность предстала взору как на ладони. Целый мир расстилался сейчас у их ног.

— Вон туда смотри, туда! — Таджитдин нетерпеливо подтолкнул его под локоть.

Темирджан увидел бархатное зеленое пастбище у самого края Устюрта, а ближе — круглое озерцо, наполненное водой бутылочного цвета. Он даже разглядел ручей, который вытекал из озера, устремляясь к Аму.

— Да не туда же ты смотришь! — в некотором раздражении Таджитдин взял его за плечи и повернул левее. — Видишь?

И тут Темирджан заметил табун, движущийся к воде.

— Мулы, что ли? — произнес он не очень уверенно. — Но почему их так много вместе?

— Сам ты... — Таджитдин, однако, сдержался. — Это же куланы!

Глаза у Темирджана разгорелись. Он много слышал об удивительных животных, читал о них, но они всегда казались какими-то не совсем реальными, что ли... И вдруг перед ним целое стадо куланов.

Впереди неспешно рысил вожак, указывая табуну путь. Даже отсюда было видно, как внимательно поводит он торчащими ушами, как готов к любой неожиданности.

Куланы спустились к воде и стали, не отрываясь, пить, а вожак стоял около, по-прежнему высоко вскинув голову, и утолил жажду только тогда, когда стадо отошло в сторону и принялось пощипывать траву.

— Вот смотри, — рассказывал между тем Таджитдин, — у куланов во всем прекрасный порядок. Приходят едва ли не строем, по одной и той же тропе, что ни день. Не торопятся, движутся степенной рысцой. И пьют только родниковую воду. А сайгаки несутся беспорядочной тучей прямо к Аму и пьют из реки, как бы ни мутна была вода.

Над пасущимся стадом взметнулась ввысь иссиня-

черная галка, пронзительно вскрикнула. Ближние камыши и кустарники пришли в движение, будто кто-то тяжелый заворочался в них. Донесся всплеск воды, шорох. Кулан-вожак одним прыжком встал во главе табуна, и, беспрекословно подчиняясь священному приказу, куланы ринулись вслед за ним. Мгновение спустя только гаснущая вдали дробь копыт напоминала о стаде. Взмыла в воздух птичья стая. С криком засуетилась над невидимым гнездом всполошенная самка ястреба-перепелятника. Пронеслись в глубь зарослей джейраны. И вскоре все живое исчезло, попряталось подальше от чужих глаз.

— Все,— с досадой сказал Таджитдин, спрыгивая с лошади,— конец представлению.

— Галка их спугнула,— Темирджан тоже спешил.

— Пожалуй, не спугнула, а предупредила. Она — добровольный страж здешних мест.

Парни пустили коней пастись, а сами с удовольствием растянулись на мягком травяном ковре. Они наблюдали за птицами, снующими в небе, за парением сокола, который вдруг ринулся вниз, перечертив небо острыми концами крыльев. Тугай понемногу успокаивались. Застрекотали трясогузки, вновь ожил соловей; голос неведомой птицы напомнил мягкий напев ная. Неожиданно все звуки перекрыл отчаянным мяуканьем дикий кот. Опять все ненадолго стихло.

— А много осталось их? — спросил Темирджан почему-то шепотом.

— О ком ты? — не понял Таджитдин.

— Да о куланах же, о ком еще?

— К сожалению, здесь их едва наберется сотня, а раньше, рассказывают, счета не было табунам. Но уничтожали их беспощадно. Шкуры продавали купцам, а те увозили с караванами за рубеж. Только при советской власти взяло их под защиту государство, да и то нет — свалит кулана какой-нибудь подлец. Каким все-таки нужно быть тупым, чтоб ради жратвы или потехи уничтожить вот такое чудо! А ведь бьют до сих пор и джейранов, и сайгаков.

— Много егерей у тебя?

— Где там! Всего трое, и то — один уже старик совсем. Не идут сюда звероводы, а сколько их, что ни год, кончает учебу в том же Ташкенте! Находит себе каж-

дый местечко поудобней, потеплей. А настоящее дело — оно ведь здесь, в этих тугаях.

Темирджан промолчал. Он глядел в бездонное небо, в глубине которого черными точками носились птицы.

— Да, удивительна и неисчерпаема природа, — заметил он философски.

Таджитдин возразил:

— Так ли уж неисчерпаема?

— Понимаю тебя, — вздохнув, произнес Темирджан, — но я — о другом. Помнишь Тургенева?

— По литературе никогда выше тройки не поднимался.

— А Тургенев как раз и говорит, что если человек в состоянии осознать свою общность с природой, то он может и себя самого понять. Это природа дает нам возможность почувствовать, хороши мы или плохи, добры или жестоки. Ты думаешь, она немая? Нет. Она говорит с нами непрерывно, и тот, кто чуток, поймет ее тревожные голоса, почувствует ее боль, ее заботы. Он понимает свою зависимость от природы, от ее будущего. Не случайно же люди молились когда-то ей, как единственному зримому божеству!

— Может быть, но сейчас иной лозунг: не природа над нами, а мы — над ней. Иначе что толку пытаться изменить ее к лучшему? И зачем тогда мы с тобой здесь?

— Затем, что у природы надо не только брать, но и отдавать ей с лихвой. Иначе она мстит, и мстит жестоко. Как будто ты этого не знаешь.

— Ладно, будет тебе, философ, ты лучше скажи, который час на твоих?

— За полдень давно перевалило.

— Ого! Надо двигаться, иначе в самый зной окажемся в степи.

Последние слова Таджитдина потонули в грохоте: казалось, земля затряслась и вот-вот разверзнется.

Темирджан вскочил и вскинул на Таджитдина непонимающий и, что греха таить, испуганный взгляд.

У Таджитдина дрогнули в усмешке усы.

— Вот тебе случай увидеть еще одно чудо природы.

С холмов Устюрта клубящимися облаками катилась к реке пыль. Серая завеса приближалась стремительно.

Потом грохот разделился на тысячи дробных ударов о спекшуюся землю.

— Да что же это такое? — спросил, все еще недоумевая, Темирджан.

— Сайгаки. На водопой спускаются. Я же тебе говорил: несутся лавиной. Современники мамонта... В любом учебнике об этом прочитаешь, а ходят рядом с нами...

Теперь Темирджан мог разглядеть получше этих и впрямь удивительных животных. Бархатистая шерстка, горбоносая мордочка, точеные быстрые ноги. Хотелось глядеть и глядеть, не отрываясь, на эти изящные, красивые создания.

Таджитдин снова вздохнул:

— Прошедшая зима суровой выдалась. Сколько их, бедных, погибло в степи от бескормицы, от холода.

— А этот-то поскакал в сторону! Ну и прелесть... — Темирджан не в силах был сдержать восторг. — Подойдем поближе.

— Э, нет. Испугаем. Пусть напьются спокойно. А скачет детеныш. Ему и года, наверное, нет. Скоро повзрослеет, поумнеет. Если осень переживет.

— Ты хочешь сказать — зиму?

— Нет, именно осень. Для них она подчас опасней холодов. Осенью среди сайгаков начинаются заразные заболевания. Один заболевает, а за ним — все стадо. Прежде ослабевшего сразу же уничтожали волки. Все же не зря их называли санитарями природы. А теперь вспыхивают настоящие эпизоотии.

— Браконьеры и волков перебили?

— Не всех, к счастью. Но мало волков осталось, а нужда в них, не удивляйся, есть. В природе все связано тысячами уз и необходимо одно другому. Вот, к примеру, мухи, мошкара, комары. Как уж надоедают они людям! И вот неподалеку от этих мест колхозники сожгли дотла камыши, где плодятся насекомые. Все, казалось бы, прекрасно: нет больше никаких козявок и пастбища расширены. Ан нет: год-другой минул, хватились — рыбы в заводях меньше стало и птицы исчезли. Вот и получается снова же, что палка-то о двух концах...

Темирджан вдруг заметил, что сайгаки будто растворились в жарком мареве, которое дрожало у берега Аму. Он догадался, что животные разбрелись и пасутся

на привольных лугах Кийикчашмы. На противоположном берегу были видны отары, которые пригоняли сюда совхозные пастухи. За отарами, почти у горизонта, желтели развалины древних поселений, а еще дальше — степь, степь... Плоская, бесконечная.

Надо было продолжать путь. Молодые лесоводы вновь сели верхом и спустились по дальнему склону холма к берегу, как раз к тому месту, на котором остались бесчисленные следы копыт. Запах сайгачьего пота еще витал в воздухе. Величественная в своей неоглядной шири река катила волны, не вмещаясь в свое просторное русло. Вот здесь она резко свернула когда-то на запад, оставила на месте русла обширное болото, но люди превратили его в рисовые поля, разбили чеки и снимают на редкость обильные урожаи. С высоты птичьего полета местность эта представляется огромной шахматной доской, разделенной на правильные клетки. За рисовыми полями раскинулись сады. Стоят дома, в большинстве — новые, прочные, с белеными стенами. В палисадниках — ряды молодых тополей. Это кишлак Караузен — Черное русло. По рисовым полям плывут комбайны, суетятся у тока люди. За комбайнами остаются, словно проглаженные утюгом, ровные полосы жнивья.

Ближний комбайн остановился у края поля, по лесенке быстро спустился высокий мужчина в брезентовых сапогах, полотняных галифе и трикотажной выгоревшей майке. Парнишка, оставшийся у штурвала, сбросил комбайнеру белую рубашку, и тот натянул ее на горячее тело. Уверенной походкой приблизился он к спешившимся всадникам, подал им крепкую ладонь и представился:

— Хидирбаев моя фамилия, а зовут — Нурмирза.

Узнав, кто такие приезжие, Хидирбаев еще тщательней отер платком лицо и шею, показал, где привязать коней, и предложил лесоводам пройти в контору; там прохладней, да и разговаривать удобней. Он зашагал впереди так быстро, что Таджитдин с Темирджаном едва поспевали за ним. Они миновали выгон, вошли в кишлак и вскоре оказались у небольшого здания конторы, расположенной на центральной улице; ее собирались, судя по всему, асфальтировать: у обочин лежали

кучи гравия, а ближе к конторе он уже был рассыпан полосой и утрамбован катками.

Все той же быстрой уверенной походкой Хидирбаев вошел в помещение, и сразу стало ясно, кто здесь хозяин: он сбросил в прихожей рубашку, майку, умылся под умывальником, вытерся висевшим около полотенцем и предложил гостям, чтобы они освежились тоже.

— Слушаю вас,— произнес он официально, когда оба молодых человека уселись на стулья, приставленные к столу, накрытому зеленым сукном.

Минуту назад Таджитдин вспомнил, что Хидирбаев и есть председатель этого колхоза. Он шепнул об этом Темирджану, тот полюбопытствовал потихоньку, почему же раис и вдруг — на комбайне, но Таджитдин не ответил ему, а начал подробно рассказывать Хидирбаеву о работах, которые намерено развернуть лесничество в самое ближайшее время.

Прочувствованная речь его, однако, не вызвала у озабоченного председателя того энтузиазма, на который рассчитывал Таджитдин, а еще больше — Темирджан.

— Да, читал я об этом недавно,— сообщил раис весьма равнодушно. И поворошил журнальчик, лежавший на столе среди газет и бумаг.— Подробно написано.

— Не понравилось, что ли? — спросил Таджитдин, искоса взглянув на посуровевшего Темирджана.

— Неделию от райкома прячусь,— ответил не ему, а своим собственным мыслям председатель.— Хорошо, хоть причина у меня уважительная имеется: сам на комбайне вкальваю до ночи. А что поделаешь? Двадцати четырех часов в сутки нам никак не хватает. Второй урожай снимаем, ночью при свете фар работаем. Опаздывать никак невозможно: еще неделя жары — зерно осыпаться начнет.

— Неужто так трудно? — спросил некстати Темирджан, и, конечно, только подлил масла в огонь.

— Еще бы! — вдохновился Хидирбаев.— Вы не представляете себе, наверное, какая капризная штука эта шала! Вой-бой... Чуть передержали на корню — прощай качество, рис уже будет не тот, не такой, какой нужен вам, когда вы плов готовите. А кто убирает шалу? — он обратился к лесоведам, как учитель к школьникам, и Таджитдин послушно откликнулся:

— Машины.

А Темирджан поправил его, как подобает первому ученику:

— Люди.

И снова подогрел председателя.

— Именно так! — обрадованно воскликнул тот. — О чем я и толкую все время райкому: людей у меня, говорю, не хватает, как мне тут план выполнять?

Таджитдин опечаленно вздохнул: председатель, конечно, догадался, чего хотят от него лесоводы, и вот в такой дипломатичной форме дал им загодя понять, чтоб на его колхоз они не рассчитывали.

— Будем говорить прямо: помогать лесопосадкам ваш колхоз не собирается. Так, что ли? — без обиняков спросил Таджитдин.

— Вы правильно определили мою натуру, дорогой. Вилять не люблю. Потому и скажу: как можем мы помогать кому-то, если со своими насущными заботами не управляемся.

— А решение бюро райкома вам известно?

— Известно, — охотно откликнулся председатель. — В нем сказано, что в двухнедельный срок мы должны завершить уборку.

— Я — про другое решение. Про то, которое обязывает все хозяйства района самым действенным образом участвовать в работах по лесонасаждениям. Скоро я буду докладывать на бюро о том, как выполняется это решение, и вынужден буду, вы уж не сердитесь, сообщить о нашем сегодняшнем разговоре.

Хидирбаев вскочил, вмиг переменявшись в лице.

— Грозить мне вздумали! Напугать хотите. Что ж, попробуйте. Я не боюсь и оправдываться не желаю, однако прошу учесть, что от помощи нужному делу я не отказываюсь. Я объясняю вам обстановку: людей у меня не хватает, машины то и дело выходят из строя, и я сам, лично — что поделаешь! — с гаечным ключом под мотор лезу. Хотите притчу? Некий отрок нес миску со сметаной. Встречный говорит ему: «Эй, малый, гляди не пролей». Хотел предупредить: мол, под ноги смотри внимательней, а отрок отвечает: «Не пролью! Видите, как крепко держу я миску? Обеими руками. . .»

Хидирбаев первый расхохотался, показывая крепкие зубы.

— Вот и я так же,— пояснил он, потому что и Таджитдин и Темирджан даже не улыбулись,— не знаю, за что вперед хвататься: не успею комбайны как следует наладить, надо за штурвал становиться, потому что время летит, что твой реактивный самолет. Сейчас я разговариваю с вами, а мысли мои знаете где? Да-далеко отсюда,— он показал рукой на поле, которое было видно за окном.— Так что теперь,— он сделал упор на этом слове,— помогать вам я никак не могу.

— Простите,— заметил Таджитдин,— но вы начинаете кричать караул, когда сами грабители еще спят. Мы же не требуем, чтобы вы сию минуту выделили на работу в лесхоз звено или бригаду.

— Ни завтра, ни послезавтра, ни через две недели я никого вам дать не смогу. Сами видели наши чеки. Через десять дней должны завершить уборку риса, а это такая культура — капризней ее бог ничего не создал. А едва кончим, надо поднимать зябь, не то стукнут ранние холода, и пропал наш будущий урожай. Только посеешь, порадуешься всходам, как задует, как понесет на поля песок — начинай все сначала. А летом — гармсилъ, будь он проклят! Его бы остановить надо, лесную полосу у каждого поля поставить, а вы в пустыню лезете. Да мы еще для этого работников вам поставлять должны. Совесть надо иметь, честное слово!

Таджитдин с насмешливой улыбкой повернулся к Темирджану. «Слышал, мол? Простой труженик полей меня поддерживает».

Темирджан почувствовал себя обязанным объяснить. Как мог убедительней, стал он растолковывать озабоченному председателю, что в статье, которую раис читал в журнале, речь идет о стратегии, о том, что надо заглядывать далеко в будущее, хотя каждому, конечно, понятно, что лесные кордоны у культурных земель нужны уже сегодня. Но как тут быть? Как совместить одно с другим?

Все же слишком, наверное, досаждали председателю сегодняшние беды — и песчаные бури, и гармсилъ, чтоб он мог подняться до понимания стратегических высот.

— Нам, родной мой, не обертка с нарисованным пестушком нужна, а реальная конфета, которую в рот положить можно. . . — Зазвонил телефон, висевший на стене, и Хидирбаев поднялся.

Разговор с ним был, по-видимому, окончен. Оставалось попрощаться и удалиться, молча досадуя на то, что зря они оба проделали утомительный путь по пескам и тугаям. Однако Хидирбаев, слушая кого-то, сделал им знак — посидите, мол.

— Так-так,— произнес он, и тон его не сулил добра тому, с кем он сейчас беседовал по телефону.— Значит, приспичило — жениться надо. Именно сейчас, когда жатва в разгаре. Сознательный же ты колхозничек, ничего не скажу...— Он вдруг загремел: — Гнать таких надо грязной метлой из колхоза! Мне не легче оттого, что ты невесту к нам в кишлак приводишь, а не наоборот. Я и о том председателе думаю, от которого она уходит сейчас. Сочувствую я ему, понял? Это и значит мыслить по-государственному,— тут он посмотрел на лесоводов так, будто реплика эта предназначалась им тоже.— Ну и уходи! — прокричал он, зло бросил трубку, сел за стол и сказал в досаде: — Ну все одно к одному! Надо же, страда самая, а первому бездельнику в нашем ауле жениться вздумалось. Аллах бы с ним, как говорится, но он же угощение устраивает, весь народ к себе зовет. Хотя,— Хидирбаев почесал затылок,— может, и от свадьбы этого бездельника Матназара какая-то польза получится? Как думаете?

Лесоводы пожали плечами.

— Ладно,— Хидирбаев вздохнул,— нынешний день все равно к вечеру клонится. Так и быть, пусть люди получают передышку, погуляют на свадьбе. Зато потом будут работать лучше. Все, кроме молодожена, конечно! — и он захохотал.

— Мы всё поняли,— хмуро сказал председателю Таджитдин,— ни людей, ни механизмов мы у вас не получим. Остается одно — поискать в других местах. Желаем вам веселого отдыха и успешной работы.

— Погодите, погодите,— Хидирбаев даже как будто растерялся,— что ж это вы уезжать вздумали на ночь глядя. Нет, так не годится. В кишлаке — той; значит, нежданный гость — дар божий. Так наши деды говари-вали, а мы их чтим. Не так ли? — И, не ожидая возражений, Хидирбаев подхватил обоих молодых людей под руки и вывел на улицу, где и впрямь становилось сумеречней и прохладней.

Обойди полсвета, не найдешь такого превосходного риса, как в Караузене. А молоко... Коровы здесь вскормлены на весенних тучных травах Сувдоша, на душистом сене, которое никогда не переводится. Поля здесь, что ни год, посыпают глиной, снятой с древних дувалов, — лучшего удобрения не бывает, а оград вокруг развалившихся строений на Устюрте не счесть. Но едва кончатся цветущие земли Караузенья, сразу возникает унылая и бесконечная пустыня. Ее разрезает надвое дорога, которая начинается в ста сорока километрах отсюда, в Кунграде, а после Караузенья пересекает луга Кийкчашмы, переходит в центральную улицу Ойкуюра и Чапкулока, а потом изгибается по берегу, пока не достигнет Шерарала. Все пути и тропы начинаются от этой единственной асфальтовой полосы, даже те дорожки, которые ведут к рисовым чекам. Шоссе — как ствол, от которого отходят сотни ветвей, больших и маленьких.

Соединены между собой тропами и усадьбы — курганчи, огражденные высокими дувалами. Днем в курганчах тихо, они кажутся заброшенными, но, едва сядет солнце, усадьбы оживают.

На кишлак Караузень спускались сумерки. Спрятало за морем свой алый лик солнце. Над дворами курились веселые дымки от очагов, но самый могучий синий столб поднимался над усадьбой, которая находилась даже в некотором отдалении от кишлака, словно хозяйева ее хотели показать, что они — не ровня остальным и потому живут особняком. В обширном дворе хлопотали у огромных казанов повара. Мелькали белые платья и косянки суетящихся во дворе женщин. Играли и тузили друг друга ребятишки. Сбившись в кучки, стояли неподвижными группками девушки. Они делали вид, будто поглощены мелодией, которую уже наигрывали на домбре и кобызе музыканты, а на самом деле внимательно и жадно следили за всем происходящим здесь. Парни, одетые в шелковые халаты, подпоясанные яркими платками, приветливо встречали у ворот все подходивших и подходивших гостей.

— Ассалом алейкум! Со свадьбой вас!

— Ваалейкум ассалом! Мы рады вам. Добро пожаловать! Проходите, пожалуйста.

— В добрый час! Поздравляем.

Конечно же гости являются не с пустыми руками. Кто несет дастархан — блюдо с гостинцами, обернутое шелковой скатертью, кто — подарок в бумажной упаковке из сельмага, а то и с фирменными знаками нукусского магазина; иные ведут за собой баранчика или жеребенка. Словом, джигиты, принимающие приношения, с ног сбиваются. К тому же надо не ошибиться, мгновенно определить, кого следует проводить в белую юрту, кого — в синюю. Юрты убраны коврами, на полу постелены пестрые войлочные шалчи, поверх них — шелковые одеяла, белоснежные козьи шкуры, атласные подушки. Дородные женщины с заткнутыми за пояс полами белых чекменей мягко ступают, поднося лепешки, сладости, холодное мясо, жареную рыбу, и, поставив блюда на скатерти, тут же проворно выходят из юрты.

Громче звучит музыка, оживленней становятся разговоры. Бесчисленная ребятня, которую, разумеется, в юрту не допускают, поднимает несусветный шум во дворе. А к тому же блеют овцы, ржут у коновязи лошади. В общем — свадьба! Все радостно возбуждены, все довольны.

Едва оба лесовода и Хидирбаев спешились, коней их тотчас же подхватили услужливые руки, а дорогих гостей радушный джигит проводил в белую юрту. Полог на противоположной стороне был откинут, и внутрь юрты проникал свежий вечерний воздух. Вновь прибывшим гостям были поданы новенькие подушки, проворные женские руки в браслетах и кольцах убрали скатерти, хотя на них полным-полно было всяких яств, тут же были расстелены свежие дастарханы, поставлены нетронутые блюда.

Из красного угла на вновь прибывших исподлобья поглядывал тучный длиннобородый человек с бровями, сросшимися на переносице. Он отправлял в рот мясо кусок за куском. С толстых пальцев его стекал жир, падая на халат и оставляя на ткани пятна.

Едва заметив этого человека, Хидирбаев сморщился так, будто невзначай наступил на жабу.

— Оказывается, и вы здесь, Ходжи-ага, — произнес он вместо приветствия.

Тот, кого он назвал Ходжи-ага, едва приподнял тяжелый оплывший лик, лениво кинул взгляд из-под на-

брякших век, невнятно произнес что-то, напоминающее: «Садитесь, коли явились», небрежно отер ладони, воздел их словно для молитвы и тут же подтянул ближе к себе блюдо, из которого ел так проворно, будто Хидирбаев вознамерился отнять у него еду. Скулы его заблестели от бараньего сала. Густая струйка потекла к локтю, однако Ходжи-ага не замечал ее. Он продолжал все так же жадно насыщаться.

Перед Хидирбаевым тоже поставили блюдо с бараньей головой, над которой вился густой парок. По обычаю, председатель отрезал полоску мяса и тут же поискал глазами, кому передать блюдо: разделить голову должен был почетный гость. Ходжи-ага, очевидно, полагал, что честь эта будет вновь оказана ему, но Хидирбаев только скользнул глазами по его лоснящейся физиономии и остановил взгляд на Таджитдине. Гости зашумели одобрительно. Таджитдин пытался отказаться, но уступил настояниям пирующих и умело принялся орудовать ножом.

Мясо запили терпким кумысом. Потом подали чай. Каждому гостю, как принято у каракалпаков, отдельный чайник и пиалу. Едва отпили глоток-другой, появилось дивное кушанье — буламик, мясо, томленное вместе с тончайшей лапшой. При виде его даже Ходжи-ага вновь оживился. В мгновение ока уписал он полное блюдо буламика, предварительно перемешав его с кислым молоком, и запил все это большой касой кумыса. После кумыса он тщательно отер губы и лицо полотенцем.

— Хвала всевышнему,— произнес он громко,— слава создателю нашему и да будет каждый верующий чист помыслами и делами свонми!

Тут же Ходжи-ага смежил веки, прилег щекой на подушку, и минуту спустя послышался его храп. Не один Хидирбаев, многие из гостей были возмущены.

— Воистину — жаба, раздавленная лошадиным копытом,— шепнул соседям Хидирбаев, сознавая, что сравнение это не способствует аппетиту. Но было видно, что он едва сдерживает негодование.

Его услышали, засмеялись одобрительно. Все же старческий голос назидательно проговорил:

— Не берите на душу греха, насмехаясь над святым человеком.

— С ним надо быть осторожным,— посоветовал еще один из гостей,— и потом, учтите: Ходжи-ага приходит далеко не к каждому, кто зовет его в свой дом. Его присутствие — большая честь для жениха и его матери.

Хидирбаев хмыкнул.

— Петух бежит туда, где зерно сыплют гуще,— сказал он громко и вызвал теперь общий хохот.— В том дворе петух и глотку дерет.

— Не порочь слугителя аллаха, которого сам духовный наставник привечает! — бросил из своего угла Хидирбаеву все тот же старик.

— И духовному наставнику, хызру вашему, можно только удивляться,— не сробел Хидирбаев.— Как это умудряется он благоволить к человеку, который вести себя за столом не умеет? Взгляните на него: сидел, молчал, мясо заглатывал, что твой удав, а потом — отвалился и захрапел, будто около него не люди, а бараны.

— Тише!

— Зачем же? Пусть хоть раз в жизни услышит, что о нем весь народ за глаза говорит.

— Тьфу ты... Греха с вами не оберешься,— козлобородый старик поднялся и, крихтя, начал выбираться из-за дастархана.

— Погодите, ага! — один из джигитов-дружек пытался удержать его.

— Пусти,— строго потребовал старик.— Чем быть дядей таким, как вы, лучше уж порядочным племянникам щепу для самовара колоть.— Он откинул полог и вышел.

Настроение у всех упало. Поведение Хидирбаева понравилось, видно, далеко не всем, хотя конечно же большинство присутствующих было с председателем согласно. Сам Хидирбаев тоже помрачнел.

— Принеси-ка воду,— обратился он к дружке,— руки пора сполоснуть.

Это означало, что и председатель собирается покинуть пиршество, не дожидаясь, пока придет со своим поездом жених, отправившийся за невестой. Обида это не только для жениха, но и для всех, кто зван на той. Хидирбаев, разумеется, знал об этом и потому, окинув хмурым взглядом застолье, остался сидеть на месте.

А во дворе и в соседней юрте веселье все разгоралось. Забрнчал саз, громко запел молодой голос.

Распорядитель застолья старался загладить неловкость, вновь поднять общее настроение. Почему-то он обратился к Темирджану:

— Неужто не по вкусу пришелся уважаемому горожанину наш степной буламик?

— Вкуснее трудно что-либо и придумать.

— Спасибо, только у нас в степи больше верят не похвалам, а опустошенному блюду.

— Тогда вот кто прежде всех воздал должное вашим поварам,— и Хидирбаев, выручая Темирджана, вновь указал глазами на блюдо рядом со спящим Ходжи-ага.

Блюдо блесело, как зеркало: Ходжи-ага ко всему еще и вытер его тщательно ломтиками лепешки, отправляя их в рот столь же поспешно, как и мясо. И тут же Хидирбаев, подмигнув лесоведам, рассказал анекдот о байской собаке, вылизывавшей посуду. Все засмеялись, да так, что даже Ходжи-ага вздрогнул. Он, несомненно, слышал все разговоры и потому «захрапел» теперь с особенным старанием, что вызвало еще большее оживление.

Гости, устав смеяться, умолкли, и как раз в эту минуту, будто почувствовав, как он необходим, вошел в юрту певец-бахши, держа в руке домбру. Он присел на корточки, тронул раз-другой струны и начал петь об Авазе, сложившем голову за свой народ. Когда он дошел до бейтов, в которых рассказывалось о матери Аваза, уводимого на казнь, о ее мольбах перед палачами, сердца пирующих дрогнули. Темирджан почувствовал, как и на его глаза навертываются слезы. Впрочем, был в этом чуть-чуть повинен и кумыс: Темирджан давно заметил, как пылает лицо и горят уши.

Певец опустил домбру, и все еще долго сидели, не решаясь нарушить тишину. Каждое слово сейчас казалось лишним. Но вот выпрямился и вскинул голову человек лет шестидесяти. Глаза его по-молодому блеснули. Он начал читать газель. В стихах говорилось о величии Арала, о немолчном шуме волн и о том, как приходила каждый вечер к берегу девушка, ожидая кого-то. О, как хотелось бы поэту, чтобы избранником юной красавицы оказался он! Но, увы, она встретила того, кого ждала столь преданно, и ушла с ним. Но осталась навеки в раненом сердце поэта.

Темирджан слушал певучие строки о неведомой девушке, а вспомнилась ему Юлдуз. Вновь переживал он сейчас события того вечера, когда так и не смог встретиться с ней из-за проклятой своей робости; вспомнил и тяжкую последнюю ночь перед отъездом из Ташкента. Потом он узнал, что Юлдуз уехала, как и собиралась, в Москву. Надолго. Опять — конкурс, а за ним — обещанные ей каким-то видным композитором гастроли с исполнением фортепианного концерта, написанного им для нее. Правда, перед отъездом звонила матери Темирджана не сама Юлдуз, а ее младшая сестра — Кундуз. Она сказала Хумайрабану, что Юлдуз очень занята, просит извинить ее и передает привет Темирджану. В первую же свободную минуту Юлдуз напишет ему из Москвы. Но не один месяц уже минул, а от Юлдуз никаких вестей. Часто просыпался он по ночам и долго не мог уснуть, вспоминая свидание у быстрого сая, купание, разговоры и поцелуи на берегу. А потом — оскорбление, которое нанес он ей, сам того не желая. Сердце его болело, когда он вспоминал о собственной жестокости.

«Теперь-то ты где, Юлдуз? — едва ли не вслух произнес сейчас Темирджан, слегка опьяненный кумысом, а еще больше — трогательным дастаном, который спел бахши, и дошедшей до самого сердца газелью. — Буря в душе у меня. Завидую людям, у которых осуществилась самая заветная мечта — мечта о большой любви. Вот так, наверно, сокол с перебитым крылом глядит вслед улетающим в поднебесье веселым птицам».

— Что нос повесил? — беспечно спросил Таджитдин приунывшего друга.

Темирджан не откликнулся. Он даже не заметил, что Хидирбаева за столом уже нет, а Ходжи-ага, поднявшись и приободрившись, снова командует пиршеством.

— А ну-ка налегайте на пищу, правоверные! — возгласил Ходжи-ага, указав жестом на горячие блюда, которые только что опять появились на скатерти. Сам он, по своему обычаю, отправил в рот изрядный кусок мяса и, усердно жуя, прогудел: — Исчез, хвала аллаху, змий семиглавый? Никакого понятия не имеет, как вести себя среди людей. Ну, побалагурь — никто не возражает. Но прежде все-таки подумай, что городишь.

А то пышет у него из пасти, как из топки паровозной. . . Да берите ж, берите мясо, пока не остыло. Вы-то чего ждете? — Теперь он обратился к Темирджану, и тот вынужден был из уважения к обществу взять немного жаркого. — Гляжу я, вы, кажется, из тех прытких, кто, не помолвившись, палки в песок втыкает? А потом надеется, что они листья выбросят?

— Да, я лесовод, — сухо ответил Темирджан, — так же, как мой друг и директор, — указал кивком на Таджикидина. — Слышали вы такое слово? — И он повторил по складам: — Ле-со-вод.

— Еще бы! Нынче один грамотей при мне какую-то статейку вслух читал. Будто бы — смех, да и только! — даже на Куйруке собираются леса и сады разводить. Для того к нам сюда и прибыли вы, эти самые лесоводы? Что ж, хвастаться нетрудно.

— Зачем же? — возразил Таджикидин. — Народ издавна говорит: умелые руки и снег разожгут.

Ходжи-ага фыркнул:

— Знавал я и такого человечка, который сдуру все тшился пшеницу на камнях вырастить. Теперь того чудака уже нет на свете: с голоду помер, — и он первый громогласно засмеялся своей басне.

— Вы едите сейчас хлеб, который тоже выращен в пустыне, — бросил ему Таджикидин. — Да, да! Лет пятьдесят назад на месте полей Караузения были бесплодные пески. Советская власть привела сюда воду, а люди не покладая рук работали и вот теперь могут угощать вас плодами своего труда.

Гости зашумели, одобряя слова Таджикидина.

— Вырасти даже чеснок сообща, и то он сладок, словно мед, будет.

— Какую плотину самый сильный поток не прорвет? Людей, которые плечом к плечу стоят.

Ходжи-ага вынужден был умолкнуть на время. Он понял, что дерзкая мечта этих мальчишек — увидеть свой край в густых садах и рощах — нравится людям. Еще больше оживились они, когда узнали, что молодой человек, который сейчас сидит вместе с ними за дастарханом, и есть тот самый Юлчиев, который в журнале статью поместил.

К Темирджану обратились с вопросами, а он, зажигаясь все больше и больше, стал рассказывать о буду-

щем Шерарала. Слушатели были явно увлечены его рассказом, и, заметив это, Ходжи-ага ревниво прервал Темирджана:

— А знаешь ли ты, сынок, что самим богом Куйрук обречен на бесплодие? Ты-то, я полагаю, в бога не веришь, но для людей, которые в здешних местах живут, воля аллаха — закон.

— Для кого как! — перебил Ходжи-ага молодой насмешливый голос.

Но многие все же прислушивались к речам этого грузного, непонятного Темирджану человека с вниманием, хоть и опустив глаза. Таджитдин сидел весь красный, с трудом сдерживая возмущение.

Темирджан не выдержал:

— Что же вы находите, ага, грешного в том, чтобы делать для людей благо? Неужто это — преступление перед аллахом, которого вы так чтите? Я не знаю досконально коран, но, мне кажется, не может там быть слов о том, что вырастивший дерево или виноградную лозу заслуживает порицания.

Теперь даже старики одобрительно закивали головами.

— Бесплодной земле помогать можно, — явно сердясь, возразил Ходжи-ага, — но только — святой и проникновенной молитвой. Но прежде всего, юнец, следовало бы вам узнать, можно ли тревожить вашими погаными машинами землю, где каждый холмик священ? Знаете ли вы, сколько праведников, сколько воинов, павших во имя ислама, похоронено на Куйруке? Испокон веку ведомо: каждого, кто потревожит землю Куйрука, постигнет лютая кара. А если, как здесь говорил какой-то неразумный, все сообща начнут разрывать пески, горе обрушится на весь кишлак.

Темирджан и Таджитдин откровенно усмехнулись: подобные предрассудки в наше время! — и оглядели присутствующих, ожидая поддержки, однако многие предпочли теперь не встречаться с ними глазами. Улыбки лесоводов еще пуще разозлили Ходжи-ага. Он даже о еде и питье забыл.

— Не верите? — загремел он. — Так я вам скажу, что ни один из тех, кто ушел по Куйруку вслед за садящимся солнцем, еще назад не возвратился. Барса-Кельмес! — не зря называют так наши места. Помните: было

немало таких, кто море переплывал, а затем в мелком арыке тонул.

В глазах Ходжи-ага впервые блеснул откровенно злой огонек. Похоже было, он сжал кулак, хотя еще и не занес его. И Темирджан вдруг почувствовал, как неволью и в его душу вползает напоятный страх перед этим человеком.

Стало тихо; тамбур, на котором играли где-то в другой юрте, звучал сейчас так, будто музыкант находился совсем рядом. Седой человек, тот, который читал недавно вслух лирическую газель, поднялся.

— Не худо бы ноги размять,— произнес он, направляясь к выходу, завешенному пологом.

Все облегченно зашумели, поддерживая его. Ходжи-ага воздел руки, вознося благодарственную молитву за обильную трапезу.

— Илохо омин,— произнес он, скосив глаз на Темирджана и Таджитдина,— дай, господи, ума нашей молодежи и сохрани ее тем самым от бед и несчастий, Аллоху акбар! — Ходжи-ага подоткнул себе под бок подушки.— Идите, идите, а я отдохну немного. Устал.

— Наш Ходжи-ага не иначе как перепутал день с ночью,— заметил насмешливый джигит, когда все вышли из юрты.

— А что, он и по ночам ест так же жадно? — в тон ему спросил другой, и все, даже старики, захохотали. А тут еще добавил жару Хидирбаев. Он, оказывается, стоял у чинары, покуривая, и слышал все разговоры вышедших из юрты.

— Надеюсь, и вы по горло сыты трепотней нашего святого, лопнуть бы ему наконец от обжорства! Это же трутень на теле аула. Никак не доберусь до него,— добавил он в досаде.— Что поделаешь: то вспашка, то сев, то жатва. . .

Двор был ярко освещен большими лампами, подвешенными к ветвям. Посреди двора играли музыканты, гости пели и танцевали. В дальнем углу, где находились очаги, по-прежнему хлопотали хозяйки. Их было шестеро, они нарезали лук и мясо для утреннего плова и тоже не скучали, наблюдая за тем, что происходит во дворе, прислушиваясь к музыке и песням, и конечно же переговаривались между собой, а это женщинам, как известно, никогда не надоедает.

— Вай, Айзадахон! Не иначе, вспомнила ты, как сама пришла впервые невесткой в дом к свекрови. Потому и плачешь, слушая свадебные песни.

— Да это все лук проклятый. Злой он, не приведи аллах.

— Э, милая, что там горечь лука по сравнению с речами свекрови!

— Вай, Гульназхон! О чем вы говорите? Весь кишлак знает, что муж носит Айзадахон на руках.

— А свекровь — на шее!

— Ну, до этого, пожалуй, еще не дошло.

— Муж-то поднимет на руки да к сердцу прижмет, а свекровь, того и гляди, сбросит ненароком!

Женщины готовы были расхохотаться, даже если им палец покажешь, а тут уж, после этих слов, они едва не покатались со смеху.

— Ей-ей! — воскликнула бойкая Гульназ. — Я бы и сама не прочь выйти замуж за молодого парня. Хотя бы за такого, как Матназар. Недаром же все его называют палваном.

— А взял бы молодой тебя? Об этом ты подумала?

Женщины снова рассмеялись, но Гульназ не сдавалась:

— Сердцу не прикажешь. Оно не считается с тем, какой у тебя год рождения.

— Тише вы, тише! Никак, джигиты вздумали частушки петь, нас вызывают. Ну-ка, Айзадахон, берите чанг. Споем-ка и мы им в ответ.

Вмиг были оставлены кухонные заботы, женщины выступили полукругом, поочередно запели, приплясывая.

От ветра шелковый платок трепещет.

И сердце от вина чуть-чуть трепещет.

Ах, что родителям сказать? Пропала смелость,

Слова, попав на язычок, трепещут.

Слушатели, собравшиеся со всего двора (Таджитдин с Темирджаном и Хидирбаев, все покуривавший и с тревогой поглядывавший на свои часы, тоже подошли сюда), откликнулись дружным смехом и рукоплесканиями. Шум перекрыл звонкий голос Айзады, подыгрывавшей себе на чанге:

Среди множества парней ты слывешь богатырем,

Как Меджнун, за мной бредешь ты, все вздыхая, вешним днем.

Если кличешь по любви, милый, я приду к тебе.
Если шутишь, если лжешь — стань плешивым стариком!

И опять — одобрительный веселый гул, громкие возгласы, подбадривающие женщин.

Чуть вперед выступила Гульназ:

Молчаливей всех подруг девушка одна,
Год ждала, не дождалась жениха она.
Больше нет холостяков? Ну, тогда женатым
Свадьбы вновь играть пора. Истина верна!

Вот теперь, после ее частушки, таившей скрытый намек на сегодняшнюю свадьбу, засмеялись далеко не все. Кое-кто осуждающе качал головой, но иные пришли в восторг, хлопали себя по коленям от удовольствия.

— Молодец бабенка! — с улыбкой сказал и Хидирбаев.

Лесоводы, конечно, не поняли, на что намекала Гульназ. Темирджан только хотел расспросить об этом Хидирбаева, как от ворот покатило: «Невесту привезли, невесту!»

Все двинулись к воротам. Они уже были распахнуты настежь. На улице плясали нарядные подростки, приветствуя группу женщин, сидевших на конях. Среди всадниц была и невеста. Белый конь под ней нервно перебирал тонкими ногами. Невеста была в шелковом платье, стягивавшем тонкую талию, в бархатном, расшитом бисером камзоле. Нежные мочки ее оттягивались тяжелыми серьгами, на чистом лбу сияло украшение в виде звезды, волосы были прикрыты легкой фатой. Она напоминала весну, но только ту, самую раннюю, когда разливаются половодье и воздух тревожно влажен: и впечатление это усиливалось оттого, что в глазах невесты блестели слезы.

Чуть позади остановился поезд жениха. Он спрыгнул с лошади, сильный, властный, подошел к невесте и снял ее с седла, словно пушинку. Он нес ее на руках через двор, а на головы молодых сыпались белые монеты со всех сторон. Только у нарядно убранной супы, стоявшей под густой урючиной, жених опустил невесту на ноги. Подруги сняли с нее покрывало. Ходжи-ага громко прочел брачную молитву, преломил большой чурек, дал куснуть хлеба жениху и невесте, а уж потом

чурек разделил на мелкие ломтики, и каждый из гостей поспешил съесть хоть крошку, потому что у всех есть дочери, а то и внучки, кому же не хочется дожить и до их свадеб?

Справлялся обряд, рожденный, может, тысячу лет назад в далеких отсюда степях у южной окраины Киевской Руси, где жили когда-то предки этих людей. Посреди двора уже пылал костер; молодых трижды обвели вокруг пламени, дабы их сердца вечно горели такой же жаркой любовью друг к другу. Парни прыгали через огонь и, перепрыгнув, дарили косынки девушкам, желая: «Станьте и вы счастливой невестой», а те отвечали: «Станьте и вы счастливым женихом».

Молодые пошли по кругу, приветствуя каждого из гостей в отдельности. Жених приблизился к Темирджану, и вдруг не в лице его даже, а во всем облике мелькнуло что-то пугающе знакомое. Темирджан невольно вздрогнул, и это не укрылось от Матназара. Суть была не в том, что физиономия жениха была изукрашена глубокими шрамами, что глаза его даже на собственной свадьбе горели не по-доброму. Темирджан мог поклясться и тогда, и впоследствии, что он вновь ощутил запах крови, который почудился ему недавно ночью, когда он блуждал по пустыне в поисках пропавшего коня.

Запах этот преследовал Темирджана и тогда, когда они возвращались со свадьбы. Ехали они вдоль рисовых чек вчетвером. Четвертым был худой, высохший старик, тот самый, который в недавнем споре встал на защиту Ходжи-ага. Звали его Джайикбаем. Он увязался за ними и следовал неотступно, пока они двигались вдоль усадеб, перебирались через арыки, обсаженные по берегам ивами. Человек этот поравнялся с Темирджаном, немного обогнавшем товарищей, и, трясая козлиной бородкой, обратился к нему:

— Прошу прощения, братец, я давно хотел спросить, как зовут вашего почтенного отца.

— Его звали Мардон Юлчиев, — ответил Темирджан, не понимая, к чему задан этот вопрос. Немного удивило и то, что Джайикбай, с виду коренной каракалпак, говорил по-узбекски без малейшего акцента.

— Надеюсь, Мардон-ака жив-здоров? — Голос у

него был низкий и сильный и совершенно не соответствовал тщедушной внешности.

— Он умер несколько лет назад.

Джайикбай кинул повод на луку седла и, сложив ладони, произнес короткую молитву, помянув душу усопшего.

— Темирджан Мардон оглы,— начал он торжественно,— вы, похоже, выросли в семье, заслуживающей всяческого уважения, и получили надлежащее воспитание. Это сразу же заметил наш высокочтимый Ходжи-ага. Прежде вы с ним не встречались?

У Темирджана едва не вырвалось, что, к счастью, бог его миловал.

— Я сам позабочусь, чтоб вы узнали нашего Ходжи поближе. Он — первый среди наших, заслуживающих всяческого уважения, аксакалов. Прямой потомок праведных пиров, да и сам он совершил дважды паломничество в Мекку. Больно было слышать, как вот совсем недавно говорил о нем Хидирбаев всякие недостойные слова, смеялся над благочестивым человеком. Кто возражает: все равны. Но кто сказал, что нынче исчезло уважение к старшим, к почитаемым окружающими праведным людям? А потому таких, как Нурмирза Хидирбаев, хоть он и председатель, надо для их же собственной пользы осаживать. Посоветовали бы вы ему при случае, пусть придержит язык. . .

Темирджан, терпеливо слушавший невольного попутчика, не выдержал:

— Вас что, сам Ходжи-ага попросил об этом?

Ни единая жилка не дрогнула на худощавом лице Джайикбая.

— Да нет, я по собственному почину решил предупредить вас и ваших друзей и моих братьев. Ведь независимо от того, кто мы — узбеки, киргизы или каракалпаки, все мы — мусульмане и призваны жить так, как повелел наш единый бог. А воля его глаголет устами святых. Потому и скажу, что наш Ходжи-ага осуждает вашу затею. Да и нелепа она — ребенку понятно. Мыслимо ли — вырастить леса на Куйруке?

— Простите, ага, но ваш так называемый святой — всего-навсего человек, не имеющий достаточного образования. А над тем, как вырастить в здешних краях деревья и леса, ломали головы десятки ученых людей.

И не один год трудились они, прежде чем было решено начать работы. Государство наше не станет бросать на ветер народные деньги. Хоть это вы можете понять?

На губах Джайикбая впервые мелькнуло нечто похожее на усмешку.

— Каждое деревце в землю воткнуть должен человек. Так, что ли? А саженцев — тысячи. Значит, много, очень много рабочих понадобится вам, чтоб посадить ваши леса. Но даже стадо движется, между прочим, туда, куда ступает вожак. Слово аксакала для шераральцев пока что — закон.

— Опять пугаете? — нетерпеливо спросил Темирджан.

— Нет, предупреждаю. И снова напоминаю, что земля Куйрука неприкосновенна для каждого, кто родился здесь. Неужто мало в пустыне места? Ну что вам, в самом-то деле, дался наш Куйрук? Сажайте свои леса хоть на всем Устюрте. На сто тысяч лет вперед забот вам хватит. А нас оставьте в покое.

— Мы хотим озеленить весь Шерарал, все необитаемые места.

Вот теперь Джайикбай разозлился:

— Да, молодежь нынче за словом в карман не лезет. Только что бы вы там ни толковали на своих собраниях и в книгах, — места эти для наших людей священны. Они поклоняются на Куйруке любому камню. Каждый живет в своем доме, как ему нравится.

Темирджан усмехнулся:

— Дом для каждого нашего человека — это не аул, не полдюжины юрт. Это — вся наша страна. Я приехал из Ташкента, но разве аральские края не мой дом? Да и люди разные, даже на вашем Куйруке. Вот, к примеру, тот же Хидирбаев. Он родился и вырос здесь, а смеется и над вашим пророком Ходжи-ага, и над нелепыми суевериями. А сколько здесь таких, как Хидирбаев? И молодых, и тех, кто постарше. Так что, как говорят, за всех не расписывайтесь. Хочется вам слушать сказки вашего Ходжи-ага, бонтесь вы после сумерек выйти на Куйрук — ваше дело. Можете хоть треснувшему кувшину поклоняться, никто вам этого не запрещает. Но только не сбивайте с толку других людей. Вот за это у нас по головке не гладят.

— Хорошо, землячок, — тихо бросил Джайикбай

сквозь зубы.— Во всяком случае, помни, когда начнешь каяться: Джайикбай тебе добра желал.— Он хлестнул по крупу своего коня, резко свернул вправо и тут же растаял в степи.

Как ни крепился Темирджан, на душе у него стало мутно. Он уже знал, что Куйрук — давнее место паломничества для верующих и недужных. Здесь не было ни мечети, ни молелен, лишь несколько безымянных могильных холмиков да полдюжины родников. Издавна приходили испить из них воды те, кто исстрадался душой и телом. Со временем паломников становилось все больше и больше: слава о Куйруке разнеслась далеко по степям. Приезжали и те, кто жаловался на боль в пояснице, и те, кого донимали колики в животе. Добирались сюда даже с берегов Каспия женщины, страдавшие бесплодием. Немало было и пышущих здоровьем людей, жаждавших богатства и почестей. Безымянные святые могли, как уверяли местные святоши, и в этом подействовать каждому, кто был, конечно, внимателен и щедр по отношению к служителям бога.

Однако позже стало прибывать все меньше паломников. Зачах Куйрук, а нынешний хозяин его — Ходжи-ага — никак не желал понять, что нет такой силы, которая возвела бы плотину на пути новой жизни и новых обычаев. Да и то сказать: как-никак, все же и теперь кормился Куйруком Ходжи-ага, хотя трапезы его были не всегда столь обильны, как желалось. Да и можно ли сравнить смятую рублевку из стариковского пояса с блестящими звонкими монетами, которые дождем сыпались в карманы предшественников хызра? А тут еще — вот уж воистину нехстати для Ходжи-ага — явились еще и лесоводы с их дерзкими замыслами. Что, если и впрямь перероют Куйрук, посадят деревья? Вовсе уж конец придет доходам.

Темирджан брезгливо поморщился, припоминая угрозы Джайикбая, и тут его догнали товарищи. Хидирбаев натянул поводья, с трудом сдерживая свою лошадь, которая рвалась к проселку.

— Оставайтесь у нас на ночь,— предложил Хидирбаев обоим молодым людям.

Ответил Таджитдин:

— Спасибо, Нурмирза-ага, мы бы остались, да только боюсь, Даулбай-ата беспокоиться будет, всю ночь не

уснет. Не из-за меня, конечно, из-за Темирджана, он у старика на квартире живет.

— Ну смотрите не заблудитесь.

Хидирбаев дернул повод и, уже отъехав, крикнул:

— Не принимайте близко к сердцу мой отказ, парни! Обещаю: как только шалу уберем, сам пойду к вам под начало.

— Рахмат, Нурмирза-ага! — крикнул в ответ Таджитдин.

Некоторое время они ехали молча.

— Ну, как тебе твои новые земляки?

— Ухо отрежут ради знакомства и на память с собой заберут, — невесело пошутил Темирджан.

— Брось! Не все же такие, как Ходжи-ага.

— Жених этот — не лучше. Морду его ты видел?

— Да, ты скис, — заметил Таджитдин, — никак, этот тип, который увязался за нами, что-то тебе напел.

Темирджан промолчал. Они приблизились к развилке, и Таджитдин решительно повернул коня на восток, к большой дороге. Пересекать в темноте Кийикчашму он, видно, не решился. Копыта отбивали на асфальте дробь, словно на бубне. С одной стороны высился обрыв Устюртского плато, с другой — темнела Кийикчашма. Луна зашла за тучи. Стало темней.

— Все-таки ты ответь мне, — потребовал Таджитдин. — Что он тебе нашептал, этот святой?

— Да что отвечать? — раздраженно откликнулся Темирджан. — Достаточно, наверное, того, что он тебе вторит.

Таджитдин опешил.

— Эй, что несешь?

— Ничего нового, — отрезал Темирджан. — И он тоже отговаривал меня от напрасной затеи — сажать леса на Куйруке. Правда, грозил не служебными неприятностями, а пострашнее — смертью.

Таджитдин рассмеялся:

— Ну и комик этот тощий козел! Наплел невесть что, а ты и испугался?

— Нет, просто понял, что на практике все выходит не так просто, как в кабинете. Возникают трудности, которые самый дальновидный ученый не предусмотрит. Ведь и вправду — заповедное для некоторых место этот Куйрук. Значит, надо сначала преодолеть предрассудки, а уж

потом приступать к делу. А еще лучше, наверное, делать и то и другое одновременно. Попутно, как говорят.— Темирджан чуть придержал коня.— Скажи, Таджитдин, неужто ты не знал, что у Куйрука такая слава?

Таджитдин ответил не сразу:

— Знал; еще и потому тоже отговаривал я тебя от твоих планов. А не сказал о святом месте, чтоб ты меня трусом не счел. Между прочим, у этого святоши Ходжи-ага здесь еще имеются кой-какие приверженцы. Да и новых, наверное, вербует. Морочить людям головы умеет, этого у него не отнимешь.

— Что же они верят ему? Неужто не понимают люди, в каком веке живут? В космосе корабли летают, а у него — призраки в пустыне шастают по ночам.

— Может, что-то и творится там, во тьме. Я на Куйруке ночью не бывал.

— Вот и увидеть бы своими глазами, а потом — перед всем народом разоблачить шарлатана!

— Мне что-то не хочется такие опыты проводить,— Таджитдин зябко передернул плечами.— Хотя ни единому слову Ходжи-ага я не верю. Но это же — я. И речь то не обо мне, а о тех, без кого нам со своим делом не справиться,— о здешних людях, о рабочих руках.

И вновь они долго ехали молча. Темирджан вспомнил детину, который нынче затеял свою свадьбу, судя по всему — неожиданно-негаданно даже для председателя колхоза Хидирбаева. Почему же Хидирбаев не запретил празднества в горячую пору уборки? Он далеко не трус: вон как поддевал за дастарханом того же Ходжи-ага, на которого иные степняки глаз не смели поднять... А все-таки разрешил...

— Что-то я на свадьбе вроде побывал, а о женихе понятия не имею,— произнес, стараясь не выказывать своего беспокойства, Темирджан.

— Матназара здесь иные называют хозяином степи,— негромко ответил Таджитдин и оглянулся.— Рожка — сам убедился. Увидишь издали, лучше сразу сворачивай в сторону — проглотит не жуя. Тут его чуть ли не злым духом считают. Появляется в самых неожиданных местах, словно из-под земли вырастает. Быстрый, говорят, как лев, сильный, как медведь, злой, как волк. А если говорить точнее — лицо без определенных занятий. Промышляет жестоким браконьерством. Истребля-

ет сайгаков. На промысел выходит только по ночам. Иногда неделями пропадает в тугаях и песках. Спит в берлогах, пищу готовит на костре — жарит по-первобытному мясо на раскаленных камнях. Но вот поймать его с поличным еще ни одному егерю не удалось.

— Нынче-то он угощал народ блюдами более изысканными. Деньги у него на такое пиршество откуда?

— Из темных источников, полагаю,— Таджитдин снова осмотрелся.— Да и отец его был когда-то баем. Осудили его, но, ходят слухи, добра он припрятал немало. Да и сам сынок не худо промышляет. Сбывает, наверное, сайгачьи тушки мясникам. По вкусу-то от баранины не отличишь, особенно если зажарить с болгарским перцем и морковью. Буламик тебе нынче понравился? Так вот, мясо в нем, помнишь, показалось постным и темным, но зато вкус — бесподобный. Я кусок проглотил, а второй, верь не верь, поперек горла встал. Сообразил: это же сайгачатина!

— Потому ты и помрачнел сразу?

— Ты заметил?

— Слушай, мне кажется, именно этого типа я и повстречал тогда среди ночи в степи, когда своего гнедого искал. Я все думал, что там у него поперек седла лежало, а оказывается, это он к свадьбе готовился — убитых сайгаков вез.

— Эх! — огорченно воскликнул Таджитдин.— Вот бы мне этого мерзавца с поличным поймать. Я бы его наконец под суд отдал.

Темирджану все же подумалось, что вряд ли его товарищу захотелось бы столкнуться на одной тропе с этим Матназаром.

— Вот так оно и раскрывается постепенно, это имя — Барса-Кельмес, — как бы рассуждая вслух, произнес Темирджан.

— Да-а... — откликнулся Таджитдин и неожиданно бодро заключил: — Но не все боятся и злых духов, и Матназара. Пойдет в степь Хидирбаев, за ним — почитай весь кишлак. Рядом с ними Ходжи-ага — плюгавый карлик. Хотя, конечно, сбрасывать со счетов ни его, ни Матназара тоже нельзя.

Они уже приближались к Ойкуюру. Бескрайнее, словно небо, море лежало впереди. Арал был спокоен.

— Гляди! — вдруг воскликнул Таджитдин. — Такое увидишь не часто.

Темирджан и сам не в силах был глаз оторвать от удивительного зрелища, прекрасного и загадочно жуткого одновременно. Голубые блики пронеслись над темной поверхностью моря. Они возникали как бы ниоткуда и исчезали так же мгновенно, рождая непонятную тревогу в душе. И вдруг вспыхнуло на короткое время зарево, поднявшееся из темной пучины вод; оно разгорелось всеохватным пожарищем, рассыпало холодные искры и тоже исчезло вмиг, оставив смятение в душе. Тьма опять стала непроницаемо черной.

— Что это? — растерянно спросил Темирджан.

— Тоже — одна из загадок Арала.

Они стояли зачарованные, словно не решаясь ехать дальше.

— Теперь ты понимаешь, что темный человек, увидевший подобное, легко поддается влиянию Ходжи-ага или любого другого шарлатана.

— Значит, надо искать научные объяснения и доводить их до народа. Может, это явление сродни фосфоресценции. А может, это — свечение заряженных частиц. Не исключено, что ни то, ни другое, но причина, ты же знаешь, самая что ни на есть материальная.

— Рассуждаешь ты, как всегда, толково, но учти, что, к примеру, за несколько лет при мне здесь ни один ученый лектор не побывал, как ни заманивает их сюда райком. Вот в Нукусе они с удовольствием будут читать о жизни морских глубин и даже — о жизни на Марсе. А Ходжи-ага, между прочим, ни единого сборища, хотя бы вечернего чаепития в чайхане, не пропустит.

— Выходит, мы с тобой, друг, должны быть не только лесоводами, но и пропагандистами?

— Наверное, так! Мало у нас забот — придется добавив себе еще новые.

— Боюсь, лектор из меня все равно не получится, да я и не о том толкую. Вот разъяснять людям при каждом удобном случае, что не так уж страшен Барса-Кельмес, — другое дело. А прежде всего — самим не бояться пустыни и тугаев. Ни днем, ни ночью. Для суеверных — это самый убедительный довод.

Таджитдин хмыкнул:

— Ты полагаешь, только суеверные опасаются Бар-

са-Кельмеса? Между прочим, известно ли тебе, что так называют все без исключения окрестности Арала. Большинство же считают, что Барса-Кельмес — только остров, обозначенный этим именем на карте. Однажды, к примеру, приезжал сюда один американский ботаник, худой такой, сутулый, в куртке из телячьей кожи...

— Джонс, что ли?

— Ты-то откуда знаешь? — Таджитдин удивился.

— Да видел я его в Ташкенте на конференции у нас в институте. Назирджан Набиджанович тогда этих американцев попросту наповал сразил, когда рассказал им о нашей селекции в хлопководстве. А что этому Джонсу понадобилось здесь?

— Знакомился с самыми северными в мире районами возделывания хлопчатника, а потом, как обычно, на экзотику потянуло. Показали мы ему побережье, он Аралом полюбовался, тройку окуньков на удочку поймал, собрался уезжать и сказал на прощание, что, дескать, обманули его все же большевики: обещали Барса-Кельмес показать, а привезли в весьма благополучные места. Он же знает отлично, что есть на Арале остров, откуда еще никто живым не возвращался. Вот взглянуть бы на то чудо, дескать, хоть издалека! А тут как раз возвращается с моря наш катерок. Я, значит, чтоб не было у иностранного гостя никаких подозрений, спрашиваю громко у людей, где, мол, были? А они и отвечают: «Как это где? На Барса-Кельмесе, конечно. Куда нас и посылали. Отвезли для сайгачьих стад пищу и соль — и обратно». — «Быстро же, говорю, вы вернулись», — а сам поглядываю на мистера Джонса. Ему наш разговор перевели...

— Вообще-то Джонс прекрасный ботаник, — сказал, посмеявшись вместе с другом, Темирджан. — Он только иногда впросак попадает, потому что жизнь нашу и нас представляет, наверное, по американским фильмам или статейкам в тамошних журналах. Но пусть приезжает опять сюда лет через пять-шесть. Думаю, у него очки на лоб от удивления полезут! Будут у нас здесь леса, Таджитдин. Будут!

— Знаешь что, — ответил, охлаждая его пыл, Таджитдин, — не станем вбивать колышки, пока телятами не обзавелись. Кстати, вот и твой Чапкул.

Впереди засверкали огоньки селения, особенно же-

ланные сейчас, когда Темирджана, после всего пережитого и увиденного, после долгого пути охватила непреодолимая усталость.

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

Темирджан написал свою статью в журнал в первую очередь для шераральцев. Он справедливо полагал, что и механизаторы, и колхозники из здешних кишлаков должны заразиться его увлеченностью. А для этого надо открыть им перспективу. Он понимал, конечно, что его усилия — лишь малая толика того дела, которым уже давно занят райком партии. Сетования Таджитдина на лекторов были не напрасны, но все же еще до прихода сюда лесоводов райком и без ученых из центра делал немало для того, чтобы рассеять зловещую славу Барса-Кельмеса. Только нынешней весной, к примеру, прошли по пустыне, вдоль всего шераральского побережья, два отряда комсомольцев-туристов. Один отряд двигался навстречу другому, и в тех местах, которые пользовались жуткой славой, ребята оставляли памятные надписи на камнях, нередко — юмористические, свидетельствовавшие о том, что здесь не просто побывали, а ночевали такие-то и такие-то парни в надежде лично встретиться с шайтаном или кем-либо из его свиты, но видели они только ящериц да сусликов, а слышали только птиц да цикад. В кишлаках комсомольцы устраивали выступления бригады, напоминавшей «синою блузу» тридцатых годов. Показывали сатирическое обозрение «Как выбраться из Барса-Кельмеса, не веря ни в бога, ни в беса и не потеряв ни жизни, ни веса». Темирджану рассказывали, что на одном из таких выступлений появился Ходжи-ага и несколько его людей. Сам Ходжи молчал, а людишки его подняли шум. Какой-то высохший старик крикнул, что Барса-Кельмес еще никому не прощал кощунства. Так что пусть желторотые юнцы поберегутся, путь им предстоит долгий.

Однако ничего худого с ребятами не произошло. Они благополучно вернулись в Кунград. И все же, — это Темирджан, блуждая по степи, видел уже своими глаза-

ми — на одном из камней каждое из написанных имен комсомольцев было повторено кривыми буквами, начертанными красной краской, а может быть, даже и кровью.

«Горсточке мракобесов и грязных дельцов, может, и выгодно, чтоб Шерарал оставался пустыней, какой он был тысячи лет,— написал Темирджан в статье,— но, как говаривали наши предки, стоит ли сохранять болото ради того, чтобы в нем лягушки квакали? Мы — за соловьиные трели в молодых рощах!»

Неожиданно ему переслали из редакции объемистую пачку писем от читателей. Он с удивлением убедился, что статью читали и заинтересовались ею не только те, кого будущее Приаралья касалось непосредственно, но и жители самых отдаленных районов Узбекистана. Были письма восторженные, написанные по преимуществу молодыми людьми и старшеклассниками, восхищенными самой идеей преобразования пустыни, готовыми приехать на Арал и участвовать «в благородном начинании». Были стихи и даже поэма, едва уместившаяся в толстой клеенчатой тетради: «Здесь будет остров-сад!» Были и сугубо деловые письма, содержащие советы лесоведам о том, какие породы деревьев лучше приживаются в песках, где взять саженцы.

Люди писали, предлагали, советовали, один из читателей даже заверил, что, если они вырастят леса и сады в Приаралье, о них будут слагать песни, как о настоящих героях.

Пока что герои будущих баллад перед началом практических работ допоздна засиживались над чертежами, сметами и расчетами. Таджитдин приезжал для этого из райцентра, каждый раз по пути давая себе слово, что не станет конфликтовать с Юлчиевым: он же сам, никто другой, пригласил к себе в лесхоз Темирджана; прекрасно знал, что характер у этого парня нелегкий. «А чего я хотел бы от него? — порою спрашивал сам себя Таджитдин.— Чтоб он был покладистым, во всем со мной соглашался? Тогда проще и удобней было бы пригласить на его место толкового, опытного прораба, из тех, кому безразлично — сажать ли деревья, корчевать ли леса. Есть приказ начальства — и достаточно, его же забота — организовать труд на участке. . .»

Да, Темирджан Юлчиев был во многом неудобен, но

Таджитдин чувствовал, что упрямство Темирджана — от его честности — перед собой, наукой, будущим. Громкие слова? Но он же доказал это хотя бы во время той же истории с госсполом, о которой Таджитдин немало наслышался в Ташкенте.

Так рассуждал Таджитдин Султанов, директор аральского лесхоза, одолевая верхом версту за верстой до Куйрука. А приехав на место, вникнув в то, что «наворочал», сидя неделю за столом, Темирджан, Султанов выходил из себя вновь. Опять называл он Темирджана утопистом, заклинал его спуститься с небес на грешную землю, подумать, наконец, если уж не о себе, то хотя бы о нем — Таджитдине Султанове, который может по милости Темирджана Юлчиева лишиться всего, что завоевал годами нелегкого труда в пустынном лесхозе. Наконец, исчерпав однажды все доводы, он бросил Темирджану:

— Хватит! Я вижу, разговоры наши ни к чему не приведут, а работы начинать надо. План горит. Забирай свои бумаги и отправляйся в Ташкент.

— Гонишь? — обреченно спросил Темирджан. Губы его дрогнули.

— Успокойся! — Таджитдин нервно закурил и долго тряс погасшей спичкой. — Предлагаю тебе отправиться в самые высокие инстанции. Привези оттуда «добро» на своем проекте, а заодно — дополнительные фонды на технику и рабочую силу. Тогда я — за тебя, и всем нашим спорам — конец.

— Зачем же забираться сразу на такие верха? Может, начнем с наших местных органов?

— А что они могут? Нет у них ни собственных ресурсов, ни денег, которые необходимы, чтоб поднять твою машину. . . — он указал на папки, которыми был завален стол.

.. Как и кем было это устроено, Темирджан не понял, но только через несколько дней загудела поутру около ворот райкомовская машина и шофер сообщил, что товарищ Арсланов приглашает срочно на беседу товарища Юлчиева.

В приемной было немало народу, но секретарша, едва увидев Темирджана, приветливо кивнула и проводила его в кабинет. Высокий темноглазый человек поднялся и шагнул навстречу, и первое, о чем подумал Темир-

джан, да и секретарь райкома, наверное, тоже: мы уже виделись когда-то. Однако, не расспрашивая об этом, Арсланов пожал Темирджану руку и жестом пригласил его к большому столу, сплошь застеленному картами и схемами, отлично известными Темирджану, поскольку начерчены они были его собственной рукой. Только теперь узнал Темирджан в человеке, который сидел за этим же столом спиной к двери, своего товарища и начальника Таджитдина Султанова. Он уселся, как ему было предложено, напротив и заметил, что Таджитдин очень взволнован. Разговор, как понял Темирджан, шел уже давно и был, по-видимому, не совсем приятен для Таджитдина.

— Товарищ Юлчиев,— тихо, отдельно, очень внятно произнес Арсланов,— Темирджан, так, кажется, вас зовут?

Темирджан кивнул.

— И я буду, если не возражаете, называть вас по имени. Итак, Темирджан, мы готовим к предстоящему бюро отчет нашего директора лесхоза товарища Султанова Таджитдина,— он опять едва заметно улыбнулся.— Так вот, изучаем мы с Таджитдином этот вопрос уже давно, и вывод пока сделан такой: прежний проект, утвержденный в Ташкенте, вами как непосредственным исполнителем работ отвергнут. Все исходные материалы вы теперь подготовили, руководствуясь другими, вашими собственными установками. Таким образом, получается, что к практическим работам, к посадке лесополос и разбивке фруктовых садов, мы приступить не сможем. Так это?

Можно было только удивляться, как быстро ухватил и определил секретарь самую суть и дела, и столкновение между Темирджаном и Таджитдином. Не в правилах Темирджана было уклоняться от ответа, тем более от ответственности. Но, сам сердясь на себя, он молчал, уставившись на ствол молодого карагача, который рос за окном. Ни единая веточка на дереве не шевелилась.

Арсланов отошел к своему столу, щелкнул крышкой портсигара, протянул его Таджитдину (тот неловко извлек сигарету), затем — Темирджану (он отрицательно покачал головой), прикурил.

— Между прочим, я с большим удовольствием познакомился с вашим выступлением в журнале,— сказал

Арсланов. Он переменял на время тему, чтобы дать возможность Темирджану подумать над ответом.— Такие статьи нам нужны. Люди должны понимать, во имя чего их призывают трудиться, что даст это сегодня и завтра им и их детям. Кроме того, давно пора нам забыть само имя — Барса-Кельмес. Вот как, например, это сделали под Ташкентом: была Голодная степь, теперь называется Гулистан — Цветущий край! И правильно! Я там не раз бывал, своими глазами видел, какие чудеса сотворены нашими людьми. А перспективы!

— Вот и я — о том же,— начал Темирджан.

Голос его еще выдавал волнение, но он уже знал, о чем нужно говорить. Он сказал, что согласен с выводом, сделанным товарищем Арслановым. Старый, иначе говоря, утвержденный во всех инстанциях, проект он отвергает, и вот почему: в лесхозе уже имеется печальный опыт, когда пытались заняться озеленением выбранного наугад участка, без учета общей задачи — облесения всего полуострова. Это похоже на то, как еще до революции переселенцы пытались осваивать по клочкам земли в Голодной степи. Год-другой собирали урожаи, кажется, даже неплохие, а потом проступала из-под почвы едкая соль и все сжигала. Успех пришел тогда, когда освоением занялись масштабно и комплексно, проложили магистральные каналы, осуществили на огромных площадях дренажные работы,— в общем, все об этом знают, но почему-то иногда иным (тут он взглянул на Таджитдина) кажется, что опыт Голодной степи имеет только местное значение. А между тем и у нас. . .

Теперь Темирджан говорил легко и свободно, чувствуя на себе понимающий взгляд внимательных глаз Арсланова. Он водил карандашом по схеме, доказывал: как это несложно, в сущности, увязать сегодняшние работы с общей задачей преобразования Шерарала, как много можно сделать даже при наличии выделенных скромных средств, конечно, если удастся поднять общественность; без нее никак не обойтись. Потому он и выступил в журнале, а вовсе не славы ради. . .

Он сделал паузу, и Арсланов ободряюще кивнул: продолжай, мол.

Тогда Темирджан перешел к конкретной части:

— В нынешнем году не следует трогать ни Унгулок, ни Чапкулок. Начнем с пустующих земель на юго-восто-

ке от кишлака Гардон. Посадим там сто тысяч корней урючин и яблонь. Почему именно эти породы? Потому что они, это доказано опытами одного видного ученого (имени отца Темирджан не назвал), лучше всего приживаются на почве, обводняемой артезианской водой, а вода там залегает неглубоко и грунт мягкий. Почему фруктовые деревья? Потому что мною учтена и психологическая сторона: колхознику легче понять значение плодового сада, чем, скажем, тополевой или дубовой рощи. Дальше. От северной окраины Гардона и почти до кишлака Ёл тянется неглубокий овраг. На его склонах следует высадить виноградные лозы. Во-первых, прекратится эрозия, во-вторых, уже через три года здесь можно будет собирать по две с половиной тысячи тонн винограда.

Здесь Таджитдин впервые позволил себе хмыкнуть.

— И цифра-то у тебя какая точная! Будто твои ягоды уже там зреют.

Темирджан весьма спокойно, что его самого обрадовало, ответил, что цифра, конечно, приближительна, но он убежден, что урожай будет гораздо больше. Снова Таджитдин хотел возразить, но Арсланов приложил палец к губам и тем дал понять, что сам он слушает внимательно и с доверием. Но Таджитдин все же не сдержался:

— Да где же мы столько виноградных корней наберем, товарищ Арсланов? Он хоть бы об этом подумал.

— Не будем забегать вперед, Таджитдин,— осадил его Арсланов.— Слушаем вас дальше, Темирджан.

Легко и непринужденно рассказывал теперь Темирджан о самом главном — о том, как за фруктовыми садами последует озеленение еще одной тысячи гектаров между Гардоном и селением Аккала. Расчет снова на то, что здесь наиболее благоприятные условия для деревьев. Правда, близлежащие земли не возделываются, но только — пока! Сады и лес резко изменят микроклимат. Через три года на месте пустошей возникнут обширные пашни. Там можно будет получать надежные урожаи зерна и овощей, и это компенсирует потери, которые наносит стихия незащищенным нивам около других кишлаков. Но и к ним с каждым годом все ближе и ближе будет подступать надежный зеленый заслон. Уже в этом году можно начать работы в окрестностях

Ела, Кузкула, Окмуйина, Унгулока. И конечно же, надо заново провести посадку деревьев между Мойкулом и Ойкююром, но осуществить это наконец толково: не втыкать в почву без разбору те саженцы, которые легче достать, а учесть, где и какие породы лучше принимаются, какое влияние оказывают они друг на друга, развиваясь; в общем, здесь вот все написано и представлено на схеме.

Темирджан кончил говорить и опустился на стул, вдруг почувствовав, что устал, будто после тяжелой работы. В приемной стоял шум, громко препирались мужской и женский голоса. Очевидно, секретарша не пускала кого-то, кто настойчиво рвался в кабинет к Арсланову. Секретарша вдруг сама появилась на пороге и, беспомощно разведя руками, спросила: как быть? Нахальный тип этот, фамилию Темирджан не расслышал, не желает ничего понимать. Подавай ему секретаря райкома — и все! Может, милицию вызвать?

— Нет-нет,— поспешно возразил Арсланов,— только не это. Передайте, что я как раз и готовлюсь к разговору с ним. Пусть терпеливо ждет.— Он почему-то многозначительно посмотрел при этом на обоих лесоводов, а задержал взгляд на Таджитдине.— Мы уже много говорили с вами сегодня, товарищ Султанов, но все-таки я хотел бы вместе с Юлчиевым послушать вас еще раз теперь, когда стала понятней сущность его предложений. Итак, что скажете нам вы?

— Прежде всего, товарищ Арсланов, то, что я никогда не был категорически против Юлчиева. Я сам,— он сделал упор на этом слове,— пригласил его к нам из Ташкента, потому что мне нужен был толковый ученый и организатор в едином лице. Я и теперь не сомневаюсь, что Юлчиев — именно такой человек.

— Который нам нужен? — уточнил секретарь райкома.

— Именно! — Таджитдин кивнул, соглашаясь с Арслановым, и продолжал: — Пусть Темирджан скажет, сколько дней и даже ночей провел я вместе с ним, уточняя проект. Я во многом пошел ему навстречу, но говорил всегда и скажу теперь, в этом кабинете, в вашем присутствии: ребенок, который сразу пять пальцев в рот сует, когда-нибудь подавится, простите за грубость. Вы же только что сами слышали: сто тысяч яблонь, виноград-

ник протяженностью чуть ли не в шесть километров... Разве же это — не сказка?

— А у вас — план? — подсказал Арсланов.

— Совершенно верно, товарищ Арсланов. План, спущенный вышестоящими организациями. И они с меня, опять извиняюсь, шкуру спустят, если я его не выполню. Вы сами знаете, товарищ Арсланов, что дела у нас в лесхозе всегда шли неплохо, по крайней мере с той поры, как я работаю здесь. Хвастаться не стану, но все-таки заложили же мы плодовый сад в Қазактепе? В будущем году он плодоносить начнет, а прежде там даже трава не росла. Роща наша в Окчингиле уже поднялась во-о как! А сколько деревьев вдоль арыков и каналов посажено, сколько кустарников, зеленых насаждений! Но мы не останавливаемся на этом, а идем вперед и выше, но,— здесь Таджитдин взглянул на Темирджана,— надо силы рассчитывать. По-русски говорят: поспешай, не торопись...

— А еще — тише едешь, дальше будешь, так, что ли? — добавил Арсланов.— Совет, конечно, мудрый. Но ведь, насколько я понимаю Юлчиева, он тоже не предлагает единым махом озеленить весь Шерарал. И он за то чтобы облесение осуществлять поэтапно, но у него, товарищ Султанов, имеется система, а у вас пока все строится только на вале. Отчитались: столько-то деревьев высажено, такие-то площади подготовлены — и все. А есть ли какая-то генеральная линия в вашей деятельности, об этом в центре не знают. Пока не знают, хочу я подчеркнуть, потому что не было у вас в лесхозе до сих пор настоящей проверки. Толковые люди сразу поймут, что к чему. Они вам и загубленный участок между Мойкулом и Ойкуюром тоже припомнят. Это я говорю сейчас не для того, чтоб лишний раз упрекнуть. Ошибки у всех бывают. Во многом и тот проходимец виноват, который у вас до прихода Юлчиева эту должность занимал. Но должен вам сказать, что, если бы посадки осуществлялись по системе, которую предлагает нам Юлчиев, этот участок тоже не погиб бы. Да-да. Вы специалист и прекрасно понимаете, что пески на Ойкуюр движутся с запада; это как раз те пески, которые Юлчиев предлагает остановить садами у Гардона, лесополосой и рощей возле Аккала. Не так ли?

— Пусть так,— сказал Таджитдин, несогласный все

же с доводами секретаря райкома.— Допустим, мы приняли план Юлчиева, но кто нам даст дополнительную технику? Людей мы откуда возьмем? И саженцы. Питомник наш дает лишь шесть тысяч корней в год. А остальные где будем брать? У тещи в палисаднике?

Вместо ответа Арсланов, мягко ступая по ковру, подошел к шкафу и вернулся к столу с пачкой писем в руках. Он достал несколько листков с грифами учреждений поверх страницы. Темирджан взглянул на них обрадованно.

— Вы получили, наверное, копии? — спросил у него Арсланов.

Темирджан кивнул.

— Вот, товарищ Султанов, можете ознакомиться. Это — отклики на статью Юлчиева в журнале. Видите, какой энтузиазм вызывает сама идея озеленения Приаралья. Нас не только приветствуют — нам предлагают помощь и Чимбай, и Кегейли, и ташкентский институт имени Шредера, и лесные хозяйства России.

— Я читал это,— все так же недовольно сообщил Таджитдин.— Саженцы надо еще привезти, а самое главное — посадить. Где нам взять столько рук?

Арсланов снова закурил, прикрыл, проходя мимо, плотнее дверь, потому что шум в приемной снова усилился, встал за своим столом и сказал:

— Есть такое понятие — местная инициатива. Наверное, в каждом своем решении мы этот пункт записываем. Требуем проявлять, проявлять... А как до дела доходит — забываем. Конечно же куда проще пойти проторенной дорожкой. Вот хотя бы вам, товарищ Султанов: запросить у центра фонды, деньги, материалы, год-полтора ждать ответа, и дело тут не в волоките, а в том, что народные деньги требуют учета и контроля, никто не выделит их вам, прежде чем вопрос не будет изучен основательно, а для этого надо время, потому что у высоких инстанций немало других забот, кроме лесопосадок, и там справедливо рассуждают, что всему свой черед.

Итак, пока вопрос решается, вы со своим лесхозом живете спокойно. Выполняете план, даже премии получаете. И полезное дело делаете, не отрицаю. Может, и вправду будем мы осенью пробовать в Казактепе ваши персики. Нет там персиков? Тогда — яблоки. Но тут яв-

ляется вдруг неугомонный человек — Темирджан Юлчиев и начинает вас тревожить. «Что ему, больше всех надо?» — так, наверное, иногда думаете вы. Сознайтесь. Так? Вот видите. А мне, скажу вам также откровенно, он понравился еще до этого разговора, когда мы с вами вдвоем с его документацией знакомились. Он не хочет жить спокойненько, не желает оправдываться тем, что нет пока еще официальных постановлений и даже средств. Он предлагает уже сегодня осуществлять пусть в скромных масштабах, но только тот план, который называется перспективным. Как говорится, капля по капле — озеро.

Да, товарищ Султанов, у нас, благодаря вам, появился инициативный человек! Да, он — инициативный, и потому поддержать его нужно тоже — нашей местной инициативой. Вот за это и возьмется теперь райком. Мы будем на практике шаг за шагом осуществлять проект Темирджана Юлчиева. И не в ущерб плану работы лесхоза. Об этом мы тоже позаботимся. Вы согласны?

Таджитдин, однако, усмехнулся скептически, и это не укрылось от Арсланова. Секретарь спросил, чем недоволен директор лесхоза. Таджитдин, не скрывая, ответил, что сомневается, найдет ли начинание Темирджана такую же поддержку на местах, как в этом кабинете. Было ведь уже принято развернутое, как это называют, решение райкома о помощи со стороны всех хозяйств и организаций лесхозу, а на деле тот же Хидирбаев, милейший, в сущности, человек, слышать об этом не желает. Он-то хоть обещал дать людей после страды, а другие руководители вообще отмахиваются от лесоводов, как от назойливых мух.

Нетрудно было заметить, что Арсланову это замечание очень не понравилось, и Темирджан уже подумал, не испортил ли Таджитдин своей откровенностью все дело, но Арсланов так же рассудительно посоветовал:

— Будешь отчитываться на бюро — вот и доложи обо всех подобных фактах. Накажем по всей строгости тех, кто заслужил. Дальше... по твоему отчету тоже примем решение, и я лично возьму исполнение под контроль. Устраивает? Что ты плечами пожимаешь? С тебя, как с директора лесхоза, никто ответственность снимать не намерен. Надо будет — поможем. Но главное зависит от тебя и от Юлчиева. — Он остановился

около Темирджана и еще раз внимательно взгляделся в его лицо.— Слушай,— спросил он, неожиданно переходя с Темирджаном на «ты»,— а орешины ты думаешь высаживать или они у нас не примутся?

— Есть новые сорта, выведенные специально для северных краев. К тому же они и плодоносить начинают намного раньше — уже на четвертый год. Правда, деревья не такие рослые, как в горах, к примеру. Они скорее напоминают кустарники, но плоды — ничуть не хуже.

— Превосходно! А я со своей стороны вам могу сообщить, что у нас уже сегодня выращиваются лимоны,— он говорил это как бы в пику Таджитдину.— Это не сказки: моя жена — научный сотрудник в филиале Академии наук. У нее в оранжерее в этом году первый урожай созревает.

Теперь у Темирджана не оставалось сомнений.

— Значит, Айша Арсланова и есть ваша супруга? А вы — Базарбай-ага?

— Точно! А ты — сын того самого профессора, который орешинами занимался?

Таджитдин, видя, как обрадовались они оба этому внезапному открытию, тоже заулыбался.

— Так-так... А я все думаю, что за Юлчиев? Фамилия вроде бы очень знакомая. До сих пор помню, как твой отец говорил: «Ореховое дерево — сокровище». Не мог и предполагать, что мне придется работать бок о бок с сыном прославленного Ентак-домлы. Так его все называли — первый знаток орехов!

— А мы с вашей женой в одном институте трудились. Правда, я пробыл там очень недолго.

— У Каримова? У Абдуллы Каримовича?

Темирджан кивнул.

— Только я был в другой лаборатории — у профессора Джамалова,— он не без усилия произнес фамилию своего недавнего опекуна и наставника.— А Айша-ханум занималась изотопами. Влиянием радиоактивности на генетические структуры и наследственность...

— С этим она и в наши края прибыла. Мечтает создать в Нукусе свою лабораторию, а я, как видите, здесь тружусь. Только по выходным и встречаюсь с семьей. Да и то,— он безнадежно махнул рукой,— какие у нас выходные дни! То сев, то страда, а вот теперь — и

лесопосадки. Ну да ладно. Айша очень обрадуется, когда узнает, что ты здесь.

— Привет ей передавайте.

— Непременно. Надеюсь, ты и в гостях у нас побываешь. Вы оба,—спохватился Арсланов,—приходите обязательно, найдется о чем потолковать. . .

Его прервал грубый голос, который раздался теперь уже в самом кабинете. У порога стоял рослый детина с иссеченным шрамами лицом, отчего он казался старше, чем был на самом деле. Широкой спиной прижал он дверь, чтобы не пускать в кабинет других посетителей, которые вновь недовольно зашумели, возмущаясь прорвавшимся без очереди.

Арсланов недовольно нахмурился.

— Почему врываетесь без разрешения? — произнес он строго.

— Времени у меня нет ждать, райком,— отвечал человек, в котором и Таджитдин и Темирджан сразу узнали Матназара, недавнего жениха.

— Значит, ты полагаешь, что это у меня забот мало? — все так же неприветливо возразил Арсланов. Его, помимо прочего, раздражала, очевидно, ухмылка, которая не сходила с опухшего лица Матназара.— Мне доложила секретарша, что кто-то из «Чапаева» ко мне рвется, а я-то решил, что сам председатель, Хидирбаев, явился.

— Я тоже — человек, достойный разговора с вами, райком,— не смущаясь, ответил Матназар.

Он сделал несколько шагов навстречу Арсланову, отпустив наконец дверь, беспрепятственно раскрывшуюся настежь, и в кабинет влетела, едва не упав, взволнованная секретарша.

— Сто раз повторяла я ему, Базарбай Арсланович, что к вам нельзя, но он же слушать не желает. Это же хулиган известный — Матназар из Караузения. . . Ну погоди, доберется еще до тебя милиция. А ну, выходи! — негодовала секретарша, не подходя, впрочем, близко к нахалу.

— Не шуми, дорогая,— Матназар отмахнулся от нее, подняв огромную, как лопата, ручищу.— Никуда я не выйду, пока не побеседую по душам с райкомом; а милиция до меня уже добралась, о том и разговор будет.

Вскочивший с кресла Таджитдин обратил взгляд к Арсланову — не выставить ли наглеца за дверь? Но секретарь райкома жестом усадил его обратно и сказал секретарше, видимо уловив что-то необычное в странных речах и поведении Матназара:

— Оставьте нас, пожалуйста.

— И они пускай тоже... это самое... Пусть выйдут,— потребовал все тем же ровным голосом Матназар, указав на лесоводов.

— А вот это уж, дорогой, решаю я сам, и никто другой,— резко бросил ему Арсланов.— Ворвался — не командуй тут. Скажи спасибо, что слушают тебя. Говори!

Матназар пожал округлыми плечами, глуповато сморщил лицо.

— Как желаете, райком. Только глядите потом не обижайтесь. Если что не так, я не виноват. Хоп?

— Да что ты договариваешься, будто в карты сел играть! Говори... Пять минут тебе дается,— отрезал секретарь райкома.

— Будь по-вашему,— Матназар приблизился к столу. Желтые голенища, казалось, вот-вот лопнут на его объемистых икрах.— Милиция мне пригрозила, что к ответу притянет. Зачем, мол, я невесту свою украл. Я сказал, что не украл, а женился. Свадьбу устроил. Вот эти двое, по-моему, тоже у меня за дастарханом сидели. И в сельсовете я все оформил. И она, невеста, то есть моя жена, Ойслув эта самая, значит, никаких претензий не имеет. И папа-мама ее — тоже сынком меня кличут теперь,— он осклабился, показав желтоватые зубы.

— К чему ты нам поешь этот дастан? — прервал его Арсланов.— Коли не виноват ни в чем, оставит тебя в покое начальник милиции. Иди к нему и объясняйся. Не мешай работать.

— Милиция не за то придирается,— продолжал, будто не понимая Арсланова, Матназар. Как явствовало из его речи, у него была любопытная привычка называть человека именем учреждения, которое тот возглавлял.— Я ему сказал, например, что не только я — наш райком новый, вы, значит, тоже когда-то свою невесту от ее родителей ночью увез. Разве же посмеет сказать кто теперь на Шерарале, будто райком преступник? На-

оборот, все очень уважают его. Я — тоже. . . — Матназар хитро сощурился, ожидая ответа.

Арсланов полез за сигаретой, а Матназар скорчил мину, недвусмысленно выражавшую: я же вас по-хорошему предупредил. . .

В памяти Темирджана вмиг воскресло в мельчайших подробностях то раннее утро в горах Арсланбоба, когда посреди сельской улицы голосила растрепанная Айба, оплакивая свою похищенную дочь. Но вспомнил он и то, как вмиг унялась она, когда безжалостный женский голос напомнил ей, что Айша едва ли не каждую ночь до рассвета с Базарбаем просиживала под луной.

Неловкое молчание нарушил Арсланов.

— Так-так, — произнес он, затягиваясь сигаретой, — значит, слухом земля полнится, как говорят. Ну, вот что, палван, оправдываться перед тобой я не намерен, тем паче что и вины за мной никакой нет, но и тебя я предупрежу тоже: если только твоя Ойслув не любит тебя так, что готова бежать с тобой хоть на край света, как некоторые невесты бежали за своими женихами, тогда ответишь ты по всей строгости закона. Это — первое. А второе — ты сам сказал, что у милиции имеются к тебе другие претензии. Какие именно?

Матназар понял, что проговорился. Он заторопился, объясняя:

— Понимаете, райком, — голос его теперь звучал далеко не так самоуверенно, — скачу я себе на прошлой неделе по степи, неподалеку от Кийикчашмы, никого не трогаю, а ко мне вдруг какая-то баба в штанах прицепилась: ты, мол, сайгаков гоняешь. Я всех здесь знаю, никогда прежде эту девку не видел, вроде бы городская она, и говор у нее не наш. Ничего ей не сделал, конечно, только пугнул, вроде бы хочу на нее конем наехать, а она как заголосит, я еле-еле сам от нее спасся, ей-богу. . .

— Ага, — произнес, словно прозревая, Таджитдин, — так я и думал, что это был ты, Матназар! — Он вернулся к Арсланову: — Новый охотовед у нас, Базарбай Арсланович, девушка из Ташкента приехала после университета; между прочим, сама именно сюда, на Арал, попросилась.

— Слышал, слышал, — Арсланов кивнул. — Выходит, она в первый же день на этого браконьера нарвалась.

— Кто браконьер? — вскинулся Матназар, грозно

нависнув над столом, за которым сидели Таджитдин и Темирджан.— Это еще доказать надо. Вы меня поймайте с поличным, а уж потом дело шейте. А то получила милиция какую-то писульку, придирается теперь ко мне. Будто, кроме Матназара, никто по степи не гуляет.

— А ты что, между прочим, там, возле Кийикчашмы, делал? — прервал его Арсланов.— Что тебя понесло туда в самую горячую пору полевых работ, когда сам раис ваш, Хидирбаев, за штурвалом стоит? Для тебя что, дел в колхозе не нашлось?

— Мать у меня, райком, очень сильно болеет. Я траву для нее искал. Змеинный глазок называется. Только около Кийикчашмы и растет она.

— Проверим всё. И змеинный глазок твой — тоже. Так скажи все-таки, зачем явился, и будем разговор этот кончать.

Матназар уставился на него, будто и впрямь запомнил, зачем так яростно рвался к секретарю райкома. Таджитдин, сам того не желая, помог ему выйти из оцепенения.

— Он ее с лошади сшиб, товарищ Арсланов. Женщину! Не постеснялся, бандит. И еще прикладом на нее замахнулся.

— Я? — Матназар возмущенно выкатил глаза.— Да она же сама свалилась. Ясное дело, ташкентская ханум. Разве ей в седле сидеть? Она же привыкла в театре, на бархатном кресле. И потом, откуда я знал, что это девка? Штаны на ней, куртка, на голове — фуражка, вроде военной. Потом, правда, — он опять осклабился, — я понял, что девка, да еще и красивая. Глаза, брови — пропадешь! Да я бы такую десять раз украд, никакой милиции не побоялся бы. А он на меня — бандит.

— Еще одна приглянулась, — насмешливо бросил ему Арсланов.— Двух жен тебе маловато. Я теперь вспомнил. Это о тебе мне отдел пропаганды докладывал. Я собирался вызвать тебя, а ты и сам — легок на помине. Ну-ка сядь! — Арсланов поднял трубку и попросил, чтобы его соединили с начальником отделения милиции.

— Правильно! — с притворной радостью поддержал Матназар.— Пускай доложит начальник вам, Базарбай Арсланович, зачем он мне тюрьмой грозил? Я свои права знаю: пусть прежде мне обвинение по всей форме

предъявит, пусть судят, если я в чем виноват. А у него доказательств никаких и сразу — за решетку. Я, конечно, обиделся. Каждый бы на моем месте обиделся. Сказал, что райкому пожалуюсь, и сразу — к вам, Базарбай Арсланович.

— Оказывается, ты даже имя и отчество мое знаешь. А то все — райком да райком, будто степняк темный. И вообще вижу я, ты, Матназар, парень битый. И законы знаешь, и привычку блатных усвоил. Называется у них — на арапа брать: сперва пугнуть, а потом — своего добиться. Только не на такого напал, это я тебе как мужчина мужчине говорю. Долго сидел? — вдруг спросил он в упор.

— Зачем мне? — Матназар пытался еще бодриться. — Аллах миловал.

— А под судом был? Отвечай.

— Ну, был. Но если оправдали, значит, все равно что не был. — Он махнул безнадежно своей ручищей: — Зря я пришел. Думал, защитите, а к вам только попади. Найдете к чему прицепиться.

— И опять же скажу, не тот ты человек, Матназар, перед которым оправдываются. — Арсланов снял трубку зазвонившего телефона. — Уехал на участок? — спросил он у кого-то о начальнике милиции. — Тогда передайте, чтоб зашел в райком. Да-да, как только вернется. — Он взглянул на Матназара: — Иди домой, палван. Рассуждаешь ты правильно: тот, чья вина не доказана, считается честным человеком. Постараемся найти доказательства.

— Мы, между прочим, тоже писать умеем, Базарбай Арсланович, — сказал уже с порога Матназар. — Десять — двенадцать лет — срок небольшой. Где-то лежит еще дело. . .

— Иди, тебе сказано! — едва сдерживая себя, выкрикнул Арсланов.

— Иду, иду: До скорой встречи. С вами, джигиты, — тоже, — он ухмыльнулся и помахал пятерней обоим лесоводам.

У Арсланова даже дух перехватило.

— Видали? — спросил он, указывая на захлопнувшуюся дверь, и вдруг задумался и продолжил не сразу: — Не может все-таки быть, чтобы этот Матназар

сам, своим умом до такого хода додумался. Кто-то стоит за ним, направляет. Опытный, хитрый. . .

— Мне еще в Ташкенте говорили: самая счастливая пара — вы и Айша-ханум. . . — Темирджан сказал это и тут же почувствовал — напрасно. Арсланов не нуждался ни в оправданиях, ни в утешении. Он даже не понял, о чем говорит Темирджан. Мысли его были заняты другим.

— Передам ей твой привет, — пообещал, впрочем, он. — Скоро увидите. Она тоже здесь бывает. Правда, реже, чем хотелось бы. Дел, забот хватает у нее. Так что мы решим с проектом Юлчиева? — спросил он, возвращаясь к разговору, прерванному вторжением Матназара.

— Что тут решать? Работать нам надо, товарищ Арсланов. — Таджитдин встал и положил руку на плечо Темирджану.

II

Кони паслись на воле. Друзья поймали их, сунули ноги в стремя, поехали шагом.

— Так знаешь ты, кто наш новый охотинспектор? — спросил, загадочно улыбаясь, Таджитдин.

Темирджан вздрогнул. Еще в кабинете Арсланова, едва Матназар упомянул о девчонке из Ташкента, его пронзила догадка.

Теперь Темирджан даже поводья отпустил, и гнедой тут же остановился.

— Кундуз? — спросил он.

— Она самая. Я сперва не поверил, но получил ее документы, вижу: отец — Джамалов Ильдам Джамалович. Профессор. А вскоре и сама Кундуз прибыла.

— Что ж ты, чудище лесное, до сих пор молчал? Где она?

— Увидишь скоро. Она свои новые владения сейчас объезжает. Отправил ее уже, слава богу, не одну, а с егерями.

— Неужто ей в Ташкенте места не сыскалось? — вслух произнес Темирджан.

— Я вижу, ты не рад, друг. А девчонка, к слову сказать, редкая. Учти, что и я до сих пор холостяк. Дашь мне добро?

Темирджан не ответил. Он хлестнул гнедого. Таджитдин поскакал вслед за ним, и вскоре оба всадника скрылись в клубах пыли.

С той же горячностью, с какой недавно выступал Таджитдин против проекта, принялся он за его осуществление. Энергии, организаторских способностей ему было не занимать. То и дело либо звонил, либо забегал он к Арсланову, каждый раз напоминая, что секретарь райкома сам обещал взять под личный контроль лесопосадки. Вскоре на площадку начали прибывать машины — экскаваторы, грейдеры, бульдозеры, тракторы вместе с трактористами из ближних колхозов. Райком комсомола — не без участия Арсланова, разумеется, — объявил лесопосадочные работы чем-то вроде ударной молодежной стройки местного значения. По направлению комсомола пришли рабочие — в основном парни, но было и несколько девушек.

Лето между тем пошло на убыль. Днем еще было по-прежнему жарко, но по ночам в степи пронизывал холод. Ветер приносил с Арала сырость, и по утрам, глядя на мокрые ветви деревьев, на влажную траву, на кустарники, обильно усыпанные каплями, сверкающими на солнце, можно было решить, будто ночью прошел дождь. Мокро поблескивали и борта огромных машин. Впрочем, они мгновенно просыхали, едва всходило солнце, и вслед за двигающимися по Ойкуюру агрегатами начинали вздыматься столбы пыли. Бульдозеры врезались в бугры, толкали перед собой грунт, заваливали ямы и впадины; за ними шли канавокопатели; блестящие лемеха поднимали почву; степь покрывалась сетью широких и глубоких арыков. Когда-то в эти места подавалась вода из Учсая, но частые бураны сровняли каналы и поля. Деревца, которые было принялись здесь, засохли. О них напоминали лишь тонкие хрупкие прутки, торчащие кое-где из земли.

Бурая в эту пору года степь покрывалась свежими темнеющими полосами. Со страхом взирали на свое исконное обиталище вараны, убегая подальше от гула и грохота за неподвижные песчаные холмы. Расползались во все стороны змеи, один вид которых вызывал озноб. Черные грифы, кружа высоко в поднебесье, напрасно

высматривали добычу и улетали на восток, где было пока безлюдно и тихо. На рассвете, когда моторы еще молчали, доносился издали отвратительный вой шакалов, навевающий тоску даже не такого бывалого степняка, как Унгарбай Джуманазаров. Впрочем, были у него важные причины для грусти: жена пока стояла упрямо на своем: ушел в лесхоз — ушел от семьи. Приехал в выходной детей проведать, а она калитку отпереть не пожелала. Когда же это видано было такое, чтоб мужчина в свой собственный дом через ограду перебирался! Никому не рассказал, конечно, Унгарбай о своем позоре.

Нелегко людям приходилось. Часть из них Темирджан поставил на уборку камыша, которым заросли подступы к заболотившемуся озеру Тузкуль. За несколько дней были сложены огромные стога. Из них следовало соорудить изгороди вдоль лесных посадок, чтобы на первых порах уберечь еще не окрепшие молодые деревца от песчаных заносов.

То было новшество, введенное Темирджаном. Таджитдин не возражал против него, но все же напоминал то и дело, что затея эта напрасна — полторы тысячи гектаров не оградашь даже всем камышом, который растет вокруг Тузкуля. А где взять еще? Темирджан заметил, что и тугай Куйрука неподалеку. Там, у залива, в котором полным-полно дамб и плотин, возведенных бобрами, где водятся нутрии и ондатры, заросли камыша необозримы. «Но зато и комаров, и мошкар, и мух — пропасть», — напомнил Таджитдин.

Тем не менее сам Темирджан отправился на Куйрук во главе целого отряда вооруженных острыми серпами людей. Они закатали до колен штанины, замотали лица до самых глаз марлей и полезли в камыши. Темирджан попробовал серп пальцем, остер ли, и первый вошел в гущу зарослей, подсекая камыш. Люди тут же двинулись следом, искоса наблюдая за ним. Все же он переусердствовал, да и сноровки необходимой не было. Вскоре ладони начали гореть: правая — от рукоятки серпа, левая — из-за того, что захватывал ею пучки камыша. Кто-то бросил ему тряпку и посоветовал обмотать левую руку, а серпом действовать коротко и резко: не пилить, а отсекал камышины от корней.

Дружная работа захватывает, словно свадебная

пляска. Откуда-то появился и Таджитдин. Он быстро вошел в воду и начал ловко валить камыш, успевая еще и шутить и подбадривать отстающих. Однако позади всех волей-неволей оказался Темирджан. Жесткие, подчас острые, словно лезвия ножей, стебли никак не хотели поддаваться серпу, выскользывали из уставшей ладони, мошकारа забиралась под марлю и люто впивалась в губы и щеки. К тому же он раза два провалился в неглубокие, к счастью, ямы, к одежде прилипли какие-то перья, листья, нити болотных растений. Все ощутимей становился и холод: ноги в воде заледенели. Может, бросить эту затею? Но он же сам все начал!

Рабочие, предводительствуемые теперь Таджитдином, ушли далеко вперед. Надсадно кричали обеспокоенные и напуганные чирки-клоктуны. Мелькнул, извиваясь, водяной уж, зажавший в пасти какую-то добычу.

— Эй, Темирджан, ты жив еще? — крикнул из зарослей Таджитдин. — Клянусь, ты изобретаешь сейчас какой-то хитрый комбайн для уборки камыша!

Легко ему зубоскалить. С малых лет, наверное, лазил в таких камышах. А тут каждый шаг становился во сто крат трудней, чем предыдущий. . .

Голоса рабочих звучали все дальше и дальше, а потом наступила тишина. Темирджан двинулся вправо, влево. Вокруг были бескрайние заросли. Он понял, что лишь мучает себя напрасно: толку от его работы сейчас немного, и, с трудом отыскивая путь, пренебрегая болью, которая возникала каждый раз, едва касался он сухих, похожих на мечи листьев, исколотый и исцарапанный, выбрался наконец на берег.

Боже, как легко написал он, сидя за столом в уютной своей комнатке в доме Даулбая-ата, обоснование о защите саженцев камышовыми изгородями! Ему казалось это едва ли не открытием, за которое следует получить в награду хотя бы аплодисменты. . .

Он все же прилег, хотя совесть мучила: бригада-то трудится и Таджитдин — тоже. Но усталость была непреодолима. «Всего несколько минут. . .» — сказал он себе. Над ним плыли прозрачные паутинки бабьего лета; не было ничего блаженней наступившего покоя. Вдруг он услышал чье-то сопение, вскинулся испуганно и увидел глаза застывшего, словно скульптура в парке, оленя. Странно было, что и он глядел на человека

как будто без опаски, но достаточно было Темирджану протянуть руку, как олень резко подпрыгнул сразу на всех четырех ногах, повернулся и скрылся из виду.

«Не Кундуз ли привезла его с собой?» — с усмешкой подумал Темирджан. Все-таки из головы у него она не выходила. Он и не скрывал от себя — почему. Она была сестрой девушки, дороже и желанней которой не было, несмотря ни на что, на всей земле. Сегодня поутру Темирджан снова спросил у Таджитдина о Кундуз: как бы увидеть ее поскорей? Таджитдин хмуρο откликнулся, успеется, мол, а настаивать Темирджан не посмел: надо было вести бригаду за камышом. Правда, оказалось вот, что толку от него на уборке камыша было немного, но это — смотря как рассуждать... Он повел за собой людей, да и Таджитдин появился на участке благодаря тому, что Темирджан был здесь.

Он приподнялся и увидел, что из плавней цепочкой тянутся на отдых рабочие.

После обеда дело у него пошло куда лучше. Он встал рядом с Таджитдином. Теперь Темирджан действовал не спеша. Он освоил главное — прием, короткое движение серпом, которым подсекались стебли, и с каждым разом это получалось удачнее.

— Хватит тебе, — остановил его Таджитдин. — Рабочие теперь сами управятся, а нам надо уехать пораньше. В райисполкоме нас ждут. А по пути, может, что интересное встретится.

Темирджан даже не предполагал, что кроется за этим обещанием, но едва они, двигаясь знакомым путем, пересекли Кийикчашму и выбрались из зарослей на простор, Таджитдин указал рукой, в которой была зажата камча, на холм Бойкуштепа. На самом верху стоял всадник, озирая окрестности, словно полководец — место предстоящего сражения. На всаднике была войлочная белая шапка, клетчатая рубашка, брюки, заправленные в голенища сапог. И все-таки по одной уже посадке можно было даже издали определить, что это — женщина.

— Кундуз? — обрадованно спросил Темирджан.

— Она. — Таджитдин сложил ладони рупором и закричал: — О-го-го-го!

Кундуз помахала рукой.

— Не можешь ты все-таки без сюрпризов, друг Таджи! — бросил обрадованный Темирджан. — Трудно бы-

ло предупредить, что Кундуз ждет нас на Бойкуштепа? Ты же условился с ней заранее. Сознайся! — Все это он говорил, нетерпеливо подстегивая коня.

Вскоре оба они были на холме. Широко улыбаясь, глядел Темирджан на девушку. Темные глаза, длинные ресницы, изогнутые брови — будто бы сама Юлдуз приветливо и весело глядела сейчас на него. Он почувствовал вдруг себя легко и свободно, хотя еще нынешним утром, думая о встрече с Кундуз, опасался, что покраснеет и смутится, как в юности. Но, судя по всему, трудней приходилось сейчас девушке. «И все-таки — не та...» Мысль эта, наверное, невольно отразилась на его лице, а женское сердце чутко, — Кундуз сникла.

— Здравствуйте, Темирджан-ака, — произнесла она, протягивая маленькую ладонь. — Вот я и появилась в ваших краях. Некстати, наверное?

— Да что вы! Очень, очень кстати! — излишне горячо заверил Темирджан. Ему казалось прежде, что он засыплет ее вопросами, а сейчас он молчал, пока сама девушка не пришла на помощь.

— Матушка ваша, Хумайрабану-апа, привет вам передала. Я ее всего за день до отъезда видела.

— Да, да! Матушка... Как она там, одна?

— Письма ваши получает. Читаю, говорит, перечитываю и радуюсь, как дитя. Только писал бы почаще.

И вновь они умолкли. Таджитдин деликатно отъехал в сторонку, полагая, что это его присутствие сковывает их.

— Еще вам передает большой привет... — Кундуз помедлила, и Темирджан весь напрягся, — тетушка Вотти.

— Спасибо, — произнес Темирджан, не в силах скрыть разочарование. Он еще раз оглядел Кундуз, вспомнил недавнюю сцену с Матназаром в кабинете у секретаря райкома и заметил строго: — Как же это вы без оружия? В этих местах без него выезжать за окраину не рекомендуется.

— Кого мне бояться, волков? Так их почти всех истребили. Придется скоро заново разводить.

— Здесь и люди порой встречаются такие — хуже иного волка. Вы уже с одним столкнулись, насколько мне известно.

Кундуз засмеялась, правда, принужденно:

— Вы уж простите, но убить человека, даже самого плохого, я вряд ли смогу.

— Слушайте, друзья,— крикнул им Таджитдин,— что, если нам все-таки двинуться дальше? Вы же, Кундуз, тоже в район путь держите, как я понимаю? — Он поехал вперед, а Темирджан и Кундуз следовали за ним на некотором расстоянии.

Разговор все никак не завязывался. Темирджан сбоку поглядывал на Кундуз, видел ее маленькие уши с дырочками для сережек, тонкую длинную шею. Невольно сравнивал он девушку с ее старшей сестрой, а Кундуз беспокойно перебирала поводья, словно безошибочно угадывая его мысли.

— Мне уже рассказывали о вашей жизни,— произнесла она, явно стараясь не подчеркивать своего интереса к Темирджану.— Кажется, дела у вас пошли неплохо?

— Теперь еще лучше будет: вы приехали,— нашел наконец не очень удачную, но все же вежливую фразу Темирджан.— Вот уж никак не ожидал встретить вас здесь,— добавил он искренне.

— Конечно! Городская девушка, неженка... Но где мне быть еще? Я люблю природу, не ту, что на экране в «Клубе кинопутешествий», а живую. И животных тоже люблю тех, которые на воле, а не выставлены на потеху зевакам в клетках. Я хочу заботиться о них и готовилась к этому.

— Но есть же и другие места. Заповедники под Ташкентом, например.— Темирджан спохватился: — Не подумайте только, ради бога, Кундуз, ничего такого! Я очень, очень рад вашему приезду.

— Да, вы правы: выбор у меня был,— продолжала Кундуз, пренебрегая неловкостью.— Папочка мог меня даже в университетский музей устроить, где я год за годом описывала бы какое-то чучело тигра. Но я хотела только на Арал. Так я решила, еще в школе, несколько лет назад.

И прозвучало это так: «Не думайте, пожалуйста, что я примчалась сюда вдогонку за вами...»

Она вдруг хлестнула коня и унеслась вперед, поравнялась с Таджитдином. Таджитдин воспрянул духом, стал шутить напропалую, а Кундуз смеялась. Впрочем, смех этот был несколько деланным, и это было заметно.

Когда Темирджан услышал о приезде Кундуз, он почувствовал себя на миг счастливым, как бедняк, который, копаясь в огороде, нашел золотой. И вот — она рядом, а он не находит о чем с ней говорить. Ни единым словом не обмолвилась она о сестре, а ждал Темирджан только этого. Конечно же приятно, что матушка здорова и не изводится от тоски, что тетушка Вотти помнит о нем, и все-таки. . .

Они уже приближались к поселку.

— Я и не предполагала, Таджитдин-ака, что вы — такой романтик, — говорила Кундуз, отвечая на какую-то тираду ее спутника.

Все же он был настоящим товарищем.

— Это Темирджан меня заразил, — ответил он девушке, — вот кто у нас — настоящий мечтатель. Статью его в журнале читали?

Кундуз изобразила на лице недоумение.

— Вы еще и пишете? — она взглянула наконец на Темирджана.

Тот только пожал плечами, что делать, мол, если приходится?

На том и расстались, а потом, если случай сводил их, она старалась сделать так, чтобы не остаться с Темирджаном наедине. Если же сталкивались они лицом к лицу, Кундуз попросту убегала, пробормотав обычные слова приветствия.

И по-прежнему о Юлдуз — ни слова.

Высохший козлобородый Джайикбай попался как-то вечером на глаза Темирджану. Что понадобилось ему в лагере лесоводов? Вспомнил Темирджан о Джайикбае несколько дней спустя. Надо было переходить на соседний участок, поросший ялпонгом, растением, странным даже для пустыни. Оно расстилает свои стебли и ветви по земле во все стороны, шагов на двадцать от корней. Сейчас, ближе к осени, ветви ялпонга огрубели настолько, что наступать на них было небезопасно: они раздирали самую прочную обувь, ранили ноги лошадям. Но для тракторов, конечно, ялпонг был не страшен; и все же почти все механизаторы вдруг нашли повод, чтоб не вести машины на этот участок.

Причина стала понятна вечером. Унгарбай явился в

вагончик к Темирджану и рассказал ему об ужасном растении, которое называется вампир, а по-местному — шерпанжа, то есть львиные когти. Встречается оно якобы только вблизи зарослей ялпонга. Неминуемая смерть ждет каждого, кто попадет в «львиные когти». Вырваться из них невозможно.

Стало понятно, зачем приходил сюда приспешник обрюзгшего Ходжи-ага — худой, как палка, Джайикбай. Темирджан созвал механизаторов, пытался внушить им, что пора уже освободиться от суеверий, тем паче молодым парням.

И тут едва ли не самый молодой из механизаторов бросил ему, не тая вызова:

— А вы бы попробовали сами пройти по ялпонгу, хотя бы вон до того холма. Может, и правда, мы, степные люди, напуганы всякими сказками про Барса-Кельмес, а вам, городским, ученым, — ничего не страшно?

Темирджан как был, в мягких ботинках на резине и легкой рубашке навывпуск, вооружившись лишь суковатой палкой, почти бегом направился по пескам. Уговор был такой: если Темирджан не обнаружит никакой шерпанжи, дойдет благополучно до конца участка, машины двинутся следом.

Он ступал, осторожно выбирая место, куда поставить ногу. Оглядываясь, он видел людей, которые следили за ним с возвышенности. Преданный Унгарбай бросился было за Темирджаном вдогонку, но тот остановил его, подняв руку и усмехнувшись.

Одна полоса зарослей кончилась, пошли пески, и Темирджан начал резво взбираться на бархан. Не успел он сделать и десятка шагов, как впереди юркнула плоскоголовая ящерица. Она, однако, не убежала, а застыла, уставившись на Темирджана круглыми блестящими глазками. Невольно вспомнилась еще одна из местных примет: вот такое поведение ящерицы предупреждает человека о близкой опасности. Ящерица подождала секунду-другую и, будто и впрямь решив, что ее поняли, шмыгнула в сторону.

Оставляя глубокие следы, Темирджан перевалил через холм. Противоположный склон был гораздо круче. Едва начал он спускаться, весь бархан пришел в движение. Песок, словно водопад, лавиной потек вниз, и Темирджан скатился вслед за ним. Он заметил все же

высохший куст, напоминающий полынь, успел ухватиться за его колючие стебли и удержался, а потом уперся ногами в небольшой уступ, встал и подул на горевшие ладони, пытаясь утишить боль. А когда поднял глаза, то увидел на уровне своей груди змею. Она вскинула голову и замерла. Бурые пятна на ее длинном теле влажно поблескивали, извилистые полосы отливали серебром. Темирджан разглядел ямки на морде змеи и гремушку из крупных чешуек на хвосте. То был щитомордник, менее опасный, чем другие его собратья — гремучие змеи. Однако встреча с ним, да еще при таких обстоятельствах, когда щитомордник был потревожен обвалом, ничего хорошего не сулила. Главное было сейчас, Темирджан это знал, взять себя в руки, ни в коем случае не пытаться напугать змею или прогнать ее. Раздвоенный язычок, словно чуткая антенна, уловит твое малейшее враждебное намерение. Только отступать, осторожно, но неуклонно, ни в коем случае не поворачиваясь спиной. И Темирджан, не отрывая от щитомордника взгляда, что было тоже необходимо, начал пятиться назад.

Он уже отодвинулся на четыре шага, когда песок под ним обрушился снова. Он падал вниз, на мгновение даже обрадовавшись, потому что избавился от ядовитого гада, как вдруг почувствовал, будто чьи-то когти сначала осторожно коснулись его тела и тут же впились в грудь. Инстинктивно рванулся он вперед и только навредил себе этим. Шипы глубже впились в тело. Спасаясь от боли, Темирджан отпрянул назад и почувствовал, что уже весь опутан шершавыми колючими ветвями.

Вот тебе и на! Смеялся над суеверными страхами степняков, а сам, кажется, попал в эти самые «львиные когти». Однако все же это — только растение, не обладающее ни разумом, ни инстинктом. Значит, справиться с ним можно.

Темирджан знал, конечно, о чрезвычайно редких видах колючих кустарников, которые встречаются здесь, в степи. Но если бы он мог предположить, что сам запутается в беспощадном колючем клубке! Винить в этом шерпанжу — то же самое, что винить трясину за то, что она засосала человека, который забрел в болото.

Все это было так, и Темирджан был прав, конечно, ринувшись опровергать суеверные страхи, но легче от этой мысли не становилось. Малейшее движение стоило

мучений. Оставалось одно — кричать, звать на помощь, к вящему торжеству того парнишки, который бросил Темирджану вызов, не говоря уже о сухом Джайикбае и его покровителе Ходжи-ага. Да, не выдумка досужая и не шутка — Барса-Кельмес! И только самонадеянный глупец, подобный Темирджану, удаляется в сторону от жилья, не вооружившись хотя бы кривым острым ножом, который носит за голенищем истинный степняк. Будь у него нож, можно было бы, пусть испытывая мучительную боль от свирепых укусов, все-таки отсечь ветвь за ветвью и освободиться из плена. Но что толку от сетований?

— Эй! Есть кто поблизости?

Голос прозвучал тихо и хрипло. Никто не откликнулся. Темирджан набрал больше воздуха, движение это стоило страшной боли, и, может, потому он закричал куда громче:

— Сюда! Ко мне!

Он чувствовал, что по телу из ранок струится кровь. Наверное, вот так ослабевали и погибали те несчастные животные или люди, которые случайно оказывались в «львиных когтях». Отсюда — и все страшные легенды о кустарнике-вампире.

— На помощь! — крикнул уже громко Темирджан, пренебрегая не только укорами совести, но и болью.

На бархане появился Унгарбай. Верный законам пустыни, он не мог допустить, чтобы товарищ ушел один на Барса-Кельмес.

III

Благо, у Даулбая-ата сыскались средства для примочек, необходимых в подобных случаях. Неделю Темирджан отлеживался после укусов шерпанжи. В первые сутки было совсем худо: он даже бредил, порывался встать, хотя все тело опухло и болело. Вызвали и врача. Он прописал заграничную мазь, а пока посоветовал пользоваться лекарствами, которые предлагал Даулбай-ата.

Первым явился проведать его все тот же Унгарбай, который освободил его из колючих тенет. Забавным показалось сорокалетнему степняку, что молодой ученый из Ташкента первым делом спросил, что случилось с шер-

*

панжой. Не срубил ли ее, не дай бог, Унгарбай под корень? Надо во что бы то ни стало сохранить редкий экземпляр недостаточно описанного наукой растения. Унгарбай успокоил парня: неподалеку от того места рабочие нашли еще два куста «львиных когтей». Хотели со зла облить их соляжкой и сжечь, но Унгарбай не позволил — как чувствовал, что ученым людям эти растения интересны. Сам Унгарбай, к слову, тоже получил несколько царапин, пока рубил ножом ветви, впившиеся в Темирджана. Но ссадины на его руках были не так глубоки и быстро заживали под действием все тех же лекарств, которые ему дал старик Даулбай.

Поблагодарив Унгарбая за сохраненную шерпанжу (горячие слова признательности за спасение собственной жизни были, разумеется, сказаны прежде всего, хотя Унгарбай только отмахивался от благодарностей), Темирджан тут же спросил, как дела на участке. Оказалось, что, вопреки его предположениям, механизаторы, все до единого, повели в тот день машины на ялпонг. Им стало совестно из-за того, что они толкнули молодого лесовода на безрассудный поступок. Теперь, как рассказал Унгарбай, они уже под корень сбрили ялпонг, и скоро этот участок будет подготовлен для лесопосадок.

Ежедневно заезжал Таджитдин; он и жалел Темирджана, и опасался за его здоровье, а когда убедился, что дело идет на поправку, начал справедливо корить: не зря все эти места, куда глаз ни кинь, называются Барса-Кельмес. Опасности, даже смерть всегда подстерегали здесь человека на каждом шагу. Да и теперь, как убедился на собственном печальном опыте Темирджан, тут нужно быть все время начеку. Темирджан и сам понял это еще тогда, когда сжимала его колючими ветвями шерпанжа.

На третий день Темирджан уже сидел в постели. Явились ненадолго Нурмирза Хидирбаев, а с ним — сам Базарбай Арсланович Арсланов — секретарь райкома. Арсланов торопился в центр, и было приятно сознавать, что он уделит несколько минут и Темирджану, спросил о самочувствии, отругал за легкомыслие, а к вечеру шофер привез из города мазь в заграничной упаковке, которую прописал доктор. Боль после нее и вправду как рукой сняло. Темирджан повеселел, готов был хоть сей-

час отправиться снова на участок, вопреки запрету врача. Все стало на места, странным казалось лишь то, что к нему ни разу не заглянула Кундуз. Как бы там ни было, все же они — давние знакомые и соседи по Ташкенту. Но тут старик Даулбай сообщил ему, что вскоре после того, как Темирджана уложили в постель, приходила какая-то девушка. Старик принял ее сперва за юного паренька: брюки на ней, сапоги, куртка. Но когда сняла она фуражку, волосы рассыпались по плечам, длинные, густые. Тут он и понял, что это — девушка, да еще очень хорошая собой, хотя ему в его годы обращать на такие вещи внимание — негоже. Но все-таки он скажет, что глядела она на Темирджана (он еще был в забытьи) такими глазами, которые лучше всяких слов говорят, что дорог ей этот парень. Кто же она такая?

Темирджан промолчал, а старик, подобно всем степнякам, не стал проявлять ненужного любопытства. Сейчас, когда Темирджан томился от одиночества, ему очень хотелось, чтобы пришла Кундуз, села рядом, смотрела бы на него, пусть молча, а потом, кто знает, может, и сказала бы все же хоть несколько слов о своей сестре.

Не в силах бездельничать, он снова писал письма. Матери, ташкентским знакомым, написал даже бригадиру Хилалу-ака в андижанский колхоз: как, мол, у вас нынче хлопок? Думают ли, наконец, использовать тот, уже давний проект — развести сады на пустом адыре? Не писал он только Юлдуз. Три неотправленных письма уже лежали в ящике стола. Решил когда-то твердо: не станет отправлять их, пока она не ответит на предыдущие его письма, а послал он их немало. Однако сейчас, на досуге, в голову пришли новые и важные, как ему казалось, слова, которые следует непременно сказать Юлдуз, и сделать это безотлагательно. Но только приготовился он писать, как вошел Таджитдин.

— Ну, молодцом ты, дружище! — пробасил он с порога, достал сигарету, но тут же, спохватившись, спрятал ее обратно в пачку. — Только уговор: впредь нас так не пугать.

— Садись, кури, мне это не повредит. Больной я, что ли? Ты скажи, как там у нас дела движутся?

— Тебе, наверное, наши участки и ночью снятся. Не беспокойся, все идет как надо. Только на Окмуйине

небольшая заминка. Колхоз «Новая жизнь» опять трактора не дал. Председатель у них там строптивый, поискать таких надо. Жалуйся, говорит, хоть в Верховный Совет; ни машин, ни людей я вам больше выделять не стану. Но не могу же я, сам понимаешь, по каждому подобному поводу беспокоить секретаря райкома? Придется потерпеть до той поры, пока Арсланов сам не пригласит меня с отчетом за неделю.

— А как в Ёле?

— Ровняют овраги. Самый сейчас ответственный участок. Я там пропадаю день и ночь. Некогда на другие участки даже одним глазом взглянуть.

— Это я тебя подвел.

Таджитдин махнул рукой:

— Да брось ты! Не в огорожке же своим ты копаешься, пока другие дело делают... Когда ты эти свои украшения снимешь? — он показал глазами на бинты.

— Доктор пока запрещает, но надоели мне они — жуть! Вот возьму и сдеру.

— Не смей, чудак! И вообще, брось тосковать. Я вижу, ты не бреешься даже. Не можешь сам, давай я тебя живо побрею, лучше, чем районный парикмахер.

— Да я и сам в состоянии. Я же совсем здоров! Как там шерпанжа, кстати?

— Ну и оригинал ты, Темир. Тебе бы проклинать минуту, когда встретился с этим колючим клубком, а ты все о нем печешься. Не волнуйся, я велел оградить кусты и даже таблички поставил с предупреждением, чтоб не трогали: во-первых, опасно, во-вторых, ценность для науки. Между прочим, не шерпанжу ли эту проклятую ты описывать собрался? Вон и бумагу приготовил... — взгляд его скользнул по столу.

Темирджан покраснел так, будто друг изобличил его в чем-то зазорном.

— Письмишко тут... Одному знакомому хотел написать.

— А что это за папка у тебя? Рукопись-то какая толстенная! Не иначе, роман. Можно взглянуть? Писатели, говорят, очень любят, когда их хвалят. Может, и я тебя похвалю, а?

Темирджану некуда было деваться.

— Это рукопись отца.

— А, та самая,— уважительно произнес Таджитдин.— Но что-то, я вижу, здесь и на твой почерк похоже.

— Ну, я кое-что расшифровываю. Отец любил сокращения, а машинистка не поймет. Изредка кое-что дополняю, исходя из сегодняшнего уровня техники и прочего.

— Смотри, замечательная схема. Я вижу, тут не только породы, но и каждая группа деревьев обозначена своим цветом. И как здорово подобраны! Погоди, погоди. . . это же наш регион, не иначе.

— Наш. Я же тебе говорил не раз, что именно отец обосновал теоретически то, чем мы занимаемся на практике сейчас.

— Меня, друг, не обманешь. Я в институте штаны не зря просиживал. Сознайся, эта глава — твое собственное творчество?

Темирджан и впрямь внес в отцовские разработки кое-что свое. Сперва ему было даже страшновато, когда он ловил себя на том, что в чем-то может не согласиться со своим отцом, крупнее которого для него в узбекском лесоводстве авторитета не было. С опаской, робея, заносил он собственные мысли на поля рукописи. Но однажды подумал: будь отец жив, он, как это у него водилось, при каждом новом прочтении тоже совершенствовал бы, дополнял бы свою работу. И все же зачеркивать строки, написанные отцовской рукой, Темирджан не мог. Это представлялось кощунственным. Тогда он начал писать одну главу заново. Попытался заменить диагональную схему посадок более прогрессивной квадратно-гнездовой и убедился, что это позволяет, прежде всего, использовать для обработки участков весь комплекс машин, которые в отцовское время еще только запускались в серийное производство. Экономия сил и средств получалась немалая. Сблизил Темирджан и саженцы, не только для того, чтоб рощи стали более густыми. Он учел, что пустынные дикорастущие, по преимуществу колючки, требуют много света и тепла. Значит, чем скорее появится зеленый шатер, покрывающий почву тенью, тем меньше усилий потребуются для борьбы с сорняками. Снова же — экономия сил и средств.

— Ну и размах у тебя, братец! — воскликнул Таджитдин.— Тысячу гектаров озеленить дополнительно за счет одной лишь экономии. Но вот это, кажется, еще

любопытней. Смешанные посадки. Ну и ну! — Он углубился в бумаги, а потом взглянул на Темирджана с откровенным восхищением.— Точно! Если сажать вокруг участка защитные полосы из декоративных пород, а внутри разбить фруктовые сады, расходы окупятся даже на пять, а не на десять лет раньше, как пишешь ты. Впрочем, надо все это пересчитать, но сама идея несомненно годится. Хорошо, что ты разработал и локальные схемы отдельно для окрестностей Гардона, Окмуяина... Ну, правильно: они же всегда были безводны. Там лучше для вишни, алычи, абрикосов, а на склонах оврагов самое место для виноградников. А в Аккале, совершенно верно, скорее приживутся тополя, карагачи, а внутри участков — яблоневые сады. А вот, наконец, я вижу, твоя особая гордость — Куйрук. Сосновые лесополосы, а за ними — ореховые рощи. Орешины тех сортов, которые вывел Мардон Юлчиевич? Скороспелые?

Темирджан кивнул.

— А откуда ты столько саженцев сосны наберешь? Из России, что ли, привозить станем? Так они же не акклиматизированы.

— Питомники сосновые нужно создавать уже сегодня. Вот здесь мои наметки на этот счет.

— Да, все ты продумал, но одно упустил, мудрец. Леса наши — не самоцель. Нам и поля нужны, хлебные нивы, уголья для пастбищ. Где у тебя все это?

— Я же тебе не представлял эту работу на суд. Она еще не окончена. Дай время, а уж потом казни, если заслужил,— Темирджан шутливо склонил голову.

— Чудак,— Таджитдин не без опаски прикоснулся к его забинтованному плечу,— да я свою голову готов подставить за твои идеи. Пусть уж нас другие казнят.

IV

В понедельник Темирджан почувствовал себя совсем здоровым. Он вышел из дому. Во дворе было тихо. Рыжий пес не спеша приблизился к нему и потерся о голенище. Конь, стоявший под навесом, завидев хозяина, фыркнул и начал рыть копытом землю. Темирджан подошел к нему, похлопал по шее, погладил по морде. Грива у жеребчика за эти дни спуталась, и Темирджан,

найдя деревянный гребень за столбом, стал расчесывать ее.

— Надоело тебе стоять без дела,— приговаривал он ласково,— ну ничего, сейчас мы прогуляемся.

Конь кивал головой, словно выражал свое согласие с хозяином.

Через полчаса Темирджан уже держал путь к селению Ёл. Степь казалась нетронутой от века, но вот за холмами послышался гул моторов, а вскоре Темирджан увидел машины. Впрочем, их очертания можно было скорее лишь представить: завеса желтой пыли стояла над ними. Там, где машины уже прошли, осталась ровная площадь, изрезанная аккуратными бороздами.

Темирджан спешил, подошел поближе. Узнать механизаторов было невозможно. Лица их были обвязаны платками, на глазах — защитные очки. Ближний бульдозер нырнул в низину, толкая перед собой остатки земляной груды, которую он только что передвинул. Мотор умолк, и мужчина в куртке, которая казалась серой, сперва помахал приветственно рукой, а затем вылез из кабины и направился навстречу Темирджану, на ходу открывая молодое лицо.

— Ассалом алейкум! — радушно произнес он.— Уж так мы рады видеть вас,

То был тот самый Калибек, который втравил Темирджана в спор о пресловутой шерпанже. Парень глядел виновато, хотя и улыбался приветливо.

— Выздоровели вы?

— Порядочек! — Темирджан крепко пожал руку механизатору.— А у вас тут как?

— Трудимся, хотя без чепе не обходится. Вчера, к примеру, на клубок змей наткнулись. Они, гады, как кинутся прямо на гусеницы, будто даже железо им ни почем,— он спохватился, что снова некстати заговорил об опасностях пустыни, и пренебрежительно махнул рукой: — Ерунда, подавили мы их — и точка. Тут вот дело посложней,— он указал рукой на восток,— там мы нетронутую делянку оставили. Грунт — сплошной камень. Никакой экскаватор не возьмет.

Темирджан взглянул на местность, сверился с картой.

— Да,— произнес он невесело,— гряда эта тянется под песками до самого побережья. Надо прорубить в

ней хоть русло для канала, иначе все наши посадки останутся без воды.

— Это мы понимаем,— почтительно отвечал Калибек,— и бригадир вчера на планерке говорил то же самое. Только чем его возьмешь, этот камень проклятый?

— Директор был здесь?

— Каждый день, почти с утра и допоздна. Только вчера не показывался. Был занят на другом участке, наверно.

— Ладно, придумаем что-нибудь,— задумчиво сказал Темирджан.

— Что придумаете? — в тоне Калибека снова мелькнуло чуть насмешливое недоверие.

— Взрывать будем,— спокойно сообщил ему Темирджан.— Существует такой способ — направленный взрыв.

И опять Калибек с почтением посмотрел на лесовода, хотя разница в возрасте между ними была года четыре, никак не больше.

— В Окмуйине вы еще не были? — спросил он.

— А что?

— Да шофер с самосвала рассказывал, будто там из-под земли вода ударила, все кругом затопило.

Едва услышав об этом, Темирджан сунул ногу в стремя. Вот так новость... Ломали, ломали голову, как орошать западную окраину Окмуйина, которая находится гораздо выше уровня воды в канале, а тут тебе — такой подарок природы! Если, конечно, грунтовые воды не затопят все вокруг. Тогда вместо рощ и садов возникнет обширная лужа, где одним лишь лягушкам раздолье да ребятам. Им, детишкам, будто и дела нет, что невдалеке — море. Возьтся в теплом иле, плавают на досках, а то и старую лодку-плоскодонку притащат и гоняют ее от мели к мели.

Почти такую картину и застал Темирджан на Окмуйине. Но радости детей суждено было длиться недолго.

Укрыться от жары было негде, а слабость еще сказывалась. У него разболелась голова, но он не успокоился сам и не отпускал на обед людей до тех пор, пока не была готова схема с обозначением траншей, по которым воду следовало спустить в новый канал, куда должны были также стекать и грунтовые воды. Приток, как сумел установить Темирджан, был не столь уж велик,

но зато вполне достаточен, чтобы орошать будущие посадки.

Это была неожиданная удача. Да и то сказать: не все же природа должна чинить препятствия!

Однако так ли все получится, как задумано, должна была показать опять-таки практика. Более детальные разведывательные работы могли бы осуществить лишь поисковики из института водной геологии и мелиораторы, но пока добьешься их приезда сюда, пропадет весь участок. Все же Темирджан вечером решил написать докладную записку в головной институт водной геологии в Ташкент. Пусть хоть учтут этот водный пласт у самой поверхности Окмуйна. Не исключено, что и заинтересуются, пришлют своих людей.

Надежда была зыбкой, а тревога о том, удастся ли направить рвущуюся из-под земли воду по каналу, — велика. К тому же и боль в висках не проходила. Но то, что увидел уже к вечеру Темирджан на соседнем участке, в Ойкуюре, заставило его забыть о ней.

Всюду почва была подготовлена для посадок. Даже удобрения запасены. Таджитдин уже завез сюда, как узнал сразу же Темирджан, саженцы из собственного питомника. Успеют ли их посадить в самый короткий срок? Если корни подсохнут, все, что было достигнуто раньше ценой нелегких усилий, пропадет.

Однако и Таджитдин прекрасно понимал это. Темирджан попросту просиял, когда увидел, сколько народу вышло на посадки. Особенно много было женщин и школьников. Ребята таскали камыш, а женщины ставили его в борозды торчком и присыпали землей почти до половины высоты. Чуть ниже натягивали проволоку, пропуская ее змейкой между пучками камыша. Получалась та самая ограда, за которую так ратовал Темирджан. Она остановит движущиеся пески, будет оберегать в какой-то мере посадки и от злых ветров.

По самой середине участка двигалась прицепленная к трактору машина, оставляя за собой ровные ряды посадок. А ближе к краю деревца сажали вручную. Все делалось, кажется, так, как требовал Темирджан, структурируя будущих рабочих еще летом.

Темирджан мог быть доволен. Однако нашел он и деревца, засыпанные так сильно, что корневые шейки оказались глубоко под грунтом. Нестарый, но уже

беззубый колхозник, который трудился здесь с мальчишкой-напарником, только отмахнулся пренебрежительно от Темирджана: не все ли, мол, равно? Закопано дерево хорошо, не упадет, из-за чего же шум? Темирджан возмутился, велел, чтобы позвали бригадира, но вместо него вдруг явился собственной персоной Нурмирза Хидирбаев.

Он прежде всего обрадовался Темирджану, начал тискать его в объятиях, расспрашивать о самочувствии. Но Темирджан заставил его обойти вместе с ним весь участок, и они нашли и другие огрехи. Оказалось, что, вопреки четкой схеме, в северной части, где должны были сажать сильнорослые яблони, попадались сливы, а в южной, среди вишен,— высокорослые урючины.

— Как вы не понимаете: ученые люди жизнь отдали тому, чтобы определить, где, в каких условиях может лучше развиваться и дать быстрее плоды то или иное дерево, а вам — все едино, лишь бы землей его засыпать.

— Степняки, что с них возьмешь? — хитровато усмехался Хидирбаев, поглядывая на своих несколько обескураженных бригадиров.

Темирджан заставил их еще раз осмотреть ямы. Сколько раз объяснял он на тех же инструктажах, что такое очаговое окультуривание, говорил, кажется, ясно, что надо засыпать удобрения только в ямы. По краю участка все так и было сделано, почему Темирджан и обрадовался вначале, но чем ближе к середине, тем заметнее было, что химикалии рассыпали полосой, не особенно заботясь, попадут ли они в ямы.

Из-за этого пришлось даже лесопосадочный агрегат на время остановить.

Не без труда удалось Хидирбаеву,— он заметил, что Темирджан чрезмерно бледен,— отправить его отдохнуть и поесть.

Очаг был сооружен у родника. Над огнем висел большой котел, в нем булькала рисовая похлебка. Из-под крышки похожего на алюминиевый бак самовара выбивался парок. Под джидой была составлена горкой посуда; молоденькая женщина нарезала на доске капусту. В облике ее угадывалось что-то знакомое. Темирджан взгляделся внимательней и узнал в ней печальную невесту на недавней свадьбе.

Волосы у нее были теперь убраны под платок, брови

густо насурьмлены, а глаза подведены. Выглядела она совсем по-взрослому, но это была, без сомнений, она.

— Ты, что ли, Ойслув? — спросил, еще не веря, Темирджан.

— Ага! — откликнулась она, сразу посветлев лицом. — Я вас тоже узнала. Помните, когда корову гнала, обещала прийти в степь, деревья здесь сажать. Вот и пришла. . .

Теперь Темирджан и в самом деле увидел, что это та самая веселая девчонка, обещавшая одной из первых свою помощь.

— Поваром здесь работаешь? Хвала тебе. Слышал я краем уха на тое, что ты по этой части — мастерица.

Ойслув при упоминании о свадьбе погрустнела, но тут девушка, которая подбрасывала сухие стебли бурьяна в самоварную топку, весело спросила:

— Что ж это вы, Темир-ака, на помощника повара никакого внимания не обращаете?

Это была Кундуз. Глаза ее слезились от дыма, но смотрели приветливо.

— Думаю, помощник повара не обращает на меня внимания. Так будет правильней, — хотел не хотел Темирджан, в голосе его прорвался упрек.

— Не сердитесь. Я проводывала вас. Даже нынче утром заходила. Только еще очень рано было. Вы спали. Я на вас через окошко посмотрела и пошла по своим делам. А потом сюда завернула. Надо кой о чем с Ойслув поговорить.

— Не стану вам мешать.

— Что вы, Темир-ака! — Ойслув вскинулась. — Мы еще успеем наговориться.

Кундуз отбросила волосы, упавшие на грудь. Она была в простеньком платье, таком же, как у всех местных женщин, и в голубой шерстяной кофте, облегающей тонкую талию.

— Выпейте чаю. — Кундуз поставила перед присевшим в тени Темирджаном большой белый чайник, сама наполнила пиалу.

— И вы со мной за компанию.

— Спасибо, но я же и вправду взялась нынче помогать Ойслув, а камыш этот гадкий только дымит. Воду вот кое-как вскипятила, но надо же еще и масло в котле прокалить.

— Были бы хоть сучья.

— А где их взять? Хотела со старых деревьев нарубить, так меня за руку ухватили. Главный лесовод, говорят, с нас самих за один-единственный сук голову срубит. Вот уж не предполагала, что вы такой грозный! — В темных глазах Кундуз отражались огоньки. — Рассказывают, вы даже шерпанжу проклятую и то не позволили рубить.

— Злиться на шерпанжу — все равно что на огонь, который вот сейчас может поджечь ваши волосы, если вы их не уберете под косынку.

Кундуз отпрянула от ярко вспыхнувшего под котлом пламени.

— И все-таки не каждого хватает в свои объятия эта шерпанжа. Я, наверное, тоже проезжала мимо нее не раз, а она — ноль внимания.

— Джигита выбирает, да еще такого, который повидней, — заметила Ойслув и покраснела.

Темирджан подумывал, как бы повеселее отпарировать этот выпад, как вдруг увидел Арсланова. Секретарь райкома спускался к ручью, стряхивая на ходу прутиком пыль с голенищ. За гулом тракторных моторов они, наверное, не услышали машину, на которой он подъехал.

Подчиняясь не только обычаю, но и искреннему порыву, Темирджан шагнул навстречу Арсланову, приветствуя его. Видно, Арсланов давненько путешествовал по степи. Он расстегнул пуговицу пепельного шелкового кителя, достал из кармана платок, отер лицо и шею, а потом, развернув его, начал обмахиваться.

— Душно, — сказал он. — Ну-ка, что у вас тут найдется?

Темирджан почтительно подал ему пиалу, тут же налил другую, потому что Арсланов первую осушил вмиг.

— Благодарю, джигит, — сказал Арсланов, — будь для всех отраден, как чай.

— На здоровье, ага. Неужто вы пешком обходили участок? Как вам наши саженцы?

— Приятную новость сообщу я вам. Бюро приняло решение объявить месячник посадки леса. Мысль такая: каждый — от школьника до аксакала — должен посадить хоть по несколько деревьев в степи. Не возражаем, если будут оставлять таблички со своими именами. Потомкам на память.

С пригорка живо сбежал, направляясь к ним, Хидирбаев. Он, очевидно, только что прослышал, что на его участке появился сам секретарь райкома, и поспешил навстречу.

— А я только что хотел спросить, где же это ваш председатель? Уши у вас, наверное, покраснели?

— До сих пор горят, Базарбай-ага. Я в поселок ездил. Отправил оттуда арбу с саксаулом, а то стряпухи наши вконец замучились с камышом.

— Пиалу горячего чая ему за это,— Арсланов сам налил председателю.— Всем ты хорош у нас, товарищ Хидирбаев, только зря ты столько на себя грузишь. Неужто некого было за саксаулом послать?

— А мне не в тягость. Сейчас же все равно перерыв. Кроме того, меня послушались. И арба сразу нашлась, и возчик. А поехал бы кто другой, начали бы ему там голову морочить: лошадь захромала, колесо болтается...

— Спасибо Нурмирзе-ага,— сказала и Кундуз, помешивая в казане шумовкой,— он всюду поспеваает. Мы вот только сказали недавно про дрова, а они уже вот, едут.

— А бригадиров я сколько ни просила — никакого толку,— пожаловалась Ойслув.

— Тройную порцию маставы товарищу Хидирбаеву,— весело предложил Арсланов. Ему, очевидно, нравилось, что женщины не только прислушиваются к разговору, но и участвуют в нем.— А тех, кто ваших нужд не понимает, не кормить вовсе!

— Точно. Кто не работает, тот не ест.

Хидирбаев хитровато сощурился:

— А знаете, я еще от своего деда про это слышал. Хотите, расскажу? Так вот, жила в одном доме вовсе уж ленивая невестка. Даже веник в руки взять не желала. Проснулась она однажды, время уже к полудню, ткнулась в чулан, где у них пища хранилась, а на двери — замок. Она — к свекрови: дайте, мол, ключ. А та ей в руки веник. Невестка усмехнулась: совсем из ума, мол, выжила старая! «Я же ключ прошу». А та ей: «Это и есть ключ к чулану, где пища находится».

— Не меня ли вы имели в виду, рассказывая это, Нурмирза-ага? — спросила Ойслув.— Здесь вроде бы нет других невесток?

— Ты — из тех, чья свекровь от счастья млеет, неверное.

Он улыбался, глядя на молодую женщину, но та лишь вздохнула снова.

Неожиданно появился Даулбай-ата. Вот уж кого не предполагал Темирджан встретить здесь, но оказалось, что старуха тоже вышла на лесопосадочные работы, и Даулбай решил проведать ее. Старика встретили с почетом и с радостью. С приходом его разговор еще более оживился.

— Сдается мне, отец, вы уже седьмой десяток округлили,— обратился к нему Арсланов.— А на вид никак не дашь вам больше шестидесяти.

— Помиримся на шестидесяти восьми.— Даулбай-ата хитровато усмехнулся и протянул пустую пиалу Темирджану.— Я теперь, что ни год, делаю шаг назад, к молодости.

— А жена ваша?

— Она как я. Даже еще быстрее молодеет. Сами видите, словно газель стала. На месте ей не сидится, помчалась за всеми девчатами в степь. Как же ей иначе вести себя, если муж у нее — беркут.

— Ну, а она тогда пава, что ли?

— Была бы пава, так только по двору и выступала бы, гордясь собой. Нет, она у меня — ласточка работающая.

Все опять по-доброму засмеялись.

Темирджан поглядывал на Кундуз, надеясь, что она захочет поговорить с ним наедине, но девушка возилась у очага так, будто и впрямь была помощницей у поварихи. Только изредка, когда смех вспыхивал с особой силой, поворачивая лицо, и, хотя появлялась на нем улыбка, глаза ее все же оставались грустными. Он решил дождаться, пока все разойдутся по своим делам, чтоб сказать Кундуз с глазу на глаз хоть несколько слов, расспросить о сестре, но тут появился Таджитдин.

Он устал, мотаясь весь день в духоте и пыли, долго умывался, а потом с удовольствием расположился в тени. На Кундуз он не глядел, однако было заметно, что присутствие ее волнует Таджитдина. Кундуз по-прежнему делала вид, будто занята кухонными заботами, мыла посуду, подкладывала дрова, помешивала в котле шумовкой.

— Ну что, девушки, милые мои, для меня у вас что-нибудь осталось? — спросил с несколько деланной бодростью Таджитдин. — Учтите, я вооружен. Одно движение, и все ваше хозяйство взлетит в поднебесье.

— Ой, не пугайте, Таджитдин-ага! Мы вам и по-доброму самую большую миску нальем. — Ойслув уже шла к нему с подносом.

— Никак, ты взрывчатку достал? — догадался Темирджан.

— И взрывчатку, и взрывника. Он наверху, около ящиков остался. Сам понимаешь: такое хозяйство без надзора не бросают.

— Как же тебе удалось так быстро?

— Друг, ешь виноград и не спрашивай, в каком саду он вырос.

— Люблю джигита за удалы!

— Ладно, ладно, не подхалимничай. Пусть девушки от красивых слов млеют. Нам надо дело делать, если взялись, — он бросил быстрый взгляд в сторону Кундуз, но она будто и не заметила. — Как там твой Матназар? — обратился он к Ойслув.

— Молчит, словно сын. Да меня это и не заботит.

— Суд постановил штраф с него взыскать, пятьсот рублей, за браконьерство, — сообщил Таджитдин. — Дали срок, чтоб деньги внес, а он не показывается нигде. Сказал только еще на суде, что денег у него, мол, нет. Пусть тогда на работу приходит в лесхоз. Иначе и вправду — откуда взять? Ты бы посоветовала ему, Ойслув, жил бы он по-людски. А то — будто волк, который вокруг овчарни бродит.

— Ему говори не говори, все равно он сюда не придет, ага. Это я точно знаю, — ответила, потупившись, Ойслув.

— За что он злится на всех, за что всех ненавидит?

Ойслув не откликнулась, нахмурилась и отошла, отвернувшись.

Темирджан все глядел на нее, пытаясь мучительно понять, что происходит с молодой женщиной, которую и женщиной назвать непривычно — девчонка совсем. Девчонка и есть. Вот только намазалась зря.

— Странно порой случается в жизни, — заметил он задумчиво. — Разве пара Ойслув этому туповатому увальню, но вот же — вышла за него.

— Вышла! — Таджитдин тяжело вздохнул. — Украл он ее. Только доказать это нельзя. Родители подтвердили, будто по доброй воле отдали ее.

— А она-то что ж молчит? С виду не из робких.

— Станешь поневоле робкой рядом с таким оборомтом, как этот Матназар. Он же не задумываясь отхлещет нагайкой, а то и кулаки пустит в ход. А ты видел, какие они у него?

— Теперь я понимаю, почему он тогда, в кабинете у Базарбая-ага, про ту давнюю историю в горах вспомнил. Но ведь Базарбай-ага вовсе не похищал Айшу. — Темирджан разволновался. — Они попросту убежали тогда вместе, потому что родители были против свадьбы. Чувствуешь разницу?

— Я-то — безусловно. Но ты еще добавь, что Айша и Базарбай-ага и тогда любили, и сейчас любят друг друга. И напрасно кто-то полагает, будто у нас, каракалпаков, в давние времена никто этому значения не придавал. Парень, который украл невесту, не заботясь о том, любит она его или нет, ничего хорошего в жизни не узнает. Так говорится в нашем народе издавна.

Женщины ушли к ручью мыть котлы. Таджитдин проводил их долгим взглядом и вновь обратился к Темирджану:

— Хочешь, расскажу тебе одну местную легенду. Ты же любитель старины, я знаю. Так вот, слушай. Для начала сообщу тебе, что родился я неподалеку от этих мест, в Кызкетгане, а дед мой Султанали родом из Сарыкамыша, пустынной местности, как тебе известно. Давным-давно соорудил дед кибитку на берегу Аму и прожил в ней всю жизнь. Там и отец мой родился и вырос, но, женившись, захотел отец перебраться в Кызкетган. По сравнению с Сарыкамышем этот поселок едва ли не столица. Он и деда звал с собой, но тот заупрямился: умру там, где жил, возле воды. Да и то сказать, не было человека, равного моему деду в умении управлять лодкой, в рыбной ловле. Бывало, лодку на волнах так и подбрасывает, а дед стоит на дне ее прямо, как штык, и острогу в руке держит. Безошибочно узнавал он, что за рыба подплыла к лодке — осетр, сом или усач. Метнет острогу и точно попадет рыбе под плавник.

Что за своевольная река Амударья, тебе рассказывать не надо. То на ней быстрина, то — мель, то — водо-

вороты. Но дед в своей лодчонке плавал по ней всегда спокойно, будто по безмятежному озеру. Впервые я убедился в этом, когда мне было лет семь.

Мы с отцом приехали ненадолго в Сарыкамыш, и я уломал-таки деда, чтоб он взял меня с собой на рыбалку. Мы плыли вниз по течению, все казалось мне волшебным: шуршание камыша, встречные баржи, высоко нагруженные сеном, прозрачное небо над рекой.

В тот день дед добыл осетра, сома килограммов на двенадцать и несколько мелких рыб. Я был в восторге, но дед сказал, что у него бывали дни и поудачней.

Назад мы повернули, когда стемнело. Я устал и растянулся на дне лодки, рядом с трепещущими рыбами, чувствуя себя словно в уютной люльке.

Но едва темнота спустилась на реку, шум воды, крики невидимых птиц родили в моей душе неясную тревогу. Всплески усиливали мое волнение, и вдруг я вздрогнул: разнесся над рекою вскрик, похожий на рыданье: «Эй, сюда!..» Хлопанье тяжелых крыльев и снова тот же плачущий призыв: «Эй, сюда...»

«Кто это?» — спросил я, вскочив и прижимаясь к деду.

Он молчал, лицо его окаменело.

«Заура убивается», — произнес он как бы про себя.

«Кто она, эта Заура?» — я чувствовал, что весь дрожу.

«Неподалеку отсюда утопилась она, — ответил неохотно дед. — С той поры нет-нет и появится на берегу, — он совсем помрачнел, но все таки закончил: — Зовет... Фонарь в руке держит. Видишь, светится?»

Я и впрямь увидел среди зарослей огонек, от которого золотой ниткой убегал по воде отблеск.

«Почему же утопилась она, эта Заура?» — спросил я, еще тесней прижимаясь к деду.

«Зачем тебе знать это?» — дед снова насупился, будто сожалел о том, что проговорился.

Как все дети, я был настойчив в своем любопытстве, и тогда дед, сперва нехотя, начал мне рассказывать о некоем юноше по имени Джурабек, который, рыбака в этих местах, увидел однажды на берегу девушку — чудесней ее на земле не рождалось. Да и джигит был куда как хорош: широкоплеч, статен, сила в каждой жилочке играла.

Околдовала прекрасная Заура своей красотой Джурабека, да и сама влюбилась. Не жалела для него ласки, однако, опасаясь людской молвы, отцовского гнева, велела милому, чтоб приходил к ней только глубокой ночью в условленное место. В эту пору зажигала она в камышах фонарь, и Джурабек устремлялся к нему на лодке, как мотылек, летящий на свет.

Но однажды ночью, сколько ни ждал Джурабек, не вспыхнул фонарь в плавнях на том берегу. Долго блуждал юноша на лодке среди камышей, но напрасно: Заура не вышла. Не было ее и во вторую ночь, и в третью. Тогда, решившись, стал искать ее Джурабек днем на берегу и набрел однажды на юрту, из которой доносились громкие причитания. Женские голоса оплакивали Зауру. Прошло уже три дня и три ночи, как неведомый злодей похитил прекрасную девушку.

Едва не потеряв от горя разум, кинулся Джурабек на поиски. Он пересекал болота и пустыни, не замечал, камни ли, трясина ли у него под ногами, не пропустил ни единого аула, ни одной юрты в степи. Ноги его покрылись кровавыми ранами, тело было исцарапано колючками, но чувствовал он только одну боль — боль своего страдающего сердца.

Не нашел Джурабек Зауру. Вернулся в родные места и по-прежнему, едва темнело, направлял лодку к тому берегу, где когда-то ждала его она. И однажды, не веря от счастья глазам, увидел он зажженный фонарь. Заура! Кинуться к ней, скорее прижать к груди... Но откуда-то из неведомых глубин души всплыли жестокие слова: «Не забывай, ее похищали. Какой-то гнусный пес уже касался ее...»

И Джурабек остановил лодку... А Заура заметила это. Заметила и все поняла. Услышал Джурабек тяжелый всплеск. Тут же, забыв обо всех сомнениях, устремился он в камыши, но уже не нашел там Зауры.

А вскоре, так случается нередко, стало доподлинно известно, что похитителю Зауры и пальцем не удалось прикоснуться к ней. То был купец, плавающий на своем корабле от туркменских селений до устья Аму. Он залез Зауру в своей каюте, но войти к ней так и не смог. Заура нашла кинжал и пригрозила смертью каждому, кто появится на пороге. Трусливый купчишка понял, что эта девушка сдержит свое слово. Он решил выжидать,

но как-то ночью Зауре удалось выбраться через окошко; она спрыгнула в воду и доплыла до берега.

Не мог простить себе Джурабек своего малодушия. Да разве только этого — загубленной жизни! Дни и ночи казнил себя он, не раз в отчаянии и руку на себя поднимал. . . Так и остался на всю жизнь бобылем. В голодный год подобрал на пристани мальчонку-сироту, вырастил, как родного сына, женил, а потом уехал сын со своей семьей в большой поселок, и остался старик один. Не в силах был он покинуть край, где все чудилось ему, будто мелькает в плавнях свет фонаря и слышится призывный и нежный голос Зауры. . .

. . . И тут опять донеслось издалека: «Э-эй! Иди. . .»

Я затрепетал от страха. Дед положил на мою голову тяжелую шершавую ладонь.

«Не бойся, дитя мое. Это птица болотная кричит».

«А свет откуда же?» — спросил я дрожащими губами.

«Светляки в кучу собираются. Камыш шатнется под ветром, и кажется, что это — фонарь в чьей-то руке».

Но я все не мог прийти в себя, и тогда дед произнес с трудом и болью:

«Зря рассказал я тебе про это. Нет никакой Зауры, малыш,— тяжело вздохнул и заключил так: — Наверное, никогда и не было ее. Померещилась она кому-то. И все. . .»

Окончив рассказ, Таджитдин долго молчал. Он наклонил голову, очевидно не в силах отогнать далекие воспоминания.

— Вот видишь, друг, есть и в наших краях, как повсюду на земле, высокая любовь. А умыкание? Ну что ж, остались еще один-два дикаря, так нельзя же по ним весь народ мерить.— Он поднялся, и Темирджан встал вслед за ним.

— Одного дикаря я знаю,— сказал Темирджан и еще раз взглянул на тоненькую, стройную Ойслув, которая вытирала полотенцем посуду.

— Тебе пора домой, Темирджан,— сказал Таджитдин.— Ты еще не поправился как следует. Езжай, а я останусь на участке до вечера.

И тут подала голос Кундуз:

— Вы едете, Темир-ака? Я с вами. Если не возражаете, конечно.

Да, поверженный враг жалок. Темирджан смотрел на шерпанжу, и куст, затаивший коварство, опасный и теперь для каждого, кто по оплошности окажется в клубке жестких ветвей, утыканных колючими шипами, казался обычным пустынным растением, равнодушным ко всему окружающему, тем более — к людям. Однако ненависти к шерпанже, желания уничтожить ее, подобно тому как это делает мальчик, ужаленный крапивой, он конечно же не испытывал, хотя, что греха таить, ссадины и царапины заныли сейчас вновь. Шерпанжа интересовала Темирджана теперь только как ученого. Он почувствовал признательность к Таджитдину за то, что тот не счел его просьбу очередным чудачеством, а оградил куст и даже в самом деле установил табличку, шутиливую, но все же предостерегающую тех, кто вздумает уничтожить шерпанжу, от такого шага.

— В жизни бы не подумала, что это и есть ужасные «львиные когти», — беспечно произнесла Кундуз, швырнув в куст комком глины. — Похожа на жасмин, — беззаботно продолжала девушка.

— Внешность нередко бывает обманчива, — заметил Темирджан и невольно добавил: — Так же, как слова.

Кундуз, однако, ничего не ответила. Нахмурившись, Темирджан продолжал осматривать куст. Палкой шевелил он жилистые ветви, прикасался к острым колючкам.

— Да-а, — произнес он в раздумье, — не много сыщется на свете подобных диковин. Агрессивное растение. Впрочем, это сугубо механическое поведение. То же самое, что активность свернутой пружины. И в данном случае происходит нечто подобное: ветви, придавленные тяжестью, резко распрямляются, и шипы вонзаются...

— В тело беспечного или рассеянного человека, — покачивая головой, закончила Кундуз. — Не надоел еще вам этот молчаливый вампир?

— Представьте, нет. Это же — недописанная страница в науке.

— И вы, разумеется, намерены, не сходя с места, дописать ее до конца и поставить большую точку? Тогда я вынуждена напомнить, что некий молодой человек любезно вызвался проводить меня.

— Конечно, Кундузхон, — спохватился Темирджан. —

Еще только одну минуту. Эх, жаль, что нельзя сейчас исследовать корневую систему... Ну да ладно, успеется. Поехали.

Кундуз торопила его не зря. Поднялся ветер, небо покрылось тучами. Кундуз пустила лошадь рысцей по тропе, петляющей среди барханов. Темирджан следовал за ней.

Вскоре показалась знакомая каменистая площадка. Он поравнялся с девушкой.

— Небезызвестная вам тетушка Вотти,— сказала Кундуз,— любит повторять: кому что, а горлинке — зернышки. Это я к тому, что вас больше всего на свете волнуют какие-то противные колючки, а меня сейчас — птицы. Конечно, я знала, что их в Приаралье множество, но не предполагала, что здесь сохранился настоящий край непуганых пернатых. В плавнях, оказывается, есть острова, на которые не ступала нога человека. Вот где раздолье!

— Но как добраться туда?

— На лодке, я думаю, можно. Знали бы вы, Темир-ака, как хочется побывать там, пока лебеди и цапли еще не улетели на юг...— Кундуз мечтательно прикрыла глаза.

— Обещаю вам, что вырву денек и свожу вас на острова.

— Правда? — в глазах у Кундуз мелькнула радость.

Но тут порывом ветра взметнуло пески. Сразу стало сумеречно. Темирджан понял, надо и впрямь поторапливаться, чтобы скорей добраться до Караузенья, не быть застигнутыми бурей в степи. В Караузене Кундуз снимала комнату у одинокой старушки, кибитка которой была ближе других к заповеднику. Комнату эту по просьбе Таджитдина для девушки подыскал все тот же расторопный и неунывающий Хидирбаев.

Надо было спешить, и, значит, снова поговорить с Кундуз о том, что волновало и мучило Темирджана, не удастся. «Почему же сама Кундуз так упорно молчит о своей старшей сестре?» — в который раз подумал он.

Между тем они на рысях миновали знакомый Темирджану заброшенный кишлак. По пустынным улицам и безлюдным дворам его носились тучи сора, поднявшегося с камышовых крыш, со старых хирманов, где еще валялись остатки соломы. Черная туча уже закрыла все

небо. Посыпались редкие капли, и сразу хлынул сильный дождь. Лошади, не понукаемые всадниками, сами ускорили бег. Легкое платье Кундуз намокло и прилипло к телу. Руки девушки покрылись гусиной кожей. Она что-то кричала Темирджану, потом подстегнула лошадь, и, следуя за Кундуз, Темирджан повернул к ветхому навесу.

— Быстрее сюда! — Кундуз соскочила с лошади.

Он тоже спешил, привязал к столбу коня, взглянул на девушку и воскликнул:

— Да вы же промокли до нитки!

— А вы?

И у Темирджана рубашка была — хоть выжимай. Он и выжал бы ее, если бы не стеснялся.

— Надо поскорее домой, обсушиться, а то еще, чего доброго, простудитесь.

Кундуз уже привела себя, насколько это было возможно, в порядок: отлепила намокшую ткань от тела, и теперь мокрое платье стояло на ней колом. Из-под него выглядывали брюки, заправленные в сапоги.

— Подождем еще немного, — сказала она, — редко приходится видеть стихию вот так близко.

В тоне ее прозвучало что-то такое, что заставило Темирджана настроиться на иной лад. При свете молнии он как бы по-новому увидел девушку. Ожидание застыло на ее лице, но Темирджан был занят неотступными мыслями о Юлдуз.

— Давно хочу я спросить у вас, Кундузхон...

— О чем? — девушка насторожилась, перестала вытирать промокшие волосы.

Темирджан постарался взять себя в руки, скрыть волнение.

— Вы ничего не рассказываете мне о вашей старшей сестре.

Девушка вопросительно сдвинула брови, и Темирджан стал торопливо объяснять:

— Я терпелив, но и мужества услышать самую жестокую правду мне, я думаю, тоже достанет. Что бы вы ни сообщили, мне будет легче, чем сейчас.

Вновь сверкнули молнии, и Кундуз вздрогнула. Оглушительно прогрехотал гром.

— Не стану скрывать от вас, Кундузхон, да вы и сами давно заметили, наверное: нет для меня никого на

свете дороже Юлдуз. Когда вы приехали, я все надеялся, что вы успокоите меня, обрадуете доброй вестью о ней. А вы молчите и, ко всему, избегаете меня. В чем дело? — Он посмотрел прямо в лицо девушке и даже испугался, так изменились ее милые черты от обиды и боли. Она словно старилась на глазах. — Когда не знаешь ни о чем, — произнес он, будто прощения просил, — в голову лезут разные опасения, может глупые. Она же не отвечает мне.

— Напишет она вам, успокойтесь, — с трудом произнесла Кундуз, тщетно стараясь унять дрожь в голосе. — Освободится и напишет.

— Правда?!

И такая радостная надежда прозвучала в его возгласе, что Кундуз вдруг выкрикнула отчаянно:

— Да! Да! Сами убедитесь, что я не обманула вас. — Она вмиг отвязала повод, вскочила в седло, хлестнула лошадь и вихрем вынеслась из-под навеса в бурю.

— Не догоняйте меня! — донеслось до Темирджана сквозь шум стихии.

Непонятное чувство — смесь неловкости и неосознанной вины перед этой девушкой — удержало Темирджана на месте.

Прошло какое-то время, и он заметил, что облака, гонимые могучей силой, понеслись к горизонту. Дальний край неба казался пепельным, но постепенно приобретал синеватый оттенок. Из-за прозрачной завесы робко, будто невеста из-под чадры, выглянула луна.

Запахло сыростью, засверкали в лунном свете бесчисленные капли-сережки на листьях и траве. Темирджан с наслаждением вдыхал чистый послегрозовый воздух. Хотелось верить, что предсказание сбудется — Юлдуз напишет ему, не зря же Кундуз сказала об этом с такой убежденностью. Скорее все же — с отчаянием, но он не понял этого.

В тысячный раз приходило ему на ум одно и то же: ну, случилась у них, как у всех влюбленных испокон веку бывало, размолвка. Но потом же Юлдуз клялась ему в любви и верности! . . . Да и глаза ее говорили больше, чем слова.

Не в силах был он расстаться с последней каплей надежды. Так или иначе, но на душе у него, как в природе сейчас, стало безмятежней. Он ласково похлопы-

вал по шее гнедого, который тоже радовался наступившему покою и шел ровной рысцей. И тут Темирджан затылком ощутил чей-то пронизывающий взгляд. Он придержал коня и оглянулся. Кто-то следовал за ним верхом. Увидев, что Темирджан остановился, всадник укрылся за барханом. Это не могло не насторожить. Темирджан подхлестнул гнедого, и тот с места рванулся в галоп. Темирджан едва сдержал его, укоряя себя в трусости. Он даже демонстративно пустил коня шагом. И тут за спиной послышалась все та же песня:

Наточен клинок...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I

В ту же пору неподалеку от Караузенья в доме, где недавно шумела свадьба, сидели у распахнутого окна две молодые женщины. Одна из них — Ойслув. Тонкую талию ее плотно облегла жилетка из полосатого бекасама, волосы были уложены венком вокруг головы. Она сложила руки на подоконнике и глядела на улицу, откуда тянуло после дождя свежестью. Глаза Ойслув были печальны, лицо бледно. Чуть поодаль на полче, сшитой из сайгачьих шкур, сидела та, кого в старину в каракалпакском быту называли бы соперницей, поскольку говорить «вторая жена» считалось неприличным. Да и сейчас Айсару, так звали эту женщину, никто женой Матназара в доме не называл.

С виду она была кроткой, большие, как у лани, глаза в иное время могли, наверное, оживленно светиться, сейчас же были они тусклы; затаенный страх застыл в них. Очевидно, совсем недавно была она привлекательна, теперь же щеки ее увяли, а выгоревшее платье было застегнуто до самого подбородка, как у пожилых женщин, которые давно перестали обращать внимание на свою внешность. Однако губы Айсары были еще свежи, а когда она разговаривала, казалось, вот-вот отступит она наконец от обета сдержанности, данного неведомо кому, и улыбнется.

В соседней комнате посапывали уснувшие после бу-

ри четырехлетняя дочь Айсары и старая Дарбека, которую Айсара не смела называть свекровью.

Беседа двух женщин и впрямь меньше всего походила на разговор соперниц. Обе они сочувствовали одна другой, обе сожалели, почему уже давно вот так откровенно не поговорили.

— Ей-ей, Ойслув, полюбила я тебя, словно сестренку,— искренне произнесла Айсара.

— За что? — с болью в голосе откликнулась Ойслув.— С моим приходом тебе и вовсе житья не стало.

Айсара с мягкой укоризной покачала головой:

— Глупенькая, ты-то при чем? Не по своей же воле и ты оказалась в этом доме. Украд он тебя. Я-то все знаю. Не глухая, не маленькая.

— Ну, а ты пришла своими ногами, да разве легче тебе от этого?

— Я — иное дело. Навязалась,— значит, сноси все безропотно, угождай ему, угождай свекрови. Не зря говорят о таких, как я: рука твоя — что кочерга, волосы — что метла. Старуха меня поедом ест, то и дело глаза колет. Я молчу. Рыба я безгласная. Другой и быть мне нельзя.

— А мне, думаешь, лучше? Пища горька, питье — словно отравка, одежда — будто саван, надетый на меня, живую. Как птица в клетке, так и я здесь. Разве же пошла бы я по доброй воле за этого подлеца? И потом, минет какое-то время, натешится он мною, и станет моя участь в этом доме такую же, как твоя. А потому надо, пока не поздно, бежать отсюда.

Глаза у Айсары стали еще огромней от удивления и испуга.

— Да что ты, Ойслув, милая! Как можно подумать о таком?

Ойслув, однако, только усмехнулась.

— Они еще бельишко свое моим мылом не терли — не знают, какая я. Ничего, скоро убедятся.

— Опомнись, Ойслув,— шепотом заговорила Айсара.

— Только глупцы и трусы покоряются злой судьбе, а я из тех, кто за себя постоять может. Хватит. Уступила родителям, чтоб страдали меньше, на свадьбе этой дурацкой слова не проронила, а больше терпеть не стану.

— Образумься, родная ты моя,— Айсара подседа совсем близко к ней,— куда же ты сбежишь? В родной дом и то теперь тебя не впустят.

Ойслув обняла Айсару за плечи.

— Разве только копилка свет дает? Есть же и солнце.— Она придвинулась ближе и зашептала горячо:— Ты послушай: я в степи с городской девушкой познакомилась. Кундузхон зовут ее. Она в заповеднике нашем работает. Ученая, из Ташкента сама сюда попросилась. Умная, образованная... Я ее день и ночь слушать готова. Вот она-то, Кундуз, и советует: ничего не бойся; не любишь его — брось, поезжай в Ташкент, там в техникум поступишь, станешь самостоятельной, будешь жить достойно.

— Да как же можно?

— Можно! Ты что думаешь, пустые слова это, которые мы с тобой еще в первом классе от учительницы слышали? Так оно и на самом деле есть: никто у нас никого притеснять не имеет права. Даже мама моя выходила замуж по доброй воле. Понравились друг другу и поженились.

— И мои тоже,— оживленно поддержала ее Айсара, а добавила удрученно:— Да и меня никто не неволил. Сама к нему пошла. И теперь на край света кинулась бы за ним, проклятым. Ну почему это так, сестричка? — она прижалась к Ойслув.— Он же меня прочь с глаз своих гонит, а я следы его сапог целовать готова.

— Вот еще и потому хочу я уйти. Пусть живет с тобой. У вас семья, дочка.

— Ой, страшно мне за тебя, милая. Он же такой — под землю сыщет, и тогда ни тебе, ни мне несдобровать. Разозлившись, он как волк становится; всех готов на куски разорвать.

— Как бы зубы себе не обломал. Я его не боюсь. Хочешь, скажу тебе по секрету: лесовод этот, который недавно из Ташкента приехал, ну, Темирджан-ага, высокий такой, худощавый, так уж он меня жалел, когда ему обо мне Таджитдин-ага рассказывал, так жалел... Будто говорил мне взглядом: брось этого Матназара бешеного, живи достойно, мы тебе поможем...— Она вновь погладила Айсару по голове, жалея ее:— Я понимаю, тебе — трудней.

И Айсара подтвердила, хотя обе знали, что это только жалкая попытка оправдаться перед собой:

— Кому я нужна с ребенком на руках? Родители в дом не пустят, он — сапогами топтать перестанет, так начнет на всех перекрестках позорить: прижила, мол, девчонку от проезжего молодца, а мы ее за то из дому своего прогнали; мало, что ее столько лет кормим за дарма, так еще и ребятенка ее пригульного кормить приходится. . .

Не стала Ойслув возражать. Могла, конечно, сказать, что Матназар не больно будет печалиться, если Айсара уйдет. Но взглянула на ту, кого и соперницей-то назвать было грешно, на ее бледное лицо и промолчала.

Так и сидели они, обнявшись, у окна в большом богатом доме Матназара и не замечали, что старая Дарбека, прикрыв глаза, посапывая, тем не менее жадно ловит каждое долетающее до ее ушей слово.

Привык Матназар брать без спросу у степи, у жизни все, что ни приглянется. Зоркими прищуренными глазами завидит еще издали сайгачье стадо, погонит с неистовым гиканьем, с остервенелым свистом по бескрайней равнине, выберет взглядом самца покрупней, с изогнутыми, словно лира, тонкими рожками, свалит меткой пулей. Застанет женщину на безлюдье, не будет тратить времени на пустые уговоры, на несбыточные посулы: припугнет, а то и скрутит руки той, что постройтивей.

Айсара мыла посуду у арыка, когда вырос он прямо перед нею, здоровенный, как див, страшный и манящий в розовом полыхании заката.

— Ого! — только и проронил Матназар, пожирая Айсару взглядом.

Чем-то напомнила она ему лань: так же пугливо блестят глаза, так же слаба длинная шея. А она оцепенела, охваченная неиспытанным чувством — и ужасом и влечением сразу.

Матназар слез с коня, не спеша приблизился к Айсаре и взял ее за локоть. Вот тогда и встрепенулась она, словно в силки попала: задрожала, запричитала слабым голосом. Властными горячими губами закрыл ей Матназар рот, и она сникла, подобно обреченному оле-

ненку, который уже ощутил острое прикосновение беспощадных когтей барса.

С той поры стал Матназар появляться едва ли не ежевечерне. Издалека слышала Айсара песню, которой вызывал он ее на улицу:

Наточен клинок, —
Им окно отворю.
Скакун быстроног, —
Украду, увезу.

И металась Айсара по темному дворику в нерешительности. Не приведи бог, думала, узнает об этих встречах отец. Но тут же и оправдание себе находила: силой взял он ее, до сих пор смертью грозит, пусть только попробует она не выйти к нему. А может, он и женится? Но что, если нет? Лучше не думать об этом: погибнет и юность ее, и вся жизнь.

А Матназар все орал, самоуверенно, насмешливо и петерпеливо:

Мой скакун быстроног...

Вот и украл бы нынче. Не с тем ли явился теперь? Кинет поперек седла, прижмет железной рукой к молодой горячей груди... И выбегала Айсара за порог, прощаясь мысленно с матушкой, но потом Матназар неизменно оставлял ее, счастливую и плачущую.

Пришел все же неизбежный день, мать провела не о Матназаре — о позоре дочери, о том, что под сердцем у нее дитя, неведомо чье. Рыдала, голосила, не стесняясь соседей, заживо хоронила грешную Айсару, билась в корчах на сырой земле, грозилась умереть на глазах у гулящей, порченной, но потом поднялась, взглянула на дочь несчастными глазами и велела ей убраться прочь из дому.

А тут и Матназар — словно уловил обостренным звериным чутьем неладное — сгинул, как сквозь землю провалился. Не находила Айсара даже следов своего джигита, сколько ни бродила по степи от айла к айлу. Уже и о том молила аллаха, чтоб хищные звери растерзали ее, но даже волки, чьи светящиеся глаза не раз видела она во тьме на курганах, не трогали ее. И все же однажды на заходе солнца донеслось издалека:

Наточен клинок, —
Им окно отворю. . .

Он! Кто посмел бы распевать такую бедовую песню, да еще на ночь глядя! Во весь дух помчалась Айсара к нему, а Матназар, озоруя, ружье навстречу ей выставил и прицелился: никак, сайгачонок глупый сам на ловца набежал. . .

Она под ноги коню бросилась, закричала отчаянно: «Растопчи или возьми к себе!»

Рассердился Матназар: а что, если и впрямь пустить на нее коня, забить насмерть копытами, и делу конец! Однако сдержал ярость, сгреб в охапку Айсару, привез домой — не жену, чужую, несватанную.

Могла ли старая Дарбека принять как желанную невестку эту приبلуду босоногую да растрепанную? Для такой ли завалыщей растила и баловала она сынка? Ему же сызмальства ни в чем отказу не было. Привольно рос, потому и поднялся над жизнью что скала: дюжий, сильный, хитрый, попробуй свали! Вот оно и все материнское счастье тут, а что свел Матназар дружбу с пятью-шестью такими же дружками, что могут они, балуясь, телку, а то и жеребчика у добрых людей увести, а вырученные на скотном базаре деньги в карты просадить, что сивуху в себя, словно в кувшины бездонные, льют, что бог весть где пропадают неделями — так на то ж и дана она один раз — молодость.

Однако не случайно молвится: в потемках бродишь — на колючки наткнешься. Попались на краже дружки-приятели Матназара. И он тоже немало потаскался по допросам да по судам, однако вышел, один из всех, сухим из воды. Полагали люди, что не обошлось тут и без участия Ходжи-ага, того, который посреди степи в заброшенной усадьбе обретается, сам себя святым отшельником, отошедшим от суеты мирской, называл, но нити от него тянутся крепенькие ко многим людишкам. Так вот, утверждали иные, что это Ходжи-ага велел сообщникам Матназаровым, чтоб принимали они вину на себя, а Матназара выгораживали, как могли. Воздастся, мол, им за это и на том, и на этом свете. Лишнего же человека, да не просто какого, а доброго молодца из тех, что не каждый день на свет рождаются, к чему за решетку сажать?

Так ли, иначе ли, но остался Матназар на свободе. Воровство бросил, однако занялся не лучшим делом: сам себя назначил ночным шахом Барса-Кельмеса. «Днем тут хозяев не оберешься, зато по ночам властвую лишь я да серые волки. Попробуй тронь нас! Мы — народ зубастый. . .» И бил Матназар дюжинами беззащитных сайгаков, не ведая голоса совести, не прислушиваясь к закону.

Не знал он пощады к живому. И было в кого Матназару пойти. Отца его недаром прозвали Киргийбаем — ястребом-стервятником. Был он из тех, кого попросят тюбетейку принести, а он ее вместе с головой тащит. Недобрую память о себе оставил Киргийбай. В пору, когда стали в колхозы записываться, жег он усадьбы дехкан, вступивших в кооператив, даже белобородых стариков оскорблял прилюдно, а встретившись в степи с кем-либо из сельских активистов, избивал камчой до полусмерти.

Хоть и объявили Киргийбая кулаком и имущество у него отобрали, решили все же люди: пусть трудится и он, как все, под суд не отдали. Забыли, что из требухи плов не сварить. И в праздничную ночь вспыхнул колхозный амбар, председателю сельсовета кто-то нож в спину сунул, а утром хватились — нет Киргийбая, сбежал.

Поймали его где-то уже на Муйнаке, наказали по закону, а из Сибири он не вернулся.

Но и Дарбека, родившая вскоре после побега мужа Матназара, была под стать Киргийбаю коварна и хитра. Пока Киргийбай бесчинствовал, она, предвидя, что рано или поздно, но попадетя муженек, припрятала понадежней толику добра, да такую, что и поныне достало бы у нее денег на семь пышных свадеб. Сыскалась бы только девушка — красивая, здоровая, домовитая. Ей бы с легким сердцем передала Дарбека и богатства свои и сына ненаглядного. А свадьбы сыграли бы — семь лет гудела бы степь преданиями. Дарбека уж и полог, нарядный и яркий, собственными руками расшила, чтоб молодые укрылись за ним в первую брачную ночь, и вот тут — на тебе, из пустого колоса да обуглившееся зерно. Явилась Айсара эта.

С досады Дарбека едва до крови губы себе не искусила. Решила немедля Айсару из дома выжить. Да лучше уж самой умереть, чем видеть всю жизнь родного

сына с этой шлендрой грязной! Но тут открылось, что ждет Айсара ребенка, и замыслы старой Дарбеки разлетелись прахом. Соседей она до поры еще обманывала: говорила, что дает, мол, приют дальней родственнице-сироте. Однако, как ни скрывай хворь, лихорадка ее выдаст. Пришел час — и поспела черешенка: родила Айсара, да к тому же девочку. Ни Матназар, ни мать и взглянуть на ребенка не пожелали. Не раз сожалела теперь Дарбека о том, почему сын, в иных случаях такой решительный и горячий, не убрал вовремя эту девку со своего пути. А теперь вот ломай голову, как срам да грех прикрыть. Не жениться же ему, в самом деле, на этой Айсаре?

Лютым зверем глядела старуха на Айсару, то и дело выискивала повод, чтоб ужалить, да побольней. Но, стиснув зубы, сносила безропотно Айсара оскорбления и обиды, покорно принимала упреки. Имени для нее не было. «Вон та» — называли ее и Матназар, и старая Дарбека. А вскоре определили ей место и звание в доме: служанка, пригулявшая ребенка где-то на стороне. «Из милости кусок хлеба даем, кров — по доброте душевной». . . А однажды ночью Матназар, разгоряченный, с блестящими от возбуждения глазами, привез девушку и сказал:

— Вот, матушка, моя невеста. Давайте к свадьбе готовиться.

Он и на Ойслув набрел невзначай. Девушка только что набрала полный передник стручков и, присев у края поля, чистила фасоль. Свежие глянцевиные ядрышки ссыпала на расстеленный платок, а очистки складывала кучкой рядом с собой — корове на корм. И напевала потихоньку. На свою беду. Песня, словно нить, привела сюда Матназара. Верный себе, он не поздоровался, не слез с коня. Сидел, надменный, похлопывал нагайкой по голенищу и все глядел на Ойслув, не отрывая пугающих глаз.

Ойслув умолкла. Губы, из которых лилась незатейливая мелодия, вздрогнули. Руки опустились на колени.

Матназар попытался придать мягкость голосу:

— Ох и нежны же ручки твои, девушка. Будто шелковые.

— Что вам нужно, ага? — Сердце Ойслув забилось недобрим предчувствием.

— Ты мне нужна, свет очей моих, ты.— Бесстыжие глаза Матназара вспыхнули.

Ойслув вскочила. Фасолинки покатались в траву. Тогда Матназар, ослабившись, свесился с седла, подхватил Ойслув и приподнял; однако она вырвалась и вприпрыжку, словно серна, скрылась в высоких зарослях кукурузы.

Пустил было Матназар коня вслед за ней, да раздумал. Но с той случайной встречи начал он расставлять свои сети на пути у Ойслув. Не мог забыть девушку. Впервые в жизни случилось с ним такое. Запал в душу милый голосок, испуганный взгляд. Закрывал глаза, засыпая, и тут же видел округлый бархатистый подбородок, белую шею.

Девушка, однако, старалась не попадаться на глаза, а Матназар поступаться желаниями не привык. Он раз узнал без труда, где ее дом в этом небольшом ауле, и решил, что увезет Ойслув силой. «Так еще прадеды велели поступать мужчине. Не рыдать в дикой пустоши, подобно Меджуну придурковатому, а прийти и взять сильными руками то, что нравится».

Все же напрасно ссылался Матназар на обычаи предков. Было время, впрямь крали каракалпаки невест для себя, но не от разбойных нравов шло это, а от общей беды.

Кунград, Кият, Китой, Кипчак, Кенегес, Мангит и Митан — вот древние роды каракалпакские, а в каждом, словно ветви на карагаче,— колена, и всюду — свой глава, а между ними, старейшинами,— бесконечные распри, потому и простой люд то и дело сталкивался в драках; воистину брат на брата шел. Нередко дело и до кровопролития доходило. Но не спрашивает, однако, любовь, дружим мы с твоими сородичами или враждуем. И оставалось влюбленным одно: выкрадывал джигит, если был он из чужого рода, свою ненаглядную. Порой кончалось это свадьбой, на которой недавние недруги сживали за общим дастарханом, но нередко вспыхивала вражда с новой силой.

А внутри рода царила сословная рознь, и была она еще более непреодолима, чем вражда с соседями. Не прикажешь сердцу любить только ровню, и увозил, бывало, бедняцкий сын глухой ночью байскую дочь, а она,

дрожа от ужаса, все умоляла, чтоб гнал джигит коня побыстрее; подальше от яростных отцовских глаз.

Все это ушло, как дождевая вода в песок пустыни. Сватают теперь джигиты ту, которая по сердцу пришла, не опасаясь отказа. Бывает, потребуют родители калым; ну, не так назовут его, оглядываясь на сельсовет, скажут: нужны, мол, деньги на свадебный пир, на обзаведение молодой семье. Да пусть бы запросили сколько душе угодно! Матназар уплатил бы с лихвой, и праздновалась бы в степи еще одна свадьба. В ином была его беда: не сыскалось бы до самого Арала отца, который по доброй воле отдал бы дочь отпетому головорезу Матназару, сыну недоброй памяти Киргийбая.

Опять же был он сам виноват во всем, однако смириться не желал. Трое суток караулил Ойслув, затаившись в камышах, словно коварный камышовый кот, и кинулся на нее, как на перепелку, едва осталась она после захода солнца на улице одна. Схватил, обомлевшую от неожиданности и страха, потом едва не запалил вороного, неистово подгоняя его камчой, примчался во тьме, как вихрь, со своим, как казалось ему, оглушенному удачей, счастьем на руках.

Вот когда возрадовалась Дарбека! Уж как пришла ей невестка по душе: и красива, и рода известного на всю степь, а что крадена, так от этого Ойслув еще чище казалась старухе. Сравнишь ли ее с Айсарой! Та, бесстыдница, сама, брюхатая, переползла через порог, незваной, нежеланной. Нет уж... Ойслув — ясный день, Айсара — ночь беспросветная. Ойслув — солнышко, Айсара — головешка тлеющая. Сжить бы ее вовсе со свету, грязную, тем паче что теперь и слухи о двоеженстве могут до властей доползти...

Однако сыскалась вдруг у Айсары защитница — стала ею сама Ойслув.

Родители Ойслув — они уже было оплакивали дочь — обрадовались несказанно, узнав, что она жива. А к тому же ублажили их калымом, таким, который им и не снился, на подарки для всех сородичей Ойслув не поспешили, от младенцев бесштаных до стариков полуслепых. Свадьбу сыграли пышную, пусть не очень радостную. Больше всех веселился на тое сам жених, изрядно хлебнувший спиртного, да его пьяные приятели. Невеста же была на надломленную камышинку похожа:

молчаливо, печально сидела свесив голову. Однако отцу не воспротивилась. Согласилась: никому другому не нужна она теперь т а к а я; лучше уж помалкивать о том, что жених силой взял ее. К тому же, шептал отец, хотя пролетело это мимо ушей Ойслув, Матназар джигит богатый и видный. А что озоровал, то, как внушил отцу еще до свадьбы все тот же Ходжи-ага, жеребчик к табуну пристанет — утихомирится. Даже участкового милиционера отец, приложив руки к груди, клятвенно заверил: сами, мол, сами мы нашу дочь просватали. Опять отец рассудил здраво: баба девкой не станет, а позор всей семье — к чему?

Надеялся Матназар, что будет он теперь счастлив, да только Ойслув не желала глядеть на него. Едва он в дом войдет, она уткнется в шитье. Он рядом присядет, она все равно найдет повод, чтоб отодвинуться подальше. Не было в душе у нее даже крохотного уголка для Матназара, а он свирепел, искал причину и нашел: «Это Айсара, тварь несносная, против законного мужа тебя подбивает. Ну, недолго осталось ей хлеб наш переводить, у нашего очага греться. . .»

Тут Ойслув и возразила спокойно, не поднимая глаз, но так, что он понял — от сказанного не отступится: — Прогоните Айсару, уйду и я. Отыщете — не вернете. Не позволят вам.

Он хмыкнул презрительно:

— Это мне, Матназару, кто-то не позволит? Да покажи ты мне хоть единого человечка отсюда до самого Куйрука, который не бледнел бы, заслышав шаги Матназара.

И опять так же ровно возразила Ойслув:

— Есть такие. Даже поблизости.

«Кто же? — мучительно доискивался он, пока обостренное чутье степного хищника не подсказало: — Лесовод этот проклятый, который сюда из Ташкента прибыл. Он всех здесь с толку сбивает. Всю нашу жизнь, обычаи, прадедами завещанные, перевернуть хочет, шакал. Не зря же Ойслув бегаёт на участок, где они свои дохлые саженцы закапывают. Понаслушалась там его речей, какие райские рощи поднимутся в степи, и сдурела, как многие. И против меня он ее тоже подбил. Нет, пусть лучше в жизнь мою не лезет, не то напомню ему: не зря наш край зовется Барса-Кельмес. . .»

В обычный для Матназара поздний час с улицы до-
несся конский топот. Обе женщины сразу вскочили.

— Где ты, Айсара? Все байбачишь, ленивая! — за-
кричал Матназар, едва спешившись.

Ойслув проворно выбежала на улицу, приняла
повод.

Матназар, как обычно, когда он возвращался из сте-
пи, был измазан кровью. Он снял с коня убитого сайга-
ка. В оскаленном рту животного желтели зубы. Ноги
свисали, как плети.

— Айсара! — позвал еще нетерпеливей Матназар.

— Не кричи, — остановила его Ойслув, — ребенок
твой и матушка твоя уже давно спят. Чего тебе нужно
от Айсары сейчас?

— Голоден я. Пусть мясо сварит, да побыстрей.

— Сама все сделаю. Иди умывайся.

Но Айсара, успокоив всполошившуюся было девочку,
уже вышла. Вдвоем женщины повесили тушу на сук
карагача. Айсара взяла секач и привычно начала све-
жевать сайгака. Ойслув поливала из ковша Матназара,
раздевшегося по пояс. Холодная вода стекала по его
поблескивавшей в лунном свете спине к мощной загорел-
ой шее.

— Я тебе запретил заступаться за эту, — говорил
Матназар, отфыркиваясь, хлопая себя ладонями по ли-
тым бокам. — Пойми, что не нужна нам в доме дармоед-
ка. — Он произнес это слово по-русски, и Ойслув так же
повторила:

— Дармоедкой, придет черед, ты и меня назовешь.

— Ты — совсем иное дело. Ты — жена.

— А она тебе ребенка родила.

Матназар хмыкнул:

— Ну и что?

— А то, что прав у нее считаться твоей женой боль-
ше, чем у меня, хоть мы с тобой и расписаны.

Матназар махнул вафельным полотенцем в сторону
Айсары, будто настырную муху отгонял.

— Я сказал: пусть убирается прочь.

— Не она должна уйти, а я, — тихо, но твердо возра-
зила Ойслув.

Матназар опешил. Вялым движением отнял он поло-
тенце от лица и бросил его на руки Ойслув.

— Она же мне — незаконная, — произнес он, словно

оправдываясь, снова по-русски, надеясь, что Айсара не поймет.

— И не стыдно тебе?

Матназар вмиг вскипел:

— Мужа стыдишь! Забыла, где твое место.

— Это ты забыл, в какое время живешь. Думаешь, не найдется на тебя ни закона, ни управы? Как сайгаков безвинных бьешь, так и женщин топчешь. Все равно — конец будет.

Наотмашь хлестнул Матназар жесткой ладонью по губам Ойслув. Ухватила за сердце, вскрикнула Айсара, заговорила о чем-то дрожащим голосом, но Матназар, даже не взглянув на нее, схватил Ойслув за руку, дернул ее на себя, а потом отшвырнул с такой силой, что она отлетела к карагачу и ударилась головой о ствол. Однако звука не проронила. Сжалась в комок, спрятала лицо в ладони и замерла.

— Не думай, что обманешь меня. Это лесовод поганый научил тебя таким словам. Прикрывается, подлец, тем, будто деревья здесь сажает. А кому они, спрашивается, нужны в степи? Все равно засохнут все эти саженцы. Ну и возился бы с ними, если уж бог ума не дал, так, видишь ли, порядки наши не нравятся ему! Только не мы их выдумали, а прадеды. И не ему, сопливному, отменять их. Поняла? А ты слушаешь, уши развесив, его паскудные речи и веришь всему, что он вам поет. А ему от тебя одного надо — того, чего испокон веку мужику от бабы нужно было.

Ойслув подняла на него глаза, и даже в полутьме он заметил, какая бездна ненависти в них.

— Дай мне развод,— все так же негромко произнесла она и вдруг задохнулась от рыданий.— Не могу я больше жить здесь, с тобой. Уйду, все равно уйду...

— Попробуй! На небо взберешься — за ноги стащу. В землю зароешься — за уши вытащу.

— Руки коротки. Я и в милицию, и в сельсовет пожаловаться могу, не думай.

Матназар всей тяжестью своей начал надвигаться на Ойслув.

— Жаловаться вздумала, негодная! Ну, я отучу тебя от этого навеки.

Айсара, с ужасом наблюдавшая за всем, не выдержала, бросилась, заголосив, в ноги Матназару, хотела

сапоги его поцеловать, но Матназар лишь отшвырнул ее прочь, будто кошку, попавшуюся на пути. Из комнаты донесся плач ребенка, недовольное сонное ворчание старухи. Взлаял, почуяв недобрую возню, соседский пес. Кто-то выругался, словно бы на пса: нет, мол, покоя от тебя, бешеного, ни днем ни ночью. . .

Уже не владея собой, потащил Матназар волоком Ойслув через весь двор и затолкал ее в узкую клетушку. Там было темно. Душил запах заплесневелых дров, сырых сайгачьих шкур. Ко всему, когда Ойслув упала, ей показалось, что ее больно ужалило в бок: не то на сук напоролась, не то скорпион там притаился. Она застонала, не в силах подняться. Снаружи щелкнула задвижка, лязгнул замок.

Матназар сунул ключи в карман, оседлал коня, зашел на минуту в дом, набросил на плечи легкий халат-ятак, не от холода, а чтоб не было досужим глазам видно, что на поясе у него — кинжал; снял с сучка освежеванного наполовину сайгака, кинул его на коня, вскочил в седло и с места погнал вороного вскачь.

Долго доносился до замершей темной усадьбы топот коня, скачущего по сонной степи.

Тузкуль — соленое озерцо, местность, проклятая даже шайтаном. Нечистая сила и та, старики утверждали, не желала селиться здесь, рядом с трясинной, покрытой, словно стружьями, вязкой и липкой корой. Едва ступив на поверхность Тузкуля, все живое обречено: трясина поглотит вмиг. Только тучи комаров да полчища мух роятся вокруг зловонной котловины, в которой в летнюю пору противно булькает жижа.

Мудрено ли, что степняки селятся поближе к морю, где воздух живителен и свеж. Выход, впрочем, самый простой, но не могло до поры быть иного. Лишь Темирджан, неукротимый в своем рвении, настоял, чтоб убрали эту «язву на теле земли» — так неизменно называл он Тузкуль.

Теперь работы здесь как раз начались. Бульдозеры врзались шитами в ближние холмики и толкали оттуда желтую степную землю поближе к краю Тузкуля. Отвалы мгновенно поглощались болотом, будто Тузкуль и впрямь был бездонным и смыкался с преисподней, но бульдозеристы, словно втянутые злыми силами в спор,

становились все смелее и подталкивали грунт ближе и ближе к трясине. В молодом задоре они уже начали подтрунивать над теми, кто давал задний ход, едва почувствовав, что гусеницы вязнут. Темирджан и радовался их азарту, и опасался, как бы не стряслась беда. Не раз он строго предупреждал парней, чтоб были поосторожней, но вот же — увлекся, а может, устыдился насмешливых взглядов самой молодой из бульдозеристов — Бердикул из Караузенья, и тяжелая машина его вдруг осела, а потом стала быстро проваливаться в глубь ненадежной почвы. Добро, сам парень успел вовремя из кабины выскочить, однако рама бульдозера, резко вздыбившись, задела его краем.

Когда Темирджан прискакал верхом к месту происшествия, Бердикул, стонущий, с лицом цвета сырой марли, лежал в стороне у холма. У него был задет правый бок и повреждена нога. Он мотал из стороны в сторону головой и стонал, не разжимая зубов. Над ним склонилось несколько человек. Кто-то пытался напоить его, кто-то расспрашивал, где болит.

— Что вы колдуете! — в сердцах вскричал Темирджан. — В больницу его надо. Живо!

Облизывая спекшиеся губы, Бердикул попросил:

— Домой. . . Мать лучше поможет.

— Нет уж, друг. Врачи тебя побыстрее поднимут. Давайте машину сюда! Да выбрасывайте из нее все прямо на землю! Шевелитесь!

Бердикула уложили в кузов грузовика. Рядом с пострадавшим сел бригадир Саидбаев. Надо было подерживать Бердикула во время неизбежной тряски.

— Темирджан-ага! — испуганно произнес Саидбаев, приподнявшись над деревянным бортом. — Никак, он сознание потерял. Как бы по дороге не помер. . .

— Глупостей не болтайте. Езжайте, да смотрите, поосторожней.

Бердикула увезли, а потом началась долгая изнурительная возня с бульдозером, глубоко засевающим в зелено-сером месиве. С немалым трудом удалось, подобравшись по доскам к тяжелой машине, закрепить на ней концы четырех тросов. Стальные канаты, невзирая на всю их прочность, рвались, и приходилось закреплять их вновь и вновь, пока наконец громоздкий бульдозер не был вытасен на надежную почву.

Все, Темирджан в том числе, взмокли от пота, были с ног до головы заляпаны грязью, однако, едва поостыв, люди взглянули друг на друга и невольно улыбнулись: уж очень потешно выглядел каждый в глазах окружающих.

Несмотря на усталость, все гурьбой отправились к Аралу и искупались.

Возвращался домой Темирджан в одиночестве. Уже стемнело. Позади, отдаваясь с каждым шагом, шумел Арал. Ветер догонял Темирджана, лохматил волосы, вздувал рубашку.

Неожиданно вместе с посвистом ветра до его слуха донесся звук чьих-то шагов. Хотелось оглянуться, однако самолюбие не позволило Темирджану пойти побыстрей. Он ощутил за собой тяжелое дыхание. Калитка была неподалеку, но скрыться за ней Темирджан успел бы лишь в том случае, если бы побежал. Он остановился, и тут же замер тот, кто следовал за ним. В сгустившихся сумерках фигура его казалась огромной. Оба молчали. Вдруг человек, так упорно не отступавший от него, поднял руку. Темирджану показалось, что в ней зажат нож. «Кто же успел за короткое время так возненавидеть меня? И за что?» Глупо было раздумывать об этом перед лицом смертельной опасности.

Преследователь двинулся на Темирджана, но в то же мгновение мягкий пушистый ком ткнулся Темирджану в колени. Тут же послышалось сердитое рычание, и преследователь вскрикнул: хозяйский пес, желтый безухий волкодав (он уже привык ежевечерне после работы встречать Темирджана и, лапаясь к нему, тыкаться носом в карман, где зачастую оказывалась припасенная для него краюшка хлеба, а то и косточка), кинулся на незнакомца. Тот побежал прочь, преследуемый псом.

На шум вышли люди. Торопливый цокот копыт донесся из темноты. Пес вскоре возвратился к калитке и как ни в чем не бывало ткнулся в ладонь Темирджана холодным носом. Темирджан благодарно потрепал его лохматый загривок.

Он толкнул ногой калитку и, как в полудреме, будто не стяхнув с себя кошмарное сновидение, побрел к дому.

И не мог Темирджан избавиться от проклятого вопроса: за что? За что его хотели убить?

Утром по пути на участок заглянул Таджитдин, и Темирджан рассказал ему, будто о чем-то незначительном, даже усмехаясь, о своих вчерашних страхах. Он даже пожалел того человека,— может, он попросту поговорить хотел или прикурить, а на него свирепого пса спустили?

Таджитдин, однако, не на шутку обеспокоился:

— Узнал ты его?

— Темно было. Да я и не старался разглядеть лицо. Говорю же, может, он сигарету из кармана достал, а я с перепугу решил—нож!

— Ну, друг, ты нынче превзошел самого себя! — в сердцах воскликнул Таджитдин.— Да ты представляешь, чем тебе это грозит? Это не «львиные когти», а посерьезней дела.— Он вырвал из тетради листок и положил его перед Темирджаном.— Брось валять дурака и напиши в милицию, как все было. Не впервые, мол, замечаешь ты этого Матназара, который по пятам за тобой в темноте ходит, как он бросился на тебя с ножом и так далее.

— А ты уверен, что именно Матназар преследовал меня? Я — нет. А возводить клевету на человека, пусть даже браконьера, не в моих правилах. Ну подумай, какие у меня сложатся отношения с местными людьми, если я начну по каждому поводу в милицию жаловаться? Ты лучше скажи: в больницу ездил? Как там наш Бердикул? Это меня сейчас волнует больше.

— Нога в гипсе, к потолку подвешена, а сам зубы скалит,— хмураясь, сообщил Таджитдин.

Из глубины дома донесся голос Даулбая-ата:

— Тот, кто от смерти ушел, сто лет жить будет.

Они так и не поняли, к кому относятся эти слова старика.

II

Перекинув через седло тушу сайгака, Матназар в одиночестве скакал по темной и безлюдной степи. Он спешился у ворот усадьбы, обнесенной высокими каменными стенами. В таких своеобразных крепостцах селились в старину целые семьи. Находились они одна от другой на изрядном расстоянии, да и то сказать: земли в степи были немерены, занимай сколько душе угодно, без опаски, что помешаешь кому. Но конечно же об-

нести селение каменной высокой стеной было под силу лишь богачам. Они чувствовали себя за надежной оградой в безопасности со своими женами, детьми и стадами. Хуже, как всегда, приходилось беднякам: через глиняные дувалы легко перемахивали скакуны степных разбойников, перебирались по ночам темные людишки, чтоб поживиться за чужой счет. Потому и объединялись несколько семей, возводили и для себя крепостцу, а помещному — кьала, внутри которой находились и огороды, и мельница, и маслобойня.

Давно уже появились в степи поселки, где все живут рядышком, есть и клуб, и магазин, и школа; пожалуй, и осталась в окрестностях одна-единственная обитаемая крепостца — Зарангкьала. Там проживал Ходжи-ага, кичась тем, что он, отшельник, бежит соблазнов и благ мирских и желает, уединясь, общаться с одним лишь богом. Может, потому и не заботился хозяин о том, как выглядит его Зарангкьала внешне.

Одна из створок огромных древних ворот сорвалась с верхней петли и ушла краем в землю. Другая створка при каждом дуновении ветра двигалась, подобно флюгеру, и натужно скрипела.

Однако достаточно было перешагнуть через стертый порог и войти в комнаты, как дух захватывало от неожиданной роскоши. Яркие, будто жар, атласные одеяла и паласы, ковры, которыми был сплошь устлан пол, в нишах старинная посуда, на вешалках расшитая золотом одежда — все свидетельствовало о богатстве. Вот только достанется оно кому?

Женился Ходжи-ага столько раз, что имен своих бывших супругов не помнит, но ни одна не подарила ему наследника. Потому и оставлял он их без печали, а вот нынче, когда старость надвинулась, задумался: иному тридцатилетнему джигиту сынок уже дрова для очага приносит, а у Ходжи-ага — одни бабы в доме. Эх, вернулось бы времечко, когда, насурьмив бороду и усы, повязав голову внушительной чалмой, летом и осенью в белоснежном яктаке — легком халате — либо в отделанном золотой каймой мурсаке выступал он, выгнувшись вперед грудью и животом, наподобие сабли, а зимой хаживал в шубе на рысьем меху с собольим воротником, а сама-то шуба — из куланьих дубленых шкурок. . .

Куда девалась его поступь, его стать? . . . Ведь не про-

сто львом представлялся он окружающим, а первым среди львов! Скольких борцов поверг ниц и унижил он, когда схватывался с ними в кураше! Не было равных ему и в охоте на куланов: пустит лихого скакуна вслед убегающему стаду, накинёт аркан и свалит любого на выбор. А вот теперь он даже на коня без посторонней помощи не взберется. Мало что постарел — тучен стал, неповоротлив. Бороду подкрашивать бросил давно, да оно ни к чему: седая, закрывающая всю грудь, она сама по себе внушает уважение почтительным к старости степнякам.

Слово любого аксакала священно для младших, тем паче такого, как Ходжи-ага; его слово, как он не устает напоминать, доходит до ушей всевышнего в самую первую очередь. Потому-то и заклинает иная мать своего неверующего сына: сходи перед дальней дорогой к богом избранному Ходжи-ага, пусть помолится за тебя, попросит удачи тебе, а семье — благополучия. Случится у кого беда — зовут Ходжи-ага. Он поможет советом и молитвой. В благодарность ему — халат или поясной платок, червонец или трехрублевку, — он ничем не гнушается, а молится одинаково истово.

Однако заботы эти отнимали у Ходжи-ага не так уж много времени. Большую часть дня, не говоря уже о ночи, полеживал он блаженно на тигровой шкуре в небольшой комнатушке рядом со своими богатыми покоями, подложив под грузное тело пуховые подушки, поглаживая обширное брюхо. Здесь он и посетителей принимал, и закусывал почти что беспрестанно.

Сейчас он расправлялся с блюдом жареной рыбы, которую доставил утром преданный Джайикбай. Сам Джайикбай сидел чуть поодаль на овчине и не сводил глаз с обожествляемого старца.

Разувшись в прихожей, тихо ступая, вошел Матназар, склонился, приветствуя хозяина, а затем присел рядом с Джайикбаем. Ходжи-ага едва приподнял голову, отвечая на приветствие Матназара, затем коротким движением пухлой ладони указал на блюдо: бери, мол, ешь. Однако у Матназара сейчас кусок в горло не шел. Достаточно было одного взгляда на него, чтоб понять: большие неприятности у человека. Но ни Ходжи-ага, ни тем паче Джайикбай расспрашивать ни о чем не стали: незваным явился, пусть сам и рассказывает.

Час был уже поздний, но это Ходжи-ага не смущало: за день он выспался изрядно, мог, если надо, бодрствовать хоть всю ночь. Было тихо, только слышалось чавканье Ходжи-ага да осторожное покашливание на женской половине дома. Наконец, насытившись, Ходжи-ага пробормотал молитву и велел женщинам убирать остатки пищи. Джайикбай слил из медного кувшина воду на ладони Ходжи-ага, Матназар держал наготове полотенце. Мокрыми пальцами стряхнул Ходжи-ага крошки с бороды, расправил усы.

— Аллах воздаст вам за вашу заботливость, благородный Джайикбай,— произнес он размеренно,— а я благодарю его покорно за то, что дожил до этого часа.— Все еще бормоча молитвы, он долго тер ладонями лицо и шею, а затем снова прилег на подушки, продолжая расчесывать бороду пятерней. Потом он любовно огладил ее и заключил: — Ежели создатель не подаст по своей воле рабу своему, то что может предпринять сам раб? А ну, чай! — тут же крикнул он без видимого перехода, так что можно было подумать, не аллаху ли самому адресовано это требование, однако из-за занавески протянулась украшенная браслетом рука, подавая чайник.

Джайикбай проворно вскочил с места, принял чайник и начал многократно переливать чай в пналу, а из нее — обратно в чайник: чтоб заварилось получше.

— Дай бог жить нам подольше да чтоб все наши желанья исполнялись,— произнес, воздев руки, Ходжи-ага, и оба повторили за ним этот жест. Он опять обратился не к Матназару, а к Джайикбаю: — Ну-ка выкладывайте, почтенный, какие новости в степи?

Джайикбай погладил свою козлиную бородку.

— Чудеса творятся, да и только,— произнес он искренне,— такие дела развернулись, что скоро и степь-то нашу нельзя будет степью называть. Лесовод этот ташкентский, видать, малый с башкой на плечах, не то что прежний был — дурачок да пьянчужка. У него лес не засохнет. Каналы прокладывают, арыки подводят, деревья с умом сажают. Машин, народу там — видимо-невидимо. Да и то сказать: платят в лесхозе прилично и деньги, мне рассказывали, всем вовремя выдают.

Слушая эту речь, Ходжи-ага мрачнел, и морщина, разделяющая пополам его лоб, становилась глубже.

— И никак, этот пришлый добился и вашего благорасположения, Джайикбай? — бросил он укоризненно.

— Истинно скажу: не верилось, что так у него все ладиться будет.

— Ну, а Куйрук-то хотя бы они в покое оставили?

— Ийе, достопочтенный! Добрались они и туда. Ползают уже по священной земле их вонючие машины. Искубатур¹ не зря называется. Так и есть: за раз четыре куба земли вынимает, если не больше. . .

Ходжи-ага вскинул голову так резко, будто скорпион ужалил его в ухо.

— Вижу я, таксыр², что и вы восхищены всем этим безобразием? Может, благословите их труды?

Джайикбай смутился.

— Простите, почтеннейший Ходжи.

— О аллах! — воскликнул Ходжи-ага, запрокинув голову.— Отпусти прегрешения несведущим, ниспошли разум заблудшим и обрати их души к истине.— Он вперил тяжелый взгляд в Джайикбая.— Напомню вам, что предки ваши были максумами — духовными наставниками неразумной паствы. Так неужто вы уподобитесь ей?

— Моя вина, почтеннейший, но я рассказал лишь о том, что видел.

— Да не глядеть на тех людишек в лесхозе, а наставлять на путь истинный должны были вы!

— Слово мое для них сейчас — что для моря пыль. Неужто вы сами, досточтимый ага, не знаете этого? Они девчонке из комсомола районного верят, а меня и слушать не желают. Разве кто из стариков им слово свое скажет. Так чего стоят там старики, если машинами молодежи управляет!

— За одного человека, за ученого малого, браться надо было, как я вас учил. Ведь до его появления здесь никто Куйрук трогать и не помышлял. Мне это доподлинно известно.

— Я его пугнул.

— А он не испугался? Жизнь ему не дорога? Неужто так и отмахнулся от вас?

---

¹ «Тур» по-каракалпакски — четыре. На этом и строится обыгрыш Джайикбая. (Прим. переводчика.)

² Таксыр — уважаемый.

— Отчитал меня, как следует, вот и все,— лицо Джайикбая покрылось потом.

— Великий аллах,— Ходжи-ага поднял кверху взгляд,— именем твоим клянусь, сам возьму под свою опеку рабов твоих, сбитых с пути истинного, а ты пошли кару тем, кто смущает души правоверных.

И тут впервые заговорил Матназар.

— Убью я его,— процедил он, вскипая.

Ходжи-ага сверкнул на него взглядом.

— Жестокость против бесчестного и наглого, **сын**ок, всегда оправданна,— произнес он, по своему обыкновению, наставительно.— Узнаю в тебе твоего отца и деда твоего. Слово чинары могучие, словно вершины скалистые высились оба. Не было равных им ни по уму, ни по отваге, ни по преданности вере нашей. Жизнь за бога отдать не пожалели они. И ты, я вижу, такой же. Только иные нынче времена, и действовать следует по-иному. Убивать ударом в грудь теперь не годится. Сам пропадешь, а ты нам нужен — такие джигиты, как ты, наперечет.

— Так что же делать, почтеннейший ага? — Матназар даже зубами скрипнул от бессилия.

Ходжи-ага отвел глаза.

— Аллах велик и вездесущ,— произнес он в странство,— аллах уже уготовил ему кару. Я уверен. Она скоро отыщет того, кто осужден самим богом.

— А как же Куйрук, машины? — в некоторой растерянности спросил Джайикбай. Даже ему ответ Ходжи-ага показался весьма неопределенным.

— Исчезнет лесовод, оставят в покое и Куйрук,— откликнулся не сразу Ходжи-ага.— Мне известно, что даже сам директор лесхоза, Таджитдин, был против этой затеи. Его этот ташкентский малый к святотатству склонил. А потом они оба райкома уговорили, Арсланова Базарбая.

— Точно! — воскликнул, забыв на миг о почтительности, Матназар.— Я как раз сам тогда в райком приходил, когда они оба в кабинете про это толковали. Мне из-за двери кое-что слышно было. Я же рассказывал вам тогда, почтеннейший. Вы же сами меня недоумили, чтоб пошел к Базарбаю. . .

— Много, много разных речей слышат день и ночь мои уши,— прервал его Ходжи-ага. Он резко переменял

тему: — Так что привело тебя, сынок, ко мне теперь, на ночь глядя?

— Жену свою я поучил чуток, а она грозится, что жаловаться на меня станет.

— Какую жену?

— Ну, какую? Законную. Младшую. Она у меня одна.

Ходжи-ага при этих словах только усмехнулся.

— Работать пошла она в лесоводство, будто я прокормить ее не могу, — с обидой продолжал Матназар. — Ни матушку, ни меня слушать не пожелала. А теперь вот и объявила: ты, мол, силой взял меня, не стану с тобой жить, уйду. Умом тронулась, и неспроста. Матушка слышала, как она про этого Юлчиева говорила: так-кне, как он, помогут, мол, ей и устроиться где-то аж в Ташкенте, и выучиться на фельдшерицу или не знаю на кого еще там. Как вспомнит про этого Юлчиева, так язык у нее медовым становится.

Ходжи-ага все же не сдержал улыбки, и Джайикбай хихикнул тоже. Матназар перевел с одного на другого хмурый непонимающий взгляд.

— Пугает она тебя, сынок, пугает, — мягко, чтоб сгладить неприятное для Матназара впечатление, произнес Ходжи-ага. — Женщины вообще мастерицы на подобные выдумки. Но ты не огорчайся: и под святым ишаном осел поначалу взбрыкивает.

Вновь засмеялся, тряся жидкой бородою, Джайикбай. Да и самому Ходжи-ага шутка его, по-видимому, понравилась.

— Родители ее баловали, это мне известно, — сообщил Джайикбай.

— Ясное дело: давно ты ей, наверное, ничего не дарил. Привези ей что-нибудь такое, от чего брови ее взлетят, будто ласточкины крылья, и тогда она сама в твои объятия кинется. — Ходжи-ага, довольный, затрясся всем телом, представляя эту соблазнительную картину. — Да брось ты печалиться, сынок! Даже луна не всегда бывает полной. Все в нашей жизни идет своим чередом.

Матназара бесило, что старики либо не понимают его, либо прикидываются непонимающими.

— При чем тут подарки? Вы думаете, мало я ей пе-

ретаскал и браслетов, и ожерелий? У матушки найдется в сундуках еще на десяток невесток.

— Это мы знаем,— Ходжи-ага посерьезнел, и Матназар спохватился, что сболтнул в сердцах лишнее.

— Я же про что толкую! Ее этот лесовод проклятый с пути истинного сбил. Как начала у них на участке кашеварить, так с первого дня и испортилась вконец. Все у нее теперь расписано: сама собирается в город уйти, а меня оставит с Айсарой постылой да с девчонкой ее. Вот ваша семья, живите. Только не на такого напада: я и ее прибью и Айсару прикончу.

В словах его сквозил не только гнев, но и боль, и стариков наконец тронуло это.

— Не ударяй только по кривому гвоздю, сынок,— посоветовал, заражаясь его чувствами, Ходжи-ага,— и гвоздь не заколотишь, и пальцы разобьешь. Отпусти ты эту свою, младшую. Пусть пока живет, как ей хочется. Сделай вид, что примирился с судьбой, а сам жди своего часа. Понял? Дай развод Ойслув. Уж если на то пошло, натешился ты ею? Или не так?

— Нет,— захрипел Матназар,— пусть покорится. Я не таких обламывал безо всяких свадеб, а она законная.

— Чудак! Да мало ли девок вокруг, рядом с которыми твоя Ойслув — пигалица деревенская? Видел ты чернобровую да кудрявую красавицу, которая нынче в заповедник приехала? Я как взглянул на нее, она на коне скакала, сердце екнуло, словно у молодого. Ну, Тамирис чистая, и только! Эх, подумалось, если бы уж не молодость вернулась, так хоть бы лет пятнадцать с плеч сбросить; я бы уж не пропустил такую пери, нет...— Ходжи-ага мечтательно закатил глазки.— И куда нынешние джигиты глядят? Словно бараны холощенные, скользят по ней глазами и не замечают, что, может, равных ей на всей земле нет.

Джайикбай тоже глумливо хихикнул:

— Они, может, и понимают все, ага, да подступиться к ней боязно. Она же в Ташкенте выросла, и родитель ее, я слышал, большой человек там. Привыкла к городскому обхождению, не то что наши дуры: им платочек подарят, а они и млеют.

— У джигита нашего — свое обхождение.— Ходжи-ага со значением остановил тяжелый взгляд на Матназаре.— Он со строптивыми в глухих балках объясняться

привык. Так, что ли, сынок? Вот тебе и случай сама судьба посылает. Лесовод-то этот, Юлчиев, за девкой по пятам шастает!

— Ну? — Матназар все еще не понимал, к чему клонит Ходжи-ага.

— Сам он, выходит, тебя разыщет, сам с тобой сцепится. А ты защищаться будешь. Смекнул наконец? Тот-то. А потом, даст бог, и Ойслув свою накажешь. Только терпение нужно, терпение. И с умом все делать, а не ломить по-кабаньи.

— Слушай, джигит, слушай,— Джайикбай даже поднялся и наклонился над Матназаром.— Отец, будь жив, и то не дал бы тебе таких мудрых и добрых советов, как наш достопочтенный ага. А ты сразу: резать, прикончить! В том ли дело? Пусть остаются все живы, ну, может, ребра помнешь кому, не без того, но только чтоб убрались восвосяи со своими затеями погаными. Не допустит аллах, чтоб священный Куйрук топтали!

И Хаджи-ага произнес, будто вещая с высоты:

— Барса-Кельмес святотатства не прощает.

Вернувшись домой, Матназар, не раздеваясь, бросился на постель, а когда открыл глаза, солнце уже стояло в зените. Матназар кликнул Айсару, велел подать умыться и приготовить завтрак. Она возилась у стола, а он, вытираясь, вдруг подумал — что с Ойслув? Мысль, что с ней могло стрястись нехорошее, оглушила его.

— Где Ойслув? — закричал он так страшно, что Айсара обмерла на пороге.— Отвечай! Ты что, язык проглотила?

Айсара что-то лепетала, указывая дрожащей рукой на чулан во дворе.

Пулей вылетел он из комнаты, торопливо нашарил в кармане ключ, открыл замок, пинком распахнул дверь и взгляделся в полутьму чулана. Он увидел только саксаул, кучей сваленный в углу, и, как показалось, следы крови на сучьях.

Куда могла она исчезнуть? Замок не тронут, в чулане ни оконца, ни дыры.

В бешенстве выскочил Матназар из чулана и накинулся на Айсару:

— Где Ойслув? Я тебя спрашиваю!

Айсара трепетала. Из глаз ее по бледному лицу бежали слезы.

— Ты ответишь или нет?

Он двинулся к ней, ухватил за тонкую шею, швырнул на землю, стал бить ногами. Отчаянно закричала девочка, упала на землю и уцепилась ручонками за сапог отца. Дарбека, испугавшись, как бы сынок насмерть не забил Айсару, пыталась остановить его, но он и старуху пнул в грудь так, что она свалилась, охнув.

Рывком поднял Матназар Айсару, поставил ее перед собой и впился глазами в ее окровавленное лицо, закрытое растрепавшимися волосами. Она откинула волосы и посмотрела прямо в его бешеные глаза. Он и не предполагал, что Айсара может глядеть так достойно и бесстрашно.

— Нет ее! — громко выкрикнула она и усмехнулась разбитыми в кровь губами.— И не сыщешь никогда! Я, я помогла ей бежать! А теперь — убивай меня! — Она рванула платье на груди, пуговицы посыпались на землю.— Ну, убей!

Матназар застонал. Резко повернувшись, он кинулся к коню, оседлал его и опрометью вылетел на улицу.

— У лесника, у лесника проклятого ищи ее! — надсадно кричала вслед Дарбека.

Слова эти звучали в ушах Матназара все то время, пока он рыскал по участкам, где ползали машины, где трудились, на удивление ему, с охотой и даже как-то весело многие люди, знакомые и незнакомые, где уже стояли аккуратными рядами тонкие саженцы,— никто ничего об Ойслув не слышал. И Темирджана Юлчиева тоже не было видно, и это распаяло душу Матназара огнем страшной ненависти.

Наконец он выследил его в темном переулке, почти у самого дома. Спешился, догнал, оставалось, пренебрегая добрыми советами Ходжи-ага, сунуть нож под лопатку...

Нет, не пес этот рыжий, его пнуть,— убежит, визжа,— что-то иное, непонятное, остановило руку Матназара, и мгновения этого было достаточно, чтоб Юлчиев ушел.

— Ладно,— шептал сухими губами Матназар, подгоняя коня,— широка наша степь, но мы еще встретимся один на один. И вот тогда уж нам не разминуться.

III

Так уж совпало или суждено было, что в то памятное ему утро Темирджан вспомнил о профессоре Джамалове, об институте, о лабораториях, теплицах и полевых участках, которые, ох не зря, называются опытными. Как сожалел теперь Темирджан о том, что отцу его так и не удалось проверить некоторые важные теоретические положения экспериментально.

Листая все ту же рукопись в синей папке, Темирджан делал выписки и вновь раздумывал о том, что, не будь этого труда, лесопосадочные работы на Шерарале были бы обречены заранее. Отец сделал главное, но, увы, многого не успел. Пожалуй, еще никогда не ощущал так остро Темирджан, как важно то, что в тысячах речей и документов именуется значением науки для практической деятельности. Что скрывать, он действует порою на ощупь, опираясь на интуицию, а это — фундамент зыбкий. . .

Вновь вчитывался он в неровные строки с недописанными словами и сокращениями, которые уже научился понимать. Это — результаты отцовских наблюдений за ростом и развитием скороспелых орешин в условиях Аральской климатической зоны. Обобщить их отец уже не успел. Это легло на плечи Темирджана.

Он пытался проследить закономерности, подобраться к выводам, но понимал, что для этого нужна хотя бы скромная, пусть первого поколения, ЭВМ, из тех, что установлены в лаборатории Джамалова.

Впрочем, что зря мечтать, когда надо уже сегодня сажать орешины. Словно студент перед экзаменом, Темирджан попытался что-то сообразить, схватить на лету, но быстро устал, и мысли, так же как у того бедолаги студента, возникли совсем об ином. За что так ненавидит его Матназар? Темирджан был почти убежден, что именно этот, не попавшийся с поличным разбойник преследовал его. Неужто приревновал к Ойслув? Да и она уже несколько дней не показывается на участке. Не иначе — запугали ее Матназар и Ходжи-ага. Этот трутень, «приближенный к богу», продолжает пророчествовать: отомстит, мол, Барса-Кельмес всякому, кто тронет священную землю Куйрука. Оно и понятно: доходы потерять боится. Но назло ему и вопреки всем мнимым

страхам идет, и неплохо, работа и в Ойкуюре, и в оврагах у местечка Ёл, и в Окмуйине, и в Аккале. Уже и на Куйрук завозят саженцы. Из российских питомников прибыли сосенки, они на два года старше ореховых саженцев, для которых отведена площадь за сосновыми лесополосами. А сеянцы орешин должны привезти из Арсланбобского питомника.

Что-то нет их долго, а время не ждет. Оплываешь с посадками — пропадут все труды: корни гибнут, едва какой-то час упущен. Тут еще и Хидирбаев, друг-то он друг и парень отличный, но увел свою технику и народ обратно на колхозные поля: осенняя пахота у него срывается. Тоже, конечно, можно понять. Своя рубашка ближе к телу. Нынче на рассвете отправился в Карауень бригадир Саидбаев. Все надеется, что выпросит хоть десяток людей и трактор. Надо, надо сажать сосны. Время терять сейчас никак нельзя.

Темирджан выскочил во двор, чтоб сделать по привычке зарядку, в трусах и майке, но тело сразу покрылось гусиной кожей. Он вернулся к себе, натянул брюки и свитер и у порога столкнулся с Даулбаем-ата.

Старик стал расспрашивать его о самочувствии, о делах на участке, высказал предположение, сплюнув в сердцах, что это из-за гнусного Ходжи-ага многие колхозники ушли с Куйрука. Верят не верят старому плуту, а рассуждают-то все-таки, что береженого, мол, и судьба бережет. Лишь потом, уже отойдя на несколько шагов, Даулбай-ата спохватился:

— Письмо тут вам какое-то. Еще вечером принес его почтальон, да мне тревожить вас, сынок, не хотелось. . .

Издали узнал он дорогой почерк. Ему даже не удалось скрыть волнение. Нетерпеливо схватил конверт, юркнул обратно в свою комнатушку. Пальцы его дрожали. Он сжимал письмо так, будто кто-то мог отобрать его. Какое-то мгновение не решался развернуть листок. Казалось, откроется нечто ужасное. А может — радость?

«Каждая строка Ваших¹ дорогих писем живет и звучит в душе моей непрерывно. Я повторяю их, и все вокруг становится ярким. Ах, если бы мне было дано

---

¹ Правила вежливости, принятые у узбеков, требуют письменного обращения на «Вы».

ответить Вам такими же прекрасными словами... Но у меня письма не получаются. Все кажется, Вы будете смеяться над моими корявыми фразами. Потому я, едва примусь за ответ, тут же останавливаюсь и откладываю до другого раза: авось тогда получится удачней. Верьте не верьте: кучу бумаги извела, пока написала это. Простите, если заставила Вас страдать из-за моего молчания. Но постарайтесь и меня понять: молчу потому, что хочется выглядеть в ваших глазах достойно, а излагать свои чувства на бумаге не научилась...»

Теплая волна прилила к сердцу Темирджана.

«Соскучилась я. Когда же наконец Вы придете? Ваша Юлдуз».

Рой ответных слов завихрился в голове у него.

Он уехал по степной дороге, и счастливая улыбка не сходила с лица, а в ушах звучала какая-то озорная песенка. Путь его лежал на Куйрук.

Вокруг было серо, словно в пустой юрте. Темирджан не замечал, что утро — сырое и пасмурное. Не сразу сообразил он, почему на участке такая тишина. Не было слышно ставшего в последнее время привычным шума моторов. Один-единственный человек шагал навстречу ему. Вскоре Темирджан узнал Саидбаева. На бригадире был длинный брезентовый рыбацкий плащ. Невысокий щуплый Саидбаев выглядел в нем подростком, надевшим отцовскую одежду.

— Плохи дела,— сообщил Саидбаев, приблизившись,— ни один человек нынче на Куйрук не вышел.

Выражение лица Темирджана изменилось так резко, что Саидбаев, не дожидаясь вопросов, начал объяснять:

— Все из-за Джайикбая этого козлобородого. Явился вчера вечером сюда на участок, как раз стемнело, люди уже работу кончали. И вдруг он как закричит: «Туда глядите!» — и показывает на развалины. А около них,— тут Саидбаев поежился и огляделся по сторонам,— верьте не верьте — караван мертвецов,— произнес он шепотом,— своими глазами видел. Скелеты — верблюды, кони, люди. И все — светятся...

— Да что ты несешь, Алтмышбай! — в сердцах воскликнул Темирджан.— Допустим, старнику или бабке темной что-то такое могло померещиться, но ты же

среднее образование получил, ты — современный парень. Как не стыдно тебе.

Однако Саидбаев продолжал утверждать, что светящиеся призраки в самом деле явились в сумерках, что он не так уж сильно боится их, иначе не пришел бы вот сейчас на Куйрук, но в бригаде у него много пожилых людей, женщин, а молодые хоть и посмеиваются друг над другом из-за вчерашних страхов, но и они на участок не вышли.

— Пошли! — резко приказал Темирджан. — Веди меня туда, где эти ваши мертвецы обитают.

— Да вон там, возле заброшенного кишлака, как раз у ближнего дувала, — неохотно указал рукой на развалины Саидбаев.

Ехать туда вместе с Темирджаном он, как видно, не собирался. Начал подтягивать подпруги у своего коня, ругаясь потихоньку, что вот, мол, ремни гнилые как-то, то и дело рвутся. Лишь тогда, когда Темирджан, хлестнув гнедого по боку, поскакал в степь, Саидбаев двинулся за ним, отставая все же шагов на двадцать.

Он приблизился, увидев, как Темирджан, стоя на коленях, собирает что-то на песке, и крикнул предостерегающе:

— Может, не надо, Темирджан-ака? Может, я лучше милицию позову?

Темирджан сердито оглянулся, продолжая подбирать обломки костей.

— Дай-ка мешок, — велел он Саидбаеву, и тот кинул ему свой хурджун.

— Дурни вы, дурни, — бормотал Темирджан, когда они возвращались к полевому стану. — Позволить, чтоб вас так провели!

Уже немного повеселевший Саидбаев продолжал, однако, повторять одно и то же: своими глазами видел, как возникли вдруг в сумерках скелеты с огненными ребрами.

У навеса стоял райкомовский газик, и Темирджан страшно обрадовался: вот ведь какой молодец Базарбай-ака, тут как тут! Из машины не по-стариковски проворно вылез и Даулбай-ата.

— Снова ползает старый паук, Ходжи-ага, — сказал он Темирджану после обмена приветствиями, — до рассвета успел обойти вместе со своими приспешниками все

аулы. Всюду болтает об огненных призраках на Куйруке. Теперь-то пойдут гулять слухи. . .

Базарбай Арсланов усмехнулся, хотя и он был тоже раздосадован.

— Росказни его теперь не слишком пугают людей.

— Как сказать.

— Ну, вот вы-то, Даулбай-ата, не боитесь ступить по священной земле Куйрука?

— Потому что не верю, будто какие-то скелеты во тьме светились.

И тут, с опаской поглядывая на секретаря райкома, запинаясь, Саидбаев произнес:

— Я их сам своими глазами видал. Точно,— он прижал руку к сердцу.

— Верю,— согласился Арсланов,— затем я и приехал сюда с утра пораньше.— Он повернулся к Темирджану, который положил у ног своих мешок.— Ты, я вижу, уже побывал там? Ну и что?

— Пока ответить затрудняюсь, Базарбай Арсланович, но, думаю, им известно, как можно вызвать люминесценцию.

— Натерли кости фосфором и фонарь на них направили,— сказал Даулбай-ата,— проще простого.

— Я полагаю, тут посложней,— возразил Темирджан, обращаясь к Арсланову,— скорее всего — хемолюминесценция.

— Ты бы попроще объяснил нам.

— Ну, свечение, которое происходит во время сложных химических процессов.

— А им даже такое известно?

Темирджан улыбнулся:

— Еще в Древнем Египте жрецы это делать умели.

Арсланов вдруг оживился:

— Послушай, Темир, если жрецы, если наш бурдюк этот, Ходжи, умеет, так почему бы и нам не устроить сеанс? А? — Он обрадованно хлопнул Темирджана по плечу.— И больше никакой разоблачительной работы не надо. Ты понял?

Темирджан не без брезгливости разглядывал мослаки, которые вывалил из мешка.

— Чтоб состав определить, спектральный анализ требуется.

— А ты — без спектрального. Важно, чтоб светилося в темноте.

— Попробую,— Темирджан пожал плечами.— Когда-то, еще школьниками, проводили мы вечера химии — «Чудеса без чудес».

— Конечно! Именно так. Соберем тебе полный клуб народа, и действуй.

— Подготовиться надо, литературу кой-какую в библиотеке подыскать.

— Машина моя в твоём распоряжении.

— Ладно, но корни-то у саженцев моих подсыхают.

— Найдем тебе замену на день-другой.

— А людей-то нет.

— Как нет! — воскликнул Даулбай-ата.— Слышите?

Ухо старого шкипера-дарги прежде всех уловило приближающийся гул мотора. Все посмотрели в ту сторону. За селением Аккала вставало солнце. На розовом фоне был четко виден трактор, который шел сюда, к Куйруку. Вскоре за штурвалом можно уже было различить самого Хидирбаева. В прицепе сидело несколько человек с лопатами в руках.

— Как общее здоровьице? — спросил, сверкая белыми зубами, Хидирбаев; мотор он не заглушил, но гарахтение трактора только радовало всех.

— Хвала тебе, раис,— искренне произнес Арсланов, пожимая ладонь Хидирбаева.

— А что вы мне на бюро скажете, если с пахотой опоздаю? — хитро сощурившись, спросил тот.

— Ничего, справишься. Я тебя знаю отлично.

— Ладно, денек решил поработать здесь сам. Попугаю немножко привидения, доставлю удовольствие жирному Ходжи. Мы же с ним друг друга любим, как собака и кошка.— Хидирбаев снова захохотал и полез на трактор.— Цепляйте агрегаты! — крикнул он своим людям, молодым парням и девушкам.— Ударим, как в былые годы, трактором по мракобесию и суевериям!

— Еще едут! — крикнул с пригорка Сандбаев.— Аккалинские, наверно.

— Спасибо вам, Базарбай-ага,— прочувствованно произнес Темирджан.— Я же понимаю, это все—вы.

— Нет, друг, не я,— возразил Арсланов,— это — жизнь наша. Она сама справляется нынче с такими, как старый трутень Ходжи. Спутники запускаем, в космосе

путешествуем, телевизор смотрим. Кто тут каким-то призракам в пустыне поверит?

— А все-таки страшно было, Базарбай-ага,— позволил себе вставить фразу Саидбаев.— Светят костями и будто растут все время. А людские скелеты словно руками размахивают. Брр...

Арсланов взглянул внимательно на него, а затем на Темирджана.

— Садись в машину со мной, друг, и кати в райцентр, в библиотеку. Послезавтра выступаешь в клубе.

Лемеха отваливали слежавшиеся пласты целины. Одна за другой пересекали Куйрук борозды. Тракторы двигались не торопясь, чтобы люди успели проверить, надежно ли посажен каждый тоненький сеянец.

Работали проворно, но все же время от времени сидящие на прицепах подавали сигнал, трактор останавливался, и человек поправлял покосившееся деревце или надежней засыпал корни.

Они трудились допоздна. Когда опустились сумерки, кое-кто, невзирая на насмешки Хидирбаева, стал все же бросать тревожные взгляды в сторону развалин.

Степь была пустынна и темна. Как испокон веку.

IV

По вечерам, особенно в воскресенье, в районном центре Унгулак, в отличие от других местных селений, царило оживление. Тогда казалось, что все жители Унгулака собрались на площади возле кинотеатра, повернутого фасадом к Аралу. У входа располагались женщины, которые торговали семечками, халвой, солеными абрикосовыми косточками, сладостями домашнего изготовления, фруктами и виноградом, выставленными в тазах и ведрах. Группами и парами ходила взад-вперед молодежь, пожилые люди сидели на скамейках, толкуя о том о сем; гремел репродуктор, из которого неслись очень популярные здесь песни из индийских кинофильмов, и конечно же носились вихрем, кричали и хохотали вездесущие ребятишки.

К площади примыкала главная улица, пройти которую из конца в конец можно было, впрочем, минут за десять. На ней располагались районные учреждения, магазины,— в общем, все как в любом райцентре, хотя

были здесь и свои особенности и даже достопримечательности. Прежде всего, главная улица в Унгулаке казалась всегда только-только подметенной. Ни пылинки, ни окурка, ни обрывка газеты. Ветер с моря постоянно продувал улицу, поддерживая на ней идеальную чистоту.

Улица упиралась в берег. В летнюю пору на нем можно было встретить загорелых юношей и девушек в купальных костюмах. Были разбросаны среди песка и грибки, под которыми можно было укрыться от сжигающего солнца, плескались на привязи многочисленные лодки, дотемна засиживались, не отрывая глаз от поплавков, упрямые рыболовы, главным образом приезжие люди либо ребяташки. Располагались они у деревянного причала, к которому было привязано и красивое суденышко. Насколько было известно, ни разу не выходило оно в море. Слава у него была иного рода: то был ресторан-поплавков. Неприметный при солнечном свете, к вечеру он преображался: вспыхивали гирлянды цветных лампочек над палубой, из окон падал на воду яркий свет, далеко разносилась веселая музыка.

Ресторан этот притягивал к себе и рыбаков, и чабанов из ближних аулов. Зимой в трюме, переделанном под обеденный зал, было душновато, но летом окна выставляли, и с моря вливалась влажная вечерняя прохлада. О море напоминали и картины, выполненные не очень умело, но с несомненным старанием безвестным художником: рыбаки на промысле, чайки, кружащиеся над судном, прибор у грозных скал.

Половину бывшего трюма занимала кухня, неизменно наполнявшая зал запахами пережаренного лука. В маленьком буфете, расположенном между залом и кухней, радушно предлагала спиртное полноватая, крепкая женщина. Зеркальный сервант за ее спиной был полон бутылок с красивыми этикетками, а на прилавке стояли тарелки с бутербродами.

В зале помещалось всего восемь столиков, стояли они тесно, посетители спешили занять их, а опоздавшие терпеливо дожидались своей очереди, переходя от одной компании к другой, которая, как им казалось, уже собирается рассчитываться с официанткой. Слева от буфета находилась крохотная эстрада, но только в большие праздники на ней появлялся оркестрик из четырех чело-

век, приглашаемый из Нукуса. В остальные дни гремел магнитофон, усиленный двумя репродукторами, и эта музыка вполне удовлетворяла посетителей.

Назывался ресторан тоже по-морскому — «Буревестник».

В тот вечер на магнитофоне вертелась лента с индийскими записями. Ее поставила буфетчица по просьбе четверых парней, с виду — однолеток. Они наслаждались залетными песнями и смаковали золотистое пиво. Но едва умолкала музыка, возобновляли прерванный разговор. Особенно возбужден был юноша в ладно сидевшем на его плечах коричневом пиджаке. Глаза у парня вот-вот готовы были выкатиться из орбит. Рассказ его увлек всех настолько, что кто-то из сидящих за соседним столиком подал знак не включать магнитофон, чтоб слышно было каждое слово. Один из слушателей замер с раскрытым ртом, остальные забыли о пиве и соленом миндале.

— В общем, рассказывают, небо стало черным, словно уголь, а земля запылала холодным синим пламенем. У Унгарбая-ага трактор сам собой остановился как вкопанный. И тут пески разгорелись огненным ковром, к небу начали взлетать искры, а со стороны брошенного кишлака донеслись истошные вопли и стоны... — рассказчик сам зябко передернул плечами. — Волосы у всех, кто видел это, встали дыбом, но это было еще не самое страшное, — он выдохнул, хрипя, — синие светящиеся скелеты появились впереди. Караван мертвецов двигался из пустыни на Куйрук...

— Слушай, друг, ври, да не завирайся, — прервал рассказчика невысокий парень с тонкими усиками. — Ты что, сам эти привидения видел?

— Сказал же, не сам. Мне люди передавали, которые там были в тот вечер.

— А ты сам где был в это время? — насмешливо спросили из угла.

— Известно где — у дядюшки своего, у Ходжи-ага, за пловом сидел, — ответил за рассказчика парень с усиками.

— Может, ты заткнешься наконец, Айтуган! — раздраженно бросил ему рассказчик. Он поднялся и перешел к другому столику, где ему тотчас предложили место и кружку пива.

— Сосед мой домой прибежал, лица на нем не было,— поддержал его пожилой человек в бараньей папахе, которую он не снимал, невзирая на то что сидел в ресторане.— Кричит: «Мертвецы за Куйрук вступились!»

— Не Джайикбаем ли, часом, зовут вашего соседа, ага? — спросил с вызовом Айтуган.

— А ты откуда знаешь? — растерянно откликнулся человек в папахе.

Многие захохотали, но это только распалило парня в коричневом пиджаке.

— Злые духи до сих пор мучают всех, кто был в тот вечер на Куйруке! Понял? — уже не сдержавшись, крикнул он Айтугану и подскочил к нему, сжав кулаки.

— Ну, добро бы старики чушь городили,— возразил ему снова Айтуган,— но ты — молодой, в школе учился.

— У нас, бывает, сноп на рисовом поле в темноте за черта принимают,— заявили из угла.

— Врать многие горазды!

— Ты покажи человека, который своими глазами видел этих твоих мертвецов,— потребовал, тоже поднимаясь, Айтуган.

И тут послышалось:

— Я — этот человек.— Здоровенный детина, стоявший у стойки, единым махом опрокинул в рот стакан и приблизился к Айтугану.

— Матназар. . . — пронеслось по залу.

Буфетчица проворно включила магнитофон. Ударили бубны, заголосила дудочка, но Матназар махнул огромной рукой, и буфетчица поспешно остановила ленту.

— Небо, ты слышишь, само небо предупреждение нам посылает, а ты, выходит, не веришь ему? — он уставился в лицо Айтугану страшными пьяными глазами.— Или прикидываешься, что не веришь? Тогда я тебя отвезу сейчас на Куйрук и брошу там на ночь, коли ты такой смелый. Поехали, а?

— Никуда, Матназар, я с тобой ехать не желаю,— отрезал парень.

И тут Матназар словно прозрел.

— Никак, Айтуганчик? — протянул он, почти упираясь лбом в лицо юноши.— Ага. . . Как же это я сразу родственничка не признал. Моя вина, моя.— И вдруг он

рыкнул: — Где сестра твоя? Ойслув где, паскудная? Вы спрятали ее, я знаю.

— Не видел я ее. С того самого дня, как ты ее забрал,— голос Айтугана задрожал.— Сам скажи, где она. Может, убил ты ее?

— Я? — зловеще переспросил Матназар.— Нет, дружок, я ее не убивал. А вот тебя прикончу, с места не сходя, если ты завтра же не вернешь мне девку. Вернешь или нет? Ты слышишь меня или, может, уши у тебя с заслонками?

В зале все притихли, позабыв про страсти на Куйруке.

— Отвечай, тебе говорят! — Матназар ухватил Айтугана за ворот и легко оторвал от стула. Товарищи Айтугана кинулись на помощь, но Матназар одной рукой расшвырял пареньков.— Выйдем, поговорим.— Он потащил упирающегося, бледного Айтугана к двери.

— Вай дод! — отчаянно закричала буфетчица.— Что вы смотрите, люди? Он же убьет мальчишку.

Айтуган цеплялся за что попало, но Матназар волок его к выходу, словно котенка.

— Умный больно,— хрипел Матназар,— сейчас я тебя научу, как над святыми потешаться, как старших не чтить, как меня обманывать. . .

Но дорогу ему загородил поднявшийся из-за стола рыбак, грузный, на полголовы выше Матназара.

— Ты плохо поступаешь, Матназар,— произнес он спокойно.— Когда бы ни встретил я тебя здесь, ты пьешь больше всех, а потом скандалишь. Если ты настоящий батыр, прости того, кто даже виноват перед тобой.

— Уйди подальше, Дустджан-ага! — Глаза Матназара налились кровью.

— Не дури, брат, оставь в покое парня.

— Не командуй!

Матназар отпустил Айтугана, а сам вцепился пальцами в клетчатую рубашку рыбака. Но Дустджан одним рывком отбросил его руки. Тогда Матназар с разбега стукнул его в грудь головой. Рыбак покачнулся от неожиданности и даже сел на стул, но тут же поднялся и, тоже рассвирепев, обхватил Матназара поперек туловища и поволок к трапу. Тот ухватил Дустджана за шею, они сцепились и упали.

Два могучих человека катались, хрипя и ругаясь, со-

крушая все, что попадалось на пути. Опрокидывались столы, грохотала, разбиваясь, посуда, все перекрывал визгливый голос буфетчицы:

— Милиция, сюда! Да разнимите же их, люди!

Но усмирить дерущихся никому не удавалось. Получив удар, человек отлетал в сторону, не решаясь приблизиться к дерущимся вновь. А они вошли в раж. Ни один не желал уступить. Дустджан стукнулся затылком о край опрокинутого стола, на мгновение ослабел, и Матназар тут же освободил руку, зашарил по полу, нащупывая разбитую бутылку. Айтуган откатил ее ногой подальше и сам кинулся опять на спину Матназару. Тот стряхнул его с плеч, но секунды этой было достаточно, чтоб Дустджан вновь воспрянул духом. Он опрокинул Матназара на бок и ухватил за горло. Матназар извивался и хрипел, брызжа слюной.

И тут наконец вбежал невысокий милиционер и пронзительно засвистел над дерущимися.

Дустджан отпустил Матназара, тот вскочил и опрометью ринулся наружу, отбрасывая всех, кто попадался на дороге.

— Держи его, держи!— кричали вдогонку. Милиционер свистел. Но Матназара и след простыл.

Какое-то время спустя четверо юношей, огорченных тем, что вечер так нелепо сорвался, возвращались домой.

— Ты что, Айтуган, и впрямь не знаешь, где теперь Ойслув? — спросил один из товарищей.

— Все вокруг обыскали,— хмуро откликнулся Айтуган.— Мать плачет, отец говорит, все, мол, в воле божьей, может, и найдется она, на мать покрикивает, чтоб не ныла, а у самого кошки на душе скребут, я же вижу, не слепой.

— А вдруг Матназар сам ее где-то скрывает или... — парень не договорил.

— От этого бандита всего ждать можно,— откликнулся другой.

— По секрету скажу,— Айтуган оглянулся.— Недавно встретил я эту ташкентскую девушку, которая в заповедник работать приехала. Она вдруг и спрашивает у меня: если Ойслув вернется, ее в вашем доме обратно примут?

— А ты?

— Я ответил, что не в здешних обычаях принимать жену, сбежавшую от мужа.

— Какие обычаи, какой он ей муж? — с горечью произнес приятель. — Украл же он ее, все это знают.

— Да и я так думаю, что пора даже старикам нашим по-новому на вещи глядеть. — Айтуган вздохнул. — Вернулась бы она только, уж я как-нибудь родителей уломаю.

— А не может быть, что она у этой ташкентской девушки прячется?

— Тише ты! — прикрикнул Айтуган.

Все четверо вздрогнули и оглянулись: кто-то шел за ними следом, а сейчас побежал прочь.

V

Рабочих рук по-прежнему не доставало. Двужильный Хидирбаев еще как-то умудрялся отработать смену на тракторе и возвратиться в свой колхоз, где его обычно ждала куча нерешенных дел, из-за которых он засиживался в правлении допоздна. Но и он в конце концов начал сдавать: прислал вместо себя мальчишку-механизатора, а у того едва ли не на первых минутах заглох мотор. Темирджан вынужден был слезть с прицепа и сам возился до обеда, пока запустил двигатель.

Ко всему еще резко похолодало. Ночью уже случались заморозки, а для нежных корней — это самое страшное. Прикапывать их землей? Нужны были опять люди и время. Уж лучше сажать деревья в лунки. И все трудились от темна до темна.

Нет-нет да вспоминал Темирджан: неужто Базарбай-ага за хлопотными осенними делами забыл о лесопосадках? Не может быть, утешал себя он. Не такой человек Базарбай Арсланов, чтоб зря слова на ветер бросать. И в самом деле, дня четыре минуло, примчался на рассвете Таджитдин: нынче бюро райкома, их вопрос поставлен тоже.

Сперва, как водится, обсуждались более насущные дела: взмет зяби (здесь секретарь райкома похвалил Хидирбаева — его колхоз первым закончил вспашку), заготовка кормов (тут досталось одному худощавому скуластому председателю, нерадивому руководителю, у которого и сено не было запасено, и кошары не отре-

мантированы). Тот самый председатель, которого критиковали, сам начал на чем свет стоит ругать районных ремонтников: вечно у них причины найдутся, чтоб не работать. Отдали бы лучше стройматериалы самим колхозам, они бы фермы отремонтировали в срок. И вообще, к чему в районе столько различных ведомств? Скоро, наверное, создадут одну организацию, которая будет стричь овец, а другую чтоб шерсть с полу подбирала.

Все посмеялись,— впрочем, не очень весело. Сам секретарь хмурился и шутил меньше обычного. Тонем, во все уж не предвещавшим ничего хорошего, заговорил он, когда покончили с зябью и животноводством, о лесопосадках. Присутствующие тоже насупились, заерзали недовольно. Скуластый председатель (он и на участок ни одного человека не отпустил), когда его поднял с отчетом Арсланов, заговорил совсем уж зло: вот, мол, одно дело на другое набегают, они и так не справляются, а тут ко всем заботам еще и леса разводить кому-то вздумалось. Он даже удивление выразил, как это секретарь райкома товарищ Арсланов не учитывает местные условия: от самого сотворения мира не росли на Шерарале леса, а вот теперь они должны здесь появиться. Люди наши понятия не имеют, как их сажать, как за ними ухаживать. Да и не верится, чтоб рощи здесь выросли. Вот же потратили уйму сил, чтоб озеленить Ойкуюр, а поезжайте туда сейчас... Увидите высохшие палочки, песком до половины засыпанные, и все. У нас нахота, заготовка семян, зимовка скота на носу, мечемся как угорелые, не знаем, за что прежде ухватиться... до лесов ли тут?

В кабинете возник шум, но Арсланов поднял руку, и все тут же умолкло.

— Послушаем директора лесхоза товарища Султана.

— Что тут говорить? — с обидой в голосе произнес Таджитдин. — В свое время, когда я возражал против планов Юлчиева, считал, что они нереальны, предлагал ограничить работы в нынешнем году небольшим участком, вы сами, Базарбай Арсланович, назвали меня близоруким. Ладно, я прислушался, как всегда, к вашему голосу, уступил своему другу Юлчиеву, и что же мы видим сегодня? А то, что пороку не хватило. Сами мы, можете убедиться, рычагами воруем. Вот раис Хидир-

баев, например. У него в колхозе дел невпроворот, а он до полудня агрегат на нашем участке таскает. Потому что людей не хватает. То ли заняты работой у себя, то ли и в самом деле боятся шайтана и всяких там мертвецов.

— Это правда. Любую причину находят, чтоб только на Куйрук не пойти,— сказал с места пожилой, бритый наголо председатель окмуинского колхоза.

Арсланов вдруг вскинулся и сверкнул недовольным взглядом на Темирджана:

— Лекция ваша где, молодой человек?

— Да когда с ней выступать, товарищ Арсланов? — позволил себе возразить Темирджан.— Тут морозы вот-вот по-настоящему ударят, надо быстрее сажать, а я сутки на подготовку потрачу.

Арсланов поднялся.

— Не ожидал я этого от вас, ученого,— произнес он, покачивая головой.— Да как вы не поймете: людей убеждать, убеждать надо, а не командовать ими. Конечно, вы в глазах своих сейчас героем выглядите. Еще бы! Ученый, чуть ли не кандидат наук, сам на лесопосадочном агрегате трудится от зари до зари. А от вас другое требуется,— он ткнул в Темирджана пальцем и заговорил громче: — Знания ваши нужны! А на агрегате за неделю любой колхозник научится работать. Вы только приведите его на Куйрук... — Он помолчал и разрубил ладонью воздух.— В воскресенье в клубе ваша лекция «Чудеса без чудес». Нужна еще помощь, обращайтесь прямо ко мне. И всем,— он повернулся к сидящим за столом,— принять самые срочные организационные и воспитательные меры, но чтоб люди на Куйруке были. Леса — это наша нынешняя политика. Потому что нужно заглядывать в завтрашний день. Тогда суховей и пески не засыпят ваши угодья, как в нынешнем году, и вы будете с кормами. Вот как нужно подходить к делу, по-партийному. А вы ищете, на кого бы свалить в районе вину, и считаете себя коммунистами. Вопросы имеются?

— Есть! — Хидирбаев поднял руку.— Вы скажите, товарищ Арсланов, долго будем мы терпеть у себя на Шерарале этого паразита Ходжи-ага? Я, например, убежден, что огненные скелеты на Куйруке — это все его козни. Судить его надо!

Раздались одобрительные возгласы, кто-то даже в ладоши похлопал, но Арсланов сделал резкий отрицательный жест рукой и сказал, когда наступила тишина:

— То, что Ходжи-ага дурачит народ,— серьезный упрек нам всем, товарищи. Я считаю, что у нас в районе идеологическая работа отчасти запущена. Скажем об этом прямо. Вести эту работу постоянно — долг каждого коммуниста и комсомольца. А мы забросили ее за хозяйственными заботами. И вот вам прямое следствие: дело, производство страдает из-за этого в самом непосредственном смысле. Так я говорю или нет?

Все согласно закивали.

— Мы после весеннего агитпохода намечали ряд выступлений агитбригад на полевых станах, с показом фильмов, сатирическими сценами, а потом началась посевная... — вздохнув, развел руками очкастый носатый парень — секретарь райкома комсомола.

— То-то! — продолжал Арсланов. — Я, между прочим, тоже виноват. Примчался тогда утром на Куйрук, увидел, что Хидирбаев с колхозниками уже появился, и успокоился. Правда, захватил с собой в район нашего уважаемого ученого, товарища Юлчиева, чтоб он к лекции подготовился, а товарищ Юлчиев, сами видели, решил, что более полезно за рычаги самому ухватиться. Так же, как товарищ Хидирбаев и товарищ Султанов. Генералы без армий — вот кто вы такие сейчас!

Люди засмеялись.

— Вы думаете, народ привидений боится, потому и не выходит на участок? — спросил Темирджан. Он не в силах был скрыть обиду. — Весь этот караван мертвцов, был он на самом деле или не был, — только повод для некоторых руководителей, чтоб решение райкома не выполнять. Да-да! Не будем играть в жмурки. Ранс спрашивает у человека, пойдешь, мол, на Куйрук, а тот жмется: то ли неохота ему непривычным делом в степи заниматься, то ли впрямь понаслушался глупых росказней.

— Не такие они уж глупые, — веско произнес пожилой ранс. — Там, между прочим, и сознательных людей в тот вечер было немало. Например, один коммунист из моего колхоза — Унгарбай Джуманазаров. Он не из тех, кто поддается панике или врет. Так вот, мне лично

говорил Джуманазаров: появились тогда огненные призраки. Точно.

— Потому он на Куйрук перестал выходить? — с горечью спросил Темирджан. — И это — коммунист. Как не стыдно!

— Постой, сынок, с Унгарбаем дело посложней, — остановил Темирджана раис. — Жена его — бешеная баба, между нами говоря, не дай бог такую никому. Она и прежде ему разводом грозила, ежели в стель на лесопосадки уйдет, а теперь и вовсе обезумела: забрала детей и ушла к матери. Он ее вернуться просит, а она ему — пропади ты, брат шайтана!

Опять среди присутствующих возникло веселое оживление, но Арсланов сурово нахмурил брови.

— А я вот верю, что появился этот караван мертвцов, — сказал он. — Иной вопрос, кто его привел на Куйрук? Скорей всего, Ходжи-ага со своими несколькими приспешниками. Допустим, мы их привлечем к ответственности. Но за что? В крайнем случае — за хулиганство. Не обернется ли это против нас, не станет ли Ходжи-ага настоящим мучеником в глазах горстки верующих? А эта горстка влияет на многих. Значит, задача наша — открыть людям глаза. Это и поручено было товарищу Юлчиеву. А он игнорировал поручение, за что мы, я думаю, и поставим ему сейчас на вид. И будем надеяться, что к воскресному выступлению он подготовится со всей серьезностью. Не хуже, чем Ходжи-ага — к своему на Куйруке вечером. А, Темирджан? — Арсланов наконец улыбнулся, и все увидели привычного Базарбая-ага. — И вообще, товарищи, мы ослабили внимание к лесопосадкам. Хочу сказать без обвиняков: райком может принять по этому вопросу только еще одно и последнее решение — наказать тех, для кого наше слово не имеет силы. Люди наши с большим подъемом взялись за лесопосадки. Теперь энтузиазм угас. Мы, и только мы, виноваты в этом. А потому давайте работать лучше. Вот теперь — все.

Темирджан выходил последним. Он вдруг понял без всякой обиды, что и впрямь виноват: не сумел отличить главное от второстепенного, а главным сейчас было все же выступление в клубе, хотя душа по-прежнему болела за сеянцы, брошенные в стынувшей степи.

Он заставил себя на сутки забыть о посадках, пере-

рыл весь небогатый запас реактивов в химкабинете местной школы, припомнил все, что известно было ему с собственных ученических лет о «магии и волшебстве», творимых ловкими руками служителей культа и ярмарочных пройдох, и составил программу своего выступления.

Народ собирался в клуб вяло. Комсомольцы бежали из усадьбы в усадьбу, звали и пожилых, и молодых, но, узнав, что не будет ни кино, ни танцев, люди выходили из дому неохотно. К семи часам зал был заполнен едва наполовину, все же Арсланов — он сидел рядом с другими районными руководителями в первом ряду — дал знак: начинай.

Темирджана встретили жидкими хлопками. Зрители, главным образом люди средних лет, глядели на него кто хмуро, кто с любопытством, а кто — откровенно неприязненно.

Помогать Темирджану должны были двое старшеклассников. Оба они находились за кулисами, но, когда Темирджан позвал их, чтоб представить зрителям, оказалось, что одного из пареньков нет на месте.

— Вот и начались чудеса! — выкрикнули насмешливо из зала, когда Темирджан позвал: «Эргаш, Эргаш!» — а никто не откликнулся и не появился. — Один уже растворился в воздухе!

Как ни странно, эта недоброжелательная реплика только вдохновила Темирджана.

— Я не представляюсь вам ни магом, ни чудодеем, ни даже — эстрадным фокусником, — начал Темирджан. — Я — обыкновенный человек, такой же, как все вы, и в этом — суть моего выступления. То, что сейчас покажу я, может легко проделать каждый из вас, а значит, и каждый из тех, кого нет в этом зале. Вы понимаете, кого я имею в виду. Скрывать не стану — тех, кто пользуется нехитрыми фокусами, известными еще с глубокой древности, чтоб морочить головы современным грамотным людям.

Все более увлекаясь, рассказал Темирджан о древнеегипетских странствующих фокусниках, которые «отрубали» голову гусю, и тут же на глазах у зрителей гусь оживал. О тайне храма Аму-Симбела, вырубленного в скале на берегу Нила, где якобы по приказанию верховного жреца появлялся солнечный луч, освещающий

статую Рамзеса. Рассказал все, что смог припомнить, об артистах, поражавших публику фокусами, основанными на сложной технике, и о шарлатанах, дурачивших во все времена и простолюдинов, и королей. Все они ссылались на сверхъестественные силы, но все без исключения чудеса, показываемые ими, объяснены наукой. Они основаны либо на законах природы, либо на трикоковой механике.

— Слышал я и о чудесах, которые творит на глазах у своих гостей и наш Ходжи-ага,— продолжал Темирджан.— К сожалению, у меня не было достаточного времени на подготовку, но обещаю вам, что когда-нибудь полностью повторю перед вами всю программу Ходжи. А пока,— он обратился к ассистенту,— подай-ка столик.

На столике стоял светильник-чирак — плоская с фитилем.

— Так же, как ваш Ходжи-ага, я заставлю светильник, чтоб он сам собой загорелся,— сказал Темирджан,— только, в отличие от Ходжи, заклинаний и таинственных слов произносить не стану. Наоборот,— и Темирджан громко объявил: — Достаточно поднести к фитилю руку — и огонь вспыхнет. Смотрите!

Мелькнула искра, вспыхнул огонь, хотя, все хорошо видели, Темирджан к фитилю не прикасался.

— Сейчас этот фокус повторит ребенок. Ну, вот хотя бы ты, мальчик. Иди на сцену, не бойся. . .

Темирджан подвел малыша лет семи к другому светильнику. Не без опаски протянул малыш руку и провел ею над фитилем. В зале вскрикнула женщина, очевидно мать ребенка. Треснула искра, огонь загорелся.

— Как видите, работает малый не хуже, чем Ходжи-ага,— не скрывая торжества, произнес Темирджан.

Ему ответили аплодисментами. Громче всех хлопал и смеялся сам Базарбай Арсланович, победно оглядываясь при этом на зал, где народу начало заметно прибавляться.

Минут десять объяснял Темирджан суть нехитрого фокуса, основанного на том, что фитиль предварительно электризуется, почему между ним и телом человека, которое тоже несет в себе электрический заряд, и проскакивает искра. Ему задавали вопросы, несложные, разумеется, для него.

— Слышал я и о том,— продолжал Темирджан, при-

держиваясь темы своего выступления,— что ваш досто-
почтенный Ходжи огня не боится. В отличие от него я,
как каждый смертный, опасаясь ожогов. Но если на-
до... — Темирджан положил ладонь на огонек светиль-
ника, затем захватил его в пальцы, поднял руку и по-
казал, что на ладони нет никаких признаков ожога.—
Есть желающие повторить этот трюк? — спросил он.—
Не бойтесь. Все совершенно безопасно.

Зал напряженно молчал. Парни подталкивали друг
друга, посмеиваясь, выйти никто не решался.

— Разрешите мне, Темирджан-ага! — К возвышению
подошел худощавый, невысокий человек.

Темирджан искренне обрадовался.

— Позвольте представить,— громко произнес он,—
Алтмышбай Саидбаев, один из тех, кто собственными
глазами видел знаменитый караван мертвецов.

— Что видел, то видел. Отказываться не стану.
А сейчас вот тоже наблюдаю чудеса. И сам хочу попро-
бовать, как же это оно так получается?

— Дайте руку,— попросил Темирджан. Помощник
принес в это время миску с темной жидкостью.— Намо-
чите ладонь. Теперь помашите ею, чтоб просохла скорей.
Так. А теперь кладите ее на огонь. Да не бойтесь, я
сам заинтересован, чтоб мой бригадир был в полном
здравии.

Аплодисменты в зале вспыхнули с новой силой, пото-
му что Саидбаев, зажмурив глаза, положил ладонь на
пламя и держал ее, не отдергивая.

— Каждый может показать этот фокус дома своим
близким,— сообщил Темирджан,— для этого надо при-
готовить всего-навсего густую смесь мыла и квасцов.
Вот как в этом тазу.

— Ну, а скелеты светящиеся как же? — спросил все
же Саидбаев, глядя на Темирджана и впрямь словно на
кудесника.

— И до них доберемся. Вот вам для начала...

Темирджан принял из рук помощника поднос, на-
крытый стеклянным колпаком, и попросил погасить на
сцене свет. Он снял резким движением колпак, и на
подносе начал проступать светящийся скелет рыбы. Те-
мирджан накрыл поднос, и очертания рыбы исчезли.

— Светится фосфор, которым богаты рыбы кости,—
сказал Темирджан.— Не скрою, и я добавил немного

фосфора, который взял в школьной лаборатории. Вот так и некто на Куйруке натер фосфором скелеты, вырытые из кургана, и прислонил их к разваленному дувалу. Остальное вы знаете.

— Вранье! — донеслось вдруг из дальнего угла, но кто это выкрикнул, было непонятно. Очевидно, человек этот тут же спрятался за спинкой переднего кресла.

— Что ж, — спокойно откликнулся Темирджан, — я предполагал, что сюда придут сомневающиеся, и приготовил кое-что на этот случай. Гасите свет! Во всем зале и на сцене. А сейчас — смотрите!

Шум пронесся по залу, сперва настороженный, потом оживленный, и вдруг все захохотали. Ходжи-ага, вернее, не он, а карикатура на него, жирного, с животом словно две подушки, светилась неживым голубоватым светом на стене.

— У этого человека неплохой аппетит, — сказал Темирджан, — а потому мы ему предложим кость, одну из тех, что я подобрал у старого дувала. — Он протянул к изображению мосол, излучающий бледное сияние, и спросил громко: — Что, товарищ Саидбаев, так светились те мертвецы на Куйруке?

— Да вы думаете, я и вправду поверил, что там мертвые из могил поднялись? — откликнулся несколько обиженно Саидбаев.

Темирджан велел, чтоб зажгли свет. Теперь его слушали куда внимательней, чем вначале, и он, насколько удавалось популярно, объяснял явления фосфоресценции и флюоресценции.

— Мы догадываемся, кто хотел напугать людей на Куйруке, — заключил он.

— Ходжи-ага, кто же еще! — крикнули из зала. — Точный портрет его там светился!

И тут опять возразили злобно откуда-то сзади:

— А ты докажи, докажи, что он, прежде чем над аксакалом издеваться.

— Я не обвинял никого, — спокойно возразил Темирджан, — но милиция, надеюсь, найдет и накажет по заслугам тех, кто устроил эту глупую затею, рассчитанную на простачков.

— Смотри, как бы сам голову не потерял прежде! — и с этими словами кто-то опрометью выскочил из клуба на улицу; гулко хлопнула дверь.

Когда, попрощавшись с Арслановым и другими товарищами, Темирджан выходил из клуба, кто-то несмело тронул его за рукав. Он узнал Эргаша, того самого десятиклассника, который должен был помогать ему на сцене.

— Простите, пожалуйста, Темирджан-ага,— произнес, запинаясь, Эргаш,— мне отец пригрозил, что избыет. Он же у меня верующий.

— Ладно, Эргаш,— успокоил Темирджан паренька,— мы и вдвоем справились.

Но Эргаш не уходил.

— Вам надо быть осторожным,— шепнул он, оглядываясь.— Вы знаете, кто это в зале выкрикивал?

— Догадываюсь,— ответил Темирджан; помимо воли он тоже обернулся.— Матназар?

Наверное, он произнес это имя слишком громко. Эргаш метнулся в сторону и исчез.

Темирджан вспомнил, что и Арсланов, когда все в зале поднялись, подозвал милиционера и что-то сказал ему. Сейчас, едва удалившись от клуба, он вновь почувствовал кого-то за спиной. Остановился, повернулся резко и увидел нескольких парней, с виду — ровесников. Один из них был Айтуган, брат Ойслув. Он приблизился к Темирджану.

— Вы домой идете? Можно, мы пойдем с вами? Нам по пути. А кроме того, мы еще кой о чем расспросить вас хотели. Вот, например, почему иногда в лунную ночь море светится?

Но Темирджан понимал, что дело было не в одной лишь юношеской любознательности.

В чайханах, у лавок, где останавливались, сделав покупки, посудачить хозяйшки, едва ли не в каждом доме только и было разговоров что о вчерашнем выступлении молодого ташкентского лесовода, которого, впрочем, все называли по-прежнему — лесник. Темирджан по просьбе райкома выступил в районном клубе. Теперь зал был переполнен. Темирджан, впрочем, все время подчеркивал, что он — не фокусник и цель его выступления не в развлечении публики. Вновь и вновь рассказывал он в заключение о своем главном деле — о лесах, о том, как преобразят они и климат и всю жизнь Шерарала.

Утром на Куйруке ждал его сюрприз. Вытирая замасленные руки, поспешил ему навстречу с приветствием Унгарбай Джуманазаров. Невдалеке тарахтел трактор. Темирджан обрадовался и конечно же прежде всего спросил о грозной супруге Унгарбая.

— Вернется,— убежденно ответил Унгарбай,— никогда не денется от меня.— Он вдруг широко улыбнулся и признался: — Она же опасается, как бы шайтан меня не утащил. Значит, нужен я ей, а? Как думаете?

А к полудню подошла группа, человек семь, во главе с Айтуганом, все — молодые ребята.

Прибыло еще три трактора. Привезли вторую лесопосадочную машину, которую до того никак не удавалось перегрузить на станции Ходжейли с железнодорожной платформы на баржу. Темирджан понимал, что все это происходит отнюдь не благодаря одной лишь его лекции. Он ощущал сильную руку райкома. Огорчало, что Таджитдин был вновь недоволен. Причина понятна: центр затребовал квартальный отчет, а показатели пока неважные. К тому же уже не на шутку похолодало, значит, меньше было надежды на то, что все саженцы примутся, а весной явится очередная комиссия, подсчитает процент, и тогда — прощай слава передового лесхоза. . .

Переживания эти и Темирджану были не чужды, но он пытался внушить своему другу и директору, что даже сейчас выход не в том, чтобы добиться снижения плана или изменения графиков работ.

— Гляди, они же — живые,— он вновь ворошил тонкие корешки семян,— их посадить надо скорее.

— И я за то,— соглашался Таджитдин, но опять предлагал все тот же выход: сажать рощи без учета проекта, которому отдал столько сил Темирджан.

— В конце концов, именно так, без разбора пород, без учета взаимовлияния деревьев друг на друга, создавала природа свои леса и даже тайгу, и ничего — стоят тысячи лет!

Таджитдин горячился, корил Темирджана тем, что он-то многократно уступал ему, почему же тот не может уступить хоть однажды, когда речь идет об оценке их работы за целый год? Он даже сплюнул в сердцах, вскочил на коня и крикнул, что уезжает на другие участки: у него помимо Куйрука забот немало, но пусть

Юлчиев (именно так, а не Темир!) будет готов к отчету за срыв плана — в области, а может, и выше.

Все это было очень неприятно, но утешало, однако, то, что с каждым днем людей на участке становилось все больше, непрерывно двигались лесопосадочные агрегаты и канавокопатели. Несколько бригад сажало деревья вручную. Им Темирджан доверил посадку самых ценных пород, за благополучие которых опасался особо. Но, к счастью, и погода смиростивилась. Дни стояли ясные; и даже по ночам грунт не промерзал глубоко.

Утром Темирджан бросил по привычке взгляд на горизонт, обрадовался тому, что солнце вновь поднимается чистое, не закрытое тучами, и увидел на розовом фоне две женские фигуры. Что-то знакомое почудилось в облике одной из них. Неподалеку трудились парни.

— Ойслув идет сюда! — радостно воскликнул Айтуган.

Это в самом деле была она. Айтуган первый побежал ей навстречу. Все были рады появлению молодой женщины, о печальной судьбе которой были давно слышаны. Темирджан тоже поздоровался с Ойслув, приветливо глядя на нее, исхудавшую, но по-прежнему милую и нежную. Рядом стояла еще одна женщина, большеглазая, с усталым истрадавшимся лицом.

— Это — Айсара, — сказала Ойслув. — Она тоже хочет устроиться у вас, чтоб на себя и на дочку зарабатывать. Примете?

— Конечно! Ты, Ойслув, будешь опять нам вкусную шурпу варить, а повара мы на участок пошлем, он давно просится. Ну, а Айсара помогать тебе станет, ладно?

Обе впервые улыбнулись, прижали руки к груди в знак благодарности.

— Где ж ты находилась все это время? — потихоньку спросил Темирджан, провожая обеих женщин к очагам, устроенным в низинке.

— А угадайте! — Ойслув блеснула глазами, как тогда, во время первой их встречи у водоема. Темирджан только плечами пожал, и тогда она шепнула: — У Кундузхон. — И добавила многозначительно: — Мы часто про вас вспоминали.

— Ругали меня, наверное?

— Не-ет, наоборот. . .

Продолжать разговор на эту тему Темирджану все же не хотелось.

— А муж ваш... твой Матназар, где он теперь?

На лицах обеих женщин мелькнул на мгновение испуг.

— Сгинул где-то в степи,— шепотом ответила Ойслув.— Айсара рассказывает, старуха и та плачет ночи напролет: причитает, погубили, мол, сыночка дорогого. Муллу уже просила, чтоб он за упокой помоллился.

Темирджан хотел сказать, что совсем недавно, во время своей лекции, слышал вновь зловещие пророчества Матназара, но глянул на женщин, уже начавших хлопотать на кухне, и промолчал.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

I

Спать удавалось всего несколько часов в сутки. Вся тяжесть руководства лежала на плечах Темирджана, так как Таджитдин появлялся на Куйруке лишь изредка, когда требовалось, чтоб Темирджан подписал какой-то документ (к чести директора, частыми вызовами в контору он Темирджана не беспокоил), а уезжал, порой даже не взглянув на участок, где работы подходили к концу. Темирджан так похудел и осунулся, что добрейший Даулбай-ата забеспокоился не на шутку. Каждое утро он напоминал Темирджану, что для пользы собственной, а также для пользы дела необходимо передохнуть хоть денек, развлечься. Как-то старик совсем уж решительно потребовал, чтоб Темирджан нынче на Куйрук не выходил, а он, Даулбай, сам справится с сегодняшними делами, тем более что он каждый день бывает на Куйруке и прекрасно осведомлен, что к чему.

И Темирджан уступил. Он лежал в постели, глядя сквозь окошко на небо, немного пасмурное, и, как обычно в подобных случаях, мысли произвольно вернулись к недавнему прошлому, к Ташкенту, а значит — к Юлдуз. Она молчала, но теперь Темирджан уже начал при-

выкаты к ее поведению. Пусть пишет нечасто, лишь бы любила. А это, кажется, так.

Он встал, вышел во двор. Соскучившийся гнедой заржал, заметив хозяина издали. Темирджан оседлал его и не спеша направился по Караузеньской дороге. Не раздумывая, ехал он к Кундуз, к сестре любимой девушки.

Судьба была благосклонна: Кундуз он застал дома, она сидела над отчетом для центра, и писанина так надоела ей, что она обрадовалась Темирджану, словно спасителю. А может, не в писанине суть? Он не задумывался над этим, а сообщил, что явился к ней в качестве верного рыцаря и ждет ее приказаний. Кундуз заахала (не очень, впрочем, естественно, скорее наигранно, как это делала ее сестра, но Темирджану было и это приятно). Все же она быстро вернулась к своему привычному тону и велела Темирджану, чтоб он оседлал ее коня и ждал, пока она переоденется. Она вышла в джинсовом костюме, плотно облегающем ее стройную фигуру, и Темирджан невольно залюбовался ею и даже вслух сказал, как ей идет костюм.

— Вы тоже выглядите превосходно,— ответила Кундуз,— тем более что никогда прежде не видела я вас в форме лесничего. Фуражка у вас прямо-таки генеральская.

Поддерживая ее тон, Темирджан шутливо, но все-таки лихо отдал честь по-военному, и Кундуз улыбнулась. Ямочка, такая же, как у Юлдуз, появилась на ее щеке, и это опять согрело душу Темирджана, разбудив то чувство, которое он испытал, увидев Юлдуз в институтском парке после долгой разлуки.

— Как у вас там, на Куйруке?

— Хвастаться рановато,— неопределенно ответил Темирджан, а у самого сердце на минуту заныло.— Много от зимы зависит, не будет ли слишком холодной. Я же за каждым саженцем уследить не в силах, а если какой прикопали ненадежно или лунка неглубока, корни могут замерзнуть. В общем, цыплят считают по осени, принявшиеся деревья — весной. Пока еще не время бить в барабаны.

Кундуз пустила коня рысцей. Темирджан догнал ее.

— Что это мы всё не о том разговариваем,— сказал

он, наклонясь к девушке.— Я очень давно не видел вас, с того самого дня, когда нас дождь застиг. . .

— Не надо вспоминать об этом,— Кундуз поежилась.

— Я очень рад, что вы сегодня оказались дома.

Кундуз печально улыбнулась. Она-то знала, как ждал Темирджан вестей от сестры, с каким нетерпением ждет сейчас ответа на свои письма, которые послал одно вслед за другим. Ладно. . . Было бы хорошо ему. Им: Темирджану и Юлдуз.

Они приблизились к бухте. Море было спокойно, но безмятежность эта настораживала. Лодки, привязанные у пирса, не шелохнутся. Застыли неподвижными глыбами и сейнеры, стоящие на якорях. Лишь стрелы высоких кранов, похожие на огромные хоботы, то опускались, то поднимались. Одинокая ласточка проносилась над самой землей и тут же взмывала вверх.

— Что-то, кажется мне, настроение у погоды портится,— произнес Темирджан, глядя на неподвижную груду лохматых серых облаков на горизонте.

— Ну и ну,— восхитилась Кундуз,— вы уже стали опытным морским волком, Темир-ака. Ладно. Коли чутье вам предсказывает бурю, не станем испытывать судьбу. Хотя мне, по-честному говоря, очень хотелось покататься на лодке.

Темирджан понял ее по-своему.

— Не подумайте, Кундузхон, что я боюсь. Но глядите сами: все лодки на месте. Рыбаки в море не вышли.

— Правильно! Только у настоящего рыбака — не одна лодка. Это даже мне известно,— в ее глазах мелькнул вызов.

Не отвечая, Темирджан кинулся к причалу и быстро отвязал лодку. Коней они оставили в крайней усадьбе.

— Может, вернемся, Темир-ака? — Кундуз и сама встревожилась.— В другой раз покатаемся.

Но в нем взыграло упрямство, что Кундуз замечала и прежде. Он подал девушке руку и усадил ее на нос лодки — напротив себя, а сам взялся за весла.

Гребцом Темирджан был не очень опытным. Отсутствие сноровки он возмещал старанием; налег на весла изо всех сил, не жалея ладоней, уже изрядно огрубев-

ших, но лодка слушалась плохо, то и дело начинала уходить в сторону. Кундуз это забавляло. Она смеялась, и тогда Темирджан начинал грести совсем уж яростно, так, что брызги окатывали девушку. Она даже попросила, чтоб он уступил ей весла, но не тут-то было; Темирджан приноровился все же к упрямому суденышку, повел его спокойней и ровней, и вскоре они заметили, что берег остался далеко позади.

Они плыли туда, где небо встречалось с морем. Уключины, давно, наверное, не мазанные, скрипели, да еще слышно было, как журчит, разбегаясь от носа лодки, вода. Встречный ветерок теребил прическу девушки, на щеках ее застыли капли воды.

— Куда мы плывем? — спросила она.

Темирджан ответил не сразу. Он смотрел вдаль. Серебристый горизонт притягивал к себе. Он готов был плыть и плыть навстречу неведомому, но, услышав вопрос девушки, покорно развернул лодку назад.

Вскоре показался пепельный берег Шерарала. Они поплыли вдоль золотистых в эту пору зарослей камыша, плотных словно стена. Здесь гнездились множество самых разных птиц. Шум весел потревожил их, они подняли разноголосый крик.

Сидя на носу лодки, Кундуз рассматривала окрестности, держа бинокль у глаз.

— Хотите посмотреть? — спросила она, протягивая бинокль Темирджану.

Сама Кундуз села на весла. Он обратил невольно внимание на то, как осторожно гребет она, старается, чтоб лодка не качнулась. Долго Темирджан не видел ничего, кроме безлюдного ландшафта над камышами, где одиноко высились сухие, едва ли не в человеческий рост, кусты, напоминающие печально известную ему шерпанжу. И вдруг он заметил каких-то тупоносых зверюшек с белыми хвостиками, которые шныряли среди камней, и потом двух полевых кошек, которые играли, кувыркаясь.

Берег исчез из поля зрения. Перед глазами вновь поплыли заросли камыша. Темирджан увидел великолепного фазана и его короткохвостую серенькую самочку. Она что-то деловито клевала, а он все похаживал вокруг, распушив золотистый хвост.

— Далеко до этих фазанов? — спросил Темирджан так, будто и Кундуз видела сейчас птиц.— Из ружья на таком расстоянии вряд ли попадешь в них.

— Вот-вот,— горестно отозвалась Кундуз,— особенно приятно слышать подобные речи от такого человека, как вы, Темир-ака.

Темирджан смутился.

— Я ведь не стал бы стрелять. Просто с языка слетело.

— Слава богу. Кого я ненавижу, так это людей с ружьями. Как можно убивать того, кто беззащитен?

— Ну, а хищники? — Темирджан снова сел на весла.— От них-то надо защищать — себя, домашний скот? Бывают же вредные звери?

— Нет! — решительно возразила девушка.— Ни одно животное не тронет человека, если ему не причинят зла. Даже самые свирепые как бы признают превосходство человека и покоряются ему.

— Не так давно в этих зарослях водились тигры,— произнес, соглашаясь с ней, Темирджан.— Думаю, они на людей не бросались. А люди истребили их. Всех до единого, наверное. Между тем, надо полагать, и от тигров какая-то польза природе была. Наверное, их присутствие вынуждало других животных быть менее беспечными и более подвижными.

— Примерно так,— согласилась Кундуз.— Вы же знаете не хуже меня, что за многие тысячелетия в природе, а следовательно и в животном мире, все уравновесилось. Уж как, казалось бы, донимают нас и надоели нам комары, но ведь ими питаются и мелкие птицы, и отчасти рыба. Не будь насекомых, леса наши лишились бы пернатых.

Теперь Темирджан сел на любимого конька. Он даже о веслах на время забыл, и лодка только покачивалась на месте.

— Леса от злой человеческой воли страдают еще больше, чем животные,— горячо подхватил он.— Вам известно, Кундузхон, что растительный мир занимает не столь уж значительное место, всего лишь тринадцатую часть суши, между тем жизнь на земном шаре полностью зависит от деревьев. Вам это объяснять излишне. Вы отлично знаете, что деревья — это не только кислород, но и фитонциды, убивающие вредных микробов, и

влага, и защита полей, и, кстати, обиталище всего живого. Но увы. . . Зеленый покров земли, невзирая на усилия наши, с каждым годом уменьшается. . .

Он спохватился: наверняка Кундуз неинтересно это, да и не о том принято разговаривать с девушкой, коли уж позвал ее покататься, но она слушала его, широко раскрыв глаза, так, будто Темирджан сообщал о чем-то неизвестном ей. И, перебивая друг друга, говорили они о самых разных вещах — вплоть до поверий и предсказаний будущего, и все представлялось обоим одинаково увлекательным.

Они забыли и о времени, и о том, где находятся. Вдруг Темирджан, словно спохватившись, вновь обратил внимание на то, что в море не видно ни единого рыбацкого судна. «Затишье — перед бурей», — снова мелькнуло в сознании.

Он был прав. Ни Темирджан, ни Кундуз, увлекшись беседой, не заметили поначалу, как выросло на западе подобие столба из туч, соединившего море и небо. Они приближались к селению Чов, расположенному на берегу полукруглой бухты, и тут Темирджан взглянул на часы. Было еще не поздно, но вокруг стемнело и окна в здании консервного завода, видного издали, засветились желтым мерцающим светом. Огоньки вспыхнули один за другим по всей длинной цепочке от Чова до аула Аяк. Не говоря ни слова девушке о своих опасениях, Темирджан налег на весла, направляя лодку к берегу.

II

Однако добраться до Чова они не успели. Море мгновенно вздулось и покатило высокие валы. Лодку завертело, словно волчок. Над головами сверкнула молния. Она прыснула из налетевшей тучи, будто жало из змеиной пасти. Устрашающим колоколом ударил гром. Волны, повинаясь сигналу, вздыбились, стремясь швырнуть угловое суденышко к небесам. Тут же лодка слетела с огромного водяного вала в пропасть.

— Держитесь! — успел все же крикнуть Темирджан.

Он едва не захлебнулся горькой водой, ударившей прямо в лицо. Кундуз и без приказа ухватилась обеими руками за борта. Куда направлять сейчас лодку, Темир-

джан не представлял, да, по правде говоря, он уже был и не властен над нею. Всем распоряжалась стихия. Бешеные волны обрушивались то справа, то слева, наполняя лодку водой. Он попытался найти черпак, который обычно хранится под кормовым сиденьем, чуть отпустил весла, и их тут же вырвало у него из рук и из уключин. Он приподнялся, чтобы поймать весла, но встречный удар ветра опрокинул его на днище. На миг мелькнуло бледное мокрое лицо Кундуз. Он успел подумать, что вот сейчас их перевернет, и тут же оказался в ледяной воде. Его кидало из стороны в сторону, потом швырнуло далеко от того места, где тонула лодка. «Кундуз! Что с ней?» — пронизывала мысль, едва он обретал дыхание. Огромная тяжесть придавила Темирджана сверху, не в силах сопротивляться, он пошел ко дну. Едва всплыл, оттолкнувшись от твердой почвы, как вновь на него навалилась волна. Он ткнулся лицом во что-то шероховатое и вдруг понял, что лежит на песке. То был не берег, а отмель, коса, выдававшаяся далеко в море.

Какое-то время он лежал без сил. Волны, не переставая, окатывали его, песок залепил глаза и ноздри. Он был как в беспамятстве, лишь слышал, как беспрерывно грохочут над ним страшные раскаты грома. Неимоверным напряжением сил заставил себя Темирджан повернуться на бок, уперся руками в мокрую почву, встал на колени, и тут — теперь сзади — обрушилась на него гора воды и песка. И опять распластался он на узкой косе, и опять лежал, покорный ударам стихии. Как-то лениво напоздали мысли о том, что либо будет он погребен под песком, либо утащит его обратно в море, а оно будет утром спокойно нежиться под солнцем, и не заподозрят люди его в вероломстве, не узнают никогда, какую еще тайну хранит оно в своей пучине. Мелькнуло и лицо матери, как, причитая, оплакивает она его. Но все затмила резкая, словно удар тока, мысль — Кундуз!

Он встал опять на колени, отер лицо и огляделся. Буря смешала все вокруг, но он все же понял, что находится на крохотном острове.

Однако стихия, кажется, унималась, и это вселяло робкую надежду на спасение. Волны стали ниже и спокойней. Голубой просвет мелькнул на небосклоне, будто

окно распахнули вдали. На миг стало светлей, и Темирджан увидел распростертое тело на самом краю острова. Сомнений не было, это — Кундуз.

Девушка была неподвижна. Лицо ее было испачкано мокрым песком. На шее висел шнурок от бинокля, а сам бинокль валялся неподалеку. В ужасе решил Темирджан, что Кундуз задохнулась, кинулся к девушке, положил ее голову к себе на колени и, черпая горсть за горстью воду, омыл ей лицо. Затем начал растирать щеки и виски. Губы ее едва заметно дрогнули, она глубоко вздохнула и открыла глаза.

Гром гремел уже где-то вдалеке. Стал заметен и край посветлевшего неба. Туча, которая ползла по нему, вдруг разорвалась впереди и стала похожа на чудище, разинувшее пасть; однако и она таяла на глазах. Сотни ручьев и ручейков стекали к морю. Остров на глазах поднимался из воды. Туман, расстилавшийся над морем, отступал к горизонту. Западная сторона неба заалела. И тут послышался тархтящий звук со стороны Шералы. Однако, сколько ни вглядывался Темирджан, он видел лишь сплошную пелену дрожащего тумана.

Вновь почудился ему тот же звук, но уже близко. Темирджану стало страшно при мысли, что моторка, а он не сомневался теперь, что это она, пройдет мимо. Нужно кричать, надрывая горло, сигнализировать чем только можно, но привлечь внимание к себе. Мотор рокотал совсем рядом, но, казалось Темирджану, лодка обходит остров. В отчаянии кинулся он к Кундуз. Она уже пришла в себя, хотя и дрожала мелко-мелко от холода и страха. Взять у нее косынку, махать что есть силы. Может, заметят. . .

Однако не успел он сделать и трех шагов, как увидел вынырнувший из тумана катер. Суденышко шло прямо к острову. Волны, поднятые им, накатывались на пологий берег, словно прося прощенья у тех, кто попал по их вине в беду.

III

На следующий день во всех селениях, даже там, где Темирджан никогда и не бывал, только и разговоров было что о нем и о молодой девушке — инспекторе из заповедника. Вот, мол, они, столичные, говорили иные,

какой пример здешней молодежи показывают: наедине захотелось остаться, вот и подались на островок. Женщины давали волю языкам. А козлобородый Джайикбай нашептывал иное: «Нет уж, воистину не прощает Барса-Кельмес святотатства никому. Надеюсь городской умник этот, сойдут с рук насмешки над обычаями и верой, издевательства прилюдные над святым Ходжи-ага. Побывал в пасти дракона — теперь поумнеет...»

Темирджану было не до сплетен и пересудов. Едва освободившись от дневных забот на участке, он мчался в больницу проведать Кундуз. Он считал только себя виноватым в том, что девушка слегла с воспалением легких. Даулбай-ата, как мог, старался успокоить парня, но Темирджан, возвращаясь поздно вечером из больницы, твердил одно и то же: если с девушкой что-то случится, он не сможет жить на свете.

Лишь на четвертые сутки Кундуз пришла в себя. Темирджан донял врача просьбами, и тот впустил его на минуту в палату. Кундуз лежала с закрытыми глазами, но, когда он вошел, подняла веки.

— Это вы? — только и спросила она и опять закрыла глаза.

Он был ошеломлен — обиделась! Но врач сказал, что она попросту очень слаба, хотя дело идет на поправку.

— Надо сообщить ее отцу, профессору Джамалову, обо всем, — удрученно произнес Темирджан, возвратившись домой.

Даулбай-ата, однако, возразил:

— С худыми вестями не торопятся, тем паче что все еще обернется благополучно, вот увидите. Терпение — надежный клад. Вот только спал бы жар у нее.

Так уж случилось, что именно в эти дни, когда Темирджан весь без остатка был поглощен судьбой Кундуз, пришло, и не одно, а сразу два письма от ее старшей сестры. Юлдуз снова писала, что тоскует в разлуке, ждет не дождется приезда Темирджана, старается через тетюшку Вотти постоянно узнавать, что слышно о нем. В заключение, как водится, спрашивала о сестренке, как, мол, она там поживает?

День, когда он наконец получит вот такое письмо, представлялся Темирджану самым счастливым в его жизни, но сейчас радость меркла: Кундуз была еще

плоха, мысли и заботы о ней не оставляли Темирджана, к тому же он не решался написать Джамалову о том, что приключилось с Кундуз по его, как он был убежден, вине, а лгать он не мог.

Ко всему день ото дня становилось холодней. Волны стали темны, словно деготь. Над морем низко проносились черные тучи, подгоняемые злым ветром, по ночам он завывал в степи. Небо было постоянно сумрачным, и трудно было порой догадаться, наступил ли наконец рассвет.

Приближалась зима.

Работы на участке поневоле приостановились до следующей весны, никак не раньше. Теперь Темирджан по утрам уже не торопился на Куйрук. Он приводил в порядок деловые бумаги, корпел над отчетом, о котором уже не раз напоминал Таджитдин. К удивлению самого Темирджана, общая картина вырисовывалась не такая плохая, как предсказывал Таджитдин. Проценты вполне приличны, хотя на похвалу рассчитывать не приходилось. Да и не то заботило Темирджана. Жаль ему было, что не успели вспахать еще один массив на Куйруке и подготовить почву для посадки сеянцев весной. А тогда во всех хозяйствах будет снова дел невпроворот, и не получишь ни механизмов, ни людей.

Ветер не утихал, гнал за окном сухие листья и песок, свистел в голых ветвях. Эта осень, говорили шераральцы, еще спокойная, потому и зима ожидается суровой. Ничего себе спокойная...

Люди, люди... Без них все рассуждения пусты. Впрочем, начал, кажется, складываться и у него на участке собственный коллектив. Удалось все же привлечь и заработками, что скрывать, и мечтой о лесах в степи. В больнице, где Темирджан бывал ежедневно, встретил он механизатора Бердикула. Стоит, опираясь на костыль, а зубы так и сверкают.

— Доктора мне ногу отрезать хотели, только я не дался. Говорю им, я еще не весь Куйрук перепахал. Теперь могу и костыль выкинуть. Глядите — стою на своих двоих! Весной я к вам опять приду.

Мелькнул однажды в коридоре и Джайикбай. Что ему понадобилось в больнице? Темирджану, впрочем, было сейчас не до козлотородого. Все же, хотел не хотел, услышал, как Джайикбай бросил кому-то похода:

— Не мужчины нынче пошли — сопляки. Видите, как лесник этот убивается из-за бабы? В былые времена джигит над павшим конем плакал, а жену аллах прибрал — возьмешь другую, помоложе, послаще. И все дела.

Как ни крепился Темирджан, резанули эти слова его по сердцу. Не стал он, конечно, объяснять козлобородому, кто такая для него Кундуз. Да не в том была суть.

Не слова, жизнь опровергала сама гнусные пророчества Джайникбая. Он вспомнил о верной Зауре и преданном ей до самой смерти Джурабеке, легенду о которых услышал когда-то от Таджитдина. Но легенда легендой, а перед глазами был живой, куда более убедительный пример: Даулбай-ата четыре десятка лет прожил с женой, которая, как уже знал Темирджан, лишилась речи еще в молодости, после тяжелой болезни.

Когда старик рассказывал об этом, из соседней комнаты донеслись негромкие всхлипывания.

— Будет тебе, жена, — успокаивающе произнес тогда Даулбай. Как ни старался он, голос его дрогнул. — Темирджан должен знать обо всем. Он же тебе и мне теперь словно младший сын, а ему — лучший кусок за столом. Потому приготовь-ка нам с сынком что поужинать.

У старушки от этих слов будто сил прибавилось. Она проворно вышла на кухню, начала возиться у очага.

Рассказал Даулбай-ата Темирджану и о «святом» проходимце Ходжи-ага. Он на Куйруке верующих обманывал, души святых начал призывать к ним для утешения и исцеления. Советская власть ему и в Мекку разрешила съездить на паломничество. На самолете летал туда и обратно. После этого вовсе уж святым возомнил себя. Сам о себе всякие небыли распускает, да и приспешники стараются. Ходжи-ага, мол, плюнет на рану, она и заживет на глазах.

— А уж как он на военных бедах заработал, и не спрашивай, — продолжал старик. — Приходит к нему старушка, от сына с фронта писем нету давно, а он ей: «Завтра получишь». И в самом деле, утром приносят письмо. Она на радостях всему аулу рассказывает о чудесном предсказателе Ходжи-ага, а то и невдомек, что старый лис за каждое письмо, припрятанное почтальоном, лепешку тому дает. Он даже из похоронок корысть

извлекал, подлец. Узнал, что у старухи одной внука убило, привел ее к роднику на Куйруке, приказал глядеть в воду, а сам шепчет в ухо ей: «Видишь, бой идет. Вон там — твой Ибрагим, впереди всех с винтовкой в руке. О аллах всемогущий! Падает на землю твой Ибрагим, и кровь из груди его хлещет. О, горе великое нам!»

И старуха вслед за ним вопит, будто и ей все это в воде видно. А дней через пять и впрямь приносит все тот же почтальон припрятанную похоронку.

— Да их же за такие дела казнить надо было, мерзавцев!

— Некому было во время войны вывести его на чистую воду. А узнали много лет спустя. Почтальон, когда помирал, сознался. Совесть его мучила, наверное. Судить — все сроки минули. Так и остался старый пройдоха на свободе опять.

Старушка принесла блюдо с горячим пловом и чай.

Непогода за окнами разыгралась не на шутку. Задражали стекла, будто огромная раненая птица ударила в них переломанными крыльями.

— Пейте чай,— сказал старик,— не то остынет. Да и спать пора.

Но еще долго не мог уснуть Темирджан в эту ночь.

ГЛАВА ПЯТАЯ

I

Серая мгла застлала Шерарал. Только желтые пятна света вокруг фонарей, зажженных уже с самого утра, напоминали о жизни. Дети не посещали школу, старики отсиживались по домам, но трудовой люд, как обычно, выходил на работу.

Темирджан тоже трудился. Отчеты он сдал («Предварительные»,— не забыл подчеркнуть Таджитдин) и теперь снова углубился в отцовскую рукопись. Год назад, после злополучной истории с госсиполом, он решил в сердцах, что махнет рукой на исследования, опыты, статистику и прочие методы, с помощью которых уче-

ные пытаются приоткрыть неведомое, и займется реальным делом. Но сейчас сама жизнь толкала его вновь к опытному участку, микроскопу, к вычислительной машине.

«Надо ехать в Ташкент,— то и дело повторял он вслух, сидя в своей комнатухе у окна, завешенного снаружи мокрым туманом,— зимой здесь все равно делать нечего. Надо будет поднять первоисточники, на которые ссылается отец. Ему-то в его рукописи было все ясно: короткий набросок пробуждал в памяти вереницы сведений и мыслей: а мне надо добывать все это сначала. А еще подобрать особи — морозостойкие и засухоустойчивые, создать на Шерарале питомник, получать собственный посадочный материал, а не пробавляться тем, что достается от щедрот других лесхозов. Да только ли это...»

Но пока Кундуз не поправилась, нечего было и думать об отъезде. Душа у Темирджана все равно была бы не на месте, да и как в глаза отцу ее, профессору Джамалову (а встреча с ним, как ни крути, неизбежна) глядеть, не говоря уже о Юлдуз. Ей Темирджан ответил, но отправить письмо не решился. Умолчал о болезни сестры, а это было нечестно.

В конце недели дождь, ливший почти непрерывно, перешел в снег. Потом дня три мела метель, похожая на российскую, и Шерарал преобразился. Деревья напоминали подстреленных птиц, бессильно свесивших крылья. На трубах появились белые чалмы. Дувалы подросли едва ли не на локоть, лодки и суда у причалов стояли в серебристых покровах, вода в море стала густа и спокойна. Лишь небо, по-прежнему сумрачное, усугубляло тоску, которая владела Темирджаном.

Когда он пришел в больницу, ему сказали, что Кундуз спит. Он вошел в соседнюю палату, хотел повидать Бердикула, но оказалось, что механизатор еще вчера выписался и ушел, к радости Темирджана, на своих двоих. С полчаса наблюдал Темирджан за бесконечной шахматной партией, которую разыгрывали в коридоре двое больных, а потом, не выдержав, вновь заглянул к Кундуз. Ее соседка по палате оторвала взгляд от кни-

ги и торопливо натянула одеяло на больничную рубаху, открытую на груди.

— Надо же,— произнесла она приветливо, но шепотом,— всего час как уснула. Может, подождете чуть-чуть?

Темирджану показалось, что Кундуз очень похудела. Ее смуглые щеки стали еще темней. Черные густые волосы рассыпались на подушке. Он глядел на нее и не мог понять, дышит ли она. Коричневое одеяло, облегающее тело Кундуз, было неподвижно.

На тумбочке у кровати стояли склянки и лежали таблетки. Он узнал и несколько пузыречков, которые принес Даулбай-ата. Вот же, не запрещают врачи, чтобы больная пользовалась ими, значит, и здесь ценят народную медицину.

Сестра предложила Темирджану стул.

— Как у нее температура? — спросил он.

— Третий день нормальная. Но выписываться ей еще рано. Добро, кризис миновал. Она уже улыбалась утром. Вот только ест плохо и лекарства принимать не хочет.

Она вышла, и в ту же минуту Кундуз открыла глаза. Сперва она оглядела все вокруг, будто забыла, что находится в больнице, затем остановила глаза на Темирджане.

— Ну, как мы себя чувствуем? — спросил он тоном опытного лекаря.

На бледных губах девушки появилась слабая улыбка. Глаза ее, казалось, стали еще больше.

— Как вы? — спросила она в свою очередь.— Работа движется?

— Это в такую-то непогоду? — Темирджан взглядом показал за окно.

— И правда, снегу намело сколько. . .

— По колено. Но это — хорошо.

— Пишут вам?

— Юлдуз сразу два письма прислала.

— Вот видите,— улыбка у нее получилась горькой, но он решил, это из-за ее слабости,— я же вам предсказала.— На миг ее губы приоткрылись, блеснули ровные зубы.— Ну и прогулочку совершили мы с вами, Темир-ака! Вовек не забудем.— Она оглядела его.— А вы мо-

лодец. Закаленный. Вымокли и продрогли побольше, чем я, но даже не простыли, не сглазить бы!

— Почихал и я денька три, но Даулбай-ата меня живо вылечил.

— Вы им привет от меня передайте. Таких стариков, как они, во всем свете не сыщешь. Только пусть поменьше еды мне передают. Все равно пропадает зря.

— А вы почему не едите? Разве можно так?

— Не идет ничего.

Они умолкли и долго смотрели друг на друга, будто старались угадать, что каждый думает в эту минуту.

— Соскучились вы, наверное... по вашей матушке... — нарушила молчание Кундуз.

— Правда. Но не только в этом дело.

Кундуз вся съезжилась, будто на нее брызнули холодные капли. Лицо ее дрогнуло. Она отвела глаза и натянула одеяло до подбородка.

— Понимаете, Кундуз, я ощущаю какую-то непрочность научной основы, на которой все у нас здесь строится, — стал объяснять Темирджан. — Отец оставил в своей работе пробелы, кроме того, не все мне еще ясно в ней. То и дело натыкаюсь на замечания: «Нужна экспериментальная проверка». А здесь же — ни оборудования, ни базы, ни библиотеки...

Кундуз согласно кивала головой в такт его словам.

— Скоро вы уезжаете? — спросила она еще тише, чем прежде.

— Да вот только встали бы вы на ноги, — ответил он.

Кундуз поспешно прикрыла глаза. Зябко передернула плечами.

— Не беспокойтесь, пока вы не поправитесь окончательно, я буду здесь, — подтвердил Темирджан, чувствуя, что говорит явно не то, что нужно.

— Хорошо, — произнесла девушка после долгого молчания, — я постараюсь выздороветь как можно скорее. Постараюсь выйти отсюда. Хочу, чтобы все у вас сложилось удачно, чтоб вышла прекрасная книга академика Юлчиева, завершенная его сыном.

Он благодарно наклонил голову. Она опять долго смотрела на него, будто впервые увидела его худощавую, но статную фигуру, блестящие, гладко зачесанные волосы, округлившееся и посмуглевшее за последнее

время лицо. В полноватых губах Темирджана таились и доверчивость, и простодушие, но в глазах его видела она и несомненную силу духа; такой не отступит, не изменит.

Вновь появилась сестра.

— Пора кончать разговоры,— сказала она строго,— девушки должны поесть.

Темирджан начал прощаться.

— Вы еще заглянете... до отъезда? — Кундуз снова отвела глаза.

— Что значит — до отъезда? Я завтра приду, как приходил каждый день. Вот только не пускали меня прежде в палату.

— И теперь пускать не станем, если Кундуз не будет есть, как положено выздоравливающей,— заметила сестра.

— Слышали? — спросил Темирджан.— То-то же.

— Несите сразу две порции,— обратилась Кундуз к медсестре. Она улыбалась, хотя глаза ее были печальны.

II

А солнце, напоминавшее сейчас глиняное блюдо, лишь изредка проглядывало сквозь пелену, заткавшую небо. И небо и земля были почти одноцветны. Вскоре и Аму, которая долго была похожа на лоскутную дорожку, замерзла, ее засыпало снегом, и она исчезла из виду. Ночами над Шераралом бесновались бураны. Сугробы наметало едва ли не вровень с крышей. А утром проглядывало солнце, и под его лучами пейзаж становился сказочно прекрасным; Темирджан не мог налюбоваться им.

Однако зима стала докучать и ему, и прежде всего потому, что Шерарал оказался отрезанным от всего мира. Аэродром в Муйнаке занесло сугробами, самолеты не могли садиться. Не рисковали и шоферы отправляться в путь по единственной дороге, которая вела в Кунград, а потому Темирджану волей-неволей приходилось откладывать задуманную поездку в Ташкент. Таджитдину он о своем намерении еще не говорил, но полагал, что тот возражать не станет. Впрочем, и Таджитдин все

по тем же причинам, очевидно, давно не приезжал из райцентра.

И вдруг, едва Темирджан вновь подумал о нем, Таджитдин появился. Оказывается, он не только добрался сложным путем до Шерарала, но и успел уже побывать на Куйруке.

— На лыжах ходить ты умеешь, мыслитель? — спросил он, едва ответив на приветствие Темирджана, который искренне обрадовался, увидев своего директора и друга. — Тогда становись и пошли.

— Что случилось? — спросил Темирджан, почувствовав недоброе уже в самом обращении — «мыслитель».

— Там увидишь все сразу: и комедию, и трагедию.

Темирджан уже научился немного ходить на лыжах, время от времени он совершал удовольствия ради прогулки, но сейчас, торопясь вслед за Таджитдином, который шел уверенно и неумоимо, широким ровным шагом, он быстро выбился из сил, взмок, почувствовал, как рубашка прилипает к телу.

Похрустывал под лыжами наст; Таджитдин легко всходил на очередной пригорок и стремительно скатывался, словно нырял вниз. Порою он с ходу врезался в сугроб, а Темирджан — вслед за ним; их обсыпало снегом с головы до ног, но Таджитдин не сбавлял хода, и Темирджан, не успевая отряхнуться, изнемогая, торопился за ним.

— Стой, погоди!.. — прохрипел он, не выдержав. — Дай хоть отдышаться.

Таджитдин словно не слышал его. Темирджан сделал отчаянное усилие, чтобы хоть немного догнать Таджитдина, но лыжа наскочила на камень, скрытый под снегом, и Темирджан, потеряв палки, ткнулся разгоряченным лицом в холодный наст. С наслаждением лизнул он пересохшими губами снег. Ничто не могло сравниться с блаженным состоянием покоя; хотелось лежать, не поднимаясь, не думая ни о чем.

Таджитдин вернулся, подал Темирджану палки, помог подняться, отряхнул его от снега. Медленно обошли они холм; открылся участок, где совсем недавно гудели машины, трудились люди, и, едва взглянув на будущую рощицу, которой было отдано столько сил, Темирджан забыл об усталости. Он сразу догадался, что произошло ужасное. Несколькими резкими движениями Таджит-

дин отгреб снег от ближнего деревца, взялся за него рукой, и ствол тут же хрустнул и сломался.

— А корень? — спросил Темирджан; он еще не в силах был поверить, что случилось непоправимое.

— Ни следа жизни, — Таджитдин пошевелил пальцами, и отросток корня тут же превратился в труху. — Это твои орешины. Они замерзли, мыслитель. А не ты ли убеждал меня, что они — морозостойкие?

— Все закономерно, — Темирджан упрямо тряхнул головой. — Нельзя было сажать первые попавшиеся сеянцы. Свой питомник нам нужен, свой. Там мы вырастим отцовские сорта. . .

— Брось! Опять запел свою песню. Надоело, — Таджитдин провел ладонью по шес.

— Напрасно! — Темирджан видел, что Таджитдин бледнеет и на скулах у него проступают красные пятна, но остановиться не мог. — Именно за пренебрежение к науке и расплываемся мы теперь. Разве не предупреждал я, что нельзя оставлять сеянцы орешин открытыми, а они валялись сперва под солнцем и влага начисто испарилась из корней, а потом — заморозки начались. Они уже тогда погибли. Чтоб понять это, достаточно быть даже не ученым, а обыкновенным дехканином. К тому же мы имели дело с ореховыми деревьями, которые вообще принимаются трудно. . .

— Хвала аллаху, наконец и до тебя дошло хоть это! Жаль, прежде не был ты таким мудрым. «Почва в этих местах — плодородней не бывает. . . Ореховые рощи здесь поднимутся. . .» — передразнил он. — Любишься теперь своими рощами, философ!

— Что ты раскричался?

— А то, что ты не только мне, но и всем вокруг головы заморочил своими красивыми сказками об орешинах. И вот результат.

— Результат печальный, но все же — это не катастрофа, а урок. Надо. . .

— Хватит! Надоели твои умные речи. Да тебе хоть всемирный потоп — ты спокойным останешься. Натворишь делишек — и в сторонку. Пусть, мол, другие вытаскивают арбу из грязи. Мне, мнѣ придется отвечать теперь за все. Снова — мне одному.

— Пожалей свою грудь, не колоти в нее так яростно. Тут первый ответчик я, и прятаться, уверяю тебя, не

стану. Но мы все-таки спорим о разных вещах. Тебя заботит, кому шею намылят, меня — будущие посадки. Мы должны сделать выводы — и довести начатое до конца. Ореховые рощи на Куйруке будут, ты слышишь меня, Таджитдин? Будут. У нас появятся саженцы, для которых здешние морозы не страшны. Пусть три года пройдет, пусть — пять лет, но я от своего не отступлю. В Ташкент поеду, добыюсь, чтоб дали саженцы элитные, создадим свой собственный питомник на Куйруке. . .

Таджитдин так и впился в него возмущенным взглядом.

— Ага. . . Сбежать хочешь. Я так и знал.

— Слушай, Таджитдин, я всегда называл тебя другом. Зачем ты обижаешь меня? Я не дезертир, не трус.

В голосе Темирджана было столько искренней боли, что Таджитдин смягчился.

— Тебе что, в самом деле позарез нужно повидаться с кем-то? — спросил он, как бы склоняя собеседника к мужской откровенности. Спросил невпопад. Темирджан вспыхнул.

— Мне надо с учеными людьми посоветоваться. Я не хочу, чтоб повторялось вот такое, — он показал на сломанное деревце.

— Мудрец! — произнес опять Таджитдин, но уже без недавнего раздражения. Подпрыгнув, он повернулся на лыжах и заскользил вниз, к поселку.

Темирджан торопливо следовал за ним.

III

Не без труда отыскал он в Караузене дом, где жила Кундуз. Толкнул дверь и оказался в маленькой, жарко натопленной комнате. Посредине стояла печурка, в топке ярко пылал саксаул. От раскаленных боков печурки исходил дрожащий свет. На густой козьей шкуре подремывала старушка с темным морщинистым лицом. Рядом спал пухленький ребенок, завернутый в пестрое лоскутное одеяло, внук. Темирджан громко произнес слова приветствия, старуха вскинулась, открыла испуганно глаза и спросила:

— Ты кто такой? — Она осматривала его с ног до головы с величайшей подозрительностью.

— Я — к Кундузхон.

— Так бы и говорил. Пройди вон туда,— она указала на противоположную дверь.

Темирджан постучал. Кундуз открыла и растерялась; она не думала, что Темирджан зайдет к ней. Неделю назад ее выписали из больницы, она чувствовала себя вполне здоровой и в первый же день сама навестила Темирджана. За чаем, который подала им тогда старушка Тулкунбиби, они успели поговорить о многом, но, как сообразил уже впоследствии Темирджан, волновало Кундуз главным образом одно — уедет ли он в Ташкент. Ей очень не хотелось, чтобы он уезжал. Нетрудно было понять почему, но догадываться Темирджан не желал. Нетерпеливей, чем когда бы то ни было, стремился сейчас в Ташкент; увидеть бы скорей мать и — что от себя-то таить, — может быть, Юлдуз. А тут и погода, к счастью, наладилась, изредка уже вылетали в Нукус самолеты. . .

Нынче он окончательно решил, что улетит с ближайшим рейсом, и пришел к Кундуз попрощаться. Она глядела на него, словно не решалась пригласить в комнату, а потом, спохватившись, торопливо произнесла:

— Проходите, пожалуйста. Каким ветром вас занесло? Вот уж не ждали.

Он понял, что у нее кто-то есть, остановился у порога, в нерешительности теребя пуговицу своего тулупа: то ли снимать, то ли нет.

— Да проходите же. Ойслув вам будет тоже рада,— повторила девушка.

Тут же из-за занавески показалось знакомое милое лицо. На Ойслув был клеенчатый фартук. Она приветливо поздоровалась с Темирджаном, а Кундуз, чувствуя, что молодому человеку все еще неловко, быстро сообщила:

— Мы тут как раз плов затеяли. Не зря же говорят, что хороший человек появляется к хорошей еде. Ойслув! Можешь уже поставить казан на огонь, а я сейчас морковь нарежу.

— Давайте я помогу,— предложил Темирджан.

— Зачем же утруждать гостя! Вы пока чай пейте. Вот я сейчас заварю для вас, садитесь вот здесь, на почетном месте.

Комната была не больше той, в которой спала ста-

рушка со своим внуком, однако более опрятна и уютна. Кровать с железными спинками покрыта ярким пушистым одеялом, из-под него выглядывала кружевная полоска. Подушки высоко взбиты и аккуратно сложены в уголке постели. У небольшого оконца стоял низкий столик — хантахта, около него постелены одеяла и шкурки джейранов. Пол был застлан плотной кошмой, а под ней, очевидно, лежали еще и циновки: при каждом шаге слышалось шуршание под ногами. Рядом находилась кухонька с железной печкой, на которую Ойслув и поставила сейчас казан. Дверь на кухню была открыта, тепло вливалось оттуда в комнату.

Кундуз повязала голову косынкой, из-под нее выбивались черные завитки, оттеняя кожу чистого лба. Под стать бывалой хозяйке накрыла она на стол, заварив по всем правилам чай, трижды перелив его из пиалы обратно в чайник, а потом почтительно поднесла пиалу Темирджану. Сама она присела у хантахты и начала нарезать морковь. Темирджана удивило, как умело держала эта профессорская дочка кухонный нож. Быстро мелькало лезвие, тоненькая ровная стружка ложилась на дощечку.

— Оказывается, вы — искусная стряпуха, — сказал он, следя за ней.

— Что там я! — весело откликнулась она, не прекращая работы. — Тетушка Вотти — вот кто и впрямь кухарка несравненная. Тот, кто ее плов не пробовал, можно сказать, и на свете не жил. Я с детства около нее вертелась на кухне, ну и научилась кое-чему.

— Знаю я, что и Ойслув — мастерица.

Услышав свое имя, молодая женщина на миг выглянула из кухни.

— Она у меня каждый день бывает, — сообщила потихоньку Темирджану Кундуз. — Сегодня ночевать останется. Родители ее рады нашей дружбе. Они, оказывается, люди вовсе не злые. Наоборот, корят себя за то, что не отняли ее сразу у Матназара. Сколько перестрадала она из-за этого изверга, бедная.

— Весной у нас на участке работы начнутся, пусть снова приходит. Она толковая, будем ее понемногу к лесоводству приобщать.

— Теперь она моей работой увлеклась. Вместе наши заповедные места объезжаем. Хочет поехать в Ташкент

учиться. Я ей обещала помочь. Характер у Ойслув упорный и цель в жизни есть. Мне нравятся такие люди.

— Знаю,— Темирджан, как ни был он удручен гибелью орешин, усмехнулся.— Было время, вы и меня за безволие отчитывали. На всю жизнь запомнил: «Нельзя жить по правилу — куда ветер дует...» А ведь вы в ту пору были почти ребенком. Может, я и в этих краях благодаря вам оказался.

— Кто знает,— Кундуз все же взглянула на него испытующе.— Не исключено, что мне, возможно, и не следовало давать вам опрометчивые советы, тем более что вы к ним, оказывается, прислушивались. А так были бы вы сейчас одним из сподвижников профессора Джамалова,— она нарочито говорила о своем отце, словно о чужом человеке,— наверняка и кандидатом уже стали бы.

— Подлинная мудрость, я полагаю, состоит в том, чтобы прислушиваться не только к старшим. Истина, говорят, нередко высказывается и устами младенцев,— возразил Темирджан.

Кундуз засмеялась. Давно не слышал он ее смеха и взглянул на нее благодарно.

— Почему бы вам не поехать в Ташкент вместе со мной?

Кундуз задумалась.

— Нет, наверное, я не смогу,— произнесла она медленно.

— Но почему же?

— Пока я болела, дел накопилось много. Зима вначале была, вы же знаете, суровая. Надо и теперь, что ни день, заботиться о кормах, не то в заповеднике не только куланов и сайгаков — зайцев не останется. До самой весны покоя мне не будет.

— Сестра, рис вымыть? — Ойслув выглянула из кухни.

— Я сама. Как там жарится?

— Слышите запах?

Темирджан ощутил благоухание, которое доносилось из кухни, и заметил шутливо, но не в силах все же отрешиться от мрачности:

— Глядите, не то Ойслув по кулинарной части еще обставит вас.

— Пускай, я буду рада.

На Ойслув было длинное атласное платье, которое подарила ей, очевидно, Кундуз, а поверх него — бархатная жилетка. Она показалась всего лишь на минуту и снова скрылась за занавеской. Судя по всему, Ойслув старалась оставить Темирджана наедине с девушкой.

Времени, пока готовился плов, было достаточно, чтобы переговорить о многом. Кундуз старалась держаться непринужденно, но во взгляде ее, в голосе чувствовалось волнение. А Темирджан, сам не понимая почему, вдруг опять заговорил о ее старшей сестре: как, мол, Кундуз отнесется к тому, если и Юлдуз вдруг у них на Шерарале окажется? А?

Он искренне желал отвлечь от грустных мыслей и себя, и ее, но Кундуз изменилась в лице, тень пробежала по нему, щеки девушки вспыхнули. Она не смогла успокоиться даже тогда, когда Ойслув поставила на стол блюдо с дымящимся пловом, хотя ей и следовало принять на себя роль радушной хозяйки.

Темирджан, хоть и проголодался, ел плов, и впрямь вкуснейший, без аппетита.

Неожиданно Кундуз поднялась, сказав, что ей нужно на кухню, хотя понятно было, что это — всего лишь предлог. Вернулась она не скоро, мрачная, с покрасневшими щеками.

Ойслув понесла угощение старухе и ее внуку, но хозяйка пожелала сама присесть к дастархану. Она вошла и сразу же посмотрела осуждающе на мужчину, который так поздно засиживается в гостях у молодых девушек. Пили чай, а беседа, которая обычно за пловом бывает оживленной, никак не вязалась.

— Может, спеть нашему гостю песню? — вдруг спросила Ойслув.

Темирджан посмотрел на нее с признательностью, и, обрадовавшись, она сняла со стены дутар.

— Хотите послушать? — Кундуз вновь обратилась к Темирджану.

— Еще бы!

Дутар был простенький, без украшений, но, когда девушка настроила его и заиграла, перед глазами Темирджана тотчас возникла осяянная солнцем степь в весеннем тюльпановом убранстве. Он услышал радующий сердце цокот звонких подков, лихие окрики всадников, переливчатые птичьи трели.

Без перехода Ойслув заиграла другую мелодию. Тонкие пальцы проворно двигались по грифу. Темирджан узнал ту самую песенку, что пела у степного ключа девочка, которая вела на привязи корову.

А дерево зеленое шумит, шумит листвою.
А кто в тени там прячется? Наверно, милый мой.
А если там любимый мой, — придет ли день такой,
Когда вдвоем окажемся мы в той тени густой? . .

Тайком Кундуз поглядывала на Темирджана. Песня отвлекла его от всколыхнувшихся было опять переживаний: нет, не принялись орешины на Куйруке. Пока еще рано судить, какая часть из них погибла, но уцелела бы хоть половина. . . а тут еще и Кундуз расстроилась. И снова он — без вины виноват.

Ойслув уже играла другую мелодию, но Темирджан слушал теперь рассеянно. Ушла старуха, а Темирджан и не заметил, как она поднялась. Все виделось деревце, которое беспомощно хрустнуло под руками Таджитдина. Руки его казались беспощадными, хотя Таджитдин был прав, прав.

— Все пропало, все. . . — он и не заметил, что говорит вслух.

— О чем вы? — спросила Кундуз.

Не хотелось огорчать ее сейчас еще и своими неприятностями, но она была настойчива, и волей-неволей рассказал ей Темирджан о замерзших орешинах. Кундуз слушала его, все время о чем-то напряженно вспоминая.

— Постойте, Темир-ака, — сказала она, — я совсем забыла тогда сказать вам — это было в ту пору, когда вы болели из-за тех «львиных когтей», — как раз тогда и привезли на участок сотни три молоденьких орешин, их прислала Айша-апа Арсланова, передала, что выполняет вашу просьбу, что ей удалось с трудом раздобыть и привезти из Арсланбобского питомника саженцы тех сортов, которые вывел еще ваш отец, Мардон Юлчиевич. . .

— Что ж вы раньше-то молчали! — Темирджан даже вскочил в волнении. — Где посадили их, вы хоть это помните?

Кундуз наморщила высокий лоб.

— Если бы я знала, что вам это нужно. . .

Он засуетился:

— Надо скорей туда, на Куйрук. . . Найти те, отцовские орешины. Не может быть, чтоб и они — тоже. . .

Кундуз пыталась отговорить его, не лучше ли подождать до утра, но Темирджан уже оделся и выбежал на крыльцо. Юлчиевское упрямство опять проснулось в нем. Сегодня, сейчас же надо было разыскать те орешины и убедиться, что они — живы. Если так, значит, все дело в сорте саженцев и в том, конечно, соблюдались ли правила посадки. Он докажет Таджитдину, что был прав, что он — отнюдь не прекраснодушный мечтатель, но главное, конечно, не это: надо (и поэтому тоже!) ехать в Ташкент, добыть наряды на саженцы из Арсланбоба, подготовить проект и получить средства для собственного питомника здесь, на Куйруке. . .

Он торопился так, будто мгновение, потерянное сейчас, ставило под угрозу все будущее.

— Значит, мы с вами теперь не скоро увидимся? — спрашивала Кундуз, а он и не замечал, как предательски дрожит у нее голос.

— Увидимся, еще увидимся, — поспешно ответил он. — Будьте здоровы.

— Скорее возвращайтесь, — сказала она, и опять он не заметил мольбы, скрывавшейся в обычной фразе.

Вместе с Ойслув Кундуз хотела проводить его до калитки, но не выдержала, повернулась, убежала в дом и почти упала на стул, уронив голову на руки.

Ойслув одна провожала Темирджана. Он уже удалился, когда она решилась и крикнула вслед:

— Куда же вы, Темирджан-ака, на ночь глядя?

— Не беспокойтесь зря, — ответил ей уже издалека Темирджан и добавил: — Спасибо вам за все!

Он торопился оседлать коня, чтоб скорее — туда, на Куйрук. Только эта мысль владела им, и потому он даже не обратил внимания, что вслед за ним движется, скрываясь то за стволами деревьев, то за дувалами, всадник.

IV

Солнце уже село, но небо еще оставалось светлым. Час этот напоминал предрассветный. В лицо бил встречный ветер. Гнедой, истосковавшийся на привязи, радо-

вался возможности пробежаться на просторе. Давненько не седлал его Темирджан. Конь шел легко, высоко вскинув гордую голову. Он прядал ушами, безошибочно чувствуя кого-то, кто следовал за ними, но Темирджан, весь поглощенный своими заботами, не заметил этого. По времени Куйрук должен был вот-вот показаться, но вокруг по-прежнему расстилалась темная бескрайняя степь. К счастью, он заметил на слежавшемся снегу лыжный след. Не его ли и Таджитдина? Но так или иначе — лыжня вела на Куйрук, сомнений не оставалось.

Между тем небо, которое еще недавно казалось темно-серым, стало совсем черным; показались редкие звезды. Колючий ветер набрал силу. Ресницы и брови Темирджана покрылись инеем. Склонившись с седла, Темирджан присмотрелся к появившимся вдруг свежим следам лошадиных копыт. Следы вели навстречу ему. Как же не увидел он одинокого всадника, который только что проехал здесь? И тут его осенило. Он даже похолодел от догадки: это же собственный след! Вот место, где он повернул круто на восток. Ну конечно же! Там еще были вмятины от маленьких копытцев,— должно быть, проходили сайгаки.

Донесся отдаленный лай, но откуда — непонятно: в степи кажется, будто звук накатывается сразу со всех сторон. Послышалось и ржание лошади; это — уже совсем близко.

Неожиданно он оказался на краю длинного оврага. Пересекать его во тьме Темирджан не решился и потому двинулся вдоль обрыва. Ржание послышалось снова. Благо, подумал Темирджан, он здесь, в степи, хоть не одинок сейчас. Можно будет расспросить другого всадника, как проехать на Куйрук. Об ином Темирджан теперь думать не желал. И тут он понял, что огибает Лисий овраг. У дальнего конца его начинался Куйрук. Вот только знать бы, где посадили те, заветные орешины... Почему-то он решил, что неподалеку от кухни, где хозяйничала в ту пору Ойслув. В самом деле: Кундуз часто бывала у нее; потому и видела, наверное, не только как привезли орешины от Айши Арслановой, но и как их сгружали. И в самом деле, где-то там разбита ореховая роща.

Удача вновь сопутствовала Темирджану. Он теперь

ехал, сомнений не оставалось, по Куйруку. Свернул направо и вниз, отыскал безошибочно, хотя и едва ли не на ощупь, то место, где располагалась кухня, нашел и ореховую рошу, спешился и в нетерпении обхватил рукой первый же саженец. Тонкий ствол сразу же хрустнул под рукой. «Наверное, не то...» — он гнал от себя страшную мысль. Наверное, отцовские саженцы посадили на противоположном, защищенном от ветров склоне холма.

Он вновь пришпорил гнедого, вмиг взлетел на холм и столкнулся лицом к лицу с Матназаром.

V

Даже в полутьме узнал Темирджан эти диковато горящие глаза и оскаленный в кривой ухмылке рот. Матназар хохотнул, увидев, как опешил Темирджан.

— Ну что,— спросил он хрипло,— попался? Теперь то я тебя прикончу, но сперва помучу как следует. Погляди-ка, ученый дурак, в глаза смерти. Ну! — Матназар мгновенно перекинул из-за спины на руку двустволку. Он водил ружьем вверх и вниз, словно забавляясь.

Кровь отхлынула от лица Темирджана.

— Не дури, Матназар,— произнес он, сам не узнавая собственного голоса.— Оставь.

— Сейчас,— бесстрастно пообещал Матназар,— сейчас я с тобой расквитаюсь за все. И за милицию, и за насмешки над святым Ходжой, и за то,— тут голос Матназара впервые дрогнул,— за то, что бабу мою с толку сбил, опоганил. За все! Сразу!

Однако спустить курок Матназар не торопился. Он был из тех, кто получает низменное удовольствие при виде испуганного человека. Ему хотелось, очевидно, чтоб враг его, а таким он считал Темирджана, дрожал, молил о пощаде. Но это Матназара и подвело.

Неожиданно Темирджан бросился прямо на ружье, ухватился обеими руками за ствол, а ногой что было силы ударил в грудь черного жеребца, на котором сидел Матназар. Конь, испуганно заржав, рванулся вбок, но Темирджан и сам не удержался в седле. Он упал на снег, шапка слетела у него с головы.

Матназар, словно расшвирипевший барс, одним

прыжком приблизился к Темирджану и навалился на него. Темирджан ощутил на своей шее жесткие, будто когти, пальцы. Он извивался как мог, пытался ударить Матназара ногами в живот — напрасно. Он чувствовал, что задыхается. Силы покидали его. Кровь, казалось, стынет в жилах. Противная покорность охватила Темирджана.

— Задушу, как собаку! — хрипел Матназар, обдавая Темирджана сивушным запахом. Он скрипнул зубами, намереваясь сжать пальцы в окончательном усилии, но колени его заскользили по обледенелому насту, и Матназар поневоле ослабил хватку.

Темирджан вскочил на ноги.

Теперь они стояли, согнув колени, наклонившись, наподобие борцов-курашистов, которые выбирают удобный миг, чтобы броситься на противника. Напряженно, с ненавистью в глазах следил каждый за движениями другого. Оба надсадно дышали.

Матназар резко выбросил вперед свои огромные руки и двинулся на Темирджана. Темирджан невольно попятился от него, заметался, пытаясь найти хоть камень, чтоб не чувствовать себя до отчаяния беспомощным перед одиночным верзилкой. Он шарил, теряя остатки надежды, рукой по снегу и вдруг ощутил холодный металл. То было ружье.

Матназар вздрогнул и замер. Рысьими глазами своими разглядел он оружие в руках соперника. Сердце гулко ударило в груди у Темирджана. Он нащупал пальцем спусковой крючок. Одно едва заметное движение — и конец подлечу. Хватит ему мучить всех вокруг, хватит губить жизни и души!

Но как невыносимо трудно было нажать на спуск. Каким бы ни был Матназар, но и его родила женщина, и о нем заплачет кто-то. . .

Темирджан закусил до крови губу, и Матназар безошибочно почувствовал его нерешительность. Он не стал дожидаться, пока Темирджан преодолет себя. Дико взвизгнув, выхватив на лету нож из-за голенища, он бросился на Темирджана.

Выстрел ударил в сторону, — прежде Матназар воткнул лезвие в грудь Темирджану.

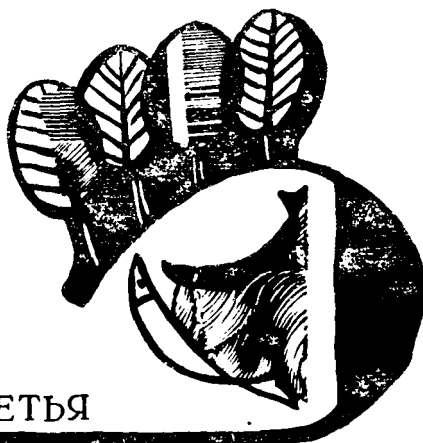
Непроизвольно прижал Темирджан к ране ладонь. Пальцы не ощутили крови, но грудь жгло огнем.

Внизу, дико заржав, бросился во тьму испуганный выстрелом черный жеребец. Не раздумывая, Матназар кинулся вслед за своим конем: остаться пешим в зимней степи — все равно что лишиться ног, а лесовод проклятый, решил он, все равно истечет кровью и умрет, прежде чем его найдут.

Ноги у Темирджана подкосились. Падая, ухватился он за ствол молоденького деревца. «Орешина!» — мелькнуло в сознании так, будто даже сейчас это было главным. И тут же накатила печальная безнадежность: «Сломается, как те... Погибли орешины. Всему конец...»

Деревце стояло крепко.

КНИГА ТРЕТЬЯ

КУНДУЗ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Весна накинула на Барса-Кельмес нежное покрывало свежих трав. Даже из-под твердокаменной корки на такырах, пронзая глянцевиные солончаки, рвалась к солнцу, к влажному дыханию апреля упорная зелень. В пойме Дарьи луга были уже густы и сочны. Там паслись стада сайгаков и куланов. Лишь легкое колебание малахитовой глади указывало, где они сейчас. Пристально взглядевшись, можно было различить изогнутые лирами рожки самцов, маток, прядущих ушами в неизбывной тревоге за детенышей, которые родились в февральскую стужу и все-таки выжили назло ей.

С холма на холм и дальше — по буераку, к узкой дороге, петляющей по степи, легко шагал игрневый конек. На нем сидела девушка, одетая непривычно для этих мест: потертые джинсы в обтяжку и яркая желтая куртка с темными полосами поперек. Медлительные с виду, задумчивые степняки узнавали ее еще издалека, однако, по неизжитой привычке, сообщали друг другу, будто новость:

— Кундуз... Инспектор из заповедника. Возятся они нынче с сайгаками да куланами! Пересчитывают их, клеймят, лечат. Того гляди, до тушканчиков доберутся...

Джигиты подолгу глядели вслед Кундузу, хотя и делали при этом вид, будто смотрят вдаль, где застилала

горизонт желтая весенняя дымка. Не только робость мешала степным парням. Знали: напрасны надежды. Не за что зацепиться в степи тайне. Всем известно было, что любит Кундуз ученого малого, Темирджана Юлчиева. Сперва молва утверждала: только ради него и бросила она Ташкент, приехала сюда, на Шерарал. Однако минувшая зима, по-волчьи лютая и беспощадная ко всему живому, убедила в ином. В такие зимы, бывало, сотнями вымирали сайгаки — от несмышленных ягнят до матерых самцов-вожаков. Нынче же удалось многих спасти. В лисьем малахае, в овчинном полушубке носилась Кундуз верхом из конца в конец по промерзшей насквозь степи, от кормушки к кормушке. Деревянные щиты, которыми были окружены временные загоны, падали под напором неукротимых ветров, поднимать их было некому, к тому же и кормов недоставало. Сквозь секретарские заслоны прорывалась Кундуз в кабинеты к ответственным товарищам, шумела, грозила прокурором и карами небесными, умоляла помочь. Все же не это проняло секретаря райкома Арсланова, занятого кучей дел, куда более важных, чем степные стада, о которых отродясь никто не заботился. Он увидел руки этой девушки, профессорской дочки, как было ему известно. Они были обожжены морозом, кожа на них потрескалась и трещины стали черными.

Арсланов велел сколотить бригаду на помощь звероводам и первым в нее отрядил своего личного шофера. Парень этот привык подремывать в блаженном тепле приемной, пока начальство заседает, и потому долгое время посматривал на Кундуз, оказавшись под ее началом в продутой всеми ветрами степи, на забытом богом Барса-Кельмесе, не скрывая неприязни. Теперь же, весной, не без самодовольства и бахвальства рассказывал он, как они спасали сайгаков на Сувдоше — так называлась долина, где с приездом Кундуз был создан заповедник.

Отыскать Сувдош нетрудно. Откуда ни пришел бы кто на Барса-Кельмес, увидит еще издалека высокую и угрюмую, будто недремлющий сыч, скалу, поставленную природой по странной прихоти прямо посреди степи, на вершине пологого холма. Он и называется — Бойкуштепа.

Если встать у скалы, заповедник откроется как на ладони. Отсюда начинала Кундуз каждый обход. Подолгу разглядывала в бинокль, как движутся стада по безбрежной степи.

Она и сейчас, подстегнув коня, быстро поднялась на верх холма, протерла стекла и повела биноклем с южной окраины Сувдоша на запад. Зеленый простор был пустынен. Как и предполагала Кундуз, сайгаки нынче спустились на водопой не к привычной Кийикчашме,— путь туда преградил им весенний разлив,— а ниже, по течению Дарьи, за пределы заповедника.

Над отливающими утренней свежестью холмами и долинами стояло прозрачное небо, подернутое грядами легких облаков. Лишь одно темное пятно выделялось на зеленом поле. Всадник на вороном коне двигался поперек Сувдоша. Вскоре можно было различить, как он с рыси перевел коня в галоп. Даже в бинокль невозможно было разглядеть на таком расстоянии лица верхового. Но Кундуз вздрогнула, узнав его. Наклонившись к луке, сжался он в комок, как барс перед прыжком на жертву.

Матназар!..

Кундуз резко повернула коня и подхлестнула его, хотя нужды в том не было. И без понуканий конь быстро сбежал вниз и резво пошел к селению. Оголтелый хохот и свист донесся до ушей Кундуз сквозь топот копыт, а может, ей почудилось это со страху?

Лишь у самого селения, над которым уже вздымались утренние дымки, решила она оглянуться. Степь была по-прежнему безлюдна.

С той жуткой зимней ночи, когда Темирджан, гонимый беспокойством, помчался в степь, минуло два с лишним месяца, но Кундуз отчетливо помнила все, даже узоры на морозном стекле; они казались ей тогда мертвыми цветами, вырезанными из жести. Долго стояла она у стылых стекол, то и дело отогревая дыханием кружок, потом присела на тахту, обхватив холодными ладонями щеки. Ойслув вернулась в дом, опустила около Кундуз, прислонилась к ней горячим плечом.

— Будет вам, сестра.

Кундуз не откликнулась. Ойслув осторожно погладила ее по голове.

— Не родился еще мужчина, который слезинки вашей стоит.

Кундуз резко отбросила ласковую руку.

— Да что тебе-то известно про любовь? — выкрикнула она с надрывом.

Ойслув сразу отодвинулась, поникла, нахмурившись.

— Ваша правда, сестра. И впрямь: откуда мне знать про это? — произнесла она, не тая горечи. — Зори с милым не встречала, замуж по любви не выходила.

Кундуз опомнилась. Она повернула Ойслув к себе, начала осыпать ее щеки поцелуями.

— Душа моя, прости! У нас, женщин, бывает, ты же знаешь: язык мелет, а разум дремлет. Перестань, прошу тебя.

Ойслув все еще посапывала от обиды.

— Увидишь еще, какие славные парни в тебя влюбятся будут.

— Не надо мне никого. Сыта по горло. Лучше одной. Пойду посуду вымою.

Ойслув поднялась.

«Всю жизнь — так, — с печальной улыбкой подумала Кундуз, — страдаю, а утешать приходится других». Машинально перелистывала она страницы толстой тетради. Дневник. Все же помогал он ей в минуты, когда недоставало сил хранить тоску в себе. Думалось, откrohешься хоть листу бумаги — все легче станет.

«...Что же это за сила проклятая, которая так неумолимо тянет к нему? Мелькнет вдалеке его тень, а у меня сердце обрывается. А взглянет на меня приветливо — праздник сразу, взлететь к небесам готова. А потом опять места себе не найду. Так хочется, чтобы и он думал обо мне, искал меня. Понимаю же: все это — несбыточные мечты. Любит он, не скажешь даже — другую. Не чужая она мне, и счастья желаю я ей от всего сердца. Вот только нужно было бы оно ей, это счастье заветное...»

Нетерпеливой рукой перелистывала Кундуз тетрадь, будто надеялась найти слова, которые утешат. Ношла иное...

«...Сегодня он снова получил письмо. Счастлив, и я, дура, тоже вроде бы успокоилась. Пусть обман, было

бы хорошо ему. Вот только надолго ли? На днях он снова обмолвился, что собирается в Ташкент. Дела, говорит, а я обомлела, едва представила, как он встретится с Юлдуз и все откроется! Поймет ли, почему решилась я на обман? Простит ли? И кого? Меня? Ее?

Совсем запугалась я, бедная. . .»

Ойслув все еще скребла ножом казан. Кундуз взглянула на нее, взяла карандаш, но тут же положила его.

— Кто-то около дома ходит. Слышишь, Ойслув? — произнесла она встревоженно.

Ойслув оставила казан и тоже прислушалась.

— Почудилось вам, сестра, — но глаза у Ойслув стали испуганными.

— Нет. . . — Кундуз прижала ухо к замороженному окну. — Слышишь?

В голых тополиных ветвях свистел злой ветер, но сквозь шум этот донеслось всхрапывание и топот.

— Конь. . . — одними губами произнесла Кундуз. Она вновь протерла пальцем кружок на стекле. — Его гнедой. Один пришел. . . — И тут же сдернула Кундуз с вешалки шерстяной платок, торопливо повязала им голову, накинула на себя полушубок.

— Сестрица, не выходите, — попросила, словно заклиная, Ойслув. — Может, это кто другой около дома шастает. — По имени она Матназара не назвала, но подумала конечно же о нем. — Не ходите, сестра. Страшно!

Однако Кундуз была уже за порогом. Она не ошиблась. Гнедой жеребчик, оседланный, с поводьями, волочащимися по снегу, бродил по улице, переходя от одного дувала к другому, всхрапывая время от времени.

Скрипнула смерзшимися петлями калитка. Из дома напротив вышел раис Хидирбаев, в теплом халате, накинутом поверх сорочки. Он ворчал что-то о нерадивых конюхах, у которых лошади вот так шатаются по всему аулу среди ночи, словно он, председатель, сам должен отводить их на место, кормить и поить, будто у него других забот мало.

— Это же Темирджана гнедой! — сдавленным от боли голосом выкрикнула Кундуз.

Теперь Хидирбаев разглядел и ее. Он взял коня за поводья, подошел к Кундуз, которая, вмиг обессилев, привалилась спиной к глиняной ограде.

— А сам-то он где? — спросил Хидирбаев все еще недовольно. В вопросе этом явственно звучало: «Шашни водите, а животи́на из-за этого страдать должна».

— Уехал,— все еще задыхаясь, ответила Кундуз.— В степь, на коне этом. . . А следом еще кто-то поскакал, наверное Матназар.

Хидирбаев все понял мгновенно. Он стал собраннее, от недавнего брюзжания не осталось и следа.

— Иди домой и жди,— велел он девушке.

Она пыталась возразить:

— Я с вами, с вами.

Но Хидирбаев решительно взял ее за плечи и втокнул во двор.

Кундуз вбежала в дом и прикинула вместе с Ойслув к окну. Какое-то время спустя они услышали, как проскакали мимо их двора в степь всадники.

Утихший было ветер вновь, подвывая себе, задул с той стороны, где громадился холмами Барса-Кельмес. Хидирбаев и двое соседей, оба молодые парни с ружьями за спиной, низко опустили головы: прямо по лицам зло лупил снег вперемешку с песком. Они неистово подгоняли коней, но те шли все же медленней, чем хотелось сейчас Хидирбаеву. Он торопился к тому месту, которое указала Кундуз,— там осенью высаживали орешины, привезенные самолетом из Ташкента. На снежной целине заметны были черные вмятины от копыт. По этим следам и двигались всадники.

Времени после того, как ученый малый ускакал в степь, прошло не так уж много. Возможно, с Темирджаном не стряслось ничего худого. Во всяком случае, этого очень хотелось Хидирбаеву. Еще и потому, что звучал в его ушах голос этой девчонки, сдавленный безысходным горем.

Он указал рукой вправо. Следы уходили в лошину. Здесь было тише, и кони пошли легче. И тут парень, который ехал позади, закричал, ударив Хидирбаева по плечу.

— Там, в стороне, что-то чернеет,— расслышал наконец Хидирбаев.

Они повернули и, подъезжая, разглядели на белом снегу человека, который пытался ползти в сторону селения, но, едва приподнявшись, снова падал, утыкаясь лицом в землю. То был Темирджан.

Кундуз и Ойслув не смыкали глаз. На рассвете в окно постучал кнутовищем Хидирбаев.

— Живой Темирджан, живой,— крикнул он им еще с улицы,— в больницу отвезли мы его. Отойдет. Слава богу, полушубок на нем был. Нож чуть-чуть вошел.

— В сердце? — вскрикнула Кундуз.

— Рядом,— хмуро успокоил Хидирбаев.— Я же говорю — не страшно. Да и он молодец. Двигался, полз к кишлаку, не то замерз бы, прежде чем мы подоспели.— Он окинул взглядом бледных, растрепанных женщин и сказал: — Спать ложитесь. Ему вы сейчас не можете.

И вновь сбилась с ног районная милиция, разыскивая Матназара. Путь у бандита был либо к дороге, где его так или иначе обнаружили бы, либо — в степь. Он выбрал второе. Ни в курганче у старого трутня Ходжиага, ни на чабанских стойбищах найти следы Матназара не удалось. Скорее всего, ушел он к Дарье. Там в непроходимых плавнях мог он до поры скрываться в берлоге, подобно зверю прятаясь, едва слышит людей.

Он сам избрал себе кару.

II

Теперь, когда Темирджан убедился, что среди всех посаженных на Барса-Кельмесе выжили лишь те сеянцы, которые были выращены в горном Арсланбобском питомнике, заложенном еще его отцом, Мардоном Юлчиевым, он еще с большей настойчивостью рвался в Ташкент. Именно сейчас, весной, пока время еще не совсем упущено. Кундуз во время редких встреч уже не просила его ни о чем, только взглядывала, когда решалась, умоляющими глазами на его отвердевшее в последнее время лицо, скулы, остро проступавшие под кожей, когда он упрямо сжимал рот. Но под этим взглядом он суровел еще больше.

Темирджан уже списался со своим министерством и с президиумом Академии. Его сообщение о делах и нуждах лесного хозяйства было включено в повестку ближайшего ученого совета. Времени до этого крайне важного для Темирджана события оставалось совсем немного, и он дорожил каждой минутой, корпя над вы-

кладками и таблицами, которые вычерчивал на больших листах плотной бумаги.

Он хотел, чтобы все выглядело как можно ясней. Для этого собственноручно вычертил он и цветную карту угодий, находившихся в ведении лесхоза, выделив яркой краской Куйрук, где росли молоденькие арсланбобские орешины.

В воскресенье взял он билет на самолет — через Нукус в Ташкент, и тут ему сообщили, что его приглашает Арсланов. Ничтоже сумняшеся, Темирджан отправился в райком партии, но застал там одного лишь дежурного, который и уточнил, что Базарбай Арсланович, оказывается, просил Темирджана зайти к нему домой. На выходной он уехал в Нукус, к семье.

Все это происходило рано утром, а в обед Темирджан уже был в Нукусе. Без труда разыскал он дом Базарбая Арсланова. Открыла ему Айша. Она расплылась с той поры, когда он видел ее в последний раз, но была, как прежде, миловидна и конечно же приветлива.

— Базарбай-ака! — громко позвала она, обернувшись к открытой двери, которая вела во внутренние комнаты. — Гостя встречайте.

Налево по коридору находилась кухня, а за ней — терраса. Оттуда доносились детские голоса, звон посуды. Очевидно, дети после обеда оставались на террасе и доедали сладкое, балуясь в отсутствие взрослых.

Базарбай Арсланович появился одетый по-домашнему, в полотняных брюках и сетчатой тенниске. На миг в памяти Темирджана воскрес каракалпакский паренек, который с неумемной любознательностью расспрашивал когда-то в Арсланбобе Мардона Юлчиева об удивительных свойствах ореховых деревьев.

— Пришел, — обрадованно произнес Базарбай Арсланович. — Молодец. Я только в последнюю минуту спохватился, что не успею встретиться с тобой в райкоме, — добавил он, как бы извиняясь. — Как здоровье? Я по телефону справлялся о тебе, все время приветы передавал. Дошли или нет?

— Спасибо, — искренне поблагодарил Темирджан, — мне говорили. Честно скажу, удивлялся я: сколько у вас забот, сколько народу в районе, а вы вот обо мне помнили.

— Что значит — заботы? — возразил полушутливо

Базарбай Арсланович, провожая Темирджана в большую комнату к чайному столу.— Лесовод Юлчиев у меня один, да и на всем свете — тоже. Ведь принялись орешины твои, так? Значит, доказано, что могут они расти на Куйруке? Выходит — и на всем Барса-Кельмесе?

— Если говорить об общем проценте, Базарбай Арсланович, то картина печальная. Всего двадцать сотых выжило, на всем участке. Двадцать деревьев из сотни. Подвел я все-таки Султанова, что ни говорите. Каждый год был у него план, а нынче — срыв.

— За это, разумеется, по головке нас не погладят,— Базарбай Арсланович налил Темирджану чаю, сам, следуя обычаю, подал ему пиалу.— Но скажу тебе не в утешение и не в оправдание, а, как говорится, к примеру: когда в наших краях только начинали выращивать рис, урожаи были ничтожные. Кое-кто паниковал: пустая затея, зря народные деньги гробим! Но нашлись товарищи, и в Ташкенте, и в Москве, которые рассудили иначе. Рис в дарьинских плавнях может расти, и это было доказано — вот что главное! Придет к рисоводам опыт — будут и урожаи.

Темирджан неожиданно для себя улыбнулся.

— Не без опаски шел я к вам сегодня, Базарбай Арсланович.

— Потому, наверное, и начал с самокритики? Хитрец! — Арсланов казался беспечным, но Темирджан чувствовал: что-то все же беспокоило секретаря райкома.

Айша принесла вазу с домашним печеньем и присела рядом с мужчинами.

— Когда вы едете, Темир? — поинтересовалась она.

— Самолет часа через три.

— Ну, а обратный билет ты взял? — с некоторым усилием спросил Арсланов.— Возвращаться будешь в самый «пик»,— объяснил он,— с билетами тогда в Ташкенте трудновато.

Темирджан понял его.

— Думаю, в Ташкенте я все-таки не останусь.

— Что значит «думаю все-таки»? — Арсланов по-мрачнел.

— Есть причины для колебаний, Базарбай Арсланович,— ушел от прямого ответа Темирджан.

— Объяснись.

— Ну, хотя бы то, что не хочется вновь подводить Таджитдина, лесхоз, район. Понимаете, я убедился, что, пока нет в достаточном количестве посадочного материала, мой проект неосуществим. А сажать для плана только саксаул да акации я не могу. Чувствую себя как бы преступником перед памятью отца. Он столько лет отдал своей идее — фруктовым и ореховым рощам на Барса-Кельмесе.

На какое-то время наступило молчание. Первой нарушила его Айша.

— Вы же знаете, Темирджан, — начала она тихо, — я тоже оставила в Ташкенте лабораторию. Приехала сюда, — тут она искоса, с некоторым лукавством даже взглянула на Базарбая Арслановича, — первое время места себе не находила. Ну, преподавала в институте, обрабатывала записи прежних лет, но все же это — не то, вы понимаете меня?

— Еще бы! — воскликнул Темирджан. Он отлично помнил, как поразила его лаборатория изотопов, едва он переступил ее порог. Да и успехи у Арслановой были в Ташкенте немалые. Она смогла внести положительные изменения в генетический код не только семян лимона («Это — цирк», — говорила она об этих опытах сама), но и хлопчатника. — Неужто вам пришлось забросить свою тему?

— Поначалу — да, — ответила Айша и опять посмотрела на мужа, — а сейчас мы уже возобновили работы, здесь, в Нукусе. Открыли филиал лаборатории изотопов, причем — зональный. Ищем пути для выращивания самых редких и капризных пород в местных условиях. — Она сама для себя незаметно увлеклась. — Край наш огромный, а обжит он всего лишь процентов на пять. Здесь может произрастать все то же самое, что и во всех среднеазиатских оазисах. Я убеждена. Когда-то, во времена незапамятные, и в Ферганской долине росла лишь колючка. Кто-то же вырастил там первую яблоню, первую виноградную лозу! У них, у наших предков, было лишь великое терпение и вера. А у нас ко всему — наука. Нам не надо веками ждать удачного мутанта. Мы можем вывести его сами. И выводим!

— Лимоны? — некстати произнес Темирджан.

Айша даже обиделась на минутку.

— Хлопчатник скороспелый, — ответила она сердни-

то.— Даже орешины морозостойкие. Гарантировать, конечно, нельзя, но хотите — попытаемся вместе?

Арсланов смотрел на нее с той улыбкой, с какой глядит отец на способного ребенка.

— Как видишь, не ради жены своей добивался Арсланов открытия филиала,— обратился он к Темирджану.— Да и не так уж силен, между нами говоря, секретарь самого отдаленного в автономной республике райкома.— Он вскинул палец.— Суть в тенденции. Наука наша развивается вширь, приобретает зональный характер, выходит из традиционных центров — на простор, к жизни, к производству. Скажешь, сто раз слышанные и читанные слова? Может, и так, браток, только понимать их по-настоящему начинаешь, когда дело тебя самого коснется... Попробуй, кстати, печенье. Богирсак называется. У вас в Ташкенте такого не пекут. Ну, как?

— Чудо! — произнес, попробовав печенье, Темирджан и посмотрел на зардевшуюся еще более Айшу.

— То-то! — Арсланов был явно счастлив. Вдруг лицо его стало задумчивым.— Да будет светлой память твоего отца, Темирджан,— сказал он.— Ему обязан я своим семейным счастьем. Помню, сбежали мы с Айшой из Арсланбоба, добрались кое-как до Ташкента, сняли комнатку в самой отдаленной махалле, месяц прожили, а как дальше быть — не знаем. Молоды были оба, глупы. Конечно, можно было пойти работать, не пропали бы, разумеется, но нам учиться хотелось. Айша в школе у нас была первая.

— Не первая, а вторая! — жена, смеясь, перебила Арсланова.— Первым в классе всегда был Базарбайчик.

— С женой я никогда не спорю. Пусть так. И вот думали мы, думали, к кому за советом обратиться? А я все не мог забыть твоего отца, Енгак-домла мы его называли. Просто потряс он меня тогда в Арсланбобе и своими рассказами о жизни деревьев, об орешинах, и вообще — какой-то удивительной своей человечностью... И разыскал я в Ташкенте профессора Юлчиева. Опасался, правда, а вдруг и он корить начнет: зачем, мол, девчонку увез без родительского благословения? Но Мардон Юлчиевич только спросил: «Счастливы вы?» Физиономия у меня, наверное, расплылась в тот миг, потому что Мардон Юлчиевич заключил: все, мол, ясно — взял нас к себе, на опытный участок. Днем мы

работали, вечером учились. Потом Айшу в аспирантуру приняли, ну а я по другой линии, как видишь, пошел. Кстати, и в партию меня рекомендовал тоже Мардон Юлчиевич. Так что, как говорится, по гроб жизни признателен я ему, как отцу второму.

Темирджан неожиданно помрачнел.

— Ты что это, парень? — Арсланов похлопал его по плечу, словно желал разбудить.

— Потому и поддерживали вы меня всегда, Базарбай Арсланович? — вырвалось у Темирджана. — А ведь прав-то во многом оказался не я, а Таджитдин. Да-да! Он тогда и в райкоме на бюро предупреждал, что посадочного материала не хватит, что план сорвется. Если бы не вы. . .

— Чушь несешь! — перебил его Арсланов. — Ну да, ты мне симпатичен, и отцу твоему я бесконечно благодарен, но поддерживал я все-таки не тебя, а идею твою. В ней есть размах, перспектива, а Султанов нас к сиюминутным заботам тянул. Гнул бы ты такую линию, как он, думаешь, принципиальности не хватило бы у Арсланова осадить тебя? И ты, ты же, а не Султанов, оказался в итоге прав! Принялись все-таки орешины, и виноградные лозы, кстати, — тоже. Когда такое было видано на Барса-Кельмесе? Это же начало новой эпохи! Понял? Вот твоя победа, а ты плачешься.

— Будет вам, мужчины, о делах! Как сойдутся, так будто других интересов на свете нет. — Айша поставила на стол блюдо с горячим пловом, распространявшим на диво вкусные запахи.

— Мудрый ты у меня человек, жена! — Арсланов вопросительно покосился на графинчик, стоявший в серванте.

— На дорожку даже положено, — Айша принесла графин.

— Не за отъезд, а за приезд твой, Темирджан! — несколько торжественно произнес Арсланов. — И чтобы больше не говорить о делах, сообщая: выделяет райисполком средства, и хотим мы создать свой лесной питомник, прямо на Куйруке. Сами намерены выращивать для себя саженцы, в наших климатических условиях. Как ты на это смотришь, а, Темир?

— Здорово! — у Темирджана блеснули глаза. — Для меня это сюрприз.

— Потому и берег я новость до коньячка. Отметим.— Он выпил и потряс кудрявой седеющей головой.— Жаль только, денег, между нами говоря, мало,— добавил он виновато.— Вот если бы подкинули нам из академического бюджета! Ты же будешь докладывать на ученом совете, Темир. Замолви словечко, а?

— Ну конечно! — Темирджан заволновался.— Я же и сам думал. . .

— Да будет вам, Базарбай-ака! — с деланной строгостью произнесла Айша.— Не видите, на тарелке у Темира все стынет.

— Сдаюсь! — Арсланов вскинул руки и подмигнул Темирджану: — Ну, теперь ты сам видишь, кто в нашем доме командир! — Он наклонился и шепнул доверительно, впрочем, так, чтоб слышала Айша: — Не торопись жениться, Темир. Исходя из собственного горького опыта советую.

Однако глаза его, обращенные к жене, говорили иное.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

А Темирджан, что скрывать, едва оказавшись вновь на улицах родного города, почувствовал, как тянет его к тихой, тенистой улочке, где издавна селилась ташкентская профессура. Но иные заботы, ради которых он с таким трудом вырвался в Ташкент, властно заявили о себе с первой же минуты.

Встречал Темирджан в аэропорту Фаттах Абдурахманов, бывший однокашник, успевший за этот год подняться еще на одну ступень по служебной лестнице — теперь он был заведующим отделом в комитете, который ведал лесным хозяйством. На площади дожидалась черная «Волга». Фаттах усадил в нее Темирджана и коротко бросил шоферу:

— Лабзак. Дальше я покажу.

Тут же он повернулся к Темирджану, по-дружески положил руку на его плечо и так заговорил, будто расстались они только вчера.

— Во вторник утром тебя уже ждет председатель. Я с ним договорился, рассказал о тебе, о твоих решени-

нах. Все это ему очень нравится, а такое, между нами говоря, случается не часто. Так что шансы у тебя неплохие.

— Спасибо, друг, но тут важно еще и то, что скажет академия. Финансируют-то опыты они. Надо, чтобы питомник на Куйруке приравняли к экспериментальному участку. . .

— Не вешай нос! На ученый совет придет непременно кто-нибудь из комитета. Выскажут свое веское мнение, поддержат. Да и без того многие там — за тебя. Один Назирджан Набиджанович чего стóит!

— Как он, кстати? Давно я о нем ничего не слышал.

— Да-а. . . телевидения у вас нет! Рассказывал о своем «701-м». Видный ученый один передачу вел. Сказал, что такие, как Набиджанов, землю на своих плечах держат. Атлант! А вечером в гостинице московской, — я сам слышал, как Набиджанов рассказывал про этот случай и хохотал первый, — подходит к нему один наш земляк и говорит: «Где-то я вас видел. Не вы ли мираб из соседнего с нами колхоза? Кажется, прошлым летом я вас обидел, как раз в ту пору, когда воды не хватало, так что давайте теперь, в столице, помиримся. . .»

Случай показался забавным и Темирджану, хотя ему было известно, что Набиджанов не раз подобным образом попадал впросак из-за своей, как говаривал Джамалов, «неакадемической» внешности и привычки стричься наголо, вместо того чтобы украшать голову седыми локонами, подобающими ученому мужу.

Фаттах почему-то тоже вспомнил о Джамалове.

— Вместе они в Москве были тогда, — сказал он, — но только Джамалова на телевидение не пригласили. Как думаешь, почему? — Фаттах хитровато подмигнул.

Темирджан пожал плечами, хотя, конечно же, прекрасно все понимал.

— Между прочим, страсти вокруг госсипола так и не улеглись до сих пор, — продолжал Фаттах. — Джамалов сумел доказать, что эксперименты следует продолжить. Правда, из лабораторного плана тему исключили, как он ни старался. Теперь он включил свой госсипол в план кафедры сельхозинститута.

— И Гайиб продолжает вести эту тему? — Темирджан вдруг почувствовал, как трудно после долгого перерыва произнести имя своего соперника.

— Да нет уж! Для диссертации Джамалов подкинул ему что-то иное, связанное с густотой стояния хлопчатника. Проходимость, как ты понимаешь, стопроцентная.

Язык не поворачивался спросить, как там у Гайиба его личные дела, не женился ли? Страшно было, вдруг Фаттах и сам, рассказывая о Гайибе, назовет его зятем Джамалова? Но Фаттах, кажется, уже забыл о них. Он снова говорил о том, как следует держать себя Темирджану на ученом совете, а еще прежде — во время беседы с председателем комитета, и увлекся так, что они проскочили перекресток, где нужно было сворачивать к дому Юлчиевых. Темирджан, впрочем, указал шоферу более короткий путь, и вскоре машина остановилась у родных ворот.

Мать уже давно стояла на пороге. Она кинулась навстречу Темирджану и припала к его груди.

О чем только не переговорили они в ту ночь, но о Юлдуз мать почему-то не произнесла ни слова. Сам же Темирджан не решался расспрашивать о ней: страшно было, вдруг узнает о чем-то, что поразит, как удар в самое сердце. А мать все заставляла его рассказывать о здоровье... Она так и не узнала ни о шерпанже, из-за которой Темирджан немало провалялся в постели, ни тем паче о схватке его с Матназаром и о ранении, к счастью легком.

Уснул Темирджан лишь на рассвете, а поднялся в девять, бодрый, собранный, отбросив, правда не без усилия над собой, все мысли, кроме тех, что касались сегодняшнего разговора с председателем комитета. Оказался этот товарищ именно таким, каким его представил Фаттах: строгим, сдержанным, но чувствовалось, если что увлечет его, готов, как говорится, с крыши прыгнуть, чтоб времени на поиски лестницы не тратить. Едва начав слушать Темирджана, ухватив с ходу суть дела, он тут же вызвал к себе некоторых специалистов, и разговор превратился в обстоятельное обсуждение нового плана лесных насаждений в Приаралье и первых шагов по его осуществлению. Однако, вопреки ожиданиям Темирджана, никаких окончательных решений председатель выносить не стал.

— Обсудим,— веско, со значением произнося каждое слово, заключил он,— посоветуемся в нашем кругу, послушаем мнение ученого совета института, а уж потом сообщим, к какому выводу пришли. А вы, Юлчиев, между тем, для пользы дела, составьте ко всему еще и кратенькую научную записку. Мы размножим ее и раздадим всем желающим; чем больше народу высказается по затронутой проблеме, тем лучше. Как полагаете?

Темирджан кивнул. Председатель проводил его до двери своего кабинета, и, как не преминул шепнуть тот же Фаттах, это тоже было знаком несомненного расположения.

Настроение поднялось. Темирджану казалось, что удача наконец сопутствует ему, к тому же впереди было несколько свободных дней, и конечно же прежде всего, едва выйдя из кабинета председателя, он начал разыскивать по телефону Юлдуз.

Она пришла, все же, как показалось Темирджану, не без колебаний, под вечер, когда фонари роняли мягкий свет на тротуары проспекта, где он терпеливо ждал ее. Покорно подала ему теплые ладони, сказала:

— Ты похудел немного, почернел. Досталось тебе там, на Барса-Кельмесе. Хорошо, хоть вернулся живой. Впечатление такое, будто был ты на фронте,— казалось, она шутит, однако глаза ее были грустны, когда она вновь и вновь оглядывала Темирджана.

— Все это пустяки,— возразил Темирджан.

Он и сам не мог на нее насмотреться. Попытался обнять, но она ловко выскользнула из его рук и засмеялась при этом, но не так, как прежде. Смех показался Темирджану деланным, будто Юлдуз принуждала себя выглядеть беспечной. К тому же она то и дело озиралась по сторонам, хотя вокруг не было ни души и сидели они на скамейке в отдалении от фонарей. Да и разговор не ладился, о чем ни начинали. Темирджан обстоятельно отвечал на расспросы Юлдуз о ее младшей сестре. «Сумасшедшая девчонка! Понесло ее туда, где даже мужчинам страшно!» — то и дело вставляла Юлдуз подобные восклицания, когда Темирджан, смягчая свой рассказ юмором, говорил о том, как Кундуз спасала сайгаков зимой, как занесло их однажды вдвоем, словно Робинзона и Пятницу, на необитаемый остров, а бы-

ло от него до берега, как оказалось, ближе, чем от этой скамейки до того вон дома. И все же он улучил момент и признался Юлдуз, что желание встретиться с ней не оставляло его на Барса-Кельмесе ни на минуту. Поразило, что, выслушав его, она поднялась и сообщила как-то по-деловому, что ей пора домой.

— Ты обещала отцу прийти пораньше? — спросил Темирджан, делая упор на слове «отец».

— Давай лучше увидимся завтра, — она уклонилась от ответа.

— Но я же тебе только что битый час рассказывал, какая пропасть забот одолевает меня!

— Но сегодня я не могу, пойми... — Она заметила, как обескуражен Темирджан, и, очевидно, чтоб утешить его, приподнялась на цыпочки и подставила ему губы.

Он поцеловал ее, все еще подавленный подозрениями и мрачными предчувствиями.

— Я люблю тебя, Юл, — сказал он так, будто это было новостью.

— И я — тоже... — Голос ее впервые дрогнул, она отвернулась и почти побежала вниз, к троллейбусной остановке.

II

Однако назавтра встретиться с девушкой не довелось. События завернулись вихрем. Надо было готовить справку, о которой вновь напомнил председатель комитета. Понадобились, как и предполагал Темирджан, дополнительные материалы, и пришлось засесть на несколько дней в научной библиотеке, но зато в результате получилась как бы завершающая глава к отцовскому труду о лесах в Приаралье, основанная на последних достижениях и открытиях в лесоводстве.

Он составил что-то наподобие реферата по этой главе и отдал его в комитет вместо требуемой краткой справки.

А в пятницу вечером к дому Темирджана подкатил Фаттах. Он сообщил, не вылезая из машины, что в Ташкент вызван и Таджитдин, он прилетает завтра в двенадцать, надо немедленно и вместе срочно составить подробный отчет о деятельности лесхоза за последние годы. Как уж тут было говорить о том, что у него назначено свидание с девушкой?

Председатель комитета решил провести заседание совместно с ученым советом. «Порох надо экономить,— сказал он.— К чему вам дважды докладывать об одном и том же, выслушивать сначала нас, практиков, а затем — ученых? Уж лучше соберемся все вместе и все обсудим за раз. И поставим точку».

Вновь оказался Темирджан в уже знакомом кабинете директора института Абдуллы Каримовича. Кажется, совсем недавно бушевали здесь страсти из-за пресловутого госсипола. Страсти эти отнюдь не улеглись. Темирджан понял это, едва увидел напряженное — оно показалось ему еще более отекившим — лицо своего бывшего наставника, профессора Джамалова. Почему-то именно оно бросилось прежде всех в глаза, хотя в кабинете было много народу: и члены ученого совета, и представители комитета лесного хозяйства. Многих из них Темирджан знал, а вот плотного светловолосого человека с внимательным взглядом голубых глаз видел впервые. Человек этот, как видно было по его лицу, только что кончил говорить. Он сидел на краешке стула, ожидая возражений, вопросов, и они, очевидно, последовали бы, если бы ученый секретарь в этот момент не ввел Темирджана и Таджитдина.

— Входите, входите, именинники,— широким жестом пригласил Абдулла Каримович.— Вот сюда, ко мне поближе.— Он привычно произнес несколько вступительных фраз, напомнил всем, как важен вынесенный сейчас на обсуждение вопрос: речь идет о непривычно широких масштабах и о весьма отдаленной перспективе, но тем не менее — задача актуальнейшая.— Мы впервые пытаемся решать проблему охраны природы с тем размахом, которого требует время, с размахом, соответствующим веку научно-технической революции,— заключил Абдулла Каримович,— и весьма показательно, что во главе этого дела стоят совсем еще молодые люди и молодые ученые — Юлчиев и Султанов. Работа рассчитана на десятилетия, поэтому надо иметь запас жизни,— при этом Абдулла Каримович как-то непроизвольно дотронулся до своих седеющих волос.

Все оживились, а голубоглазый по-студенчески подмигнул Темирджану. Фаттах — он тоже, конечно, был здесь — уже успел шепнуть, что фамилия этого челове-

ка Бондаренко и что он — новый заместитель председателя комитета.

Абдулла Каримович заметил, что научная справка, подготовленная Темирджаном Юлчиевым, весьма обстоятельна и толкова, все с ней знакомы, и потому Юлчиеву дается для сообщения всего пятнадцать минут.

Но прежде чем Темирджан поднялся, Ильдам Джамалович жестом показал, что несколько вступительных слов желает произнести он.

— Маленькая поправка, Абдулла Каримович,— многозначительно, приковав, как всегда, к себе внимание, произнес Джамалов.— Хочу напомнить присутствующим, что леса на Арале мы отнюдь не начинаем выращивать.

Темирджан сразу же напрягся, тем более что Джамалов смотрел, произнося свою тираду, именно на него.

— Проблема эта начала решаться еще два десятилетия назад,— продолжал все так же размеренно Ильдам Джамалович.— Первым приступил к этому отец нашего нынешнего докладчика — профессор Мардон Юлчиев. Именно ему принадлежит честь первооткрывателя и основоположника.— Теперь он обращался открыто к Темирджану: — Я не сомневался, мой молодой друг, что вы всегда помните об этом, но времени для выступления вам отпущено в обрез, и я опасался, что из-за этого, а также из скромности, присущей вам, как и вашему отцу, вы об этом сегодня не скажете. . .

На ветер Ильдам Джамалович слов не бросал, и потому Темирджаном все то время, пока он докладывал, неотступно владела мысль: что затеял ныне, чего добивается теперь Ильдам Джамалович? Это несколько мешало ему, но тем не менее Темирджан довольно толково сообщил о главном: о том, что деревья прижились в местности, которая традиционно считалась бесплодной и более того — неподходящей даже для саксаула. И вот здесь, на Куйруке, в частности, принялись даже орешники. Правда, это особые саженцы из Арсланбобского питомника, неприхотливые и морозостойкие; на то, чтобы вывести этот сорт, профессору Юлчиеву,— тут Темирджан многозначительно посмотрел на Джамалова, а тот согласно кивнул ему двойным подбородком,— понадобилось два десятилетия. Зато теперь сроки можно значительно сократить. Ясна методика, есть исходный матери-

ал, в Нукусе действует зональная радиобиологическая лаборатория. Питомник, если его создать непосредственно в Приаралье, в местности, называемой по традиции Барса-Кельмес, обеспечит уже через пять-шесть лет посадочным материалом не один, а три-четыре лесхоза.

Тут был задан вопрос Таджитдину Султанову, как практику: что он думает по поводу целесообразности организации новых лесхозов в Приаралье?

— Будут ли они рентабельны или станут новым бременем для государственного бюджета? — спросил председатель.

Таджитдин со знанием дела ответил, что при правильном ведении лесного хозяйства можно уже через три года ввести в севооборот сотни, а то и тысячи гектаров целинных полей и пастбищ. Он сослался при этом на опыт собственного лесхоза, приведя нужные показатели.

— Но риск, риск,— внятно произнес профессор Джамалов,— имеем ли мы право решиться на такое?

Наступила тишина.

— Вы могли бы объяснить свою точку зрения определенной, профессор? — нарушил ее первым Бондаренко.

Абдулла Каримович, кажется, не очень следил за соблюдением этикета. Ему важно было, чтоб столкнулись различные мнения и была найдена истина. Он не возражал против того, что разговор принял характер общего, хотя Темирджан как докладчик продолжал стоять за кафедрой.

— Разумеется, Сергей Петрович! — Джамалов раскрыл свою папку.— У нас с покойным Мардоном Юлчиевым на редкость тесно совпадали научные интересы,— начал он.— Всем памятна, наверное, та нелепая история с поливами на целине.— Он вновь повернулся к Бондаренко и сообщил, словно о чем-то малозначительном: — Тема моей докторской диссертации, между прочим. Так вот, Мардон Юлчиевич, несмотря на то что занимался проблемами, крайне отдаленными от хлопчатника, нашел все же время, чтобы попытаться опровергнуть основные положения моей диссертации. Должен сказать — не только из уважения к покойному,— тем самым он мне очень помог. Мне пришлось укрепить свою аргументацию. В результате выиграла и наука и прак-

тика. Все это к слову, просто к слову! Не подумайте, что я уйду от предмета настоящего обсуждения. Все видели, наверное, последний номер журнала «Хлопок». Обратили внимание, очевидно, на рекомендации о поливах по методу Джамалова.

— Простите, Ильдам Джамалович! К чему все это теперь? — перебил его Абдулла Каримович.

— К тому же, к тому же! Я же говорил. Так вот, мне очень хочется, чтобы следующее мое заявление так же помогло моему молодому другу, как мне когда-то критика со стороны его отца. Я веду речь об орешинах. Да, да! Именно об этом воистину удивительном дереве, которому Мардон Юлчиевич посвятил всю свою жизнь. Итак, я тоже отдал не один день отдыха, не один трудовой отпуск посвятил изучению орешин. И вот — скромный результат, — Ильдам Джамалович похлопал пухлой рукой по объемистой папке. — Обстоятельными выкладками я утомлять вас не стану. Интересующиеся могут ознакомиться в любое время. Сообщу сейчас уважаемому собранию лишь конечные выводы. Орешина, — тут профессор воздел палец, — дерево регрессирующее, — последнее слово он произнес по слогам, очевидно для пущей убедительности. — Случай, к сожалению, в растительном мире не единственный. Даже школьники знают, что, к примеру, современные папоротники так же мало похожи на своих прародителей, как котенок на тигра. Увы, уже на протяжении миллионов лет нечто подобное происходит и с орешинами. Известный нам вид — всего лишь жалкое напоминание о былых орешинах, которые и в самом деле служили когда-то источником пищи для людей. Не исключено, что так и было замыслено самой природой, но, как случается нередко на долгом пути эволюции, произошел катаклизм, резко изменился генетический код. В результате... — Он пошарил в папке и извлек желтую страничку. — Вот сравнение с очень близким для нас периодом. В 1898 году «Туркестанский земледельческий вестник» сообщал сведения о густоте ореховых рощ и урожайности их в том же излюбленном Мардоном Юлчиевичем Арсланбобе. А вот — цифры, почерпнутые мной уже из трудов Мардона Юлчиевича. Можете убедиться — регресс в пределах семи — двенадцати процентов по всем показателям. И это — всего лишь за сто неполных лет! А мы с вами выстраиваем

здесь задачу едва ли не на тысячелетия, опираясь при этом на породу явно бесперспективную! Куда эффективней было бы высаживать на Арале тополя, пусть бонитет при этом — ниже! По крайней мере, «ремонт» тополе-вых рощ требует куда меньших затрат, и к тому же на это уходят не десятилетия, а каких-то два-три года.

Теперь тишина длилась гораздо дольше, и профессор Джамалов тоже молчал, наслаждаясь произведенным эффектом.

В возбужденном уме Темирджана вихрем роились мысли, а фраза рождалась одна-единственная и по-детски беспомощная. Он даже пытался произнести ее, но звучала она сдавленно, никто не слышал, не обращал внимания на то, что он повторяет:

— Профессор говорит об орешине, словно о реликте. Нельзя так!

Пожалуй, единственным, до кого дошли эти отчаянные слова, был Сергей Петрович Бондаренко. Он поднялся с места, оказавшись мужчиной весьма внушительного вида.

— О чем спор? — спросил он, обращаясь все же не к Джамалову, а ко всему собранию сразу.— Я лично точку зрения уважаемого профессора Джамалова не разделяю, хотя сам с грустью вижу, как год от года сокращаются у нас ореховые рощи, бывшие некогда украшением среднеазиатских предгорий. Но происходит это отнюдь не потому, что орешина якобы вырождается. Причина иная. Делячество! Да, к сожалению,— опять оно. Десятки лет надо ждать, пока орешина даст плоды, значит — доход. А требование рентабельности гласит: дай прибыль скорее, как можно скорее! Но это рентабельность, если глядеть с пригорочка, на котором стоит узколобый практик. Для взгляда подлинно научного нужна вершина, та самая, на которой стоял покойный Мардон Юлчиевич, та самая, на которой теперь стоит его сын Темир. Разве не замечательно,— тут Бондаренко повернулся наконец к Джамалову,— что Юлчиеву-старшему удалось вывести сорт, который начинает плодоносить намного раньше, чем повсеместно распространенное ореховое дерево? Разве не замечательно, что Юлчиев-младший уже доказал на практике, что даже в самых суровых условиях Приаралья ореховое дерево может жить и, надеюсь, давать неплохие урожаи?

К чему же в прямом смысле губить прекрасное растение на корню?

— А средства государственные губить можно? — спросил один из членов ученого совета, человек еще молодой, но чувствующий себя среди светил весьма неприужденно.

Джамалов бросил на него быстрый признательный взгляд.

— Директор лесхоза, товарищ... — тут этот ученый заглянул в свой блокнот, — товарищ Султанов доложил здесь, что почти миллион рублей истрачен на то, чтобы осуществить лесопосадки на Куйруке. А результат? Прижилось несколько сот орешин. Не слишком ли дорогая плата за каждое из этих — вот уж вправду! — бесценных деревьев?

Бондаренко, по-прежнему на протяжении всей этой тирады стоя, терпеливо молчал.

— Где-где, а уж в государственном комитете, в отличие от сугубо научных учреждений, деньги считать умеют, — возразил он спокойно. — Я сам изучал положение дел на Куйруке. Кстати, и побывал там прошлой осенью. Вместе с Султановым мы там, кажется, все холмы облазили, так, что ли, товарищ директор лесхоза? Вот только сам Юлчиев в эту пору, если я не ошибаюсь, болел. Вывод, к которому я пришел тогда: средства истрачены не зря. Посадки размещены на редкость толково, с учетом местных климатических условий, основных направлений ветров. Да, многие саженцы, к сожалению, погибли, но доказано главное: леса из ценных древесных пород, фруктовые сады, ореховые рощи могут расти даже в традиционно неподходящих местах. Причина частичной неудачи в том, что Приаральский лесхоз не располагает элитным посадочным материалом. Вот о чем должны мы вести сейчас речь. И прав Юлчиев, когда предлагает создать зональные питомники именно на Барса-Кельмесе. Я бы посоветовал создать там опытный участок под эгидой вашего института. Это и был бы, по моему, государственный подход к делу. Вы проделали большой труд, профессор, — обратился он снова к Джамалову, — но давайте используем его не для того, чтобы списать орешину в тираж, а для того, чтобы возродить к новой жизни это замечательное дерево.

Темирджан готов был заплодировать, однако

остальные были весьма сдержанны, хотя выступление Бондаренко вроде бы показалось многим убедительным.

— По поводу средств,— сказал Абдулла Каримович.— Вот телеграмма из района. Из своего скромного бюджета райисполком выделяет часть для организации лесопитомника на Куйруке. Дает деньги и правительство автономной республики. Как ни верти, а такие вещи убеждают лучше всяких слов. Полагаю, и мы кое-что найдем в академическом бюджете, да и комитет, очевидно, в стороне не останется.

— Рискнем,— вставил, иронично улыбаясь, все тот же молодой ученый.— Убытки же у нас тоже, слава богу, планируются. Назирджан Набиджанович еще один сорт хлопчатника выведет и перекроет все потери с лихвой.

Набиджанов обратил к нему свое морщинистое дехканское лицо.

— У Юлчиевых я должник давний,— произнес он спокойно,— как и все мы. Здесь нет человека, который не был бы чем-то обязан Мардону Юлчиевичу. Он сделал для науки и хозяйства столько — на десятки лет хватит. Но мы не на базаре. Будь идея Темирджана бесплодной, я, несмотря ни на что, проголосовал бы против. Можешь не сомневаться, Темир. Сделал бы это ради тебя же самого, чтоб в лужу ты не сел ненароком. Такие случаи бывали даже с тобой, когда ты только начинал свой путь.

При этих словах кое-кто из присутствующих обернулся к Джамалову. Пронесся даже шепоток: «Госсинол... Ну да! Провалил в Андижане... Именно Юлчиев...»

Профессор сидел пунцовый. Не было оснований вступаться сейчас за идею, которая все еще продолжала жить благодаря его усилиям. Но еще более, до самых душевных глубин, задело то, что собрание, судя по всему, попросту игнорировало его сообщение о бесперспективности ореховых насаждений. Но нет, кажется, далеко не все. Вот сам председатель комитета, наклонившись к Джамалову, попросил, чтобы он передал ему свои материалы для ознакомления. И этот молодой доктор наук... Сараев, кажется, его фамилия. И два пожилых академика тоже, судя по всему, поддержат...

Борьба разрывалась по испытанной не раз схеме,

но странное чувство отрешенности охватило вдруг профессора Джамалова. Оно пришло не впервые, но именно сегодня проникло в каждую клеточку души. Все стало безразличным, пустым. Тупая боль хлынула от затылка к глазам. Ему показалось, что на миг он ослеп.

— Простите,— пробормотал, поднимаясь, Ильдям Джамалович,— мне что-то не по себе.

Абдулла Каримович встал из-за стола, быстро подошел к нему и поддержал под руку.

— Не садитесь сами за руль,— произнес он участливо,— вас отвезет мой шофер,— и передал Джамалова с рук на руки поспешно приблизившемуся секретарю.— Врача не забудьте пригласить,— велел он вдогонку,— если надо — сюда, в приемную.

— Нет, нет,— слабым голосом запротестовал Ильдям Джамалович,— это пройдет быстро. Надо домой, домой. . .

Он принял на ходу таблетку и, сидя в машине, впрямь почувствовал себя лучше. А оказавшись в родном кабинете, привычно устроившись в кресле, с досадой подумал, что зря покинул арену сражения. Суть была конечно же не в деньгах: выделять их или нет. Джамалов должен был именно сегодня реабилитировать себя окончательно в глазах ученого мира за тот давний, но незабытый скандал с его докторской диссертацией, виной которому был покойный Мардон Юлчиев. Более благоприятный шанс и повод найти вряд ли теперь удастся. Ради этого и была вся затея с орешинами, гори они иначе ясным пламенем! Значит, поражение? . .

Ильдям Джамалович принял еще одну пилюльку из заветной коробочки. Чудесное средство. Подарок индийского коллеги. Он смежил веки, задремал, но, проснувшись, обычного аппетита не ощутил. К тому же и Вотти что-то дольше, чем всегда, возилась нынче с пельменями.

Тело еще ломило, но головная боль почти перестала мучить.

— Что это так тихо у нас? — недовольно спросил он.— Дома никого нет, что ли?

— Юлдузхон должна вот-вот подойти,— откликнулась из кухни тетушка Вотти,— а Гайибджан сказал, чтоб к обеду его не ждали.

— О Гайибе я не спрашивал,— резко прервал ее

профессор и вновь почувствовал тупой удар в затылок. Замедленными, неумелыми движениями снимал он с шеи шарф: совсем забыл о нем. . .

— Вам, кажется, нездоровится? — встревоженно спросила Вотти, заглянув из кухни в кабинет, дверь в который была оставлена открытой.

— Ничего, ничего, пройдет. . .

Он сам слышал в своем голосе тоску. Прежде ему удавалось скрывать свои чувства надежней. Он подошел к окну в столовой. За окном была улица, пустынная, тихая. Только несколько ребятишек, гомоня, пробежали из школы. В стеклянной двери было видно отражение Воттихон; сильными руками месила она тесто.

— Что же это происходит со мной? — бормотал про себя Джамалов.

Так тщательно было продумано все. Они должны, обязаны были переключить все внимание на его сообщение. То, что он довел до сведения ученого совета, должно было показаться им куда более важным, чем какие-то посадки на богом забытом Барса-Кельмесе. Сил не достало для напора, такого, как в былые времена, когда несколькими фразами Джамалов брал в плен внимание огромного академического зала.

Так неужто все? Нет, не может быть! Хотя подросли, прут без удержу такие, как этот Темирджан. Словно злые духи, стоят на пути у Джамалова эти Юлчиевы. Не один, так другой. Подумаешь, новый вид орешины прижился на Куйруке. Видали, какое грандиозное событие в научной жизни!

В зеркальных стеклах книжного шкафа заметил он свое лицо. Оно показалось сегодня неприятно обрюзглым. Резким движением открыл он дверцу и достал небольшую книгу. Его последний труд. Отлично издали, молодцы. . . Научились работать полиграфисты наши. Переплет как новенький, хотя, да-да. . . Девять лет уже минуло, а ведь совсем недавно бушевал он из-за того, что молодежь, которой он доверил сбор материалов, подводит его. Книга, правда, вышла вовремя, но, если не кривить душой, сенсации в ученом мире не произвела. Были, конечно, отклики кое-какие, скорее все же — вежливые.

Джамалова, как ни больно сознавать это, начали забывать. Мудрено ли, он решил о себе напомнить сегодня

и не шепотом, а в своем стиле, громогласно, чтоб круги по воде расходились еще долго после события. Вот для чего еще он выступил с сообщением об орешине.

Не вышло. . .

Машинально рука вытащила другую книжку. Эта, пожалуй, потоньше. Поля испещрены заметками, вопросительными знаками, многие строки подчеркнуты то красным, то синим карандашом. Да, памятный экземпляр. . . Тот самый, что побывал когда-то в руках у Мардона Юлчиева. Друг, однокашник. . . Помнится, когда он вернул эту книгу, Ильдам Джамалович едва за горло не схватил его. Потом поостыл, а позже пришел и час, когда понял, терзаясь, что прав Юлчиев, прав! И ничего тут, как говорится, не напишешь.

— Пропуссор, ждать будем или накрывать на стол сейчас?

— Ждать? . . Накрывать? . . — отвлекся он от раздумий. — Делайте вы что хотите!

Он устал, устал, а от него требуют без конца каких-то решений, шагов. Ну, предположим, сегодня удалось бы повернуть обсуждение так, как хотелось ему, Джамалову. Но ведь Юлчиев-младший, пожалуй, упрямством перещеголял отца своего. Не отступил бы, это уж точно. . .

И тут неожиданно для себя Джамалов подумал: ну, а допустим, вышло бы сегодня так, как было задумано? Предположим, принял бы ученый совет его сторону. . . И принял бы совсем уж фантастическое — как он и сам отлично понимал — решение: «Исключить орешину из лесного баланса как бесперспективный, вырождающийся вид. . .» Что потом? Блаженный вечер победителя все в этом же кабинете, все в том же одиночестве и с сознанием. . . Чего? Исполненного долга? Нет уж, себя обманывать ни к чему! Ведь орешины будут по-прежнему расти, невзирая ни на какие научные запреты, буде они даже последовали бы. . .

И вообще, к чему он стремился сегодня. . . И всегда? Отстоять себя? Но делать это нужно, очевидно, как в былые счастливые годы: содействуя жизни, а не пытаясь затормозить ее. Да, да. Такова правда, и незачем убегать от нее хоть сейчас, когда ты сам себя судишь. Комментарии, как говорится, излишни. . .

Он произнес эту притказку свою всего лишь по неиз-

житой привычке закруглять ею речь. Знал хорошо Джамалов, в чем истинная причина его нынешней эскапады: та желтая папка, которую давным-давно держал в своих руках профессор Мардон Юлчиев, доказывая с трибуны, что до практического использования научной работы Джамалова о поливах еще далеко, — не даст покоя до самой смерти. Прийти бы хоть тогда к Юлчиеву, сесть с ним, как молвится, рядком да поговорить ладком, но нет, гордыня не позволила. А одно повлекло за собой другое. Получил докторский диплом, успокоился, хотя не до конца все же: юлчиевская папка с черными тесемками покоя все-таки не давала.

Ежегодно включал Джамалов эту тему, разумеется по-иному названную, в планы своим аспирантам, но молодежи справиться с подобной задачей было не под силу, у самого же руки не доходили. День за днем съедала кафедральная суета, быт, заботы, которые тогда казались чрезвычайно важными, а на поверку — следа в памяти не осталось. Все думалось: займусь, займусь, докажу в конце концов, и прежде всего себе, что Ильдам Джамалович Джамалов отнюдь не кабинетный ученый; пойду к Юлчиеву, пусть убедит, пусть подскажет, наконец! Было время, я его за руку в науку вводил, когда он после института надумал вдруг податься на Арал и прожить там всю жизнь. «Пока кроны посаженных мной орешин не сомкнутся высоко над головой...» Чудак, поэт, романтик... Хотя теперь вот и сынок его той же идеей так же одержим...

Да, но кто мог подумать, что Мардон Юлчиев неожиданно-негаданно помрет, а желтая папка останется в его архиве? Может, валяется она где-то под спудом и останется там до скончания века? А может, наоборот: бережет ее сынок, чтобы в подходящий момент выложить главный козырь против бывшего наставника своего, против тестя несостоявшегося. Тоже, между прочим, немалый повод для мести.

Чего только не предпринимал Джамалов! Но для Темирджана эта папка — словно табу для дикаря. С какой бы стороны то ли сам Джамалов, то ли кто из доверенных — даже Юлдуз в лучшую пору ее отношений с влюбленным парнем — ни начнут подходы, Темирджан словно тупеет: никогда, мол, отец хлопчатником серьезно не занимался. И все!

Сегодня на ученом совете был сделан еще один, давно задуманный и почти отчаянный ход: дискредитировать теорию Юлчиева об ореховом дереве, задеть священное для Темирджана имя отца. Пускай Темирджан вспылит! Может, тогда, в силу мальчишеской невыдержанности, заговорит он о том, что мстит, мол, Джамалов даже мертвому оппоненту своему. Пришлось бы так или иначе высказаться, кто из двоих прав — отец или Джамалов. И тогда стало бы окончательно наконец ясно, сохранилась или нет та треклятая папка. Может, сгинула она бесследно или не знает о ней и впрямь Темирджан ничего? Тогда можно будет наконец жить спокойно, без «кровавых мальчиков» в глазах.

В иной ситуации это показалось бы смешным, но, хотел или не хотел Ильдам Джамалович, всякий раз, когда Юлдуз ставила на проигрыватель шалыпинскую пластинку со знаменитой арней Годунова, вспоминал он о Мардоне Юлчиеве и своей докторской диссертации и кричал из глубины дома, чтоб Юлдуз немедленно выключила проигрыватель. «Папочка у нас не любит Мусоргского», — сделала заключение Юлдуз. Знала бы она...

Осторожно постучавшись, в кабинет заглянула Вотти. Взгляд ее был тревожен: никогда еще она не видела своего профессора таким подавленным и растерянным. Да и лицо у него стало совсем больное.

— Я иду, ханум. Иду. Что, Юлдуз все еще не явилась?

— Нет ее что-то.

И тут словно эхо повторило вопрос Джамалова:

— Юлдуз пришла?

В дверях стоял взъерошенный, тоже непохожий на себя Гайнб.

III

И невдомек было Ильдаму Джамаловичу, что поздно вечером, после ученого совета, перебирая отцовские бумаги, извлек Темирджан из вороха рукописей ту самую папку, на которой было написано: «Некоторые советы голодностепским хлопкоробам и мирабам».

Желтая папка эта поконлась на самом дне сундука, куда Темирджан сложил те бумаги, которые, по его мнению, к прямому научному наследию отца отношения

не имели; делом Мардона Юлчиева были деревья, прежде всего — орешина, полагал Темирджан. Из этого он и исходил, когда представлял материалы комиссии по наследию, возглавляемой конечно же Джамаловым. . .

А сейчас Темирджан, лихорадочно перебрав ворох рукописей, похолодел, увидев черновики работы отца. Решение пришло тут же: взять папку с собой на Арал, подготовить на досуге на основе отцовских записей обстоятельную статью и напечатать ее во всесоюзном специальном журнале. Не намекая при этом, разумеется, на диссертацию Джамалова. Все, кого касается дело, тут же вспомнят о ней. Джамалову придется повертеться! И поделом: пусть знает, как задевать доброе имя отца. Оно, слава богу, не чета джамаловскому. Вылез, видите ли, с открытием: орешина бесперспективна. Иными словами, профессор Юлчиев ухлопал всю жизнь зря, на заведомо пустое дело. Вот что стояло за этим выступлением, продиктованным, как любит выражаться его бывший наставник, лишь заботой об истине. Истина! . . Пусть же справедливость восторжествует хоть теперь. Пусть ученый мир лишней раз убедится, кто дутая фигура в науке.

С тем Темирджан и лег, а утром начал вновь перелистывать ветхие страницы, почти сплошь поверх машинописных строк испещренные мелким торопливым почерком отца. Обида на Джамалова, усугубленная, как ни гнал от себя это чувство Темирджан, еще и болью из-за Юлдуз (странно и непонятно вела она себя во время их недавней короткой встречи, но что-то гнетущее, несомненно, стояло за этим), не проходила. Она владела им вначале, когда он отмечал в рукописи места, будто впрямую предназначенные для будущей статьи. Но сначала машинально, а затем — со все большим сомнением в своей правоте обратил он внимание на то, что бросилось в глаза еще при первом знакомстве с рукописью: Мардон Юлчиевич нигде впрямую не указал имени Джамалова. Наоборот, он скрывал, что имеет в виду совершенно определенную диссертацию, потому и употреблял общепринятый и обезличивающий термин — «отдельные исследователи». Да еще раз или два встретились лишь инициалы. А ведь писалось это в пору, когда раны, нанесенные Мардону Юлчиевичу Джамаловым, что называется, кровоточили. Будь подобный шанс

у Джамалова, уж он не преминул бы сделать необходимый выпад и нанести решающий удар. Но как поступил бы отец сейчас? Только так же, как он, вправе был повести себя и сын его — Темирджан. Вспомнилось искаженное приступом внезапной боли лицо. Нет, отец не желал мстить никому. Не затем, уже предчувствуя близкую кончину свою, продолжал он собирать и исследовать материалы о водном режиме на целине...

Неожиданно Темирджан почувствовал себя едва ли не преступником. Столько лет прошло, а он все не хотел, как объяснял себе сам, ворошить старое, и в результате в Голодной степи так до сих пор и не знают о том, что же хотел с такой настойчивостью посоветовать им умерший до срока профессор Юлчиев.

С лихорадочной поспешностью, словно пытаясь наверстать упущенное, начал Темирджан перечитывать страницу за страницей, и сознание собственного бессилия, едва ли не отчаяние охватило его. Не сможет он осмыслить все это. Годы понадобятся, чтобы овладеть проблемой на уровне отца, а время и без того упущено. Тут требуется специалист, глубоко разбирающийся в этом материале. Кто же?

Темирджан не ужаснулся своему открытию, хотя оно и вызвало у него короткий нервный смешок. Боже, куда завели его рассуждения! Не зря предупреждал когда-то, в добрую пору их отношений, Гайиб: гамлетизм приводит к выводам, прямо противоположным тем, которые единственно верны. Но именно воспоминание о Гайибе и подхлестнуло решение. Стараясь делать все быстрее, чтоб не передумать, Темирджан обернул желтую папку плотной бумагой, надписал хорошо известный адрес и почти бегом отправился на почту.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I

Они встретились, как и условились, в центре, у курантов, однако Юлдуз тут же повела Темирджана через пустынный в эту пору парк к трамвайной остановке.

— Куда мы? — спросил, недоумевая, Темирджан, когда трамвай, преодолевая с шумом один перегон за

другим, оставил позади мост через канал Ак-тепе. Юлдуз улыбалась, но, когда они вышли на конечной остановке, вдруг посуровела.

— Мне надоели прохожие,— сказала она,— глазают со всех сторон. Не надо мне, наверное, часто показываться по телевидению. А тут еще один приятель-кинорежиссер уговорил меня сняться в его фильме. Ты не видел? «Теплый вечер» называется. Роль, правда, небольшая, но все время — крупный план.

— Извини,— в свою очередь помрачнев, откликнулся Темирджан.— Где уж нам на Барса-Кельмесе новые фильмы смотреть!

Юлдуз взяла его горячими пальцами за руку.

— Не сердись. Я же не к тому. Просто-напросто неплохо бы посидеть вдвоем, без посторонних глаз.

Не догадываясь, он глупо предложил:

— Может, заглянем в какое-нибудь тихое кафе?

— Зачем? — Юлдуз наклонилась совсем близко.— Тут рядом квартира моей подружки. Мы часто занимаемся вместе. У меня есть ключ.

Она вела его за руку, будто была старше, опытней. Все время у них получалось так.

В просторной комнате было уютно и чисто. Это была одновременно и гостиная и девичья спальня. Рядом с диваном-кроватью стоял трельяж, у противоположной стены — пианино, покрытое вишневым лаком.

Юлдуз и впрямь чувствовала себя здесь как дома. Она вышла ненадолго, наверное, в ванную, а вернулась в легком коричневом халатике и домашних туфлях. Мягкая ткань красиво облегла ее стройные ноги. Она болтала все так же непринужденно и весело, но Темирджан никак не мог уловить, о чем она говорит.

— Боже! Я поставила чайник, а газ так и не включила! — донеслось до него наконец.— Это все из-за тебя,— Юлдуз шаловливо погрозила ему пальцем.

— Не надо никакого чая. . .

Он удержал ее за руку и вновь, в который уж раз, подумал: как все-таки она красива. Пальцы ее будто нарочно созданы для того, чтобы касаться клавиш. Длинные, изящные, украшенные ярким лаком ногтями. Он осторожно дотронулся до этих ногтей, погладил их. Пальцы вздрогнули в ответ, и тут же Юлдуз положила

руки на плечи Темирджану. Он обнял ее, ощутил на губах поцелуй, совсем не похожий на те, что были прежде, зажмурился и от неловкости и от счастья и перестал владеть собой. . .

Потом он стоял у окна, тупо глядя на скопище крыш внизу. Видя, как он подавлен, Юлдуз подошла сзади, обняла его, прижалась к спине.

— Ты недоволен? — спросила она, дыша ему в ухо.

Он поймал ее ладонь, но не обернулся.

— Давно ты замужем? — спросил он.

— Неужто тебе это было неизвестно? — в голосе Юлдуз прозвучал неподдельный упрек.— Приглашение тебе, между прочим, тоже передавали, через матушку. Вежливости ради,— она искренне вздохнула.— Я-то знала, что ты все равно не придешь. И суть здесь не в Барса-Кельмесе, не в том, что ты был за тридевять земель. . .

— Да,— согласился он жестко,— не в Барса-Кельмесе. . . Суть в Гайибе, а еще больше — в тебе. Но я не знал, не знал! — наконец он повернулся, сжал лицо руками.— Зачем же ты писала мне всю эту ложь? Что ждешь, любишь? Думала, мне в неведении легче будет? Или, может, попросту издевалась надо мной вместе со своим Гайибом?

На лице у Юлдуз появилось неподдельное изумление и испуг.

— Я никогда не писала тебе, Темир,— произнесла она глухо.— Ни разу после свадьбы.

Теперь был поражен он.

— Но как же, как же? Я же получал. . . письма. . . едва ли не дважды в месяц. . . И отвечал всегда в тот же день.

— И от тебя я не получала ничего,— в ее голосе звучало отчаяние.— Хотя. . . Теперь я поняла, почему отец повесил замок на почтовый ящик. «Детишки соседские вытаскивают. . .» — произнесла она горько.— У себя в бумажнике ключ держал. Да еще у Гайиба был ключ тоже.

— Будь прокляты они с их козьями! — выкрикнул, уже не владея собой, Темирджан. Он оттолкнул Юлдуз и начал поспешно собираться.— Я не верю теперь никому на свете. Если ты могла. . . после всех клятв, обещаний, поцелуев. . .

— Я и теперь тебя люблю,— печально произнесла Юлдуз.— Только тебя,— она закрыла лицо ладонями.— А ты не понимаешь, не хочешь понять,— вдруг она вскинула на него горящие глаза.— Неужто ты мог представить, что я пришла бы с тобой сюда, если бы не любила? Что я, приключений ищу, от скуки балуюсь? Так для этого у меня сотня возможностей на каждом шагу. Но я никогда, ни с кем...— ей недоставало дыхания, и сердце Темирджана дрогнуло.

— Тогда зачем же, Юл?

— Ты еще мало знаешь нашего отца,— ответила она не сразу.— Противиться ему, поступать по-своему — невозможно. Есть только один способ — умереть. А я для этого слишком слаба и слишком люблю жизнь.

— Но вот Кундуз посмела же? Наверное, он и ей запрещал уезжать так далеко?

— Он порвал с ней,— с болью произнесла Юлдуз.— Заявил, как он это умеет, что у него нет больше младшей дочери. И не хочет знать ее больше.

Темирджан вдруг вспомнил, что ведь и вправду профессор Джамалов, увидев его в Ташкенте, даже словом не обмолвился, как там Кундуз. Не мог же он забыть, что она работает на Барса-Кельмесе. Как же так, чтоб отец? ..

— Разреши и мне задать тебе один вопрос,— теперь в словах Юлдуз зазвучали нотки обиды.— Ты что, с сестрой моей не встречаешься?

— Почему же? — Темирджан был в недоумении.— Я же тебе битых полчаса, когда мы впервые увиделись, рассказывал и о ней, и об ее сайгаках, и даже о том, как мы в бурю на лодке катались.

— Я не о том,— вновь в тоне Юлдуз прозвучало: «Когда же ты повзрослеешь наконец!» — Вот так, как со мной нынче, ты не встречаешься с ней? — спросила она жестко.

— Ты что, Юл! Как можно?

Она горько усмехнулась:

— Конечно... Так только со мной можно... С такими, как я.

— Но я же люблю тебя! Любил...— выкрикнул он.— Неужели ты не видишь разницы?

— Меня ты любишь. Меня... А Кундуз ради тебя на

этот Барса-Кельмес помчалась! Ты что, не догадываешься?

— Я думал об этом, разумеется,— пробормотал глухо Темирджан,— но...

— «Разумеется»,— перебила его с издевкой Юлдуз.— Какие вы все эгоисты, мужчины!..

Теперь он почувствовал себя виноватым. Как же он был все-таки жесток с бедной девчоночкой! Она и впрямь пожертвовала родными, домом, куда ей возврата нет, поселилась на краю глухого аула, а он слова теплого для нее ни разу не нашел... Многое вдруг начало осмысливаться по-иному. С каким чувством смотрела на него Кундуз, когда он спрашивал, пишут ли ей из дому. «Изредка...» — говорила она неизменно в ответ. «А Юлдуз?» — настаивал он. «Ей не до писем. Конкурсы, концерты...» И с чрезмерно горячей убежденностью, едва ли не с болью: «Да напишет она вам, Темир-ака, напишет, вот увидите. Скоро». И в самом деле, какое-то время спустя приходило письмо. «Пророчица...» — с признательностью думал Темирджан о Кундуз, перечитывая в десятый раз дорогие строки.

«Так неужто она, сама? Быть не может...»

— Юлдуз,— уже догадываясь, спросил Темирджан,— у вас с сестрой почерк похож?

Она не понимала, к чему спрашивает он об этом, потому и ответила спокойно:

— Мы однажды даже отца провели. Уехали вдвоем с Кундуз, еще школьницами, в Крым, в «Артек». Я писать не люблю и не умею, а отец потребовал: в неделю — письмо от каждой. Мы и уговорились: установили таксу — три порции мороженого, и Кундуз пишет и от моего имени... — Юлдуз начала рассказывать об этом с некоторой беспечностью, как всегда, когда вспоминают о детских проказах, но в какое-то мгновение посерьезнела, а закончила с широко раскрытыми глазами: — Как она могла? Зачем?

— Сочувствовала мне,— он печально усмехнулся.— Помогла, спасибо ей, но по-русски говорят: шила в мешке не утаишь. Вот оно и вылезло. И кольнуло. В самое сердце...

Юлдуз осторожно, словно опасаясь, что он стряхнет ее, положила руку ему на плечо.

— Темир,— сказала она,— забудь обо всем. И о письмах этих несчастных — тоже. Все еще можно поправить. Если ты найдешь в себе силы, конечно.

— На что — силы? Чтоб простить тебя? Но ты, выходит, теперь и впрямь ни в чем не виновата. Любила одного, вышла за другого. Первая ты, что ли, такая? Тем паче что ты меня, оказывается, и не обманывала вовсе. Даже на свадьбу пригласила. Спасибо. Не была.

Она словно не замечала его желчного тона.

— Ну, не будем об этом, Темир. Я — о другом. Есть выход. Только согласился бы ты. . .

— Забыть, что ты до меня другого обнимала? Да еще такого, который вообще невысоко стоит как человек.

— Знаю, у тебя есть за что ненавидеть Гайиба, хотя он страдал и страдает немало.

— Не по моей, а по собственной вине.

— Скажу тебе только, что он всецело доверял отцу, следовал всегда лишь его советам, а в результате — до сих пор не защитился. Но ни слова упрека ни отец, ни я от Гайиба не слышали.

— По-твоему, не защититься до тридцати лет — это великое несчастье? А как же все остальные, большинство в твоих глазах выглядят? Те, кто вообще не собирается остепеняться? По крайней мере — в ближайшее десятилетие. Они что, ущербные, недостойные вашего внимания?

— Ты не прав, Темир. Ты мог убедиться даже сегодня, что ты мне дорог. И суть не в том, кандидат ты или нет.

— А в чем же?

— Ты отлично знаешь это. У тебя не сложились отношения с отцом. С этого все началось.

— Опять отец! Я же не в профессора Джамалова влюбился когда-то, а в его дочь! Она, и только она, должна была решить, с кем ей связать жизнь: с тем, кого любит она, или с тем, кто угождает ее драгоценному родителю!

— Не надо так зло, Темир. Все гораздо сложнее.

— Ты все усложнила, ты!

Юлдуз печально вздохнула:

— Не я, Темир. Жизнь. Ты знаешь, конечно, что мы совсем маленькими остались без матери. Отец на первых порах был нам вместо нее. Я-то помню, как он (дада, тот самый, тогда еще, правда, не профессор, а доцент Джамалов!), возвратившись из института, допоздна стирал наши вещички и даже штопал чулки; утром отводил в детсад, в семь забирал нас, а сам мчался на занятия с вечерниками. А мои капризы и бесконечные ангины? А Кундуз с ее вечными котятками, щенками и цыплятками? Другой отец при живой матери вышвырнул бы из дому все это зверье, а отец возился с ними, кормил и лечил,— только была бы довольна и младшая. Потом мои музыкальные занятия. Рядом со мной — у пианино. Вместе — и гаммы, и сольфеджио. И все — по добром, с уговорами, с забавами, с шоколадками, пока я сама не втянулась в музыку.

Ты знаешь наши обычаи. Года не минуло после того, как умерла мама, а кумушки и тетушки начали сватать отцу одну невесту лучше другой. Да и сами женщины вниманием не обходили его. Одна аспирантка, кажется, глубоко в сердце ему запала. Начала к нам в дом приходить. Нежная, заботливая. Спроси, что нам с Кундуз не понравилось в ней, сейчас и не ответить, а мы вот заартачились: пусть не смеет являться к нам! И отец уступил. Теперь-то я понимаю, каких страданий это ему стоило.

Потом начала работать у нас тетушка Вотти. Ей тоже — великое спасибо. Не будь ее, не защитил бы отец свою докторскую; что бы там ни говорили о научном значении его работы,— я знаю, что твой отец из-за этого воевал с ним,— давалась она ему нелегко. Мы ложимся спать, он — к столу. Просыпаемся, бывало, среди ночи, а у него все еще лампа горит.

Юлдуз ждала горячими пальцами руку Темирджана.

— Не только за все это, конечно, люблю я его, но нельзя же платить злом за добро! Он тоже заслужил немного счастья. В личной жизни, как говорят на юбилеях, а откровенно говоря, не было у него этой личной жизни вовсе. . .

Она умолкла, и Темирджан тоже долго не мог произнести ни слова. Много справедливого было в том, что сказала она сейчас. В самом деле, выйди она за него, за Темирджана, отец порвал бы отношения с нею. Упрямая

Кундуз тоже покинула бы наверняка дом. С кем бы остался на старости лет Джамалов?

— И все-таки ты говорила, Юл, все могло сложиться по-другому. . .

— Да! — Юлдуз поднялась и встала над ним, будто судила. — Тебе бы вместе со мной бороться за нас, а ты взял и — фьюнт, умчался к черту на рога, на свой Барса-Кельмес. Сады разводить, леса. Отцовские мечты осуществлять. А я должна в одиночку расхлебывать все. А тут Гайиб, с его напором, с его гибкостью. Он же не постеснялся пойти к нам в дом, стать тем, кого в махалле называют ичкуев. Примаком стал. До поры, разумеется. Ныне он уже квартиры ждет в академическом доме. Хочет меня туда забрать. Но только, думаю, после своей защиты, не раньше. . . Уж я-то его знаю.

— И я — тоже.

— Не о нем речь, а о тебе, — рассердилась Юлдуз, — ты даже не попытался с отцом помириться.

— Он же выгнал меня после той статьи, тебе это известно.

— Гайиба он тоже выгонял раз пять, не меньше. По разным поводам. Но Гайиб возвращался с повинной или находил удобный повод для примирения. А тебе, выходит, самолюбие дороже, чем я. Это так, и не возражай.

— Да не в самолюбии дело! Не в силах я был, права не имел уплатить за примирение ту плату, которую твой отец требовал.

— Нет такой жертвы, которую нельзя было принести ради любви, если она настоящая.

— Есть все-таки, Юл. Совестью и честью поступиться нельзя.

Она горестно усмехнулась:

— Так я и знала, что ты скажешь это, идеалист! Когда ты отрезвеешь наконец! — Лицо ее стало откровенно злым. Она начала поспешно заталкивать в сумочку свою косметику. — Ну и оставайся один со своей совестью и честью. И перестань тревожить меня. Я жалею, слышишь, жалею, что пришла с тобой сегодня сюда! Больше такой глупости я не совершу. Прощай!

Он медленно поднялся, но у порога все-таки задержал се.

— Я не стану оправдываться, потому что ни в чем не виноват. Но ты так и не ответила мне.

Юлдуз прислонилась спиной к косяку.

— Какой толк говорить тебе, что я не могу жить там, где находишь свое счастье ты? Ну да, ты скажешь, что мне нужен блеск концертных залов, поклонники, слава. Все это — пустое. Мне нужна музыка, так же как тебе нужны твои леса. У каждого своя стихия. Но я не могу жить музыкой там, в пустыне. А лесовод мог бы найти и в Ташкенте дело, которое согрело бы душу. Жил же в городе твой отец? Вот так. И не надо только говорить, что ты мог бы завезти рояль в поселковый клуб и что я могла быть счастлива, обучая музыке замурзанных степных ребятишек. Оставь этот сюжет нашим киносценаристам.

— Пойми, Юл, я не собираюсь оставаться на Барсакельмесе всю жизнь,— горячо заговорил Темирджан.— Ну, может, еще год, два, пока будет дан настоящий ход нашему делу. Вспомни: жены шли за любимыми даже в ссылку, ждали их годами с войны. . .

Юлдуз вдруг прильнула к его плечу, погладила по жестким волосам.

— Романтик,— сказала она с печальной улыбкой, глядя в глаза Темирджану.— Не хочу, чтобы снова ты назвал меня обманщицей. Я не похожа на женщин, о которых пишут поэмы. Я — самая обыкновенная, слабая. Есть другая, которая, наверное, любит тебя по-настоящему. И доказала это. Подумай о ней.

— Ты говоришь неправду, Юл. Ты сама страдаешь. Я же вижу.

— Пошли,— она вздохнула и достала из сумочки ключ.

II

Он словно прозрел. Потеря,— а он был убит вначале, полагая, что это так, и только так,— казалось, оборачивается обретением. Он будто нащупывал это обретение, вспоминая всю ночь о себе и о Юлдуз. Ни о чем другом думать не мог.

Пелена спадала с глаз, когда восстанавливал в памяти — жест за жестом — все, что делала Юлдуз, слово

за словом — все, что говорила она. И глаза ее, вдруг утратившие сияние, ставшие холодными, рассудительными, когда она корила его. За то, что есть у него иная звезда, не та, которая сияет в тихом ташкентском переулке над уютным особняком, где может благоденствовать некая молодая чета: он — кандидат наук, она — преуспевающая концертантка. Его звезда восходила, что ни ночь, в бескрайнем небе над зловеще-пустынным Барса-Кельмесом.

Да, разные звезды светили им.

Вот он наедине с девушкой с густыми, рассыпанными по плечам волосами. «Мы с вами встречались еще в детстве. Далеком-далеком». Легкие пальцы порхают по клавиатуре... Вот институтский парк, старая липа, красная шапочка над быстрым водным потоком... Губы, одурманивающие запахом мяты... И это, последнее — теперь он в этом не сомневался — свидание в уютной квартирке, где Юлдуз была как у себя дома. Как мечтал он о чем-то похожем, но совсем ином! А тут — будто оборвалась от грубого прикосновения натянутая до предела струна.

Потом все чаще начала вспоминаться Кундуз. Сперва из-за этой глупой затеи с подложными письмами. Но уже не с раздражением думал о ней Темирджан. Способна ли на подобное самоотречение Юлдуз? Праздный вопрос! Она пядью своей не поступилась бы. «Разве смогу я без музыки?.. Как же посмела бы я нанести такой удар отцу?» А Кундуз? Смогла, посмела. И была рядом, вместе. Не задумываясь, и кровь свою отдала бы, нуждаясь в ней Темирджан...

«Но почему, почему так устроено все?» — едва ли не выкрикнул он в отчаянии, потому что, если бы и теперь небеса поставили его перед выбором, он сказал бы: «Юлдуз...»

А перед младшей ее сестрой, которую он недавно едва ли не проклинал, чертыхаясь, появилось сознание вины. Ради него — теперь-то он в этом убедился окончательно — на Барса-Кельмес примчалась, а он ни разу не взглянул на нее тепло.

Рассеянно крошил Темирджан лепешку в кислое молоко, приготовленное матерью по ее собственному рецепту («Разве ты такое где-нибудь еще попробуешь?»),

и не замечал, как она с печалью на постаревшем лице следит за ним.

— Трудно тебе там одному? — тихо произнесла Хумайрабану.

Темирджан весь напрягся. Ему не хотелось возобновлять давние разговоры, да еще теперь, когда и без того душа ныла. Мать почувствовала это.

— Я хочу сказать, работы много на твои плечи ложится. Там же ты — один-единственный такой специалист. Другие в те края ехать не хотят. Здесь устраиваются. Самандар вон, ну, сын Гуляма-кари. Они в махалле мыловарщика Ходживая жили. Помнишь его?

Темирджан наморщил лоб.

— Он еще в детстве все прибегал к тебе, чтоб ты задачки ему решал.

— Ну так что с ним? — машинально спросил Темирджан, с трудом припоминая, о ком речь.

— Большим завмагом стал, даром что на геолога учился. Сейчас в одной машине на работу ездит, в другой — по гостям. Жена у него — будто с картинки сошла.

Темирджан даже испугался.

— Неужто, мама, вы меня можете с этим Самандаром сравнивать? Да пропади он пропадом со своими обеими машинами!

— Я же не о машинах. Я о том, что он рядом, дома, — она была явно сконфужена, понимая, что выбрала пример неудачный, понятно было, что может возразить сын, и она сказала, опережая его: — И твое счастье, видно, там же, где покойный отец его искал. Только я тогда молодой была. Не так тревожилась, как нынче. — Голос Хумайрабану дрогнул. Она положила легкие пальцы на руку Темирджану. — Ты не сердись, сынок: к старости люди сильно меняются. Может, я и сказала что-нибудь такое, что не по душе тебе. Но я переживаю очень из-за того, что ты в таком далеком да еще в таком опасном краю. И еще тревожусь, как бы там нас всем не остался.

— А что в этом худого, матушка? Разве люди, которые живут там, не такие, как мы? Чем они хуже? Может, наоборот: таких, как Даулбай-ата, к примеру, или секретарь райкома Арсланов, я тут не встречал.

Хумайрабану испугалась:

— Неужно ты всерьез об этом, сынок? Как можно: оставить дом, бросить отцовскую могилу, меня в одиночестве? Я и теперь что бы ни съела — мне не на пользу.

Темирджан и впрямь заметил, как только приехал, что мать сильно исхудала.

— Поезжайте со мной, матушка,— произнес он, стараясь, чтоб прозвучало это бодро.— Какой там воздух чудесный. А море! Там и старики молодеют. Сто пятьдесят лет проживете и обо всех болезнях позабудете. Увидите: возвращаться не захочется.

Она печально покачала седеющей головой:

— Конечно. Не зря говорят: Барса-Кельмес.

— Вот теперь вы все верно поняли! А если совсем по-серьезному, мама, то пройдет лет пятнадцать, и места те станут и в самом деле несравненными. И красивыми, и благодатными,

— Уста твои, сынок, как говорится,— колыбель радости. Ты ешь, ешь. Опять торопишься куда-то?

— Сегодня ничего особенного, мама. Зайду в комитет к Бондаренко — и все. Он пригласил меня к себе, когда мы на ученом совете виделись.

— А вечером? — спросила мать.

Темирджан помрачнел.

— Вечером я дома, мама.

И Хумайрабану поняла, что расспросы неуместны.

Сергей Петрович Бондаренко уже ждал. Отправляясь к нему, Темирджан был уверен, что речь пойдет о проекте освоения Шерарала. В основном проект, над которым Темирджан, выходит, не зря корпел ночами, был утвержден, однако, как водится, были предъявлены к нему добавочные требования, помимо этого следовало основательно потрудиться над составлением сметы, а в этом деле Темирджан был не очень силен: здесь требовалось участие Таджитдина, который, кстати, уже засел вместе со специалистами в сметном отделе комитета над расчетами.

«Опять что-то не устраивает начальство?» — подумал Темирджан, но Бондаренко, поднявшись из-за стола, усадив парня рядом с собой на диван, заговорил о том, чего Темирджан никак уж не ждал. О проекте освоения андижанских адыров, о которых Темирджан

давным-давно забыл. Оказывается, заместитель председателя комитета уже поручил одной из групп разработать все детали и включил освоение адыров в план производственных работ на ближайшие годы.

— Мы тут сперва головы ломали, что за Юлчиев такой? — сообщил, усмехнувшись, Бондаренко.— Академик Юлчиев в колхозе том не бывал, это все точно знали, а про его сына как-то забыли, вы уж не обижайтесь, Темирджан. Проект ваш очень нужный и толковый. Жаль, конечно, что вы сами не сможете руководить его осуществлением; судя по всему, Барса-Кельмес для вас важнее. Да и для нас — тоже.

— Для меня все это неожиданно, Сергей Петрович, и тем более — приятно,— сказал Темирджан.— Самое главное — колхоз будет доволен: и в самом деле — одним махом несколько проблем решается.

— Вот! — воскликнул многозначительно Бондаренко.— Об этом как раз и будет у нас разговор. Я считаю, что вами, Темирджан, решена не только конкретная задача. Все это далеко выходит за пределы частного случая.

Выражение лица у Темирджана было, очевидно, недоуменное.

— Да, да,— пояснил Бондаренко,— я говорю о том, что, если эту вашу работу надлежащим образом оформить, она может быть вполне принята в качестве кандидатской диссертации. По крайней мере, я первый бросил бы за вас красный шар. Вы нашли принцип! По чести говоря, нашим соискателям на кандидатскую степень подобное удается не часто.

— Я как-то не думал об этом,— произнес в некотором замешательстве Темирджан. Он почувствовал, что краснеет. Редко испытываемое им чувство, похожее на то, что приходило на экзаменах, когда хвалили за лучшие ответы, охватило его.

— Вот именно! — поддержал Бондаренко.— Именно — не думали. Самый счастливый случай. Вы исследовали проблему и творчески подошли к ней. К тому же у вас несомненный научный дар. Не смущайтесь, это — признак похвальный. Так вот, Темирджан, мы намерены представить вашу работу ученому совету для рассмотрения вопроса о присуждении вам степени кандидата на-

ук. Для этого вам придется с год покорпеть, чтобы изложить историю проблемы, общие положения и выводы, короче — сугубо теоретическую часть. Без этого, а также без кандидатского минимума, как вы знаете, работы к защите не принимаются. К сожалению, добавил бы в этом случае я.

Рой самых противоречивых мыслей завертелся в голове у Темирджана. Подумалось о том (не без самодовольства!), что вот же можно было бы единым махом оставить позади Гайиба. Представить только выражение его физиономии, когда он прочитает: «Состоится защита диссертации Юлчиевым Темирджаном!» Не это, конечно, главное, но даже ради этого одного стоило потрудиться. И Юлдуз, кстати, тоже... Пусть убедилась бы.

Нет, это ерунда, конечно. Тут перспектива открылась бы какая! Хорошая современная лаборатория, самостоятельная должность, возможность широкого общения с коллегами и в Союзе, и за рубежом. И жить в Ташкенте, рядом с матерью, она, бедная, вон как изводится в одиночестве, в переживаниях из-за него.

— ...Место для способного диссертанта всегда у нас найдется,— донесся до него, словно издалека, голос Бондаренко,— а на Барса-Кельмес, к Султанову, мы пошлем кого-нибудь из надежных людей, чтоб не подвели, не провалили ваши начинания.

— Я вам очень, очень признателен, Сергей Петрович,— прочувствованно произнес Темирджан,— но разрешите мне пока воздержаться от окончательного ответа. Я подумаю.

— Конечно,— согласился Бондаренко, он смотрел на Темирджана с несомненным уважением.— Вы верны себе. Иной бы на вашем месте, не задумываясь, написал бы заявление. И все же, если не секрет, что вас смущает?

— Мне трудно говорить об этом сейчас, Сергей Петрович. Это пока — эмоции, а их в деловом и ученом мире ценят не в первую очередь. Ну, хотя бы то, что Барса-Кельмес и вправду не отпускает.

Бондаренко поднялся и подал ему широкую ладонь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

I

Двое верховых не спеша двигались степью. Старый егерь Байназар и его внук Сафармурад. Байназар сед и морщинист, плечи его поникли под тяжестью прожитых лет, но на лошади сидит он крепко, лишь изредка прикасаясь к ее бокам сильными ногами, обутыми в выцветшие брезентовые сапоги. Легкий серый халат Байназара перепоясан двумя яркими платками. На боку висит нож в затейливых узорчатых ножнах, за спиной двустволка. К седлу привязан моток веревки. В хурджуне, перекинутом поперек,— все, что может понадобиться в долгом пути.

Сафармураду неизвестно назначение и половины этих вещей, однако он не надоедает деду расспросами. «Придет пора, сам все узнаешь»,— сказал однажды лед. И все же вовсе удержаться от вопросов, когда впервые оказался на просторе, где до тебя побывали немногие, трудно. К тому же и дед сам подает повод: то и дело слышатся его советы и наставления:

— Не тревожь зря коня. Он же понятливый, чуть крепче толкнешь пяткой, сразу в рысь, а ты его потом сдерживать должен. Пусть шагом идет. На нашей егерской должности торопливость ни к чему. Да и Майкудук уже близко. Напьем там коней, отдохнем немного сами, и до заката на Кийикчашму придем.

— А вы же говорили, что еще прежде мы Кийикутлар¹ минуем.

— Вот эта самая местность и есть Кийикутлар.

Внук Байназара щурит карие глаза. Нос его с красивой горбинкой и смуглые щеки забавно морщатся. Потом он прикладывает к глазам бинокль.

— Оленей, что ли, ищешь? — насмешливо спрашивает старик.— Ты что же, решил, будто они и впрямь здесь бродят стадами? Нет уж, сынок, скажи спасибо, если заметишь издали одинокую самку сайгачью, да и то потому, что с детенышем ее какая-то беда приключи-

---

¹ Кийикутлар — оленья трава.

лась. Бывает, ногу повредит, от опасности убегая, вот она и охраняет его, пока он не поправится.

— Ну, а если с самой матерью несчастье?

— Другая усыновит детеныша. Если еще очень мал, будет кормить своим молоком.

— Ей-то откуда знать, что малыш осиротел?

— Э-эй, сынок... В степи все известно всему живому.

И вновь удивленно оглядывает бескрайнюю равнину Сафармурад. Все меньше сожалеет он о том, что приехал сюда, на Барса-Кельмес, поступил в помощники к старому егерю, своему деду. Рассеиваются огорчения, которые совсем недавно причиняли боль: в прошлом году Сафармурад окончил в Чарджоу школу, поехал в большой город, хотел поступить в институт, да оказалось, что знаний ему по сравнению со столичными ребятами недостает. Осень прослонялся без дела, а потом мать посоветовала, поехал бы, мол, хоть на Арал, к деду, поглядел бы на другие места. Дед давно получил пенсию, но работы своей не бросает. Не может сидеть в четырех стенах, чахнет, как те сайгаки да куланы, если их запирают в загоне. И ему и им простор нужен, петер вольный.

— Вон за тем холмом и откроется Кийикчашма, — дед указал кнутом на возвышенность, украшенную странной скалой: будто страшный див окаменел посреди Барса-Кельмеса.

Они спустились в низину, пересекли большую дорогу, и начались густые заросли — кустарники, трава лошадям по грудь. То здесь, то там поблескивала в озерах вода, собравшаяся еще во время весенних паводков. Покачивали султанами цветы, потревоженные птицы вскрикивали, взлетая с насиженных мест. Коня на ходу пощипывали густую траву.

Показалась огромная заводь, окруженная с трех сторон непроходимыми камышами. Дно просвечивало зеленью водорослей. Вскидывались мелкие рыбешки, оглушительный гомон подняли лягушки. Сафармурад заметил широкие тропы в зарослях, истоптанные множеством копыт. Следы были свежее. Животные, очевидно, совсем недавно приходили на водопой. Дед все рассчитал точно: они подъехали к Кийикчашме так, чтоб не спугнуть дикне стада.

Вскоре вспыхнул костер, разгоняя во все стороны несметные рои комаров, появившихся, едва начало садиться солнце.

Дед вскипятил чай, рассказал о том, как довелось ему однажды вот так же, в вечерний час, застрелить здесь волка, который подбирался к стреноженным лошадям. Сафармурад, выслушав рассказ, начал тревожно озираться, прислушиваться к каждому шороху. Все казалось ему, что в зарослях кто-то зубами щелкает, будто орехи грызет.

Дед засмеялся, широко раскрыв щербатый рот:

— Никак, и впрямь испугал я тебя? Не бойся. Не так уж много волков осталось на Барса-Кельмесе. И я, грешным делом, постарался, чтоб поубавить их. А зря, говорят. Ученые вроде бы теперь доказали, что от волков польза большая. Благодаря им болезней среди животных меньше. Да что там — волки! Тут и вправду еще гадать можно, чего больше от них — зла или добра. Куланов осталось мало, а ведь в старину они здесь тучами бродили.

— Ради чего истребляли их? Мясо у них такое вкусное, что ли?

— Мясо — само собой. Шкуры куланьи ценятся очень. Выделают ее скорняки, возьмешь в руки — словно шелковая и золотом отливает. Вся знать бухарская при эмире шила одежду из куланьих шкур. Даже ножи для сабель отделялись куланьей кожей. Советская власть охоту на куланов запретила. И на сайгаков тоже. Хотя и теперь шастают по степи и браконьеры, и просто злые люди. Для них законы будто не писаны.

— Судить надо таких.

— Само собой. Только прежде чем судить, надо с поличным поймать, акт составить, — самое проклятое дело для меня! До сих пор не научился. Иное дело — ты. Тебе-то пустяки небось вытащить карандаш да написать все чин чинном? Нынче и образованные люди занялись нашим делом. Охотовод теперь есть у нас, Кундуз. В Ташкенте училась.

— Видел я ее, когда на работу принимали. — Сафармураду хотелось сказать, какая Кундуз красивая, но он постеснялся деда.

— Спи,— велел ему старый Байназар,— а я за огнем посижу.

— Вам-то, дедушка, тоже отдохнуть надо.

— Э! Какой мой сон теперь. Подремал полчасака — и ладно.

Полная луна вошла над камышами. Дед еще долго сидел, помешивая палкой угли, пока и сам не улегся на бок, рядом с внуком, положив голову на плоский камень.

— Вставай, сынок, быстрее! — дед тряс его за плечо.

Сафармурад вскочил. Дед был взволнован. Он велел седлать лошадей. Вскоре юноша понял, что встревожило егеря. Едва поднялись они на верх холма, как он увидел облако пыли над степью, уносящееся к горизонту. Это умчалось стадо сайгаков. Кто-то, очевидно, преследовал их.

— Ушли,— облегченно вздохнув, произнес дед и тут же вскрикнул: — Осталась одна! Вон видишь, голова над кустами. С детенышем она, наверное, отстала. Поворачивай к ней!

Они пустили коней галопом, но опоздали. Грохнул из-за кустов выстрел. Самка с отчаянным блеянием взметнулась высоко над зарослями раз-другой и тут же упала. Байназар взял ружье на изготовку. Его чуткий слух мигом уловил, где прячется стрелявший. Сафармурад, возбужденный происходящим, скакал вслед за дедом к тому месту, где исчезла самка. Вдруг, словно изпод земли, появился всадник. Он был на черном коне и сам — черный, заросший бородой, по глаза замотанный темным платком. В мгновение ока, ловко перегнувшись с седла, подхватил он на скаку тушу убитого животного и скрылся в зарослях.

Байназар только зубами скрипнул.

— Что ж вы не стреляли, дедушка! — в отчаянии выкрикнул Сафармурад.

Дед молчал, посапывая, словно от обиды.

— Не убивать же из-за сайгака его. Каким бы ни был подлецом, все же — человек. И его мать родила, будь он проклят.

— Значит, вы знаете, кто это? Тогда все в порядке! Мы подтвердим, что он браконьерствует, и его будут судить.

Дед только усмехнулся печально:

— Таких не судить, а расстреливать надо. Он давно заслужил. Не только из-за сайгаков. Да вот рука у меня не поднялась. Жаль...

— Кто ж это был?

— Матназар. С самой зимы в тугаях скрывается, шакал. Милиция его сколько искала, народ поднимали, заросли прочесывали. Да у него укрытия надежные. Но ничего, придет его час. Схватят.

— Надо будет в район сообщить.

— Конечно. До первого телефона доберемся и сразу доложим. Плохо, что он далеко уйти успеет.

— А если следом за ним? — Глаза Сафармурада блеснули. — Я видел, куда он поскакал.

Дед посмотрел на него с уважением:

— Молодец, сынок. Не трусишь. Но только действовать надо с головой. Обложат Матназара, как волка, и поймают, а нам самим его сейчас не взять. Снимет из засады и меня, и тебя. У него-то рука не дрогнет, у душегуба. Да и детеныша бросать нам нельзя. Слышшь?

Слабое жалобное блеяние донеслось до Сафармурада. Среди кустов, обрызганных кровью, метался маленький, величиной с зайца, сайгачонок. Он искал исчезнувшую мать. Едва завидев людей, сайгачонок кинулся в заросли, однако запутался слабыми ножками в ветвях, и Сафармурад легко поймал его. Сайгачонок был почти совсем белый, с желтоватым пушком на холке. Большие блестящие глаза его испуганно бегали, он дрожал и напрягал слабое тело, пытаясь вырваться на волю.

— Куда его теперь? — спросил Сафармурад, чувствуя, как комок жалости подкатывает к горлу.

— Его-то, сынок, мы спасем. Постой. Глянь-ка, кто это еще сюда скачет?

— Парень какой-то.

— Да нет, не парень. Это Кундузхон. Тоже была где-то неподалеку, услышала пальбу.

— Кто стрелял? — даже не поздоровавшись, спросила подъехавшая Кундуз.

— Кому же еще разбойничать? Прячется, почитай, полгода в тугаях, как кот дикий, а милиция поймать его никак не может.

— Матназар, что ли? Опять. . .

— Морда у него тряпкой замотана, да я по поведению узнал его. Видел нас, стервец, а все же схватил сайгачиху убитую.

— А вы, мужчины, только глядели? — не скрывая осуждения, произнесла Кундуз.

Сафармурад вспыхнул и бросил выразительный взгляд на деда, но старый Байназар все так же невозмутимо ответил девушке:

— Дай приказ, коли ты наш начальник, и я в другой раз кабаньей дробью башку снесу ему с плеч. Можно так? Позволяешь?

Кундуз промолчала. Она наклонилась с седла и погладила сайгачонка, которого Сафармурад крепко прижимал к себе.

— Поехали,— велела Кундуз,— отвезем детеныша к Хидирбаеву. Там его выкормят.

Дорогой молчали, подавленные происшедшим, лишь у самой околицы дед спросил:

— По телефону сама говорить будешь?

— Позвою от Хидирбаева,— откликнулась Кундуз.— Мерзавец! — голос ее дрогнул.— Недавно я тоже заметила его в степи. Сообщила в район, говорят: принимаем меры. А сколько можно?

— Искали же его, искали,— возразил старик,— только попробуй найти кого в наших плавнях. Да я сам, если захочу, спрячусь, тысяча человек мимо пройдет, не увидит. Нет уж, придется ждать, пока он снова в степи объявится. А может, и вправду, разрешение дадут, чтоб его это самое. . . А, дочка?

— Нет уж, отец. Мы по закону действуем.

— Тогда терпи и ты! — сердито выкрикнул дед.— А то накинулась на нас с укорами.

— Не обижайтесь, отец,— сказала Кундуз,— это я сгоряча.

Сайгачонок, по-прежнему дрожащий от страха, переходил с рук на руки. Младший представитель многочисленного семейства Хидирбаевых ревмя ревел,— правда, не столько из жалости, сколько из-за того, что ему сайгачонка не давали. Дочка-подросток примчалась с бутылочкой, на которую была натянута соска, однако зверенышу было сейчас не до молока.

Между тем старуха поспешно расстелила на айване палас, положила поверх него одеяла, бросила подушки. Егеря, топая ногами, сбили с сапог пыль, подошли к рукомойнику, умылись. На скатерти появился поднос с угощениями, чай.

— Вы уж не сердитесь на меня, Байназар-ага,— опять повторила Кундуз,— обидела я вас в сердцах.

— Будет тебе, дочка. Я сам себя до сих пор грызу: надо было хоть погнаться за ним. Будь я один, так и поступил бы. Парня вот жалко стало.

— Почему это так, бабушка? — обиженно вскинулся Сафармурад.— Я струсил, что ли?

— Сиди. Еще успеешь показать свою храбрость не однажды.

— Да я, если хотите знать...— Сафармурад заппулся.

— Кундуз-апа, там милиция приехала,— слышалось от калитки,— вас просят. И чтоб побыстрей.— Тоненькая глазастая женщина, совсем девчонка с виду, стояла у порога.

Сафармурад поворачивал голову вслед за каждым ее движением. Она тоже бросила на него быстрый заинтересованный взгляд и тут же опустила глаза.

— Иду, Ойслув, иду! — Кундуз быстро поднялась.

«Милиция», впрочем, оказалась всего-навсего курносый участковый уполномоченный. Он примчался, услышав, что Матназар вновь объявился в пределах заповедника. Кундуз пригласила участкового Глушкова,— который родился и вырос в этих краях и говорил по-каракалпакски не просто хорошо, а с тем особым произношением, которое отличает истинных кунградцев,— в дом к Хидирбаеву. Там Глушков, прихлебывая чай и пересыпая разговор степными присказками, подробно расспросил егерей о появлении Матназара.

— Правильно поступили вы, аксакал,— сказал он Байназару,— догнать его и поймать в плавнях невозможно. Мы однажды шли-шли по следу, набрали на логово — ну берлога кабанья, и только! — все ждали, что он на ночлег явится, но он же чуток, подлец, и вправду словно зверь дикий. Исчез. А показался неделю спустя километров за сто от Сувдоша. Мы опять за ним, а он к Дарье снова, в заросли. Водил нас за собой трое суток

и пропал, будто утоп. К тому же он вооружен, а стреляет без промаха. Что правда, то правда.

— Выходит, он так и будет разбойничать! — запальчиво воскликнул Сафармурад. — Неужели все перед ним бессильны?

— Почему же? — спокойно возразил Глушков. — Нам обещали даже вертолет прислать с патрулем. Прочешем еще раз все побережье с воздуха и по суше. Хотя сушей наши плавни, конечно, не назовешь. Давно бы уже провели эту операцию, да Матназар не показывался долго. Грешным делом, в районе решили, что он погиб. А он — вот тебе, дважды за короткое время выскочил. Сперва Кундуз его увидела, теперь — вы. Ну ничего. Недолго осталось ему колобродить. — Глушков с треском защелкнул свою планшетку и поднялся.

Луна стояла уже высоко. Егеря заночевали в доме у Кундуз. Старая хозяйка постелила им на айване. Сафармурад лежал с открытыми глазами. Все чудилось ему, будто скрипит где-то дверь, будто бродит по саду тоненькая Ойслув в своем белом платье.

Дед-то уже, наверное, давно забыл, когда был сам молод.

— Забудь про Матназара и спи! — сердито велел он внуку.

«Какой еще Матназар?» — едва не вырвалось у Сафармурада, но он покорно откликнулся:

— Сплю я, дедушка, сплю. . .

Вертолет, о котором говорил Глушков, пока присылать не думали, но отряд, приехавший из района на автомобиле и мотоциклах, обшарил весь заповедник. Однако поймать Матназара снова не удалось. Нашли остатки сайгачьей туши, он бросил большую часть ее, чтоб не мешала бежать. Обнаружили и два убежища, но оба, очевидно, были оставлены им давно. В степь был наряжен постоянный патруль. Начальник из Нукуса приказал милиционерам (в помощь им выделили добровольцев на лошадях) вести постоянное наблюдение за плавнями. Они следили за каждым дымком, но неизменно оказывалось, что это — либо рыбаки, либо звероводы, разводившие нутрий.

Матназар вновь словно сквозь землю провалился.

— Зачем ты вызвал меня, Сафармурад? Хотел что сказать, мог бы и в доме. А теперь что обо мне подумает бабушка? А Кундуз? Да и соседи могли услышать, как мальчишка через дувал крикнул: «Идите, Ойслув-апа! Вас возле канала ждут».

— Не сердись, Ойслув. Прошу тебя. Всего лишь два-три слова скажу, и пойдешь домой. Никто и не заметит, что ты уходила.

— Ну, говори. Я слушаю тебя, Сафармурад.

— Как-то не получается у меня, Ойслув. Ты уж прости. Понимаешь, я собирался сказать... — Сафармурад теребил пуговицу на груди у себя, едва не оторвал ее напрочь. — Наверное, ты не хочешь, чтоб я говорил тебе...

— Но я же сказала: слушаю. Ну же, Сафармурад. Не бойся.

— Чего мне бояться? Ты же не осудишь, не засмеешь, если что... Потому что ты, Ойслув, хорошая.

Юноша умолк, а Ойслув вспыхнула, даже в сумерках заметно было.

— Поняла ты, Ойслув, меня? — шепотом спросил Сафармурад.

— Что? — голос Ойслув прозвучал с деланной строгостью. Она смутилась, отвела глаза.

Сафармурад вовсе уж растерялся, забормотал что-то невнятное в ответ. Будь на его место кто другой, Ойслув сразу же ушла бы. Однако Сафармурад... Она с того самого первого вечера, когда увидела парня во дворе у Хидирбаевых, почувствовала, что он — не такой, как все, пусть он молчал. Нужны ли женщине слова, когда взгляды куда красноречивей? А он не спускал глаз с нее, где бы ни встретились. И сам, понятно было, устраивал все так, чтобы увидеть ее лишний раз. Уж и дед стал на него обижаться: не нужны, выходит, внуку его советы, его рассказы. Все норовит в одиночку сбежать в селение, а там, что ни вечер, — в гости к Кундузу. Все, мол, у него вопросы к образованной девушке имеются. Неужто приглянулась она внуку? Этого не хватало! Она и старше его, и умней, и вообще — не ровня.

Где уж было догадаться старому Байназару, что

огонь совсем других глаз зажег сердце внука. Что счастлив он, если дышит одним воздухом с Ойслув, слышит ее голос.

Сперва Ойслув, бывало, улыбнется в ответ джигиту или пошутит с ним, но вскоре стала она неизменно суровой и замкнутой, едва он появлялся в доме, а потом и вовсе начала избегать: заговаривает с ней, а она будто не слышит. Страдал Сафармурад. Был он в этих краях человеком новым, не знал ничего о горькой судьбе Ойслув, она же полагала, что между ней и чистым парнем, душой незамутненной,— пропасть. По годам-то она была младше его, но то, что успела увидеть, познать, нным в страшном сне не приснится. Нет уж, подальше от него, от бабьих пересудов, от его собственных осуждающих слов, когда узнает неизбежную правду. . .

А сердце иное говорило. Трудно ей становилось быть с ним холодной, суровой. Порой силы изменяли; вот-вот упадет к нему на грудь.

— . . . Ты не смейся надо мной, Ойслув,— донесся до нее просительный голос Сафармурада.— Хожу за тобой, как тень, потому что ничего с собой поделывать не могу. Уеду куда, хоть как далеко, а мысли все — о тебе. Будешь жестокой, с ума сойду. Правда. . .

Чтоб не попадаться никому на глаза, они шли по кукурузному полю. Сафармурад раздвигал стебли, а Ойслув покорно шагала за ним следом. Так приблизились они к роднику, тихо журчавшему среди густой травы. Вдруг налетел ветер, закружил листья, понес сухие стебли полыни. Ойслув проворно придержала обеими руками подол своей широкой юбки. Она стояла, закрыв глаза, и Сафармурад решился подойти к ней ближе.

Вновь стало тихо.

— Ойслув,— произнес, насупившись, Сафармурад,— может, тебе кто другой по душе? Может, он достойней меня? Ты скажи, и я исчезну с глаз твоих и никогда о себе не напому.

— Ой, терзаешь ты сердце мое, Сафармурад. . . — Ойслув с трудом сдерживала слезы.— Забудем все, что мы тут говорили друг другу, я уйду. Так будет лучше, увидишь.

— Подожди! — Сафармурад дотронулся до ее рукава, но она решительно высвободилась.

— Не надо, агаджан. Не мучай ни меня, ни себя.
Прости меня и забудь.

— Скажи мне все-таки — почему?

— Узнаешь, легче не станет, особенно мне.

Он загородил ей путь.

— Не уходи.

— Агаджан! Хороший... Нельзя любить меня.

Пойми.

Вновь взметнулся ветер, и, словно подхваченная им, исчезла Ойслув. А он остался. Прижал ладони к горячим щекам. Потом, шатаясь, пошел прочь от родника, куда глаза глядят, в степь и остановился, лишь услышав ржание. То был его конь. Час назад он привязал его у моста. Сафармурад медленно побрел к каналу.

Он ехал верхом к Сувдошу, казалось ничего не слыша и не замечая, но все же что-то заставило его резко повернуть вправо. Он перевалил через холм и увидел полыхающие полосы света над степью. Полным ходом мчался по бездорожью газик. В пляшущих лучах его фар несло несколько обезумевших от ужаса сайгаков. Они спотыкались, падали на колени, тут же мячиком взлетали кверху и снова бежали вперед, не в силах вырваться из ослепляющего плена.

— Стреляй, чего ждешь! — донеслось до Сафармурада.

— Да ты вел бы машину ровней, — ответил другой голос. — Трясет. Что пули зря пускать?

Тот, который сидел за рулем, грязно выругался.

Сафармурад вздрогнул, когда раздался выстрел. Сайгак, бежавший позади всех, кувырнулся через голову и исчез в темноте.

— Молодец! — пьяненько вскрикнул кто-то в кузове. — Поднимать его надо.

— Успеем, — возразил первый. — Еще хоть бы одного прихватить...

Однако мотор, надсадно взревев, вдруг заглох. До Сафармурада донеслась смачная брань. Он приблизился к браконьерам вплотную. Один из них забрасывал в кузов тушу убитого животного, другой тщетно пытался завести машину. Над бортом торчала круглая голова третьего в соломенной шляпе.

— Стой! — сам удивляясь грозности своего голоса, закричал Сафармурад.

Погасли и подфарники. Стало совсем темно.

Сафармурад спешился.

— Чья машина? — спросил он строго. — Кто старший?

В ответ — ни звука.

Сафармурад зажег карманный фонарик. Тонкий лучик выхватил из темноты злое лицо шофера. И вдруг заурчал и сразу же взревел мотор. Едва не опрокинув юношу, газик взлетел на холм и скрылся.

— Стой! — снова закричал уже вдогонку Сафармурад.

Крик его раскатился по степи и замер. Машина была уже далеко.

Назавтра дед по справедливости корил внука:

— К чему тебе их рожки нужны были? Ты бы на номер посветил, запомнил бы его, а то теперь — ищи-свищи.

Однако, как ни ворчал старый Байназар, дело свое он продолжал делать. Нашел-таки среди многих похожих следы того самого газика. Вели они на буровую, появившуюся не так давно в самом центре Барса-Кельмеса. Объясняться с буровиками отправились Кундуз и Сафармурад.

Они выехали, едва солнце поднялось над горизонтом, и к полудню еще издали увидели вышку. Над ней плыли мелкие кучевые облака, и потому казалось, что ажурное стальное сооружение кренится набок. Вскоре стал слышен гул моторов, показались за склоном вагончики, люди, которые хлопотали у машин. Вспыхивали искры электросварки. Лошадь Сафармурада шарахнулась, испуганная россыпью огней, и сварщик, откинув на миг щиток, грубовато посоветовал степному парню не разевать рот, не то, чего доброго, он проглотит что-нибудь неподходящее. Рабочие, которые трудились неподалеку, рассмеялись.

Сафармурад вскинулся от обиды.

— За собой бы лучше следили! — сердито выкрикнул он. — Сайгаков в степи гоняете. Думаете, так вам все и сойдет с рук?

Рабочий выключил аппарат и приподнялся.

— Кто гоняет сайгаков? Кто? Ты докажи... — Он даже двинулся на Сафармурада и попытался ухватить его лошадь за узду.

И другие рабочие тоже загудели возмущенно.

— Хватит! — решительно выкрикнула Кундуз. — Кто у вас главный здесь?

На мгновение все замерли, но тут же разразились смешками и шуточками:

— А девчонка-то не из робких!

— Ничего! Наши парни и не таких укрощали.

— А глаза-то, глаза! Такой взгляд любой шов расплавит.

— Поехали, Сафармурад! — Кундуз направилась к вагончику.

— Въезжай в вагончик на коне! Начальству это понравится, — неслось им вслед.

Внутри вагончика стоял стол, заваленный чертежами. На стенах висели плакаты по технике безопасности, а также увеличенные изображения каракурта, фаланги, эфы и скорпиона и надписи, объясняющие, как надо беречься их укусов и что делать, если это произошло. За столом сидел молодой человек с выгоревшими на солнце светлыми волосами и красным от загара лицом. Крепкую грудь его обтягивала синяя майка.

— Валечка! — надрывно кричал молодой человек в телефонную трубку. — Передай руководству: ждем коронки. Не пришлю, плановую проходку не дадим. Поняла?

В трубке, которую человек держал на отлете, рокотал в ответ женский голос, что-то тарыхтело и трещало.

— Все! — Трубка с грохотом легла на рычаг. — Что вам? — молодой человек обратил глаза к Кундуз. Они чуть потеплели, когда он разглядел девушку, однако неудовольствие из-за того, что его отрывают от важных дел, исчезло не совсем.

Кундуз спокойно объяснила, кто она, и потребовала начальника, иначе она ни с кем разговаривать не желает.

Молодой человек улыбнулся.

— Все-таки придется вам со мной говорить, — сказал он, — потому что я и есть начальник этой буровой. —

Он поднялся и подал ей руку.— Лемешонок моя фамилия. Николай Кузьмич.

— Джамалова, Кундуз. Охотничий инспектор заповедника Сувдош. Зоолог.

Лемешонок был, очевидно, не слишком искушен в вопросах этикета.

— Побыстрее выкладывайте, что там у вас,— сказал он, стараясь все же не глядеть на девушку.

— Вас предупреждали, когда вы прибыли сюда со своей буровой, что охота на диких животных запрещена, тем более — такая варварская: загоняют бедных сайгаков до того, что они падают, а потом добивают их.

— Здесь что, никого, кроме буровиков, во всей степи нет? — вопросом на вопрос ответил Лемешонок.— Почему вы решили, что это были наши люди?

— След от газика привел сюда.

Начальник буровой расхохотался.

— Ну и ну! — воскликнул он.— Прямо тебе Шерлок Холмс.— Он посерьезнел.— Вы, наверное, детективами увлекаетесь, а у нас план горит, нам не до игрушек.

— А я говорю, ваши люди вчера браконьерствовали в заповеднике.

— Докажите.

— Соберите всех, я поговорю с ними. Все станет ясно.

— Нет уж, по прихоти даже такой симпатичной, как вы, девушки я отрывать людей от работы не стану.

— Оставим в покое вопрос о симпатиях и девушках. Я — официальный представитель государства.

— И я, между прочим, тоже не в бирюльки здесь играю. Укажите, кто именно браконьерствовал, и я вызову их сюда, а срывать целую смену я не имею права. Понятно?

Сафармурад, который приоткрыл дверь, застал обоих раскрасневшимися от гнева.

— Давайте доказательства! — снова выкрикнул Лемешонок.— Нет их у вас? И быть не может!

— А это что? — спросил с порога Сафармурад. Он показал шкуру, совсем недавно снятую с сайгака.

Когда Кундуз вошла в вагончик, Сафармурад привязал коней и, сам не зная зачем, направился к вышке.

По пути он увидел в низине еще один вагончик, а в открытом окне его — знакомую физиономию. То был тот самый человек, который сидел за рулем газика, когда Сафармурад осветил браконьеров. Возможно, и он сейчас узнал парня, потому что быстро отвернулся и уткнулся в бумаги, лежавшие перед ним. Первым побуждением было ворваться в вагончик и прижать негодяя к стене, однако Сафармурад усмирил голос степной крови. Он сделал вид, будто не заметил браконьера, и пошел дальше, в сторону от вагончика, туда, где виднелись закопченные глиняные очаги. Он не ошибся: неподалеку от очагов валялись кости, с которых было срезано мясо, а на взгорке была распята и прижата камнями к земле сайгачья шкура. Сафармурад подхватил ее и, перевалив через холмик, побежал к конторе.

— Ну, что вы скажете теперь, товарищ Лемешонок? — не скрывая негодования, спросила Кундуз.

Лицо начальника буровой стало еще краснее.

— Джураев! — крикнул он кому-то в окно. — Созывай народ. Всех, всех. Отнимем у них нынче обеденный перерыв. Они, кажется, вчера неплохо поужинали.

Вскоре у вагончика начали собираться буровики. Испачканными в мазуте и масле руками отирали пот. Растегнули спецовки, подставляя грудь степному ветру. Последним явился тот самый типчик, которого узнал Сафармурад.

— У меня отчет срывается, Николай Кузьмич, — произнес он обиженно и будто бы не замечая ни Сафармурада, ни Кундуз, по глаза его тревожно бегали.

— Ничего, — возразил Лемешонок, — поработаешь вечером.

— Как желаете, только без зарплаты можем остаться.

— Ты нас прокормишь. На охоту тебя отправим. . . — многозначительно произнес Лемешонок.

Человек, судя по его речам — бухгалтер, умолк, пожав плечами, лицо его стало скучным.

Лемешонок оглядел собравшихся.

— Все, кажется, на месте, — сказал он, — тогда откроем собрание. Без президиума и протоколов. Но выводы сделаем строгие, говорю заранее.

— Ой, пугаешь, начальник! — выкрикнул лысеющий электросварщик, тот самый, который недавно советовал Сафармураду не очень широко раскрывать рот.

Лемешонок будто не расслышал.

— Вот эта девушка — инспектор заповедника, товарищ Джамалова. А с ней — егерь. Вчера вечером, когда уже стемнело, он застукал в степи газик. Сайгаков гоняли. Следы привели к нам.

— Мало чего!

— Может, ребята той же дорогой за портвейном на машине ездили?

— Какой портвейн? У нас же все непьющие!

— Ха-ха-ха!

— Тише! — крикнул по-командирски Лемешонок. — Зубы не заговаривайте. Все доказательства налицо. Вот! — и он показал, высоко подняв, сайгачью шкуру. — Знаете, где это нашли? За вагончиком бухгалтерии.

Стало тихо. Бухгалтер смотрел в сторону, в бескрайнюю степь, будто обнаружил там что-то чрезвычайно любопытное.

— Не беспокойтесь, товарищ Джамалова, — обратился Лемешонок к Кундуз, — найдем всех субчиков и назовем каждого по имени-отчеству. А теперь пусть все послушают, что скажет инспектор.

Кундуз видела перед собой несколько десятков лиц, в большинстве — недоверчиво-насмешливых. Кое-кто, правда, прятал глаза, отводил их в сторону. Бухгалтер вовсе исчез, но Кундуз не придавала этому значения. Она говорила, зажигаясь с каждым словом все больше, о том, как велика сила человека и как высока ответственность его перед будущим. Одной лишь сотни машин с зажженными фарами достаточно, чтобы в течение нескольких дней уничтожить все стада диких животных в Приаралье. А между тем все они занесены в «Красную книгу». Оказалось, что большинство рабочих никогда не слышало о международных соглашениях по охране редких животных и птиц. Но и без того разве не ясно, что высшее предназначение человека — сохранять природу. Уничтожать ее может лишь тот, кто не любит свой край, свой народ. Кому безразлично, в каком мире будут жить его дети и внуки.

— Красиво, ханум,— прервал Кундуз электросварщик, проведя ладонью по своей лысине,— только нам не до соловьиных песен. Этот простой нам кто оплачивать станет? Вы или ваши сайгаки?

Снова прокатился смешок.

Кундуз вскипела:

— Оказывается, с вами по-другому разговаривать надо. Так вот: прежде заплатите вы — суд назначит штраф за погубленного сайгака, а может и в тюрьму посадить за злостное браконьерство.

— Ой, пощадите! — электросварщик вскинул руки. Очевидно, сам он был ни при чем и потому мог позволить себе паясничанье.

— Николай Кузьмич! Вас к селектору,— позвали Лемешонка.

Он ушел, тут же вернулся и прервал Кундуз на полуслове:

— Идите сами объяснитесь с Умаровым,— предложил он угрюмо.— Всыпал он мне по первое число: кто позволил в самую горячую пору митинги устраивать?

— А кто такой этот ваш Умаров? — спросила, направляясь к вагончику, Кундуз.

— Этот наш Умаров — начальник поисковой экспедиции,— хмуро ответил Лемешонок.— На зуб к нему лучше не попадаться. Вы идите, идите, а все — по местам!

— Интересно,— спросила уже на ходу Кундуз,— как этот Умаров, сидя в своем кабинете, догадался, что у вас на буровой собрание?

Лемешонок промолчал, но Сафармурад потянул Кундуз за рукав и указал глазами на человека, который бочком-бочком пробирался от вагончика, где находилась контора. То был все тот же бухгалтер.

— Понятно! — громко, чтоб слышал этот человек, произнесла Кундуз.— Русская пословица говорит: на воре и шапка горит. Ничего, составим акт, передадим куда надо, разберутся.

В вагончике, едва взяла она трубку, раздался резкий начальнический тенорок:

— Кто вы такая? Почему отрываете людей от важной работы? Вы знаете, чем вам это грозит?

— Грозит не мне, а вам. Ваши люди разбойничают в степи. Может, с вашего благословения?

— Выражения выбирайте, почтенная! Что значит — разбойничают? Они кишлак разграбили? Скот угнали? Так?

— Не иронизируйте, товарищ Умаров. Все гораздо серьезнее, чем вы думаете. Прошлой ночью буровики гоняли в степи сайгаков, животных, которые занесены в международную «Красную книгу». Надеюсь, вам не надо объяснять, что это такое?

— И что же, они целое стадо уничтожили?

— Достаточно одного животного, чтобы привлечь виновных к ответственности. Их — к судебной, а вас — к партийной, как руководителя, который не может воспитать своих подчиненных.

Лемешонк, который стоял рядом, делал Кундуз страшные глаза: тише, мол, тише! Не то товарищ Умаров разнесет в пух и прах!

Он и впрямь взорвался. Сыпал несколько минут крепкими выражениями насчет всяких слишком рано поумневших девиц, которые сами не понимают, к какому делу их приставили. Жаль, что он, Умаров, не имеет возможности вот сейчас, сию минуту прибыть на буровую, иначе он показал бы, как надо относиться к людям, решающим важнейшую задачу дня — дать стране новые источники газа.

— Вы еще раскаетесь, дорогая моя, не раз и не два за то, что сорвали смену. А Лемешонку я всыплю по своей линии, чтоб не поддавался женским чарам, когда находится на службе.

— Думайте, когда говорите! — крикнула ему Кундуз.

— Все! — послышалось в ответ. — Некогда мне болтать с вами. Приказываю: не нервировать попусту рабочих. Ждите вызова в обком. Там договорим.

В трубке щелкнуло.

Кундуз взглянула на подавленного Лемешонка. На миг ей стало жаль, что она все это затеяла. Может, следовало, не поднимая шума, разобраться, вызвать виновных, пожурить? Нет! Тут надо не бранить потихонечку, а кричать. Чтоб другим неповадно было.

Она еще раз посмотрела на Лемешонка, вздохнула и решительно повернулась к Сафармураду:

— Принеси-ка мою сумку. Будем составлять акт.

Они отъехали от буровой на небольшое расстояние, а Сафармурад все еще вспоминал злое, надутое лицо бухгалтера, который ни за что не желал подписывать акт и все кричал: «Вы докажите сперва», на что Кундуз спокойно отвечала: «Придет время — суд докажет».

Неожиданно он отвлекся от этих мыслей. Ноздри его уловили запах гари, доносившийся с северо-запада. Он придержал коня, и Кундуз тоже остановилась и приподнялась на стременах, вглядываясь в горизонт.

— Дым,— сказала она.— Видишь, Сафармурад?

Юноша кивнул. Не сговариваясь, они поскакали туда. Вскоре глазам их открылась горящая степь. Ветер гнал по ней огонь широкой полосой, пламя сжирало уже успевшие подсохнуть травы, кустарники, двигалось на запад, туда, где стараниями Кундуз еще зимой был устроен загон для больных и ослабленных сайгаков. Сейчас там находилось немало животных, которые сами не смогли бы спастись от пожара. Но самым страшным было то, что огонь грозил распространиться на всю равнину. Он оставлял позади черные, будто вымазанные сажей, полосы.

Выход был один: охватить горящую степь полукольцом вскопанной земли.

Первой мыслью было — послать Сафармурада в ближайшее селение, пусть поднимет народ с кетменями, лопатами... Она лихорадочно прикидывала в уме, сколько времени уйдет, пока парень доскачет до аула, найдет начальство, соберет людей... Сама Кундуз намеревалась побыстрее добраться до телефона, позвонить в район. Она поспешно соображала, где же есть телефон, и вдруг ее осенило: Лемешонок, селектор... Туда! Но ведь там есть и машины: бульдозеры, скреперы. Согласятся ли только рабочие, после недавней стычки, прийти на помощь?

Вскоре Кундуз подскакала к знакомому вагончику. Увидев ее, Лемешонок вроде бы и не удивился. Однако от него не ускользнуло, как взволнована девушка.

— Что,— спросил он, едва Кундуз показалась на пороге,— еще дюжину шкур обнаружили?

— Хуже,— выдохнула Кундуз,— степь горит. Посмотрите. Даже отсюда уже видно.

Лемешонок выглянул, высунувшись в окно, и при свистнул.

— Аллаху спасибо, ветер гонит огонь от нас,— сказал он,— не то пришлось бы перекатывать горючку в низину и дизеля от вышки убирать.

— Да как вы можете! — воскликнула отчаянно Кундуз.— Вы представляете: сгорят травы, колючка. Чем стада питаться будут? И кроме того, огонь движется на запад, а там у нас загон. Пропадут животные, которых мы еле-еле выводили.

Лемешонок указал на аппарат:

— Пожалуйста, вызывайте Умарова, сами договаривайтесь с ним. С меня достаточно, что он по вашей милости уже снял с меня сегодня один раз стружку.

— Эх вы! — только и бросила ему Кундуз.

Она назвала нужный номер, но девушка-секретарь ответила, что Умаров будет лишь к вечеру: уехал на перевалочную за оборудованием.

С районным центром связи не было: где-то на линии произошел еще с вечера обрыв.

Кундуз безнадежно положила трубку на рычаг. Выглянула за дверь, и ей показалось, что дым застилает уже треть небосклона.

— Сафармурад! — крикнула она.— Скачи в селение. Я подожду. Может, удастся найти по селектору человека, который понимает, что такое государственный интерес. И не трусит.

Лемешонок проглотил это оскорбление молча. Он по-прежнему возился со схемами и логарифмической линейкой. Сидеть рядом с ним было не вмоготу. Кундуз вышла, проводила глазами ускакавшего Сафармурада. Потом поднялась на пригорок. Оттуда, ей казалось, можно будет увидеть, далеко ли еще огонь от загона.

Прошло с четверть часа. Она решила вернуться и попытаться позвонить снова Умарову и в район, и тут взревело сразу несколько моторов. Из-за вагончиков выползали бульдозеры. За ними показался скрепер, за рулем которого сидел тот самый электросварщик, что перебивал ее речь насмешливыми замечаниями. А в ка-

бине первого бульдозера Кундуз увидела самого Лемешонка. Он сосредоточенно ворочал рычагами и кивнул ей, когда проезжал мимо, притормозив на мгновение:

— Оставь коня, садись рядом. . .

Машины двигались уступом, оставляя за собой широкую полосу свежей голой земли. Запах гари доносился и сюда, едкий дым заставлял слезиться глаза, моторы надсадно выли, когда тяжелые бульдозеры взбирались по склонам, сдирая своими широкими ножами верхний слой грунта вместе с растительностью.

Они работали уже почти три часа, не давая себе ни минуты передышки, однако Кундуз не оставляло опасение, удастся ли охватить огромным полукольцом горящую зону, прежде чем огонь перекинется дальше в степь и, что тревожило более всего, — к загону. Она сидела с Лемешонком рядом в кабине, вглядываясь в даль, и вдруг радостно воскликнула, обращаясь к нему и стараясь перекричать гул машины:

— Смотрите! Сафармурад привел людей. Навстречу нам идут!

Отряд землекопов двигался точно навстречу им. Вскоре стали заметны лезвия кетменей, поблескивавших, когда люди вскидывали их над головами.

Работавшие вручную успели пройти небольшой, но очень важный участок трассы. Они встретились с механизаторами на четверть часа раньше, чем к полосе приблизился огонь. Колхозники, голые по пояс, потные, усталые донельзя, все же бегом кинулись к механизаторам, которые едва держались на затекших ногах.

— Вот так, наверное, встречались два наших фронта под Сталинградом, — произнес Лемешонк, улыбаясь и побряхтывая в объятиях гиганта кетменщика.

К месту встречи с холма проворно скатился вездеход. Не дожидаясь, пока он остановится, из кабины выпрыгнул невысокий круглолицый человек. Это и был сам грозный Умаров — начальник газопонсковой экспедиции.

— Ну, Кундуз, — шепнул ей на ухо Лемешонк, — выручайте.

Кундуз смело двинулась навстречу Умарову, на ходу готовя самые убедительные, впечатляющие фразы. Он

слушал ее рассеянно, смотрел на выгоревшую черную степь, на трассу, около которой гасло, словно ударяясь о стену, пламя.

— Я сама поеду в Нукус, позвоню в Ташкент, в министерство, объясню, почему сорвалась на буровой смена. Там поймут. Вы слышите меня, товарищ Умаров?

Он, однако, не отвечал.

— Товарищ Лемешонк поступил правильно, по-государственному. И вообще, мы, то-есть работники заводника, очень благодарны вам, буровикам. И даже акт о сайгаках я сейчас уничтожу, потому что верю: больше такого ваши не допустят. Вот смотрите, порву при вас.

— Зачем это? — наконец устало произнес Умаров. — Закон есть закон. А с планом мы, милая девушка, даст бог, как-нибудь справимся. Пошли, Николай, — позвал он Лемешонка. — И вы садитесь, если желаете. Время позднее. Поужинаем, отдохнем. День был трудный.

Кундуз поблагодарила, но от приглашения отказалась: пора было возвращаться в аул.

У самой околицы Сафармурад вдруг отстал.

— Ты что? — Кундуз оглянулась и различила среди зелени знакомое малиновое платье — Ойслув пришла за свежей водой к ручью. . .

Кундуз вздохнула, улыбнулась и, тронув поводья, пустила коня рысью.

ГЛАВА ПЯТАЯ

I

По старой доброй традиции после хашара — безвозмездного труда на общее благо — председатель колхоза Хидирбаев велел устроить для всех угощение. В обширном школьном саду собрались не только те, кто недавно орудовал кетменями в горячей степи, но и весь аул. Ярко пылали очаги, на траву под деревьями постелили нарядные скатерти, пионерский струнный оркестр наигрывал веселые мелодии.

В это же время по пыльной тропе, направляясь к аулу, трусил на ослике грузный всадник. То был неизвестный в этих краях Ходжи-ага, «закоренелый трутень», как называл его оперуполномоченный Глушков.

После того как на Куйруке были посажены деревья, дела «святого» пошли совсем уж на убыль. Правда, он пытался внушить верующим, которых вокруг него становилось все меньше и меньше, будто деревья хиреют и погибнут все до единого, ибо там, где по воле аллаха возникла пустыня, не должно быть лесов. Часть посадок и впрямь засохла, но виной тому было все-таки не божье проклятие, а упущения людей; директор лесхоза Таджитдин Султанов, чтобы выполнить план, разрешил рабочим собирать посадочный материал в усадьбах колхозников и даже на обочинах степных дорог. К тому же многие саженцы не уберегли от ранних заморозков, корни прихватило холодом, деревца погибли еще до того, как были посажены. Однако и на Куйруке, и на соседних участках сейчас, в летнюю пору, всю зеленела тут и там молодая поросль. Не только акации, тополя, но и яблони, и — что больше всего восхищало степняков и угнетало старого Ходжи-ага — даже орешины. Небольшую ореховую рощицу на холмах уже успели окрестить «садом Темирджана» — в честь молодого лесовода, которого Ходжи-ага возненавидел еще с первой встречи с ним на пиршестве у Матназара.

Неистребимый нюх на жареное мясо и нынче безошибочно вел Ходжи-ага к аулу, где готовилось угощение для колхозников. Прибыл он как раз вовремя. На скатерти только-только была поставлена горячая, как огонь, шурпа. Надо сказать, что за последнее время «святой» отощал изрядно. Конечно же было у него кое-что припасено на черный день, мог он позволить себе купить на базаре самой жирной баранины на плов, но жадность неизменно останавливала руку, едва тянулась она к кошельку. К тому же Ходжи-ага справедливо полагал, что наиболее тяжкая пора жизни еще не настала. Пока еще нет-нет да и звала его какая-нибудь древняя старушка помянуть супруга, умершего лет двадцать назад, а случалось, и молодой джигит приглашал на свадьбу, уступая родительскому настоянию.

Однако питаться надо было каждый день, и не просто утолять голод, а наслаждаться пищей — единственная страсть, которая уже давно владела старым Ходжи-ага. И, порядком истосковавшись по вкусным блюдам, он набросился на шурпу с жадностью вовсе уж необык-

новенной. А радушные хозяева тут же поставили около вторую миску. Он и ее опорожнил, пробормотал строку из благодарственной молитвы аллаху и принялся за баранью голову, которую ему предложили как старшему по возрасту. После этого Ходжи-ага несколько приустал, но, как на грех, именно тогда подали буламик, и он, уже со стонами, уписал все же целое блюдо этого вкуснейшего мучного кушанья.

Наконец Ходжи-ага отвалился от дастархана на подушки и, по своему обыкновению, задремал. Однако тут ноздри его уловили кислотоватый терпкий запах свежего кумыса. Он открыл глаза и увидел неподалеку бурдюк. Кумыс показался сгоравшему от жажды Ходжи-ага не столь уж холодным. Он выпил три касы подряд. И вскоре ощутил в животе страшную резь. Не в силах слова произнести, Ходжи-ага повалился на траву. К нему кинулись, начали трясти за плечи, пытались влить в рот горячий чай,— все было тщетно.

Подошел и Хидирбаев. Прежде он не заметил Ходжи-ага среди народа, собравшегося в саду. Со «святым» у председателя колхоза вражда была давняя, однако теперь ему стало жаль хрипящего старика с посиневшим лицом, и Хидирбаев упрекнул тех, кто некстати подал к дастархану холодный кумыс. Люди пожимали плечами, оправдывались тем, что все, мол, пили. Конечно, не в таком количестве, как Ходжи-ага, и не объевшись.

— Он же баранью голову умял,— вспомнил кто-то,— а она была сплошь залита курдючным салом.

Невесть откуда возникший козлобородый Джайикбай хлопотал над стонущим Ходжи-ага, потом начал читать над ним молитву, призывая аллаха немедля помочь страждущему святому угоднику.

Слабеющей рукой Ходжи-ага отстранял Джайикбая, а изо рта его вместе с хрипом вырывалось одно и то же слово, которое наконец разобрал Хидирбаев.

— Дохтура, дохтура! — хрипел Ходжи-ага.

Хидирбаев и без того уже велел подогнать машину, и вскоре «святого» увезли в районную больницу. Однако спасти от заворота кишок старика не удалось. Он скончался под утро, и, хоть был он в этих краях человеком весьма известным, не нашлось ни одного, кто произнес бы над его могилой прочувствованное слово. Только

Джайикбай да несколько духовных лиц, приглашенных им, пробормотали заученные слова древних молитв.

И все же, прежде чем уйти из жизни, свершил Ходжи-ага последнее свое земное дело — под стать тем, которые творил всегда. Направляясь в аул, заметил он нестареющими зоркими глазами молодую пару, притаившуюся в зарослях тала у ручья. Парня он не узнал, тот был явно нездешний, кареглазый с горбинкой на носу. А девушку вспомнил сразу же, едва перехватил пугливый, как у серны, взгляд больших влажных глаз. «Тешитса, подлая, с юнцом, а законный муж скитается где-то в степи, как зверь бесприютный!» И во всю силу легких рявкнул Ходжи-ага:

— Эге-гей, Ойслув! Забыла, негодница, про мужа своего, богом данного тебе. Гляди, вернется Матназар, огнем тебя очиститься заставит. Го-го-го!

Ойслув вскочила и исчезла, словно птица, испуганная коршуном. Юноша кинулся за ней, а Ходжи-ага, усмехнувшись, поехал на своем ослике дальше, навстречу манящим очажным дымкам и собственной неожиданной гибели.

II

Кундуз не сиделось в саду. Ей было грустно. Конечно же можно было объяснить это тревожностями нынешнего дня, но она-то знала, что тут причина иная. С той поры, как вернулся из Ташкента Темирджан, Кундуз предпринимала все, чтобы только не встретиться с ним. С ужасом и стыдом думала она, как объяснить ему свою наивную и глупую затею с подложными письмами от имени сестры. Не было сомнений, что в Ташкенте Темирджан виделся с Юлдуз и узнал, конечно, горькую правду о ее замужестве. Что думает теперь Темирджан о ней, о Кундуз? Кто она в его глазах? Дура, влюбленная до того, что совершает безрассудные поступки, — не иначе.

Думалось, конечно, и об отце. Поинтересовался ли он хотя бы, как живет его младшая на Барса-Кельмесе? Что бы там ни было, Кундуз любила отца и понимала, какую рану нанесла его душе, хотя поступить иначе не могла. Здесь многое переплелось: стремление занимать-

ся тем делом, которое приносило радость, в этом она не ошиблась, и — что от себя-то скрывать! — Темирджан, желание видеть его, пусть даже издали. А теперь вот по собственной вине она вынуждена избегать человека, который для нее дороже всех.

Едва Кундуз подумала о нем, Темирджан появился в саду. Он приехал на машине вместе с директором лесхоза Таджитдином Султановым, раздобывшим в столице модную замшевую куртку, и секретарем райкома Арслановым, которому и принадлежал газик. На Темирджане тоже был импортный костюм. Он казался в нем еще выше и стройней, был, кажется, весело настроен, о чем-то непринужденно говорил Арсланову, приподнимая густую бровь. Кундуз словно ветром сдуло. Последнее, что услышала, были слова Темирджана:

— Вы правы, Базарбай Арсланович. Нужно сажать ценные породы, на века. Такие, как эти карагачи.

И еще что-то — о саженцах клена, которые нужны на подгон для дубов.

Слово это, — очевидно, лесоводческий термин, Темирджан произнес его по-русски, — почему-то врезалось в память, и Кундуз все повторяла про себя: «Подгон, подгон, погонять. . . Прогонять. . .»

Она вбежала в свою комнату и заперла за собой дверь. Повалилась лицом вниз на атласную курпачу, которой была застелена постель. Долго лежала, не поднимая головы. Тело было налито усталостью, словно одеревенело, а мысли бились неустанно, и все — о нем.

Лишь за полночь забылась она тяжелым каменным сном. Поднялась рано и с тоской подумала, что вот опять некуда деть себя. В конторе никого, в степь одна не отправишься, а егеря спят, наверное, после вчерашнего трудного дня. Впрочем, Сафармурад, может, и не ложился вовсе. Дай бог ему счастья с Ойслув. Она хорошая, и он, видно, из современных джигитов, без матназаровской дикой дури в голове. Может, и простит он Ойслув ее невольное прегрешение. Добро бы так. . .

Да, всем счастье, всем, кроме нее. И высказать, что на душе у тебя, открыться некому. Разве что снова этой тетради?

Взгляд невольно задержался на старых записях. Они казались сейчас давними-давними и донельзя наив-

ными, будто не год с небольшим, а три десятка лет минуло с тех пор, как вывела ее рука эти строки:

«. . . Хочется, чтобы всем и всему вокруг было всегда хорошо: и людям, и птицам, и цветам. Но разве достижимо это? Может ли человек жить вечно, может ли соловей не страдать от осенней непогоды, может ли не осыпаться цвет? Но если есть единственно достойная цель, то именно такая — продлить общее счастье. Затем и приехала я сюда».

И поверх надписано позже, синим карандашом:

«Себя-то хоть не обманывай!»

Три страницы цифр. Это Арсланов заставил подсчитать, сколько понадобится сена для подкормки сайгаков, если зима выдаться холодной. Ночь напролет сидела над расчетами. Злилась на секретаря райкома: время еще есть, она в ту пору о другом хлопотала, о том, чтобы сторожевые вышки поставили у Кийикчашмы, куда животные приходят на водопой; с вышки сразу заметно, если браконьеры появятся, а так — разгляди их в кустах. . . О бескормице упомянула просто на всякий случай, а он, оказывается, намного дальше ее, охотоведа, заглядывал вперед. «Вышки вышками, — сказал, — а ты прикинь все-таки, дочка, сколько должны мы от рациона у домашнего скота оторвать, в случае чего. Надо заранее председателям колхозов разнарядку спустить, хотя они за это и меня, и тебя заодно так покроют, не слышали бы только твои ушки девичьи. . .»

Прав оказался, конечно, Арсланов. Зимой, когда она с замерзающим сайгачонком на руках — подобрала в степи — ворвалась в райком, секретарь позвонил в «Заготсено», и выяснилось, что фонд подкормочный имеется, вповоловину, правда, от того, что был предусмотрен постановлением райкома, но все-таки хоть что-то!

Соорудили примитивные загоны, завезли сено. Она все опасалась: не придут сюда боязливые степные животные. Пришли. Даже потом (вот уж — в опроверженные всего, что говорилось на лекциях в университете!), весной и летом, приходили к аулу.

Но записи обо всем этом — в особой книге, а тут:

«. . . Каким будет он, мой? Белолицым или смуглым? Чернобровым, голубоглазым? . . . О боже! . . . Зачем я лгу себе? Прекрасно знаю, какой он, тот, кто только и может стать единственным. Когда-то, дура, составила

едва ли не перечень требований, которые предъявлю своему будущему другу и спутнику. Теперь и не подумаю ни о каких запросах. Глупо, смешно. Взглянул бы он хоть раз на меня так, как смотрит на ее фотографию.

...До сих пор так и не известно Темиру, что Юлдуз вышла за Гайба. Томится неведением, страдает из-за того, что она не пишет, не отвечает даже на его телеграммы. Не могу видеть, как он изводит себя. Но как и чем помочь ему?

...Вот и суди: росли мы с Юлдуз вместе. Одна у нас мать, один отец, один и тот же дом. Казалось, и мыслим, и чувствуем одинаково. Как же не заметила она в Темире того, что увидела я с самой первой встречи, когда привел его отец, чтоб показать какие-то свои книги? Я же еще девчонкой была, в девятом классе, а поняла сердцем: если любить, то лишь такого, как он. А Юлдуз все сомневалась: может, Гайиб — лучше? Лицемер, лис! Пусть я слишком строга, потому что есть и в Гайбе, конечно, что-то хорошее, и его, наверное, можно любить. Но рядом с Темиром. . . Неужто Юлдуз была так слепа? Нет, наверное. Она тоже любила Темира. Но за любовь нужно бороться, а ей это не дано. Все, очевидно, мне досталось. Все, кроме его любви.

...И вновь перехватил меня в степи Матназар. Я пригрозила ему, что дело судом кончится, если он браконьерствовать не прекратит, а он захохотал в ответ по-дикому. «Я,— говорит,— не только на сайгаков охочусь. Мне и красавицы нужны. Я всех баб своих разгону, свободным снова стану. Выходи за меня. С тобой, клянусь, буду жить честно. Даже в комсомол запишусь. Вот увидишь. Гы-гы-гы!»

...Встретила Темирджана. Спрашиваю, почему не видно? «Работы,— говорит,— невпроворот. Саженцев не хватает. С техникой плохо».

Будто ни до чего иного дела ему нет. «Извините,— говорю,— не смею задерживать». А он: «Постой, Кундуз! — Помолчал и спрашивает: — Из дому ничего нет?» — «Ну как же,— говорю,— пишут мне, и подруги, и родные». — «Ага»,— говорит, а сам в лице даже переменялся. И все.

Домой пришла, корю себя. Почему не могу силы в себе найти, сказать ему, пусть забудет о Юлдуз. Нет ее!

Иному поет она свои песни. А тебя любит совсем другая. Любит так, что все отдать готова, был бы лишь ты счастлив.

..Совсем уж вздорная мысль пришла нынче мне в голову. Вспомнилось, что еще в школе учителя обратили внимание, как похож почерк у меня и у Юлдуз. И я подумала: а что, если написать Темиру очень сдержанное письмо от имени сестры? Постепенно подвести его к мысли о том, что она собирается выйти за другого. В конце концов, могла же она и сама написать об этом?

..Он получил письмо. Просто-таки проглотил его и побрел куда глаза глядят, опустив голову. И все потому, что в конце я не написала: «Целую много раз». А обратилась к нему в начале письма тоже сдержанно: «Далекий мой аральский друг!» Думала, прозвучит по-приятельски, тепло, а его это обращение словно подкосило. Юлдуз-то, наверное, обращалась к нему в своей манере — со всякими сладкими словами. Впрочем, и я, грешным делом, будь он мой, назвала бы его, наверное, не «аральским другом».

..Какой ужас! Вот теперь я запуталась по-настоящему. После первого письма мне стало жаль Темирджана еще больше, и я, дура, сочинила новое письмо, теплое, от любящей души. Он ожил, а я теперь в страхе, не за себя — за него. Каким ударом будет, когда он узнает обо всем!

..А он, этого следовало ожидать, пишет теперь едва ли не ежедневно. Мне рассказала об этом девушка на почте, смеясь. О таких вещах говорить не положено, но что возьмешь с глупышки, вчерашней школьницы, которая не попала в институт, а теперь зарабатывает себе трудовой стаж? Я ее отругала, сказала, что мне это вовсе не интересно, а едва вышла за дверь, чуть не заревела. Девчонка-то может и меня разоблачить! Я же, для того чтобы на конверте был ташкентский штемпель, посылаю свои письма в Ташкент подруге, а она возвращает их сюда в моем конверте, на котором моей рукой (значит, рукой Юлдуз!) написан адрес! Что, если эта «почтальонша», как ее называют здесь, уступит однажды своему любопытству?

..Сегодня ночью, проснувшись все с теми же мучи-

тельными мыслями, дала я себе слово рассказать ему обо всем. Утром пошла в контору лесхоза и увидела на двери замок. Сторож сказал, что Юлчиев улетел в Нукус, а оттуда в Ташкент. Директора Султанова тоже вызвали в столицу. Вид у меня был, наверное, такой потерянный, что старик даже испугался.

«Ты что, дочка, зарплату еще не успела получить? Так директор скоро вернется, подпишет тебе бумагу».

Я убежала, ничего ему не ответив. О боже! Если бы можно было проснуться и осознать, что все это — лишь дурной сон. . .»

Кундуз накрыла тетрадь руками, положила на ших голую. Так и уснула. А вскочила, испуганно вздрогнув, когда услышала стук в оконное стекло. Ей показалось, что она все еще спит или грезит наяву. За окном стоял Темирджан.

Он тоже, едва вошел в сад, заметил Кундуз, но не мог подойти к ней сразу, потому что был занят разговором с секретарем райкома и оборвать его на полуслове, да еще по такому поводу — кинуться к девушке, не решился. А потом Кундуз исчезла. Он все ждал, что она появится, пока не догадался, что она убежала к себе. И потому решил зайти к ней сам.

Кундуз задернула занавеску, кинулась к зеркалу, наспех привела в порядок прическу, подошла к двери и замерла, не решаясь переступить порог. Она чувствовала, что щеки ее пылают огнем. Темирджан осторожно постучал снова.

— Сейчас! — откликнулась сдавленно Кундуз, по-прежнему не шелохнувшись.

Тогда он, услышав ее голос, потянул дверь на себя, и Кундуз, сама не понимая, как это случилось, упала ему на грудь.

— Мне так стыдно, так стыдно, Темир-ака, — повторяла она, не смея поднять глаза. — Простите меня! Ради бога. . .

Он погладил ее по голове, как гладят ребенка, которого хотят утешить.

— Да что ты, девочка? Я не сержусь вовсе. И не сердился. Разве можно — на тебя?.. Золотая душа ты.

Старуха хозяйка, ворча, что корова до сих пор не

доена, направилась через двор к хлеву. Кундуз отпрянула от Темирджана.

— Пройдемся немного? — спросил он, желая рассеять минутную неловкость.

— Ага! — обрадованно откликнулась Кундуз. — Я только дверь запру.

— А Ойслув нет дома?

— Она у своих заночевала, — на мгновение смешавшись, ответила Кундуз.

Они шли по знакомой тропинке к Кийикчашме. Кундуз хотелось расспросить о своих, но она понимала, что и о Юлдуз, и о профессоре Джамалове Темирджану говорить не так-то просто.

— Вы успешно съездили? Как ваши дела? — спросила Кундуз, потому что Темирджан молчал.

Он оживился. Начал рассказывать, что разрешили наконец им создать собственный лесопитомник на Барса-Кельмесе. О том, что уже выделены средства и даже техника скоро начнет поступать. И штаты увеличили. Теперь у них будет две собственные бригады механизаторов. Это же огромное дело! Не надо будет кланяться председателям колхозов, умолять, чтоб дали людей. А самое главное — в Нукусе под началом Айши Арслановой создан филиал лаборатории по изучению действия радиации на генетический код, первую партию семян уже успели высадить на своем собственном опытном участке.

— Пойми, Кундуз, — все больше вдохновляясь, говорит Темирджан, — мы не имеем права механически продолжать то, чем занимались наши предки, разводя сады, — то есть только расширять и расширять площади. Ученые обязаны улучшать каждый вид. Ты знаешь, что отец мой всю жизнь посвятил одному-единственному дереву — ореховому. Он открыл свой способ проращивания семян. Это, как ты понимаешь, наверное, самый ответственный процесс. Он длится сто с лишним дней. Садоводы это знали, разумеется, и прежде, но ни одному из них не удавалось сохранить у сеянцев полезные свойства материнского сорта. Их приходилось окулировывать, приживлять «глазок» — значит почку культурного сорта. Из этого побега потом и образовывалась крона. То есть повторялось то самое дерево, которое росло сто и даже тысячу лет назад. И тут прав один ученый (у

Темирджана едва не вырвалось — «профессор Джама-лов»), который заявляет, что, не обновляясь, каждый вид деградирует. Но заслуга моего отца — и это все оценили — именно в том, что обработанные по его методике семена сохраняли ценные наследственные признаки. Сеянцы не только не нуждались в прививках, но, наоборот, это только вредило бы им, портило бы деревья, а не облагораживало их. Улавливаешь суть?

Кундуз кивнула. Она слушала внимательно, хотя, что греха таить, хотелось ей сейчас совсем-совсем иных слов, которых Темирджан избегал. Потому-то так обрадованно ухватился он за спасательный круг, который она сама же и протянула, когда задала ему не блещущий новизной вопрос: как, мол, дела?

— Оба мы с тобой, Кундуз, в широком смысле — биологи. Тебе, конечно, понятно, как велика роль мутаций, как важно сохранить благоприятную наследственность, возникающую у той или иной особи. Так вот, отец своими способами добивался повышения биологической активности семян. Выращенные им деревья имели до десятка признаков мутации, в том числе — морозоустойчивость, иначе не уцелели бы прошлой зимой те деревца на холмах.

«Где вы едва не погибли», — хотелось сказать Кундуз, но она и слова вставить не могла. Темирджан сел на любимого конька.

— А теперь у нас есть такое средство воздействия на генетический код, как облучение! Айша Арсланова занимается этим уже несколько лет. Теперь она работает на нас. Ты увидишь, мы создадим на Барса-Кельмесе не просто лесонасаждения, а дивные сады!

Она понимала, почему он говорит с несколько неестественной приподнятостью. Ему и на этот раз хотелось во что бы то ни стало уйти от главного — от объяснения. Но в то же время что-то уже изменилось в его отношении к ней. Что-то, заставившее сладко замереть сердце. Прежде он не пришел бы к ней сам, просто вот так, как нынче, без всякого дела.

Он говорил, говорил, но она уже не воспринимала слов, слышала лишь звучание дорогого голоса. И того было достаточно.

— Ты о чем-то другом думаешь, Кундуз,— вдруг оборвал себя Темирджан.

Она смешалась и, чтоб не выдать себя, неожиданно спросила:

— Вы папу видели, конечно. Как он там?

Темирджан ответил не сразу. Мгновенно вспомнилось обрюзгшее багровое лицо Джамалова, его шатающаяся походка, когда он, поддерживаемый участливыми коллегами, побрел к двери директорского кабинета. Утром, правда, Таджитдин говорил, что профессор оправился и даже отказался от академического стационара, куда ему предложили лечь. Но как сказать об этом его дочери?

— Когда люди перешагивают за шестьдесят, они редко могут похвалиться здоровьем. Вот и моя матушка...

— Что с ним? — встревоженно спросила Кундуз.— Не скрывайте, прошу вас!

Темирджан мялся, не находил слов, и это еще больше усилило ее тревогу. Она резко повернулась и пошла обратно к селению, повторяя на ходу что-то похожее на молитву, где слышалось:

— Так и знала... Я во всем виновата... Я одна... А теперь...

— Да не тревожься ты так, Кундуз,— пытался успокоить ее Темирджан.— Жив и здоров Ильдам Джамалович. Ну приболел немного. С кем не бывает? Что ты собираешься делать? — спросил он обеспокоенно, потому что она почти бежала.

— Поеду в район. Позвоню ему. Раньше надо было сделать это. Раньше...

— Погоди,— остановил ее Темирджан,— куда ты мчишься? Зайдем к Хидирбаеву. От него тоже можно Ташкент вызвать. А не получится, я отвезу тебя в район на машине. У нас теперь в лесхозе своя.

Он и не помышлял, что можно, оказывается, так любить профессора Джамалова. Теперь понял: не профессора — отца.

III

Почувствовав недомогание, Ильдам Джамалович, по давнему правилу своему, решил отправиться на курорт. Намечалась отличная путевка в Карловы Вары. И по-

лезно, и интересно, и престижно, но врач, единственный, которому он доверял безоговорочно, категорически запретил выезжать за пределы Средней Азии. В то же время сказал, что неплохо бы профессору провести месяц около равнинного моря, подышать чистым воздухом. Джамалов, услышав это, взглянул на давнего знакомого врача даже с известным подозрением: а не вступил ли эскулап в сговор кое с кем, потому что условие его можно было выполнить, лишь отправившись на Арал. Там и впрямь на песчаном побережье у теплого моря климат был на редкость целителен, Джамалов слышал об этом не раз. Но там была и Кундуз. Приехать на Арал и не повидаться с ней было бы превыше отцовских сил.

Не раз в горькие минуты, а они в последнее время случались все чаще, вспоминал он с тоской о своей младшей. Да, своевольна, строптива, непочтительна. Да, сдержанная предельно в проявлении дочерних чувств. Не чета Юлдуз, которая ластится, особенно если ей что-то понадобилось — от отцовского влияния или отцовских щедрот. Да, ослушалась, вызываясь повела себя. «Я взрослый человек и вправе распоряжаться собою сама. Еду на Барса-Кельмес. И прошу вас, отец, на этот раз и впрямь воздержаться от комментариев». Ну как, скажите, можно было ответить на эту дерзость иначе? «На все четыре стороны!» — прокричал, багровея от гнева, Ильдам Джамалович. Он спасал достоинство отца, а в результате — страдал непрерывно: как она одна, неприспособленная к самостоятельной жизни, да еще где, на Барса-Кельмесе! От одного названия зловещего холодеет сердце, если не вытравишь из него остатную частицу любви к своему, родному. А вытравить не удавалось. Может, отсюда и стенокардия, и неожиданный приступ в самый неподходящий момент, на заседании ученого совета, на виду у недоброжелателей.

Да только ли Кундуз? Старшая терзала отца по своему.

Спальню ей и Гайибу профессор из деликатности отвел в самой глубине своего обширного дома, подальше от кабинета, где он ночевал сам, но все же в тихие ночные часы доносились до его слуха, хотел не хотел, возмущенные выкрики Гайиба, разъяренного непроходя-

шей холодностью молодой жены. Днем-то, при тесте, Гайиб держался молодцом. Неизменно почтительный взгляд на Ильдама Джамаловича, влюбленный — на Юлдуз, благодарный — на Воттихон, налившую ему чаю. Но есть ситуации, когда никакая выдержка не поможет, когда человек, оскорбленный равнодушным женщиной, теряет себя.

Беседовать с дочерью на эту сверхделикатную тему профессор, разумеется, не мог, но он понимал: надо предпринимать что-то как можно быстрее, потому что однажды, проезжая по городу в машине, увидел Гайиба с пухленькой официанткой из институтской столовой (она как-то приносила Ильдаму Джамаловичу обед в кабинет, он только запаматовал, Гуля она или Лейла, но какое это имело значение?). Гайиб и официантка, смущенная, правда, входили в подъезд аспирантского общежития. «Одолжил у кого-то ключ на часок, а дома — жена молодая. Подлец!»

Первым побуждением Джамалова было ворваться в комнату вслед за зятем и застать его с поличным. Но, как всегда, возобладала трезвость: а что дальше? Разрыв с Гайибом? Юлдуз — разведенка? Добро еще — не мать-одиночка. А если она ждет? . .

Профессор вернулся домой и, не дав себе остынуть, пригласил дочь в кабинет. Интуиция подсказала Юлдуз, какой темы коснется отец, и она сразу замкнулась, а Ильдам Джамалович, всегда славящийся красноречием, на сей раз мямлил что-то невразумительное, боясь смотреть дочери прямо в глаза.

Юлдуз выручила его.

— Я не люблю Гайиба,— произнесла она спокойно, и лицо ее при этом оставалось каменным.— Я никогда и не любила его. Вам, отец, это известно.

— Но долг! — возопил Ильдам Джамалович.— Ты — жена ему, и у тебя существуют теперь определенные обязанности. И только!

Юлдуз вспыхнула. Она поднялась, выпрямилась. Перед Ильдамом Джамаловичем стояла гордая, исполненная собственного достоинства женщина. Как непохожа была она на всегдашнюю ласковую дочку, робешую при звуке его шагов!

— У Кундуз, когда она училась на зоофаке, встреча-

лось одно слово в учебнике, она его всегда стеснялась произнести на экзаменах: «Припускать!» Но там-то речь шла о животных, а я — человек. Вы забыли об этом?

Ильдам Джамалович страшно смутился, обмяк. Никак не ждал он, что Юлдуз посмеет вот так отвечать мужчине, отцу. Забормотал нечто невнятное, опять о том, что матери у них, увы, нет, все ложится на его бедные плечи, однако преодолел неловкость. Надо было договорить, другого случая не представится.

— А что, если Гайиб изменять тебе начнет? — спросил он, надеясь, что Юлдуз оскорбится даже предположением таким. Козырь с этой самой Гулей или Лейлой белокурой он оставил про запас.

Юлдуз всего лишь усмехнулась горько.

— Это единственное, что остается нам, — ответила она, — и мне, и ему, — она посмотрела прямо в испуганные глаза Джамалова. — Нет у нас с ним семьи, отец. Нет и быть не могло.

«Тогда зачем же?..» — едва не спросил Ильдам Джамалович, но вовремя спохватился.

Он поник в своем кресле, обхватив голову руками.

— Я пойду, отец, — тихо произнесла Юлдуз, — мне еще надо разобрать до утра клавир. Выручаю одного аспиранта: оркестру его симфонию разучить не дали, а сыграть для комиссии надо. — Она умышленно заговорила о другом, но Джамалов не принял компромисса. Он только кивнул, не отрывая от лица ладоней, и она вышла.

Он думал, она пойдет в гостиную, к пианно, но какое-то время спустя из глубины дома донеслись сдавленные стоны. Юлдуз пыталась побороть рыдания.

Злость обратилась на Гайиба. Обманул! Обманул надежды, которые Джамалов возлагал на него. Провалились полевые опыты с сортом «ГС», и он сразу — лапки кверху. Забыл, что последняя ступень неудачи — первая ступень успеха. Нет, сдался, умолил: «Ильдам Джамалович! Подумаем о другой теме. Пожалуйста.. А то годы уходят, а я по-прежнему без степени. Когда же я успею?»

А ведь зря бросил тему. Ему бы докопаться все-таки, почему дикий хлопчатник вилту не подвержен? Пусть

даже не госсипол, но что-то же, в конце концов, определяет столь бесценное свойство «дикаря»? Вот на что наталкивал он Гайиба. Но тот ни в какую: «Давайте подготовим «проходимую» диссертацию. Больше невозможно ждать!..»

Пришлось отдать все материалы по госсиполу другому аспиранту, и тот (Джамалов направил его по этому новому пути и не ошибся, нет!) докопался-таки до молекулярной основы взаимодействия госсипола с редкими землями, которые из грунта попадают в организм хлопчатника. Вот где, наверное, ключ к загадке! Для сорта «ГС» нужны определенные грунты. Надо под него почву готовить особо! Может быть, достаточно вносить вместе с удобрениями окись редких элементов?..

Конечно, до подлинного решения еще далеко, но путь к нему найден верный. Жаль только, что у него нет ни времени, ни сил, чтобы довести эту работу самому до конца — до победы. Здесь и нужен был бы Гайиб с его бычьим здоровьем, с его молодостью. Так нет! В кусты полез. И он, руководитель, ошибся в парне с самого начала. Проглядел, что Гайиб — не борец, хотя с виду могуч и напорист, дай бог каждому. Но все это, оказывается, лишь в быту, в мелкой возне вокруг должностей, доходов, благ сиюминутных. Бойцом на поверку, как ни верти, оказался Темирджан Юлчиев, а в него-то профессор никогда и не верил. Романтиком беспочвенным представлялся Темир, когда речь шла о науке, и хлюпиком, размазней — в обиходе. А ведь он не просто зубы показал, когда восстал против полевых экспериментов с сортом «ГС». Он характер проявил — настоящий, достойный ученого и мужчины.

Теперь-то Ильдам Джамалович это понял, а в ту пору, когда прочитал в газете убийственную для него статью, об одном лишь думал: как отхлестать сопляка побольнее. И наказал. Было дело, торжествовал даже: пусть, пусть помаяется младший Юлчиев у шайтана на задворках, на Барса-Кельмесе. Понесло его туда, дурня, вслед за идеями сумасбродного папаша Юлчиева — и на здоровье! Сам себя счастья лишил. Мог бы спокойно работать в лаборатории Джамалова, расти, — голова-то у него светлая, этого не отнимешь, — мог бы (тут Ильдам Джамалович подступал к самому больному и даже в своих внутренних монологах переходил на невнятную

скороговорку) и в дом к ним приходит как добрый друг, скажем так для начала...

Мысли, подобные этим, посещали его все чаще, а вместе с этим росло раздражение против Гайиба, все натянутей становились отношения с зятем. Тот после визита Темирджана в Ташкент вздумал еще и ревновать Юлдуз к ее бывшему приятелю. Были ли у зятя какие-то основания, Ильдам Джамалович, разумеется, не знал, однако он понял, что Гайиб добивается от Юлдуз какого-то признания и приходит в ярость из-за того, что она молчит, не говорит ни «да», ни «нет».

Ссоры у молодых случались едва ли не ежедневно. Напряженному до предела Ильдаму Джамаловичу порой мнилось, будто Гайиб даже руку решился поднять на Юлдуз. Этого еще не доставало! В профессорском доме вспоминать о правах, предоставленных мужу шариатом...

Он попытался и Гайиба вызвать на откровенность. Был намерен поговорить с ним даже о том, что негоже, мол, зятю профессора Джамалова заводить интрижки в собственной среде, да еще с кем — с Лейлой этой или Гулей! Суть же не в том, что она — официантка. Профессия не хуже и не лучше других. Женщина эта — профессор уже навел справки — где только не работала. И к суду привлекалась за растрату, и дети у нее — от разных отцов, девочка беленькая, а мальчик смуглый. А мужа не было в помине и нет.

Конечно же, что греха таить, Ильдам Джамалович не прожил все эти долгие годы аскетом, однако никому на свете, не говоря уже о дочерях, никогда ничего не было известно о его подругах. Но пока была жива жена, даже в ту пору, когда она болела подолгу, он ничего такого себе не позволял.

Впрочем, об этом говорить зятю не следует. Надо всего лишь потребовать определенного ответа: намерен он наладить жизнь с его дочерью или нет? Не дело, когда она, что ни утро, выходит к завтраку с опухшими глазами, а сам Гайиб мрачен, как туча осенняя.

С этого и начал Ильдам Джамалович трудный разговор с зятем и вскоре умолк, потому что и Гайиб замкнулся, сказал, что при всем уважении к человеку, которого считает своим вторым отцом, обсуждать с ним

свои отношения с Юлдуз не намерен. «Есть темы закрытые, Ильдам Джамалович,— сказал, отводя глаза, Гайиб.— Вот эта — именно такая».

Все же какое-то впечатление эти разговоры произвели. Дом стал тих, как кладбище. Юлдуз даже за пианино не садилась в те часы, когда отец был дома. И с каждым днем дышать становилось трудней. Врач назначал лечение, требовал, чтобы профессор немедленно бросил все дела и уехал на отдых. Он называл заболевание Ильдама Джамаловича мудреным и длинным латинским словом. Говорил, что вызвано оно систематическим переутомлением. Но лишь один Ильдам Джамалович знал, почему ему не хватает дыхания. . .

В тот день ему было особенно худо. Лежал на тахте, отвернувшись к стене, украшенной ковром. Никогда еще не чувствовал он так остро своего одиночества. Когда долго зазвонил телефон, не встал. Не хотелось ни с кем разговаривать. Лениво думал под непрерывные звонки, доносившиеся из гостиной, что Воттихон, наверное, уже вернулась с рынка и сейчас возьмет трубку. Как отвечать всем без исключения, ей известно: «Профессор уехал на лечение в амбулаторию». Неважно, что она вместо «профессор» скажет «пропусксор», а слово «амбулатория» вообще произнести не сумеет. Главное поймут: Джамалов ни с кем общаться не желает.

Однако междугородная была настойчива, а Вотти, видно, застряла где-то в очередях. Чертыхаясь, Ильдам Джамалович сполз с тахты, добрал до телефона, буркнул:

— Слушаю.

Телефонистка попросила, чтобы он ответил какому-то населенному пункту, название которого Ильдам Джамалович слышал впервые: что-то напоминающее Караузьяк.

«Кому я там понадобился? — раздраженно думал Джамалов.— Не иначе — какой-то настырный соискатель, будь он неладен. Умереть спокойно не дадут. Ко всему еще — женщина. . .»

Он не сразу понял, что это — Кундуз.

— Папочка,— кричала она,— я волнуюсь из-за тебя, из-за твоей болезни! Как ты чувствуешь себя сейчас? Папочка!

И Джамалов вдруг тоже закричал, чего с ним отродясь не случалось, когда он разговаривал по телефону:
— Все хорошо, Кундуз! Все в порядке. Ты слышишь меня, дочка?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

I

Темирджан не ошибся: самой природой был создан Куйрук для садов и виноградников. В отцовской работе он встретил ссылку на одного английского опытного, который вынужден был (земель, как всегда, не доставало) подготовить поле на побережье моря, смешав бесплодную почву с большим количеством рыбьего перегноя. Урожай на этом поле созревали отменные.

На Куйруке ту же работу проделала сама природа. Суть была в том, что когда-то Арал подступал к самому Куйруку, но затем уровень моря снизился. В течение многих и многих лет на Куйруке скапливалась погибшая рыба, порой — целые скопища, выброшенные волнами во время бурь. Образовалась плодородная, к тому же песчаная почва. Последнее обстоятельство было крайне важно: песок сохраняет в себе влагу даже в самую жаркую пору.

В первый же год саженцы достигли своими корнями водоносных слоев и, следовательно, не нуждались в поливах. Одно тревожило: не повторились бы прошлогодние ошибки, и Темирджан, что называется, дневал и ночевал на Куйруке. Сам следил за тем, как подготавливаются участки для осенних посадок, как обрабатываются виноградники; корни удалось уберечь зимой от морозов, и теперь лозы с каждым днем поднимались все выше, образуя длинные шпалеры.

В виноградниках трудились женщины. Темирджан сам удивлялся тому, что многих он уже хорошо знает, хотя всего лишь второй год в этих краях. Он радовался встречам с ними. Вон Айсара. Рукава цветастого платья высоко закатаны, на черных волосах красная косынка. Быстро мелькает кетмень в ее руках, хотя заметно, что Айсара устала: платье на спине потемнело от пота,

однако она идет впереди всех, ведет за собой свое звено. Лицо спокойно, задумчиво, но без того выражения тревоги, которое ни на миг не покидало его в недавнем прошлом. Вот, оказывается, как лечит работа — даже от несчастной любви, от незаслуженных обид.

— Не уставать вам, Айсара!

Она вздрогнула, услышав за спиной мужской голос. Обернувшись, ответила, опустив глаза:

— Добрый день! Спасибо вам!

— Как работаете?

— Стараемся, но надо бы еще и культиватор пустить. Попросили бы лошадь у Хидирбаева.

— Учту. Ребенок ваш как?

Она остановилась, ответила тихо, чтоб другие не слышали:

— Мама ее сперва взяла моя. А я забрала все-таки. Устроила в детсад колхозный. Далеко бегать за ней приходится, зато не услышит никогда попреков: безотцовщина, мол. . .

Она умолкла, но Темирджан чувствовал, хочется ей еще о чем-то спросить. О Матназаре, конечно. Жив ли он?

Нет, неистребима любовь и все, все прощает. Вот так же и у него. . .

Работницу, которая приближалась к ним, ловко орудуя кетменем, Темирджан тоже узнал сразу. Супруга Унгарбая, сварливая женщина, которая накинулась на него, когда он в самые первые месяцы после приезда, заблудившись, попал в аул Унгулок и постучался к ним в усадьбу. Помнится, грозилась забрать детей и уйти от мужа, если он подастся на лесопосадки, а сейчас, гляди, сама трудится здесь. Значит, потихоньку, не сразу, но побеждаем все-таки мы, а не косность, не Ходжи-ага покойный, не устон одряхлевшие.

— Где живете? — спросил ее приветливо Темирджан.

— В доме лесхозовском, — ответила, не глядя на него, женщина. — Корову под навесом держим. Я Унгарбая-ага сказала: к зиме хлева не будет, возьму детишек и уйду в аул, к матери. Пусть даже здесь с кормами для скота получше и в школу ребятшек на автобусе возят. Все равно. . .

Но Темирджан был уверен: эта семья лесхоз не покинет.

Справа донесся грохот. Двое парней устанавливали на новых лесопосадочных машинах металлические бочки с воронками вместо днища — приспособление, изобретенное Темирджаном для того, чтобы одновременно с посадкой вносить в почву смесь из органических и химических удобрений. Парни были только что с курсов механизации, неопытны, к тому же с лесопосадочной техникой столкнулись они впервые. Даже отсюда было заметно, что на первом агрегате бочки установлены с явным перекосом: удобрения пойдут сорнякам, а не саженцам. Стараясь сдержать раздражение, Темирджан направился к парням. По пути не мог все же не взглянуть на ровненькие ряды сеянцев, которые успели подняться, хотя семена были положены в почву с опозданием. Аппаратуру в лаборатории у Айши монтировали сами сотрудники, но для окончательной наладки пришлось все же вызывать специалиста из центра. Время было упущено, и все-таки облученные по методу Айши Арслановой семена, кажется, и впрямь проявляли свои удивительные свойства: сеянцы уже выбросили крепкие, под стать двухлетним деревьям, листочки.

Темирджан не удержался, сорвал листок, растер в пальцах и с удовольствием вдохнул аромат орехового масла.

Объяснение с начинающими механизаторами происходило по элементарной схеме: парни наблюдали, опустив руки, а Темирджан ворочал бочки, пока не крикнул в сердцах:

— Да вы бы хоть ключи взяли, помогли стяжки закрепить!

Они торопливо ухватили инструменты, начали завинчивать гайки, мешая друг другу.

Темирджан только рукой махнул и пошел к дороге, потому что заметил подкатившую к навесу директорскую машину. Таджитдин сидел за рулем сам. Не из показной демократичности, а попросту из-за того, что газик лесхозу выделили, а шофера в штат не включили. Водил, когда надо было, эту машину и Темирджан. Оба они относились к газнику ревниво, подозревая друг друга в недостаточно умелом обращении с ним. Теперь вот Темирджану тоже показалось, что Таджитдин затормо-

зил слишком резко. «Сотрет прокладки, а потом ищи новые. В «Сельхозтехнике» ведь снега среди зимы не выпросишь...»

Таджитдин, однако, был настроен по-доброму — в ответ на упрек только прижал пальцы к груди.

Кажется, в Ташкенте с помощью Сергея Петровича Бондаренко между директором лесхоза и его главным лесоводом соглашение было найдено: Темирджан уступил в той части своего проекта, где речь шла о полном отказе от расширения старых посадок и колхозных садов (а это имело решающее значение для успешного выполнения годового плана); Таджитдин признал, что на некоторых участках дерева прошлой зимой погибли и по его вине: позволил рабочим закапывать вперемежку с элитными саженцами местные, уже прихваченные заморозками, к тому же — вырытые из земли небрежно, с поврежденной корневой системой. Понадеялся на мягкую зиму, на подкормки. Но более всего обрадовало Таджитдина, что его лесхоз был переведен в ранг производственно-опытного. Непосвященный мог и не увидеть в этом ничего особенного, но директор-то прекрасно понимал, что некоторые участки будут объявлены экспериментальными, значит, не придется столь строго отвечать за сроки выполнения работ, за ближайшние результаты, поскольку все это уже относится не к государственному заданию, а к науке. Правда, и на дирекцию возлагалась обязанность — всячески содействовать успешному осуществлению экспериментов, появились новые заботы, но Таджитдин, кстати, и сам был не чужд научных увлечений.

Прежде у начальства, того, что стояло повыше Сергея Петровича Бондаренко, была идея — направить в лесхоз одного пожилого научного сотрудника, который по каким-то личным причинам, скорее всего семейного свойства, хотел уехать подальше от Ташкента. Сперва это даже польстило Таджитдину: у научного сотрудника была степень кандидата наук и вообще был он человеком солидным, умеющим веско и к месту произнести нужное слово. В то же время и к своему молодому директору, как можно было легко понять во время первой беседы-представления, хотя не было сказано еще ничего даже о возможности будущей совместной работы, намерен он был относиться с необходимой почтитель-

ностью. Да и дело свое тоже, судя по всему, знал неплохо.

— А Юлчиев? — сразу спросил Таджитдин у Бондаренко, едва за представительным кандидатом закрылась дверь кабинета.

Бондаренко ответил не сразу. Долго мял в пальцах сигарету, прежде чем закурить.

— Для такой должности требуется человек со степенью, — ответил он, пожав плечами. — Другого могут и не утвердить. Но у Юлчиева есть отличная возможность защититься. Парень талантливый. Походя, как говорится, родил идею об освоении адыров. Ему бы с годик посидеть над оформлением — и все.

— Но для этого Темирджану придется уйти от нас? — произнес Таджитдин, сам не понимая, почему голос у него дрогнул.

— Я думал и об этом, — откликнулся Бондаренко. — Полагаю, что он сможет бывать у вас наездами. Оставим за ним его ореховые деревья и эксперимент с облученными семенами.

Выражение лица у Таджитдина было растерянно задумчивое.

— Вы же, кажется, не особенно ладите с Юлчиевым? — заметил Бондаренко.

— Нет, — решительно возразил Таджитдин, энергично мотнув головой, — ничего похожего на это. Мы, конечно, иногда расходимся с ним во взглядах. Я, например, считал, что нельзя так резко ломать старый проект, а главное — развертывать работы, пока новые схемы не утверждены. На свой страх и риск, как говорится.

— Почему же только — на свой? — возразил Бондаренко. — Насколько нам известно, местное руководство поддержало именно предложения Юлчиева, да и мы, как вы успели, наверное, заметить, не вызвали вас нынче на ковер, хотя годовой план вы сорвали.

— А если сорвем снова?

Бондаренко засмеялся, погрозил пальцем:

— Хотите, чтоб подстраховали мы вас? Хитер! Нет уж, друг: решение мы провели очень для вас хорошее. Саженцами обеспечим, научную базу создадим, но вы нам прошлогодние потери восполните. Это — лес. Его в безвозвратные убытки не списывают.

— Я понимаю,— сказал Таджитдин, чувствуя, что беседа завершается.— Так как же все-таки с Юлчиевым? — спросил он.— Я полагал, он тоже останется у нас, главным лесоводом, как прежде.— Таджитдин мялся: — Может, спросим у него самого? Он не из тех, кто слишком мнит о себе. Не обидится, что научный руководитель — не он. Главное для него все-таки — дело.

— Как-как? — переспросил, прищурившись, Бондаренко.— Повторите.

— Ну, говорю,— с некоторым трудом произнес Таджитдин,— леса... если поднимутся у нас, на Куйруке, а потом на всем Барса-Кельмесе, Темирджану вроде бы и не надо больше ничего.

— А этот, кандидат? Ему что надо?

Таджитдин развел руками:

— Откуда мне знать?

— То-то! Значит, наверное, будем все-таки отстаивать всеми силами Юлчиева. Но с аспирантурой, чтобы знал, я его в покое не оставлю: пусть оформляется хоть в заочную...

Такой произошел тогда разговор, и Темирджан вернулся в лесхоз исполняющим обязанности научного руководителя. Таджитдин решил, что так оно и останется навсегда, но сегодня приехал из района председатель местного колхоза Хидирбаев и рассказал, что в поселке появился какой-то важный товарищ из Ташкента, по годам — уже пенсионер, но, видно, должность у него немалая, судя по тому, как все всполошились, и спрашивал этот человек о Юлчиеве — где этот Барса-Кельмес, на котором он леса свои разводит, как проехать туда и далеко ли оттуда до заповедника Сувдош? Хидирбаев слышал все это, потому что дверь в кабинет Арсланова была приоткрыта. Он хотел было предложить свои услуги, доведу, мол, вас на своем колхозном грузовике, но постеснялся: уж больно солидный человек, чтобы его в кабину с шофером сажать.

Странное дело, но, гадая, кто бы это мог приехать, Таджитдин подумал прежде всего о Назирджане Набиджанове. Он знал, что Набиджанов давно приглядывается к Юлчиеву, а теперь вот решил, видно, оказать, как говорится, личное воздействие, забрать Темирджана с собой в Ташкент, в аспирантуру.

Сам не зная почему, директор кинулся разыскивать Темирджана. Вспоминал по пути, что еще не так давно изобретал всевозможные способы, как избавиться по-красивей от беспокойного и, как казалось тогда, сумасбродного своего лесовода. Корил себя в ту пору, а особенно зимой, когда половина участков вымерзла, зачем пригласил его сюда. Даже совсем еще недавно, в Ташкенте, на совещании, когда неясно было, куда все повернется, злился на Темирджана: ошибки признавать надо в таких случаях, в грудь себя бить, каяться, а он опять свое гнет! И снова по милости его мне же шею намылят. Добро бы, хоть этим кончилось. . .

Но кончилось, вопреки ожиданиям, все вполне благополучно, и впервые после студенческих лет Таджитдин посмотрел на Юлчиева по-новому, признавая его превосходство: не отступил, не побоялся, что головой рискует, глядишь, еще и победим мы вместе с ним. . .

Да, но почему Набиджанов? А-а. . . Тогда на совещании он заметил как бы вообще, но несомненно адресуясь к Юлчиеву: «Время самоучек давно минуло. Для того чтобы ученый, даже одаренный большими способностями, сформировался по-настоящему, требуется среда и школа. Никакой Барса-Кельмес ее не заменит. Хотя,— тут Назирджан Набиджанович кивнул на Темирджана,— пройти вначале такой университет никому не вредно».

А в университете обучаются не вечно. . .

И невдомек было молодому директору лесхоза Таджитдину Султанову, что прибыл на Барса-Кельмес вовсе не Набиджанов.

II

Судьба, пути которой и впрямь неисповедимы, хотел или не хотел того Ильдам Джамалович, связывала его с краем, до которого от уютного ташкентского особняка, казалось, так же далеко, как до луны.

Незадолго до того, когда позвонила Кундуз, к Джамалову обратился Сергей Петрович Бондаренко. Сказал, что на коллегии надо утвердить Темирджана Юлчиева руководителем научных работ в лесхозе, а для этого требуется характеристика с прежнего места рабо-

ты; пустая формальность, однако без нее никак не обойтись.

Характеристику должен был составить и подписать не кто иной, как Гайиб. Именно он был непосредственным руководителем Темирджана. В его группе тот занимался сортом «ГС».

Гайиб с утра был дома, но пребывал в дурном расположении духа; профессор догадывался об этом по неуловимым признакам, хотя бы по тому, заваривает ли Гайиб чай для себя на кухне или пользуется кипятильником, чтобы не выходить из комнаты.

В тот день Гайиба вообще не было слышно. Профессор осторожно постучался в дверь. Зять появился не сразу. Взлохмаченный, хмурый встал он на пороге и в ответ на обычный вопрос о самочувствии буркнул нечто невразумительное. Юлдуз еще утром уехала на конкурс вокалистов. Она аккомпанировала двум певцам из Каракалпакии, восхищалась их голосами, приглашала накануне за ужином Гайиба и отца послушать их, но Ильдам Джамалович привычно сослался на нездоровье, а Гайиб только хмыкнул в ответ и ткнул вилкой в огулец.

— Бондаренко обращается со срочной просьбой,— сказал профессор и изложил коротко суть, все так же стоя у двери.

Гайиб молчал и не двигался с места.

— Может, ты все-таки пройдешь ко мне? — уже раздраженно спросил Джамалов.— Сядем в кабинете, обсудим все как надо.

Не проронив ни слова, Гайиб последовал за ним, опустил в кресло, закурил, хотя и знал, что Джамалов этого не терпит. Но профессор только морщился, когда дым особенно уж донимал его. Он долго рассказывал, как надо составить характеристику с тем, чтобы она не содержала высоких оценок, но в то же время не помешала Темирджану Юлчиеву занять не ахти какую должность. На протяжении всей этой, как обычно цветистой, речи (даже наедине с зятем профессор не в силах был совладать с собой и увлекался, заражаясь собственным красноречием) Гайиб курил и глядел в пол, вскидывая голову только во время глубоких затажек.

— Садись и пиши,— наконец без обиняков, повелительным тоном произнес Джамалов и указал на машин-

ку,— две-три странички. Не откладывая. Бондаренко не часто обращается к нам с просьбами, а человек он нужный. Что ты молчишь? — не выдержал Ильдам Джамалович.— И прекрати, ради бога, дымить! Мог бы хоть с моим здоровьем почитаться.

— Извините.— Гайиб демонстративно плюнул на кончик сигареты, погасил ее и выбросил за окно.— Я как раз собирался закурить, а тут вы постучались и привели меня к себе.— Он встал у окна.— Писать положительную характеристику на Юлчиева я не стану. Более того, не понимаю, как можете мне советовать это вы? Проявил себя Юлчиев с самой наихудшей стороны. Эксперименты вел спустя рукава. Занимался в колхозе черт знает чем, какими-то колодцами, адырами — чем угодно, но только не своим научным заданием. И все потому, что ему не только наплевать было на наш сорт «ГС», в который мы вложили столько сил и надежд,— он сознательно желал — да-да, именно так! — провала опытов. Он вредитель и склочник. Чего стоит это интервью, которое он дал падкому до сенсаций газетчику! А вы хотите, чтобы я его расхвалил? Не понимаю, Ильдам Джамалович, что понуждает вас? Ведь не может быть, чтобы вы просто так. . .

— Оставь при себе свои домыслы! — вспылил Ильдам Джамалович.

— Но я-то вас, простите, отлично знаю. Зря вы не чихнете.

— Хватит! Недоставало, чтобы ты корил меня. Как ты смеешь?

— Смею,— спокойно парировал Гайиб.— Вы для меня в данной ситуации не папаша, а научный коллега, так сказать. И обсуждаем мы вопросы отнюдь не семейные.

— Ладно, не тяни, Бондаренко ждет.

— Я же сказал: характеристика, которую я мог бы составить,— учтите, вполне объективную,— может способствовать лишь тому, что Юлчиева провалят. И поделом ему!

— Ты раздражен чем-то, Гайиб. Ты зол на весь мир. Что было, то минуло. И сорт «ГС», ты знаешь это, мы сами несколько переоценили. Даже не так: мы попросту поторопились, не стану сейчас напоминать почему, но

все-таки мы поняли: главное было не в сорте этом, а в том, что мы приблизились к открытию загадки госсипола. Ты бросил эту тему, силенок не достало или духа. А зря! Твой преемник сейчас на пороге открытия. Тебе бы упорство Темирджана. . .

— Вот как? Мне его уже и в пример ставят. Что ж, вам и карты в руки, пишите ему похвальные грамоты сами. И вы, и ваша возлюбленная дочь, а с меня — довольно! — Гайиб побледнел, стиснул зубы, словно запер в себе еще какие-то слова, которые рвались с языка. Он пометался по кабинету и вдруг открыл толчком дверь и выскочил, хлопнув створкой.

Профессор даже кулаком по столу стукнул, хотел крикнуть: «Вернись сейчас же, неблагодарный!», но сдержался. Сидел в кресле, пытая от негодования. Подумалось: «А может, и прав Гайиб? Может, следует наказать мальчишку? Сколько страданий доставил он мне, своему наставнику, опекуну, хотя бы тем интервью для газеты, будь оно проклято. . .» Неблагодарно мстить? А с ним, с Джамаловым, все и всегда обходятся и обходились только по-рыцарски? Черта с два! Тот же Темирджан Юлчиев неспроста придерживает до сих пор главный свой козырь против Джамалова — ту самую папку желтенькую. . .

Мысленно Ильдам Джамалович начал набрасывать строки: «Подменил строгий научный подход незрелым максимализмом, что привело к серьезным методологическим заблуждениям. . .» Стоп! Ну, предположим, не утвердят Юлчиева на этой должности. А так ли уж он стремится к ней? Ему вон аспирантуру ускоренную предлагали, и то он отказался.

Ильдам Джамалович придвинул машинку ближе. Аллах праведный, сколько на своем веку сочинил и утвердил он характеристик, похожих одна на другую: «Проявил себя как один из способных молодых ученых. . . В коллективе пользуется авторитетом, в быту устойчив. . . Упорно трудится над повышением своего уровня. . .» Сейчас ни одна из этих фраз не годилась: характеристика на Темирджана Юлчиева отнюдь не была пустой формальностью.

Он с удивлением заметил, что просидел за машинкой несколько часов. С трудом подбирал каждое слово, а когда перечитал, неожиданно ощутил прилив самоува-

жения — чувство, которое он, к слову, давно уже не испытывал.

Размашисто подписался он внизу, указав собственную должность в ту пору, когда у него в лаборатории сотрудничал Темирджан, и нынешний пост, и конечно же все свои титулы и звания. Вошел в столовую, надеясь, что все уже за столом, но увидел четыре прибора, к которым никто не прикасался.

— Ханум! — позвал он Вотти.— Что, Юлдуз еще не приходила?

— Не только она не приходила,— ответила, появляясь в дверях, хмурая Воттихон.— И Гайиб ушел. И чемодан с собой унес свой.

Произнесла она, конечно, «чамадун», но профессор сейчас не обратил на это внимания.

Дверь в комнату молодых была открыта. Он кинулся туда и увидел на столе белый лист.

«Не хотелось отрывать вас от столь важного дела, домла,— было написано рукой Гайиба.— Ухожу пока в аспирантское общежитие. Думаю, не откажут в комнате. Так будет удобней всем. Юлдуз, надеюсь, последует за мной. «Куда иголка, туда и нитка»,— говаривали наши предки. Попробуем жить самостоятельно. Пора. А к вам, если примете, будем приходить в гости».

Рядом в заклеенном конверте лежало письмо для Юлдуз.

Наступил вечер. Пришла наконец Юлдуз. Конечно же сразу прочитала письмо. Профессор то и дело проходил мимо ее двери, но в комнате было тихо, ни всхлипываний, ни стука открываемых ящиков — ничего такого, чего можно было ожидать, и эта тишина привела Ильдама Джамаловича в конце концов в ужас. Он постучался осторожно, спросил, не выйдет ли Юлдуз к столу. Ждал в страшном напряжении, минута показалась часом.

— Сейчас, папа,— ответила Юлдуз. Она вышла в домашнем своем халате, внешне спокойная, только напудренная чрезмерно.— Я вижу, вы, кажется, тоже не обедали сегодня? — И позвала: — Воттихон! Не забудьте, пожалуйста, взять к завтраку сливки. Лучше — в усадьбе возле мостика, там, где корова своя. И вообще договоритесь, чтобы они сами приносили каждое утро по три стакана.

«У порога радости дежурит отчаяние...»

Несчетно повторял этот очень нравящийся ему афоризм Ильдам Джамалович и во время лекций, когда внимали ему первокурсники, покоренные его красноречием и апломбом, и в беседах с аспирантами, которые были измотаны тщетными лабораторными исканиями, и просто к слову, но никогда — применительно к себе, к собственному своему бытию. Теперь, в тяжкие дни, когда он впервые во всей полноте ощутил гнет одиночества, едва ли не ненужности своей никому, мудрое изречение это нет-нет да приходило на ум, однако не утешало, в чем он был уверен, когда обращался к другим, а раздражало, ибо казалось едва ли не издевательским. И потому он суеверно вздрогнул, когда именно в самую беспросветную минуту позвонила Кундуз.

Необъяснимое, но властное побуждение овладело им: немедля к ней, в Караузень или Караузьяк, к шайтану в пасть, в преисподнюю, — на Барса-Кельмес, одним словом.

Однако не таков был Ильдам Джамалович, чтобы даже в этом случае не оправдаться перед самим собой. Разумеется, рассудил он, несколько поостыв, навестить строптивую дочь он обязан, коли она сама об этом попросила. (Ильдам Джамалович сумел как-то пренебречь тем, что беспокоилась Кундуз главным образом о нем.) Но не менее важно и то, что врач настоятельно советовал для поправки именно Аральское взморье, которое отнюдь не значилось в перечне популярных курортов. Однако и это не самое главное. Только нынешним утром, уступив настойчивости аспиранта, который теперь занимался госсиполом, Ильдам Джамалович принял его ненадолго в своем кабинете. Упорный молодой человек — звали его Асилбек Дехканов — все допытывался, какие же особенности наблюдались у тех кустов сорта «ГС», которые заболели вилтом? Были ли эти признаки похожи на те, которые наблюдаются у старых сортов?

Цепкая память Джамалова хранила реплику, которую бросил на одном из горячих заседаний Темирджан: «При желании каждый может взглянуть сам на эти несчастные кусты...»

Разумеется, аспирант Дехканов может списаться с Юлчиевым и тот сообщит, где находятся те злополучные кусты, если только они до сих пор сохранились, что весьма сомнительно, а посему долг научного руководителя велит Ильдаму Джамаловичу, решительно отбросив все неприятное, что встало между ним и Юлчиевым-младшим, лично побеседовать с ним и восстановить подробности, которые могут оказаться чрезвычайно важными. Таким образом Ильдам Джамалович (но лишь во имя ее величества науки!) протягивает прощающую руку Темирджану Юлчиеву.

На этом он прервал рассуждения, которые и ему-то показались не до конца убедительными, но изменять уже принятое решение не хотелось. Он позвонил референту и попросил приобрести на ближайший рейс билет.

Едва профессор отошел от телефона, как в прихожей появилась Воттихон. Она наконец зашла на почту и принесла бандероли, скопившиеся там с прошлой недели. Вотти выгружала пакеты из своей хозяйственной сумки, сетуя по обыкновению на тяжести, которые ей по милости корреспондентов «пропускора» приходится на своем горбу таскать в несусветную ташкентскую жару, что было не совсем верно, поскольку подлинный зной — саратан — еще только предвиделся. Не придавая ее воркотне значения, Джамалов начал доставать из шкафа вещи, которые были необходимы в поездке. Все же он походя взглянул на кипу бандеролей. В глаза сразу бросилось имя отправителя на той, что лежала почти в самом низу: «Юлчиев Т. М.»

Безотчетно волнуясь, Ильдам Джамалович разорвал плотную упаковку. Он увидел желтую папку, на которой уже забытым, казалось, почерком его бывшего коллеги и оппонента было выведено: «Некоторые советы голодностепским мирабам»...

Какое-то время профессор метался туда-сюда, как бы не соображая, что делать с этой роковой и вожделенной папкой. Развязал тугие тесемки в надежде найти письмо или хотя бы записку, обращенную к нему. Ничего похожего там не было. Только кипа машинописных страниц, с перечеркнутыми абзацами, с надписями поверх строк и на полях, сделанными все тем же неразборчивым почерком Мардона Юлчиева. Лихорадочно начал Ильдам Джамалович перелистывать рукопись, на

лету хватая наиболее важные фразы, бормоча что-то про себя. Вотти с трудом вывела его из отрешенности, сообщив, что звонит референт.

Самолет отправляется на рассвете.

Джамалов поспешно сложил рукопись, накрепко завязал папку тесемками и запер ее в самом надежном ящике своего неохватного стола. Нервничая, возился он с замком, изготовленным по его заказу, и, сам того не замечая, твердил все тот же дремучий афоризм, который совсем недавно бесил его: о безнадежности, через которую следует переступить, дабы обрести счастье.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

I

— Наконец ты пришла, Ойслув. . .

— Пришла, Сафармурад, чтобы сказать в последний раз: не мучай себя и меня не терзай. Ты все теперь обо мне знаешь. Мало ли девушек вокруг? Выбирай любую. А обо мне забудь.

— Да оставь ты. Разве для этого звал я тебя?

— Потому и прошу: не зови. Мне и перед людьми неловко. Корят: сбиваю, мол, с толку мальчика.

— Да кто посмел! Ты покажи мне этих старых ворон.

— Ни к чему это, Сафармурад. Правы они. Надкусанному яблоку на дастархане не место.

— Эх, Ойслув. . . Повторяешь вслед за темными бабами такие слова. Ну не плачь ты, не надо. Слышишь? Мне на все пересуды наплевать. Пускай до хрипоты ла-ет тот, кому это нравится.

— Говорят, плохой ты каракалпак, Сафармурад. Гордости от предков не унаследовал.

— Кто это говорит? Ответят они мне за свои гнусные речи! Покажу всем, что я — из кипчакского рода!

— Молва теперь и до ваших краев докатилась.

— Ну и что? Отец и мать меня знают: я на своем поставлю.

— А потом будешь меня всю жизнь попрекать еще и тем, что родители от тебя отвернулись.

— Вот что, кончаем разговоры. Завтра же еду с то-

бой в район. Этот... твой... в бегах. Его судить будут, как поймают. А потому обязаны дать развод.

— Сафар! Подумай-ка ты еще раз хорошенько: кого приведешь с собой?

— Невесту свою приведу. Все!

И опять увидела ненароком Кундуз, направляясь верхом к Сувдошу, как идут они, держась за руки, навстречу рассвету, который розово разгорался над степью.

А в полдень разыскал ее Темирджан. Гнедой его был темен от пота. Она и обрадовалась, увидев Темирджана, и встревожилась: к чему он так гнал? Темирджан улыбался со странной неловкостью.

— Гость у нас, Кундузхон. Из Ташкента.

Она догадалась сразу. Припала лицом к теплой гриве коня. Плечи ее вздрагивали. Темирджан бережно коснулся ее руки:

— Поедем, Кундузхон. Он ждет.

II

Ильдам Джамалович ощущал легкость и на душе и во всем теле, изрядно погрузневшем, особенно в последние годы. Будто тащил на себе долго-долго тяжкую ношу, а вот теперь — с каждым днем, с каждым шагом, с каждой новой вечерней беседой то с Кундуз, то с Темирджаном или с обоими вместе — сбрасывал пуд за пудом с плеч гнетущий груз и обретал окрыляющую радость освобождения.

В воскресенье, ощущая в себе вовсе уж необыкновенный подъем, он сам позвал молодежь пораньше купаться. Преступно жить на берегу и не окунуться в море в благословенный утренний час!

Солнце застыло в чистом небе. В его лучах весело играла легкая рябь. На бескрайнем песчаном пляже группками расположились купальщики. Невдалеке от берега в тени от холма укрылся Даулбай-ата. Он занялся приготовлением шашлыка из свежей рыбы и был убежден, что поразит высокого столичного гостя этим местным кушаньем. Старик помогала стряпать Ойслув.

Темирджан и Ильдам Джамалович полеживали на песке, а Кундуз, укрывшись в камышовых зарослях, переделалась и вышла к ним в купальном костюме. Смуг-

лая, стройная, она невольно бросила взгляд на отца, который заметно выделялся среди загорелых людей белизной давно не обласканной солнцем кожи. Тоном строгого домашнего врача Кундуз произнесла:

— Трижды в день — морские купания и солнечные ванны. Вы поняли, уважаемый профессор?

— Слушаюсь и повинуюсь, — в тон ей откликнулся Ильдам Джамалович, — сейчас и приступим.

Нимало не заботясь о том, какое впечатление производит на окружающих его фигура, он бодро зашагал к воде, однако, едва ступив в прибрежные волны, остановился и смущенно улыбнулся, поглаживая пепельные волосы на груди и зябко передергивая плечами.

— И в этом случае, домла, главное — решительность!

Темирджан взял его под руку и увлек за собой. Вскоре оба они уже плыли наперегонки. Темирджан оторвался довольно далеко. Голова его казалась сейчас профессору мячиком, прыгающим на волнах. Едва ли не молодецкая удаль пробудилась в Джамалове. Он решил непременно доплыть туда, где был сейчас Темирджан, и, к его собственному удивлению, это удалось ему. Весьма гордый собой профессор отважился на озорство: дернул Темирджана за ноги, а сам, забавно и часто взмахивая руками, кинулся в сторону, пытаясь уйти подальше от возмездия. Темирджан, однако, не показывался так долго, что Кундуз, следившая за ними с берега, забеспокоилась и даже начала звать его. Неожиданно Темирджан вынырнул перед самым носом Ильдама Джамаловича. Профессор, не будь плох, выбросился из воды по пояс, плюхнулся на спину и поплыл к берегу.

— Папа устал, не надо гоняться за ним! — крикнула Кундуз.

Темирджан и сам, конечно, понимал это. Он всего лишь делал вид, что преследует профессора, и, щадя самолюбие Ильдама Джамаловича, позволил ему выйти на берег первым. Даже не доходя до места, где Кундуз положила подстилку, Джамалов плюхнулся на песок и, не скрывая удовольствия, начал подгребать его под себя.

Темирджан прилег рядом.

Казалось, никогда прежде не были они в столь дружеских отношениях. О многом они уже успели перегово-

рить. Заново, подробнейшим образом изложил Темирджан на редкость спокойно выслушавшему его Ильдаму Джамаловичу всю историю со своим полевым экспериментом, особенно — о вилте. Вечером он, не поленившись, еще и написал обстоятельно обо всем, что могло интересовать аспиранта Асилбека Дехканова.

— Упорный малый,— сказал о Дехканове Ильдам Джамалович.

В голосе его при этом мелькнуло нечто напоминающее сожаление. Темирджан отнес это к самому профессору, хотя повод у того был иной. Двух тем не желал пока касаться Ильдам Джамалович: орешин, которые крепили на Куйруке (Джамалов видел их и даже руками потрогал для убедительности), и старшей дочери своей, Юлдуз, а следовательно — и Гайба. Ни о нем, ни о Юлдуз Темирджан не смел, разумеется, спрашивать сам. Не решался он спросить и о том, какое впечатление произвели на Джамалова рощи на Барсакельмесе. Впрочем, «рощи» прозвучало бы чересчур громко, но ведь деревья здесь жили вопреки пророчествам всех скептиков, среди которых был и нынешний гость.

Не мог Ильдам Джамалович легко отступить, признать себя в чем-то побежденным. Он и о госсиполе говорил так, будто речь шла всего лишь о продолжении заранее намеченных опытов; среди них были и злосчастные полевые испытания в Андижане, которые,— так получалось теперь, если вслушиваться в округленную, как обычно, речь Ильдама Джамаловича,— должны были дать, несомненно, неутешительные результаты.

Вместе с Темирджаном профессор следил за молодыми людьми, которые неподалеку от них затеяли игру в мяч и вовлекли в свою компанию Кундуз. То вытягиваясь, то красиво изгибая тело в ярком купальнике, отбивала она трудные подачи, которые намеренно посылал ей рослый курчавый парень, кажется, Айтуган — старший брат Ойслув. «Как вытянулся, возмужал мальчишка всего за один год», — подумал Темирджан.

А профессор, никак, задремал на солнышке. У Темирджана это вызвало улыбку, однако Джамалов может вот так и обгореть на солнцепеке: жар усиливался с каждой минутой. Он взял простыню, которую захватил из дому Кундуз, отыскал поблизости палку и соорудил

дил над Джамаловым некое подобие тента. На миг профессор открыл глаза, перевернулся на спину, произнес: «Баракалла¹, сынок» — и вновь смежил веки.

Однако сон ушел от него. Когда профессор закрывал глаза, перед ними плыли радужные круги, а открыв их, он видел лицо Темирджана. Будто впервые. Да как же мог он мысль допускать, будто этот славный, открытый парень таит зло против него! А он до сих пор продолжает казнить Темирджана. И, глядя перед собой, держа обе ладони под затылком, Джамалов заговорил размеренно, будто лекцию с кафедры читал:

— В чем достоинство молодости? В том, что это — пора рождения идей. Они обильны, будто весенний цвет на вишневом дереве. Как же определить, которая из них плодотворна? Тут на помощь молодости приходит старость с ее мудростью и опытом. — И, пренебрегая на сей раз плавным переходом от мысли к мысли, профессор продолжал: — Ты, Темир, несомненно способный и талантливый ученый. В будущем, скажем так. И все же немногого стоил бы ты, не оставь тебе твой отец замечательное наследство. Своими глазами увидел я нынче на Аральском берегу леса, которыми бредил Мардон, когда вдвоем с ним ютились мы на балахане. Да, в ту пору это казалось мне порождением безудержной юношеской фантазии. Так оно и было, пока Мардон не подвел под идею прочный фундамент собственных знаний и опыта. Ты получил все это из рук отца, как бегун — эстафетную палочку. И несешь ее, не скрою, уверенно. Хвала тебе! «Но где же все-таки истина?» — спросишь ты, и я отвечу: это — союз, прочная спайка тех, кто переполнен замыслами, энергичен, непоседлив, и тех, кто многое испытал, познал, понял. К сожалению, у нас с тобой этого не получилось. . .

Так прозвучало объяснение Джамалова со своим бывшим учеником.

— Пока не получилось, — добавил все же Ильдам Джамалович, и тогда Темирджан с неожиданной пылкостью начал разубеждать его:

— Не надо так говорить, домла. Я многим обязан вам. И знаниями, и другим. . . А главное, вы, никто

---

¹ Б а р а к а л л а — Браво, превосходно.

иной, приобщили меня к радиобиологии. Вы видели сеянцы на нашем опытном участке? Они выросли из семян, облученных по методу Айши Арслановой. Я убежден, что радиобиология даст нам необходимые для края мутанты на десятки лет раньше, чем обычная селекция.

— Айша Айшой, но ты и о своей роли не забывай,— заметил Джамалов.— Скромность, как и все прочее, хороша лишь в меру. А что касается сеянцев, то, по-моему, вы заложили неплохое начало. Но только лишь — начало,— он многозначительно поднял палец.— Уже в первый год развития деревьев у вас появится много неясного. Придется еще работать над проблемой и работать. И здесь, и у нас в Ташкенте, а возможно — в головных институтах, в Москве, в Киеве. Там этим занимаются давно и успешно. Ты это знаешь.

Профессор умолк. Вновь охватила его благодатная дремота. И Темирджан тоже закрылся от солнца своей рубашкой. До слуха его, словно сквозь вату, доносились восклицания играющих в мяч. Среди них выделялся ликующий голос Кундуз.

III

Ужас обложенного зверя с каждым днем сильней охватывал Матназара. Он словно чувствовал на шее петлю, и она сжималась все туже. Страх пригнал его и на песчаную косу, вытянувшуюся от окраин Караузения почти до самого селения Чов на восточном берегу. Он добрался сюда еще в темноте и притаился в густых зарослях камышей.

Накануне настырный Глушков и трое добровольцев, вызвавшихся патрулировать вместе с курносым участковым в степи, разыскали-таки очередное лежбище Матназара в плавнях напротив исчезающего островка Тукмакий. Матназар спал, однако вскинулся, едва плоскодонка, подталкиваемая шестом, задела широкими боками стебли густых камышей. Патруль шел точно на него. Очевидно, Глушков еще вчера засек дымок костра и теперь двигался безошибочно к убежищу.

Люто бранясь про себя, Матназар подполз на брюхе к лодке-душегубке, выдолбленной из черного ивового ствола. Он лег на дно лодки и пустил ее вниз по тече-

нию, к Аралу. Всю утварь, не говоря уже о козьей туше (накануне он поймал отбившееся от отары животное и прирезал его), пришлось оставить в шалаше. Он захватил лишь нож, ружье и кресало с фитилем из пакли, которую берег на груди.

Отплыв, как показалось ему, на изрядное расстояние, Матназар решил оглянуться, привстав на коленях. Преследователей он не увидел. Очевидно, Глушков, обманутый тем, что Матназар даже котелок с недоваренным мясом над очажком оставил, решил устроить засаду. «Жди, жди, рыжий дурень!» — Матназар гмыкнул, хотя особой радости не испытывал. Он устал скрываться, вскакивать при каждом шорохе, чувствовать себя затравленным волком, дни которого, как ни крути, сочтены.

В долгие ночные часы приходила мысль и о повинной. Так или иначе — конец, но ведь случается, за убийство дают не «вышку», а всего лишь «червонец». . . Кто знает, может, наймет мать ловкого адвоката (денег она не пожалеет), и тот сумеет повернуть дело так, будто только из-за ревности кинулся Матназар на этого лесника. Пусть кто докажет иное! Тем паче что и на самом деле ослепила окончательно Матназара ярость в ту зимнюю ночь, когда своими ушами услышал он, как прощается этот проклятый с Ойслув, законной женой Матназара, за которую калым был уплачен невиданный во всей степи с давних времен. Какой заботой звенел ее голос: «Куда вы на ночь глядя, Темир-ака?» И потом, что совсем уж доконало Матназара: «Варежки не забудьте!»

Не будь этого, разве кинулся бы Матназар вдогонку за ним на Куйрук, разве всадил бы нож в грудь ему?

Себе-то он не лгал. Знал, были и иные причины для лютой ненависти. Обидой и злобой полыхал Ходжи-ага, а он Матназару — отец названный. Можно ли было простить ему Куйрук, который осквернили вонючей соляровкой, искромсали гусеницами, засадили паршивыми деревцами? А насмешки в клубе над почитаемым во всем Приаралье человеком? А донос в милицию: «Матназар браконьерствует. . .» А надменность, которую Матназар постоянно видел в глазах у этого городского хлыща? «Я — человек, а ты — дикарь степной. . .»

Тсс! На суде одно твердить следует: ревность — и точка!

В промозглый вечер, после того как Матназара неделю кряду трепала жестокая лихорадка, почти в беспмятстве побрел он к селению. Будь что будет, но только бы — к людям. Он добрался до Кийикчашмы и свалился в зарослях. Время для него остановилось. Потом он услышал храп и топот двух коней. Матназар с трудом поднял больную голову. Он готов был закричать, чтоб его подобрала, но всадники приблизились, и Матназару почудилось, будто он по-прежнему в бреду: весело болтая, рядом друг с дружкой ехали девка эта в брюках и ненавистный Темирджан. «Как же так?» — прошептал потрескавшимися, сухими губами Матназар. Как ни был он хвор и слаб, рука потянулась к ножу, однако сил не достало даже для того, чтобы повернуться на бок. Он уронил голову и заскрипел зубами. Как же так? Выходит, он на Куйруке лишь царапнул этого? .. Погнался, дурень, за конем, а следовало по своему обычаю: уж если бить, так до издыхания. . .

Неожиданно нахлынул суеверный ужас: а вдруг этот воскрес? ..

Всадники скрылись, а Матназар, отлежавшись, вечером добрался до курганчи, где обитал козлобородый Джайикбай. Тот испугался до нкоты, но подчинился, побежал за снадобьями к ближнему знахарю, растер ими исхудавшее, но все еще мощное тело Матназара, и тот вскоре почувал, что возвращаются силы, а с ними — жажда: добить, упиться предсмертными хрипами! Все, все — тому. Даже бабы самые лучшие. Мало ему Ойслув (мысль эта каждый раз колола в самое сердце), он и девку эту ташкентскую заарканил, а ведь и она Матназару приглянулась с первых дней.

С Джайикбаем не говорили, пока не вывело Матназара из себя то, что вздрагивал не по-мужски козлобородый, едва у соседей калитка скрипнет.

— Не трясись,— бросил ему из угла Матназар,— уйду я, уйду, не то подштанников баба на тебя не настигается.

Тогда Джайикбай быстро заговорил. Видно, давно все выношено было:

— Живой он остался, так ты же радуйся! Больше пятерки никакой суд тебе не назначит, а поможет аллах

и добрые люди — и того меньше. Вернешься скоро. Забудется все. . .

— Что все? — не сразу, глухо возразил Матназар. — Баба моя, им испачканная, забудется? — вдруг закричал он, и Джайикбай испуганно замахал на него руками, но Матназар не унялся. — Может, скажете, что и я тоже в лесхоз к нему наймусь, прутики хилые втыкать в могилы на Куйруке? А кто шептал мне, что они — святые? Вы! Молчите, праведник вонючий? Вы бы еще велели мне в столовке обедать да зарплату по копейкам возле кассира считать. Нет уж, увольте. Отошел я малость от хворобы — за это спасибо, а жить и поступать, как привык, мне не мешайте.

Вскоре отыскал он своего вороного, оставленного на время в табуне, за которым ходил надежный человек, в тот же день налетел на Сувдош и свалил тучную сайгачиху. Все же судьба повернулась к нему спиной. Будто из-под земли выскочили двое егерей: старый, давно известный ему Байназар, а с ним мальчишка сопливый. Тот едва ли не кинулся за Матназаром вслед. Аллах пожалел скудоумного. Остановился он вовремя.

Однако вскоре появились опять патрули едва ли не на всем Барса-Кельмесе. То и дело натыкался он на них, на их следы. Вновь пришлось бросить коня в табуне, а сам Матназар укрылся в бескрайних плавнях. На лодке-душегубке, украденной у рыбаков, пробирался от лежбища к лежбищу. Он ждал часа, чтоб свершить предначертанное. И нынче, кажется, дождался.

IV

Кундуз и Ойслув купались вдалеке от мужчин: у Ойслув не было купальника. Их возгласы, счастливый визг и смех едва доносились до Темирджана и профессора.

Явно надеясь на похвалу своему поварскому искусству, приблизился к ним Даулбай-ага с двумя шампурами в руке.

— Вот, попробуйте для начала.

— Нет уж, — возразил профессор, — сядем все вместе. Клигни-ка девушек, Темир.

Темирджан ступил в камыши. Он шел не спеша, раздвигая стебли с величайшей опаской, чтоб не наткнуться

незначай на девушек. Голоса смолкли, и он понял, что они вошли в заросли, чтобы переодеться. Он решил, что надо дать знать о своем приближении, позвал их по именам, а затем, скоморошничая, начал напевать изрядно надоевшую всем эстрадную песенку, состоявшую едва ли не из единственного слова:

Кизбола¹, ой, кизбола,
Кизбола, ой, кизбола!..

Он зашел уже довольно далеко, а они все не откликались. Он двинулся вправо. Ему показалось, будто среди бурых стеблей мелькнул красный купальник. Почему же Кундуз не отвечает? И неведомо было Темирджану, что Кундуз уже заметила в чаще заросший черной щетиной жуткий лик и дико горящие глаза Матназара.

Матназар тоже сперва услышал женские голоса. Один из них он различил бы из тысяч. Ойслув что-то весело восклицала, радуясь по-ребячьи купанию. Бесшумно, словно змея, подполз Матназар ближе к берегу. У заводи он увидел обеих. Ойслув барахталась в волнах голышом. Она высоко подпрыгивала, вскидывая руки, окуналась и вскакивала вновь, и тогда Матназар видел ее нежное тело в младенческих ямочках. Густая дурманящая волна желания поднялась в нем, затуманив на миг рассудок. Не раздумывая, кинулся бы он к ней и утащил, однако рядом была Кундуз, и Матназар только замотал отяжелевшей головой и ткнулся лбом во влажный песок. Смотреть на Ойслув, которую он (и никто иной!) первый держал в своих объятиях, и не сметь приблизиться к ней было невыносимо.

Он поднял взгляд, когда Ойслув уже накинула платье, сразу же облепившее ее мокрое тело, а Кундуз шла прямо на него.

Матназар поспешно скатился в ложбинку. Она была полна застоявшейся воды. В нос ударило болотной гнилью. Не в силах преодолеть отвращение, Матназар зажал ладонью нос и рот. Сдавленный звук все же прорвался сквозь стиснутые пальцы. Кундуз замерла и тут же исчезла. Матназар искал ее глазами, но увидел

---

¹ Кизбола — девочка.

красный купальник, когда тот на мгновение мелькнул уже шагах в десяти от него. И тут он услышал голос Темирджана, звавшего девушек, напевавшего дурашливым голосом про какую-то «кизбола». Он тоже шел к Матназару...

«Аллах ведет тебя, джигит,— молвил про себя Матназар.— Подходи, подходи ближе». Матназар вскочил, сделал несколько прыжков и неожиданно почти наскочил на Кундуз:

«Прочь, дура! — едва не прошипел он.— Не ты нужна мне сейчас!»

И тут в прогалине среди осоки во весь рост показался встревоженный Темирджан.

Кундуз тоже увидела его.

— Нет! — отчаянно выкрикнула она.— Нет! — и, раскинув руки, кинулась к Матназару, загоразживая путь.

Он держал нож наготове и поневоле столкнулся с ней. Лезвие вошло в тело, словно в пустоту, и, охваченный не испытанным дотоле ужасом, Матназар вдруг кинулся бежать, сам не зная куда, только подальше бы от этого проклятого места, где, будто деревце, подрубленный хлестким ударом топора, упала девушка.

Он выиграл несколько минут. Темирджан опустился на колени рядом с Кундуз. Широкое, расплывающееся на красном трикотаже пятно показалось Темирджану не кровью, а чем-то зловеще черным. Тут же с воплем подбежала Ойслув. Появились парни, еще недавно игравшие с Кундуз в мяч. Последним подошел разомлевший от тепла профессор Джамалов. Он, единственный, еще не подозревал ни о чем.

V

На взгорке за тугаями паслись колхозные кони. Матназар сразу же выхватил наметанным глазом рослого тонконового текинца и, не раздумывая, вскочил на него, прижался к горячей шее, слившись воедино с конем, и погнал в степь. Перевалить бы через холмы, а там опять сам шайтан не съест его, когда спустится он к старице Дарьи, в заросли, где только нюхом можно найти звериные тропы.

— Чу, отродье поганое, чу! — Матназар скакал, боясь впервые в жизни оглянуться.

Конь и без того будто летел над холмистой желтой степью, легко перемахивая через бугры и ямы, но Матназар не переставал подгонять его, тыча в бок кончиком ножа. Из множества мелких ранок на ходивших ходунном боках коня сочилась густая кровь. Матназар погнался на него напрямик через холмы, и даже двужилый текинец постепенно начал задыхаться. На новом подъеме он споткнулся на обе передние ноги. Матназар невольно ослабил хватку, сполз по мокрому боку коня и плюхнулся на горячую землю.

Инстинкт преследуемого побуждал его подняться тотчас же, но сил не хватало. Матназар катался по колючкам, раздирая на груди рубашку, пропитанную потом. Сквозь стиснутые зубы его вырывалось рычание, он колотил кулаками по сухой глине с застывшими на ней белыми разводами соли. Волосатое лицо его, на котором смешались пот и пыль, стало нечеловечески страшным. Одна лишь мысль по-сумасшедшему вертелась в очумелой голове: «Девку-то зачем пришел? Девку... А хлыщ этот снова топтать по земле будет...»

И Матназар завопил в голос, обращаясь неведомо к кому:

— Я не хотел! Не хотел...

Словно из-под земли донесся до него частый перестук многих копыт. Только тогда поднял он тяжкий взгляд. С холма хорошо было видно всадников. Они скакали со стороны Чова, от той песчаной косы, где он только что убил Кундуз. Они были уже так близко, что Матназар узнал передового. То был Айтуган, старший брат Ойслув. Парень давно уже поклялся отомстить Матназару. Вторым скакал Темирджан. Указывая за холмы, на горизонт, Темирджан что-то кричал.

Матназар усмехнулся. Молокососы, заячьи души... А ну, подъезжайте поближе! Он стоял, сжимая нож, на котором еще не высохла кровь. И тут он увидел другую группу всадников. Они приближались со стороны Дарьи, преграждая Матназару путь в тугаи. Их было четверо. Вышел-таки на него настырный Глушков!

И вновь Матназар стал собран и решителен. К тому же и конь отдохнул малость. Распластавшись на спине, Матназар погнался на север, снова через холмы. Подобной скачки, рассудил он, преследователи не выдержат. Но они решили по-иному. Они стали обходить его

с обеих сторон, оставляя единственное направление — к сердцевине Барса-Кельмеса, к гнилому озеру, заполненному зловонной, просоленной жижей. Уже виднелись перед ним желтые космы испарений, вздымавшихся над гиблым местом, которое не то что люди и звери — гады ползучие обходили стороной. С каждым скачком приближался обезумевший от боли текинец к смердящей чаше. Впереди витал серо-зеленый туман. Запах гнили становился невыносим. Конь заартачился и заржал, словно жалуясь. Преследователи приближались. Матназар уже слышал их голоса.

— Вернись, Матназар! — кричал Глушков. — Впереди дороги все равно нет. Там болото!

Молодой голос произнес в страхе:

— Не пускайте его на Барса-Кельмес!

— Не дури, Матназар! — это опять Глушков.

И голос ненавистного Темирджана:

— Справа заходите, справа!

Услышав его, Матназар вовсе уж нещадно пырнул несчастного текинца в брюхо. Конь взвился, обезумев от боли, и влетел в туман. На некоторое время всадник исчез.

— Вон он, вон! — Айтуган увидел его.

— Стой, тебе сказано! — повелительно выкрикнул Глушков.

В расступающихся космах тумана Матназар и впрямь остановился.

— Ну, кто из вас храбрее? — спросил он хрипло. — Подходите, только не все сразу, — он захохотал, но смех этот походил на стоны. — Что, поджилки трясутся? Щенки шакальи. . .

Всадники встали на взгорье полукольцом, сверху взирая на Матназара.

— Что глаза лупишь, курносый? Сцапай меня, ну! Премию получишь — часы от начальника. Подходи! Кишка тонка? Тогда вот, выкуси. . . — Матназар сделал непристойный жест и толкнул коня вперед.

Дикий хохот взлетел над вскипевшей трясинной, вмиг поглотившей коня и всадника. Потом послышались звуки, напоминающие бульканье котла на очаге.

— Поехали, — хмуро бросил товарищам Глушков, — задохнешься тут.

Они удалялись от проклятого места поспешной

рысью. Только что на глазах у Темирджана погиб тот, кого он готов был душисть, на части рвать, и все же ничего напоминающего торжество победителя Темирджан не испытывал. И на лицах Айтугана, Сафармурада, Глушкова видел он ту же растерянность и подавленность.

— Сдох, как падаль, в болоте вонючем,— проронил кто-то из ребят.

— Сам себя приговорил, сам и исполнил,— поддержал другой.

— Может, помолчим? — раздраженно произнес Глушков.

И все стихли.

Ранним утром первым же самолетом прибыли Юлдуз, Воттихон и Хумайрабану. Ильдам Джамалович, не смыкая глаз, провел всю ночь у тела Кундуз. Он поднялся лишь тогда, когда с надрывным плачем и причитаниями вошли в комнату женщины. Необратимые перемены произошли в профессоре. Он словно сошел с катушек, стал вдруг таким же, как все окружающие. Припал к плечу Юлдуз, будто был младше и слабее, а она, тщетно борясь с рыданиями, шептала ему ничего не значащие слова утешения.

— Если бы не я,— горестно повторял Джамалов,— если бы не я. . .

Хумайрабану и Вотти причитали так, что у всех сердца надрывались. Во дворе собрались группкой самые почтенные мужчины. Был среди них и секретарь райкома Арсланов. Разговор шел о том, следует ли отправлять тело Кундуз в Ташкент, как просил профессор Джамалов. Аксакал в высокой чалме приблизился к нему. Он сказал профессору, что сердце его дочери принадлежит этому краю, избранному ею самой. Здесь она и должна остаться. И сама Кундуз пожелала бы того же.

Джамалов только голову склонил.

Кундуз похоронили на холме Бойкуштепа. Далеко окрест видны были все любимые ею места: зеленая Кийикчашма, полная птичьего гама, сайгачьи тропы, бескрайняя желтая степь, сливающаяся у дрожащего горизонта с голубым небом и синим Аралом.

Подавленный тяжкими событиями, Темирджан поначалу не придавал значения тому, что среди родственников, прибывших на похороны, нет Гайиба. Тот появился лишь на третий день, сразу же отправился на свежую могилу, пригласив в провожатые Даулбая, положил в изголовье, под жестяную табличку, роскошные гладиолусы, привезенные из Ташкента, постоял в молчании минуту, вернулся в поселок и, к удивлению Темирджана, поселился в доме для приезжих. Впрочем, он и пробыл там всего лишь одну ночь. Утром Гайиб исчез, а накануне вечером Темирджан стал невольным свидетелем странной сцены между Гайибом и Юлдуз.

Она не отходила от отца ни на шаг. Арсланов еще в день похорон вызвал из Нукуса врача, тот велел профессору провести несколько дней в постели.

Джамалов и Юлдуз находились в самой большой комнате, которую им уступил Даулбай-ата. Рядом разместились мать и Воттихон. Темирджан засиделся допоздна за невеселыми разговорами с матерью, прерываемыми к тому же бесконечными охами и причитаниями Вотти.

Он вышел на террасу и поневоле услышал, как Юлдуз произнесла решительно и строго:

— Нет! Ни в коем случае не смейте даже на глаза показываться ему.

Загудел и низкий голос Гайиба. Он что-то возразил.

— Вы что, хотите окончательно убить его? — спросила возмущенно Юлдуз.

Темирджан поспешно отступил и потихоньку толкнул дверь назад, но прежде до него все-таки опять донеслась словно бы вымученная, путаная речь Гайиба, который не то просил у Юлдуз прощения за что-то, не то угрожал ей какими-то грядущими неприятностями.

— И вы нашли сейчас время для подобного разговора? Считайте, что он — последний между нами! — теперь уже откровенно неприязненно произнесла Юлдуз.

Хлопнула дверь, и Темирджан невольно отступил в комнату, откуда только что вышел. Ему было неловко из-за того, что он оказался в роли подслушивающего, но в то же время, хотел он или не хотел, сердце вздрогнуло от догадки: неужто она порвала с Гайибом? Продол-

жать слушать он не мог — это было бы сейчас кошунственным.

— Ты почему вернулся, Темир? — спросила из своего угла Хумайрабану. — Забыл что-то? Зажги свет.

Он соображал на ходу, чем бы оправдать свое возвращение.

— Да, да, мама. Где-то вьдесь я авторучку оставил. Да ладно! Найду ее утром. Спите. Спокойной ночи.

Но и мать удивила его тоже.

Сидя сам за рулем, заехал он на лесхозовской машине за нею и тетушкой Воттихон, чтобы отвезти обеих к самолету. Рейс был дополнительный, и потому Темирджана даже рассердило то, что мать, в отличие от Воттихон, которая уже сидела на ступенях террасы, обнимая обеими руками свой обширный «чамадун», еще даже не собралась.

— Мы можем опоздать, мама, — с некоторым неудовольствием напомнил Темирджан. — Самолет вылетает через час, а нам еще добираться до аэродрома минут тридцать.

— Я пока останусь, — тихо произнесла Хумайрабану, не глядя на него.

Он оторопел на миг.

— Что значит — пока?

— Ты что, недоволен? — спросила Хумайрабану. — Надеюсь, не выгонишь мать?

Темирджан догадался.

— Мама, поймите, все это — глупости, простите вы меня за грубое слово. Не на каждом шагу здесь убийцы. Такие нелюди, как Матназар, могут где угодно встретиться. И потом, что же: вы будете ходить вместе со мной по степи, по лесопосадкам, оберегать меня?

Она молчала, и тогда он привел самый, казалось бы, веский для нее довод:

— А дом? А сад?

Он хорошо знал, как много значила для нее каждая пиала на посудной горке и каждый куст роз, посаженный еще отцом.

Но оказалось, Хумайрабану все обдумала и оговорила.

— За домом будет приглядывать Воттихон, — сообщила она как о давно решенном.

Вотти при этих словах вскочила, прижала руки к

сердцу и посыпала, обращаясь то к Темирджану, то к Хумайрабану, страстными заверениями в том, что, пока она жива, даже мышь рисинки не утащит из дома, который и для нее — не чужой.

— А за усадьбой будет ухаживать сосед наш, Эргашвай,— продолжала Хумайрабану.— Небескорыстно, конечно, пусть пользуется урожаем. Я уже и письмо ему написала.

Тут Воттихон с силой хлопнула себя по груди, свидетельствуя, что письмо здесь, у нее, и намекнула все же, не удержавшись, что отдавать весь виноград и фрукты Эргашваю чересчур жирно. Надо бы определить ему плату, рублей, скажем, пятьдесят в месяц... Но Хумайрабану остановила ее излияния, хотя о жадности Эргашвая была и сама осведомлена немало.

— Незачем тебе опасаться, Темир,— продолжала Хумайрабану, обращаясь к сыну,— по пятам ходить за тобой я не стану. Но и я извелась одна, ты здесь один...

Темирджан и сам почувствовал комок, подступающий к горлу.

— Поехали, Вотти-ханум! — Он почти бегом направился к машине.— Времени у нас осталось в обрез.

А в понедельник провожали Ильдама Джамаловича и Юлдуз. Профессор был слишком убит горем, не общался ни с кем, но все-таки, уже направившись к лесенке, которую приставили к пузатенькому двукрылому самолету, обернулся и сказал Темирджану:

— Вот у тебя выкристаллизовалось твое: радиобиология и леса. Нужна теория. Понадобится база, источники. Я всегда помогу. Приезжай.

Невольно отметил Темирджан, что даже сейчас остается профессор верен своей натуре: «Выкристаллизовалось...» Однако он зовет его. Недвусмысленно.

Юлдуз была тоже печальна, но, выглянув в приоткрытую дверь самолета, едва заметно прижала к губам пальцы, когда Темирджан поймал ее взгляд.

Подчиняясь непонятному побуждению, Темирджан, как только самолет растаял в небе над Дарьей, вернулся домой, оседлал гнедого и направился к холму Бойкуштепа. Он ехал напрямик, через Қийикчашму. Пере-

брался через поваленные ивы — весенний паводок подточил их корни, и они упали, переплетаясь кронами, — выбрался на заливной луг, где трава была всегда свежа и то и дело попадались цветочные поляны, усеянные колокольчиками: светло-розовыми, сизыми, голубыми. Держа гнедого под уздцы, Темирджан набрал охапку этих робких, растущих только здесь, на влажной низине, цветов. От них пахло сыростью, они были трогательно слабы и нежны.

Он привез их к могиле Кундуз. Пышные цветы, которыми была она устлана, не успели увянуть. На розах, оставленных накануне вечером профессором Джамаловым и Юлдуз, хранились капли воды. Темирджан рассыпал свои цветы у подножия могилы.

Все еще не верилось, что под этим бугорком лежит девушка, которая недавно, счастливо смеясь, играла в мяч, купалась, скакала по степи на коне, охраняя от недобрых сил все, что живет и цветет. «Понесло меня в тугай звать их. . . — подумалось с горькой досадой снова, но тут же Темирджан прервал себя: — Что уж теперь? Все — напрасно. . .»

VII

Месяц спустя начались новые посадки. Впервые пересаживали в открытый грунт сеянцы из семян, обработанных радиоактивными лучами. Пока на небольшом опытном участке; основные площади заняли саженцы, присланные, как и пообещал в Ташкенте Бондаренко, из Арсланбоба и Шредеровского института. Наученный опытом прошлой осени, Темирджан не покидал ни на час обширный массив, где шли работы. Дневал и ночевал там, к великому огорчению Хумайрабану. Нередко она понапрасну ждала его к ужину, а затем — хоть к чаю, к которому пекла свежие лепешки. Он являлся неожиданно-негаданно — на рассвете, едва успевал помыться и засыпал каменным сном. «Мучаешь ты себя, изводишь работой», — хотелось не раз сказать ему, но мать понимала: суть не только в рвении, унаследованном от ее Мардона. Работа была сейчас единственным спасением от тоски, которая и теперь еще наваливалась на Темирджана, и тогда он стонал и метался во сне.

Уже пламенели кроны карагачей, Арал дышал влаж-

ными холодными туманами, когда Темирджана вызвали телеграммой в Ташкент на большое совещание по радиобиологии. В нем участвовали советские и зарубежные светила. Было указано в программе и короткое сообщение, с которым должна была выступить на одном из семинаров Айша Арсланова. Темирджану отводилась всего лишь роль слушателя, но на большее он и не рассчитывал.

Перед отъездом явился Таджитдин со своей уже привычной заботой: не останется ли на этот раз Темирджан в Ташкенте навсегда? Прямо Таджитдин не говорил о том, что его точило, предпочитал пошучивать:

— Учти, у нас теперь останется в залог Хумайрабану...

Темирджан, однако, дал понять, что обсуждать эту тему вновь не намерен, тем паче — шутить по поводу того, не упускает ли он опять свой жизненный шанс? Не хотелось произносить слова, казавшиеся чужими и красивыми, о том, что возврата и вправду нет, пока, по крайней мере, не встанут прочно леса хотя бы на Куйруке.

Ехали вдвоем в своем, как они называли его, вездеходе. Темирджан — за рулем. С удовольствием ощущал, как послушна его воле сильная машина. Как всегда, когда уезжаешь, даже ненадолго, чувство возникало такое, будто позади остается все прошлое. Невольно увидел себя вновь на андижанском поле у подножия выгоревших адыров; мечется с истлевшей от вилта коробочкой хлопка в руке, не зная, то ли сообщить об этом Джамалову, то ли нет... И стучится в темноте в окошко к корреспонденту. А потом — Барса-Кельмес, муки с добыванием саженцев, с неопытными рабочими; Матназар проклятый... И голос Бондаренко, вот уж впрямь — доброжелательный: «Через год вы — кандидат наук... Дадим должность...»

Юлдуз в тесной от вещей, душной квартире подруги. «Есть выход, Темир...» Теперь и он видел — есть. Джамалов, даже в печали своей, вспомнил о нем. «Вот и выкристаллизовалось твое...»

И мать. Она теперь рядом, словно молчаливый укор: «Могли бы не ютиться в хибарке этой караузеньской — жить по-людски в своем родном доме...»

Как же оно близко сейчас, все то, что неспроста называется счастьем.

Колеса пережалили через бугорок и хотели было покатиться вправо и вниз по едва заметному гладкому склону, но Темирджан неуловимым со стороны движением вернул их на дорогу.

Миновали окраину Караузенья. Машина легко катилась вдоль молодых посадок. Деревца уже наполовину сбросили листву, рощицы стали прозрачны, были насквозь просвечены ярким солнцем. Мотор рокотал незлобиво и ровно, и поэтому Темирджан расслышал песенку, доносившуюся из рощи.

И незатейливая мелодия, и голос, все еще по-детски звонкий, были хорошо знакомы:

А дерево зеленое шумит, шумит листвой.

А кто в тени там прячется? Наверно, милый мой... ,

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга первая. Совесть и честь	5
Книга вторая. Барса-Кельмес	213
Книга третья. Кундуз	409

ДЖОНРИД АБДУЛЛАХАНОВ

БАРСА-КЕЛЬМЕС

М., «Советский писатель», 1981 г. 528 стр.

План выпуска 1981 г. № 235

Редактор Э. О. Амитов

Худож. редактор Е. Ф. Капустин

Техн. редактор Л. П. Полякова

Корректор Т. С. Хорыкина

ИБ № 2357

Сдано в набор 31.07.80. Подписано к печати 18.05.81. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 27,72. Уч.-изд. л. 28,37. Тираж 30 000 экз. Заказ № 1956. Цена 1 р. 90 к.

Издательство «Советский писатель». 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3.